

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2023

№ 83

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирышин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекебай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич**, канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрялов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович**, д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд); **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
«JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY»**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
«JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY»**

Zinoviev Vasilii P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Fedosov Egor A.**, Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Головинов А.В., Должиков В.А. Проблема гуманизации отечественной пенитенциарной системы в политико-правовом идейном наследии сибирских областников	5
Гумерова Ж.А., Кутакова О.А. Роль исторической специфики в современном процессе благоустройства городского пространства Кузбасса	14
Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Материалы второй ясачной комиссии как источник изучения этнической составляющей налоговой политики империи в Сибири в XIX – начале XX в.	22
Дунбинский И.А. Деятельность Строительного комитета по найму рабочей силы для возведения зданий Сибирского университета в Томске	27
Крестьянников Е.А., Шайхутдинова Д.В. Новониколаевск в борьбе за право на окружной суд во втором десятилетии XX в.	33
Кудряшев В.Н. «Польский вопрос» в Российской социалистической публицистике 1860–1890-х гг.	42
Малая Е.К. «Машины времени» и их поломки: материальность советских и американских «капсул времени»	49
Науменко О.Н., Науменко Е.А. Теория ненасильственных революций Дж. Шарпа и методы психологической борьбы политкаторжан в Тобольском тюремном замке: к вопросу о политическом плагиате	60
Путилин М.С. Сюжет о царе-старце как специфика провинциальной славянской ментальности в период модернизационного перехода	66

Golovinov A.V., Dolzhikov V.A. The problem of humanization of the domestic penitentiary system in the political and legal ideological heritage of the Siberian regionals	5
Gumerova Zh.A., Kutakova O.A. The role of historic specifics in a modern process of urban space improvement in Kuzbass	14
Dameshek L.M., Dameshek I.L. Materials of the second yasak commission as a source of research on the ethnic component of the Empire's tax policy in Siberia during 19th and early 20th centuries	22
Dunbinskiy I.A. Activities of the Building committee for purchasing building materials to establish buildings of the Siberian University in Tomsk	27
Krestiannikov E.A., Shaikhutdinova D.V. Novonikolaevsk in the struggle for the right to a district court in the second decade of the 20 century	33
Kudriashev V.N. "Polish question" in the Russian socialist journalism of the 1860s–1890s	42
Malaia E.K. "Time machines" and their breakdowns: the materiality of Soviet and American "time capsules"	49
Naumenko O.N., Naumenko E.A. The G. Sharp's theory of non-violent revolution, and the methods of psychological struggle of political prisoners in the Tobolsk prison castle: on the issue of political plagiarism	60
Putilin M.S. The story of the Staret Tsar as a specificity of the provincial Slavic mentality in the period of modernization transition	66

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙPROBLEMS OF WORLD HISTORY
AND INTERNATIONAL RELATION

Ауанасова А.М., Нурпеисов Е.К. История участия политических партий в избирательных кампаниях Казахстана XX столетия	72
Вячистая А.В. Расовые протесты в Ноттинг-Хилле и Ноттингеме 1958 г. в контексте развития правых сил Великобритании	79
Зуенко И.Ю. Эволюция центр-региональных отношений в Китае: от децентрализации к рецентрализации	87
Мендикулова Г.М., Надежук Е.А., Акатаева А.А., Тумабаев Т.С. Архивные документы об участии казахов во Второй мировой войне в Италии	96
Нелюбин П.Г., Чернышов Ю.Г. Этнорелигиозные стереотипы и отношение к христианам в Японии в XVI–XIX вв.	106
Праздников А.Г. Джентри Англии в Войнах Роз: социальный состав активных участников конфликта	112
Срек К.Н. Репрезентация образа А. Гитлера в современном западном массовом кинематографе (2002–2019 гг.)	119

Auanasova A.M., Nurpeisov E.K. History of participation of political parties in election campaigns of Kazakhstan of the XX century	72
Vyachistaya A.V. Racial protests in Notting Hill and Nottingham in 1958 in the context of the development of the right-wing forces of Great Britain	79
Zuenko I.Yu. Evolution of Center-regional relations in China: from decentralization to recentralization	87
Mendikulova G.M., Nadezhuk E.A., Akatayeva A.A., Tumabaev T.S. Archival documents on the participation of Kazakhs in the World War II in Italy	96
Nelyubin P.G., Chernyshov Yu.G. Ethno-religious stereotypes and attitudes towards Christians in Japan in the 16th–19th centuries	106
Prazdnikov A.G. English Gentry in the Wars of the Roses: the Social Structure of the Participations	112
Srek K.N. Representation of the image of A. Hitler in modern Western mass cinema (2002–2019)	119

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯPROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY,
SOURCE STUDIES AND METHODS
OF HISTORICAL RESEARCH

Гаман Л.А. Россия и Европа: на пересечении диалога и конфликта (взгляд Ф.А. Степуна)	127
Малинов А.В., Долгова Е.А. Научная работа в области исторических повторений (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук»)	133
Худолеев А.Н. В.Г. Васильевский и Д.И. Иловайский: история одной научной дискуссии	147

Gaman L.A. Russia and Europe: at the Crossroads of Dialogue and Conflict (view of F.A. Stepun)	127
Malinov A.V., Dolgova E.A. How does history repeat itself? (based on the materials of Nikolay I. Kareev's manuscript "General Methodology of the Humanities")	133
Khudoleev A.N. V.G. Vasilevsky and D.I. Ilovaisky: the history of a scientific discussion	147

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Акмолинской области по данным переписи 1897 г.	152
Сметанин Ф.А., Тимошкин Д.О., Иванов К.А., Брязгина Д.Е. Ищу квартиру, работу, шамана: социальные медиа как механизм структурной адаптации внутренних мигрантов в Сибири	157
Шамшурин А.А. Социально-исторический анализ одежды древнерусского общества XI–XIII вв.: границы предметного поля исследования	167
Шерстова Л.И. Тюркский этнический компонент в составе русских Южной Сибири (XVII–XX вв.)	176

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Синельникова Е.Ф., Соболев В.С. Роль Академии наук в развитии образования и науки в провинции в первые годы советской власти	183

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Погорельская А.М., Кобзева О.П. Иностранные вузы на рынке высшего образования Узбекистана	191

РЕЦЕНЗИИ

Запорожченко Г.Н. Воспоминания известных ученых как исторический источник. Рецензия: Черемисина М.И. Мои воспоминания / ред.-сост. А.А. Озонова, Е.В. Шиплюк; Рос. акад. наук, Сиб. отд.-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: СО РАН, 2020. 493 с.	199
Ларьков Н.С. Новая книга о Гражданской войне в России. Рецензия: Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года) / науч. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Владимир Даль, 2021. 813 с.	205

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Zinoviev V.P. Interethnic division of labor in the Akmolinsk region according to the census of 1897	152
Smetanin F.A., Timoshkin D.O., Ivanov K.A., Bryazgina D.E. Looking for an apartment, a job, a shaman: social media as the structural adaptation of the internal migrants in Siberia	157
Shamshurin A.A. Socio-historical analysis of the clothing of the Ancient Russian society of the 11th–13th centuries: the boundaries of the subject field of research	167
Sherstova L.I. Turkic Ethnic Component in South Siberia Russian Population (17th–20th centuries)	176

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Sinelnikova E.F., Sobolev V.S. The role of the Academy of Science to the development of education and science in Russian province in the first years of Soviet power	183

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Pogorelskaya A.M., Kobzeva O.P. Foreign universities at the higher education market of Uzbekistan	191

BOOK REVIEW

Zaporozhchenko G.M. Memoirs of famous scientists as a historical source. Review: Cheremisina M.I. My memoirs / ed.-comp. A.A. Ozonova, E.V. Shplyuk; Russian Academy of Sciences, Sib. department, Institute of Philology. Novosibirsk: SB RAS, 2020. 493 p.	199
Larkov N.S. The New Book about the Civil War in Russia. Review: Puchenkov A.S. The First Year of the Volunteer Army: From the Emergence of the Alekseev's Organization to the forming of the Armed Forces of South Russia (November, 1917 – December, 1918) / academic editor N.N. Smirnov. SPb.: Vladimir Dal, 2021. 813 p.	205

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 930.1

doi: 10.17223/19988613/83/1

Проблема гуманизации отечественной пенитенциарной системы в политико-правовом идейном наследии сибирских областников

Александр Викторович Головинов¹, Вячеслав Александрович Должиков²

^{1,2} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ alex-golovinov@mail.ru

² dolshikov@yandex.ru

Аннотация. Реконструируется гуманитарное содержание пенитенциарных идей основоположников сибирского областничества. С опорой на методологический инструментарий научной герменевтики предпринимается попытка раскрыть идеал нравственного отношения к преступникам и воспитательного значения коллективистского уклада жизни тюремной общины в многогранном политико-правовом наследии Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Подчеркивается, что лидерами движения сибирских областников были разработаны и оформлены концептуально гуманистические доктринальные положения о сущностной природе феномена исправительного наказания.

Ключевые слова: Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, пенитенциарная наука, тюремное ведение, наказание, сибирское областничество, ссылка, тюремная община

Для цитирования: Головинов А.В., Должиков В.А. Проблема гуманизации отечественной пенитенциарной системы в политико-правовом идейном наследии сибирских областников // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 5–13. doi: 10.17223/19988613/83/1

Original article

The problem of humanization of the domestic penitentiary system in the political and legal ideological heritage of the Siberian regionals

Alexander V. Golovinov¹, Vyacheslav A. Dolzhikov²

^{1,2} Altai State University, Barnaul, Russian Federation

¹ alex-golovinov@mail.ru

² dolshikov@yandex.ru

Abstract. The main object of analysis in this article is the political and legal views of the ideologists of the Siberian regionalism on the humanistic essence of correctional punishment. The purpose of the study is to reconstruct and appreciate the little-studied penitentiary ideas of N.M. Yadrintsev.

Guided by the methodological tools of historical and legal research and applying the methods of scientific hermeneutics, the authors reveal the views of the Siberian regionalists on the social nature of punishment in the process of rehabilitation of criminals, that are not always made explicit. That is why, first of all, the humanistic component is emphasized in the penitentiary ideological heritage of Yadrintsev.

Research plans are consistently implemented by referring to published publicistic books and articles by N.M. Yadrintsev. The work also involves sources of personal origin, including letters and memoirs of Siberian regionals. Of particular value are unpublished archival materials stored in the Department of Manuscripts and Book Monuments of the Scientific Library of Tomsk State University. Some of these documents are being introduced into scientific circulation for the first time, supplementing the source base of such areas of knowledge as the history of political and legal doctrines and the history of the state and law of Russia.

The authors determined that the founders of the political and legal doctrine of the Siberian regionalism in the second half of the 19th and early 20th centuries made a significant contribution to the study of the phenomenon of punishment, as well as to the development of a social and humanistic model of prison rehabilitation of criminals and the reform of the penitentiary system that existed in the Russian Empire.

The article emphasizes that the ideologists of Siberian regionalism considered the humiliation of the individual through the disproportionate punishment as an absolutely immoral and inhumane practice. The authors of the article believe that the ideal of a moral attitude towards criminals in the philosophical and legal doctrine of N.M. Yadrintsev about corrective punishment was mainly the result of the creative development of the literary heritage of I. Bentham and G. Spencer. The ideas of his social doctrine on the principles of morality, on the role of the prison community in the process of pedagogical re-education of criminals, on the abolition of hard labor exile as a form of punishment were generally formed on the basis of advanced foreign and domestic theoretical concepts.

The authors also tried to show the direct involvement of N.M. Yadrintsev to the attempts of the central and regional imperial administration to implement prison reforms in the 1870s-1880s. The work reveals his numerous contacts and exchange of ideas during his collaboration with prominent academic lawyers: V.A. Sollogub and I.Ya. Foinitsky. All this makes it possible to establish the personal political and legal contribution of the ideologist of the Siberian regionalism to the penitentiary science in pre-revolutionary Russia.

Keywords: N.M. Yadrintsev, G.N. Potanin, penitentiary science, prison science, punishment, Siberian regionalism, exile, prison community

For citation: Golovinov, A.V., Dolzhikov, V.A. (2023) The problem of humanization of the domestic penitentiary system in the political and legal ideological heritage of the Siberian regionals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 5–13. doi: 10.17223/19988613/83/1

В условиях совершенствования отечественной уголовно-исполнительной политики и организации исполнения наказаний для дальнейшего развития пенитенциарной системы современной России особенно важно реконструировать и использовать доктринальные теоретические разработки выдающихся представителей отечественной правовой мысли. Что касается отечественной истории учений о праве и государстве второй половины XIX – начала XX в., то ключевые концепции, которые относятся к сфере исполнения наказания, изучены в общем основательно. Тем не менее по целому ряду причин без должного внимания со стороны исследователей остается реформаторская политико-правовая доктрина, разработанная лидерами движения сибирских областников – Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным. Написанные ими работы по данной теме изобилуют примерами теоретико-философского осмысления самой сущности наказания и нравственного перевоспитания осужденных, аргументами и основаниями в пользу отмены уголовной ссылки в Сибирь, а также содержат глубокий системный анализ практики функционирования тюремных сообществ того времени. Следует особо выделить пенитенциарные взгляды Н.М. Ядринцева, посвятившего «тюремному вопросу» свыше десяти больших и малых публикаций. Заметим, что в современной научной и учебной литературе в области уголовно-исполнительного права при описании истории пенитенциарных учреждений и анализе взглядов тюремоведов дореволюционной России упоминается и о персональном вкладе Николая Михайловича Ядринцева в борьбу за отмену каторжной ссылки в Сибирь [1. С. 162]. В похожем контексте наследие выдающегося сибирского патриота рассматривается в историко-юридических исследованиях С.В. Кодана [2], И.В. Упорова [3], В.Б. Лебедева и Е.В. Степановой [4], С.А. Кутякина [5] и В.В. Казаченка [6], которые ссылаются на его публикации по этой теме.

Что же касается собственно истории движения областников и различных аспектов публицистического наследия классиков сибирского регионализма в целом, то данная проблематика широко представлена в работах таких авторитетных сибирских историков, как

В.П. Зиновьев [7], Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек [8], И.В. Нам [9], С.В. Некрылов [10], М.В. Шиловский [11] и др.

В современной зарубежной историографии областничества наибольший интерес к этой теме проявляют англоязычные исследователи. Среди них можно выделить Э. Джонсона [12] и Д. Рейнбоу [13], в работах которых рассматривается практическая реализация областнического проекта по развитию регионов Сибири.

Однако специальных работ, посвященных реконструкции всего комплекса пенитенциарных идей основателей сибирского регионализма, до сих пор нет. Цель настоящей работы как раз и состоит в том, чтобы восполнить имеющийся пробел в историографии данного вопроса.

Методологической основой нашего исследования выступают положения материалистической диалектики, связанные с использованием принципов историзма, объективности и всесторонности. Осуществление исследовательского замысла считаем возможным посредством использования инструментария герменевтики, а также историко-правового метода, которые взаимно дополняют друг друга и в целом позволяют более объективно рассмотреть концептуальные взгляды идеологов сибирского областничества на процесс реформирования и гуманизации уголовного наказания в рамках существовавшей тогда имперской политической системы.

Имя Николая Михайловича Ядринцева в юридической науке дореволюционной России приобрело известность благодаря эвристической ценности и практической значимости его первой большой книги «Русская община в тюрьме и ссылке» (СПб., 1872). Эта работа была написана с привлечением данных статистики, с учетом драматического личного опыта как арестанта, так и политического ссыльного. Накопленные материалы использовались автором в сочетании с глубокой проработкой доктринальных основ отечественного тюремоведения и всесторонним анализом правоприменительной практики зарубежных уголовно-исполнительных систем того времени. Поэтому и в наши дни такое исследование может представлять определенный научный

интерес. «Книга эта, – по отзыву видного ученого-социолога и общественного деятеля С.Н. Южакова, – первый крупный литературный труд, сделавший Ядринцеву имя и причисливший его к авторитетам по русскому тюремоведению» [14. С. 67]. Такая характеристика этого поистине выдающегося вклада в отечественную пенитенциарную науку представителем идейно близкого к областникам либерально-народнического направления русской мысли свидетельствует о значительном резонансе, который данная публикация вызвала в широких кругах демократической общественности.

Как и большинство народников, Н.М. Ядринцев всегда, если судить по текстологическому содержанию его публикаций, выступал сторонником традиционного для страны института общины. Три года, проведенных им непосредственно в тюремном заключении, подтверждали гипотезу идеологов народничества и областничества о перспективности нравственно-психологического и педагогического потенциала общинных традиций. Как отмечает А.Г. Кандеева, сибирские областники уделяли пристальное внимание общине, в том числе и тюремной, как традиционному историческому явлению народной жизни [15. С. 217]. «Какое громадное, воспитательное значение для человека, – замечал идеолог областничества, – может иметь община, каково ее влияние на управление личностью, я сослался на опыт русской тюремной общины, на историю ассоциаций, на историю всего человечества. Обдумав практические формы, в каких должна выразиться подобная система, я пришел к выводу, что создал новую исправительную систему» [16. С. 14].

Характерно, что гуманистические социальные идеалы областничества мало чем отличались от социологических взглядов теоретиков народничества. «Во второй половине XIX столетия у русской интеллигенции, – отмечают современные исследователи, – складывается определенное ядро ценностных и мировоззренческих ориентаций, объективно работающих на народническую парадигму» [17. С. 87].

По верному замечанию В.Д. Жукоцкого и Ф.П. Фурмана, «именно в эти моменты истории культуры актуализируется народнический дискурс. Можно сказать, что он присутствует во всех национальных культурах как способ консолидации нации перед необходимостью снятия сословных различий, установления единого правового пространства для всех слоев общества. Таково в основе своей творчество Виктора Гюго, Оноре де Бальзака, Чарльза Диккенса, Джека Лондона и многих других литераторов. Народническая тема захватывает все виды духовной культуры» [18. С. 174]. Сибирское областничество не являлось в этом смысле исключением из общего правила. Как идеологию, на наш взгляд, его следовало бы рассматривать (не больше, но и не меньше) всего лишь в качестве региональной вариации классического русского народничества [19].

Во время своего вынужденного трехлетнего «хождения в народ» Н.М. Ядринцева вдохновляли наблюдения за повседневной жизнью заключенных Омского острога, стимулируя у него размышления о природе традиционной общины как уникальной коллективист-

ской формы совместного проживания. «Путем долгой и опасной борьбы, – замечал недавний узник тюремного мира, – сложилась арестантская община и сформировала условия, нравы и обычаи своей жизни. Она установила отношения между членами общества, гарантирующие как права отдельной личности, так и управление общественными делами... Творцом ее был русский простолудин» [20. С. 188]. В духе позитивистской философии права вслед за Г. Спенсером Ядринцев полагал, что положительное перевоспитывающее влияние на личность преступника оказывает уже сам факт пребывания в социально самоорганизующемся коллективе. «Задача состоит в том, – считал защитник интересов Сибири, – чтобы создать педагогически исправительную общину, в которой применят основы социальной жизни, долженствующей воспитать в человеке лучшие чувства благожелания и общего интереса. О таком воспитательном влиянии социальной жизни, – продолжал он, – я нашел подтверждение в трактатах Спенсера» [16. С. 14].

Именно в условиях изоляции от общества во время трехлетнего тюремного заключения в Омском остроге (1865–1868) сформировалось гуманистическое мировоззрение будущего идеолога сибирского областничества. «Строгость наказания, – был убежден Н.М. Ядринцев, – способствовала разрыву с обществом и огрубляла человека. Все бродяги и ссыльные смотрят на наказание стоически и считают его неизбежным спутником жизни...» [20. С. 466]. Оказавшись среди заключенных, Ядринцев живо общался с некоторыми из них. «В тюрьме и на гауптвахтах мы сокращали дни заключения занятиями... Наконец, в тюрьме я занялся этнографическими работами и собрал материал о ссыльных и бродягах, – вспоминал он, – для книги “Русская община в тюрьме и ссылке”. В тюрьме мы учились и много читали...» [20. С. 70].

Если обратиться к содержанию главы «Тюремные жители» вышеназванной книги, то становится ясно, что, оказавшись в неволе, Ядринцев в течение трех лет тщательно изучал и анализировал личностные свойства наиболее интересных типажей преступного мира. «Такие характеры, – описывал автор книги словесный портрет узника по прозвищу Николашка, – между каторжными не редкость. Необыкновенная страстность придает им страшную живучесть. Эту натуру, жилистую, сухую, не могли сокрушить никакими палками, но зато Николашка совершенно покорялся при мирных занятиях и когда его не тревожили» [20. С. 253]. Опираясь на опыт своих тюремных наблюдений, Ядринцев акцентировал идею нравственного фактора в процессе исправления и перевоспитания преступных элементов, тем более что в составе большой семьи сибирских арестантов оказывались люди разного этнического и профессионального происхождения, грамотные и совсем неграмотные.

В условиях тюремной изоляции лидер областнического движения разработал собственную гуманистическую концепцию социально-педагогического перевоспитания личностей с уголовными наклонностями. «Задача эта, – поясняет Ядринцев, – без сомнения, нелегкая и недостижимая в настоящее время: сделать из преступ-

ника полноценного человека, высоконравственного и добродетельного...» [20. С. 706]. Размышления о сущности и природе наказания вообще были довольно типичными для общественно-интеллектуальной жизни в России периода «оттепели» и «великих реформ». Как верно замечают современные авторы, уже в XIX в. зарубежные и российские ученые юристы (наряду со знаменитыми писателями-романистами) активно обсуждали злободневный вопрос о соразмерности наказания и преступления [21. С. 203].

За годы омского заточения помимо работы со статистическими данными и архивными документами Н.М. Ядринцев детально изучил зарубежные и отечественные доктрины тюрьмоведов того времени. «Ввиду несостоятельности этого наказания (имеется в виду ссылка. – *А.Г., В.Д.*), – констатирует он, – замена его исправлением требуется всей пенитенциарной школой – Токвилем, Бентамом, Шарлем, Беранже и др.». Судя по всему, этот концептуальный вывод западных авторов Ядринцев поддерживал и разделял. «Согласно последним исследованиям и беспристрастным отзывам многих юристов, – резюмировал он, – ссылка страдает следующими недостатками: 1) она составляет первобытный способ избавиться от преступника; 2) она не исправительна сама по себе; 3) она неравномерна в юридическом смысле; 4) она вредит и порождает преступления; 5) она очень дорога для государства. Вследствие этого переход от ссылки к другим наказаниям является совершенно законным и естественно необходимым» [20. С. 678].

Представляется, что гуманистический идеал нравственного отношения к преступникам формировался у Н.М. Ядринцева как раз в период собственного заключения, в том числе и благодаря изучению творческого наследия Иеремии Бентама. «Я обратился к юридическим вопросам, – сообщал он в одном из писем, адресованных Григорию Потанину, – и чуть не потерял голову, насилу я выбрался из этой трущобы при помощи Бентама, которого долго изучал как утилитариста» [16. С. 13]. Действительно, среди цитат, которые приведены в книге «Русская община в тюрьме и ссылке», встречаются заимствования из фундаментальных работ данного автора, таких, например, как «Основные начала уголовного кодекса», «О сравнительной действительности наказаний нравственных», «О наказаниях» и др. Во всяком случае известный постулат И. Бентама о том, что наказание ни в коем случае не должно быть актом мести преступнику, лидер областнического движения разделял вполне. С опорой на философию права известного западного мыслителя-утилитариста доктринально решал Н.М. Ядринцев и вопрос о соотношении нравственности и закона.

Итак, чем же все-таки объясняется практически полное восприятие идей И. Бентама теоретиком сибирского областничества? С одной стороны, аналитический метод исследования, который применял английский правовед к познанию социальной сущности права, морали, закона и государства, явно совпадал с мировоззренческими ориентирами самого Н.М. Ядринцева. С другой стороны, утилитаристские идеи, свойственные этому философу, были, что называется,

в ходу у многих представителей общественности второй половины XIX в. «В России того времени, – отмечает современный исследователь, – была мода на Бентама, и незнание его работ считалось дурным тоном в высшем свете» [22. С. 28].

Унижение личности через несоразмерность наказания совершенному тем или иным индивидуумом преступлению идеолог сибирского регионализма считал антигуманной и безнравственной мерой. Его собственные впечатления от жизни среди узников острога только подтверждали это. Относительно же применения ссылки в качестве меры наказания Н.М. Ядринцев вообще подчеркивал ее несовместимость с человечностью, т.е. с идеалами гуманизма.

Один из современных биографов Н.М. Ядринцева заметил, что никто из русских литераторов до него не рассуждал в своих произведениях о тюрьме и ссылке столь обстоятельно, а главное, с детальным знанием драматичных подробностей [23. С. 27]. Надо полагать, что именно во время пребывания в Омском остроге у него окончательно сложилось твердое убеждение в безусловной необходимости отмены уголовной ссылки в Сибирь. Хотя, по всей видимости, этот вопрос волновал его и раньше. После непосредственного знакомства с условиями жизни каторжников, ссылных и бродяг публицист уверенно доказывал, что существовавшая в империи система каторжной ссылки несостоятельна в гражданско-политическом отношении. «Местная администрация, – сокрушался Н.М. Ядринцев, – никогда не в силах была справиться с присылаемыми ссылными и была занята исключительно розыском и распределением их по деревням. Год от года ссылка приносила только беспорядки» [24. С. 187]. Необходимость ее отмены диктуется самим временем, – доказывал он в главе «Ссылка в Сибирь и положение ссылных» своего наиболее известного, поистине эпохального сочинения «Сибирь как колония» [24. С. 222].

Весь этот многолетний титанический труд по анализу и систематизации особенностей уклада жизни тюремной общины русская общественность по достоинству оценила буквально сразу же после его публикации. Известно, например, что книга «Русская община в тюрьме и ссылке» активно использовалась Л.Н. Толстым при работе над романом «Воскресение». Наряду с другими источниками она давала богатейший материал для познания реалий каторжной Сибири. Критический, обличительный пафос позиции ее автора был близок и самому писателю [15. С. 217].

Данная работа Н.М. Ядринцева получила одобрение и со стороны некоторых высших чиновников, что во многом повлияло на дальнейшую судьбу ее автора. Так, глава правительственной комиссии по тюремной реформе граф В.А. Соллогуб лично ходатайствовал в начале 70-х гг. XIX в. о его освобождении из шенкурской ссылки, а затем пригласил к сотрудничеству. «Председатель, – сообщал Н.М. Ядринцев Г.Н. Потанину в одном из писем, – в двух лестных письмах ко мне объясняет, что моя книга (имеется в виду “Русская община...” – *А.Г., В.Д.*) и [другие] работы имели значение, кроме литературного и политическое...» [16. С. 33].

Архивные документы также подтверждают факт практического сотрудничества Н.М. Ядринцева с вышеназванной государственной комиссией в поисках решения тюремного вопроса. «В 1875 году Ядринцев принял участие в правительственных проектах по тюремному преобразованию, – отмечается в его рукописных автобиографических заметках, написанных как бы “от третьего лица”, – и работал при особой комиссии графа Соллогуба, сообщал данные для разбора ссылки и уголовного вопроса... Труды его потом были переданы Начальнику главного тюремного управления М.Н. Галкину-Враскому» [25]. Активное сотрудничество с высшим начальством существенно расширяло круг личных контактов Ядринцева с чиновниками Министерства внутренних дел и со столичными профессорами-тюрьмоведомы, в частности, граф В.А. Соллогуб познакомил его с ученым-правоведом И.Я. Фойницким. Позже и он сам, и супруга – Аделаида Фёдоровна – поддерживали с этим профессором переписку в течение длительного времени [26]. В одном из писем, хранящихся в архивных фондах, Фойницкий обращается к Н.М. Ядринцеву в доверительном тоне, как к очень близкому человеку. «Дорогой Николай Михайлович, – пишет он, – простите меня за молчание. Много у меня было тревог, много работ. Болезнь и смерть матери сбили меня с ног...» В том же письме обсуждался главный аспект сотрудничества – так называемый тюремный вопрос. «Что касается вашего реферата, – сообщал профессор Н.М. Ядринцеву в Омск в 1879 г., – [то] его еще пока не[возможно] напечатать...» [27]. О профессиональной и личной близости автора и адресата цитируемого письма свидетельствует тот факт, что в изданных под редакцией И.Я. Фойницкого в 1890 г. «Трудах Пенитенциарной комиссии Санкт-Петербургского юридического общества» в качестве одного из авторов фигурирует и Н.М. Ядринцев. «Профессор Фойницкий, – отмечал его друг и ближайший соратник Г.Н. Потанин, – постоянно выражал сочувствие идеям Ядринцева. Впоследствии против ссылки заявили и другие специалисты...» [28. С. 25]. Сам Потанин также активно поддерживал идею о необходимости отмены ссылки в Сибирь. Хотя несомненно, что роль «первой скрипки» в деле пропаганды скорейшей ликвидации каторжной системы все же играл именно Ядринцев. Проблеме отмены так называемой штрафной колонизации, являвшейся ключевым элементом имперской пенитенциарной системы, он посвятил около двух десятков специальных публикаций, как больших, так и малых. Надо полагать, что Г.Н. Потанин специально уступал приоритет в разработке этого вопроса своему другу и соратнику, целиком полагаясь на публицистический талант «отца провинциальной журналистики».

Тем не менее обращение к литературно-публицистическому и эпистолярному творчеству Г.Н. Потанина позволяет утверждать, что данная проблематика также разрабатывалась этим поистине выдающимся исследователем и общественным деятелем. Например, в своей статье «Проект отмены ссылки в Сибирь» Потанин попытался детально проанализировать «Докладную записку председателя высочайшей комиссии по тю-

ремным преобразованиям». В ней он вполне адекватно своему времени сравнивал принудительные методы казенного освоения сибирских территорий посредством каторжной ссылки с крепостнической системой, господствовавшей в центральных губерниях империи. «Штрафная колонизация для Сибири, – по его мнению, – имела то же значение, как [и] крепостничество для Европейской России. <...> Ссылка была несправедливостью, как и крепостничество, унаследованное нами от Древней Руси» [29].

Согласно компаративистской логике, такое сравнение означало: если уж крепостная система пала в центре страны, то и каторжная ссылка в Сибирь должна быть неминуемо ликвидирована. В этом случае мы имеем дело вовсе не с какими-то наивными прекраснотушными мечтаниями, а с оптимистическими надеждами и верой в светлое будущее сибирской отчины.

Неподдельный, живой интерес Г.Н. Потанина к проблеме реформирования пенитенциарной системы четко фиксируется в его эпистолярном наследии 1870-х гг. «Как можно скорее сообщите, – обращался он с просьбой в одном из писем Н.М. Ядринцеву, – из записок соллогубовской комиссии, что стоит государству арестант не пересыльный, а содержимый в Европейской России. Там есть цифра на первых страницах при расчете, во сколько обойдется тюремная реформа» [30. С. 56]. Следует иметь в виду, что сама тюремная реформа предполагала минимизацию расходов государственной казны на пенитенциарные цели. Поэтому областники, будучи непосредственно заинтересованными в отмене ссылки в Сибирь, подсчитывали, сколько финансов тратит казна империи на содержание арестантов и ссыльных.

Тему отмены ссылки Г.Н. Потанин всецело раскрывал в программном тексте «Областническая тенденция в Сибири». Лидер движения демократов-регионалистов подчеркивал, что отмена ссылки являлась изначально самым важным и очевидным концептом областнической идеологии, сформулированным уже в момент организации сибирского студенческого землячества в Петербурге на рубеже 1850–1860-х гг. «Капля за каплей, – вспоминает он, – скоплялись элементы для составления сибирской областной программы. На первую очередь ставился вопрос об отмене ссылки; молодые сибиряки думали, что это такой же основной вопрос для Сибири, как отмена крепостного права для европейской России, что отмена ссылки составляет почин освободительного движения...» [31. С. 17]. Таким образом, Г.Н. Потанин ставил задачу, предвосхищавшую более поздние по времени научно-практические выводы Ядринцева.

Размышляя на эту тему, идеологи областничества формулировали следующие важные вопросы: Каким может быть оптимальный способ применения наказаний: лишением свободы, без срока или на продолжительный срок? Каковы должны бы быть организация и внутренний порядок учреждений, предназначенных для содержания заключенных каждой из различных категорий? [28. С. 125]. «Защитнику сибирских интересов, – вспоминал Г.Н. Потанин, – пришлось полеми-

зировать с известными юристами. Противники Ядринцева спрашивали, куда же с отменой ссылки девать преступников? Неужели запереть их в пенитенциарные тюрьмы? Положение его было затруднительным – во всех журналах шла дружная пропаганда пенитенциарных тюрем» [31. С. 26]. Вот круг вопросов, которые рассматривались в процессе работы комиссии В.А. Соллогуба – И.Я. Фойницкого.

Что же касается самого Ядринцева, то центральное место в его политико-правовой доктрине так или иначе по преимуществу занимала защита стратегических интересов Сибири. «Самая глубокая эрудиция бесцельна против декларации неподдельного чувства, – с восхищением заявлял Г.Н. Потанин, – смелость в борьбе с учеными юристами Ядринцеву придавало осознание, что его устами говорит население всей области» [31. С. 26]. Так что сама идея отмены каторжной ссылки как меры уголовного наказания была впервые выдвинута и проработана в деталях именно в правовой доктрине областников. «Мы считали человеческое слово, – вспоминал сам Н.М. Ядринцев, – за лучшее средство для победы знания над невежеством для торжества идеи, для завоевания человеческого права» [32. С. 63].

Общественное влияние столь незаурядной личности, помноженное на выдающийся публицистический талант, было в перспективе достаточно результативным. «Отмена ссылки, – замечал Г.Н. Потанин, – последовавшая уже после смерти Ядринцева, была одной из крупных заслуг его пред своей родиной!» [31. С. 28]. Так, в 1900 г. правительством упраздняясь так называемая ссылка на житье. Отмена этого специфического вида наказания стала результатом работы редакционной комиссии, ответственной за подготовку Уголовного Уложения. На первый взгляд, такая новация со стороны законодателя может сегодня показаться довольно скромной. Однако следует учитывать, что данная форма уголовного наказания была широко распространена в Иркутской, Енисейской, Томской и Тобольской губерниях. Соответственно, и ее ликвидация, вернее, замена ссылки размещением заключенных в тюрьмах и арестантских отделениях, реально привела к определенному снижению негативного воздействия штрафной колонизации на положение в сибирских регионах.

Коренной же сдвиг произошел только в самом конце существования имперской государственности. «Февральская революция радикально изменила пенитенциарные и репрессивные институты империи, – констатирует автор современного исследования, – а Временное правительство в течение марта–апреля 1917 г. отменило систему старой ссылки» [33. С. 46]. Постановлением новой демократической власти от 26 апреля того же года ссылка на поселение заменялась заключением в крепость на срок не ниже трех лет. Ссылка на поселение с лишением всех прав состояния заменялась отдачей в исправительные арестантские отделения на срок от четырех до шести лет с лишением всех особенных прав и преимуществ. Каторжные работы отменялись вовсе [34. С. 10]. Однако следует признать, что по ряду причин это завоевание револю-

ции оказалось недолговечным. Сменивший демократическую власть в России большевистский диктаторский режим отказался впоследствии полностью от самой идеи гуманизации пенитенциарной системы и восстановил прежние меры наказания, причем в колоссальных масштабах. Такой поворот событий в постреволюционной России, кстати говоря, предсказывал Г.Н. Потанин, которому суждено было стать очевидцем этого исторического псевдоморфоза. «Строй, который нам готовят большевики, – обращал внимание соотечественников патриарх областнического движения на характер нависавшей над страной угрозы имперского реванша уже в конце июля 1917 г., – не на тех же ли началах построен, как и только что низвергнутый монархический строй?» [35. С. 6].

Итак, можно констатировать, что политико-правовое наследие идеологов сибирского областничества сохранило следы их участия в дискуссии по вопросу о возможных направлениях реформы пенитенциарной системы, существовавшей в Российской империи. Отчетливо прослеживаются две линии данного нарратива.

Во-первых, это комплекс доводов, обосновывавших нецелесообразность сохранения ссылки как уголовного наказания. В анализе данной проблематики, по сути, на равных преуспевали оба лидера движения областников – Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин. В их интеллектуальном наследии сосредоточены уникальные данные и размышления об организации тюремного быта, о роли общины в русском остроге, о положении надзирателей и кадровой политике в исправительных учреждениях, о задачах и методах исправления преступников, о тюремной субкультуре. Однако если судить формально лишь по количеству публикаций на данную тему, то некоторый перевес в этом вопросе остается за Ядринцевым, хотя сами друзья-областники не придавали особого «соревновательного» смысла при подготовке к печати материалов, свидетельствующих в пользу ликвидации ссылки. Напротив, между ними как идейно близкими соратниками была истинная синергия убеждений, которая сохранялась в течение всей их жизни.

Во-вторых, по преимуществу в работах Н.М. Ядринцева последовательно представлен и сфокусирован концепт гуманизации отечественной пенитенциарной системы в рамках проработки возможных вариантов решения «тюремного вопроса». Основной дискурс в правовой доктрине областников разворачивался вокруг социальной сущности наказания. Здесь равных Ядринцеву, во всяком случае среди областников, быть и не могло. Авторитетное имя в общественном мнении ему обеспечила ставшая весьма популярной книга «Русская община в тюрьме и ссылке», сопоставимая по резонирующему влиянию с «Записками из мертвого дома» Ф.М. Достоевского и «Островом Сахалин» А.П. Чехова. В целом же публицисты областнического направления делали акцент на гуманных методах исправления преступников. Среди них в деле нравственного перевоспитания приоритетными они считали образование и труд в коллективах тюремных сообществ коммунитарного типа.

Список источников

1. Российский курс уголовно-исполнительного права: учебник : в 2 т. / Ю.М. Антонян, С.А. Борсученко и др.; под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. М. : МГЮА им. О.Е. Кутафина ; Элит, 2012. Т. 1: Общая часть. 696 с.
2. Кодан С.В. Реформа сибирской ссылки в первой половине XIX века // Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1982. С. 110–118.
3. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. : историко-правовой анализ тенденций развития. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 608 с.
4. Лебедев В.Б., Степанова Е.В. В.А. Соллогуб и его роль в реформировании уголовно-исполнительной системы (1870–1874 гг.) // Пенитенциарная наука. 2013. № 3 (23). С. 72–77.
5. Кутякин С.А. Формирование криминальной оппозиции в русской тюремной общине (история и современность) // История государства и права. 2007. № 21. С. 15–16.
6. Казаченок В.В. Прохождение службы в тюремных учреждениях Казанской губернии в XIX в. – начале XX в. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1 (15). С. 106–112.
7. Зиновьев В.П. Идеи областничества как выражение сибирской идентичности в исторической перспективе // Российская государственность: исторические ретроспективы и современность : материалы Всерос. науч. конф. к 1150-летию российской государственности и 70-летию Кемеровской области. Кемерово, 2012. С. 120–123.
8. Дамешек И.Л. Областническая концепция как выражение сибирского самосознания. Иркутское общество и «сибирские вопросы» // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков / науч. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск : Отгиск, 2019. С. 98–120.
9. Нам И.В. «Национальный вопрос» в программных установках и политической практике сибирских областников // Из истории революции в России (первая четверть XX в.). Томск : Том. гос. ун-т, 1996. Вып. 2. С. 169–182.
10. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. Лидеры сибирского областничества и первый университет в азиатской части России // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 9–13.
11. Шиловский М.В. Публицистическое осмысление Н.М. Ядринцевым перспектив развития Сибири в 1870–1880-е гг. // VI Ядринцевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск : Омск. гос. историко-краеведческий музей, 2021. С. 101–104.
12. Johnson A. Envisioning Siberia: Siberian Regionalism through Evolution and Revolution : Dissertation. Atlanta : Georgia State University, 2016.
13. Rainbow D. Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920. New York : New York University, 2013. 249 p.
14. Южаков С.Н. Памяти Н.М. Ядринцева // На сибирские темы : сб. в пользу томских воскресных школ и Гоголевского народного дома. СПб. : тип. т-ва «Обществ. Польза», 1905. С. 62–68.
15. Кандеева А.Г. Л.Н. Толстой читает Н.М. Ядринцева // Прииртышье мое : краевед. сб. Омск : Омск. кн. изд-во. 1990. Вып. 2. С. 216–230.
16. Ядринцев Н.М. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Красноярск : Журн. «Сиб. зап.», 1918. Вып. 1: (С 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). 232 с.
17. Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века : ст. по культурософии советизма. М. : Новый хронограф, 2008. 264 с.
18. Жукоцкий В.Д., Фурман Ф.П. Народничество русской интеллигенции и культуры // Философия и общество. 2004. № 3 (36). С. 173–176.
19. Должиков В.А. М.А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2018. 458 с.
20. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке : исследования и наблюдения за жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин, сравнение различных систем наказания у нас и в Западной Европе, основа новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опыту русской тюремной общины. СПб. : тип. А. Моригеровского, 1872. [2], VIII, 719 с.
21. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовые идеи Питирима Сорокина // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 203–207.
22. Савюк Л.К. Портреты ученых-юристов: Иеремия Бентам // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 19–38.
23. Кандеева А.Г. Слово о Н.М. Ядринцеве. 2-е изд., испр. и доп. Омск : ОмГПУ, 2001. 186 с.
24. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Изд. И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.
25. Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ). Архив Н.М. Ядринцева. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 1301.
26. ОРКП НБ ТГУ. Архив Н.М. Ядринцева. Ф. 3. Оп. 1. Д. 186.
27. ОРКП НБ ТГУ. Архив Н.М. Ядринцева. Ф. 3. Оп. 1. Д. 150. Л. 1148.
28. Труды Пенитенциарной комиссии С.-Петербургского юридического общества / под ред. И.Я. Фойницкого. СПб. : Петерб. юрид. о-во, 1890. 230 с.
29. Потанин Г.Н. Проект отмены ссылки в Сибирь // Камско-Волжская газета. 1873. 2 сент. № 102. С. 2–5.
30. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1988. Т. 2. 344 с.
31. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири // Г.Н. Потанин : сб. к 80-летию Г.Н. Потанина. Томск : Изд-во печат. дела, 1915. 64 с.
32. Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Николая Михайловича Ядринцева из газет «Камско-Волжское слово», «Сибирь» и «Восточное обозрение» за 1873–1884 г. Красноярск : [б. и.], 1919. С. 44–64.
33. Иванов А.А. Уголовная ссылка в Сибирь в XVII–XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 1. С. 44–48.
34. Поцелуев Е.Л. Уголовно-правовая политика Временного правительства России в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9, вып. 1. С. 3–22.
35. Потанин Г.Н. Областничество и диктатура пролетариата // Сибирская жизнь. 1917. 18 июля. № 153.

References

1. Antonyan, Yu.M., Borsuchenko, S.A. et al. (2012) *Rossiyskiy kurs ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [Russian Penal Law]. Vol. 1. Moscow: Kutafin Moscow State Law University.
2. Kodan, S.V. (1982) *Reforma sibirskoy ssylki v pervoy polovine XIX veka* [The reform of the Siberian exile in the first half of the 19th century]. In: Nersesians, V.S. (ed.) *Istoriko-pravovye issledovaniya: problemy i perspektivy* [Historical and Legal Research: Problems and Prospects]. Moscow: AS USSR. pp. 110–118.
3. Uporov, I.V. (2004) *Penitentsiarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv.: istoriko-pravovoy analiz tendentsiy razvitiya* [Russian penitentiary policy in the 18th–20th centuries: Historical and legal analysis of development trends]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.

4. Lebedev, V.B. & Stepanova, E.V. (2013) V.A. Sollogub and his participation in the process of reforming the penal system (1870–1874). *Penitentsiarnaya nauka – Penitentiary Science*. 3(23). pp. 72–77.
5. Kutyakin, S.A. (2007) Formirovaniye kriminal'noy oppozitsii v russkoy tyuremnoy obshchine (istoriya i sovremennost') [Formation of the criminal opposition in the Russian prison community (history and modern times)]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 21. pp. 15–16.
6. Kazachenok, V.V. (2014) The service in the penitentiary facilities of the Kazan province in the 19th century – early 20th centuries. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 1(15). pp. 106–112.
7. Zinoviev, V.P. (2012) Idei oblastnichestva kak vyrazhenie sibirskoy identichnosti v istoricheskoy perspektive [The ideas of regionalism as an expression of Siberian identity in a historical perspective]. *Rossiyskaya gosudarstvennost': istoricheskie retrospektivy i sovremennost'* [Russian statehood: Historical Retrospectives and Modernity]. Proc. of the Conference. Kemerovo. pp. 120–123.
8. Dameshek, I.L. (2019) Oblastnicheskaya kontseptsiya kak vyrazhenie sibirskogo samosoznaniya. Irkutskoe obshchestvo i “sibirskie voprosy” [The regional concept as an expression of the Siberian self-consciousness. The Irkutsk society and “Siberian questions”]. In: Dameshek, L.M. (ed.) *Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoy gubernii XIX – nachala XX vekov* [State power and society: a case study of the cities in the Irkutsk province of the 19th – early 20th centuries]. Irkutsk: Ottisk. pp. 98–120.
9. Nam, I.V. (1996) “Natsional'nyy vopros” v programnykh ustanovkakh i politicheskoy praktike sibirskikh oblastnikov [“The national question” in the program settings and political practice of the Siberian regionals]. In: Bozhenko, L.I. (ed.) *Iz istorii revolyutsii v Rossii (pervaya chetvert' XX v.)* [From the history of the revolution in Russia (first quarter of the 20th century)]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 169–182.
10. Nekrylov, S.A. & Fominykh, S.F. (2011) Lidery sibirskogo oblastnichestva i pervyy universitet v aziatskoy chasti Rossii [Leaders of the Siberian regionalism and the first university in the Asian part of Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(14). pp. 9–13.
11. Shilovskiy, M.V. (2021) Publitsisticheskoe osmyslenie N.M. Yadrintsevym perspektiv razvitiya Sibiri v 1870–1880-e gg. [Journalistic comprehension of Nikolay Yadrintsev's prospects for the development of Siberia in the 1870s–1880s]. *VI Yadrintsevskie chteniya* [The Sixth Yadrintsev Readings]. Proc. of the Conference. Omsk: Omsk State Historical Museum of Local Lore. pp. 101–104.
12. Johnson, A. (2016) *Envisioning Siberia: Siberian Regionalism through Evolution and Revolution*. PhD Diss. Atlanta: Georgia State University.
13. Rainbow, D. (2013) *Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920*. New York: New York University.
14. Yuzhakov, S.N. (1905) Pamyati N.M. Yadrintseva [In memory of Nikolay Yadrintsev]. In: Sobolev, M.N. (ed.) *Na sibirskie temy: sbornik v pol'zu tomskikh voskresnykh shkol i Gogolevskogo narodnogo doma* [On Siberian themes: Collection in favor of Tomsk Sunday Schools and the Gogol People's House]. St. Petersburg: Obshchestv. Pol'za. pp. 62–68.
15. Kandeeva, A.G. (1990) L.N. Tolstoy chitaet N.M. Yadrintseva [Leo Tolstoy reads Nikolay Yadrintsev]. In: Budarin, M.E. (ed.) *Priirtysh'e moe* [My Irtysh Area]. Vol. 2. Omsk: Omsk. kn. izd-vo. pp. 216–230.
16. Yadrintsev, N.M. (1918) *Pis'ma Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva k G.N. Potaninu* [Letters from Nikolai Yadrintsev to Grigory Potanin]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Sib. zap.
17. Zhukotskiy, V.D. & Zhukotskaya, Z.R. (2008) *Russkaya Reformatsiya XX veka* [Russian Reformation of the 20th century]. Moscow: Novyy khronograf.
18. Zhukotskiy, V.D. & Furman, F.P. (2004) Narodnichestvo russkoy intelligentsii i kul'tury [Populism of the Russian intelligentsia and culture]. *Filosofiya i obshchestvo*. 3(36). pp. 173–176.
19. Dolzhikov, V.A. (2018) *M.A. Bakunin v natsional'no-regional'nom politicheskom protsesse epokhi “otpepli” (rubezh 1850–1860-kh gg.)* [M.A. Bakunin in the National-Regional Political Process of the “Thaw” (the turn of the 1860s)]. Barnaul: Altai State University.
20. Yadrintsev, N.M. (1872) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke: issledovaniya i nablyudeniya za zhizn'yu tyuremnykh, ssyl'nykh i brodyazheskikh obshchin, sravnenie razlichnykh sistem nakazaniya u nas i v Zapadnoy Evrope, osnova novoy ratsional'noy sistemy ispravleniya soglasno vyvodom penitentsiarnoy nauki i opytu russkoy tyuremnoy obshchiny* [The Russian community in prison and exile: research and observation of the life of prison, exile and vagrant communities, comparison of various punishment systems in our country and in Western Europe, the basis of a new rational system of correction according to the conclusions of penitentiary science and the experience of the Russian prison community]. St. Petersburg: A. Morigerovskiy.
21. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2018) Pitirim Sorokin's ideas on criminal law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 203–207. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/434/28
22. Savyuk, L.K. (2012) Portraits of Legal Scholars: Jeremia Bentham. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 4. pp. 19–38. (In Russian).
23. Kandeeva, A.G. (2001) *Slovo o N.M. Yadrintseve* [A word about Nikolay Yadrintsev]. 2nd ed. Omsk: OmSPU.
24. Yadrintsev, N.M. (1892) *Sibir' kak koloniya v geograficheskoy, etnograficheskoy i istoricheskoy otnoshenii* [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. 2nd ed. St. Petersburg: I.M. Sibiryakov.
25. Department of Manuscripts and Rare Books of the Research Library of Tomsk State University (ORKP NB TSU). The Archive of N.M. Yadrintsev. Fund 3. List 1. File 2. p. 1301.
26. Department of Manuscripts and Rare Books of the Research Library of Tomsk State University (ORKP NB TSU). The Archive of N.M. Yadrintsev. Fund 3. List 1. File 186.
27. Department of Manuscripts and Rare Books of the Research Library of Tomsk State University (ORKP NB TSU). The Archive of N.M. Yadrintsev. Fund 3. List 1. File 150. p. 1148.
28. Foinitskiy, I.Ya. (ed.) (1890) *Trudy Penitentsiarnoy komissii S.-Peterburgskogo yuridicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Penitentiary Commission of the St. Petersburg Law Society]. St. Petersburg: Peterb. yurid. o-vo.
29. Potanin, G.N. (1873) Proekt otmeny ssylki v Sibir' [The project of cancellation of exile to Siberia]. *Kamsko-Volzhskaya gazeta*. 2nd September. pp. 2–5.
30. Potanin, G.N. (1988) *Pis'ma G.N. Potanina. Irkutsk* [G.N. Potanin's Letters. Irkutsk]. Vol. 2. Irkutsk: Irkutsk State University.
31. Potanin, G.N. (1915) Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri [Regional trend in Siberia]. In: *G.N. Potanin: sb. k 80-letiyu G.N. Potanina* [G.N. Potanin: To the 80th anniversary of G.N. Potanin]. Tomsk: Izd-vo pechat. dela.
32. Yadrintsev, N.M. (1919) *Sbornik izbrannykh statey, stikhotvoreniy i fel'etonov iz gazet “Kamsko-Volzhskoye slovo”, “Sibir'” i “Vostochnoye obozrenie” za 1873–1884 g.* [Selected articles, poems and feuilletons from the newspapers “Kamsko-Volzhskoye Slovo”, “Sibir'” and “Vostochnoye Obozrenie” for 1873–1884]. Krasnoyarsk: [s.n.]. pp. 44–64.
33. Ivanov, A.A. (2014) Ugolovnaya ssylka v Sibir' v XVII–XIX vv.: chislennost', razmeshchenie, ispol'zovanie v ekonomike regiona [Criminal exile to Siberia in the 17th–19th centuries: number, location, use in the regional economy]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 1. pp. 44–48.
34. Potseluev, E.L. (2018) Ugolovno-pravovaya politika Vremennogo pravitel'stva Rossii v 1917 godu [Criminal Law Policy of the Provisional Government of Russia in 1917]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 9(1). pp. 3–22.
35. Potanin, G.N. (1917) Oblastnichestvo i diktatura proletariata [Regionalism and the dictatorship of the proletariat]. *Sibirskaya zhizn*. 18th July.

Сведения об авторах:

Головинов Александр Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного и международного права юридического факультета Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: alex-golovinov@mail.ru

Должиков Вячеслав Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: dolshikov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Golovinov Alexander V. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law, Faculty of Law, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: alex-golovinov@mail.ru

Dolzhikov Vyacheslav A. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations of Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: dolshikov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 17.01.2023; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья
УДК 94/571
doi: 10.17223/19988613/83/2

Роль исторической специфики в современном процессе благоустройства городского пространства Кузбасса

Жанна Анатольевна Гумерова¹, Олеся Анатольевна Кутакова²

^{1,2} *Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *janet80@inbox.ru*

² *olesykyt@gmail.com*

Аннотация. Исследованы историческая специфика городского пространства Кузбасса и ее взаимосвязи с текущими процессами благоустройства. Показаны материальные и нематериальные проявления исторической специфики, особенности сохранения уникальных черт городов и их связь с идентичностью горожан. Акцентируется внимание на том, что мы живем в «унаследованных» городах, которые строились под нужды другого времени. Выявляется место исторического наследия в модернизации городского пространства.

Ключевые слова: Кузбасс, городское пространство, «унаследованные» города, историческая специфика, благоустройство

Для цитирования: Гумерова Ж.А., Кутакова О.А. Роль исторической специфики в современном процессе благоустройства городского пространства Кузбасса // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 14–21. doi: 10.17223/19988613/83/2

Original article

The role of historic specifics in a modern process of urban space improvement in Kuzbass

Zhanna A. Gumerova¹, Olesya A. Kutakova²

^{1,2} *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *janet80@inbox.ru*

² *olesykyt@gmail.com*

Abstract. The research is dedicated to historic specifics and its interconnection with the current urban space improvement. The article highlights material and non-material historic specifics manifestations as well as aspects of saving cities' unique features and its connection with citizens' identity. The emphasis is on the fact that people live in "inherited" cities which were built to meet the needs of the past. The paper also addresses the role of heritage in urban improvement, and is based on the theories of urban studies classics (M. Veber, S. Low, H. Lefebvre) creating thematic and conceptual fields, as well as on the works of modern researchers who explore urban space specifics in Russia (N. Fedotova, S. Rysaeva, A. Borin, and others). Besides those mentioned above, the sources providing the material on the history of Kuzbass cities have been used. The purpose of the paper is to define the role of historic specifics in the process of urban improvement. The result of urban space analysis in Kemerovo corresponds to the examination of scenarios on how citizens interact with historic specific manifestations. The most frequent scenario that one can observe is the aesthetic-oriented one. It reflects images and stories which are fundamental for citizens' identity. However, this type of scenario remains utterly familiar and, therefore, insufficiently effective, not interest-provoking both for citizens and tourists, compared to the elements of a casual type of scenario. The result of urban space analysis in Novokuznetsk leads to the following findings: on the eve of the 400th anniversary of the city's foundation, a significant number of projects related to the historic specifics of the city were created. Among the content of projects, both aesthetic-oriented scenarios and casual ones can be found. All things considered, in both cities historic specifics are not seen as a factor in citizen-city relations enhancement. Familiar, long-existing scenarios prevail. It negatively affects urban city spaces in Russia, making it featureless, eliminating originality. That leads to violation in the process of building citizens' identity and, consequently, increases the migration flow.

Keywords: Kuzbass, urban space, "inherited" cities, historic specifics, urban improvement

For citation: Gumerova, Zh.A., Kutakova, O.A. (2023) The role of historic specifics in a modern process of urban space improvement in Kuzbass. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 14–21. doi: 10.17223/19988613/83/2

Каждый город имеет свой набор как уникальных, так и типовых признаков. Рассматривая российские города, нельзя не заметить типичную панельную застройку, характерную для постсоветского пространства. Зачастую города имеют схожий массив топонимов – улицы Ленина, Кирова, Советская, Пушкина [1]. Это советское наследие городов бывает настолько комичным в своей одинаковости, что находит отражение даже в кинематографе: сюжет «Иронии судьбы» построен на том, что главный герой путается в двух разных городах, имеющих два одинаковых фрагмента городского пространства с одинаковыми типовыми топонимами и застройкой.

Однако больший исследовательский интерес представляют уникальные признаки, которыми обладает город. Здесь стоит ввести понятие «*исторической специфики*» городского пространства как набора уникальных черт, отраженных через материальные и нематериальные символы, связанные с уникальными историческими событиями места и коллективной памятью горожан [2. С. 205]. Рассматривая отдельные элементы данного понятия, можно обозначить цепь последовательно значимых частей. Городское пространство обладает *историей*: оно было построено людьми с конкретными (чаще всего экономическо-торговыми) целями в определенном историческом контексте – при определенном правителе, режиме, в рамках исторически сложившегося административного деления. Кроме внешней исторической рамки у города складывается и внутренняя история: в нем происходят события, появляются известные личности, повлиявшие на ход развития и производства пространства, значимые места (например, градостроительные предприятия). Все это накладывает отпечаток на пространство. Таким образом, история задает *специфику* города.

Рассматривая понятие исторической специфики, нельзя не отметить ее значительное влияние на различные социальные процессы, рождающиеся в городе. Специфика отражается в языке, в том, как мы говорим о городах: «Томск – студенческий город, Сибирские Афины», «Москва никогда не спит», «Кузбасс – угольный центр». Закономерно, что города известны своими специфическими чертами. Историческая специфика отражается на образе города, а когда образ осознанно формируют с ее использованием, получается целостный бренд города и его пространства, основанный на особенностях и уникальных признаках, на истории и восприятии города самими жителями. Бренд как сознательно конструируемый предмет для выполнения критерия узнаваемости обязан основываться на «естественно» присущих городу чертах, выставляя вперед все самое лучшее и самое ценное, самое «аутентичное» и отличительное [3. С. 30].

Историческая специфика откладывает отпечаток и на идентичность горожанина [4. С. 57], т.е. осознание себя как части города, представление самих себя как горожан. В ее структуре исследователи уделяют особое внимание символическому компоненту. Материальное городское пространство связано с личными переживаниями и воспоминаниями. Через них формируется собственное представление, определенный «свой

образ» города, который становится частью собственной идентичности и самосознания. Это отсылает к Лефевру [5] и его пространству репрезентаций. Здесь видно, насколько сильно среда и ее элементы влияют на жителей. Кроме связки с представлениями идентичность горожанина проявляется и в языковом аспекте – влияет на подбор слов и выражений. У жителей одного города может возникнуть свой «диалект» – определенный лексикон, в котором отражены знаковые, символические для горожан понятия и топонимы.

Таким образом, историческая специфика городского пространства имеет значительное влияние на социальные отношения, в этом пространстве происходящие.

В данной статье изучение исторической специфики в городском пространстве проводится на примере двух крупных городов Кузбасса – Кемерово и Новокузнецка. В этом контексте можно поставить следующие вопросы: В чем отражаются и проявляются особенности городского пространства? В каких формах исторически сохраняются уникальные черты города? Как «маркеры» – проявления специфики – наслаиваются друг на друга с течением времени?

Начать анализ материальных проявлений исторической специфики стоит с *архитектуры*, представляющей собой, с одной стороны, непосредственно «обжитое» пространство, без которого город не существует как площадка для интеракций и социальных отношений. В архитектуре находит свое отражение история города на всех этапах его строительства, от первых поселений до современных жилых комплексов. С другой стороны, архитектура является визуальным носителем культурной памяти города [6. С. 48], так как объективирует фрагменты прошлого. Архитектура одновременно несет определенные исторические смыслы (является объектом городских мифов, историй, важных решений) и имеет влияние на образ города. Здесь можно привести пример дома на площади Маяковского в Новокузнецке, с которым связана городская легенда: считается, что через арку посередине дома раньше ходил трамвай, что не является правдой. Но в этой легенде отражен интересный фрагмент истории. Дом достаточно массивный, и получить разрешение на его строительство в середине XX в. было непросто. Поэтому на градостроительном плане он обозначался как два объекта с проходом на месте арки. Чтобы убедить администрацию, что дома будет реально два, на плане между ними был пущен трамвай [7]. При этом кроме функции носителя культурной памяти данное архитектурное сооружение выполняет еще и «представительную» функцию, являясь одним из самых узнаваемых мест Новокузнецка и оказывая значительное влияние на имидж и бренд города.

Архитектура города также показывает «слои» его истории. Застройка городов Кузбасса, начатая в первой половине XX в., продолжается до сих пор, что позволяет отследить, как разные стили жилых и общественных пространств сменяли друг друга, как менялся стиль жизни горожан, их повседневность. В рамках кузбасского городского пространства видны разнообразные примеры того, как архитектура подстраивалась под потребности горожан (а порой и задавала им век-

тор). Первым примером можно привести Соцгород в Новокузнецке, где однотипные дома были построены под стиль жизни рабочих, не имеющих потребности в комфорте. Другой пример – кемеровский жилой район «Лесная поляна», построенный в 2006 г. по проекту канадской фирмы в рамках программы «Комфортное и доступное жилье» и предполагающий малоэтажную застройку с хорошо развитой инфраструктурой [8]. Таким образом, можно заметить, что с изменением стиля жизни, деятельности и благосостояния горожан архитектура пространства подстраивается под их нужды, и очень часто в едином городском пространстве присутствуют следы не только нашей современной жизни, но и жизни наших отцов и дедов. Города Кузбасса – поистине «унаследованные» города, пространство которых и несет отпечаток истории, и пытается подстроиться под современные потребности.

Другим материальным элементом исторической специфики является *городское искусство* – художественные элементы, вплетенные в канву городского пространства. Самыми распространенными формами в Кузбассе являются статуи и монументы, граффити, мозаичные панно на стенах домов. Они, с одной стороны, сохраняют след истории города, будучи созданными мастерами определенного времени и репрезентуя стиль определенной эпохи в жизни города, с другой – воспроизводят сюжеты, отражающие нарратив из истории города, региона или страны. Такими примерами могут быть: монумент «Памяти шахтерам Кузбасса», установленный в центре Кемерово и отражающий, во-первых, основную сферу занятости в регионе и его природные ресурсы, во-вторых, идентичность жителей и коллективную память о всех жертвах этой нелегкой профессии; военные мемориальные комплексы, например «Бульвар героев» в Новокузнецке и «Площадь Побед» возле Кузнецкого металлургического завода [9], одновременно являющиеся местами памяти и сохранения истории, а также «визитными карточками» города, частью его образа.

Рассматривая нематериальное отражение исторической специфики города, особое внимание стоит обратить на *имена, события, решения и эпохи*. Под именами понимаются знаковые для города личности, чьи истории сохранились в коллективной памяти горожан, отражены в культуре, а иногда даже зафиксированы в городском пространстве в виде памятных табличек, топонимов, произведений искусства. История в именах помогает формироваться идентичности («я потомок тех людей, кто строил город»), препятствует обезличиванию истории, добавляя в нее нарративности и персонификации.

Важное место в исторической специфике занимают поворотные события и решения, имеющие фундаментальную значимость для городов Кузбасса. Чтобы разграничить два данных проявления, определим события как точку в истории, произошедшую независимо от воли участников, а решения – как исторический момент изменения чего-либо под влиянием определенного соглашения или указа акторов, чаще всего – политического характера. Таким образом, к событиям можно отнести обнаружение Михайло Волковым угля

в 1721 г., а к решениям – строительство Кузнецкого металлургического комбината в 1930-е гг. Такие события и решения задают вектор всей истории как региона, так и городов Кузбасса, сильно отражаясь на городском пространстве. Они являются ключевыми элементами исторической специфики, создавая уникальные условия для построения идентичности горожан, образа территории и в целом жизни людей на данной территории. Отдельно отметим эпохи как обобщающие элементы исторической специфики, под которыми понимаются исторические периоды, наполненные событиями, решениями и кризисами городов и городского пространства. К ним среди прочих можно отнести период Великой Отечественной войны, советский и российский периоды, период существования Щегловки как названия для современного Кемерово и период Сталинска как названия Новокузнецка.

Таким образом, наличие нематериального отражения исторической специфики говорит о том, что она живет «сама по себе» – эта специфика достаточно сильная и важная для городского сообщества и идентичности, и ей не обязательно иметь физическое воплощение, чтобы передаваться от поколения к поколению. Ее хранителями являются гиды, исследователи, учителя истории и краеведения, работники культуры и старожилы городов.

Какова историческая специфика городов Кузбасса? В чем она живет, через что передается? Как горожанин взаимодействует с данной спецификой? Как она меняется со временем?

Ответ на первый вопрос заложен в самой истории рассматриваемых городов, истории застройки, культурном коде и в тех элементах, которые были обозначены выше. Историческая специфика отражается в повседневной жизни города, негласных правилах, субъективном образе и впечатлении, зачастую передающихся из поколения в поколение. Говоря о взаимодействии горожан и элементов, отражающих специфику пространства, введем понятие *сценария*, понимаемого как набор практик, заданных пространством и определяющих формат интеракции горожан со средой и ее объектами [10. С. 168].

В рамках данного исследования была создана следующая классификация сценариев взаимодействия с элементами исторической специфики города: туристический сценарий, где объект, несущий культурную специфику, становится достопримечательностью, имеющей туристическую ценность; повседневный сценарий, где объект становится частью рутинных ежедневных практик жителя города; ритуальный сценарий, где объект связан с определенным устоявшимся ритуалом и транслирует строгие правила и алгоритм взаимодействия; эстетически-ориентированный сценарий, где основная ценность объекта – в его художественном выражении, и через это непосредственно передается историческая специфика.

Города России представляют собой микс из советского наследия и современных потребностей горожан, и в значительной степени именно политика благоустройства задает направление развития городского пространства, а также выравнивает (или иногда, наоборот,

рот, смещает) баланс отражений прошлого и будущего города в его городском пространстве.

Кузбасс как регион имеет достаточно ярко выраженную идентичность, основанную на истории области и выражающуюся в городском пространстве. Кемерово – столица Кузбасса – представляет собой сосредоточение культурных смыслов области. Относительно молодой, основанный чуть более 100 лет назад, этот город создан на угле и из-за угля. Обнаружение Михайло Волковым в 1721 г. угольного пласта на данной территории послужило импульсом к ее развитию и становлению сначала в качестве села Щеглово. Только в начале XX в., в 1918 г., село официально стало городом благодаря решению Томского губернского исполкома, а в 1924 г. отделилось в отдельный уезд.

В 1930 г. началась застройка Щегловска (в будущем – города Кемерово, столицы области), проводимая на основе эскизного проекта планировки, рассчитанного на 130 тысяч жителей [11]. Основываясь на плане перепланировки Щегловска 1931 г. [12], можно отметить, что застройка была полностью подчинена целям создания наиболее комфортного для промышленных предприятий поселения. Генеральный план был разработан только в послевоенное время, в 1947–1951 гг. Однако застройка велась достаточно хаотично, без архитектурной целостности. Причинами этого эксперты называют нехватку местных архитекторов и удаленность проектных организаций, разрабатывающих планы [13. С. 224].

Несмотря на то, что не все архитектурные проекты были успешны (например, Соцгород в Кемерово не был до конца реализован и принят жителями), в городском пространстве все равно видны своеобразие и уникальность, отличающие этот город от всех остальных. Ярким примером исторических решений, отраженных в застройке, является район Шалготарьян, построенный в 1979 г. Такой топоним напрямую отражает историческую специфику места – этот район назван в честь венгерского города-побратима Кемерово [14]. Она заключена не только в названии, но и в визуальной составляющей – использованных для облицовки домов цветовых сочетаниях, а также в оригинальных венгерских чертежах, которые помогли сделать продуманные, высокотехнологичные для того времени коммуникации и проекты благоустройства района. Такие проекты являются ключевыми для уникальности города. Они отражают специфику его культуры и истории, влияют на идентификацию жителей и культурные коды, заданные городским пространством. Проект Шалготарьяна – яркий пример повседневного сценария, где горожане каждый день сталкиваются с историческим наследием, иногда даже не задумываясь о том, какая отсылка заключена в названии или визуальных решениях в данном районе.

Другим отличительным примером элемента исторической специфики, несущим повседневный сценарий, является проект остановок в виде шахтерской крепости – специальной установки, создающей безопасное место в шахте во время обвала. Их установили в Кемерово в 2017 г., к 70-летию юбилею Дня шахтера [15]. Этот проект вызывает большой исследова-

тельский интерес, так как здесь мы видим переход от традиционного закрепления исторической специфики и идентичности в эстетическо-ориентированных сценариях и сюжетах к повседневным. Поставить интересную остановку вместо очередного памятника – шаг к внесению разнообразия в городское пространство, к насыщению его смыслами и усилению связи людей с местом, в котором они живут.

Однозначно можно сказать, что более привычные элементы, отражающие историческую специфику города, превалируют в пространстве Кемерово. Кроме уже известного монумента «Памяти шахтерам Кузбасса» стоит обратить внимание на памятник Михайло Волкову. Среди кемеровских статуй и монументов четко прослеживается закрепленная в камне идея о ценности края, характерного для него образа жизни и распространенной профессии, ценности человеческих историй, которыми полнится Кузбасс. Их задачей является передача основных сюжетов исторической специфики через образы, понятные каждому, образующие связь между прошлым и будущим [16. С. 70].

Говоря о туристическом сценарии взаимодействия с исторической спецификой городского пространства, нельзя не упомянуть кемеровские музеи, представленные такими категориями, как исторические, краеведческие, художественные, музеи-заповедники и литературно-мемориальные. Группа историко-краеведческих превалирует и более интересна в рамках данного исследования, поскольку именно она является наиболее популярным дисплеем истории и культуры как города, так и региона. Историко-краеведческие музеи привлекают большее внимание посетителей по сравнению с другими категориями по нескольким причинам: расположение в центре города, частичная сменяемость экспозиции в зависимости от праздников или значимых для города или региона событий, практика сотрудничества с образовательными учреждениями для проведения внеклассных уроков по истории и краеведению.

Несмотря на все вышеперечисленные преимущества, посещаемость в музеях с каждым годом падает [17. С. 173]. В 2020 г. в музеях были введены ограничения для посетителей в связи с пандемией коронавируса, многие мероприятия ушли в онлайн-пространство. Однако, даже учитывая ограничения по заполняемости залом, посещаемость достигла 60% от урезанной нормы. При анализе информационно-аналитических отчетов о деятельности музеев четко прослеживается закономерность – данные учреждения ориентируются не на количество посетителей, а на собственные автономные нужды. Это заметно из показателей работы, измеряемых в количестве проведенных выставок без учета посещаемости.

Музеи, музейные хранилища и архивы являются основными накопителями истории города и региона, хранителями исторической специфики, на базе которой строится как культура, так и бренд города, а также идентичность жителей. Однако туристический сценарий взаимодействия с исторической спецификой является одним из наименее актуальных – музеи теряют свою туристическую ценность, связь с городским пространством и интерес для горожан.

Еще одним сценарием взаимодействия с исторической спецификой является ритуальный. По данной методологии к нему относятся церковные объекты и военные мемориалы, так как они требуют определенных ритуалов и церемоний как части интеракции (возложение цветов, молитвы, службы). Центральным военным мемориалом Кемерово является мемориал Славы воинов-кузбассовцев, павших за Родину в Великой Отечественной войне. Он располагается на центральной набережной и является одним из узнаваемых видов города. Как и ко всей группе объектов, связанных с ритуальным сценарием, внимание к данному проявлению исторической специфики происходит сезонно, и циклы активности связаны с военными (или религиозными в случае церквей) праздниками. Но здесь проявляется не только материальное выражение истории. Сам характер ритуальности, коллективного перформанса как соприкосновения с локальной историей и общим прошлым влияет на идентичность горожан, усиливая ее, создавая связи человека с местом.

Продолжая анализ городов Кузбасса, обратимся к Новокузнецку – старейшему городу области. За значительный период своего существования этот город менял названия, принадлежность к административным единицам. В нем полностью перестраивалось городское пространство, и все эти пласты истории присутствуют в той исторической специфике, которая существует сегодня. Новокузнецк является интересным примером того, как периферийному городу, не являющемуся даже столицей региона, можно сделать аутентичный бренд, основанный на идентичности горожан и коррелирующий с фундаментально важными моментами истории.

Ключевым для Кузнецка (который на момент принятия данного решения уже был Сталинском) стало решение о строительстве Кузнецкого металлургического завода в 1927 г. Это повлияло на все сферы жизни горожан: население начало заметно увеличиваться, так как появлялись новые рабочие места; городская застройка осуществлялась по генеральному плану, включающему в себя особое жилье для рабочих – проект Соцгорода; жизнь города была определена заводскими сменами – гудок о начале рабочего дня раздавался по всему городу в 8 часов утра, как и гудок о его завершении в 20 часов.

Соцгород стал одним из наиболее знаковых проектов для Сталинска. Начиная с конца 1929 г. было создано несколько проектов застройки жилых районов для рабочих металлургического комбината, но ни один из них не отражал реальные цифры, коррелирующие с быстрым темпом роста населения города [18]. Соцгород представлял собой вариант застройки, основанный на принципах экономичности, единого и одинакового быта горожан, удовлетворяющего базовые нужды рабочих [19. С. 17]: основная рабочая деятельность горожан и роль города как площадки для жизни рабочих напрямую отражалась в городском пространстве, объективизируя историческую специфику.

Сталинск того времени был в умах людей городом-садом – как в прямом смысле, выросшим из поселка

с названием Сад-город, так и в идейном, как стремящийся к модели города-сада, с мечтами о зеленых улицах и досуговых пространствах [20]. Образ города-сада является важной частью исторической специфики Новокузнецка. Он находит свое отражение как в городском устройстве (некоторые парки Новокузнецка называются садами – Сад Металлургов, Сад Аллюминчиков, т.е. даже в топонимах видно отражение идей о цветущем зеленом индустриальном городе), так и в искусстве – самым, пожалуй, популярным упоминанием Новокузнецка является стихотворение Владимира Маяковского про город-сад, являющееся частью «Рассказа Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка». «Я знаю – город будет, я знаю – саду цветет, когда такие люди в стране в советской есть!» – эти строки стали знаковыми для формирования идентичности горожан. По словам Ивана Бардина, главного инженера Кузнецкстроя, в честь которого сейчас названа одна из центральных улиц, «первая комиссия из Москвы “распушила” нас в пух и прах, но Маяковский поддержал наш дух, и мы продолжили начатое дело и считали его самым главным в осуществлении нашей мечты» [21]. Сейчас приведенные выше строчки Маяковского установлены на Вокзальной площади Новокузнецка. Эти слова – первое, что видят люди, когда приезжают в город.

Другим важным для исторической специфики города эпизодом стала Великая Отечественная война. Новокузнецк проявил себя в этот период как город трудовой доблести, направив все свои производственные мощности на помощь фронту. Кузнецкий металлургический комбинат был несколько раз награжден за образцовое выполнение планов по обеспечению военной продукцией. Образ Новокузнецка в военное время – это образ Кузницы победы [22]. Здесь проявляется интересное переплетение смыслов: с одной стороны, отсылка связана с общим корнем в названии города и образа, а с другой – город как место, где ковалась основа для военной наступательной мощи страны, что внесло значительный вклад в победу над фашизмом.

В июле 2018 г. Новокузнецку исполнилось 400 лет. Эта дата стала значимой как для города, так и для горожан. К празднику было подготовлено много проектов, связанных с образом города и городским пространством. В частности, одним из самых заметных стал проект брендбука Новокузнецка [23]. Для города это руководство по стилю, по оформлению улиц, вывесок и баннеров, что является ярким примером элемента, отражающего историческую специфику, с эстетически-ориентированным сценарием взаимодействия. Горожане с помощью брендбука читают изображения как текст, расшифровывают культурный код, облаченный в форму-визуал. Авторы проекта ставят своей целью «актуализацию городской истории», что напрямую указывает на связь созданных с помощью брендбука объектов городского пространства с исторической спецификой. В логотипе 400-летия Новокузнецка для написания названия города выбран шрифт с элементами советской графики 1960–1970-х гг., создающий отсылку к советскому прошлому города и формирующий образ Новокузнецка, вышедшего из

Сталинска, который не отрекается от своего прошлого, а чтит свою роль в советской истории. Дополняет этот образ красный цвет, выбранный как основа для бренда. Данный логотип был использован как в наружной рекламе, так и в сувенирной продукции, выпущенной к 400-летию. До сих пор, несколько лет после юбилея, на улицах города можно увидеть баннеры с яркой красной надписью «400». Проект брендбука стал частью идентичности, повысил узнаваемость города, а также создал единую канву, обрамляющую городское пространство Новокузнецка.

Другим достойным внимания проектом, приуроченным к 400-летию города, стала граффити-галерея известных новокузнецких [24]. Начатая в 2014 г. в рамках фестиваля «Неделя уличного искусства», галерея отражает коллективную память об именах как части исторической идентичности города. Портреты в едином стиле, выполненные в технике граффити, но с учетом брендовых цветов города, находятся на местах с большой проходимостью (большинство – на центральной улице Кирова), что отсылает нас к повседневному сценарию взаимодействия с исторической спецификой в городском пространстве. Повседневный сценарий создает точки соприкосновения огромного числа горожан с объектами городского пространства, и данный пример иллюстрирует, как подобные проекты могут это пространство преобразить, внести новые смыслы и новые сценарии в привычные улицы.

Кроме перечисленных проектов историческую специфику города отражают и более привычные для городского пространства объекты, такие как музеи Новокузнецка (Новокузнецкий городской краеведческий музей, Новокузнецкий художественный музей, Литературно-мемориальный музей им. Ф.М. Достоевского, музей «Ретропарк»), Кузнецкая крепость и Бульвар Героев, а также церкви и соборы города.

Итогом анализа городского пространства Кемерово является рассмотрение сценариев взаимодействия с проявлениями исторической специфики. Самым часто встречающимся сценарием для данной территории является эстетико-ориентированный. Он отражает основные для идентичности горожан образы и сюжеты, однако является привычным и, следовательно, малоэффективным, не вызывающим интереса у горожан и

туристов, в отличие от элементов с повседневным сценарием.

Анализ исторической специфики и ее проявлений в Новокузнецке привел к следующим выводам: в преддверии 400-летия города было создано значительное количество проектов, отражающих историческую специфику данного пространства. Среди них были проекты, связанные как с эстетически-ориентированным сценарием взаимодействия, так и с повседневным. Данные сценарии являются наиболее популярными и имеющими наибольшее количество отражений в городском пространстве.

Таким образом, историческая специфика городского пространства в обоих случаях не рассматривается как фактор углубления связи горожанин–город. Преобладают привычные, существующие многие годы сценарии. Большим потенциалом для использования исторической специфики являются возможные проекты по модернизации и благоустройству городов, однако для использования истории города в качестве бренда и определенной философии не хватает глубинного осмысления того, как эта история влияет и может влиять на горожан. На текущий момент историческая специфика занимает почетное, но небольшое и очень «законсервированное» место в жизни города. Горожане видят ее, но не чувствуют, градостроители знают о ней, но не используют как инструмент. То есть потенциал исторической специфики на данный момент полноценно не реализован.

Данный факт негативно отражается на пространстве российских городов, делая их безликими, лишая своеобразие, что ведет к нарушению формирования идентичности горожан, ослаблению связей между городом и жителями. Решением данной проблемы могут быть расширение сценариев взаимодействия с элементами, отражающими городскую специфику, создание новых элементов с исторически важными для города сюжетами, формирование политики использования исторической специфики, форсирование и поддержка городских исторических проектов. Городское наследие может стать сильной стороной, магнитом для привлечения туристов и поводом для гордости горожан, и в настоящее время существует множество возможностей реализовать этот потенциал.

Список источников

1. Составлен список самых популярных названий российских улиц // Lenta.ru. 2011. 11 нояб. URL: <https://lenta.ru/news/2011/11/11/streets> (дата обращения: 28.05.2021).
2. Безубова О.В. Городское пространство и кластеризация памяти // Манускрипт. 2020. № 10. С. 204–208.
3. Визгалов Д.В. Брендинг города / предисл. Л.В. Смирнягина. М. : Фонд «Ин-т экономики города», 2011. 160 с.
4. Дягилева Н.С. Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 54–59.
5. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford : Blackwell, 1991. 454 p.
6. Федотова Н.Г. Визуальные носители культурной памяти города (на примере Великого Новгорода) // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 2 (20). С. 42–62.
7. Дом на площади Маяковского // Новокузнецк 400. URL: <http://nvkz.me/cards/symbols/76/> (дата обращения: 28.05.2021).
8. Историческая справка ж.р. Лесная Поляна // Администрация города Кемерово. URL: <https://kemerovo.ru/gorod/obshchaya-informatsiya/istoriya/istoricheskaya-spravka-zh-r-lesnaya-polyana/> (дата обращения: 28.05.2021).
9. Легенды Новокузнецка: как Площадь Побед получила свое название и почему история обросла мифами // ВашГород. 2019. 7 марта. URL: <https://vashgorod.ru/news/124864> (дата обращения: 28.05.2021).
10. Ллоу С.М. Пласа : политика общественного пространства и культуры / пер. с англ. Ю. Плискиной. М. : Strelka Press, 2016. 352 с.
11. Краткая история города Кемерово // Администрация города Кемерово. URL: <https://kemerovo.ru/gorod/obshchaya-informatsiya/istoriya/kratkaya-istoriya-goroda-kemerovo/> (дата обращения: 28.05.2021).
12. Город Щегловск. Проект планировки. 1931 год // Karate42. URL: <https://karate42.ru/index.php?id=786> (дата обращения: 28.05.2021).

13. Головань Н.С. Генеральные планы в городах Кузбасса (1930–е–1950-е гг.) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. С. 221–225.
14. Район с венгерской душой: как строили Шалготарьян // A42.RU. 2017. 24 нояб. URL: <https://gazeta.a42.ru/lenta/articles/18040-raion-s-vengerskoi-dushoi-kak-stroili-shalgotaryan> (дата обращения: 28.05.2021).
15. В Кемерове установили остановку в виде механизированной шахтёрской крепи // Сибдепо. 2017. 14 июня. URL: <https://sibdepo.ru/news/v-kemerove-ustanovili-ostanovku-v-vide-mehanizirovannoj-shahtyorskoy-krepi.html> (дата обращения: 28.05.2021).
16. Рысаева С.Ф. Роль пластических искусств в формировании пространственной среды города Кемерова // Мир науки, культуры, образования : международный научный журнал. 2011. № 6 (31). С. 70–72.
17. Информационно-аналитический отчет о деятельности государственных и муниципальных музеев Кемеровской области – Кузбасса за 2019 год / Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области, ГАУК «Кемеровский областной краеведческий музей». Кемерово : Технопринт, 2020. 248 с.
18. Борин А.Г. Формирование городского образа жизни в индустриальном городе: на материалах города Сталинска 1929–1941 гг. : автореферат дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 27 с.
19. Егорова Т.Ю. Города-сады в Западной Сибири в начале XX в. // Вестник АлтГТУ им И.И. Ползунова. 2006. № 1. С. 16–21.
20. Создание Сад-города // Новокузнецк 400. URL: <http://nvkz.me/cards/events/105/> (дата обращения: 28.05.2021).
21. Владимир Маяковский // Новокузнецк 400. URL: <http://nvkz.me/cards/heroes/77/> (дата обращения: 28.05.2021).
22. Новокузнецк – город воинской и трудовой славы // Библиотека им. Н.В. Гоголя. URL: <https://libnvkz.ru/chitateliam/o-novokuznetske/1941-1945/gorod-voinskoi-i-trudovoi-slavi> (дата обращения: 28.05.2021).
23. Новокузнецк 400: брендбук и руководство по стилю. Power Brand Digital, 2017. 52 с.
24. Путеводитель по граффити-портретам знаменитостей // Новокузнецк 400. URL: <https://новокuzнецк400.pф/gallery/graffiti-portrety-znamenitostej> (дата обращения: 28.05.2021).

References

1. Lenta.ru. (2011) Sostavljen spisok samykh populyarnykh nazvaniy rossiyskikh ulits [A list of the most popular names of Russian streets has been compiled]. 11th November. [Online] Available from: <https://lenta.ru/news/2011/11/11/streets> (Accessed: 28th May 2021).
2. Bezzubova, O.V. (2020) Urban Space and Clustering of Memory. *Manuskript*. 10. pp. 204–208. (In Russian). DOI: 10.30853/manuskript.2020.10.37
3. Vizgalov, D.V. (2011) *Brending goroda* [City Branding]. Moscow: Foundation “Institute of City Economics.”
4. Dyagileva, N.S. (2013) Teoreticheskie aspekty gorodskoy identichnosti [Theoretical aspects of urban identity]. In: *Brending malykh i srednikh gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy* [Branding of small and medium-sized cities in Russia: experience, problems, prospects]. Ekaterinburg: UrFU. pp. 54–59.
5. Lefebvre, H. (1991) *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.
6. Fedotova, N.G. (2019) Visual carriers of city’s cultural memory (on the example of Veliky Novgorod). *Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 2(20). pp. 42–62. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2019-2-42-62
7. *Novokuznetsk 400*. (n.d.) Dom na ploshchadi Mayakovskogo [House on Mayakovsky Square]. [Online] Available from: <http://nvkz.me/cards/symbols/76/> (Accessed: 28th May 2021).
8. Kemerovo City Administration. (n.d.) *Istoricheskaya spravka zh.r. Lesnaya Polyana* [Historical note of the residents of Lesnaya Polyana]. [Online] Available from: <https://kemerovo.ru/gorod/obshchaya-informatsiya/istoriya/istoricheskaya-spravka-zh-r-lesnaya-polyana/> (Accessed: 28th May 2021).
9. *VashGorod*. (2019) Legendy Novokuznetska: kak Ploshchad' Pobed poluchila svoe nazvanie i pochemu istoriya obrosla mifami [Legends of Novokuznetsk: how Victory Square got its name and why history has acquired myths]. 7th March. [Online] Available from: <https://vashgorod.ru/news/124864> (Accessed: 28th May 2021).
10. Low, S.M. (2016) *Plaza: poliitka obshchestvennogo prostranstva i kul'tury* [On the Plaza. The Politics of Public Space and Culture]. Translated from English by Yu. Pliskina. Moscow: Strelka Press.
11. Kemerovo City Administration. (n.d.) *Kratkaya istoriya goroda Kemerovo* [Brief history of the city of Kemerovo]. [Online] Available from: <https://kemerovo.ru/gorod/obshchaya-informatsiya/istoriya/kratkaya-istoriya-goroda-kemerovo/> (Accessed: 28th May 2021).
12. *Karate42*. (n.d.) Gorod Shcheglovsk. Proekt planirovki. 1931 god [City of Shcheglovsk. Planning project. 1931]. [Online] Available from: <https://karate42.ru/index.php?id=786> (Accessed: 28th May 2021).
13. Golovan, N.S. (2008) General'nye plany v gorodakh Kuzbassa (1930–е–1950-е гг.) [General plans in the cities of Kuzbass (1930s–1950s)]. In: Romanov, R.E. (ed.) *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical Research in Siberia: Problems and Prospects]. Novosibirsk: Institute of History SB RAS. pp. 221–225.
14. Bormotova, E. (2017) Rayon s vengerskoy dushoy: kak stroili Shalgotar'yan [A district with a Hungarian soul: how Shalgotaryan was built]. *A42.RU*. 24th November. [Online] Available from: <https://gazeta.a42.ru/lenta/articles/18040-raion-s-vengerskoi-dushoi-kak-stroili-shalgotaryan> (Accessed: 28th May 2021).
15. Semenova, E. (2017) V Кемерове установили остановку в виде механизированной шахтёрской крепи [In Kemerovo, a stop was installed in the form of a mechanized mining support]. *Sibdepo*. 14th June. [Online] Available from: <https://sibdepo.ru/news/v-kemerove-ustanovili-ostanovku-v-vide-mehanizirovannoj-shahtyorskoy-krepi.html> (Accessed: 28th May 2021).
16. Rysaeva, S.F. (2011) Rol' plasticheskikh iskusstv v formirovanii prostranstvennoy sredy goroda Kemerovo [The role of plastic arts in shaping the spatial environment of the city of Kemerovo]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 6(31). pp. 70–72.
17. Department of Culture and National Policy of the Kemerovo Region, Kemerovo Regional Museum of Local Lore. (2020) *Informatsionno-analiticheskiy otchet o deyatelnosti gosudarstvennykh i munitsipal'nykh muzeev Kemerovskoy oblasti – Kuzbassa za 2019 god* [Information and analytical report on the activities of state and municipal museums of the Kemerovo region – Kuzbass for 2019]. Kemerovo: Tekhnoprint.
18. Borin, A.G. (2010) *Formirovanie gorodskogo obraza zhizni v industrial'nom gorode: na materialakh goroda Stalinska 1929–1941 gg.* [Formation of an urban lifestyle in an industrial city: based on the materials of the city of Stalinsk, 1929–1941]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
19. Egorova, T.Yu. (2006) Goroda-sady v Zapadnoy Sibiri v nachale XX v. [Garden cities in Western Siberia at the beginning of the 20th century]. *Vestnik AltGTU im I.I. Polzunova*. 1. pp. 16–21.
20. *Novokuznetsk 400*. (n.d.) *Sozdanie Sad-goroda* [Creation of the Garden City]. [Online] Available from: <http://nvkz.me/cards/events/105/> (Accessed: 28th May 2021).
21. *Novokuznetsk 400*. (n.d.) *Vladimir Mayakovsky*. [Online] Available from: <http://nvkz.me/cards/heroes/77/> (Accessed: 28th May 2021).
22. *libnvkz.ru*. (n.d.) *Novokuznetsk – gorod voinskoy i trudovoy slavy* [Novokuznetsk – The City of Military and Labor Glory]. [Online] Available from: <https://libnvkz.ru/chitateliam/o-novokuznetske/1941-1945/gorod-voinskoi-i-trudovoi-slavi> (Accessed: 28th May 2021).
23. Anon. (2017) *Novokuznetsk 400: brendbuk i rukovodstvo po stilyu* [Novokuznetsk 400: brand book and style guide]. Power Brand Digital.
24. *Novokuznetsk 400*. (n.d.) *Putevoditel' po graffiti-portretam znamenitostey* [Guide to the Celebrity Graffiti Portraits]. [Online] Available from: <https://novokuznetsk400.rf/gallery/graffiti-portrety-znamenitostej> (Accessed: 28th May 2021).

Сведения об авторах:

Гумерова Жанна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: janet80@inbox.ru

Кутакова Олеся Анатольевна – студент факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olesykyt@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Gumerova Zhanna A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of the History of the Ancient World, the Middle Ages and the Methodology of History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: janet80@inbox.ru

Kutakova Olesya A. – a student of Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olesykyt@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 19.01.2023; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья

УДК 94(57)

doi: 10.17223/19988613/83/3

Материалы второй ясачной комиссии как источник изучения этнической составляющей налоговой политики империи в Сибири в XIX – начале XX в.

Лев Михайлович Дамешек¹, Ирина Львовна Дамешек²

^{1,2} *Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия*

¹ *levdameshek@gmail.com*

² *dameshek@rambler.ru*

Аннотация. Анализируются материалы второй ясачной комиссии Сибири 1827–1835 гг. как источника по истории этнической составляющей налоговой политики самодержавия в регионе в XIX – начале XX в. Исследуются их происхождение, информативность, достоверность, возможность сопоставления с другими комплексами источников. Приводятся характеристики членов комиссии, их отношение к порученному делу. Подчеркивается, что на основе предложений комиссии ясак с сибирскими инородцами собирался вплоть до 1917 г. и оставался территориально самым распространенным налогом империи.

Ключевые слова: Россия, империя, Сибирь, инородцы, ясак, источники изучения, вторая ясачная комиссия

Для цитирования: Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Материалы второй ясачной комиссии как источник изучения этнической составляющей налоговой политики империи в Сибири в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 22–26. doi: 10.17223/19988613/83/3

Original article

Materials of the second yasak commission as a source of research on the ethnic component of the Empire's tax policy in Siberia during 19th and early 20th centuries

Lev M. Dameshek¹, Irina L. Dameshek²

^{1,2} *Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation*

¹ *levdameshek@gmail.com*

² *dameshek@rambler.ru*

Abstract. The factor of multinationality has been an important historical feature of Russia since its foundation. At the beginning of the twentieth century, about 200 large and small nations, different in language, culture, religion, mentality, etc., lived in Russia. In Russia, the basis of territorial expansion was primarily imperial military-strategic and economic interests. By 1917, most of the empire's population, about 55 percent, consisted of non-Russian peoples living mostly on the outskirts of the country. Therefore, the central authorities were forced to take the national factor into consideration in their policies. Thus, the ethnic component of the outskirts policy became important, including the tax policy of the state as a whole. In Siberia, where the treasury and the imperial Cabinet acted as co-owners of the land, this peculiarity manifested itself in the yasak policy of the government. Throughout the 17th and 19th centuries, yasak continued to be the most characteristic form of tax dependence of the Siberian aborigines on the landowner. In the 1860s-1880s, by decrees of Catherine II the Imperial Cabinet legally formalized the right of ownership of the Siberian yasak, which the indigenous people of Siberia had been paying until 1917. The main sources of research on the investigated problem are the "reports" of the second yasak commission of 1827-1835, which are stored in the Imperial Cabinet's collections of the Russian State Historical Archive and contain several thousand pages of various materials. The reports were compiled on the basis of the personal instructions of Nicholas I, numbering more than 60 paragraphs, well comparable and preserved in all the regions of the Western and Eastern Siberian governorates. They are rigidly structured, well-comparable, and contain considerable and varied statistical material, as well as taxation books for each indigenous department and their public verdicts. Reports were prepared by the members of the commission after completion of work in each region, and after signing by the chairman were sent to the Directorates General of Western and Eastern Siberia. On the basis of these materials, consolidated reports of the governorates were formed. Complementing the above materials are the reports of the governors-general on the management of the region, which contain important details about the actions of the commissions, providing characteristics of its members. The provincial reports are accompanied by the official correspondence of the commission members, their reports, etc. Materials of the commissions contain data on the number of the indigenous population, the division of their categories (sedentary, nomadic and wandering), types of economic activity (farming, cattle breeding, hunting, trade, crafts), profitability of their households, and reveal the pattern of taxation within the "indigenous society". The same schematic was applied to the revision of government property in Siberia in 1840-41, the

projects of the Siberian authorities "to reform the yasak levy" of the post-reform period, numerous "surveys" of the economy of the indigenous population in the late 19th century. Their comparison and analysis give especial significance to the materials of the second yasak commission as a primary source for the investigation of the empire's yasak policy in Siberia.

Keywords: Russia, empire, Siberia, indigenous people, yasak, sources of research, the second yasak commission

For citation: Dameshek, L.M., Dameshek, I.L. (2023) Materials of the second yasak commission as a source of research on the ethnic component of the Empire's tax policy in Siberia during 19th and early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 22–26. doi: 10.17223/19988613/83/3

Важной исторической особенностью России со времени ее возникновения был фактор многонациональности. Включение в ее состав народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии превратили ее в многонациональную империю. В начале XX в. на территории России проживало около 200 больших и малых народов, отличных по языку, культуре, религии, менталитету и т.д. Как правило, для территориального роста того или иного государства характерно многообразие методов – от прямого завоевания до добровольного присоединения и подписания официальных документов. Зачастую сложно отделить понятие экспансии как насильственного присоединения земель от мирной колонизации как прежде всего земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий. На практике эти процессы тесно переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства.

В России в основе территориального расширения лежали, как правило, имперские военно-стратегические и экономические интересы. К 1917 г. большую часть населения империи – примерно 55% – составляли нерусские народы, проживавшие преимущественно на окраинах государства. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать в своей политике национальный фактор. Этническая составляющая становилась важным компонентом окраинной политики государства в целом. В последние годы в российском сибиреведении появилось немало интересных публикаций, посвященных вопросам влияния этнического фактора на хозяйственное разделение труда в регионе, учет которого, безусловно, необходим при анализе окраинной политики империи в Сибири [1–7]. В Сибири, где совладельцами земель выступали казна и императорский Кабинет, эта особенность наглядно проявлялась в ясачной политике правительства. На протяжении XVII и всего XIX в. ясак продолжал оставаться наиболее характерной формой податной зависимости сибирских аборигенов от собственника земли. В 60–80-х гг. XVIII в. указами Екатерины II было юридически оформлено право собственности императорского Кабинета на сибирский ясак [8].

К 1917 г. доходы Кабинета от эксплуатации сибирских земель, куда входил и ясак, составляли четвертую часть совокупных доходов коронного ведомства. На долю ясака и оброчной подати с «инородцев» приходилось 2,2%. Накануне 1917 г. ясак платили все бродячие инородцы Сибири, кочевые инородцы Тобольской,

Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской области, абсолютное большинство коренного населения Якутской области, часть нерусского населения Архангельской и Пермской губерний. В территориальном отношении ясак оставался самым распространенным налогом Российской империи. Именно поэтому анализ источников изучения ясачной политики самодержавия приобретает несомненную актуальность [9].

Основным источником изучения исследуемой проблемы являются отчеты второй ясачной комиссии 1827–1835 гг., хранящиеся в фондах императорского Кабинета Российского государственного исторического архива (РГИА). В свете отмеченной выше особенности юридической и фактической принадлежности ясака коронному ведомству поступление именно в это ведомство отчетов комиссии становится вполне понятным. Что же касается самого названия документа – «отчет» – то оно вытекало из требования специальной инструкции Сибирского комитета от 27 ноября 1835 г., утвержденной именованным указом Николая I 13 декабря того же года [10].

Предваряя начало анализа этого важного комплекса делопроизводственных источников, необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Сам факт образования двух ясачных комиссий стал следствием ведения в действие «Устава об управлении инородцев» М.М. Сперанского 1822 г. Указом Николая I от 21 июня 1827 г. министру финансов А.Б. Канкрину в целях упорядочения сбора ясака с сибирских инородцев на «основах Устава 1822 г.» было велено учредить две комиссии – одну для Западной, а другую для Восточной Сибири [11]. Упомянутая инструкция включала в себя свыше 60 пунктов, в соответствии с которыми должны были действовать комиссии. Содержание наставления учитывало специфику этой части сибирского населения. Наставление определяло цели и задачи комиссий, их состав, порядок действия и подчинения и т.д. В состав каждой комиссии входили по два чиновника от Министерства императорского двора и один – от Министерства финансов [11, 12].

Комиссии подчинялись Главному управлению той части Сибири, в которой находились. Главной задачей комиссий являлось «обложение новой податью кочевых и бродячих инородцев...» Наряду с этим комиссии должны были «удостовериться» в правильности разделения коренных жителей на разряды, выяснить причину недоимок, принять от аборигенов просьбы и жалобы и по возможности разрешить их. В предварительном порядке члены западной комиссии собирались в То-

больске, а восточной – в Иркутске. Здесь Главные управления снабжали их всеми необходимыми сведениями и составлялся «подробный план ее (комиссии. – Л.Д., И.Д.) разъездов». В Восточной Сибири в план не включались Охотский край, Камчатка и районы, населенные чукчами. Переобложение Охотского края и Камчатки из-за отдаленности этих мест предполагалось поручить не комиссии, а местному чиновничеству. Иначе обстоит дело с чукчами. Царским указом они причислялись к народам, «не совершенно еще вступившим в подданство», а потому действия ясачной комиссии на них не распространялись. Попутно заметим, что правительство всегда проявляло определенную осторожность по отношению к «инородцам», живущим на окраинах империи и не втянувшимся еще в систему общегосударственных отношений. Будь то чукчи, хоринские буряты или другие «окраинные инородцы», своей политикой самодержавие стремилось привлечь их к себе, для чего нередко шло на некоторые уступки в налоговой политике, вопросах вероисповедания и др. Данный пример указывает на то, что в первой половине XIX в. при рассмотрении проблем, имевших жизненно важное значение для империи, правительство нередко находило оптимальное решение с точки зрения интересов первенствующего сословия России [10, 11, 13].

По прибытии в род или улус комиссия «в присутствии члена инородной управы... в присутствии родового их управления и в присутствии разных почетных и лучших родовичей» извещает о цели своего прибытия, а затем переходит к сбору необходимых сведений. При определении размеров ясачной подати комиссии следовало «принять во внимание: 1) пространство и обилие земли в отношении к земледелию, скотоводству и звероловству... 2) удобство торговли и путей ее; 3) число работников; 4) объяснения и согласие родового управления». Сравнив все это с окладом 1763 г., комиссии следовало определить, «какое количество подати может быть вносимо самим родом без отягощения». Разрешалось вносить ясак «определенным родом зверя», деньгами или тем и другим вместе. Назначенная таким образом подать вносилась в проект окладной книги «со всею подробностью и с оценкою звериных шкур на деньги». «Наставление» сохранило за «инородческими» старшинами права, дарованные им указом от 21 июня 1763 г., «на ежегодные от правительства награды за исправный платеж ясака». Члены комиссий обязывались «обходиться с инородцами со всею ласковостью», внимательно выслушивать их просьбы и жалобы и «вообще» показывать в «своих действиях доброхотство и благоприятство». Кроме того, ясачная комиссия Восточной Сибири получила от генерал-губернатора «дополнительное наставление», определяющее ее действия в Якутской области [14. Л. 239–245].

Как видим, инструкция очень подробно расписывала порядок действий комиссии, их характер и способы получения необходимой информации. Именно инструкция предопределила форму и содержание основных итоговых документов – «отчетов». Эти документы содержали сведения о численности коренного населения, его составе и расселении по отдельным родам и

улусам, материалы о источниках доходов и роде занятий нерусского населения, о развитии хлебопашества и скотоводства, промыслов и торговли. Имеющиеся в отчетах сведения раскрывают картину раскладки сборов внутри «инородческого общества». Однако с точки зрения методики и техники составления отчеты оставляют желать лучшего. Нередко группы фактов суммировались без всякого разбора, и поэтому получить из них необходимые сведения очень сложно, а иногда практически невозможно. В одних и тех же отчетах встречаются разночтения. Отдельные стороны жизни коренного населения, в частности социальные отношения, не получили в них отражения.

Отчеты комиссий сохранились по всем округам губерний Западной и Восточной Сибири. Они жестко структурированы, содержат значительный и разнообразный по содержанию статистический материал, что делает их хорошо сопоставимыми для исследователя. Отчеты составлялись членами комиссий после окончания работ в каждом отдельном округе и за подписью председателя отправлялись в Главные управления Западной и Восточной Сибири. На основании этих материалов формировались сводные губернские отчеты. Дополнением вышеуказанных материалов являются отчеты генерал-губернаторов по управлению краем, которые содержат важные подробности о действиях комиссий, дают характеристики ее членам.

К губернским отчетам примыкает деловая переписка членов комиссий – их рапорты, донесения и т.д. Эти документы дают возможность ближе познакомиться с исполнителями «воли монаршей», узнать их отношение к порученному делу, проверить добросовестность и компетентность. Ознакомление с формулярными списками членов комиссий и их отчетами свидетельствует, что все они были людьми грамотными, хорошо знающими Сибирь и ее нужды. Но вот глава комиссии Восточной Сибири А.В. Пятницкий (впоследствии в 1839–1848 гг. он служил гражданским губернатором Иркутской губернии) был их полной противоположностью. Чиновник недалекий, но самолюбивый и эгоистичный, свою деятельность в комиссии он рассматривал как один из этапов служебной карьеры.

Меткую характеристику дал ему известный общественный деятель Сибири В.И. Вагин в воспоминаниях «Сороковые годы в Иркутске»: «Брюнет, невысокого роста, толстый, брюхатый, с обрюзглым и даже глуповатым лицом, вульгарными манерами, он скорее походил на мелкого лавочника, чем на губернатора. О степени образования его может дать понятие следующий анекдот. Раз на парадном приеме в праздничный день он разговаривал с городским головой о постройке какого-то моста. Голова доказывал трудность постройки. “Пустьяки, – возразил Пятницкий, – англичане в Лондоне под Сеной выстроили дорогу”. Возвышению своему он был обязан родству с сенатором Жмакиным, на дочери которого он был женат. Губернией он управлял кое-как, но как старожил знал ее хорошо, и особенно хорошо знал, где в ней раки зимуют. Начальники отделений имели у него большую силу. При всей своей ограниченности он обладал огромным самомнением.

Он сочинял разные “предположения в виде проектов”, над которыми очень потешались в Главном управлении» [15. С. 260].

«Во уважение трудностей, сопряженных с сею командировкою, и в поощрение к ревностному выполнению сделанного поручения» решением Кабинета членам комиссии было назначено двойное окладное жалование [14. Л. 388 об.].

Важным источником для характеристики ясачной политики царизма являются окладные книги. Они составлялись отдельно по каждому роду, улусу, отделению. Окладные книги содержат подробные сведения о величине ясака, о соотношении его натуральной и денежной форм, о способах уплаты ясачной подати. В окладных книгах имеются оригиналы и копии общественных приговоров на утверждение сумм ясачной подати. Значительную ценность для характеристики ясачной политики самодержавия представляют различные правительственные акты, отложившиеся в материалах отчетов ясачной комиссии. Небольшая по объему, но разнообразная по содержанию, эта группа документов состоит из постановлений Сибирского комитета по делам ясачной комиссии, рапортов, циркуляров и донесений министров императорского двора и финансов, что позволяет более полно представить взгляды чиновников сановного Петербурга на развитие ясачной политики в огромном Зауральском крае.

Обе комиссии начали свою работу в 1828 г. и закончили ее примерно к 1833–1835 гг. По отзывам членов комиссий, успешной ее работе способствовали «пособия, оказанные ей местными начальствами», и «усердие ее членов», которые «со стороны своей» приложили все возможные усилия «на скорейшее исполнение возложенных на нее обязанностей» [16]. После завершения работ обе комиссии представили в Главные управления Западной и Восточной Сибири проекты «окладных книг» и табели раскладки ясака. Там они были одобрены, а затем поступили на рассмотрение министерств императорского двора и финансов. Последние не нашли препятствий к утверждению вновь положенных окладов, и результаты действия комиссий были представлены на «всемилоушнейшее благоусмотрение» [17]. 3 марта 1835 г. последовал именной указ «О вновь положенных на кочевых

и бродячих инородцев окладах звериными шкурами и деньгами» [17].

В соответствии с ранее изданным положением начиная с 1 января 1835 г. сбор ясачной подати с кочевых и бродячих жителей Сибири должен был производиться на началах, утвержденных данным указом. Такая практика сбора ясака просуществовала в Сибири вплоть до начала XX в. Сами же отчеты ясачных комиссий, принципы сбора необходимых сведений и их структурирование устраивали правительство. Об этом, например, свидетельствует тот факт, что при ревизии государственных имуществ Сибири в 1840 г. отчеты об «обозрении сибирских округов и губерний» в части инородческого населения строились по аналогичной схеме. В материалах ревизии отложились сведения о численности коренного населения, разделении его на оседлых, кочевых и бродячих, роде занятий аборигенов, доходах, способах уплаты ясака, его раскладки и взысканий. «Инструкция чиновнику, командированному от 5-го отделения С. Е. И. В. Канцелярии для обревизования государственных имуществ» Сибири предписывала ревизорам сопоставить соразмерность ясака и других повинностей со «средствами существования» аборигенов, выявить «количество недоимок, способы их взыскания», особое внимание предписывалось уделить «правильному и необременительному» сбору ясака [18].

Сопоставление материалов второй ясачной комиссии с последующими предложениями правительства по «улучшению ясачного сбора» [19] позволяют заключить, что этот комплекс источников по своей информативности является одним из основных компонентов изучения ясачной политики самодержавия в Сибири. Хотя народы Сибири были подданными государства, ясак поступал в императорский Кабинет и составлял неотъемлемую собственность коронной фамилии.

Ясак являлся одной из наиболее архаичных форм феодальной земельной ренты, выражавшей на практике не столько юридическую, сколько экономическую зависимость аборигенов от собственника земли. Всем своим существованием он был связан с коронной фамилией как одним из основных институтов самодержавия России. Ликвидация монархии в 1917 г. повлекла за собой и ликвидацию ясака как особой формы собственности.

Список источников

1. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Иркутской губернии по данным переписи 1897 г. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2022. № 40. С. 40–48.
2. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Забайкальской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 157–163.
3. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения: XIX – начало XX в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.
4. Карих Е.В. Этническая структура населения Якутской области в конце XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92–95.
5. Карих Е.В. Поземельные отношения в Енисейской губернии между коренным и пришлым населением во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 307. С. 64–67.
6. Карих Е.В. Этническая структура экономики Иркутской губернии во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 152–155.
7. Карих Е.В. Экономические связи эвенков и русских на севере Иркутской губернии во второй четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 113–114.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (ПСЗРИ-1). СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXI. С. 720. № 15.564
9. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Механизмы финансовых отношений императорского Кабинета и сословия сибирских инородцев в эпоху империи // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 21–25.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе (ПСЗРИ-2). СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. II. С. 1061–1069. № 1611.
11. ПСЗРИ-2. СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. II. С. 548–549. № 1199.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Д. 156. Л. 78 об.–392.
13. Герасимова К.М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX в. Улан-Удэ, 1957. 160 с.
14. РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1039. Л. 239–245, 388 об.
15. Вагин В.И. Сороковые года в Иркутске (из воспоминаний) // Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке : лит. сб. СПб. : Вост. обозрение, 1885. С. 250–280.
16. РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1044. Л. 677 об.
17. ПСЗРИ-2. СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. Т. X, отд. 1. С. 186–191. № 7917.
18. РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 273.
19. РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897, 911, 912.

References

1. Zinoviev, V.P. (2022a) Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Irkutskoy gubernii po dannym perepisi 1897 g. [Interethnic division of labor in the Irkutsk province according to the 1897 census]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 40. pp. 40–48.
2. Zinoviev, V.P. (2022b) Interethnic division of labor in the Trans-Baikal region according to the census of 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 157–163. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/78/19
3. Karikh, E.V. (2004) *Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoiniya: XIX – nachalo XX v.* [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development: 19th – early 20th century]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Karikh, E.V. (2007) Etnicheskaya struktura naseleniya Yakutskoy oblasti v kontse XIX v. [Ethnic structure of the population of the Yakutsk region at the end of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 296. pp. 92–95.
5. Karikh, E.V. (2008) Pozemel'nye otnosheniya v Eniseyskoy gubernii mezhdru korennyim i prishlym naseleniem vo vtoroy polovine XIX v. [Land relations in the Yenisei province between the indigenous and newcomers in the second half of the nineteenth century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 307. pp. 64–67.
6. Karikh, E.V. (2009a) Etnicheskaya struktura ekonomiki Irkutskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX v. [Ethnic structure of the economy of the Irkutsk province in the second half of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 323. pp. 152–155.
7. Karikh, E.V. (2009b) Ekonomicheskie svyazi evenkov i russkikh na severe Irkutskoy gubernii vo vtoroy chetverti XIX v. [Economic relations between Evenks and Russians in the north of the Irkutsk province in the second quarter of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 320. pp. 113–114.
8. Russian Empire. (1830a) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Pervoe (PSZRI-1)* [Complete Laws of the Russian Empire. Col. 1. (PSZRI-1)]. Vol. 21. № 15.564. St. Petersburg: Second Section of His Majesty's Own Chancery. p. 720.
9. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (2022) Mechanisms of financial relations between the Imperial Cabinet and the estate of Siberian indigenous population during the age of the empire. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 21–25. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/78/3
10. Russian Empire. (1830b) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Vtoroe (PSZRI-2)* [Complete Laws of the Russian Empire. Col. 2 (PSZRI-2)]. Vol. 2. № 1611. St. Petersburg: Second Section of His Majesty's Own Chancery. pp. 1061–1069.
11. Russian Empire. (1830c) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Vtoroe (PSZRI-2)* [Complete Laws of the Russian Empire. Col. 2 (PSZRI-2)]. Vol. 2. № 1199. St. Petersburg: Second Section of His Majesty's Own Chancery. pp. 548–549.
12. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 391. File 156. pp. 78 об.–392.
13. Gerasimova, K.M. (1957) *Lamaizm i natsional'no-kolonial'naya politika tsarizma v Zabaykal'e v XIX i nachale XX v.* [Lamaism and the national-colonial policy of tsarism in Transbaikalia in the 19th and early 20th centuries]. Ulan-Ude: [s.n.].
14. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 9. File 1039. pp. 239–245, 388 об.
15. Vagin, V.I. (1885) Sorokovye goda v Irkutsk (iz vospominaniy) [The forties in Irkutsk (from memoirs)]. In: Yadrintsev, N.M. (ed.) *Sobranie nauchnykh i literaturnykh statey o Sibiri i Aziatskom Vostoke* [Collection of Scientific and Literary Articles about Siberia and the Asian East]. St. Petersburg: Vost. obozrenie. pp. 250–280.
16. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 9. File 1044. p. 677 об.
17. Russian Empire. (1830d) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Vtoroe (PSZRI-2)* [Complete Laws of the Russian Empire. Col. 2 (PSZRI-2)]. Vol. 1. № 7917. St. Petersburg: Second Section of His Majesty's Own Chancery. pp. 186–191.
18. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1589. List 1. File 273.
19. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 9. File 897, 911, 912.

Сведения об авторах:

Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор исторического факультета Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: levdameshek@gmail.com

Дамешек Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор исторического факультета Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: dameshek@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Dameshek Lev M. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Historical Faculty of Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: levdameshek@gmail.com

Dameshek Irina L. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Historical Faculty of Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: dameshek@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.08.2022; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 22.08.2022; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья

УДК 930:06(347.727.4)

doi: 10.17223/19988613/83/4

Деятельность Строительного комитета по найму рабочей силы для возведения зданий Сибирского университета в Томске

Илья Александрович Дунбинский

Томский государственный университет, Томск, Россия, dunbunskiy@mail.ru

Аннотация. На основании документов, хранящихся в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета, а также в Национальном музее Республики Татарстан в фонде В.М. Флоринского, реконструируется история деятельности Строительного комитета, связанная с наймом рабочей силы для возведения зданий Императорского Томского университета. Раскрывается роль В.М. Флоринского в этом вопросе, прослеживаются взаимоотношения между Строительным комитетом и артелями рабочих, собранных с территории не только Сибири, но и европейской части России.

Ключевые слова: Строительный комитет, Сибирский университет, В.М. Флоринский, артели рабочих

Для цитирования: Дунбинский И.А. Деятельность Строительного комитета по найму рабочей силы для возведения зданий Сибирского университета в Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 27–32. doi: 10.17223/19988613/83/4

Original article

Activities of the Building committee for purchasing building materials to establish buildings of the Siberian University in Tomsk

Ilya A. Dunbinskiy

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, dunbunskiy@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to study the activities of the Construction Committee for the Employment of Labor for the erection of buildings of the Imperial Tomsk University. The object of the study is the history of the construction of the Imperial Tomsk University, while the subject is the activities of the Construction Committee, aimed at hiring labor for erecting university buildings.

The author of the article analyzed the journals of the Construction Committee, on the basis of which the main group of contractors of the Construction Committee was determined. Then the author examined the contracts that the Construction Committee concluded with the workers and compared the contracts with sources of personal origin of the Construction Committee members. After that, the information was converted into a single system of actions of the Construction Committee, which was aimed at hiring a labor force for the erection of the Siberian University. In the final part of the study, the influence of the economic method in hiring labor both on the course of construction work, and on the further economic development of Siberia was considered.

As a source of research, the magazines of the Construction Committee, kept by the Department of Manuscripts and Book Monuments of the TSU Scientific Library, which reflect the official part of the relationship of the Construction Committee as a state institution with working artels should be mentioned first. Secondly, the documents kept in the National Museum of the Republic of Tatarstan in the fund of V.M. Florinsky, on the basis of which personal relations of the members of the Construction Committee with workers coming from various cities were reconstructed. Thirdly, materials from the State Archives of the Tomsk Region, which allowed us to study the terms of the concluded contracts, as well as to assess the scope of work performed by each individual artel.

In the course of the study, the author came to the conclusion that, despite the scarcity of the material and technical base of Siberia, the construction of the Tomsk University was largely completed due to the economic method of building construction work at the scheduled time (1885). In addition, the increase in demand for skilled labor, the attraction of workers' artels from other cities of the Russian Empire, led to a significant increase in the number of artels engaged in the construction and decoration of buildings in Siberia. This, in turn, became one of the reasons not only for the gradual reduction of the initial cost of labor in Siberia, but also contributed to the construction boom in Siberia and the growth of Siberian cities.

Keywords: Construction Committee, Siberian University, V.M. Florinsky, contractors, building materials

For citation: Dunbinskiy, I.A. (2023) Activities of the Building committee for purchasing building materials to establish buildings of the Siberian University in Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 27–32. doi: 10.17223/19988613/83/4

16 (28) мая 1878 г. указом императора Александра II был учрежден Сибирский университет в городе Томске [1. Ст. 58527]. Однако для того, чтобы приступить к непосредственному возведению зданий Сибирского университета, потребовалось два года. За это время были решены вопросы, связанные с организацией строительных работ: составлены чертежи и сметы будущего университета, определены источники финансирования, а также определен способ возведения университетского комплекса.

Согласно решению Комиссии для обсуждения проекта устройства зданий будущего Сибирского университета строительство Сибирского университета должно было осуществляться хозяйственным способом. Этот способ ведения строительных работ был выбран с целью экономии средств казны Российской империи, так как в то время шла русско-турецкая война 1877–1878 гг., которая требовала больших капиталовложений. Кроме того, утверждая данный способ организации строительных работ, Министерство народного просвещения рассчитывало привлечь дополнительные частные пожертвования от неравнодушной сибирской «общественности» [2. Л. 8; 3].

14 марта 1880 г. императором Александром II был учрежден Строительный комитет по возведению зданий Сибирского университета [4. Ст. 60655.]. Председателем Строительного комитета был назначен томский губернатор В.И. Мерцалов, членами – председатель Томского губернского правления А.И. Дмитриев-Мамонов, томский купец I гильдии, городской голова З.М. Цибульский, архитектор М.Ю. Арнольд (с 1881 г. его сменил архитектор П.П. Наранович) [4] и член Строительного комитета от Министерства народного просвещения на весеннее и летнее время, профессор Казанского университета В.М. Флоринский. В период отсутствия последнего (в зимний и осенний периоды) его обязанности возлагались на делопроизводителя Строительного комитета от Министерства народного просвещения А.С. Белявского [5. Л. 1–2].

Однако несмотря на то, что В.М. Флоринский в осенне-зимний период находился в Казани, он был в постоянной переписке с вышеупомянутым А.С. Белявским, который не только сообщал ему обо всех изменениях в Строительном комитете в период его отсутствия, но и лоббировал на заседаниях Строительного комитета точку зрения В.М. Флоринского, о чем свидетельствует переписка между ними [6; 7].

С первых дней работы перед Строительным комитетом встал вопрос о заключении контракта с каменщиками, которые должны были сначала выложить фундамент из бутового камня, а затем произвести кирпичную кладку основных университетских зданий. Во многом спешка в найме квалифицированных каменщиков объяснялась тем, что кладку зданий в то время вели исключительно в весенне-летний период, поскольку раствор из известки, песка и воды, использо-

вавшийся при фиксации бута или кирпича, не застывал достаточно долго лишь в теплое время года.

Однако к моменту начала строительства Сибирского университета в Томске проживало всего 25 906 чел. [8. С. 72], которые, вполне естественно, не могли «дать» «достаточного числа каменщиков, знающих свое дело» [9. 1881. 3 июня].

К тому же незадолго до начала строительства университета в Иркутске, Красноярске и Енисейске случились сильные пожары, а в 1881 и 1882 гг. пожары произошли в самом Томске, оставив без жилья большую часть жителей этих городов, что породило огромный дефицит квалифицированных рабочих в масштабах Томской губернии и соседних регионов Российской империи [10. С. 87–88].

Более того, местные подрядчики, зная о дефиците квалифицированных рабочих, стали «выпрашивать» подряды по достаточно высоким ценам. Так, в 1881 г. тобольский мещанин Абросимов за кладку кубической сажени бутового камня просил 14 руб., а за кладку 1 000 кирпичей – 9 руб. тюменский подрядчик Перемотин за кладку кубической сажени бута просил 15 руб., а за кладку 1 000 кирпичей – 8 руб. [9. 1881. 3 июня]

В связи с этим Строительный комитет, «находя эти цены высокими и пользуясь отъездом потомственного почетного гражданина П.В. Михайлова на Ирбитскую ярмарку (ныне город Ирбит Свердловской области. – *И.Д.*), просил его оказать содействие к найму в Нижегородской губернии каменщиков числе до 40 человек» [9. 1881. 3 июня].

Выполняя поручение Строительного комитета, П.В. Михайлов через подрядчика Андреева нанял 41 каменщика [9. 1881. 27 марта]. Комитет обязался обеспечить их «всеми необходимыми предметами», в числе которые «тачки, носилки, известковые ящики и весла, кадки, ушата, кружала». Кроме того, Строительный комитет обязывался обеспечить рабочих кухней и «ночлежным помещением» [9. 1881. 9 июня].

Рефлексируя над заключенным Строительным комитетом договором с нижегородскими каменщиками, В.М. Флоринский писал в своем дневнике: «Во-первых, плата 43 рабочим [составит] от 35 до 45 руб. в месяц, считая в том числе и время, проведенное ими в пути. Во-вторых, провоз их вперед и обратно, а равно и содержание их во время переезда и летних работ на наш же счет. В-третьих, Андрееву уплатить 150 руб. коммиссионных за приискания рабочих. Принимая во внимание, что каменщики прибыли в Томск на пароходе в первых числах июня, а наняты они были с 1 апреля, то комитету пришлось уплатить каждому из них за 2½ месяца даром, без всякой работы. Да провоз их в Томск стоил с прокормлением около 40 руб. Эти медвежьи услуги Михайлова обошлись комитету в 3 524 руб., что составляет почти по 82 руб. на человека за одно удовольствие привезти их в Томск. Почти столько же придется заплатить за обратную их достав-

ку на родину в конце лета. Глупее такого условия нельзя было заключить» [11].

В начале июня 1881 г. П.П. Наранович, новый архитектор Строительного комитета (1881–1891), заявил, что «выписанных из России 43 каменщиков будет недостаточно для укладки в текущем лете всего количества бутового камня, облицовкою кирпичом, под главное здание университета».

Исходя из этого, было принято решение об увеличении количества каменщиков до 60 человек [9. 1881. 3 июня] за счет заключения контракта с 17 дополнительными каменщиками, которые подали заявление на подряд еще в начале января 1881 г. [9. 1881. 15 янв.] с платой по 40 руб. в месяц [9. 1881. 9 июня]. Было принято также решение о найме до 90 разнорабочих «по мере надобности» [9. 1881. 3 июня].

«К 43 каменщикам, – писал в своем дневнике В.М. Флоринский, – выписанным из Нижегород[одской] губ[ернии], наняли еще 17 человек томских, – по 40 руб. в месяц, первой руки, на их харчах. Это выходит почти вдвое дешевле, чем их старые. Так бы следовало поступить комитету с самого начала, не увлекаясь песнями Цибульского и Михайлова. Теперь оказывается, что эти два «ревниителя просвещения» выписывали каменщиков не столько в интересах комитета, сколько для себя, рассчитывая воспользоваться ими при выкладке кирпича на устраиваемом ими заводе» [11].

Подробнее об этом можно прочитать в статье «Деятельность Строительного комитета по приобретению строительных материалов для возведения зданий Сибирского университета в Томске: к 140-летию Томского государственного университета» [12].

Несмотря на столь значительное количество рабочих, процесс возведения зданий Сибирского университета был значительно замедлен, так как в 1881 г. Строительный комитет столкнулся с острой проблемой недостаточности кирпича, производимого местными подрядчиками. В связи с этим каменщики, нанятые в Нижнем Новгороде «по высокой цене», простаивали «требуя работы, а строительный материал приходится собирать мне (В.М. Флоринскому. – И.Д.) и Белявскому по крошкам, рыская чуть не ежедневно по окрестным кирпичным заводам» [11].

Лишь с наступлением «холодного зимнего времени» 41 нижегородский каменщик и 30 чернорабочих были отпущены [9. 1881. 18 сент.]. Тем не менее местные каменщики, как писал в своем дневнике В.М. Флоринский, продолжали в сентябре свою работу в служебном флигеле строящегося университета [11].

В 1882 г., по расчету архитектора П.П. Нарановича, для кладки 3 млн кирпичей и 400 погонных саженей (1 800 м²) цоколя потребовалось до 60 каменщиков [9. 1881. 11 дек.]. В связи с этим Строительный комитет принял решение о найме от 40 до 44 каменщиков в Омске, а также в Тюкалинском и Ишимском уездах [9. 1881. 2 дек.].

Однако в Омске каменщики отказались заключать со Строительным комитетом контракт на оплату их работы с каждой уложенной тысячи кирпичей, запросив оплату помесечно для каменщиков первой руки от 35 до 40 руб. в месяц, а для каменщиков второй руки –

от 25 до 30 руб. в месяц. «Сегодня по этому поводу, – писал в своем письме П.П. Наранович В.М. Флоринскому, – было экстренное заседание, и решили телеграфировать губернатору, чтобы он нанимал каменщиков преимущественно первой руки с тем, чтобы в контрактах как можно скорее были обусловлены разного рода неустойки, штрафы и чтобы работа производилась вполне согласно Урочному положению. Например, если каменщику в день полагается положить 500 штук кирпича, то он неуклонно обязан это выполнить, иначе штраф. Очень жаль, что опять приходится иметь каменщиков помесечно, но не пытайтесь; опять придется иметь дело с чернорабочими, но иначе никто не соглашается» [13. 1881. 17 дек.].

Учитывая сложившиеся обстоятельства, уже в декабре 1881 г. на основании проекта П.П. Нарановича с дополнениями председателя Строительного комитета В.И. Мерцалова и омского купца I гильдии Колпакова был составлен контракт для заключения его с наняемыми рабочими [9. 1882. 2 янв.].

В соответствии с этим подрядом рабочие обязывались «производить каменные работы зданий для Сибирского университета, во всем согласно смете, чертежам выданным шаблонам по указанию строителя университетских зданий». В том случае, если рабочими будет сделано «что-либо несоответственно выданным чертежам и указаниям производителя работ, то обязаны будем беспрекословно за счет наш (рабочих. – И.Д.) немедленно переделать». Кроме того, «впредь до окончания работ и срока сего условия, никто из нас (рабочих. – И.Д.) отказаться права не имеет ни под каким предлогом» [9. 1882. 2 янв.]. Вести строительные работы все каменщики обязывались исключительно в трезвом виде.

Со своей стороны Строительный комитет обязывался предоставить каменщикам «казенную квартиру», прогоны из Омска в Томск по 13 руб. на человека, задаток, а также жалованье за работу, которое должно выдаваться два раза в месяц, т.е. 1-го и 15-го числа [14. Л. 1].

Наем каменщиков в Омске, Тюкалинском и Ишимском уездах Тобольской губернии В.И. Мерцалов поручил купцу Колпакову [9. 1882. 8 янв.]. Последний нанял в Омске 53 каменщика по 36 руб. и 26 руб. в месяц для каменщиков первой и второй руки соответственно [9. 1882. 3 июня].

Дополнительно было нанято 38 нижегородских каменщиков, частично из тех, кто работал в 1881 г. на университетских постройках и остался в Томске на зиму, и частично из проходивших через Томск каменщиков, направлявшихся на работы в Иркутск и Красноярск [9. 1882. 23 февр.].

В том же году томский купец Е.И. Королёв передал Строительному комитету в дополнение к уже нанятым рабочим еще 21 каменщика, которые были законтрактованы им для постройки Троицкого кафедрального собора до того, как он от этой идеи (постройки собора) отказался [9. 1882. 5 мая].

Таким образом, общее число каменщиков в 1882 г. на месте университетских построек было доведено до 112 человек. Для подноски материалов к месту по-

стройки Строительным комитетом из средств омского купца Курганского были наняты чернорабочие в количестве 71 человека [9. 1882. 3 июня]. По просьбе П.П. Нарановича необходимое количество чернорабочих было увеличено до 100 человек, которые были затем наняты в Томске за поденную плату [9. 1882. 5 мая].

В 1883 г. для укладки 4 млн кирпичей было нанято около 100 каменщиков и до 120 чернорабочих. Каменщиков наняли в Томском и Барнаульском округах с жалованием в 35 руб. для каменщиков первой руки (мастеров, которые занимались непосредственной кладкой) и 22 руб. – второй руки (учеников мастера, которые занимались подготовкой смеси, подносом кирпичей и т.д.).

Чернорабочих решено было нанять из киргизов (название казахов) Томской губернии и Омского уезда, поскольку они «по своему трезвому и нравственно-хорошему поведению, трудолюбию и физической силе далеко превосходят чернорабочих из русских», с платой в 18 руб. в числовой месяц [9. 1883. 31 марта]. Наем этих рабочих был возложен на делопроизводителя Строительного комитета А.С. Белявского и служащего при Строительном комитете Омского купца Курганского.

После возведения в 1883 г. главного университетского здания вчерне необходимость в каменщиках резко снизилась. Так, в 1884 г. для постройки «служб и оранжереи» с бутовой кладкой было нанято лишь 20 каменщиков [9. 1883. 23 дек.; 1884. 13 янв.].

Сразу после возведения университетских построек вчерне члены Строительного комитета в целях продолжения строительных работ занялись наймом подрядчиков для осуществления штукатурных работ. Так, в 1881 г., после возведения астрономической обсерватории, были наняты крестьяне нижегородской губернии Ф. Паялов и А. Кузнецов [9. 1882. 6 апр.], а также омский мещанин Моргульцов [9. 1882. 26 июня].

В конце марта 1883 г., когда возведение главного здания близилось к завершению, колыванский мещанин П.А. Гаврилов, крестьянин Елгайской волости (Томского уезда Томской губернии) И.М. Федоров, томский мещанин П.С. Андреев и крестьянин Нижегородской губернии Я.А. Кутозов получили первые четыре подряда на штукатурные работы в главном корпусе университета [9. 1883. 31 марта].

Благодаря этому к началу строительных работ по штукатурке «в обоих двухэтажных флигелях» работали 70–80 человек [9. 1883. 8 авг.], однако с открытием «штукатурных работ в частных домах города» «число сих рабочих несколько уменьшилось» [9. 1883. 19 окт.]. Всего с мая по октябрь 1883 г. «круглым счетом» работали до 25 чел. [9. 1883. 18 дек.].

Характеризуя сделанную томскими штукатурами работу, А.С. Белявский писал В.М. Флоринскому, что за 9 месяцев работы подрядчики отштукатурили только «до 3 500 саж. (15 750 м²) стен и карнизов, и то через пень да в колоду; это ясно показало нам, что в числе этих рабочих состояло не более 10–12 человек действительных мастеров, знающих свое дело, остальные же были не что иное, как первогодки, второгодники и обыкновенные подноски, то есть штукатурные ученики, занимавшиеся исключительно подноскою мате-

риалов, обжигом, толчением, стягиванием алебаstra и прочим» [7. 1884. 27 февр.].

В 1884 г., когда главный университетский корпус и здание студенческого общежития были возведены вчерне, штукатурные работы развернулись максимально широко. Всего П.П. Наранович планировал за год покрыть штукатуркой до 15 550 кв. саженей, из которых первоначально планировалось отдать часть омичам, а часть томичам. «Операция» по найму штукатуров была возложена на делопроизводителя Строительного комитета А.С. Белявского [9. 1883. 18 дек.].

Как и планировал П.П. Наранович, из Омска была законтрактована артель штукатуров под руководством уже упоминавшегося выше Андреева. Но в Томске «приискание... достаточного количества штукатуров оказалось безуспешным», поскольку «явились подрядчиками те же мошенники, которые работали в прошлом году и, сделавши между собою стачку, возвысили прошлогоднюю цену» [7. 1884. 27 февр.].

В связи с этим после экстренного заседания Строительного комитета было принято решение командировать А.С. Белявского в Ялуторовский округ Тобольской губернии «для найма штукатуров без посредства подрядчиков, дабы этим достигнуть, возможно, большего понижения цен на штукатурные работы».

В результате поездки были наняты две артели штукатуров «в числе 43 человек, мастеров первой руки», по цене значительно ниже, чем просили томские штукатуры за одинаковый объем работы. Более того, ялуторовские штукатуры «приняли расходы по переезду в Томск и обратно за свой счёт», также часть штукатуров привезла с собой дополнительно несколько штукатуров второй руки [9. 1884. 11 мая].

Подряд на наружную штукатурку лицевого фасада главного корпуса был отдан штукатуру Гаврилову, а наружная отделка химического корпуса – штукатуру Кутозову, бригадиром одной из ялуторовских артелей [9. 1884. 1 июня]. Таким образом, благодаря хорошо организованным и продуманным действиям и желанию подготовить открытие университета к 1885 г., большая часть штукатурных работ была в основном завершена, что позволило Строительному комитету сосредоточиться на мебелировке будущего университета.

Параллельно с работой каменщиков, а затем и штукатуров, на месте постройки университета постоянно работали столяры. Так, в 1881–1882 гг. это были небольшие артели томских столяров, а также арестанты Томской арестантской роты [9. 1881. 25 янв.], которые занимались устройством оконных рам [9. 1881. 14 авг.], дверных проемов, плинтусов и полов в построенных к этому времени астрономической обсерватории и служебном флигеле [9. 1882. 2 янв.].

С окончанием возведения главного университетского здания и студенческого общежития в 1883 г. появилась необходимость в организации и проведении значительного объема столярных работ. Более того, на заседании Строительного комитета было признано, что томские «мастера настолько не обладают материальным достатком, что постоянно затрудняются в найме подмастерьев, требующих всегда плату вперед» [9. 1882. 21 окт.].

Неудовлетворительным также было и качество работы томских столяров. Так, в 1881 г. В.М. Флоринский писал в своем дневнике: «Я уже теперь вижу, что в Томске нет ни порядочных столяров, ни порядочных печников, маляров, слесарей и т.п. Года через два вся эта армия будет настоятельно нужна. Неужели и здесь повториться нынешняя история с каменщиками? Упаци Бог!» [11; 15. С. 155].

Понимая это, В.М. Флоринский, будучи в командировке в Петербурге, предложил подряд на устройство оконных рам, дверей и прочего столяру П.К. Сундуквисту. Однако он назначил цену за свою работу несколько выше, чем было указано в смете 1877 г. архитектора А.К. Бруни, но на 20% ниже переоцененной сметы П.П. Нарановича [9. 1882. 20 июля]. Исходя из этого, В.М. Флоринский «признал выгодным» заключить с ним подряд, о чем он и уведомил Строительный комитет. Тем не менее вышеозначенный подряд был отдан омскому столяру Н.П. Измайлову, который назначил более выгодные «для казны цены» за тот же объем работ, чем П.К. Сундуквист [9. 1882. 18 дек.].

В целях обеспечения последнего в качестве материала сухими досками В.И. Мерцалов сконструировал четырехэтажную сушильную, о чем он писал в своих мемуарах. «Готовых досок у Комитета было не более 10 тыс., но сырых, которых в дело употребить было нельзя, купить же сухих было негде. Сосредоточив все внимание на этом затруднении, я скоро нашел выход из него. Основываясь на том явлении, что в закрытом помещении нижний слой воздуха всегда холоднее, чем верхний, я спроектировал 4-этажную сушилку, в которой теплота от установленных печей распределялась приблизительно так: внизу 22–25 градусов, а сверху до 90. В нижнем этаже доски проваливались, а затем, перемещаемые на верхние этажи, они просушивались постепенно и почти не расщеплялись» [16. С. 63–64].

Подряд же на устройство 1 762 кв. саженей (7 929 м²) штучных полов с обрешеткой, укладкой и галтелью взял на себя столяр Галинский, назначив цену в 8 руб. за 1 кв. сажень [9. 1883. 19 окт.]. Он же, имея в своей артели до 36 человек, занялся постройкой и установкой до 300 шт. дверей, дверных колод и наличников к ним как для главного здания с жилыми флигелями, так и для студенческого общежития [9. 1883. 19 нояб.], а также 17 больших дверных колод вместе с рамами для центральной части главного здания [9. 1884. 29 марта].

«Столярные работы, – писал А.С. Беляевский в своем письме В.М. Флоринскому, – по-видимому, идут удовлетворительно. До сего времени [было] заготовлено щитов с наклейкой и без наклейки более 350 кв. саж. (1 592 м²). Галинский к концу января надеется положить на место до 300 саж. Кроме того, у него приготовлено много рам для паркета, филенок и брусков для паркета и дверей; у него работает теперь 58 столяров и

4 мальчика. Обрешетка полов в левом флигеле давно окончена и скоро окончится в правом флигеле; дверных колод в жилых флигелях поставлено более 100 шт., следовательно, 1/3 [работ] уже окончена» [7. 1883. 20 дек.].

Подводя итог, можно утверждать, что с самого начала своей работы Строительный комитет был поставлен в крайне неблагоприятные условия, связанные со скудностью материально-технической базы Сибири, а также со значительным скачком цен после того, как местные подрядчики узнали о строительстве университета в Сибири. Тем не менее благодаря хозяйственному способу ведения строительных работ, а также личным усилиям членов Строительного комитета возведение зданий Томского университета приняло общероссийский характер.

Так, рабочих на постройку Императорского Томского университета нанимали в Нижнем Новгороде, Тобольске, Омске; железо, необходимое для строительства, везли с Гурьевского и Алапаевского заводов; стекла и скобяные товары – из Москвы; печные и топочные изразцы – из Екатеринбурга. Сантехнические принадлежности выписывались из Европы через английского представителя Лангауза, который просил за свой товар значительно меньшую цену, чем отечественные производители [7. 1884. 27 февр.]; установка сантехнических принадлежностей в зданиях университета была передана пермскому инженеру, предпринимателю Н.А. Ренкулю [17. 1884. 19 окт.].

Уже к 1885 г. удалось возвести значительную часть университетского комплекса, а в 1888 г. – открыть первый университет в азиатской части России. Более того, благодаря рачительной политике Строительного комитета [18] из выделенных на строительство Императорского Томского университета 1 220 567 руб. 51,5 коп. было сэкономлено 448 133 руб. 74,6 коп.

Кроме того, увеличение спроса на квалифицированную рабочую силу, привлечение рабочих артелей из других городов Российской империи привели к тому, что в Сибири значительно увеличилось количество артелей, занимающихся строительством и отделкой зданий. Это, в свою очередь, не только стало одной из причин постепенного уменьшения первоначальной стоимости на рабочую силу в Сибири, но и способствовало строительному буму в Сибири и росту сибирских городов.

В дальнейшем, после открытия университета (1888), строительство университетского комплекса было продолжено: необходимо было построить запланированные факультетские клиники и анатомический институт, которые были предусмотрены еще на стадии проектирования Сибирского университета. Однако Строительный комитет в возведении данных сооружений Императорского Томского университета участия не принимал.

Список источников

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1880. Т. 53, отд. 1: 1878. Ст. 58048–58673.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 103 (фонд Комитета по постройке зданий Сибирского университета в г. Томске). Оп. 1. Д. 2.
3. ГАТО. Ф. 126 (фонд Управления Западно-Сибирского учебного округа Министерства народного просвещения). Оп. 4. Д. 1765.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1884. Т. 55, отд. 1: 1880–1881. Ст. 60541–61928.
5. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1.
6. Национальный музей Республики Татарстан (НМРТ). Ф. В.М. Флоринский. № 117959-869: Письмо В.М. Флоринского А.С. Белявскому из Казани в Томск.
7. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-409: Письмо А.С. Белявского В.М. Флоринскому из Томска в Казань.
8. Труды комиссии, учрежденной по высочайшему повелению для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета. СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1878. 158 с.
9. Научная библиотека Томского государственного университета (НБ ТГУ). Отдел рукописей и книжных памятников (ОРКП). Журналы Строительного комитета.
10. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.
11. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-103: В.М. Флоринский. Дневниковые записи. 1881 г.
12. Дунбинский И.А. Деятельность Строительного комитета по приобретению строительных материалов для возведения зданий Сибирского университета в Томске: к 140-летию Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 16–24. doi: 10.17223/19988613/63/2
13. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-627: Письмо П.П. Нарановича В.М. Флоринскому из Томска в Казань.
14. НБ ТГУ. ОРКП. Договоры с рабочими.
15. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания (1875–1880) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминных и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 13–230.
16. Мерцалов В.И. Мимоходом: моя губернская эпопея // Русская старина. 1917. Июль–сентябрь. С. 38–89.
17. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-482: Письмо И.Д. Делянова В.М. Флоринскому из Петербурга в Казань.
18. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 15.

References

1. Russian Empire. (1880) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Vtoroe (PSZRI-2)* [Complete Laws of the Russian Empire. Col. 2 (PSZRI-2)]. Vol. 53(1). Cln. 58048–58673. St. Petersburg: Second Section of His Majesty's Own Chancery.
2. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 2.
3. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 126 (Fund of the Administration of the West Siberian Educational District of the Ministry of Public Education). List 4. File 1765.
4. Russian Empire. (1884) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Vtoroe (PSZRI-2)* [Complete Laws of the Russian Empire. Col. 2 (PSZRI-2)]. Vol. 55(1). St. Petersburg: Second Section of His Majesty's Own Chancery. Cln. 60541–61928.
5. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 1.
6. Florinsky, V.M. (n.d.) *Pis'mo V.M. Florinskogo A.S. Belyavskomu iz Kazani v Tomsk* [V.M. Florinsky's letter to A.S. Belyavsky from Kazan to Tomsk]. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). V.M. Florinsky's Fund. № 117959-869.
7. Belyavsky, A.S. (n.d.) *Pis'mo A.S. Belyavskogo V.M. Florinskomu iz Tomska v Kazan'* [Letter from A.S. Belyavsky to V.M. Florinsky from Tomsk to Kazan]. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). V.M. Florinsky's Fund. № 117959-409.
8. Florinsky, V.M. (1878) *Trudy komissii, uchrezhdennoy po vysochayshemu poveleniyu dlya izucheniya voprosa ob izbranii goroda dlya Sibirskogo universiteta* [Proceedings of the committee, established by the highest order to study the issue of the selection of the city for the Siberian University]. St. Petersburg: V.S. Balashev.
9. Research Library of Tomsk State University (NB TSU). Department of Manuscripts and Book Monuments (ORKP). *Zhurnaly Stroitel'nogo komiteta* [Journals of the Construction Committee].
10. Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University is the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
11. Florinsky, V.M. (1881) *Dnevnikovye zapisi* [Diary entries]. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). V.M. Florinsky's Fund. № 117959-103.
12. Dunbinskiy, I.A. (2020) Activities of the Construction Committee for purchasing building materials to establish buildings of the Siberian university in the city of Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 63. pp. 16–24. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/63/2
13. Naranovich, P.P. (n.d.) *Pis'mo P.P. Naranovicha V.M. Florinskomu iz Tomska v Kazan'* [Letter from P.P. Naranovich to V.M. Florinsky from Tomsk to Kazan]. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). V.M. Florinsky's Fund. № 117959-627.
14. Research Library of Tomsk State University (NB TSU). Department of Manuscripts and Book Monuments (ORKP). *Dogovory s rabochimi* [Contracts with workers].
15. Florinsky, V.M. (2014) *Zametki i vospominaniya (1875–1880)* [Notes and memoirs (1875–1880)]. In: Fominykh, S.F. et al. (eds) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the Memoirs of Contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 13–230.
16. Mertsalov, V.I. (1917) *Mimokhodom: moy gubernskaya epopeya* [In passing: My provincial epic]. *Russkaya starina*. July-September. pp. 38–89.
17. Delyanov, I.D. (n.d.) *Pis'mo I.D. Delyanova V.M. Florinskomu iz Peterburga v Kazan'* [Letter from I.D. Delyanov to V.M. Florinsky from Petersburg to Kazan]. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). V.M. Florinsky's Fund. № 117959-482.
18. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 15.

Сведения об авторе:

Дунбинский Илья Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dunbinskiy@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dunbinskiy Ilya A. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dunbinskiy@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.02.2018; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 26.02.2018; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/83/5

Новониколаевск в борьбе за право на окружной суд во втором десятилетии XX в.

Евгений Адольфович Крестьянников¹, Дилиара Василевна Шайхутдинова²

^{1,2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ krest_e_a@mail.ru

² Delora12@yandex.ru

Аннотация. Исследуются обстоятельства изменения сибирского судостроительства; особое внимание уделяется разработке и реализации городской властью и местным судебным сообществом стратегии, направленной на достижение положительного результата по решению вопроса об образовании в дополнение к существующим в Сибири окружного суда в быстрорастущем Новониколаевске. В годы Первой мировой войны по инициативе городского самоуправления вопрос был поставлен, но создавалось учреждение уже в условиях Гражданской войны.

Ключевые слова: юстиция, окружные суды, Новониколаевск, Сибирь

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00268, проект «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII – начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/23-18-00268/>, реализуемый на базе Тюменского государственного университета (руководитель проекта – Е.А. Крестьянников).

Для цитирования: Крестьянников Е.А., Шайхутдинова Д.В. Новониколаевск в борьбе за право на окружной суд во втором десятилетии XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 33–41. doi: 10.17223/19988613/83/5

Original article

Novonikolaevsk in the struggle for the right to a district court in the second decade of the 20 century

Evgenii A. Krestiannikov¹, Diliara V. Shaikhutdinova²

^{1,2} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ krest_e_a@mail.ru

² Delora12@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to study history of the establishment of the Novonikolaevsk district court during the late Russian Empire and the Civil War. The circumstances of the origin of the initiative of this change in the Siberian judicial system are clarified in the study. The authors analyze the methods of struggle for the right to judicial institution of the city authorities and the judicial community and determine their effectiveness. With the use of micro-historical detailing and comparative methods, the regulatory legal acts involved in the study, office documentation, periodicals, statistics and sources of personal origin allow us to consider the main stages of creating a district court in the context of the development of the domestic judicial system, government policy and the impact of society on the adoption of power decisions. In the late 19th – early 20th century, the Siberian justice had noticeable shortcomings in terms of territorial accessibility for the population. There was a need to bring justice closer to Siberians by establishing additional judicial bodies. Several localities in the region required the establishment of their own district court. In 1915, rapidly growing Novonikolaevsk was added to these settlements. The petition for the introduction of a judicial institution was developed on the initiative of the deputies of the local дума, based on the expertise of city lawyers regarding the feasibility and possibility of a new court, which was needed not only by the city itself, but also by the vast area nearby. The lawyers took into account the previous experience of such initiatives, drew the attention of heads of regional justice to the idea of creating an institution, collected statistical material and presented a reasoned project of transformation. However, despite all efforts, it did not get sympathy of the tsarist government. The situation changed during the Civil War, when it became important for a democratic regime to respond to public inquiries, and the ruling circles showed interest in improving the judicial system. The judicial corporation and the Novonikolaevsk city council, with the assistance of local civil forces, again raised the issue of creating a district court in the city. The corresponding petition was addressed to the Prime Minister of the Provisional Siberian Government P.V. Vologodskii. By the nature of his previous activity as a lawyer and a major judicial official, P.V. Vologodskii knew the needs of justice, and soon satisfied the application. In general, the authors of the article recognize the strategy of Novonikolaevsk's struggle for the right to a district court as effective, since it relied on knowledge about the state of justice, expert opinion of specialists and support in the corridors of power.

Keywords: justice, district courts, Novonikolaevsk, Siberia

Acknowledgments: The research is executed at expense of the grant of the Russian Science Foundation № 23-18-00268; the project “Justice in the system of security maintenance and in the integration processes of the periphery regions of the Russian empire (the 18 – beginning of the 20 centuries)”, <https://rscf.ru/project/23-18-00268/>, is realised on the base of Tyumen State University (head of the project – E.A. Krestiannikov).

For citation: Krestiannikov, E.A., Shaikhutdinova, D.V. (2023) Novonikolaevsk in the struggle for the right to a district court in the second decade of the 20 century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 33–41. doi: 10.17223/19988613/83/5

Судебная реформа 1864 г. создала в российской юстиции мировые и общие суды, представшие отдельными системами из двух инстанций каждая: первую систему составляли единоличные мировые судьи и их съезды, действовавшие чаще всего в границах уездов, вторую – окружные суды, обычно по одному в губернии, и объединявшие их на своей территории судебные палаты. Окружные суды, рассматривавшие наибольшее количество важных уголовных и гражданских дел, имели громадное значение в судоустройстве и судопроизводстве, а города от обладания ими существенно выигрывали из-за максимальной пространственной доступности правосудия для горожан и городских организаций. Иногда губерниям Европейской России доставалось несколько окружных судов, например Ярославской, заполучившей их сразу для Ярославля и Рыбинска [1. С. 19]; в местностях же, где концентрация судебной власти в виде окружных судов складывалась неудачно для некоторых населенных пунктов, они нередко разворачивали борьбу за право на такие учреждения [2. С. 237–242].

Уставы Александра II вводились в Сибири на основе закона от 13 мая 1896 г. с рядом особенностей. В частности, не предусматривались съезды мировых судей, а их обязанности возлагались на окружные суды, чья роль, соответственно, заметно возрастала. В ходе реформирования они размещались исключительно в административных центрах сибирских губерний и областей – Тобольске, Томске, Красноярске, Иркутске, Чите, Благовещенске, Якутске и Владивостоке [3. № 12932], что само по себе не для всех районов края было подходящим решением, поскольку фокус юстиции только на этих городах иногда противоречил требованиям географической близости правосудия к остальному населению провинций. Особенно бросался в глаза подобный недостаток в Тобольской и Томской губерниях, где административные центры располагались в крайних северных секторах зоны компактного расселения сибиряков, и закономерно ставились вопросы либо о переносе единственного окружного суда в иное, более благоприятное с пространственной точки зрения место, либо об открытии дополнительных окружных судов в других городах, которые сами охотно включались в гонку за обладание ими. В конце имперской эпохи в этом направлении активизировался и Новониколаевск Томской губернии.

Исследователи сибирской юстиции основательно изучили организацию и деятельность сибирских окружных судов [4; 5. С. 66–74; 6. С. 91–132; 7. С. 25–41, 99–121; 8. С. 50–60, 192–199; 9. С. 150–158, 194–198]; некоторые историки приводят общие сведения о начале нового судебного учреждения в Новониколаевске [8. С. 197–199; 10. С. 76, 81–82, 91, 104, 151], тем не менее целостного и отдельного осмысления ситуации, поста-

вившей когда-то на повестку указанное преобразование судоустройства, еще не предпринималось. Реконструировать развитие идеи о создании Новониколаевского окружного суда (НОС) позволяют нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация, периодическая печать, статистика, источники личного происхождения, а приемы микроисторической детализации и компаративистики делают возможным, с одной стороны, выявить существенные обстоятельства, результатом которых стало открытие данного органа правосудия, а с другой – рассмотреть условия этой меры в рамках широкого сравнительно-исторического контекста.

Реализация замысла об окружном суде в Новониколаевске заняла непродолжительный срок. 6 апреля 1915 г. на заседании местной городской думы обсуждалась тема предоставления помещений для выездных сессий Томского окружного суда (ТОС) и Омской судебной палаты (ОСП) на ближайшие десять лет. Возникло соображение о строительстве специального судебного здания, а взгляд в перспективу породил мнение, что рано или поздно в быстрорастущем городе суждено появиться самостоятельному окружному суду. Вскоре трое состоятельных горожан заявили о готовности соорудить на своей земле дома под нужды правосудия, а председатель ТОС признал все три предложенных участка по своей локации приемлемыми для органа юстиции. 2 октября того же года думские гласные решили создать судебную комиссию из «сведущих лиц» для разработки проекта введения задуманного учреждения [11. Л. 29–29 об.], а через три года, 12 октября 1918 г., постановление Административного совета Временного Сибирского правительства (ВСП) уже дало жизнь НОС [12. С. 550–551].

27 мая 1916 г., после заслушивания доклада судебной комиссии, Новониколаевская городская дума решила «возбудить ходатайство перед Министерством юстиции об открытии в городе Новониколаевске окружного суда», и через месяц подготовленное прошение адресовалось главе ведомства министру И.Г. Щегловитову [13. Л. 4, 82–82]. Видимо, среди гласных по поводу удовлетворения петиции преобладали позитивные настроения, распространявшиеся и на остальных горожан. Воодушевляла новониколаевцев сообщения местной прессы, дававшей оптимистические прогнозы. Так, корреспондент «Алтайского дела» подбадривал общественность информацией, услышанной на думском заседании: «За последние дни стало известно, что Министерство юстиции весьма благосклонно относится к открытию окружных судов в Сибири вообще и в частности в Новониколаевске» [11. Л. 30; 14].

Однако рассчитывать на быструю и положительную для города реакцию имперского министерства было преждевременно. Предыдущий опыт судебных

преобразований в крае красноречиво свидетельствовал о крайнем нежелании казны тратиться на совершенствование сибирской системы правосудия [15], а истощение государственного бюджета военного времени не способствовало проявлению правительством финансовой щедрости. Момент был неудачным для судебного реформирования, тем более для такого новаторского, как установление окружного суда в Новониколаевске. Дело в том, что город в административном отношении имел существенный изъян – являлся безуездным, а в случае создания в нем суда тот становился третьим в Томской губернии, что для России составляло исключение из правил: если в начале XX в. страна располагала почти полутора десятками губерний с двумя окружными судами, то сразу три таких учреждения фиксировалось лишь в одной губернии – Черниговской (Черниговский, Стародубский и Нежинский окружные суды) [16. С. 16–50]. Когда 3 октября 1918 г. в Совет министров ВСР поступила «Объяснительная записка к проекту закона об учреждении окружного суда в г. Новониколаевск Томской губернии», там разъяснялась ситуация относительно вопроса о новом органе правосудия в конце царской эпохи. Для сведения припомнилось, что соответствующее ходатайство тогда все-таки дошло до Министерства юстиции, «но не привело ни к каким результатам» [17. Л. 1, 4–4 об.].

Даже если учесть «благосклонность» министерских чиновников к почину о создании НОС, следует констатировать невозможность его реализации в отпущенный историей царизму срок. Имперская бюрократическая машина, во-первых, отличалась неповоротливостью, а потому любой шаг законодательного характера подчинялся затратным по времени процедурам (усложненный мир рутины в столичных ведомствах, окружавший и запутывавший процесс законотворчества, хорошо показан в монографии К.А. Соловьева [18]), во-вторых, она нередко проводила достаточно вездливую экспертизу обстоятельств, приводящих к определенному решению. В Томской губернии имелся пример создания окружного суда в Барнауле, инициированного местной городской думой в 1903 г. [19. Л. 5], но узаконенного лишь в 1910 г. [20. № 33392], и это притом было уникальным случаем. Ведь всего, по сведениям историка О.Г. Бузмаковой, в качестве месторасположения окружных судов в пределах от Урала до Тихого океана тем или иным образом рассматривались Тюмень, Ишим, Курган, Барнаул, Новониколаевск, Бийск, Верхнеудинск, Петропавловск на Камчатке [8. С. 192–199]; к ним можно прибавить Бодайбо, на него обращал внимание незадолго до начала Первой мировой войны старший председатель Иркутской судебной палаты Н.П. Ераков в переписке с иркутским генерал-губернатором Л.М. Князевым [21. Л. 2–2 об.]. И только окружной суд в Барнауле стал единственным в дореволюционной Сибири, образование которого напрямую отвечало потребностям судебной власти и сибиряков в правосудии (в 1912 г. появился еще один суд – в Петропавловске на Камчатке, но как следствие административно-территориального преобразования – создания вновь Камчатской области [22. № 32146; 23. № 37522]).

Из остальных ближе всех к учреждению подобрался Ишимский окружной суд. В мае 1914 г. И.Г. Щегловитов составил «Проект министра юстиции об учреждении окружного суда в г. Ишиме Тобольской губернии и об изменении штата Тобольского окружного суда» [24. Л. 2], но на этом процесс остановился, что опять-таки ставило под сомнение вероятность скорого решения аналогичного вопроса в пользу Новониколаевска. Вместе с тем, если бы, к примеру, новониколаевцы знали результат первой по времени попытки сибирского города заявить претензии на окружной суд, то воодушевление вполне могло смениться унынием. Летом 1897 г., в момент развертывания деятельности реформированной судебной системы, городские «верхи» Тюмени, оправданно считая окружной суд в их городе более близким к населению губернии, организовали депутацию в Курган, через который проезжал министр юстиции Н.В. Муравьев по случаю открытия новых сибирских судов. Ему тюменцы подали прошение о необходимости перенести судебное учреждение из Тобольска в Тюмень, предлагая даже внушительную сумму на постройку специального здания [25–27]. Однако миссии изначально грозил провал: ходатайство, по сути, указывало на недостатки осуществляемого в те дни преобразования, когда глава министерства в своих речах расхваливал на все лады безупречность положений реформы, каковые, по его словам, обуславливались «глубоко обдуманными соображениями первостепенной государственной важности» [28. С. 410].

По-видимому, предшествующие новониколаевскому опыту безуспешные притязания на окружной суд мало опирались на убедительную аргументацию, знание бюрократической логики, понимание конъюнктуры в административной и судебных системах. Для положительного результата надлежало учесть интересы разных ведомств, услышать экспертное мнение юристов, заручиться поддержкой регионального руководства, а еще лучше – найти ее в кругах петербургского истеблишмента. Именно таким путем шли Ишим и Барнаул. Хотя в случае с первым почин создания окружного суда принадлежал не городу, а высокопоставленному чиновнику (прокурор ОСР В.В. Едличко 9 января 1911 г. запросил Министерство юстиции о необходимости данного преобразования), ишимские власти развернули бурную деятельность по продвижению инициативы. Они устремились за помощью к председателю Тобольского окружного суда П.Е. Маковецкому, собравшему статистические сведения об обременительности для подчиненного ему учреждения совершать выездные сессии в южные уезды губернии и излишних казенных тратах на эти мероприятия, доказывавшие неразумность и ненормальность существовавшего порядка с точки зрения интересов государства по обеспечению доступности судопроизводства для населения. Городской голова С. Двойников 25 февраля 1912 г. обратился к губернатору с просьбой помочь в осуществлении замысла, а чтобы у столичных сановников было меньше соблазнов отказать, местная дума пообещала передать бесплатно 1 200 кв. саженей городской земли под постройку здания для нужд правосудия [29. Л. 49–52 об.].

Стратегия борьбы Новониколаевска за право на окружной суд в имперский период подразумевала использование в качестве образца барнаульского сценария как единственно удачного, наиболее знакомого и удовлетворявшего региональной специфике поставленного вопроса. Известно, что в ноябре 1915 г. судебная комиссия обратилась с просьбой к председателю ТОС отыскать в архиве учреждения комплект «всего производства по открытию Барнаульского окружного суда», который частично был скоро доставлен [13. Л. 62]. Одинаковым для Новониколаевска и Барнаула являлось слишком уязвимое северное положение Томска – центра судебной власти провинции, видимое невооруженным глазом и заставлявшее задумываться об открытии новых судов на южных территориях. Относительно необходимости такого преобразования для Алтая, например, сибирский адвокат Р.Л. Вейсман писал: «В Томской губернии давно говорят о барнаульском суде, который бы обслуживал юг Томской губернии. Самому поверхностному наблюдателю до очевидности ясно, что Томск является искусственным центром для юга Томской губернии» [30. С. 9]. Население алтайских уездов – Барнаульского, Бийского, Змеиногорского и Кузнецкого – росло быстрыми темпами (за 1897–1910 гг. увеличилось с 1 млн 325 тыс. чел. до 2 млн 420 тыс. чел. [31. С. 88]), сотрудники суда из Томска часто со значительными трудностями посещали их регулярно, но делалось это с нарастающими для всей провинциальной системы правосудия напряжением и ущербом [32. Р. 326–327]. «Томский окружной суд с трудом уже успевает удовлетворять своему назначению в качестве суда не только скорого и справедливого, но и близкого к населению», – в конце концов констатировал сам И.Г. Щегловитов, оценивая состояние организации судебного дела в южном секторе края [19. Л. 4].

Задолго до признания министра барнаульцы, возможно, сознавая бесперспективность пассивного ожидания правительственных милостей, предпринимали шаги, склонявшие на их сторону влиятельных персон. Весьма активными показали себя городские головы Барнаула. В 1903 г. П.В. Орнатский отметил причастностью к самой идее открытия окружного суда и вел соответствующую переписку с губернатором и председателем ТОС А.В. Витте. Последний заслужил репутацию одного из наиболее авторитетных судебных деятелей позднеимперской Сибири и безусловно поддерживал затею. Его профессиональные и основанные на богатом статистическом материале суждения во благо барнаульских просителей не оставляли сомнений в нужности нового учреждения, в чем судебный начальник убеждал губернатора. По мнению Альфонса Васильевича, открытие суда в Барнауле являлось «лишь вопросом времени, и притом ближайшего, так как Томскому окружному суду с каждым годом все труднее и труднее обслуживать... громадный район». Председатель размышлял о создании второго в губернии коллегиального органа юстиции как задумке, отвечавшей здравому смыслу: «Деятельность того же числа судей (и канцелярских чинов), распределенных между двумя судами – Томским и Барнаульским – будет благодаря меньшим разъездам, несомненно, про-

дуктивнее деятельности тех же чинов при условии сосредоточения их в одном пункте – Томске, расположенном притом не в центре губернии, а на северной ее окраине» [33. Л. 4–5, 11–14]. Уже в 1909 г. городской голова М.И. Страхов, находясь в Санкт-Петербурге, проводил переговоры в Министерстве юстиции по поводу обеспечения будущего окружного суда помещением, а когда выяснилось, что потребуется строительство нового здания, получил от министерских чиновников еще и план сооружения [13. Л. 76–77 об.].

В принципе, сила аргументации барнаульской, а затем и новониколаевской «заявок» на окружные суды определялась указанной слабостью северного положения Томска, судьям которого приходилось посещать ежегодно немало далеких населенных пунктов с числом выездов свыше 30 [32. Р. 327]. Для сравнения ситуаций, в соседней Енисейской губернии ни один город не замечался в притязаниях на суд, вероятно, не в последнюю очередь потому, что расположение там Красноярского окружного суда с точки зрения пространственных факторов являлось безукоризненным, а выезды не были столь обременительными. Красноярск – центр той части провинции, где преимущественно проживало население, и главный транспортный узел региона. В архивах сохранилась исчерпывающая статистика о выездных сессиях здешнего окружного суда в 1906–1915 гг. Командировками охватывались исключительно одни и те же Минусинск, Енисейск, Канск и Ачинск, удобно располагавшиеся относительно Красноярска. Судходный Енисей благоприятствовал поездкам в первые два города, а Ачинск и Канск стояли по разные стороны на Транссибе. Во многом благодаря данному положению, в отличие от Томской губернии, судебная деятельность в Енисейской губернии протекала относительно нормально, по крайней мере касательно судебных разъездов. На протяжении десятилетия число выездов распределялось по городам равномерно, общее количество командировок на сессии (около 20 ежегодно) хотя и имело некоторую тенденцию к увеличению, однако это не говорило о существенных проблемах [34. Л. 128 об.–139; 35. Л. 2, 7, 13, 18].

В целом опыт указывал, что открытие окружного суда обусловлено самыми разнообразными обстоятельствами, для понимания которых порой требовались специальные познания, и одного желания горожан оказывалось недостаточно для успеха. Пожалуй, Новониколаевск стал первым городом в Сибири из претендовавших на учреждение юстиции, где это вполне осознавали. Судебная комиссия, созданная городской думой, включала очень компетентных лиц. Ее начальное заседание 30 октября 1915 г. посетили почетные мировые судьи В.И. Жернаков и Г.А. Бутович, мировые судьи Ф.Ф. Варжицкий, А.И. Зверев, И.А. Кильдюшевский, В.Я. Печеркин, присяжные поверенные Г.И. Жерновков, А.А. Шиша, А.Е. Бяков, Н.Н. Иванов и помощник присяжного поверенного В.Б. Скворцов (председателем избрали Г.И. Жерновкова, товарищем председателя – А.А. Шиша) [13. Л. 57]. Получается, все присутствовавшие служили Фемиде, в подавляющем большинстве практиковали юридическое ремесло, а в отсутствии знаний по вопросам правоведения

нельзя было упрекнуть даже почетных мировых судей. Так, В.И. Жернаков – первый городской голова Новониколаевска в 1909–1914 гг. – ни много ни мало окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета [36. С. 99].

Ведущие позиции в комиссии заняли представители новониколаевской адвокатуры, несмотря на свою молодость, быстро набиравшей вес в регионе. В частности, на общем собрании присяжных поверенных округа ОСП 24 мая 1913 г. было принято решение предоставить членство в совете – руководящей адвокатами организации – жителю Новониколаевска, даже не имевшего окружного суда. Из других шести членов совета по три являлись омичами и томичами, а Семипалатинск, Тобольск и Барнаул с их окружными судами оставались без представительства [37. С. 3, 7–9]. Неслучаен выбор руководителями комиссии Г.И. Жерновкова и А.А. Шиша, поскольку, помимо своих профессиональных достоинств, они обладали авторитетом в сибирском судебном сообществе. Адвокатская и общественно-политическая деятельность первого сделала его фигуру заметной в Сибири [38. С. 34, 75, 77, 79, 81, 89–90, 94, 149–150], но в контексте развития проблемы настоящей статьи особенного внимания заслуживает второй юрист. Он начинал карьеру в качестве помощника присяжного поверенного П.В. Вологодского [39. Л. 19–20 об.], считавшегося чуть ли не лучшим адвокатом региона [40], и, к примеру, вместе с патроном в августе 1909 г. участвовал в судебном процессе о томском погроме – самом значительном в истории юстиции края [41. С. 84]. Позже, в бытность Петра Васильевича премьер-министром ВСП, названному союзу предстояло сыграть определенную роль в создании НОС.

Между тем к моменту образования комиссии у Новониколаевска имелись полные основания заявлять о своем лидирующем положении в регионе. Так, еще на 1910 г. он по численности жителей подступился к пятерке крупнейших городов Сибири [42. С. 348], а в середине второго десятилетия XX в. по показателям стоимости произведенной промышленной продукции с большим отрывом от Томска занимал первое место в губернии [43. С. 4, 16]; с вводом в эксплуатацию Алтайской железной дороги в 1915 г. [44. С. 126–127] ему не оставалось равных в качестве главенствующего транспортного узла на громадной сибирской территории. Собрать воедино и обобщить подобного рода преимуществ, связать их с потребностями правосудия и найти поддержку в кабинетах власти являлось действенным маршрутом, которым и пошла судебная комиссия. Сохранились протоколы ее заседаний 30 октября и 15 ноября 1915 г. На первом собрании Г.И. Жерновков сообщил о состоявшихся переговорах по вопросу о НОС с В.В. Едличко (тогда уже старший председатель ОСП), рекомендовавшим задуматься о строительстве специального здания для судебного учреждения – так можно вызвать «сочувственное отношение» Министерства юстиции. А.А. Шиша доверялось связаться с председателями Томского и Барнаульского окружных судов, отдельным членам поручалось собрать экономические, демографические и судебные сведения

о районе проектируемого окружного суда, а также принималось решение приступить к поиску для него помещения [13. Л. 55–57 об.].

Доклад комиссии на заседании городской думы 27 мая 1916 г. приводил убедительные аргументы на фоне весьма благоприятного для дела обстоятельства: еще 3 июля 1914 г. был принят закон об увеличении штатов Томского и Барнаульского окружных судов с организацией в каждом из них по одному новому отделению. Новониколаевские правоведа доказывали, что целесообразно вместо такого штатного изменения образовать совершенно новое судебное учреждение в их растущем, географически удачно расположенном, экономически развитом городе; последний, конечно, понесет «довольно крупные затраты на приобретение участка и на постройку здания», но те окупятся «ожидаемыми выгодами для населения города и района от пребывания окружного суда»; наконец, эта мера удвоит людей, поскольку сделает ближе к ним правосудие в пространственном отношении, и одновременно юстицию, для которой уменьшатся служебные нагрузки и финансовые потери от излишних судебных командировок [11. Л. 29–32; 17. Л. 4].

Летом 1918 г., после ликвидации советской власти, кардинально обновилась обстановка с точки зрения перспектив создания НОС. Шансы на успех явно подросли из-за осуществленного в июне 1917 г. административно-территориального преобразования, в результате которого были созданы Алтайская губерния с центром в Барнауле и Новониколаевский уезд в Томской губернии [45. С. 86], оставшейся теперь с единственным окружным судом. Также имела надежда на сочувствие идее открытия нового органа правосудия со стороны ВСП во главе с П.В. Вологодским. К тому времени в карьерном пути Петра Васильевича по судебному ведомству к позиции лидера дореволюционной адвокатуры края [46] после назначения 14 июля 1917 г. успел прибавиться опыт работы старшим председателем ОСП [47. С. 77], т.е. в должности, предполагавшей знание чаяний судебного персонала огромного округа. В целом курс Министерства юстиции антибольшевистских правительств Сибири отвечал потребностям совершенствования правосудия, а когда ведомство в октябре 1919 г. подводило промежуточный итог собственной деятельности, то отчитывалось среди прочих важнейших достижений введением НОС [48. Л. 5 об.].

На данном этапе стратегия притязаний на орган правосудия в полной мере отражала перемены. Постановление городской судебной коллегии 11 июля 1918 г. «возбудить перед Сибирским Временным правительством ходатайство об открытии в Новониколаевске самостоятельного окружного суда» запустило незнакомые ранее механизмы. Демократические импульсы подталкивали привлечь на сторону инициативы как можно больше общественных сил, и местные правоведа призвали к содействию прежде всего городскую думу и земское самоуправление, введенное в крае уже после падения царизма. В поиске судебного помещения А.А. Шиша нашел отклик Новониколаевского коммерческого клуба, разрешившего использовать комнаты своего здания будущему учреждению юстиции,

а городской голова А.К. Скворцов обратился в управы городов Каинска и Колывани (в случае появления НОС они вошли бы в его округ) с просьбой помочь задуманному преобразованию [13. Л. 17–21 об., 28]. Также известно, что ходатайство нашло поддержку Союза домовладельцев Новониколаевска, Союза сибирских кредитных союзов и Союза сибирских маслодельных артелей и в конце концов от Новониколаевской городской думы адресовалось председателю Совета министров ВСП [17. Л. 4 об.].

С последним А.А. Шиша в дни революционных страстей оставался, что называется, «на короткой ноге». П.В. Вологодский до конца жизни хранил письмо новониколаевского коллеги от 15 июля 1917 г. по случаю назначения председателем ОСП. Текст поздравления, хотя и затрагивал деловые проблемы, заканчивался по-свойски: «Привет Вам и С.И. (жена П.В. Вологодского Софья Ивановна. – *Е.К., Д.Ш.*) от меня и Любы» [49. Л. 10]. Через месяц между ними велась переписка об обострившихся материальных нуждах делопроизводителей при мировых судьях Новониколаевска. А.А. Шиша доносил о своих попытках отговорить канцеляристов от забастовки, а для председателя палаты обращение бывшего подшефного стало одним из поводов отправить 5 сентября в Министерство юстиции проект увеличения жалования служащих округа [50. Л. 54–54 об., 60–61, 70–74]. Вечером 28 августа 1918 г. они встретились в железнодорожном вагоне на станции Новониколаевска, и после разговора в дневнике премьер-министра появилась запись о товарище как об одном из своих «добрых знакомых» [51. С. 76–77]. Между тем сам Петр Васильевич наверняка симпатизировал идее НОС, поскольку являлся сторонником приближения правосудия к людям в максимально широком понимании. В частности, добиваясь для томичей доступности юридических услуг, адвокат в первые годы XX в. участвовал в создании консультации при ТОС, а затем ею руководил [52]. Не было секретом и его отношение к открытию Барнаульского окружного суда, которое он ставил в ряд улучшений юстиции, способствовавших «водворению в жизнь» начал правового государства. «С открытием этого суда население обширного алтайского района приближается к суду. А близость суда к населению – это один из основных принципов правильного судоустройства», – писал в 1910 г. авторитетный правовед [53].

После свержения большевиков корпорация новониколаевских юристов ощущала себя весьма уверенно и даже пыталась склонять новую власть к принятию тех или иных решений. Так, в июне 1918 г. общее собрание чиновников судебного ведомства и адвокатуры города постановило «потребовать от Сибирского Временного правительства увольнения всех чинов судебного ведомства, подавших прошения о предоставлении им должностей и вообще находившихся на службе в организованных советской властью судах» [54]. Данное судебское содружество обозначило свою влияние, когда вопрос об образовании суда в Новониколаевске близился к благополучному разрешению: в августе 1918 г. от нее в Министерство юстиции ВСП поступило представление с пожеланием «персонально-

го состава» будущего судебного учреждения. Вероятно, в столичном Омске в те дни город уже воображался местом расположения окружного суда, и 12 сентября Министерство юстиции уведомляло А.К. Скворцова о том, что председателю ТОС поручено лично заняться поиском помещения для нового органа правосудия [13. Л. 31, 33].

«Объяснительная записка» от 3 октября 1918 г. в основном воспроизводила аргументацию, разработанную в 1916 г. По постановлению Административного совета ВСП 12 октября создавался судебный округ НОС, включавший в себя территории сразу двух губерний – Томской (Новониколаевский и Каинский уезды) и Алтайской (Каменский и Славгородский уезды), а введение предписанных мер планировалось на 1 января 1919 г. [12. С. 550–551]. Таким образом, в условиях антибольшевистских режимов на удовлетворение ходатайства по открытию судебного органа ушло около полугода, что для подобного рода преобразований по меркам Российской империи было необыкновенно скоростью, являвшейся вместе с тем следствием проделанной подготовительной работы в царский период.

Однако сценарий учреждения НОС несколько отличался от замыслов новониколаевцев. Местные управа и судейская корпорация в конце лета 1918 г. просили министра юстиции ВСП Г.Б. Патушинского назначить председателем члена ТОС М.А. Ждановича [13. Л. 31], но этого не произошло. Какими бы демократичными ни были наступившие порядки, самим принципам Судебных уставов 1864 г., прежде всего независимости суда и несменяемости судей, противоречило любое вмешательство в организацию судебной системы извне, и возможность ставленников каких-либо сил со стороны отторгалась. По указу П.В. Вологодского 28 октября 1918 г. НОС возглавил член ОСП И.И. Карнеев-Гребаров, карьера которого в основном прошла вдаль от Новониколаевска и Томской губернии (единственно, в конце XIX в. он кратковременно исполнял обязанности мирового судьи в районе Каинска) [55. Л. 3 об, 9].

НОС появился в крайне неудачный момент для планомерного судебного строительства. Катастрофически не хватало материальных ресурсов, и характерно, что 31 декабря 1918 г., накануне открытия судебной инстанции, И.И. Карнеев-Гребаров обращался в городскую управу с просьбой одолжить всего на один день торжества «звонок и зеленое или красное сукно для столов» [13. Л. 50], а на самом праздновании говорил: «Ввиду спешности формирования окружной суд не имеет надлежащего помещения, состав суда не имеет квартир, нет даже канцелярских принадлежностей» [56].

Некоторые лица, прежде инициировавшие создание суда, оказались так или иначе причастными к его первым шагам. Членами нового органа судебной власти стали мировые судьи А.И. Зверев и Ф.Ф. Варжицкий (судья по сохранившимся документам, последний являлся креатурой лично И.И. Карнеева-Гребарова, считавшего служащего «прекрасным и энергичным работником») [57. Л. 1, 3–3 об., 5–6; 58. Л. 22]. На открытии НОС с поздравлениями от адвокатуры высту-

пил А.А. Шиша, от местных торгово-промышленных кругов высказался А.Г. Беседин [56], возглавлявший в 1915–1916 гг. городскую думу, озаботившуюся тогда проблемой окружного суда. Г.И. Жерновков находился в длительном отъезде и не смог присутствовать, о чем письмом от 12 декабря 1918 г. предупредил А.К. Скворцова, прибавив трогательные слова: «Я как председатель комиссии, положившей начало ходатайства об открытии окружного суда в г. Новониколаевске, ныне столь удачно закончившегося, прошу в торжественный день открытия суда объявить и мой голос участия в торжестве и радостного приветствия Высокому судебному учреждению нашего города, близкого мне и по тому жизненному делу, служению которому я себя посвятил» [13. Л. 51–51 об.].

Эволюция вопроса о получении городом окружного суда пришлась на переломную эпоху и определялась разными ситуациями, характеризующими сущность двух

политических режимов. При самодержавии подобные проблемы вообще рассматривались чрезвычайно медленно, поскольку природе авторитарной власти не была свойственна отзывчивость на общественные запросы, и наоборот, антибольшевистские силы Сибири времен Гражданской войны, позиционировавшие себя демократическими (за периодом их правления в историографии закрепилось наименование «демократической контрреволюции» [59. С. 142–418]) и искавшие поддержку социума, проявляли склонность к удовлетворению такого рода потребностей. Чувствовавшими политическую конъюнктуру просителями окружного суда от Новониколаевска применялась эффективная с точки зрения достижения положительного результата стратегия, учитывавшая предыдущий опыт аналогичных судебных преобразований, полагавшаяся на экспертизу специалистов, использовавшая рычаги влияния в коридорах власти.

Список источников

1. Марасанова В.М. Ярославский окружной суд. 1866–1917. Ярославль : Индиго, 2014. 208 с.
2. Попова А.Д. Фемида в эпоху преобразований: судебные реформы 1864 г. и рубежа XX–XXI вв. в контексте модернизации. М. : Новый хронограф, 2009. 360 с.
3. Полное собрание законов Российской империи Собрание Третье (ПСЗРИ-3). СПб. : Гос. тип., 1900. Т. 16. 1571 с.
4. Абрамитов С.А. История Иркутского окружного суда (1897 – февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005. 205 с.
5. Астахов А.В. Судебные институты Омского судебного округа в конце XIX – начале XX вв.: структура, состав и функционирование : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 240 с.
6. Глазунов Д.А. Деятельность судебных учреждений Томской губернии (конец XIX – начало XX в.). Барнаул : Изд-во ААЭП, 2006. 152 с.
7. Бтикеева М.А. Судебные учреждения Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. : (по материалам округа Омской судебной палаты). Омск : Омская акад. МВД России, 2008. 188 с.
8. Бузмакова О.Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск : Изд-во СГУПС, 2012. 206 с.
9. Крестьянников Е.А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень : Экспересс, 2009. 270 с.
10. Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2001. 352 с.
11. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 199^а.
12. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Сова, 2007. 818 с.
13. ГАО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 224.
14. Заб.-ик М. Заседание городской думы // Алтайское дело. 1916. 2 июня.
15. Крестьянников Е.А. Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Российская история. 2018. № 2. С. 22–34.
16. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. СПб. : Сенат. тип., 1911. Вып. 25: Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской и Азиатской России за 1909 г. 398 с.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 12.
18. Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М. : Полит. энцикл., 2018. 351 с.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1409. Оп. 6. Д. 948.
20. ПСЗРИ-3. СПб. : Гос. тип., 1913. Т. 30, отд. 1. 1425 с.
21. Государственный архив Иркутской области. Ф. 246. Оп. 9. Д. 1.
22. ПСЗРИ-3. СПб. : Гос. тип., 1912. Т. 29. 1053 с.
23. ПСЗРИ-3. СПб. : Гос. тип., 1915. Т. 32, отд. 1. 1719 с.
24. РГИА. Ф. 797. Оп. 92. Д. 167.
25. По Сибири // Томский листок. 1897. 3 июля.
26. Тюменские письма // Степной край. 1897. 27 июля.
27. Корреспонденция «Енисей» // Енисей. 1897. 7 сент.
28. Муравьев Н.В. Речь при открытии новых судебных установлений в Иркутске 2 июля 1897 г. // Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. Т. 2. С. 407–419.
29. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 904.
30. Вейсман Р.Л. Правовые запросы Сибири. СПб. : Тип. Ф. Альтшулера, 1909. 40 с.
31. Азиатская Россия. СПб. : Изд. Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. 578 с.
32. Krestiannikov E.A. Along the Routes of Justice: Judicial Circuit Riding in Western Siberia during the Late Imperial Period // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2019. Vol. 20 (2). P. 315–344.
33. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5658.
34. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 280.
35. Государственный архив Красноярского края. Ф. 42. Оп. 1. Д. 248.
36. Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX – начале XX в. : энциклопедический словарь / М.В. Шиловский, Г.А. Ноздрин, А.К. Кириллов и др.; под ред. М.В. Шиловского. Новосибирск : Параллель, 2019. 398 с.
37. Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1913 г. Год третий. Омск : Тип. «Иртыш», 1914. 109 с.
38. Адоньева И.Г. «Великая полуреформа»: преобразования судебной власти Западной Сибири в оценках местной юридической интеллигенции (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2010. 224 с.
39. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 25. Оп. 2. Д. 382.

40. Крестьянников Е.А. «Свободная профессия» П.В. Вологодского: адвокатские траектории томского юриста // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 78–86.
41. Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Новосибирск : Параллель, 2019. 160 с.
42. Сибирь в составе Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
43. Статистические сведения // Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. Томск : Тип. губ. управления, 1915. С. 1–27.
44. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с.
45. Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI в.). Новосибирск : НГУЭУ, 2018. 347 с.
46. Крестьянников Е.А. П.В. Вологодский и присяжные поверенные в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 152–159.
47. Указы Временного правительства // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 7-8. С. 73–80.
48. ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 2. Д. 1.
49. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 12.
50. ГИАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 317.
51. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании : дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.) / сост., предисл. и коммент. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. Рязань : Частный издатель П.А. Трибунский, 2006. 619 с.
52. Крестьянников Е.А. П.В. Вологодский и дело юридической помощи в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 113–122.
53. Вологодский П. К открытию Барнаульского окружного суда // Сибирская жизнь. 1910. 31 окт.
54. По городам и весям // Голос народа. 1918. 26 июня.
55. ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 4. Д. 350.
56. Ли нов. Местная жизнь. Открытие окружного суда // Русская речь. 1919. 4 янв.
57. ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 4. Д. 130.
58. ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 38.
59. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2003. 428 с.

References

1. Marasanova, V.M. (2014) *Yaroslavskiy okruzhnoy sud. 1866–1917* [Yaroslavl District Court. 1866–1917]. Yaroslavl: Indigo.
2. Popova, A.D. (2009) *Femida v epokhu preobrazovaniy: sudebnye reformy 1864 g. i rubezha XX–XXI vv. v kontekste modernizatsii* [Themis in the Era of Transformations: Judicial Reforms in 1864 and the Turn of the 21st Century in the Context of Modernization]. Moscow: Novyy khronograf.
3. Russian Empire. (1900) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Tret'e (PSZRI-3)* [Complete Laws of the Russian Empire. Col. 3. (PSZRI-3)]. Vol. 16. St. Petersburg: Gos. tip.
4. Abramitov, S.A. (2005) *Istoriya Irkutskogo okruzhnogo suda (1897 – fevral' 1917 gg.)* [History of the Irkutsk District Court (1897 – February 1917)]. History Cand. Diss. Irkutsk.
5. Astakhov, A.V. (2009) *Sudebnye instituty Omskogo sudebnogo okruga v kontse XIX – nachale XX vv.: struktura, sostav i funktsionirovanie* [Judicial institutions of the Omsk judicial district in the late 19th – early 20th centuries: Structure, composition and functioning]. History Cand. Diss. Omsk.
6. Glazunov, D.A. (2006) *Deyatel'nost' sudebnykh uchrezhdeniy Tomskoy gubernii (konets XIX – nachalo XX v.)* [The activities of the judicial institutions of the Tomsk province (the late 19th – early 20th century)]. Barnaul: AAEP.
7. Btikeyeva, M.A. (2008) *Sudebnye uchrezhdeniya Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.: (po materialam okruga Omskoy sudebnoy palaty)* [Judicial institutions of Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries (based on the materials of the district of the Omsk Court of Justice)]. Omsk: Omsk Academy Ministry of Internal Affairs of Russia.
8. Buzmakova, O.G. (2012) *Sudebnaya vlast' v Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.* [Judicial power in Siberia in the late 19th – early 20th century]. Novosibirsk: SGUPSA.
9. Krestyannikov, E.A. (2009) *Sudebnaya reforma 1864 g. v Zapadnoy Sibiri* [Judicial reform of 1864 in Western Siberia]. Tyumen: Ekspress.
10. Zvyagin, S.P. (2001) *Pravookhranitel'naya politika A.V. Kolchaka* [A.V. Kolchak's law enforcement policy]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
11. The State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund D-97. List 1. File 199a.
12. Shishkin, V.I. (2007) *Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maya – 3 noyabrya 1918 g.)* [Provisional Siberian Government (May 26 – November 3, 1918)]. Novosibirsk: Sova.
13. The State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund D-97. List 1. File 224
14. Zab-ik, M. (1916) Zasedanie gorodskoy dumy [Meeting of the City Duma]. *Altayskoe delo*. 2nd June.
15. Krestyannikov, E.A. (2018) *Finansovye aspekty sudebnoy reformy v Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.)* [Financial Aspects of Judicial Reform in Siberia (late 19th – early 20th centuries)]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 22–34.
16. Ministry of Justice of Russia. (1911) *Sbornik statisticheskikh svedeniy Ministerstva yustitsii* [Collection of statistical information of the Ministry of Justice]. Vol. 25. St. Petersburg: Senat. tip.
17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-131. List 1. File 12.
18. Soloviev, K.A. (2018) *Politicheskaya sistema Rossiyskoy imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva* [The political system of the Russian Empire in 1881–1905: the problem of lawmaking]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
19. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1409. List 6. File 948.
20. Russian Empire. (1913) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Tret'e (PSZRI-3)* [Complete Laws of the Russian Empire. Col. 3. (PSZRI-3)]. Vol. 30. St. Petersburg: Gos. tip.
21. The State Archive of Irkutsk Region. Fund 246. List 9. File 1.
22. Russian Empire. (1912) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Tret'e (PSZRI-3)* [Complete Laws of the Russian Empire. Col. 3. (PSZRI-3)]. Vol. 29. St. Petersburg: Gos. tip.
23. Russian Empire. (1915) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Tret'e (PSZRI-3)* [Complete Laws of the Russian Empire. Col. 3. (PSZRI-3)]. Vol. 32. St. Petersburg: Gos. tip.
24. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 797. List 92. File 167.
25. *Tomskiy listok*. (1897) Po Sibiri [In Siberia]. 3rd July.
26. *Stepnoy kray*. (1897) Tyumenskie pis'ma [The Tyumen letters]. 27th July.
27. *Enisey*. (1897) Korrespondentsii “Eniseya” [The “Enisey” Correspondence]. 7th September.
28. Muraviev, N.V. (1900) *Iz proshloy deyatel'nosti* [From past activities]. Vol. 2. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich. pp. 407–419.
29. The State Archive in Tobolsk. Fund 152. List 37. File 904.
30. Weisman, R.L. (1909) *Pravovye zaprosy Sibiri* [Legal inquiries of Siberia]. St. Petersburg: F. Al'tshuler.
31. Tkhorzhevsky, I.I. (1914) *Aziatskaya Rossiya* [Asian Russia]. Vol. 1. St. Petersburg: Resettlement Administration of the Main Administration of Land Management and Agriculture.

32. Krestyannikov, E.A. (2019) Along the Routes of Justice: Judicial Circuit Riding in Western Siberia during the Late Imperial Period. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 20(2). pp. 315–344.
33. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 2. File 5658.
34. The Russian State Historical Archive (RGLA). Fund 1405. List 542. File 280.
35. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory. Fund 42. List 1. File 248.
36. Shilovsky, M.V. (2019) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.: entsiklopedicheskiy slovar'* [Socio-political life of Siberia in the late 19th – early 20th century: An encyclopedic dictionary]. Novosibirsk: Parallel'.
37. The Council of Attorneys at Law of the District of the Omsk Judicial Chamber. (1913) *Ochet soveta prisyazhnykh poverennykh okruga Omskoy sudebnoy palaty za g. 1913. God tretiy* [Report of the Council of Attorneys at Law of the District of the Omsk Judicial Chamber for 1913. Year 3]. Omsk: Irtysh.
38. Adoniev, I.G. (2010) “*Velikaya polureforma*”: *preobrazovaniya sudebnoy vlasti Zapadnoy Sibiri v otsenkakh mestnoy yuridicheskoy intelligentsii (konets XIX – nachalo XX v.)* [“Great semi-reform”: Transformation of the judiciary in Western Siberia in the assessments of the local legal intelligentsia (the late 19th – early 20th century)]. Novosibirsk: NSTU.
39. The State Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Fund 25. List 2. File 382.
40. Krestyannikov, E.A. (2018) The “liberal profession” of Pyotr Vologodsky: advocate trajectories of the Tomsk lawyer. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 433. pp. 78–86. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/433/10
41. Shilovsky, M.V. (2019) *Tomskiy pogrom 20–22 oktyabrya 1905 g.: khronika, kommentariy, interpretatsiya* [Tomsk Pogrom October 20–22, 1905: Chronicle, Commentary, Interpretation]. Novosibirsk: Parallel'.
42. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
43. Tomsk. (1915) *Statisticheskie svedeniya* [Statistical information]. In: *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1915 g.* [The Commemorative Book of the Tomsk Province for 1915]. Tomsk: Tip. gubern. upravleniya. pp. 1–27.
44. Shilovsky, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 godov i Sibiri* [World War I in 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf.
45. Shilovsky, D.M. & Shilovsky, M.V. (2018) *Administrativno-territorial'noe ustroystvo i upravlencheskiy apparat Aziatskoy Rossii (konets XVI – nachalo XXI v.)* [Administrative-territorial structure and administrative apparatus of Asian Russia (late 16th – early 21st centuries)]. Novosibirsk: NGUEU.
46. Krestyannikov, E.A. (2017) P.V. Vologodskiy i prisyazhnye poverennyye v Sibiri [P.V. Vologda and barristers in Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 419. pp. 152–159.
47. The Provisional Government. (1917) *Ukazy Vremennogo pravitel'stva* [Decrees of the Provisional Government]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 7-8. pp. 73–80.
48. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4369. List 2. File 1.
49. The Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 2297. List 1. File 12.
50. The State Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Fund 25. List 1. File 317.
51. Vologodsky, P.V. (2006) *Vo vlasti i v izgnanii : dnevnik prem'er-ministra antibolshevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.)* [In Power and in Exile: Diary of the Prime Minister of Anti-Bolshevik Governments and an Emigrant in China (1918–1925)]. Ryazan: P.A. Tribunskiy.
52. Krestyannikov, E.A. (2017) P.V. Vologodsky and the case of legal aid in Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 422. pp. 113–122. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/422/16
53. Vologodsky, P. (1910) *K otkrytiyu Barnaul'skogo okruzhnogo suda* [To the opening of the Barnaul district court]. *Sibirskaya zhizn'*. 31st October.
54. *Golos naroda*. (1918) *Po gorodam i vesyam* [Through towns and villages]. 26th June.
55. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4369. List 4. File 350.
56. *Li nov*. (1919) *Mestnaya zhizn'. Otkrytie okruzhnogo suda* [Local life. Opening of the district court]. *Russkaya rech'*. 4th January.
57. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4369. List 4. File 130.
58. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4369. List 5. File 38.
59. Shilovsky, M.V. (2003) *Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 gg.* [Political processes in Siberia during the social cataclysms of 1917–1920]. Novosibirsk: Sib. Khronograf.

Сведения об авторах:

Крестьянников Евгений Адольфович – доктор исторических наук, заведующий лабораторией исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: krest_e_a@mail.ru

Шайхутдинова Дилара Василевна – аспирант кафедры истории и мировой политики Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: Delora12@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Krestyannikov Evgenii A. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Laboratory of Historical and Ecological Anthropology, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: krest_e_a@mail.ru

Shaikhutdinova Diliara V. – Postgraduate Student of the Department of History and Global Politics, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: Delora12@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.04.2023; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 25.04.2023; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья

УДК 94(47)

doi: 10.17223/19988613/83/6

«Польский вопрос» в Российской социалистической публицистике 1860–1890-х гг.

Вячеслав Николаевич Кудряшев

Томский государственный университет, Томск, Россия, 62kokand@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются революционные и реформистские варианты, предлагавшиеся социалистами для разрешения польско-русских противоречий. Революционные народники считали условием поддержки польского освободительного движения обретение им социального характера. Только социальная революция могла решить национальные проблемы. Народники-реформаторы были близки к либеральному дискурсу в рассмотрении проблем западных окраин Российской империи, они акцентировали внимание на социально-экономических аспектах, предполагая сглаживание национального противостояния в ходе развития капитализма с его универсальными наднациональными ценностями.

Ключевые слова: польский вопрос, национальное движение, социальная революция, революционные социалисты, народники-реформаторы

Для цитирования: Кудряшев В.Н. «Польский вопрос» в Российской социалистической публицистике 1860–1890-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 42–48. doi: 10.17223/19988613/83/6

Original article

“Polish question” in the Russian socialist journalism of the 1860s–1890s

Viacheslav N. Kudriashev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, 62kokand@gmail.com

Abstract. The purpose of this study is to identify the positions of the entire spectrum of Russian socialist journalism of the 1860s - 1890s on one of the most acute national problems of the Russian Empire in the 19th century.

The article emphasizes that the "Polish question" was considered by Russian revolutionary socialists in the context of the possibility of using the national liberation movement of the Poles as a factor that contributed to the weakening of the autocracy and, under certain circumstances, capable of becoming an ally in the prospect of a social revolution. But if in the 1840s - 1860s Russian socialists assumed the possibility of creating an independent Polish state in the foreseeable future, then in the 1870s - 1880s the condition for supporting the Polish liberation movement was the acquisition of a social character.

The refusal of P.L. Lavrov from the independent significance of the national liberation movement, according to the author, caused him to abandon the idea cultivated by the Russian socialists in the 1840-1860s, that the struggle of the peoples of the Russian Empire and the Poles could become a catalyst for the Russian revolution. Now he regarded social revolution as the source of national liberation, but never the other way around.

The author notes the closeness of the positions of the populist reformers to the liberal discourse in considering the problems of the western outskirts of the Russian Empire. The policy of Russification, as forced assimilation carried out by administrative methods, was sharply criticized. The populists-reformers considered it meaningless to try to overcome the formed Polish national identity.

The article reveals the position of S.N. Yuzhakov, who pointed to the acuteness of the problem of Polish-Russian relations, but, at the same time, to the positive changes that had taken place in the Polish public consciousness. In his opinion, the desire to gain independence from Russia at any cost, which prevailed among the Poles, is gradually being replaced by an awareness of the need to find a compromise and options for cooperation with Russia. The development of capitalism, pushing ethnic differences to the background, "also smooths out contrasts and opens up new prospects for common work and rapprochement on the basis of common tasks, common hopes and common dangers."

The author comes to the conclusion that the populist reformers focused more attention on the socio-economic aspects, assuming a smoothing of the national confrontation in the course of the development of capitalism with its universal supranational values. In the 1880s - 1890s, their works were dominated by the idea of "calming down" Poland, the final removal of the question of its independence and the possibility of Poland's gradual integration into the general processes of Russia's progressive development.

Keywords: Polish question, national movement, social revolution, revolutionary socialists, populists-reformers

For citation: Kudriashev, V.N. (2023) "Polish question" in the Russian socialist journalism of the 1860s–1890s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 42–48. doi: 10.17223/19988613/83/6

Трактовка русскими социалистами «польского вопроса» рассматривалась в советской исторической литературе в контексте взаимоотношений российского и польского революционного движения. Одним из наиболее активно изучаемых сюжетов в истории российского социалистического движения становятся его отношения с польскими революционными организациями. При описании советскими историками событий Польского восстания 1863 г. главная вина за противоречия между русскими и польскими революционерами возлагалась на польское дворянство, составлявшее «белое» крыло освободительного движения и ставившее на первый план националистические цели [1. С. 144–150; 2. С. 129–137]. Однако, как отмечали советские историки, в 1870–1880-е гг., с формированием польского социалистического движения, связи его с русскими социалистами становятся прочными, так как приобретают общность целей. В литературе подчеркивалось, что выдвигание на первый план социально-политических задач сделало возможным сближение на основе классово-солидарности и исключало тем самым межнациональные противоречия в социалистическом движении [3. С. 125–130; 4]. Данная позиция выглядела излишне оптимистичной, поскольку в польском социалистическом движении проблема обретения государственного суверенитета оставалась приоритетной и была причиной дистанцирования польских социалистов от российских революционных организаций.

В современной научной литературе акцент исследовательского интереса очевидно смещен в направлении изучения позиций славянофилов и консерваторов [5, 6]. Анализ взглядов русских социалистов на польский вопрос ограничивается освещением деятельности М.А. Бакунина и А.И. Герцена [7. С. 188–189; 8; 9]. Интерес представляет рассмотрение дискуссии Н.Г. Чернышевского с В.И. Ламанским по проблеме галицийских русин [10, 11]. В силу этого представляется необходимым предложить анализ позиций всего спектра русской социалистической публицики 1860–1890-х гг. по одной из самых острых национальных проблем Российской империи XIX в.

Следует отметить, что интерес русских социалистов к Польше определялся степенью активности ее освободительного движения. Социалисты 40–50-х гг. XIX столетия рассматривали национально-освободительную борьбу славянских народов как силу, способную потрясти государственные устои Европы того времени. На волне освободительных революций они рассчитывали решить задачи и социального обновления путем радикализации национальных движений и внесения в них социально-политических целей. Поэтому в целом отношение русских социалистов к польскому освободительному движению было позитивным. В Европе данный период характеризовался крайней нестабильностью: социальная борьба, как и национальные движения, была на подъеме. Все это вызывало энтузи-

зм у русских революционеров, не ограничившихся в своих социалистических устремлениях только Российской империей [12].

Наиболее глобально грядущие социальные катаклизмы рисует М.А. Бакунин, который ожидал в скором будущем гибели в пламени революций не только российской, но и всех других империй. Постоянно «полахавшая» и неуспокоенная Польша виделась передовым отрядом этого будущего революционного очищения Европы от национального и социального гнета [13].

А.И. Герцен констатировал поражение польского восстания 1863 г. как печальный, но закономерный итог, закрывающий целую эпоху освободительного движения, но одновременно начинающий новую [14. С. 302]. Он выражал надежду, что процесс смены поколений в польском освободительном движении приведет к пониманию важности социальных задач. Вообще тональность его статьи и ее контекст оставляют впечатление, что это панегирик не только шляхетству, но и Польше вообще. Заявление о том, что «русское крестьянское море» вышло на границы с Германией и столкновение двух миров неизбежно, носит апокалиптический оттенок. Публицист предвидел два возможных варианта будущего: либо Запад обновится и «побьет русскую империю», либо социальный переворот в России откроет новую эпоху [14. С. 310–311].

Существенно отличную позицию занимал Н.Г. Чернышевский. Он обращал внимание на запутанность межнациональных отношений в Галиции, в которых выделял русино-польские, русино-малоросские, малоросско-польские проблемы. Подход Н.Г. Чернышевского к ним нельзя назвать равнозначным. Он, безусловно, полон симпатии к «малоросскому народу», привлекательные черты которого подчеркивал: «А если есть племена, могущие к себе привлечь симпатию больше, чем другие племена, то именно малороссы – одно из племен, наиболее симпатичных. Очаровательное соединение наивности и тонкости ума, мягкость нравов в семейной жизни, поэтическая задумчивость характера, непреклонно настойчивого, красота, изящество вкуса, поэтические обычаи – все соединяется в этом народе, чтобы очаровать вас, так что иноплеменник становится малорусским патриотом, если хоть сколько-нибудь поживет в Малороссии» [15. С. 427]. Особо он отмечал толерантность малороссов: «Их патриотизм чист от помысла о порабощении других: они желают лишь того, чтобы им самим было легче жить на вольном свете: никакое другое племя не хотят они подчинить себе или обижать» [15. С. 427]. Поэтому вызывает недоумение стремление русинской интеллигенции обособиться, тогда как для него очевидно, что русины – это «галицийские малороссы». В этой связи нелепыми в глазах публициста выглядят потуги русин использовать в газете русинский диалект, который он называет «ломаным языком», в то время как уже есть

литературный малоросский. То есть Н.Г. Чернышевский признавал этническую и культурную самостоятельность малороссов, но отказывал в ней русинам на том основании, что литературный малоросский является родным для 15 млн человек, а «одна галицийская часть малороссов так мала, что не в состоянии иметь своей отдельной порядочной литературы, как не может иметь своей отдельной порядочной литературы Костромская губерния или Дорсетширское графство, Тироль или Люблинское воеводство» [15. С. 441].

Здесь очевидна интерпретация гегелевской идеи о народах исторических и неисторических. Численность народа в немалой степени определяет его исторический потенциал, и тем самым Н.Г. Чернышевский отказывает малым народам если не в праве, то в возможности самостоятельного развития: «Эти маленькие части больших народностей что-нибудь значат в чем бы то ни было – в литературе ли, в политической ли жизни – только тогда, когда держатся в одном целом с остальными частями своего народа» [15. С. 441].

Не признавая русин самостоятельной народностью, публицист трактует противоречия в Галиции как малоросско-польские. Он видит в этом конфликте локальное проявление общих для данного региона межнациональных проблем, на которые налагаются еще и межимперские австрийско-российские противоречия. Н.Г. Чернышевский изначально и весьма категорически отмечает обвинения поляков в национальной дискриминации и отказывается видеть в русино-польском конфликте национальный аспект. В действиях русинской интеллигенции ему видится рецидив старой исторической обиды, к современному положению не имевший никакого отношения. Для убедительности публицист проводит аналогию с отношениями русских и татар, строящимися на сегодняшних реалиях, а не на воспоминаниях об эпохе татарского ига [15. С. 430]. Поэтому доводы в защиту русин не опровергаются аргументами, а просто высмеиваются. Публицист делает акцент на политической незрелости галицийской интеллигенции и сравнивает ее отношение к полякам с поведением обиженного ребенка. Он явно недооценивает или просто игнорирует глубину недоверия, питаемого малороссами к полякам [15. С. 443]. Особенно это очевидно, когда речь заходит о том, что в Галиции национальная дискриминация дополняется конфессиональной. Апелляция русинов к православным священнослужителям как защитникам национальной идентичности вызывает у социалиста заметное раздражение. Он указывает на недопустимость вмешательства иерархов церкви в отношения между народами, предлагая католической и православной церквям самим решать межконфессиональные споры, не вмешивая в них население и не нагнетая напряженность. И здесь же Н.Г. Чернышевский, оправдывая притеснение православной церкви со стороны властей ее вмешательством в мирские дела, достаточно цинично предлагает ее иерархам самоустраниться от попыток защиты православного населения, дабы избежать дальнейших репрессий [15. С. 437].

Более того, бессмысленная, по мнению Н.Г. Чернышевского, межнациональная рознь используется властями Австро-Венгрии как важнейший инструмент

сохранения империи. Неприязнь к полякам привела русинов к выводу о более комфортном пребывании в составе Австро-Венгрии по сравнению с 400-летним польским гнетом, что равнозначно согласию на лояльность империи и соответствует целям политики Меттерниха. В результате, сосредоточиваясь на исторических обидах, русины не замечают реальных угроз, исходящих от политики онемечивания, проводимой имперской властью [15. С. 431].

Но главная ошибка лидеров русинов состояла, по мнению Н.Г. Чернышевского, в том, что, ослепленные ненавистью к полякам, они не видели истинных корней проблем Галиции, лежавших не в сфере межнациональных отношений, а в сфере социальной: «В землях, населенных малорусским племенем, натянутость отношений между малороссами и поляками основывалась не на различии национальностей или вероисповеданий; это просто была натянутость сословных отношений между поселянами и помещиками. Большинство помещиков там поляки, потому недоверие к простолудиново к полякам – просто недоверие к помещикам» [15. С. 427]. Однако далее идея о противоречиях между панями-поляками и малороссами-крестьянами дезавуируется заявлением о многочисленности панов-малороссов. Таким образом, межнациональная вражда малороссов к полякам уступает место социальному конфликту между дворянством и крестьянством, так как между крестьянином-поляком и крестьянином-малороссом нет причин для ненависти. И наоборот, помещик-поляк и помещик-малоросс одинаково угнетают и поляка, и малоросса: «Тут дело в деньгах, в сословных привилегиях, а нисколько в национальностях или вероисповедании. Малорусский пан и польский пан стоят на одной стороне, имеют одни и те же интересы; малорусский поселянин и польский поселянин имеют совершенно одинаковую судьбу; если была она дурна прежде, она была для обоих одинаково дурна: насколько становится или станет она лучше для одного из них, ровно настолько же и для другого» [15. С. 427]. Очевидно, что в подцензурном издании социалист не мог указать на революцию как универсальное средство решения галицийской проблемы, но он четко указывал, что общество антагонистически расколото отнюдь не по национальному, но по классовому принципу.

Именно в работах Н.Г. Чернышевского впервые ясно и однозначно определился безусловный приоритет социальной борьбы. Национально-освободительное движение объявлялось реакционным и не имевшим смысла в новых исторических условиях. На практике это приводило к предложению малороссам отказаться от национально-освободительной борьбы в угоду общим классовым интересам и целям с польскими трудящимися.

Весьма любопытно выглядит окончание статьи, где социалист подчеркивал актуальность указанных противоречий только для малороссов, проживающих в Австро-Венгрии: «Судьба остальной части малорусского племени устроена и обеспечена так превосходно, что об этой остальной части нам нечего заботиться, да и сама она не чувствует нужды иметь о себе никаких забот. Нашим русским малороссам даны все права и выгоды, каких только когда-либо желали они. Их оби-

деть не может теперь никакое племя. Они благоденствуют, по совершенно верному и очень удачному выражению своего любимого поэта Шевченко. Вероятно, мы не ошибемся, предположив, что даже по мнению львовского “Слова”, столь преданного законной австрийской власти над Галицией, галицийские русины должны завидовать счастью своих одноплеменников-малороссов, пользующихся ныне свободой под нашею властью» [15. С. 450]. Даже при рассмотрении данного пассажа как необходимого в подцензурной прессе реверанса в сторону власти он выглядит очевидной апологией по отношению к Российской империи и, скорее, подходит какому-нибудь консервативному славянофилу, стремящемуся показать Россию защитником угнетенного славянства.

Отношение к польскому национально-освободительному движению существенно меняется в социалистической публицике 1870–1880-х гг. Освободительная борьба в Польше трансформировалась в менее активные формы. Социалисты радикального крыла в системе идеологических приоритетов низводят национальный вопрос до уровня второстепенного, решаемого в ходе социальной революции. Соответственно, польская тема трансформируется в вопрос о взаимоотношениях с польскими социалистическими организациями.

Неприятие П.Л. Лавровым самостоятельного значения национально-освободительного движения привело его к отказу от культивировавшейся русскими социалистами в 1840–1860-х гг. идеи о том, что борьба народов Российской империи, и прежде всего поляков, может стать катализатором русской революции. Теперь он видел источником национального освобождения социальную революцию, но никогда наоборот: «Точно так же потеря Польши русским правительством (народ русский никогда не владел Польшею и никогда владеть ею не будет) вовсе не обусловила бы социальной революции в России, если бы потребность ее не лежала гораздо глубже. Она может вспыхнуть, когда войска русского императора будут в Польше, уничтожит, конечно, господство императора там, как везде, но это будет лишь проявление социальной революции, а источником ее быть не может» [16. С. 377].

Квинтэссенцией взглядов П.Л. Лаврова на польский вопрос можно считать его обращение к польским социалистам в августе 1883 г. от имени редакции журнала «Вестник “Народной воли”» [4. С. 354]. Здесь со всей очевидностью предстает вся противоречивость его подхода к национально-освободительному движению поляков. Очевидно желая сотрудничества с поляками, Лавров старался избегать резких определений. Он заявляет, что русские социалисты в рамках общедемократических требований свободы слова и прессы обеспечивают развитие национальных языков. Лавров декларирует поддержку права наций на единство и обособление, но поясняет, что эта цель не является приоритетной. Такие же права имеет любая социальная группа. Однако дальнейшие рассуждения П.Л. Лаврова практически сводят на нет данную декларацию.

По его мнению, в условиях классового общества нация «не составляет целого, а распадается всегда и

всюду на совершенно отдельные слои, из которых каждый имеет прямо противные и враждебные друг другу интересы». Поэтому для русских социалистов не существует интересов нации в целом, «...мы в каждом народе защищаем интересы только той части, которая, по нашему определению, действительный народ, и не обращаемся ни к какому народу как к целому» [4. С. 355]. В данном контексте весьма существенной выглядит конкретизация идеи о праве наций на самоопределение. В интерпретации П.Л. Лаврова субъектом его становится не нация, а народ (т.е. только трудящиеся слои). В результате идея независимости Польши приобретает социальную детерминированность: «...мы признаем права Польши по причинам не племенным или историческим, но потому, что народ польский желает сохранить свою народную и политическую независимость. Важен для нас единственно факт воли польского народа – только на его основании мы признаем исторически-народные права Польши» [4. С. 355]. Данная формула позволяла дифференцировать польское освободительное движение, выделив в нем «реакционный национализм», который под видом освобождения и развития нации притесняет истинный народ, что, к сожалению, всегда бывает между националистами» [4. С. 355].

В советской исторической литературе достаточно полно исследована история взаимоотношений П.Л. Лаврова с польским освободительным движением, прежде всего социалистическим направлением [3. С. 125–127; 4. С. 331–362]. При всем стремлении показать единство целей российских и польских социалистов авторы вынуждены были признавать наличие существенных расхождений именно в оценке национального вопроса. Раскрывая содержание разногласий между П.Л. Лавровым и поляками, акцент, как правило, делался на том, что польские социалистические организации не смогли преодолеть русофобию и в русских социалистах видели прежде всего представителей нации-угнетательницы, и только потом единомышленников.

Свой вклад в противоречия внесла и пропагандируемая П.Л. Лавровым идея о вторичности национальной борьбы по отношению к социальной, в итоге «призывы П.Л. Лаврова к объединению всех революционных сил на борьбу за ликвидацию социального и национального гнета, тем более объединения на принципах I Интернационала, не встречали понимания и сочувствия среди лидеров ППС. Их, скорее, отталкивали от П.Л. Лаврова его заявления о том, что для социалистов “границы государств и наций не существуют..., когда речь идет о братстве всех польских социалистов перед лицом общего врага для всех стран”. Вопрос о степени влияния П.Л. Лаврова на польское социалистическое движение, его продолжительности и формах, в которых это влияние проявлялось, раскрывается историками неоднозначно [3. С. 125–127, 130; 4. С. 331–362]. Современник П.Л. Лаврова С.М. Степняк-Кравчинский считал, что польские социалисты испытали влияние П.Л. Лаврова лишь в период зарождения и первых шагов польского социалистического движения и «отказались от лавризма» уже в конце 1878 – начале 1879 г. [4. С. 354].

Идеи реформистского крыла народнического движения существенно отличались от представлений революционных народников. Не принимая революционных методов борьбы, они выступали против разрушения многонационального Российского государства, что определило их отношение к ситуации в национальных регионах.

С.Н. Южаков, отмечая необходимость и важность урегулирования русско-польских отношений, указывает на сохранившуюся остроту проблемы, но одновременно и на позитивные изменения, произошедшие в польском общественном сознании. По его мнению, преобладавшее среди поляков стремление к обретению независимости от России любой ценой постепенно сменяется осознанием необходимости поиска компромисса и вариантов сотрудничества с Россией. Этому в значительной мере способствовали реформы Александра II. Развитие земского самоуправления, создание новой судебной системы, появление свободной прессы, расцвет культуры и искусства серьезно трансформировали российское общество и сделали его облик более притягательным для поляков [17. С. 152–153]. Частичное распространение подобных реформ на Польшу вызвало позитивный отклик, тем более что они вполне соответствовали общеевропейской тенденции на демократизацию. Аграрная реформа 19 февраля 1864 г. существенно изменила расклад социальных сил в Польше, создав многочисленную группу крестьян-собственников и освободив их от помещичьей зависимости. Тем самым была создана социальная база для русской партии в польском обществе, так как, по мнению С.Н. Южакова, крестьяне теперь были заинтересованы в сближении с Россией. Далее необходимо было содействовать культурному развитию крестьянства, чтобы создать демократическую Польшу, противостоящую Польше аристократической, остававшейся опорой непримиримых антироссийских сил. Развитие капитализма, отодвигая на второй план межнациональные различия, «тоже сглаживает контрасты и открывает новые перспективы для общей работы и сближения на почве общих задач, общих надежд и общих опасностей» [17. С. 152–153]. Все эти перемены не устранили в полной мере причины конфликта, но создали ситуацию, отличную от 1863 г.

Близких взглядов придерживался И.И. Каблиц, считавший бессмысленной политику русификации этнических польских земель, так как она была обречена на неудачу, и вредной, поскольку «вредит нашим политическим связям с этой страной». Решение национальных проблем Польши публицист также предлагал через решение проблем социальных, т.е. через использование опыта 1863 г, когда наделение польских крестьян землей лишило их поддержки польское панство, составлявшее руководство восстания: «...крестьянское население перешло на сторону тех, кто действительно делал благодеяние, а не сулил журавля в небе» [18. С. 354]. Аналогичные меры, направленные на расширение крестьянского (а не помещичьего) землевладения, позволяли одновременно решать две задачи: предотвратить захват польских земель немцами, заметный в последние годы, и внушить польским кре-

стьянам, что нахождение в составе России не противоречит их интересам. В условиях начавшейся индустриализации и роста численности польского пролетариата народник настаивал на большем внимании к его социальным проблемам, тем более что и здесь он видит национальный аспект. Значительная часть владельцев фабрик и заводов в Западном крае – немцы. Таким образом, поддержка польских рабочих помогла бы сдерживанию немецкой экономической экспансии [18. С. 365].

Однако только социально-экономические реформы не могли решить проблему. Декларированная царским рескриптом политика толерантности по отношению к польской культуре и языку быстро сменилась принудительной русификацией, что вызвало мгновенную реакцию в польском обществе в виде мощного всплеска национализма, сделавшего на долгое время несовместимыми польский патриотизм и идеи сближения с Россией. Это, безусловно, задержало формирование среди польского крестьянства «польской патриотической партии, приверженной русскому союзу» [17. С. 169]. Тем не менее «примирительное движение» в польском обществе появляется, правда, в силу отсутствия демократической партии, – в среде польской аристократии. В сложившейся ситуации приобретает особое значение реакция в российском обществе на любое событие, связанное с Польшей, как показатель его готовности к сотрудничеству в новых условиях [17. С. 153–154]. В свою очередь, поляки внимательно отслеживают такую реакцию. С.Н. Южаков призывал не обольщаться мыслями об исчезновении сторонников отделения Польши от России. «Антирусская партия» в польском обществе продолжает существовать, и ее влияние будет ослабевать в результате продолжения сближения двух народов и усиливаться после любых недружественных проявлений с русской стороны» [17. С. 159]. Соответственно, и влияние прорусской партии также будет зависеть от позиции России.

Чтобы понять ожидания поляков, склонных к сближению и примирению с Россией, и способность России «искренне и добросовестно ответить их ожиданиям», С.Н. Южаков обращал внимание своих читателей на один из вариантов польско-русского сближения, изложенный в работах Д. Багницкого [19. С. 10; 20. С. 11–14]. Народник отмечал очевидное желание польского общественного деятеля найти выход из тупика, но к самим его предложениям относился настороженно, со значительной долей скепсиса, особенно к внешне-политическим проектам [17. С. 160–161]. Он видел в предложениях поляка желание коренным образом поменять векторы внешней политики ради весьма иллюзорной цели обрести десять миллионов новых сограждан. Кроме политической нецелесообразности идти на очевидный конфликт с Германией С.Н. Южакова смущал морально-этический аспект предлагаемой сделки: насколько Россия была вправе распоряжаться судьбами других славянских народов [17. С. 161]. Поэтому публицист предлагал отложить столь масштабные и неоднозначные проекты на будущее и сосредоточиться на насущных проблемах Польши и польско-русских отношений. Он изложил лапидарную формулу, которая

могла бы стать основой компромисса и сотрудничества на ближайшую перспективу: «Административная автономия, местное самоуправление, прекращение обрусительных опытов» [17. С. 162]. Народник выражал уверенность в том, что, за исключением крайне консервативного крыла, большинство русской общественности именно в развитии земского самоуправления в Польше и прекращении русификаторской политики видело «возможность более или менее искреннего сближения между враждебными народами, ходом истории связанными в одно государственное тело». Актуальность и срочность политике России в Польше придавал внешний фактор. К западным окраинам России было обращено внимание Германии, стремившейся использовать польско-русские противоречия в своих экспансионистских устремлениях на восток [17. С. 162–163]. С.Н. Южаков также напоминал о том, что польские земли были и в составе Австро-Венгрии, в правящих кругах которой разрабатывался проект собирания этнических польских земель под собственным патронажем. Данный проект находил сторонников среди польской аристократии и был вполне реальной альтернативой идее примирения с Россией [17. С. 169].

Таким образом, «польский вопрос» рассматривался российскими революционными социалистами в контексте возможности использования национально-освободительного движения поляков как фактора, способствовавшего ослаблению самодержавия и при опреде-

ленных обстоятельствах способного стать союзником в перспективе социальной революции. Но если в 1840–1860-е гг. русские социалисты предполагали возможность создания независимого польского государства в обозримом будущем, то в 1870–1880-е гг. условием поддержки польского освободительного движения стало обретение им социального характера. Национальные движения (и польское в том числе) воспринимались русскими социалистами как отвлечение трудящихся от истинных целей революционной борьбы – социального освобождения. Только социальная революция могла решить национальные проблемы.

Народники-реформаторы были близки к либеральному дискурсу в рассмотрении проблем западных окраин Российской империи. Политика русификации как принудительная ассимиляция, проводимая административными методами, вызывала резкую критику. Народники-реформаторы считали бессмысленной попытку преодоления сформировавшейся польской национальной идентичности.

В то же время они акцентировали внимание на социально-экономических аспектах, предполагая сглаживание национального противостояния в ходе развития капитализма с его универсальными наднациональными ценностями. В 1880–1890-е гг. в их работах доминирует идея «успокоения» Польши, окончательного снятия вопроса о ее независимости и возможности постепенной интеграции Польши в общие процессы прогрессивного развития России.

Список источников

1. Белявская И.М. А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М. : МГУ, 1954. 195 с.
2. Татарнинова Л.Я. А.И. Герцен. М. : Мысль, 1980. 183 с.
3. Снытко Т.Г. Русское народничество и польское общественное движение (1865–1881) гг. М. : Наука, 1969. 475 с.
4. Жигунов Е.К. П.Л. Лавров и его связи с польским революционным движением 70-х – 90-х гг. XIX века // Исследования по истории польского общественного движения XIX – начала XX вв. М. : Наука, 1971. С. 331–381.
5. Белоусов М.С. Польский вопрос в дискурсе российской дореволюционной общественной мысли // Научный диалог. 2019. № 10. С. 328–346.
6. Тесля А.А. Славянофилы и «польский вопрос» в 1840 – первой половине 1860-х годов // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 3. С. 191–216.
7. Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М. : Наука, 1993. 207 с.
8. Куц Н.В. Идея «Всеславянской федерации» М.А. Бакунина. Социально-философский аспект : дис. ... канд. филос. наук. М., 1994. 146 с.
9. Тесля А.А. 1867 год: Герцен как «непоследовательный славянофил» // Вопросы национализма. 2021. № 1. С. 162–174.
10. Малинов А.В. В.И. Ламанский vs Н.Г. Чернышевский: из истории забытой полемики // Русин. 2018. № 5. С. 42–59.
11. Соловьев К.А. Русины Австро-Венгрии и российское общество: дискуссия о путях формирования политической нации в «Карпатской Руси» в российской прессе второй половины XIX – начала XX в. // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. № 11. С. 82–96.
12. Кудряшев В.Н. А.И. Герцен и М.А. Бакунин о «польском вопросе» (40-е – 60-е годы XIX века) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 326. С. 80–84.
13. Бакунин М.А. Русским, польским и всем славянским друзьям // Колокол. 1862. № 122-123. Стб. 1021–1028.
14. Герцен А.И. Что же дальше? // Герцен А.И. Собрание сочинений : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 18. С. 299–311.
15. Чернышевский Н.Г. Национальная бестактность // Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения : в 3 т. М. : Госполитиздат, 1951. Т. 3. С. 427–450.
16. Лавров П.Л. От редакции (о польском вопросе) // Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы : в 8 т. М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1934. Т. 3. С. 373–381.
17. Южаков С.Н. Дневник журналиста // Русское богатство. 1897. № 9. С. 150–175.
18. Юзов (Каблиц) И. Основы народничества. СПб. : Тип. И.А. Лебедева, 1893. Т. 2. 509 с.
19. Багницкий Д.Р. К вопросу о русско-польских отношениях. СПб. : Тип. С. Проппера, 1897. 20 с.
20. Багницкий Д.Р. Политическая исповедь современного поляка. СПб. : Тип. Ю.А. Мансфельд, 1897. 26 с.

References

1. Belyavskaya, I.M. (1954) *A.I. Gertsen i pol'skoe natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie 60-kh godov XIX veka* [A.I. Herzen and the Polish national liberation movement of the 1860s]. Moscow: MSU.
2. Tatarinova, L.Ya. (1980) *A.I. Gertsen* [A.I. Herzen]. Moscow: Mysl'.
3. Snytko, T.G. (1969) *Russkoe narodnichestvo i pol'skoe obshchestvennoe dvizhenie (1865–1881) gg.* [Russian populism and the Polish social movement (1865–1881)]. Moscow: Nauka.
4. Zhigunov, E.K. (1971) P.L. Lavrov i ego svyazi s pol'skim revolyutsionnym dvizheniem 70-kh – 90-kh gg. XIX veka [P.L. Lavrov and his connections with the Polish revolutionary movement of the 70s - 90s. of the 19th century]. In: Dyakov, V.A. (ed.) *Issledovaniya po istorii pol'skogo ob-*

- shchestvennogo dvizheniya XIX – nachala XX vv.* [Studies on the history of the Polish social movement of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka. pp. 331–381.
5. Belousov, M.S. (2019) Pol'skiy vopros v diskurse rossiyskoy dorevolutsionnoy obshchestvennoy mysli [The Polish Question in the Discourse of Russian Pre-Revolutionary Social Thought]. *Nauchnyy dialog*. 10. pp. 328–346.
 6. Teslya, A.A. (2021) The Slavophiles and the “Polish Question”: 1840s - First Half of the 1860s. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 5(3). pp. 191–216. (In Russian). DOI: 10.17323/2587-8719-2021-3-191-216
 7. Dyakov, V.A. (1993) *Slavyanskiy vopros v obshchestvennoy zhizni dorevolutsionnoy Rossii* [The Slavic question in the public life of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Nauka.
 8. Kuts, N.V. (1994) *Ideya “Vseslavyanskoy federatsii” M.A. Bakunina. Sotsial'no-filosofskiy aspekt* [M.A. Bakunin's idea of the “All-Slavic Federation”. A socio-philosophical aspect]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
 9. Teslya, A.A. (2021) 1867 god: Gertsen kak “neposledovatel'nyy slavyanofil” [1867: Herzen as an “inconsistent Slavophile”]. *Voprosy natsionalizma*. 1. pp. 162–174.
 10. Malinov, A.V. (2018) V.I. Lamansky vs N.G. Chernyshevsky: from the history of forgotten polemics. *Rusin*. 5. pp. 42–59. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/4
 11. Soloviev, K.A. (2015) Rusiny Avstro-Vengrii i rossiyskoe obshchestvo: diskussiya o putyakh formirovaniya politicheskoy natsii v “Karpatskoy Rusi” v rossiyskoy presse vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Rusins of Austria-Hungary and Russian society: a discussion about the ways of forming a political nation in “Carpathian Rus” in the Russian press in the second half of the 19th - early 20th centuries]. *Vestnik RGGU. Ser. Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*. 11. pp. 82–96.
 12. Kudryashev, V.N. (2009) A.I. Gertsen i M.A. Bakunin o “pol'skom voprose” (40-e – 60-e gody XIX veka) [A.I. Herzen and M.A. Bakunin on the “Polish Question” (1840s - 1860s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 326. pp. 80–84.
 13. Bakunin, M.A. (1862) Russkim, pol'skim i vsem slavyanskim druz'yam [Russian, Polish and all Slavic friends]. *Kolokol*. 122-123. Col. 1021–1028.
 14. Herzen, A.I. (1959) *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Collected Works: in 30 vols]. Vol. 18. Moscow: AS USSR. pp. 299–311.
 15. Chernyshevskiy, N.G. (1951) *Izbrannye filosofskie sochineniya: v 3 t.* [Selected Philosophical Works: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat. pp. 427–450.
 16. Lavrov, P.L. (1934) *Izbrannye sochineniya na sotsial'no-politicheskie temy: v 8 t.* [Selected essays on socio-political topics: in 8 vols]. Vol. 3. Moscow: All-Soviet Society of Political Prisoners and Exiled Settlers. pp. 373–381.
 17. Yuzhakov, S.N. (1897) *Dnevnik zhurnalista* [The diary of a journalist]. *Russkoe bogatstvo*. 9. pp. 150–175.
 18. Yuzov (Kablits), I. (1893) *Osnovy narodnichestva* [Fundamentals of populism]. Vol. 2. St. Petersburg: I.A. Lebedev.
 19. Bagnitskiy, D.R. (1897a) *K voprosu o russko-pol'skikh otnosheniyakh* [On the issue of Russian-Polish relations]. St. Petersburg: S. Propper.
 20. Bagnitskiy, D.R. (1897b) *Politicheskaya ispoved' sovremennogo polyaka* [Political confession of a modern Pole]. St. Petersburg: Yu.A. Mansfeld.

Сведения об авторе:

Кудряшев Вячеслав Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: 62kokand@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kudriashev Viacheslav N. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Records Science, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 62kokand@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 02.02.2023; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья

УДК 316

doi: 10.17223/19988613/83/7

«Машины времени» и их поломки: материальность советских и американских «капсул времени»

Елена Константиновна Малая

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, lenmamalen@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена «капсулам времени» – объектам мемориальной политики, в 1960-е гг. заимствованным Советским Союзом из США. Капсулы времени, несущие в герметичном корпусе послания потомкам, рассматриваются как устройства для символической темпоральной навигации, своеобразные «машины времени». В статье исследуются их технические аспекты: конструктивные особенности, консервационные решения и отношение «отправителей» и «получателей» посланий к деформации капсул. Первая часть статьи опирается на исторический материал и рассматривает американские и советские капсулы времени как объекты социотехнического воображения модерна. Вторая часть посвящена результатам антропологического исследования сообщества, трижды закладывавшего капсулы времени в Севастополе.

Ключевые слова: капсулы времени, письма потомкам, материальность, темпоральность, советскость

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00342 «Институциональные и неинституциональные ритуалы в структуре позднесоветского общества (1956–1985)».

Для цитирования: Малая Е.К. «Машины времени» и их поломки: материальность советских и американских капсул времени» // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 49–59. doi: 10.17223/19988613/83/7

Original article

“Time machines” and their breakdowns: the materiality of Soviet and American “time capsules”

Elena K. Malaia

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, lenmamalen@gmail.com

Abstract. The article focuses on modernistic objects — time capsules (and their contents). Time capsules are objects of symbolic politics: the closed containers with letters "addressed" to descendants or with items of “our days” for archaeologists of the future. After the content had been placed inside a stainless metal capsule, its cap was screwed on or welded. The intention was for the time capsule to be opened at a determined date – 50, 100 or even several thousand years from the moment of sealing. Unlike architectural cornerstones or messages in bottles, sent to an uncertain future, the time capsule is an object with a rigidly regulated future program, only intended to be opened at an assigned time.

Time capsules are seen in the article as instruments of temporal politics and a kind of “time machines” that require periodic “fixing” and navigating between times. This assumption is supported by the historical and anthropological parts of the article. The first part reviews the history of time capsule insertion in the United States and the Soviet Union and analyses the attention paid to the hermeticity of the capsules. The second part of the paper presents the results of anthropological fieldwork. The author investigated the nostalgic community of former Sevastopol Komsomol members, who laid and re-laid their time capsule, changing the message according to the expected (Soviet or post-Soviet) future. The article pays particular attention to the deformation and leakage of this time capsule, through which groundwater has seeped. People percept the cracking and leaking of the capsule as a parallel to the collapse of the Soviet system. This allows the study to fit in with a number of other works exploring the sovietness and post-sovietness as a specific material modality. In addition, tracing the history of the genre in both American and Soviet heritage allows the author of the article to speak of general features of the social imagination of modernity, and to put the Soviet experience into an international context.

Keywords: time capsules, letters to descendants, materiality, temporality, sovietness

Acknowledgments: The research was supported by Grant No. 20-18-00342 of the Russian Science Foundation “Institutional and Non-Institutional Rituals in the Structure of Late Soviet Society (1956–1985)”.

For citation: Malaia, E.K. (2023) “Time machines” and their breakdowns: the materiality of Soviet and American “time capsules”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 49–59. doi: 10.17223/19988613/83/7

Сработанное наспех, из дешевых материалов, судно не выдержало бы ударов набегающих секунд.
С. Кржижановский.
Воспоминания о будущем

Машины модерна

Лиевен де Котёр в эссе «Капсульный город» рассуждает о городах Нового времени как об организованных машинерией транспорта и одновременно разбитых на подпространства с границами разной проницаемости [1]. Машины переносят горожан от одной локации к другой, отделяя их от внешней среды железом, стеклом и пластиком. Пространства в современном городе устроены похожим образом: торговые и офисные центры представляют собой огромные, но замкнутые пространства, невозможные до изобретения лифтов и сложных систем вентиляции [2], а пассажи, воспетые Бенямином, реорганизуют пространство за счет покрытия прозрачной, но прочной оболочкой [3. С. 36–38].

Главным воплощением модерна становится техническое устройство, машина – как символ индустриализации и прогресса [4] и как точка применения новых, устойчивых к внешнему воздействию материалов [5. Р. 19–24; 6]. Современные машины не должны ломаться и изнашиваться, а их корпус должен быть прочным, гладким и лишенным изъянов. Кроме того, их металлические детали должны блестеть [7. С. 233–234].

В этой статье я собираюсь распространить понятие машины на объекты, редко рассматриваемые как технические, хоть они и порождены современным воображением, – капсулы времени, содержащие послания потомкам. Обычно в исследовательских работах они рассматриваются через призму исследований темпоральности и исторической памяти [8; 9; 10. С. 142–169], но я собираюсь сделать акцент на их материальных и конструктивных особенностях и показать, что они позиционировались как технические объекты и в США, и в СССР (однако уделю основное внимание советскому и постсоветскому материалу). Также я собираюсь исследовать, как технические характеристики этих устройств конвертируются в культурные и символические смыслы.

Крипта цивилизации и капсулы компании Westinghouse

В ноябрьском номере *Scientific American* за 1936 г. вышла статья “Today–Tomorrow”, написанная Торнуэллом Джейкобсом, президентом Оглторпского университета [11]. Статья была посвящена поиску меценатов для проекта «Крипты цивилизации» (*The Crypt of Civilization*), комнаты, которая должна была хранить на устойчивых ко времени носителях информацию о жизни и быте людей XX в., чтобы рассказать о них жителям 8113 года н.э. Статья имела успех, и в 1940 г.

крипту, расположенную в подвале Оглторпского университета, запечатали на более чем шесть тысяч лет.

В 1936 г., когда Джейкобс искал спонсоров для своего проекта, у него взял интервью журналист и энтузиаст ракетостроения Джордж Эдвард Пендрей, помощник президента *Westinghouse Electric Corporation*. Идея посылки в будущее его чрезвычайно увлекла, и он сделал ее центром павильона *Westinghouse* на готовящейся Всемирной выставке 1939 г. в Нью-Йорке. 23 сентября 1938 г., за год до ее открытия, на 50-футовую глубину был заложен контейнер, названный “Time capsule” и наполненный самыми показательными предметами эпохи с точки зрения отправителей. «Капсула времени», которая дала название всему жанру посылок в будущее, была запечатана на 5 тысяч лет, до 6939 г. н.э. Место закладки стало объектом демонстрации на выставке, а копии предметов, отправленных в будущее, были представлены на отдельном стенде.

Особое внимание энтузиастами капсул уделялось непроницаемости контейнера и его устойчивости к влиянию времени. Торнуэлл Джейкобс писал в *Scientific American*:

«Подвал [Оглторпского университета] сделан водонепроницаемым, и после облицовки нержавеющей сталью сохранит содержащиеся в нем предметы в течение необходимого времени. Размер крипты для этой цели достаточен. Она находится в гранитном здании, покрытом сланцем, фундамент которого покоится на гранитной плите Аппалачских гор. Это место идеально подходит для подобного проекта, поскольку коренная порода принадлежит к очень древней геологической формации, которая с небольшими изменениями выдержит разрушительное воздействие времени. <...> Конечно, [к крипте] должна прилагаться табличка из нержавеющей стали, требующая от будущих поколений оставить содержимое крипты закрытым до 8113 года нашей эры» (здесь и далее при цитировании перевод с английского мой. – Е.М.) [11. Р. 261].

Для корпуса вестингхаузской капсулы также были использованы противокоррозийные материалы: он состоял из фирменного медного сплава *Westinghouse*, «купалоя» (*cupaloy*, от англ. copper alloy, медный сплав) [8. С. 150; 12. Р. 101]. Под металлической оболочкой находился воздухонепроницаемый стеклянный футляр, в котором располагались предметы, отправляемые в будущее (микрофильмы, образцы современных материалов, технические новинки, предметы быта и детские игрушки, письма известных людей). Контейнер был заполнен, как и в случае с криптой, азотом.

Ниже представлен фрагмент брошюры, выпущенной *Westinghouse* в честь закладки капсулы, в котором описываются технические решения, обеспечивающие ее устойчивость к воздействию времени:

«Недавно был разработан медный сплав <...>. Известный как купалой, он состоит на 99,4% из меди,

5% хрома и 0,1% серебра. Этот материал можно закалять до твердости, аналогичной мягкой стали, но при этом он имеет сопротивление коррозии, равное чистой меди. В результате электролитических реакций с черными металлами в почве он становится анодом и, следовательно, будет получать отложения, а не подвергаться коррозии. Мы верим, что правильно сконструированная капсула из купалоя выдержит природные разрушительные силы пяти тысяч лет и своей прочностью защитит содержимое от случайностей времени.

Капсула времени имеет семь футов шесть дюймов в длину и восемь и три восьмых дюйма в диаметре. Её корпус, отлитый из купалоя, состоит из семи сегментов, все сегменты, кроме последнего, прочно скручены друг с другом, залиты расплавленным асфальтом и отполированы [13. Р. 7–9].

По этому описанию видно, что капсула позиционируется как сложный технологичный объект. Она пассивно лежит в земле – по сути, это работающая машина. Она активно сопротивляется воздействию извне, обеспечивает электролиз, служит анодом и противостоит коррозии. Она сконструирована, чтобы эффективно выполнять свой функционал: все ее сегменты, соединенные резьбой и залитые асфальтом, вместе с азотом и стеклянной внутренней оболочкой работают на одно дело – сопротивление времени.

Вестингхаусская капсула представляется ярким примером модернистской технологии. Это объект, созданный на основе научных расчетов и позволяющий преодолеть природные ограничения материи. Кроме того, она эстетична: ее гладкая форма напоминает блестящий корпус ракеты (рис. 1). Как пишут Джон Бек и Марк Дорриан, это эмблематически современный объект [12. Р. 101].

Рис. 1. Капсула времени компании Westinghouse перед закладкой. 1938 г. George Westinghouse Museum Collection, the Heinz History Center [14]

Кроме того, в капсуле кроется динамика прогресса. Несмотря на то, что это статичный объект, лежащий

в земле, его конструкция пронизана идеей движения: обтекаемая капсула из новейшего сплава летит в будущее.

Идея «Крипты цивилизации» была связана с линейным временем: по замыслу Джейкобса, она должна быть распечатана через срок, равный по длительности всей известной истории человечества. За точку отсчета он взял предположительное начало древнеегипетского сотического¹ календаря (4241 г. до н.э.), посчитал длину промежутка, отделяющего эту дату от 1936 г. (6177 лет), и отразил его в будущее (1936 + 6177 = 8113). Таким образом, создание крипты представляется серединой жизни человечества, медианой между древним прошлым и далеким будущим. Весьма вероятно, что на закладку крипты повлияло сравнительно недавнее открытие гробницы Тутанхамона [8. Р. 141; 12. Р. 100]. Джейкобс вдохновлялся представлением о современности как о *будущем прошлом*, таком же древнем для потомков, как для нас – Древний Египет².

Однако капсула времени компании Westinghouse отличается от проекта Оглторпского университета. Если Джейкобс вложил в массивную крипту шеститысячелетнее человеческое прошлое, то Пендрей, адепт футуристического модерна и энтузиаст ракетостроения, не связывается с древностью. Его капсулы – баллистические снаряды для выстрела в будущее. Они отправлены не из середины истории, а из *сейчас*.

Радикальный футуризм вестингхаусских капсул был связан с культурным ландшафтом Экспо, для которой они были созданы. С середины XIX в. Всемирные выставки тематизировали будущее и демонстрировали технические новинки [17]. Однако выставка 1939 г. была особенно футуристичной – тема была заявлена как «Мир завтрашнего дня». Павильоны стремились отправить посетителей в будущее, иногда почти буквально, как в случае с инсталляцией «Футурама» компании General Motors [9. Р. 243; 18].

«Мир завтрашнего дня»: советские форматы

В Советском Союзе закладка вестингхаусской капсулы не прошла незамеченной – 25 октября 1938 г. в «Правде» была опубликована короткая заметка «Цивилизация двадцатого века» [19. С. 4], в которой цитировались фрагменты вложенного в капсулу письма Эйнштейна³.

На следующий год СССР принимал участие во Всемирной выставке в Нью-Йорке, однако на этот раз советские журналисты не отметили капсулу в своих репортажах. В советских газетах в основном упоминались Футурама, несколько других инсталляций и роботы, тоже сделанные компанией Westinghouse [20–22]. Возможно, причина такого умолчания в том, что закладка капсулы произошла до открытия выставки, а возможно – в краткости и критичности описания иностранных павильонов в советской прессе, которая утверждала, что тема будущего нигде, кроме советского павильона, не раскрыта.

Советский павильон действительно отличался от остальных на выставке – и эстетически, и прагматически, и своей темпоральной модальностью. Во-первых,

визуальный футуризм капсулы был чужд советскому дизайну: консервативный поворот 1930-х гг. предполагал возвращение к классике, какой ее понимало советское искусствоведение [23]. Во-вторых, в отличие от выставочных площадок соседей, демонстрировавших будущее, которое только должно наступить, монументальное здание советского павильона показывало будущее, которое наступило *уже*, в Стране Советов [23, 24].

Кроме того, советские репрезентации будущего, вероятно, не могли охватить настолько далекий хронологический перенос, какой предлагала вестингхаусская капсула. За художественными текстами о будущем, созданными в сталинский период, закрепилось понятие «фантастика ближнего прицела»⁴, отражающее ближайший – в пределах нескольких лет – горизонт прогноза [26. С. 81]. Логика времени сталинизма противоречила идее капсулы времени – отправка посланий потомкам предполагает, что им необходимо о нем рассказать, т.е. они о нем *не знают*. Таким образом, их будущее существование отличается от нашего настоящего. Подобная темпоральная непредсказуемость противоречила логике «победившего социализма», позиционируемого как уже наступившее «вечное» будущее.

«Далекое» будущее возвращается в советское культурное поле после XX съезда КПСС: вместе с «утром космической эры», III программой партии и другими катализаторами утопического воображения [26–29].

Автономность и герметичность капсул времени

Помимо демонстрации архитектуры и содержимого павильона, на выставке 1939 г. советская делегация стремилась представить будущее действием – с помощью советской авиации. К выставке был приурочен первый трансатлантический беспосадочный перелет, осуществленный летчиками В. Коккинаки и М. Гордиенко, призванный развить успех полета Чкалова. В Нью-Йорке Коккинаки, как и другие члены советской делегации, увидел вестингхаусскую капсулу времени. Через двадцать лет он вспомнит о ней в речи на другой выставке, в Сокольниках («Американская национальная выставка», 24 июля – 4 сентября 1959 г.), на которой пройдут «кухонные дебаты» Никиты Хрущева и Ричарда Никсона [30. С. 43]. Сложно утверждать, что именно это стало поводом для легитимации и распространения американской практики, однако первая задокументированная капсула времени в Советском Союзе появилась на следующий год после этого заявления, в 1960 г., в международном детском лагере «Артек». Она называлась «Ракета времени» и была заложена на 40 лет, до 2000 г. Показательно, что для названия этого контейнера была использована метафора ракеты, – вестингхаусская капсула тоже ассоциировалась с ракетным снарядом, и первоначально ее планировали назвать “time bomb” [8. Р. 155].

После «Ракеты времени» капсулы с письмами и «памятными адресами» потомкам стали закладывать на юбилеи городов (Смоленск, Армавир, Орел). К 1967 г. практика распространилась настолько, что вошла в канон официального празднования советскими коллекти-

вами 50-летия революции, а через год – 50-летия ВЛКСМ. Сотни посланий в будущее стартовали из 1967 и 1968 гг. в разных городах и селах СССР, чтобы быть открытыми через пятьдесят лет, в 2017 и 2018 гг.⁵

В отличие от западных капсул, представляющих собой предметную «археологию для потомков» [8, 9], советские обычно не содержат вещей⁶. Зачастую в будущее отправляется просто послание, что роднит советские капсулы с закладными камнями, памятные табличками и открытыми письмами. Вероятно, текстоцентричность советских капсул можно рассматривать как продолжение перформативного характера и сталинской, и пост-сталинской культуры, позволяющее говорить о *советском* как о языковой и риторической практике [31–34].

Советские капсулы, конечно, не обладали такой яркой сциентистской амбицией, как капсулы компании Westinghouse, – их не покрывали новоизобретенным сплавом, из них не откачивали воздух, чтобы заменить его на азот. Тем не менее они тоже могут быть прочитаны как технические объекты. Так, для них выбирался непроницаемый и устойчивый к коррозии контейнер. Иногда закладчики использовали латунную гильзу от крупнокалиберного оружия, которую после войны было сравнительно легко достать, а порой дизайн корпуса становился самостоятельным инженерным проектом, как, например, в случае с капсулой новороссийского молодежного клуба «Шхуна ровесников», помещенной на морское дно у подножия Суджукского маяка. Вот как описывает технические аспекты создания контейнера в своей книге К. Подыма, руководитель «Шхуны»:

«Инженер-конструктор Новороссийского управления рыболовно-рефрижераторного флота Юрий Владимирович Агте горячо отозвался на просьбу “Шхуны”. Он разработал проект капсулы-контейнера. Она должна быть в виде цилиндра.

Рабочие чертежи сделал секретарь комитета комсомола судоремонтного завода Олег Зайковский. Благодаря его энергии и настойчивости капсула-контейнер из винтовой коррозионно-стойкой латуни была изготовлена вовремя. <...> На вагоноремонтном заводе комсомольцы рамно-тележечного цеха изготовили ящик из нержавеющей стали» [35. С. 105].

Описание напоминает текст из брошюры компании Westinghouse. Из него становится ясно, что капсула времени – составное техническое устройство, противостоящее коррозии и непроницаемое для воды.

«Тщательно были заклеены все письма, в конверты вложены снимки авторов. Фотографии переложены папиросной бумагой, рисунки завернуты в целлофан. <...> На дно капсулы-контейнера положили марлевый мешок с влагопоглощающими кристаллами. <...> Рабочий докового цеха Павел Федорович Ковалев залил эпоксидной смолой капсулу, уложенную в ящик из нержавеющей стали. Густая прозрачная масса янтарного цвета заполнила всю пустоту ящика. <...> Ящик закрыли сверху крышкой, завинтили болты. Теперь путь посылки в 2017 год – на завод “Стройдеталь” треста “Новороссийскморстрой”. Здесь уже изготовлена деревянная опалубка для 15-тонного бетонного массива.

– Бетон – гидротехнический, марка его “400”! – говорит секретарь комитета комсомола Виктор Новик. – Схватит крепко. Сможет выстоять больше, чем полвека... [35. С. 118–119].

Большая часть капсул оставалась на суше, хоть пряталась от глаз в стенах домов и постаментах памятников. Тем не менее их тексты, несмотря на скрытость под металлической оболочкой, парадоксальным образом были публичными. Распоряжение о закладке обычно согласовывалось с местной и партийной властью, текст послания проходил несколько этапов редакции и был написан от лица собирательного, коллективного «мы». Послания прилюдно зачитывались на митингах и печатались в местных газетах⁷.

Однако публичность писем потомкам не входила в противоречие с требованием их закрытости. Текст должен был прийти в будущее неповрежденным, поэтому его необходимо было защитить от влияния времени. Письма и предметы изолировались от окружающей среды, воздуха, грунта и других внешних сил. Запечатывание капсулы останавливает внутри время: когда ее откроют, предметы прошлого окажутся как бы «перепрыгнувшими» через года. Такую темпоральную трансгрессию делает возможной непроницаемая оболочка, которая «отделяет» время снаружи капсулы от времени внутри и обеспечивает ее герметичность.

Впрочем, иногда капсулы времени «протекают».

«Капсула вся в воде»

Одна из советских капсул времени была заложена в 1967 г. в Севастополе у подножия памятника комсомольцам, участвовавшим в обороне города в годы Великой Отечественной войны. Капсулу предполагалось открыть в 2017 г., однако до времени открытия она не дождалась: в 1995 г. послание было заменено на новое, также отправленное в 2017 год. В 2017 г. капсулу распечатали и перезаложили снова – уже до 2067 г. Газетные и интернет-публикации утверждают, что первое письмо изначально было заложено с 1967 по 1995 г., но текст послания не позволяет с этим согласиться – он адресован «комсомольцам 2017 года»⁸. Открытие капсулы до срока и замена послания – практики, которые кажутся мне важными для понимания капсул как своеобразных «машин времени». Разбору севастопольского случая я хочу посвятить вторую часть статьи.

Летом 2020 г. меня⁹ тепло приняли в штабе ностальгической организации «Старая гвардия комсомола»¹⁰, расположенном по соседству с одним из офисов коммунистической партии. Отвлекаясь от подготовки к выборам в горсовет, пожилые комсомольцы поили меня чаем, ругали «девяностые» и рассказывали о капсулах времени. Помимо прочего, они подтвердили, что решение о вскрытии капсулы в 1995 г. принималось спонтанно, а не было запланировано при первой закладке. Последняя же перезакладка (2017) возвращается к 50-летней разбивке времени¹¹ и предполагает открытие текста в 2067 г.

Семидесятилетняя Анна Геннадьевна¹², активная участница организации «Старая гвардия комсомола», объясняет, что перезакладка капсулы до срока была

вызвана желанием что-то противопоставить обобщенной постсоветской власти:

«Девяностые годы уже всю показали, что случилось. Случился бардак! Всё развалили, всё забыли, всё стало никому не нужно. Тогда мы решили достать это послание, раскопали и увидели, что капсула вся в воде <...> [ЕМ: А сам текст лежит в музее где-то? Сама бумага из капсулы?] Леночка, миленькая, ты не можешь это [нигде найти], нигде не найдешь, потому что этой власти это не надо. Это им ничего не надо. Это мы [члены «Старой гвардии комсомола»] всё делаем сами вот. [Другие городские организации] это ерунда, которая ни черта не работает. <...>. Поэтому вот этот текст – его нельзя было не напечатать, потому что когда вскрыли капсулу, там на памятнике даже лежит такая табличка, там, где мы вскрывали, там оказалось очень много воды. И всё это было, капсула вся была в воде! Но так удачненько, что она не просочилась вся, с шестьдесят седьмого года, представляешь себе, да? С шестьдесят седьмого года» [АГ, жен., 1945 г.р.]

В качестве другой причины перезакладки ретроспективно называется просочившаяся в капсулу вода. Течи и бреши в резервуарах современной техники появляются естественным образом. Однако на закате советской власти деформация герметичных объектов воспринималась ответственными за них людьми не только как несовершенство техники, но и как признак разложения советского проекта в целом. Физики, работавшие с быстрыми нейтронами, ассоциировали проблемы реакторов с распадом советской системы [36]. Быстрые реакторы пропускали натрий и воду, а капсулы севастопольских комсомольцев – воду и время. В словах моей собеседницы протекающая капсула превращается в такой же симптом кризиса, как и предполагаемое бездействие власти.

Интересно, что капсула 1995 г. (вторая по счету) тоже протекла. Когда ее извлекали в 2017 г., к «Старой гвардии комсомола» уже присоединилась появившаяся за эти годы в Севастополе молодежная ячейка комсомола РФ¹³. Один из ее лидеров, Алексей, рассказывает об этом так:

«Там была гильза от сорокопятики, насколько я помню. Вот сама эта гильза от сорокопятики, запечатанная сверху пластиковой пробкой, внутри какая-то светлая голова догадалась положить вот это послание девяносто пятого года в стеклянную колбу, замотали это бинтом, по-моему, в итоге из-за перепада всего и вся капсула стала немного подгнивать, в общем говоря, мы доставали из воды. Эту капсулу. И из этой капсулы еще и вода вытекала. У меня даже эти фотографии есть, как мы на столе у начальника вот это самое послание... [сушили]» [АШ, муж., 1993 г.р.]

Несмотря на нержавеющий корпус гильзы, пластиковая пробка пропустила воду. Поэтому к изготовлению третьей капсулы в 2017 г. комсомольцы подошли со всей серьезностью:

АШ: Ну, капсулу мы там монументальную заказали. Рабочие морзавода нам ее сделали.

ЕМ: Тоже как гильзу?

АШ: *Не-не-не, там... жаль, не сфотографировал. Или есть фото, не помню у нас, или нет, этой мону-ментальной капсулы. Ну такая, получается. Вот такая чушка шестигранная из нержавеющей стали. То есть там рабочие, как говорится, на славу постарались.*

АГ: *И чтоб она уже не промокла, как предыдущая.*

АШ: *Причем из идейных соображений постарались. Ни копейки не взяли, сказали, что мы понимаем, что... Сами проявили инициативу, сказали, что, ребята, позориться не будем, мы вам сделаем нормальную капсулу. То есть... я им дал параметры, что нужно сделать. Ну и вытирили, вручили торжественно.*

Надежность светлого будущего ассоциируется Анной Геннадьевной и Алексеем с прочностью третьей капсулы, которая уже не должна протечь. Она, как и первая, содержит оптимистичное послание потомкам и контрастирует со второй капсулой «из девяностых». Будущее, описанное в ней, – светлое и прогрессивное. По логике закладчиков, худшее, что могло случиться с комсомолом, уже случилось в 1990-е гг., и теперь дела должны пойти на лад.

Важно отметить, что авторы третьего письма связывают светлое будущее 2067 года не с нынешним курсом российской политики в Севастополе, а с гипотетическим восстановлением советской власти: «*Мы уверены, что благодаря вашему труду наш город снова стал белокаменным красавцем, гордостью Социалистической России!*» [37. С. 2]. Они находятся в оппозиции к действующей городской и государственной власти (считая ее олигархической и поддерживающей капитализм), хотя положительно оценивают «*возвращение [Крыма] домой – в Россию*» [37. С. 2]. Тем не менее в тексте звучит несогласие с российской политикой после 2014 г., в частности упоминается борьба «*за сохранение души города-героя от попыток заезжих чиновников сделать из него заурядный провинциальный город*» [37. С. 2]. Действительно, от многих моих собеседников в Севастополе (в том числе очень далеких от комсомола) я слышала критические отзывы о назначаемых «*из России*» директорах различных институций, не понимающих специфику местной жизни. В итоге в утопическом третьем письме (утверждающем будущую победу над раком и СПИДом, голодом и безработицей) присутствуют отзвуки современных крымских конфликтов.

Как закладка, так и перезакладки севастопольской капсулы времени были формализованными публичными мероприятиями с утвержденным регламентом¹⁴. Тем не менее они становились пространством эмоциональной солидаризации сообщества. Анна Геннадьевна вспоминает о своем волнении при чтении писем и сейчас, и в прошлом:

«...это я зачитывала всё это через рупор [на митинге в 1967 г.]. <...> “Да здравствует партия коммунизма, да здравствует столетний юбилей родины, комсомол, верный помощник коммунистической партии”. “Да здравствует коммунизм”. Которого в семнадцатом году не произошло. <...> я читала вот сейчас опять же читала, и когда [недавно] доклад читала об этом, всё это... и у самой слёзы, и у людей слёзы» [АГ].

Об эмоциональном переживании чтения писем из прошлого говорили и другие информанты – причем как о ностальгическом, так и об ироничном – и всегда связывали его с разницей между советским описанием будущего и наступившей реальностью.

Контраст между временами при чтении посланий действительно ощущается остро. Он появляется за счет резкого столкновения дат, ранее специально «отделенных» друг от друга. Прошлое и будущее контрастируют за счет корпуса капсулы, обеспечивавшего консервацию советского текста.

Если в советских посланиях звучала уверенность в том, что адресаты живут при коммунизме [39], то постсоветские комментарии к этим текстам в основном ностальгические или ироничные. Показательно название статьи о капсулах времени на портале Lenta.ru: «Юра, мы все закопали» [40], обыгрывающее известный мем. Возможно, именно контраст между реальным *постсоветским* будущим и воображаемым *советским*, описанным в письме, побудил севастопольских комсомольцев открыть капсулу раньше срока.

Машина времени

Когда севастопольским закладчикам капсулы стало ясно, что коммунистическое будущее в 2017 г. невозможно, послание из 1967 в 2017 год было заменено. Новый текст был отправлен в тот же 2017 год, но теперь с другой модальностью. Так в темпоральном путешествии капсулы появилась развилка, изображенная на рис. 2 (серым обозначен год революции, задающий ритм 50-летних отрезков времени, а также первоначальная дата открытия первого текста).

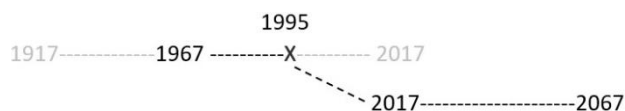

Рис. 2. Схема дат закладки и перезакладки севастопольской капсулы времени

Обратим внимание, что все три раза капсулу закладывали практически одни и те же люди. Анна Геннадьевна присутствовала на запечатывании первой капсулы, была одним из инициаторов извлечения и замены текста в 1995 г., а в 2017 г. выступала в качестве старшей наставницы молодых комсомольцев, организовывавших новую перезакладку. Парадоксальным образом отправители и получатели писем оказались неразделимы, несмотря на то что жанр посланий потомкам изначально предполагал информирование о прошлом людей, незнакомых с его реалиями.

В тексте первого письма (1967) отражена темпоральная карта брежневского периода: революция, война, послевоенное восстановление и построение коммунизма [41]. Время предстает линейным и движущимся вперед, а прошлое автоматически переходит в прогрессивное будущее:

«Через три дня исполнится пятьдесят лет историческому событию, когда под руководством партии большевиков, возглавляемой Великим Лениным, поднялся угнетенный народ нашей страны, снял эксплуа-

таторов и впервые на земле установил власть Советов. Залп «Авроры» в Октябре прозвучал могучей музыкой в сердцах угнетенных народов всего мира. <...> Мы, внуки тех, кто брал Зимний, сыновья тех, кто итурмовал Рейхстаг, сегодня гордо несем эстафету Великого Октября, активно участвуя в строительстве коммунизма. <...> Сегодня, 4 ноября 1967 года, мы твердо знаем, что эстафета доблести и славы поколений, завоевывающих Советскую власть, защищавших и освободивших Севастополь в годы борьбы с фашизмом, восстановивших город из руин, ведущих город на борьбу за коммунистический труд, образцовый общественный порядок и высокую культуру, уверенно и высоко держится вашими молодыми руками, а сердца беззаветно верны идеям Ленина» [42. С. 1–2].

Этот текст, как и множество подобных, является частью нарративной «сборки» Советского Союза через перформативное озвучивание его истории. Проговаривание темпоральных границ государства может быть рассмотрено как инструмент нациестроительства [43].

Письмо 1995 г. сильно отличается от первого. Его модальность ближе к ламентации, переходящей в завет будущим поколениям. Будучи формально приуроченным к 50-летию победы в Великой Отечественной войне, содержательно оно посвящено распаду Советского Союза:

«...сегодняшний праздник – это не только праздник победы и торжества советского народа. На глазах у ветеранов слезы, слезы и от того, что нет страны, которую они защищали – нашей единой, великой, могучей Родины, имя которой – Советский Союз, где в мире и согласии жили братской семьей люди разных национальностей, жили в мире и достатке [44. С. 1].

В отличие от прошлого письма, утверждавшего, что его читатели живут при коммунизме, текст 1995 г. не берется описывать будущее: «Мы не осуждаем наших отцов за их ошибки, несбывшиеся надежды и мечты, как не беремся судить и о том, какой будет жизнь в начале XXI века» [44. С. 2].

Корректировка письма в 1995 г. позволяет помыслить капсулу как своеобразную машину времени, требующую починки, уточнения курса и навигации между разными версиями будущего. В 1995 г. время, с точки зрения повзрослевших комсомольцев, уже шло «не туда», и, чтобы капсула все-таки достигла будущего, ее текст и курс необходимо было заменить, а также защитить корпус от протекания (иными словами, починить «машину времени»).

Замена послания севастопольской капсулы, конечно, не опиралась на научно-фантастические теории и может быть сопоставлена с машиной времени только метафорически. Тем не менее за этим действием стоит желание сократить разрыв между реальным будущим и воображаемым.

Похожий пример «потери курса» машиной времени можно встретить в романе Сигизмунда Кржижановского «Воспоминания о будущем». Главный герой отправил свою машину так далеко, что перескочил доступное ему время и оказался в будущем, которое не случится. Сходство этого фрагмента с севастополь-

ским примером состоит также в том, что Кржижановский отправляет своего героя в путешествие из Советского Союза, и тот, оказавшись в будущем, видит, как выплывают красные флаги:

«Мое будущее, искусственно возвращенное, как растение, до природного срока выгнанное вверх, было болезненно тонким, никлым и бесцветным. Всё, решительно всё... ну, например, красный флаг, о котором я уже, кажется, упоминал, постепенно превращался из красного в <...> Нет, не то, – отмахнулся Штерер, – он не отдавал своей краски, но в нее, как и во все, постепенно вместе с секундами стала подплеваться какая-то серость, бесцветящий налет нереального. Странная тоска вклеивалась в сердце. И хотя я знал, что тот, обогнанный, еще не досчитанный вами до конца год на двадцать корпусов позади, меня не покидало чувство погони: топот секунд поверх секунд. Я надал скорости – серая лента дней терлась о мои глаза; я закрыл их и, стиснув зубы, вслепую мчался на выброшенных вперед рычагах. <...> Несомненно, была допущена ошибка: не в конструкции – в конструкторе, во мне» [45. С. 416–417].

Помимо желания преодолеть несоответствие будущих времен, перезакладку севастопольской капсулы в 1995 г. можно интерпретировать как попытку восстановления прежнего гражданского порядка хотя бы в пространстве ритуала. Кроме того, в отличие от 1967 г., перед нами низовая инициатива. Также важно отметить, что статус авторов письма в советской системе был связан с «работой с молодежью» и культмассовыми мероприятиями, что, вероятно, повлияло на их мотивацию продолжать подобную деятельность в постсоветское время. Вторая моя собеседница из «Старой гвардии комсомола» говорила, что для нее было «очень важно сохранять традицию капсул времени и через это учить молодежь, воспитывать. Ведь ну что плохого было в пионерах, в комсомоле? Что плохого мы делали, когда дети были все заняты? Вы даже поверить не можете, какое теперешнее поколение молодежи. А мы же как раз этим занимаемся, мы и сейчас работаем с молодежью» [АН, ж., 1947 г.р.]. Показателен звучащий в этих словах алармизм по поводу новых поколений, по-видимому, объединяющий многие сообщества, ностальгирующие по СССР.

Итак, функционеры ВЛКСМ в постсоветское время пытаются сохранить свой привычный спектр обязанностей и противопоставить его распаду советской системы, понимаемому ими и как общая аксиологическая катастрофа, и как слом их карьерного и жизненного пути. Иными словами, для моих собеседников распалась связь времен – и они предприняли попытку «сшить» их заново, занявшись навигацией имеющихся в их расположении темпоральных девайсов¹⁵.

Заключение

В этой статье я стремилась обосновать две идеи. Во-первых, что на капсулы времени распространяются модернистские представления о технических устройствах, предполагающие бесперебойность их «работы» и устойчивость к внешнему воздействию. Во-вторых,

что подобные объекты, выстраивая связь между прошлым и будущим, поддерживают для людей конфигурации *настоящего* – и потому надежность и работоспособность этих «машин» ассоциируются с прочностью создавшего их социального порядка.

Создание непроницаемых и нержавеющих капсул времени позволяет увидеть под практиками исторической памяти социотехническое воображение модерна. Прочность материала, сопротивление коррозии и автономность – принципы, с помощью которых рассмотренные выше «машины времени» могут «работать». Главное требование, предъявляемое к этим устройствам, – непрерывность, постоянная работа по сшиванию прошлого и будущего.

Тем не менее эта техника, как и любая другая, может ломаться и выходить из-под контроля. Модерное воображение подчиняет материю и пытается лишить объекты их естественных физических особенностей, однако их *thing-power*, в терминологии Джейн Беннет, берет свое [46]. Капсула с посланием потомкам может двигаться в «неправильное» будущее, создавая разрыв между воображаемыми и реальными адресатами письма, ее корпус точат грунтовые воды, и он протекает. Бумага письма может размокнуть, а чернила – выцвести или поблекнуть. «Починка» же протекающей капсулы или замена ее послания помогает символически преодолеть ощущаемый людьми темпоральный и социальный разрыв.

Примечания

¹ Сотис – древнеегипетское название Сириуса. По представлениям египтологов начала XX в., древнеегипетский гражданский календарь, синхронизирующийся с разливами Нила, не совпадал с сотическим – отсчитываемым от гелиакического восхода Сириуса (т.е. от восхода звезды, опережающего солнечный). Но когда гелиакический восход приходился на летнее солнцестояние, календари должны были совпадать. На основании расчетов Эдуарда Майера древнеегипетская хронология была соотнесена с европейской, датой начала первого сотического цикла было названо 19 июля 4241 г. до н.э. Сейчас эта датировка считается некорректной [15; 16. P. 153–155].

² За несколько лет до создания Крпиты похожее переживание перехода современности в древность (и тоже на древнеегипетском материале) запечатлел фильм «Мумия» (1932). В этом классическом фильме ужасов Universal обыгрывается двойственность древнеегипетских предметов – современных и привычных для восставшего Имхотепа и одновременно древних и «музейных» для главных героев.

³ Вероятно, среди прочих текстов оно лучше всех подходило для публикации в СССР, так как осуждало капитализм и выражало надежду на исчезновение экономического неравенства людей в будущем.

⁴ В 1934 г., на Первом съезде советских писателей, утверждается необходимость описывать не утопическое, а реальное завтра, материалистически выводимое из сегодняшнего дня [25. С. 3–5].

⁵ В последующие годы закладки не прекратились, хотя стали менее массовыми. В основном они были приурочены к юбилеям городов и школ, а также к годовщинам победы в Великой Отечественной войне.

⁶ Известные мне исключения – капсулы времени новороссийской молодежной организации «Шхуна ровесников» и омской школы № 88, в которые положили рисунки, значки, киноленты, пластинки и пр. Вероятно, таких примеров существует больше, однако они проигрывают в количестве капсулам, содержащим исключительно тексты.

⁷ Публичность советских капсул переключается с публичностью американских – напомним, что капсула Westinghouse была заложена к Всемирной выставке, а стенд, иллюстрирующий ее содержимое, стал частью экспозиции.

⁸ Это также подтверждается нормой практики – капсулы 1967 г., заложенные в честь 50-летия революции, обычно запечатывались на симметричные юбилею пятьдесят лет и потому вряд ли могли предполагать открытие через 28 (в 1995 г.).

⁹ Методологические и этические основания моей работы в крымском поле определяются, помимо прочего, тем, что я являюсь уроженкой и жительницей полуострова.

¹⁰ Организация объединяет людей в возрасте, бывших в советское время активными членами ВЛКСМ.

¹¹ Впрочем, несмотря на то что вторая закладка капсулы случилась раньше срока, символический отрезок в 50 лет присутствует и в ней – она приурочена к пятидесятилетию победы в Великой Отечественной войне. Видимо, из-за возможности посвятить послание круглой дате для замены советского текста был выбран именно 1995 г.

¹² Все имена собеседников и название организации изменены из соображений исследовательской этики.

¹³ После распада советского ВЛКСМ на территории России и других постсоветских стран действует несколько организаций, претендующих на право называться «настоящим» комсомолом, преемником советского. Часто у них схожие аббревиатуры, и иногда они могут соседствовать в городском пространстве. Моими собеседниками в Севастополе стали члены одной из таких организаций, занимавшейся в годы моего исследования (2020–2021) воспитательной работой в школах, поисковым движением и уходом за захоронениями периода Великой Отечественной войны, а также организацией коммеморативных мероприятий в городе.

¹⁴ Интересны обратные примеры: например, послания потомкам, тайно вмурованные заключенными в строящиеся ими здания. Строители Нижнетагильского драматического театра писали следующее: «*Эта надпись замурована 15 марта 1954 года не под гром оркестров и шум толпы. Но она расскажет потомству, что этот театр построен не силами комсомольских бригад, как потом будут утверждать летописи, а создан на крови и костях заключенных — рабов XX столетия. Привет! грядущему поколению! И пусть ваша жизнь и ваша эпоха не знает рабства и унижения человека человеком*» [38]. В этом случае привлекает внимание дата: насколько можно судить, жанр полноценных капсул времени, т.е. посланий в будущее с назначенной датой открытия, сложился позже, в 1960-е гг. Поэтому текст нижнетагильских заключенных, вероятно, полемизирует не с капсулами времени, рассматриваемыми в этой статье, а с их прообразами – закладными камнями, письмами в бутылках и другими посланиями, отправлявшимися в «свободное» путешествие в будущее без оговоренной даты прочтения.

¹⁵ За предложение этого термина я благодарю Николая Ссори́на-Чайкова.

Список источников

1. De Cauter L. The capsular city // *The Hieroglyphics of Space*. London : Routledge, 2005. P. 271–280.
2. Колхас Р. Гигантизм, или Проблема Большого // Колхас Р. Гигантизм, или Проблема Большого. Город-генерик. Мусорное пространство. М. : Арт Гид, 2015. С. 5–16.
3. Беньямин В. Париж – столица девятнадцатого столетия // Беньямин В. Краткая история фотографии. М. : Ad Marginem, 2013. С. 36–59.
4. Stewart L. A meaning for machines: modernity, utility, and the eighteenth-century British public // *The Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70 (2). P. 259–294.
5. Jasanoff S. Future Imperfect: Science, Technology, and the Imaginations of Modernity // *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power* / ed. by S. Jasanoff and S.-H. Kim. Chicago : University of Chicago Press, 2015. P. 1–33.
6. Ketabgian T.S. The Lives of Machines: The Industrial Imaginary in Victorian Literature and Culture. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2011. 237 p.

7. Maffei N.P., Fisher T. Historicizing shininess in design: finding meaning in an unstable phenomenon // *Journal of Design History*. 2013. Vol. 26 (3). P. 231–240.
8. Jarvis W.E. *Time Capsules: A Cultural History*. Jefferson, NC : McFarland & Company, 2002. 329 p.
9. Yablon N. *Remembrance of Things Present: The Invention of the Time Capsule*. Chicago : University of Chicago Press, 2019. 384 p.
10. Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Пряжикова Е.В. Индустриальная память: масштабы и множественность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. 264 с.
11. Jacobs, T. Today–Tomorrow // *Scientific American*. 1936. Vol. 155 (5). P. 260–262.
12. Beck J., Dorrian M. The Time Capsule and the Cut-Up: Negotiating Temporality, Anticipating Catastrophe // *Theory, Culture & Society*. 2020. Vol. 37 (7-8). P. 95–114.
13. The Book of Records of the Time Capsule of Cupaloy. Westinghouse Electric & Manufacturing Company. 1938. 51 p.
14. Hartley N. The Westinghouse Time Capsule // *Western Pennsylvania History*. 2015. Vol. 6. URL: <https://www.heinzhistorycenter.org/blog/detre-library-archives-westinghouse-time-capsule/> (accessed: 28.10.2022).
15. Kitchen K.A. The chronology of ancient Egypt // *World Archaeology*. 1991. Vol. 23 (2). P. 201–208.
16. Jones A., Proust C., Steele J. A mathematician's journeys: Otto Neugebauer and modern transformations of ancient science. Springer : Archimedes, 2016. 342 p.
17. Abbattista G., Iannuzzi G. World Expositions as Time Machines: Two Views of the Visual Construction of Time between Anthropology and Futurama // *World History Connected*. 2016. Vol. 13 (3). URL: https://worldhistoryconnected.press.uillinois.edu/13.3/forum_01_abbattista.html (accessed: 28.10.2022).
18. *Designing Tomorrow: America's World's Fairs of the 1930s* : Educator Resource Guide. Museum of the City of New York 2013. 24 p. URL: http://www.mcny.org/sites/default/files/2016-11/Designing_Tomorrow_Guide.pdf (accessed: 28.10.2022).
19. Цивилизация двадцатого века // *Правда*. 1938. 25 окт. № 295. С. 4
20. Шмульян А. Нью-Йоркская выставка // *Костер*. 1939. № 7-8. С. 15–19.
21. Мельчаков И. Павильон СССР на Международной выставке в Нью-Йорке. Впечатления // *Архитектура СССР*. 1939. № 9. С. 62–69.
22. Рабинович И. Из американских впечатлений // *Литературная газета*. 1939. 10 июля. С. 5.
23. Басс В.Г. Архитектура для внутреннего и наружного употребления: советский павильон на Нью-Йоркской выставке 1939 г. и ансамбль ВСХВ // *Шаги / Steps*. 2016. № 2 (1). С. 82–102.
24. Конышева Е.В. Советский павильон на Всемирной выставке в Нью-Йорке: поиск и воплощение архитектурного образа // *Новейшая история России*. 2020. Т. 10, № 3. С. 715–746.
25. Первый Всесоюзный съезд советских писателей : стенографический отчет. М. : Сов. писатель, 1934. 720 с.
26. Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 432 с.
27. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. 2-е изд., испр. М. : НЛЮ, 1998. 358 с.
28. Фокин А.А. «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М. : РОССПЭН, 2017. 223 с.
29. Димке Д. Юные коммунары, или Крестовый поход детей: между утопией декларируемой и утопией реальной // *Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)*. М. : Новое литературное обозрение, 2015, С. 360–397.
30. Григорьев Г.К. Следы в небе. М. : ДОСААФ, 1960. 56 с.
31. Fitzpatrick S. Supplicants and citizens: Public letter-writing in Soviet Russia in the 1930s // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55 (1). P. 78–105.
32. Хамфри К. Опасные слова: табу, уклонение и молчание в Советской России // *Антропологический форум*. 2015. № 3. С. 314–339.
33. Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб. : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2002. 508 с.
34. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М. : НЛЮ, 2014. 664 с.
35. Подыма К.И. Счастливого плавания, «Шхуна ровесников»! М. : Детская лит., 1975. 127 с.
36. Орлова Г.А. Долгое замыкание: технологические ожидания и (пост) советская ядерная энергетика будущего // *Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований*. 2018. Т. 3, № 3. С. 37–74.
37. Письмо потомкам от Севастопольского отделения [Комсомольской организации РФ]. 2017. Копия // Архив автора. 2 с.
38. Платонова А. «Пусть вспомнят о нас и поднимут бакалы с вином» : письма потомкам от заключенных ГУЛАГа // *COLTA*. 2015. 13 нояб. URL: www.colta.ru/articles/society/9243-pust-vspomnyat-o-nas-i-podnimut-bakaly-s-vinom (дата обращения: 28.10.2022).
39. Дементьев В.В. Письмо потомкам в капсуле времени как жанр советской словесности // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 1. С. 132–149.
40. Парамонов О. Юра, мы все закопали. Советская молодежь мечтала о чудо-таблетках и космосе, но не сложилось // *Lenta.ru*. 2017. 9 нояб. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/11/09/letters/> (дата обращения: 28.10.2022).
41. Болтунова Е.М. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2017. № 6. С. 109–128.
42. Письмо потомкам от Севастопольского отделения ВЛКСМ. 1967. Копия // Архив автора. 4 с.
43. Kirsch A. Religious in form, socialist in content: Socialist narratives and the question of civil religion // *Journal of Religion in Europe*. 2017. Vol. 10 (1-2). P. 147–171.
44. Письмо потомкам от организации [Старая гвардия комсомола]. 1995. Копия // Архив автора. 2 с.
45. Кржижановский С. Воспоминания о будущем // Кржижановский С. Собрание сочинений : в 5 т. / соот. и коммент. В. Перельмутера. СПб. : Symposium, 2001. Т. 2. С. 335–430.
46. Bennett J. *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Durham, NC : Duke University Press, 2010. 200 p.

References

1. De Cauter, L. (2005) The capsular city. In: Leach, N. (ed.) *The Hieroglyphics of Space*. London: Routledge. pp. 271–280.
2. Koolhaas, R. (2015) *Gigantizm, ili Problema Bol'shogo. Gorod-generik. Musornoe prostranstvo* [Gigantism, or the Problem of the Big. Generic City. Garbage Space]. Translated by S. Sitar. Moscow: Art Gid. pp. 5–16.
3. Benjamin, W. (2013) *Kratkaya istoriya fotografii* [Brief History of Photography]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem. pp. 36–59.
4. Stewart, L. (1998) A meaning for machines: modernity, utility, and the eighteenth-century British public. *The Journal of Modern History*. 70(2). pp. 259–294.
5. Jasanoff, S. (2015) Future Imperfect: Science, Technology, and the Imaginations of Modernity. In: Jasanoff, S. & Kim, S.-H. (eds) *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Chicago: University of Chicago Press. pp. 1–33.
6. Ketabgian, T.S. (2011) *The Lives of Machines: The Industrial Imaginary in Victorian Literature and Culture*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
7. Maffei, N.P. & Fisher, T. (2013) Historicizing shininess in design: finding meaning in an unstable phenomenon. *Journal of Design History*. 26(3). pp. 231–240.
8. Jarvis, W.E. (2002) *Time Capsules: A Cultural History*. Jefferson, NC: McFarland & Company.
9. Yablon, N. (2019) *Remembrance of Things Present: The Invention of the Time Capsule*. Chicago: University of Chicago Press.

10. Vandyshev, M.N., Veselkova, N.V. & Pryamikova, E.V. (2022) *Industrial'naya pamyat': masshtaby i mnozhestvennost'* [Industrial memory: scope and multiplicity]. Ekaterinburg: Ural State University.
11. Jacobs, T. (1936) Today–Tomorrow. *Scientific American*. 155(5). pp. 260–262.
12. Beck, J. & Dorrian, M. (2020) The Time Capsule and the Cut-Up: Negotiating Temporality, Anticipating Catastrophe. *Theory, Culture & Society*. 37(7-8). pp. 95–114.
13. Westinghouse Electric Corporation. (1938) *The Book of Records of the Time Capsule of Cupaloy*. Westinghouse Electric & Manufacturing Company.
14. Hartley, N. (2015) The Westinghouse Time Capsule. *Western Pennsylvania History*. 6. [Online] Available from: <https://www.heinzhistorycenter.org/blog/detre-library-archives-westinghouse-time-capsule/> (Accessed: 28th October 2022).
15. Kitchen, K.A. (1991) The chronology of ancient Egypt. *World Archaeology*. 23(2). pp. 201–208.
16. Jones, A., Proust C. & Steele, J. (2016) *A Mathematician's Journeys: Otto Neugebauer and Modern Transformations of Ancient Science*. Springer: Archimedes.
17. Abbattista, G. & Iannuzzi, G. (2016) World Expositions as Time Machines: Two Views of the Visual Construction of Time between Anthropology and Futurama. *World History Connected*. 13(3). [Online] Available from: https://worldhistoryconnected.press.uillinois.edu/13.3/forum_01_abbattista.html (Accessed: 28th October 2022).
18. Museum of the City of New York. (2013) *Designing Tomorrow: America's World's Fairs of the 1930s: Educator Resource Guide*. Museum of the City of New York. [Online] Available from: http://www.mcny.org/sites/default/files/2016-11/Designing_Tomorrow_Guide.pdf (Accessed: 28th October 2022).
19. *Pravda*. (1938) Tsvivilizatsiya dvadtsatogo veka [Civilization of the twentieth century]. 25th October. pp. 4
20. Shmulyan, A. (1939) N'yu-Yorskaya vystavka [New York exhibition]. *Koster*. 7-8. pp. 15–19.
21. Melchakov, I. (1939) Pavil'on SSSR na Mezhdunarodnoy vystavke v N'yu-Yorke. Vpechatleniya [USSR Pavilion at the International Exhibition in New York. Impressions]. *Arkhitektura SSSR*. 9. pp. 62–69.
22. Rabinovich, I. (1939) Iz amerikanskikh vpechatleniy [From American impressions]. *Literaturnaya gazeta*. 10th July. p. 5.
23. Bass, V.G. (2016) Arkhitektura dlya vnutrennego i naruzhnogo upotrebleniya: sovetskiy pavil'on na N'yu-Yorskoy vystavke 1939 g. i ansamb'l' VSKhV [Architecture for Indoor and Outdoor Use: the Soviet Pavilion at the New York Exhibition of 1939 and the VSHV Ensemble]. *Shagi / Steps*. 2(1). pp. 82–102.
24. Konyshcheva, E.V. (2020) Sovetskiy pavil'on na Vsemirnoy vystavke v N'yu-Yorke: poisk i voploshchenie arkhitekturnogo obraza [The Soviet pavilion at the World Exhibition in New York: the search and embodiment of the architectural image]. *Noveyshaya isto-riya Rossii*. 10(3). pp. 715–746.
25. USSR. (1934) *Pervyy Vsesoyuznyy s"ezd sovetskikh pisateley: stenograficheskiy otchet* [First All-Union Congress of Soviet Writers: a verbatim report]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
26. Kaspe, I. (2018) *V soyuze s utopiey. Smyslovyye rubezhi pozdnesovetskoy kul'tury* [In alliance with utopia. Semantic boundaries of late Soviet culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
27. Weil, P. & Genis, A. (1998) *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The 1960s. The World of the Soviet Man]. 2nd ed. Moscow: NLO.
28. Fokin, A.A. (2017) “Kommunizm ne za gorami”: obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–1960-kh godov [“Communism is not far off”: Images of the future in the power and population of the USSR at the turn of the 1960s]. Moscow: ROSSPEN.
29. Dimke, D. (2015) Yunye kommunary, ili Krestovyy pokhod detey: mezhdru utopiey deklariruemy i utopiey real'noy [Young Communards, or Children's Crusade: Between Declared Utopia and Real Utopia]. In: Kukulin, I. (ed.) *Ostrova utopii: pedagogi-cheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoy shkoly (1940–1980-e)* [Islands of Utopia: Pedagogical and Social Design of the Post-War School (1940–1980s)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. , S. 360–397.
30. Grigoriev, G.K. (1960) *Sledy v nebe* [Footprints in the Sky]. Moscow: DOSAAF.
31. Fitzpatrick, S. (1996) Supplicants and citizens: Public letter-writing in Soviet Russia in the 1930s. *Slavic Review*. 55(1). pp. 78–105.
32. Humphrey, K. (2015) Opasnye slova: tabu, ukлонenie i molchanie v Sovetskoy Rossii [Dangerous words: Taboo, evasion and silence in Soviet Russia]. *Antropologicheskii forum*. 3. pp. 314–339.
33. Kharkhordin, O.V. (2002) *Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiyskoy lichnosti* [Reveal and hypocrisy: the genealogy of the Russian personality]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
34. Yurchak, A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it ended: The last Soviet generation]. Moscow: NLO.
35. Podyma, K.I. (1975) *Schastlivogo plavaniya, “Shkhuna rovesnikov”!* [Happy sailing I, “Schooner of Peers”!]. Moscow: Detskaya lit.
36. Orlova, G.A. (2018) Dolgoe zamykanie: tekhnologicheskie ozhidaniya i (post) sovetskaya yadernaya energetika budushchego [Long circuit: technological expectations and (post) Soviet nuclear power of the future]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy*. 3(3). pp. 37–74.
37. The Sevastopol Branch of the Komsomol Organization of the Russian Federation. (2017) *Poslanie potomkam ot Sevastopol'skogo otdeleniya [Komsomol'skoy organizatsii RF]* [Message to descendants from the Sevastopol branch [of the Komsomol organization of the Russian Federation]]. The Author's Archive.
38. Platonova, A. (2015) “Pust' vspomnyat o nas i podnimut bakaly s vinom”: pis'ma potomkam ot zaklyuchennykh GULAGa [“Let them remember us and raise their glasses of wine”: Letters to descendants from prisoners of the Gulag]. *COLTA*. 13th November. [Online] Available from: www.colta.ru/articles/society/9243-pust-vspomnyat-o-nas-i-podnimut-bakaly-s-vinom (Accessed: 28th October 2022).
39. Dementiev, V.V. (2020) Poslanie potomkam v kapsule vremeni kak zhanr sovetskoy slovesnosti [Message to posterity in a time capsule as a genre of Soviet literature]. *Quaestio Rossica*. 8(1). pp. 132–149.
40. Paramonov, O. (2017) *Yura, my vse zakopali. Sovetskaya molodezh' mechtala o chudo-tabletkakh i kosmose, no ne slozhilos'* [Yura, we buried everything. Soviet youth dreamed of miracle pills and space, but it did not work out]. 9th November. [Online] Available from: <https://lenta.ru/articles/2017/11/09/letters/> (Accessed: 28th October 2022).
41. Boltunova, E.M. (2017) “Prishla beda, otkuda ne zhdali”: kak voyna poglotila revolyutsiyu [“The trouble came from where they did not expect”: How the war swallowed up the revolution]. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 6. pp. 109–128.
42. The Sevastopol Branch of the Komsomol Organization of the Russian Federation. (1967) *Poslanie potomkam ot Sevastopol'skogo otdeleniya VLKSM* [Message to Descendants from the Sevastopol Branch of the Komsomol]. The Author's Archive.
43. Kirsch, A. (2017) Religious in form, socialist in content: Socialist narratives and the question of civil religion. *Journal of Religion in Europe*. 10(1-2). pp. 147–171.
44. The Old Guard of the Komsomol. (1995) *Poslanie potomkam ot organizatsii [Staraya gvardiya komsomola]* [Message to descendants from the organization [The Old Guard of the Komsomol]]. The Author's Archive.
45. Krzhizhanovskiy, S. (2001) *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Collected Works: in 5 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Symposium. pp. 335–430.
46. Bennett, J. (2010) *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Durham, NC: Duke University Press.

Сведения об авторе:

Малая Елена Константиновна – младший научный сотрудник центра «Человек, природа, технологии» Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: lenmamalen@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Malaya Elena K. – Junior researcher at the Center “Man, Nature, Technology”, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: lenmamalen@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 12.12.2022; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья
УДК 9(947+957)
doi: 10.17223/19988613/83/8

Теория ненасильственных революций Дж. Шарпа и методы психологической борьбы политкаторжан в Тобольском тюремном замке: к вопросу о политическом плагиате

Ольга Николаевна Науменко¹, Евгений Александрович Науменко²

^{1,2} Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия

¹ oolgann@mail.ru

² hea2004@mail.ru

Аннотация. На основе архивного материала рассматриваются методы психологической борьбы политических каторжан Тобольского тюремного замка в 1907–1909 гг., которые полностью соответствуют разделу «Психологическое вмешательство» теории ненасильственных революций («цветных революций») американского политолога Джина Шарпа. Авторы характеризуют процессы создания и апробации этих методов в «тюремной коммуне» политических каторжан, сопоставляют методы с пунктами 158–161 теории Шарпа и делают вывод о их полном совпадении. Согласно позиции авторов, Джин Шарп использовал разработанные и апробированные российскими революционерами методы психологической борьбы в процессе создания своей теории.

Ключевые слова: Джин Шарп, Тобольский тюремный замок, политическая каторга, теория ненасильственных революций, психологическая борьба

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20106, <https://rscf.ru/project/22-28-20106/>.

Для цитирования: Науменко О.Н., Науменко Е.А. Теория ненасильственных революций Дж. Шарпа и методы психологической борьбы политкаторжан в Тобольском тюремном замке: к вопросу о политическом плагиате // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 60–65. doi: 10.17223/19988613/83/8

Original article

The G. Sharp's theory of non-violent revolution, and the methods of psychological struggle of political prisoners in the Tobolsk prison castle: on the issue of political plagiarism

Olga N. Naumenko¹, Evgeny A. Naumenko²

^{1,2} Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

¹ oolgann@mail.ru

² hea2004@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to consider the methods of "Psychological intervention" by G. Sharpe on the example of the struggle of political prisoners of the Tobolsk prison castle in 1907-1909. Two groups of sources used in the article. The first group: G. Sharp's Theory of Nonviolent revolutions. He identified 4 psychological methods (paras 158-161); these items are combined into the category of "Psychological intervention". The second group of sources is the funds of the State archive of the Russian Federation and the State archive of the Tyumen region in g. Tobolsk. These materials characterize the methods of struggle of political prisoners in Tobolsk prison castle: memos, correspondence, records and other documents. In the study, the authors focused on the history of the struggle of the prison commune leader D. Tagchohlo against the warden, I. S. Mogilev. The authors analyzed the methods of struggle of political prisoners and received the following data. 1) Convicts regularly and demonstratively imitated suicides, varieties of which were possible in the prison, mainly hunger strikes and damage to the veins. The convicts did not die because they imitated suicide. This method of psychological warfare is consistent with paragraphs 158 – 159 theory of G. Sharp (self-immolation, jump into the water, hunger strikes). 2) In prison, the convicts created a "court", where they sentenced the guards, prison chiefs and their comrades who doubted the correctness of the methods. "Judges" was a team of prisoners, and the chairmen of the "court" - the leaders of political convicts. They had aliases from the words "justice", "Soviets", "truth", etc. Like-minded people who were at large carried out the sentences (as a rule, the death penalty). Several prison officers were killed in this way. According to the convicts, these deaths were a method of psychological pressure on other employees and their comrades. Practice of this "court" corresponds to the item 160 of the theory of John Sharpe

"Reverse the court (use of court for the prosecution of the prosecutors)". 3) Convicts were actively using other psychological methods of struggle: constant singing, noise, nudity, damage to prison property, etc. This is consistent with paragraph 161 of the theory of John Sharpe "nonviolent psychological exhaustion of the opponent". Thus, all 4 points of the Theory were reflected in the behavior of the convicts of the Tobolsk prison castle. Prisoners and G. Sharp did not consider other forms of psychological pressure, that is, the coincidence was absolute.

Keywords: G. Sharp, Tobolsk prison castle, political penal servitude, theory of nonviolent revolutions, psychological struggle

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation project № 22-28-20106, <https://rscf.ru/project/22-28-20106/>

For citation: Naumenko, O.N., Naumenko, E.A. (2023) The G. Sharp's theory of non-violent revolution, and the methods of psychological struggle of political prisoners in the Tobolsk prison castle: on the issue of political plagiarism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 60–65. doi: 10.17223/19988613/83/8

Введение

В 2018 г. умер американский политолог Джин Шарп, который традиционно воспринимается в мире главным идеологом ненасильственных «цветных революций», разработавшим эффективные методы борьбы народов с авторитарными режимами. Его рекомендации отчетливо прослеживаются в революционных сценариях множества стран мира не только в XX в., но даже в XXI в., чем заслужили славу «методичек ЦРУ».

При создании теории «ненасильственных революций» исторический опыт России должен был иметь для Шарпа важнейшее значение, так как разработанные им формы борьбы уже применялись революционерами и оказались достаточно эффективными для смены государственного строя в октябре 1917 г. Однако нет данных, подтверждающих целенаправленное изучение им революционного опыта России. Известно, что ему были известны идеи Махатмы Ганди и других классиков теорий о «непротивлении злу насилием», но, как отмечает Р.Г. Аббасов, «...нам пока неизвестно, насколько Шарп был знаком с теорией Л.Н. Толстого и заочной дискуссией с ним русского религиозного философа Ивана Александровича Ильина» [1. С. 136]. В то же время не совсем корректно соотносить идеи Шарпа и российские теории «непротивления злу насилием», так как для американского политолога насилие – это сознательный вызов власти, хорошо спланированная тактическая борьба, не исключая жертв. В своих работах политолог почти не касается России, хотя известно, что он поддерживал троцкистские идеи и, соответственно, был хорошо знаком с методами борьбы большевиков. Устойчивое нежелание упоминать их тактику наводит на мысль о стремлении скрыть один из важнейших источников своей теории, что уже вызвало предположение о «политическом плагиате» [1. С. 136].

Связь теории Д. Шарпа с методами борьбы российских политкаторжан пока не получила освещения в историографии. История Тобольской каторги, в том числе терроризм политкаторжан, освещены достаточно подробно [2–5]; сделана проекция на современное состояние терроризма [6–8]. Психологические методы борьбы политкаторжан и их влияние на судьбу государства затронуты в предыдущих работах авторов [9–11], но исследователи пока не обращали внимания на

соответствие этих методов теории ненасильственных революций.

Коммуна политзаключенных в Тобольском тюремном замке

В конце первой российской революции 1905–1907 гг. в Тобольский тюремный замок начали поступать политические заключенные. В условиях каторги представители различных партий объединились; вначале десятки, а потом и сотни «политиков» стали ощутимой оппозиционной силой тюремному режиму, способной организовать тюремное самоуправление (коммуны). Эта тенденция коснулась и других сибирских тюрем, но именно из Тобольска шла инициатива: там находился «мозговой центр» по созданию и апробации ненасильственных (говоря словами Шарпа) методов сопротивления. По этим вопросам Тобольская каторга держала связь с другими политическими тюрьмами Сибири, в том числе и с Александровским централом [12. Ф. 331. Оп. 15. Д. 238. Л. 34].

Члены тобольской тюремной коммуны находились в постоянном поиске, политической дискуссии и апробации методов сопротивления, – именно там рождалась новая теория политической борьбы. В рамках этой дискуссии политзаключенный С. Генералов писал товарищам в соседний «каторжный» корпус: «Некоторые говорят: “Давайте будем требовать, что мы смотрим? Меры борьбы будут такие: на поверку не вставать, бушлаты не надевать, песни петь!” Прежде всего, это мелкие меры, мы ими ничего не достигли. На поверку и так многие не становятся, бушлаты не надевают, песни поем. Ну и что же мы этим достигли? Надо принимать крайние меры – обструкции... В прошлый раз мы убедились, как не надо вести борьбы! Мы можем бороться только тогда, когда администрация идет на уступки, а в случае, если она примет какие-нибудь меры к успокоению, то сейчас же сдаемся и опускаемся все глубже и глубже в тот позор, в котором уже с *прошлой борьбы* (курсив наш. – О.Н., Е.Н.) сидим» [12. Ф. 331. Оп. 15. Д. 238. Л. 31].

Центральной фигурой дискуссий о методах борьбы был лидер коммуны – большевик, дворянин Дмитрий Тахчогло, поступивший в тюрьму в 1907 г. [12. Ф. 331. Оп. 15. Д. 238. Л. 3]. Его брат – полковник Сергей Тахчогло – был депутатом Государственной Думы. Нахо-

дядя на тобольской каторге, Д. Тахчогло успешно апробировал методы психологического давления не только на тюремную администрацию, но и на своих товарищей. М. Кадомцев, на себе испытавший подобное отношение, отмечал: «Публика наша выбрала мишенью своих же товарищей, именно тех политиков, которые после первой же порки согласились петь в тюремной церкви. Их обвиняли в подлизывании, угодничестве, измене общему делу и т.п. Им был объявлен жесточайший бойкот» [13. С. 214].

Некоторые выдержки из архивных документов и мемуаров достаточно определенно характеризуют уровень психологического давления лидеров политкаторжан на администрацию и некоторых товарищей. Начальник тобольской тюрьмы И.С. Могилев, заступив в должность летом 1907 г., так описал свои первые дни работы в условиях коммуны: «Когда я получил 1-ю каторжную тюрьму, то обнаружил: камеры были открыты, арестанты свободно разгуливали по тюрьме; подкандалников никто не имел, стены камер были увешаны сотнями фотографических карточек всяких революционных деятелей; арестанты не стеснялись петь, шуметь, играть в карты и шашки в нашем присутствии, икон не было – таковые уничтожались; на каждом шагу каждый арестант предъявлял свои и общие требования. В арестантах видны были хозяева тюрьмы... У них есть (было) самоуправление – камерные старосты, коридорный староста и тюремный староста. Стоит начальнику теперь заявить о проступке арестанта старосте, и тогда товарищи разберутся... Надзирателей выгнали, и они боялись заходить внутрь камер и коридора. Молиться богу никому не позволяли, иконы были уже уничтожены. Больница была переполнена буянами-симулянтами, врачи и фельдшер подчинились требованиям арестантов, нередко рецепты прописывались по их требованиям и указаниям. Каждый день мне предъявляли по 10 новых требований» [12. Ф. 331. Оп. 15. Д. 238. Л. 28].

Основной, но гипертрофированной ценностью коммуны было осознание достоинства своей личности. «Политические заключенные бывают живы им и живут, пока сохраняют его. Они берегут его, как своего бога. Дня заключенных потерять его – значит погибнуть...», – одно из положений их философии [3. С. 213]. Самым страшным унижением они считали телесные наказания, которым иногда подвергались за бунты и неповиновение. В 1907 г. Е. Трофимов писал родственникам из тобольской тюрьмы: «В первой каторжной высекли трех политических каторжан. Завтра утром или сегодня вечером... заставим перестрелять себя. Лучше смерть, чем такая позорная жизнь» (цит. по: [13. С. 213]).

Таким образом, члены каторжной коммуны были ориентированы на крайние меры в достижении своих целей, отказываясь от переговоров и компромиссов. Очередной целью политкаторжан стал новый начальник тюрьмы С.И. Могилев как олицетворение диктаторского царского режима. Его уничтожение было проведено методами, полностью соответствовавшими разделу «Психологического вмешательства» из теории Д. Шарпа, хотя сама теория формально провозглашает ненасилие.

Пункты 158–159 Джина Шарпа: «Самосожжение, прыжок в воду и т.п.», «Голодовка»

Согласно смыслу п. 158, речь идет о суициде, который дополняется в п. 159 тремя вариантами голодовок [14. С. 80–81]. В теории Шарпа не уточняется результат этой акции с позиций жизнь~смерть, но предполагается, что борец, способный на суицид и длительную голодовку, нужен для продолжения психологической битвы, поэтому приоритетнее – выжить.

Рассмотрим опыт ложных суицидов и реальных голодовок лидера тобольской политической каторги Дмитрия Тахчогло. Поводом для первого покушения на жизнь стала стрижка Тахчогло с помощью трех цирюльников и пяти надзирателей, которые держали его за голову, руки и ноги (добровольно он стрижься отказался, предпочитая носить волосы до плеч). После этой процедуры Тахчогло выкрикнул в форточку: «Прощайте, товарищи, последнюю минуту живу!», – и вскрыл вену. Имея медицинское образование, он позаботился о том, чтобы рана не была смертельной [12. Ф. 331. Оп. 15. Д. 236. Л. 127].

Тюремный врач Дунаев свидетельствовал, что на все уговоры принимать пищу и лекарство Тахчогло, находясь в тюремном лазарете, отвечал: «Я не мальчик и не сумасшедший, чтобы меня уговаривать. Я так решил и имею достаточно силы воли и характера, поэтому прошу не усердствовать. Это ни к чему не приведет, и все это лишнее, так как через известное время придется вновь повторить то же самое... Я упрям и настойчив, что решил, то и выполню. Вы видите, что передо мной находятся и молоко, и вода, но у меня хватает сил не поддаваться этому соблазну, и это мне приходится делать не в первый раз...» [12. Ф. 331. Оп. 15. Д. 236. Л. 125].

Тахчогло согласился принимать пищу и лекарства только на десятый день, когда понял, что находится на грани смерти. Выписанный из больницы через два месяца, он пробыл в своей камере только сутки, уже на следующий день совершив новую, более серьезную, попытку суицида с последующей голодовкой. После очередной выписки из больницы он в качестве наказания потребовал от начальника тюрьмы Могилева дать ему 200 ударов розгами и поместить в тесный карцер, угрожая, что в противном случае действительно покончит с собой. Начальник отказал, и Тахчогло вскрыл вену в третий раз. За ним последовали товарищи, но ни одного законченного суицида среди политкаторжан в тюрьме не совершилось [12. Ф. 331. Оп. 15. Д. 236. Л. 128].

Суицид и голодовки были первой частью хорошо разработанной «психологической атаки» против Могилева как представителя диктаторского режима. Вторая и третья части этой тактики соответствовали пп. 160 и 161 теории Д. Шарпа: моральное уничтожение врага и его наказание через приговор «обратного суда».

Пункт 161 Джина Шарпа: «Ненасильственное психологическое изнурение оппонента»

Конкретные методы психологического изнурения противников Д. Шарп рассмотрел в других пунктах своей теории: это высказывание обвинений и намере-

ний (п. 5), раздевание в знак протеста (п. 22), уничтожение своей собственности (п. 23), издание символических звуков (п. 28), насмешки над официальными лицами (п. 32), социальный бойкот (п. 55) и т.д. [14]. Под психологическими методами борьбы политические каторжане понимали то же самое: они изматывали тюремную администрацию постоянными претензиями, жалобами, требованиями, а также практиковали принципиальные нарушения тюремного режима «по мелочи»: отказ снимать шапки при встрече с тюремным начальством, отказ приветствовать его словами «Здравия желаю!», перепиливание кандалов, издание определенных звуков и т.п. Это делалось неустанно. Д. Тахчогло вспоминал: «Во время заковки мы все демонстративно пели. А когда появился [начальник], то раздалась во время пения страшная какофония... Кончили заковку всех часов к 8–10 утра. К вечеру мы вновь начали работу перепиливания... Начальник тюрьмы, убеждая покориться, говорил: “С вами обращаются, как с людьми: дали вам книги, носки... А вы этого не понимаете”» [13. С. 210]. Психологическая борьба выражалась в таких актах, как объявление голодовок, скидывание одежды, хождение по тюрьме голыми и т.п. И.С. Могилев вспоминал и о таком акте неповиновения: «Арестанты уже до 200 штук подкандалников обратили на широкие пояса, и когда носили их, то очень походили на тех разбойников, которых изображают в сказках как героев добра» [12. Ф. 331. Оп. 15. Д. 236. Л. 113].

Против И.С. Могилева как руководителя была разработана дополнительная, индивидуальная тактика («технология лжи») [11], – эта практика соответствовала п. 5 теории Шарпа. Степень истинности публичных обвинений не имела значения, так как основная задача состояла в моральном уничтожении врага перед вынесением ему приговора. Реализация этого теоретического положения проходила следующим образом.

В 1907 г. из стен тюремного замка в революционную и либеральную печать начала проникать информация о вопиющих издевательствах Могилева над арестантами. Среди обвинений фигурировали «горячий» (с температурой выше 50 градусов) и «горбатый» (с низким потолком) карцеры [15. С. 102], наличие которых, кстати, не было подтверждено другими свидетельствами, строительной документацией и более поздними осмотрами замка, – так же, как и издевательства над Д. Тахчогло [12. Ф. 331. Оп. 15. Д. 236. Л. 36]. Печать пестрила заметками и статьями о телесных наказаниях, о том, что Могилев пытал арестантов, морит их голодом, в результате чего в тюрьме систематически стали попытки суицида до двадцати в течение года (кстати, ни одной законченной). Чаще всего в печати фигурировали страдания Тахчогло. Тобольск был взбодражен. Личные жалобы Тахчогло своему брату довершили дело, и по просьбе последнего за арестантов заступился местный общественник, тоже депутат Государственной Думы Н.Л. Скалозубов [15. С. 102].

План Тахчогло вполне удался: имя Могилева как «могильщика» политкаторжан впоследствии стало широко известно в стране, оно фигурировало в документах Государственной Думы, попало в зарубежную

либеральную печать. Данный вопрос рассматривался лично П.А. Столыпиным. По приказу начальника Главного тюремного управления тюрьма подверглась нескольким проверкам, ее посетили представители международной общественности, в том числе шведский композитор В. Гартевельд [16]. Ни эти объяснения, ни запоздалые оправдания Могилева, ни решение начальника Главного тюремного управления, ни даже положительное заключение доктора медицины Г.В. Крестовского, представителя Главной медицинской инспекции России, прибывшего в Тобольск для ревизии тюрьмы в августе 1908 г., – ничто уже не могло изменить общественного мнения. Имя Могилева стало нарицательным. Позднее термин «могилевщина» проник в научные издания и закрепился в литературе советского и даже современного периода.

Пункт 160 Джина Шарпа: «Обратный суд (использование суда для обвинения обвинителей)»

Д. Шарп не уточняет правовой статус «обратного суда» [14. С. 80], не вникает в рассуждения относительно законности выносимых приговоров и их исполнения, что оставляет возможность варьирования и применения «двойных стандартов», – казнь Садама Хуссейна и ряда лидеров других государств это отчетливо продемонстрировала.

На Тобольской политической каторге также существовал «обратный суд», где представителям царского режима выдвигались обвинения, выносились и исполнялись смертные приговоры. Предполагалось, что самопровозглашенная коммуна – это демократический самоуправляемый коллектив, «государство в государстве», имеющее право на собственную судебную систему, где вершились акты возмездия. Практически все суды были заочными и коллегиальными (общее собрание политзаключенных), председатели суда носили псевдонимы «Советов», «Справедливых» [17. Ф. 122. Оп. 1. Д. 5911. Л. 57], а среди подсудимых встречались собственные товарищи. Например, в 1908 г. каторжане из Александровского централа писали в Тобольскую тюрьму: «Дорогие товарищи, мы узнали, что будто бы вы осудили на смерть Георга Малхазянца, ввиду чего мы все, здешние грузины, просим отменить приговор. Он прав в том, в чем вы его обвиняете. Одним словом, мы все за одного и один за всех и просим ничего плохого не сделать». [12. Ф. 331. Оп. 15. Д. 238. Л. 34].

Из представителей администрации подсудимыми стали начальники Тобольской каторжной тюрьмы и несколько надзирателей, которым заочно был вынесен смертный приговор. Один из надзирателей был осужден на смерть по причине фамилии Романов [12. Ф. 331. Оп. 15. Д. 236. Л. 113]. После «обратного суда» копия приговора высылалась жертве, которую вскоре убивали оставшиеся на воле единомышленники. Именно таким образом в возрасте 38 лет был убит и И.С. Могилев, и этот факт был отражен в документации Главного тюремного управления: «Благодаря травле левой печати о якобы незаконных действиях администрации тюрьмы, Могилев получил немало угрожающих писем и, наконец, был убит 20 апреля 1909 г. при выходе его

из Казначейства...» [17. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6024. Л. 12]. Цель была достигнута, а тюремная коммуна стала более сильной и подготовленной к дальнейшей борьбе.

Заключение

Теория Д. Шарпа представляет собой готовые рекомендации, а практика сопротивления политкаторжан находилась в постоянной дискуссии, поиске, апробации. В то же время методы, примененные Д. Тахчогло против И.С. Могилева, представляют собой законченный, совершенный и проверенный сценарий, готовый для фиксации в качестве методического проекта. Он

был разработан и успешно апробирован в Тобольском тюремном замке на уровне микроистории, а в настоящее время применяется на макроуровне, в том числе в отношении лидеров отдельных государств. Теория Д. Шарпа адаптирована к современной демократической терминологии, когда слово «противник» заменено на «оппонент», а «борьба» – на «сопротивление», но это не меняет ее содержания и внутреннего смысла. Рассмотренные сюжеты позволяют сделать два вывода: во-первых, мысль о политическом плагиате Д. Шарпа имеет право на существование; во-вторых, теория «ненасильственных революций» в реальности является завуалированной формой политического насилия.

Список источников

1. Аббасов Р.Г. Дзин Шарп: политологический плагиат или «классика цветных революций»? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. 2016. Т. 38. № 24 (245). С. 135–140.
2. Бортникова О.Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень : Изд-во Тюмен. юрид. ин-та МВД РФ, 1999. 304 с.
3. Михеев А.П. Тобольская каторга. Омск : Омский гос. пед. ун-т, 2007. 343 с.
4. Панишев Е.А. История Тобольского тюремного замка. Тобольск : Тобол. гос. историко-архитектурный музей-заповедник, 2005. Т. 1: 1855–1917. 75 с.
5. Sungurov P.A. Tobolsk Governorate exile (tsarist Russia): Origination and status in the early XX century // HISTORIA 396. 2018. № 1. P. 261–276.
6. Avdeev V.A., Avdeeva O.A., Rozenko S.V., Znamerovsky E.V., Kiselev E.A. Crime of the terrorist character and extremist orientation in the Russian Federation: State and measures of counteraction // Journal of Security and Sustainability Issues. 2017. Vol. 7 (2). С. 359–368.
7. Болдырев А.В. Остался ли Дзин Шарп троцкистом? // Изборский клуб. Уральское отделение. 2018. URL: <http://izborsk-club-ural.ru/index.php/boldyrev-andrej-valentinovich/729-ostalsya-li-dzhin-sharp-trotskistom> (дата обращения: 08.04.2018).
8. Bulygin A.V. Civil control over the activities of courts using computer networks and communications // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. Vol. 9 (8). P. 1642–1651.
9. Науменко О.Н., Науменко Е.А. «Синдром Брейвика» в Тобольском тюремном замке // Новейшая история России. 2017. № 3 (20). С. 198–208.
10. Naumenko O.N. The Historical Destiny of the Romanovs in the Evolution of the Tobolsk Prison Castle // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 42 (4). С. 1087–1093.
11. Naumenko E.A. The Technologies of Lie in Local Cultures of Western Siberia // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 42 (4). С. 1158–1163.
12. Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске (ГАТО в г. Тобольске).
13. Анисимов С.С. Бунт в Тобольской каторжной тюрьме // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 200–224.
14. Шарп Дж. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения / пер. с англ. Н. Козловской. М. : Новое изд-во, 2005. 84 с.
15. 400 лет Тобольску :: сб. документов и материалов. Свердловск : Урал. кн. изд-во, 1987. 254 с.
16. Гартевельд В. Каторга и бродяги Сибири. М. : Дело, 1913. 192 с.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

References

1. Abbasov, R.G. (2016) Dzhin Sharp: politologicheskiy plagiat ili "klassika tsvetnykh revolutsiy"? [Gene Sharp: political science plagiarism or "classic of color revolutions"?]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo.* 24(245). pp. 135–140.
2. Bortnikova, O.N. (1999) *Sibir' tyuremnaya: penitentsiarnaya sistema Zapadnoy Sibiri v 1801–1917 gg.* [Siberia prison: the penitentiary system of Western Siberia in 1801–1917]. Tyumen: Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
3. Mikheev, A.P. (2007) *Tobolskaya katorga* [Tobolsk Penal Servitude]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
4. Panishev, E.A. (2005) *Istoriya Tobolskogo tyuremnogo zamka* [History of the Tobolsk Prison]. Vol. 1. Tobolsk: Tobolsk State Historical and Architectural Museum-Preserve.
5. Sungurov, P.A. (2018) Tobolsk Governorate exile (tsarist Russia): Origination and status in the early XX century [Tobolsk Governorate exile (tsarist Russia): Origination and status in the early 20th century]. *HISTORIA* 396. 1. pp. 261–276.
6. Avdeev, V.A., Avdeeva, O.A., Rozenko, S.V., Znamerovsky, E.V. & Kiselev, E.A. (2017) Crime of the terrorist character and extremist orientation in the Russian Federation: State and measures of counteraction. *Journal of Security and Sustainability Issues.* 7(2). pp. 359–368.
7. Boldyrev, A.V. (2018) *Ostalsya li Dzhin Sharp trotskistom?* [Was Gene Sharp still a Trotskyist?]. [Online] Available from: <http://izborsk-club-ural.ru/index.php/boldyrev-andrej-valentinovich/729-ostalsya-li-dzhin-sharp-trotskistom> (Accessed: 8th April 2018).
8. Bulygin, A.V. (2018) Civil control over the activities of courts using computer networks and communications. *International Journal of Civil Engineering and Technology.* 9(8). pp. 1642–1651.
9. Naumenko, O.N. & Naumenko, E.A. (2017) "Sindrom Breyvika" v Tobolskom tyuremnom zamke [The "Breivik Syndrome" in the Tobolsk Prison Castle]. *Noveyshaya istoriya Rossii.* 3(20). pp. 198–208.
10. Naumenko, O.N. (2016a) The Historical Destiny of the Romanovs in the Evolution of the Tobolsk Prison Castle. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal.* 42(4). pp. 1087–1093.
11. Naumenko, E.A. (2016b) The Technologies of Lie in Local Cultures of Western Siberia. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal.* 42(4). pp. 1158–1163.
12. The State Archive of Tyumen Region in Tobolsk (GATO in Tobolsk).
13. Anisimov, S.S. (1923) Bunt v Tobolskoy katorzhnoy tyur'me [A riot in the Tobolsk convict prison]. *Katorga i ssylka.* 6. pp. 200–224.
14. Sharp, G. (2005) *Ot diktatury k demokratii: strategiya i taktika osvobodzheniya* [From Dictatorship to Democracy: Strategy and Tactics of Liberation]. Translated from English by N. Kozlovskaya. Moscow: Novoe izd-vo.
15. Gartevel'd, V. (1913) *Katorga i brodyagi Sibiri* [Hard Labor and Vagrants of Siberia]. Moscow: Delo.
16. The State Archive of the Russian Federation (GARF).

Сведения об авторах:

Науменко Ольга Николаевна – доктор исторических наук, профессор Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск, Россия). E-mail: oolgann@mail.ru

Науменко Евгений Александрович – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск, Россия). E-mail: hea2004@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Naumenko Olga N. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ugra State University (Khanty-Mansiysk, Russian Federation). E-mail: oolgann@mail.ru

Naumenko Evgeny A. – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Leading Researcher, Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russian Federation). E-mail: hea2004@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.12.2022; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 03.12.2022; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/19988613/83/9

Сюжет о царе-старце как специфика провинциальной славянской ментальности в период модернизационного перехода

Михаил Сергеевич Путилин

Томский государственный университет, Томск, Россия, mish.put.1997@gmail.com

Аннотация. Анализируется процесс становления легенды о царе-старце в ее динамическом развитии. Акцент сделан на влиянии экономических процессов уникального временного периода великих реформ в России на провинциальную русскую ментальность. Приводятся доказательства того, что сюжет о царе-старце является синтезом двух социально-утопических легенд, воспринятых народной ментальностью. Делается вывод, что причинами известности этого сюжета являются его незаконченность как легенды об избавителе и удачное сочетание элементов, позволившее привести сюжет в соответствие потребностям ментальности провинциального общества в период экономического перехода.

Ключевые слова: модернизационный переход, социально-утопические легенды, история ментальностей, славянский мир, сюжет о царе-старце

Для цитирования: Путилин М.С. Сюжет о царе-старце как специфика провинциальной славянской ментальности в период модернизационного перехода // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 66–71. doi: 10.17223/19988613/83/9

Original article

The story of the Staret Tsar as a specificity of the provincial Slavic mentality in the period of modernization transition

Michael S. Putilin

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mish.put.1997@gmail.com

Abstract. The reference to the story of the Staret Fyodor Kuzmich is due to the need to analyze the experience of transitional periods in the history of Russia in the connection with re-industrialization and other challenges of our time. The aim of the article is to propose author's own working hypothesis of the essence of the story about Staret Tsar as a dynamically developing phenomenon of the national mentality and to present its proofs. The achievement of this goal implies presentation of the main conclusions of the previous researchers and author's own analysis of the sources, which reflected the story of the Staret Tsar. The sources include clerical documents of the police investigation into the origins and spread of this legend, brochures from the periodical press, which published materials about the staret, and a short biography of Fyodor Kuzmich, written by the Tomsk merchant S. F. Khromov. The analysis of the sources allows distinguishing three periods of the spread of the story about Staret Tsar in folk representations. During the first period the Staret Tsar story had many characteristic functions of the legends of the "returning savior". The period of the tale of the Tsar Alexander I in the form of the legend about the "savior" lasted from the appearance of the staret Fyodor Kuzmich in 1837 in Siberia until his death in 1864. The emergence of this story is due to the mentality of the people, still waiting for the abolition of serfdom. During the second period, approximately between the death of the staret and the beginning of mass interest to his mystery in the mid-1880s, a legend independent of the "Alexander I" about a high-ranking person, who took the name of Fyodor Kuzmich with the blessing of Metropolitan Philaret, was being formed. This plot has common features with the hagiographies of holy starets, which were recorded in famous monasteries. The relevance of such plots was due to the difficulties of the transitional period in the country, which increased interest in the theme of spiritual quests. Finally, in the third period there was a synthesis, as a result of which religious elements came to the forefront in the story of the Staret Tsar, but the part of the story that remained from the legend of the "savior" also survived. This story has notable parallels with the story of the king of Montenegro, Stefan the Little, which also took place during the transition period associated with the processes of modernization. The differences in the elements of the story in various periods of its existence allow us to argue that the story of the Staret Tsar is essentially a modified legend of the "returning savior", which had changed due to the synthesis with the legend of the Tomsk circle of the staret admirers and the changes in the popular mentality associated with the processes of modernization transition in Russia.

Keywords: modernization transition, socio-utopian legends, history of mentalities, Slavic world, legend of the Staret Tsar

For citation: Putilin, M.S. (2023) The story of the Staret Tsar as a specificity of the provincial Slavic mentality in the period of modernization transition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 66–71. doi: 10.17223/19988613/83/9

Модернизационный переход, пройденный Россией в XX в., без сомнения, был одним из самых тяжелых вызовов, с которыми сталкивались за всю историю славянские народы и Россия в частности как крупнейший из ныне существующих субъектов международного права, представляющих славянский мир. В условиях современности, когда первые политики ведущих стран говорят о необходимости реиндустриализации на основе новых технологических укладов, а руководство России приняло длительную программу развития в форме национальных проектов, особенно актуальными становятся исследования процессов и явлений народной ментальности, рожденных переходным периодом, поскольку они позволяют правильно построить необходимый в наших условиях диалог власти и общества. Одним из показательных явлений провинциальной русской ментальности в эпоху модернизационного перехода второй половины XIX в. является сюжет о царе-старце Александре I под именем Фёдора Кузьмича.

Цель данной статьи – раскрыть механизм развития сюжета о царе-старце в периоды его актуализации и предложить объяснение этих процессов.

Однако до недавнего времени историки неохотно брались за его изучение по причине трудностей типологизации этого сюжета и спорного характера его классификации как явления народных представлений и литературы. Поэтому большая часть материалов по данной теме до сих пор носит публицистический или даже тенденциозный характер. Основной вклад исторической науки в изучение нашей темы совершил советский исследователь К.В. Чистов, развивший на основе работ В.Я. Проппа собственную концепцию социально-утопических легенд о «возвращающемся избавителе» и их месте в русской народной ментальности. Именно он ввел устойчивый термин легенды об «избавителе» и наметил многие ключевые моменты для дальнейшего изучения социально-утопических легенд. В самом начале работы автором сделано важное замечание о неоднородности легенд о «возвращающихся избавителях» и их классификации: «Уже можно говорить о двух основных типах: религиозно-мессианских легендах о “спасителях” и легендах социально-политического характера о “возвращающихся царях (царевичах) – избавителях”» [1. С. 24]. Посвятив исследование преимущественно второму типу социально-утопических легенд, К.В. Чистов отметил, что легенды о «возвращающихся избавителях» являются самой сложной из разновидностей социально-утопического фольклора: «...социально-утопический идеал еще не воплощен в действительность, однако сила, которой предназначено реализовать это воплощение, – “избавитель” уже существует» [1. С. 16]. В связи с этим автор констатировал необходимость исследования комплекса данных легенд в будущем.

Особенность данного типа сюжетов состоит в том, что они, в отличие от других видов социально-утопи-

ческих легенд, осложнены тем, что основаны на рассказах о реально существовавших людях. Следовательно, это не совсем легенды, а образы реально существовавших людей, «обросшие» вымышленными подробностями и превратившиеся в легенду. Они начинают создаваться еще при жизни данных личностей, т.е. описывается действие в реальном времени и месте.

Большее внимание легенда о Фёodore Кузьмиче получила со стороны филологов и богословов. Е.Б. Гайдукова рассмотрела историю этой легенды в литературе, подробно разобрав репрезентацию легенды о царе-старце русскими писателями Серебряного века и современными авторами [2]. Примененные Е.Б. Гайдуковой методы – структурно-типологический, сравнительно-сопоставительный и мотивный анализ, основанные на обращении к произведениям литературы Серебряного века и современным авторам, использующим в творчестве вариации на тему сюжета о царе-старце, позволили ей сделать важные выводы о том, что Фёдор Кузьмич для русского народа до сих пор является не только местнопочитаемым святым Томска, но и одним из символов православной России [2. С. 10], а также о связи сюжета о царе-старце с легендами о «возвращающемся избавителе» [3. С. 4]. М.М. Громыко в работе, посвященной богословскому аспекту сюжета о царе-старце, составила подробный список источников, отразивших легенду о Фёodore Кузьмиче (подробно об этом см.: [4. С. 52–172]). Этот каталог представляет интерес для нашего исследования, однако собственный анализ автора, по нашему мнению, оказался недостаточно критичным в связи с исследовательскими задачами и направленностью работы. Все упоминаемые авторы сходятся в оценке легенды о царе-старце как уникального явления как в историческом, так и в литературном плане.

Среди выделенных М.М. Громыко источников наибольший интерес представляют делопроизводственные документы полицейского расследования истоков зарождения и распространения этой легенды [5]. Данное расследование проводилось в 1882 г., т.е. тогда, когда С.Ф. Хромов осуществлял деятельность по популяризации своих записей. Эти источники представляют большую ценность для исследования, так как отражают результаты попытки государственной власти установить с помощью всех доступных на местном уровне административных ресурсов истоки появления и распространения сюжета о царе-старце. Кроме того, это расследование проводилось непосредственно в период формирования и распространения легенды, следовательно, отразило период ее динамического развития.

Другим важным источником являются посвященные царю Фёodore и его тайне заметки и брошюры из периодической печати. В номере «Томских губернских ведомостей» за 1907 г. была помещена перепечатанная из журнала «Колокол» брошюра под названием «Загадочный старец» [6]. Эта брошюра, представляющая

собой пересказ сведений о старце и окружающей его легенде из «Сказания о жизни и подвигах великого раба Божия Фёдора Кузьмича...» Е.З. Захарова [7] и сочинения Н.С. Голицына [8], впервые была опубликована в 1898 г. [9]. Другие авторы местной печати, писавшие под псевдонимами, выдвинули гипотезу о связи старца Фёдора Кузьмича со старообрядческими сектами. Впервые эту гипотезу сформулировал З. Барш, автор заметки «Ссылнопоселенец Фёдор Кузьмич», опубликованной 1887 г. в «Сибирской газете». Автор заметки писал, что по России распространилось множество портретов старца, и один из них «служил иконой какому-то сектанту в Новгородской губернии» [10. С. 247]. Эту гипотезу продолжил развивать анонимный автор М-ич в «Заметке о скопцах» [11], опубликованной в «Восточном обозрении» в 1893 г. Он достаточно подробно описал, что скопцы увидели в Фёдоре Кузьмиче Александра I, принявшего их учение, считали его своим последователем и учителем и старались популяризовать его имя в своей среде.

Нельзя оставить в стороне и сочинение томского купца С.Ф. Хромова, основной источник, в котором описана легенда о царе-старце. Хромов довольно продолжительное время знал Фёдора Кузьмича, вел с ним духовные беседы и оказывал старцу посильную помощь. В сочинении под названием «Краткое жизнеописание...» [12] автор составил полный список сбывшихся позднее предсказаний Фёдора Кузьмича, сотворенных им чудес исцеления, а также слухов о царственном происхождении, связанных с тайной его личности. Это собрание записей С.Ф. Хромова, которые он вел с ноября 1852 г. до июля 1890 г., опубликованное в форме воспоминаний о старце. В соответствии с жанровыми особенностями «Краткого жизнеописания...», его следует классифицировать как мемуарный источник.

Источники позволяют уверенно говорить о трех периодах распространения сюжета о царе-старце в народных представлениях. В первый период сюжет о царе-старце обладал многими характерными функциями легенд о «возвращающемся избавителе», что было отмечено К.В. Чистовым, который на этом основании считал данный сюжет проявлением «несостоявшейся легенды об Александре I “избавителе”» [1. С. 202]. Это утверждение ученого далеко не безосновательно. Знакомство сибиряков второй половины XIX в. с сюжетами и смыслами «избавительских» легенд подтверждает история скопческого проповедника Андрея Иванова, путешествовавшего под именем Кондратия Селиванова. Его считали чудесным образом спасшимся Петром III. В сочинении Н.В. Реутовского есть сведения, указывающие на его активную деятельность во время ссылки в Иркутск, где он пребывал с 1775 по 1797 г.: «О жизни Андрея Иванова в Иркутске официальных сведений не сохранилось. Но из “страдов” видно, что он не прекратил общения со своими последователями» [13. С. 120]. Сектантство и старообрядчество, широко распространенные в Сибири XIX в., не могли не сохранить память об этом пребывании «Петра Фёдоровича» в Сибири. Косвенным подтверждением этого являются указания авторов газетных заметок, сообщающие о том,

что некоторые видели в старце Фёдоре Петра III [14. С. 218] или о его связи с сектантством [10. С. 247]. Авторы газетных заметок, вероятно, основывали свои сообщения на слухах вокруг старца и его тайны, что распространялись в местах его жительства. Поэтому вполне закономерно, что появление в Сибири таинственного старца благообразного вида породило в ментальности народа, все еще ждавшего отмены крепостного права, еще одну легенду о «возвращающемся избавителе» в лице скрывающегося императора Александра I.

Период бытования сюжета о царе-старце Александре I в форме легенды об «избавителе» продолжался от появления старца Фёдора Кузьмича в 1837 г. в Сибири до его смерти в 1864 г. Именно эту легенду отражают делопроизводственные документы полицейского расследования, хранящиеся в ГАТО. В них отражены такие ключевые моменты легенды об «избавителе», как отождествление с Александром I (см.: [5. Л. 7]) и чудесное спасение законного правителя от заговора (см.: [5. Л. 7 об.]). Проведенный в рамках этого расследования допрос С.Ф. Хромова зафиксировал также возобновление интереса к тайне старца (см.: [5. Л. 1–2]), ознаменовавшее новый этап формирования данной легенды.

Во второй период, приблизительно между смертью старца и началом массового интереса к его тайне в середине 1880-х гг., формировалось совершенно независимое от «александровской» легенды предание о высокопоставленном лице, ушедшем в старчество под именем Фёдора Кузьмича с благословения митрополита Филарета. Это предание отражено в брошюре Е.З. Захарова «Сказание о жизни и подвигах великого раба Божия старца Фёдора Кузьмича» [7. С. 8] и в газетных заметках о старце. Данный сюжет имеет общие черты с житиями святых старцев, которые записывались в известных монастырях. Актуальность таких сюжетов была обусловлена сложностями переходного периода в стране. Середина и вторая половина XIX в. в России были эпохой целого комплекса процессов в экономической, политической, социальной структуре общества, которые в совокупности составляли явление модернизационного перехода. Этот переход не мог не отразиться в культурной сфере страны, однако в связи со спецификой модернизационных процессов в разных регионах империи он порождал и разные явления в культуре. Неслучайно именно на этот период пришлось расцвет духовных исканий российских интеллектуалов и возрождение массового интереса к институту православной церкви после столетнего упадка, начиная с упразднения патриаршества. Ярчайшим проявлением этих духовных исканий был рост влияния Оптиной пустыни в системе российского православия. Оптина пустынь с ее устойчивой и непрерывной традицией старчества [15. С. 53] была центром, куда обращались по вопросам веры и духовным делам многие представители Серебряного века русской культуры.

Наконец, в третий период произошел синтез: многие элементы, типичные для легенд об «избавителях», были удалены из сюжета о царе-старце при сознательном или бессознательном участии С.Ф. Хромова, составившего «Краткое жизнеописание...» и объявившего

этот источник собранием всех деталей данной легенды. В результате такого изменения на первый план в сюжете о царе-старце вышли религиозные элементы, составленные по образцу церковной житийной литературы. Однако легенда об «избавителе» не исчезла из сюжета полностью, остались намеки на тождество личности старца и Александра I, которые в изложении С.Ф. Хромова кажутся почти утверждениями, а также факты, это доказывающие: знания Фёдора Кузьмича, намного превышающие знания простого старика, его связи и влияние при дворе. Можно предположить, что С.Ф. Хромов интуитивно объединил все аспекты легенды, которые казались важными для простых почитателей старца: то, что он мог быть как помощником в земных делах, прошениям которого не отказывает верховная власть, так и заступником людей на небесах. Именно этот сюжет о царе-старце изложен С.Ф. Хромовым в его главном сочинении под названием «Краткое жизнеописание...» (подробно об этом см.: [12]) и впоследствии попал в отечественную литературу Серебряного века.

Причину такого развития сюжета о царе-старце следует искать в социально-экономической специфике периода «великих реформ» Александра II, обозначивших начало активной фазы процессов модернизационного перехода в России. Именно с реформами 1860-х гг. совпали второй и третий периоды актуализации сюжета о царе-старце. Характеристика процессов, начатых этими реформами, является предметом широкой научной дискуссии среди исследователей.

Б.Н. Миронов в своих работах характеризует пореформенную Российскую империю как страну, переживающую невиданный ранее экономический подъем и повышение общего уровня жизни. «Великие реформы по своему смыслу и содержанию подвели итоги прошлому и настоящему, извлекли уроки из опыта Австрии, Пруссии и других германских государств и создали возможность для постепенной трансформации страны в правовое государство с рыночной экономикой» [16. С. 414]. Однако в результате дискуссии с оппонентами Миронов смягчил свою позицию, признав вслед за большинством исследователей, что «уровень жизни большинства жителей России повышался, но медленно, неустойчиво, с откатами, оставляя для значительной части населения Европейской части России (от трети и может быть выше) уровнем на грани нищеты и голода. Периодически часть крестьянства и городского населения оказывалась в ситуации голода – либо в случае недорода, либо – временной потери источников доходов» [17. С. 139]. Н.С. Розов, добавив к эмпирическим данным оригинальную социологическую теорию, определил социально-экономическую природу этого периода как «стагнацию», однако расширил это понятие собственными дополнениями и уточнениями: «Чтобы не заводить лишнего спора, максимально расширим содержание этого такта (вплоть до “Стабильности”), что не исключает временных улучшений, модернизации, административного, социального и технологического развития, но не ведет ни к явному государственному успеху (как при такте “Мобилизация”), ни к явному упадку (как при такте

“Кризис”))» [18. С. 153]. Таким образом, несмотря на существенные различия в оценках свидетельств различных источников, исследователи единодушны в том, что «великие реформы» Александра II затронули все слои населения и изменивших культурные запросы в стране.

Данные процессы имеют непосредственное отношение к формированию сюжета о царе-старце, так как именно они обусловили особенности легенды о Фёдоре Кузьмиче и те специфические изменения, которые позволили этому сюжету занять особое место в сфере народных представлений. Начинались они, естественно, с центральных областей. На окраинах же Российской империи, в том числе в Сибири, отражение модернизационного перехода в культуре имело свою специфику. Одним из проявлений осмысления процессов перехода в Томске и стал сюжет о царе-старце Александре I под именем Фёдора Кузьмича. Эта легенда была созвучна духовным исканиям столичной интеллигенции, однако отражала прежде всего духовные запросы, сформированные в народной ментальности переходного периода. Л.Н. Толстой неслучайно обратился именно к этому сюжету [19], когда сам пребывал в поисках духовности и спасения души вне контекста государства и церкви.

Подобные явления специфичны для сюжетов, связанных с ментальностью переходного периода, но не уникальны. Ещё в конце XVIII в. схожее развитие прошла легенда об избавителе в лице Петра III в подвластной туркам Черногории. К.В. Чистов вскользь упомянул об этом: «События, связанные с ним, чрезвычайно интересны, но изложение их увело бы нас далеко от нашей темы» [1. С. 140]. История этого самозванца, именовавшего себя исключительно Стефаном Малым, но и не отказывавшегося от народных отождествлений с царем Петром Фёдоровичем, поразительно похожа на историю Фёдора Кузьмича. Он тоже появился без какой-либо определенности о своем прошлом, вскоре привлек всеобщее внимание своими благородными манерами: «В августе–сентябре 1767 г. по окрестным селам разнеслась весть, что батрак из села Майне и не батрак вовсе, а русский царь Петр III. Впрочем, “царь” продолжал называть себя Степаном Малым, но не из-за малого роста. Может, потому что, по его собственным словам, он был “с добрыми добр”, иначе говоря, с простыми людьми прост (с малыми мал)?» [20. С. 185]. Вскоре эта история получила логическое продолжение: у черногорского самозванца появились почитатели и те, кто признали в нем бывшего русского императора, в том числе среди православного духовенства.

После признания в нем царя черногорским митрополитом Саввой, фактическим правителем Черногории, Стефан Малый начал активную деятельность, в основном направленную на установление в стране мира и прекращение кровной мести, а также на создание новой государственной администрации. Лавируя между интересами Венецианской республики, Османской империи и России, он долгое время смог поддерживать образ мудрого правителя в глазах черногорцев. Даже потеряв зрение в результате покушения, послед-

ние два года жизни он оставался общественным и духовным авторитетом в глазах черногорцев, которые навещали его в монастыре Брчели: «С ним советовались, к нему приезжали, он явно сохранял какие-то остатки бывшего авторитета. И венецианцы, и турки продолжали видеть в нем какую-то опасность; недаром наемные убийцы по-прежнему шныряли вокруг

его дома» [20. С. 190]. История Стефана Малого пришла на период строительства черногорской нации, которое допустимо рассматривать как часть процессов модернизационного перехода. Как и многочисленные параллели элементов сюжета, это указывает, что данные события родственны более поздней легенде о царе-старце.

Этапы формирования сюжета о царе-старце

I этап: 1840–1860-е гг.	II этап: 1860–1880-е гг.	III этап: 1880–1900-е гг.
Под именем Фёдора Кузьмича скрывался законный правитель – Пётр III, Александр I или великий князь Константин Павлович	Под именем Фёдора Кузьмича скрывался высокопоставленный деятель, возможно, принадлежавший к императорской фамилии	Под именем Фёдора Кузьмича скрывался ушедший в старчество Александр I
Его насильственно отстранили от власти и пытались убить	Его самоустранение от власти было добровольным, но тайным, с благословения церкви	Его самоустранение от власти было добровольным, возможно, с благословения церкви
Он чудесным образом спасся, возможно, с помощью самоотверженного доктора	Ему помогли высокие чины РПЦ в лице московского митрополита Филарета	У него не было никаких помощников
Он продолжает тайно влиять на политику государства через советы монарху и правительству	Он более не возвращался к своей светской власти и даже не любил вспоминать о ней	Он более не управлял государством, но охотно помогал своим почитателям прошениями к императору и правительству и делился подробностями о своем прошлом

Таким образом, в результате анализа источников были выявлены три этапа формирования легенды о царе-старце и описаны переходы от одного этапа к другому. Первый этап отражал стремление народа избавиться от крепостного права и представлял собой вариант сибирской легенды о «возвращающемся избавителе».

Второй этап сложился под влиянием сюжетов о святых старцах Оптиной пустыни и имел с ними некоторые общие черты. Он отражал потребность народа в опоре на базовые духовные ценности в период модернизационного перехода.

Третий этап представляет собой синтез предыдущих двух сюжетов, произошедший под влиянием за-

писок С.Ф. Хромова и рассказов почитателей старца (таблица).

Выявленные отличия элементов сюжета в различные периоды его бытования позволяют с уверенностью утверждать, что сюжет о царе-старце является, по сути, модифицированной легендой о «возвращающемся избавителе», которая изменилась вследствие синтеза с преданием томского кружка почитателей старца и перемен в народной ментальности, связанных с процессами модернизационного перехода в России. Подобные сюжеты на основе «избавительских» легенд являются проявлением ментальности переходного периода в странах славянского мира.

Список источников

- Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 342 с.
- Гайдукова Е.Б. Цикл легенд о Феодоре Кузьмиче на рубеже XX–XXI вв.: проблема демифологизации сюжета // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 7–10.
- Гайдукова Е.Б. Сюжет о царе-старце в русской литературной традиции (на материале корпуса текстов о праведнике Фёдоре Кузьмиче): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Красноярск, 2008. 215 с.
- Громыко М.М. Святой праведный Феодор Кузьмич – Александр I Благословенный: исследования и материалы к житию. М.: Паломник, 2007. 512 с.
- Государственный архив Томской области. Оп. 51. Д. 18. 1882 г. Рапорты, переписка с Томским губернатором о смерти старца Ф. Кузьмича, отождествляемого народом с Александром I.
- Загадочный старец // Томские губернские ведомости. 1907. № 72. С. 3–4.
- Захаров Е.З. Сказание о жизни и подвигах великого раба божия старца Феодора Кузьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1837 года по 1864 год / [предисл. изд. Е. Захарова]. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд. Елисея и сына его Антона Захаровых, 1892. 54 с.
- Голицын Н.С. Народная легенда об Александре-отшельнике // Русская старина. 1880. Кн. 11. С. 742–744.
- Загадочный старец Феодор Козьмич, скончавшийся в Томске 20 января 1864 г. М.: Изд. Е.И. Коноваловой, 1898. 24 с.
- Барш З. Ссылно-поселенец Федор Кузьмич // Сибирская газета. 1887. № 7. С. 247.
- М-ич. Заметка о скопцах // Восточное обозрение. 1893. № 6. С. 9–10.
- Хромов С.Ф. Краткое жизнеописание великого старца Феодора Козьмича: из воспоминаний купца Семена Феофановича Хромова / под ред. В.П. Бойко, Е.В. Ситникова; авт. предисл. В.П. Бойко. Томск: Изд-во Том. гос. арх.-строит. ун-та, 2015. 251 с.
- Реутский Н.В. Люди божьи и скопцы: историческое исследование: (из достоверных источников и подлинных бумаг). М.: Тип. Грачева и К°, 1872. 229 с.
- Долгорукий В.А. Отшельник Александр (Федор) в Сибири // Русская Старина. 1887. № 10. С. 217–220.
- Запальский Г.М. Оптина пустынь и ее воспитанники в 1825–1917 годах. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 416 с.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин. Т. 1. 548 с.
- Шубин А.В. Спор о благосостоянии: система и голод // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2014. № 1 (5). С. 134–149.
- Розов Н.С. Продовольственный потенциал и ресурсный баланс в циклах русской истории: экосоциальные причины кризисов и революций // О причинах Русской революции / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. Изд. стереотип. М.: Изд-во ЛКИ, 2014. С. 140–157.
- Толстой Л.Н. Посмертные записки старца Феодора Кузьмича // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 14. С. 359–377.
- Сто великих авантюристов / авт.-сост. И. А. Муромов. М.: Вече, 2004. 493 с.

References

1. Chistov, K.V. (1967) *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian folk socio-utopian legends of the 17th–19th centuries]. Moscow: Nauka.
2. Gaydukova, E.B. (2008) Tsikl legend o Feodore Kuz'miche na rubezhe XX–XXI vv.: problema demifologizatsii syuzheta [A cycle of legends about Feodor Kuzmich at the turn of the 21st centuries: the problem of plot demythologization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 308. pp. 7–10.
3. Gaydukova, E.B. (2008) *Syuzhet o tsare-startse v russkoy literaturnoy traditsii (na materiale korpusa tekstov o pravednike Fedore Kuz'miche)* [The Plot of the Elder-Tsar in the Russian Literary Tradition (Based on the Corpus of Texts on the Righteous Fyodor Kuzmich)]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
4. Gromyko, M.M. (2007) *Svyatoy pravednyy Feodor Kuz'mich – Aleksandr I Blagoslovennyy: issledovaniya i materialy k zhitiyu* [The Holy Righteous Theodore Kuzmich – Alexander I the Blessed: Studies and Materials for Agiography]. Moscow: Palomnik.
5. The State Archive of Tomsk Region. List 51. File 18. 1882 g. *Raporty, perepiska s Tomskim gubernatorom o smerti startsa F. Kuz'micha, otozhdestvlyаемого narodom s Aleksandrom I* [Reports, correspondence with the Governor of Tomsk about the death of the elder F. Kuzmich, identified by the people with Alexander I].
6. *Tomskie gubernskie vedomosti*. (1907) Zagadochnyy startets [A mysterious old man]. 72. pp. 3–4.
7. Zakharov, E.Z. (1892) *Skazanie o zhizni i podvigakh velikogo raba bozhiya startsa Feodora Kuz'micha, podvizavshegosya v predelakh Tomskoy gubernii s 1837 goda po 1864 god* [The legend of the life and deeds of the great servant of God, Elder Feodor Kuzmich, who labored within the limits of the Tomsk province from 1837 to 1864]. 2nd ed. St. Petersburg: Elisey and his son, Anton Zakharov.
8. Golitsyn, N.S. (1880) Narodnaya legenda ob Aleksandre-otshel'nike [A folk legend about Alexander the Hermit]. *Russkaya starina*. 11. pp. 742–744.
9. Anon. (1898) *Zagadochnyy startets Feodor Koz'mich, skonchavshisya v Tomske 20 yanvarya 1864 g.* [The mysterious old man Feodor Kozmich, who died in Tomsk on January 20, 1864]. Moscow: E.I. Konovalova.
10. Barsh, Z. (1887) Ssyl'no-poselenets Fedor Kuz'mich [Exiled settler Fyodor Kuzmich]. *Sibirskaya gazeta*. 7. p. 4.
11. M-ich. (1893) Zametka o skoptsakh [A note about eunuchs]. *Vostochnoe obozrenie*. 6. pp. 9–10.
12. Khromov, S.F. (2015) *Kratkoe zhizneopisanie velikogo startsa Feodora Koz'micha: iz vospominaniy kuptsa Semena Feofanovicha Khromova* [A brief biography of the great old man Feodor Kozmich: From the memoirs of the merchant Semyon Feofanovich Khromov]. Tomsk: TSUAB.
13. Reutskiy, N.V. (1872) *Lyudi bozh'i i skoptsy: istoricheskoe issledovanie: (iz dostovernykh istochnikov i podlinnykh bumag)* [God's people and eunuchs: A historical research: (from reliable sources and original papers)]. Moscow: Grachev i Ko.
14. Dolgorukiy, V.A. (1887) Otshel'nik Aleksandr (Fedor) v Sibiri [Hermit Alexander (Fyodor) in Siberia]. *Russkaya starina*. 10. pp. 217–220.
15. Zapalskiy, G.M. (2009) *Optina pustyn' i ee vospitanniki v 1825–1917 godakh* [Optina Pustyn and its pupils in 1825–1917]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
16. Mironov, B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): genesis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia in the period of the empire 18th – early 20th century): the genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. 3rd ed. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
17. Shubin, A.V. (2014) Spor o blagosostoyanii: sistema i golod [A welfare dispute: System and famine]. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. 1(5). pp. 134–149.
18. Rozov, N.S. (2014) Prodoval'stvennyy potentsial i resursnyy balans v tsiklakh russkoy istorii: ekosotsial'nye prichiny krizisov i revolyutsiy [Food potential and resource balance in the cycles of Russian history: Eco-social causes of crises and revolutions]. In: Grinin, L.E., Korotaev, A.V. & Malkov, S.Yu. (eds) *O prichinakh Russkoy revolyutsii* [On the causes of the Russian revolution]. Moscow: LKI. pp. 140–157.
19. Tolstoy, L.N. (1983) *Sobranie sochineniy: v 22 t.* [Collected Works: in 22 vols]. Vol. 14. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 359–377.
20. Muromov, I.A. (2004) *Sto velikikh avanturyistov* [One hundred great adventurers]. Moscow: Veche.

Сведения об авторе:

Путилин Михаил Сергеевич – аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mish.put.1997@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Putilin Michael S. – Postgraduate Student of the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mish.put.1997@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.10.2022; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 26.10.2022; accepted for publication 22.05.2023

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья

УДК 329(091):324(574)«19»

doi: 10.17223/19988613/83/10

История участия политических партий в избирательных кампаниях Казахстана XX столетия

Алима Мусировна Ауанасова¹, Еркеш Калиевич Нурпеисов²

^{1, 2} *Институт истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Астана, Казахстан, auanasova_a@mail.ru*

² *Казахский национальный университет (КазНУ) им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан, nurela@ya.ru*

Аннотация. Исследуется история избирательной системы Казахстана на основе многопартийности, которая была прервана Октябрьским переворотом 1917 г. и восстановлена в конце XX в. Изучена деятельность политических партий «Алаш», «Уш жуз», «Шуро–и–исламия» и «Шуро–и–улемия», а также российских партий кадетов, эсеров, большевиков и других, действовавших на территории Казахстана.

Монопольная диктатура Коммунистической партии сохранялась в Казахстане в плоть до 1990 г. Лишь с отменой в конституционном порядке этой монополии появилась возможность воссоздать многопартийность и поднять политическую значимость избирательной системы Казахстана на новый уровень.

Ключевые слова: Казахстан, XX век, выборы, многопартийность, депутаты, Учредительное собрание, Верховный Совет, Мажилис, Сенат

Для цитирования: Ауанасова А.М., Нурпеисов Е.К. История участия политических партий в избирательных кампаниях Казахстана XX столетия // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 72–78. doi: 10.17223/19988613/83/10

Original article

History of participation of political parties in election campaigns of Kazakhstan of the XX century

Alima M. Auanasova¹, Erkesch K. Nurpeisov²

^{1, 2} *Institute of State History of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, auanasova_a@mail.ru*

² *Al-Farabi Kazakh National University (KazNU), Almaty, Kazakhstan, nurela@ya.ru*

Abstract. The purpose of the study is to analyze the history of the participation of political parties in election campaigns held in the territory since the beginning of the twentieth century. The study was prepared on the basis of archival materials from the funds of Russia and Kazakhstan, publications in newspapers and magazines issued in the period under study, scientific articles and monographs of both Kazakhstani and Russian scientists, regulatory legal acts adopted by state bodies on the electoral system.

The electoral system is one of the effective factors in the formation of the highest bodies of state power and local self-government in the conditions of a developed multiparty system. Under the one-party totalitarian regime, elections do not perform their elective function and lose their true meaning, as was the case, for example, under Soviet rule. Therefore, the article focuses on the pre-Soviet and post-Soviet period of participation of political parties in elections to the highest representative bodies: to the State Duma until October 1917 and to the Supreme Council, and then to the Parliament of the Republic of Kazakhstan.

Despite the chaos in the Russian Empire after the abdication of the tsar and the establishment of the Provisional Government in the elections to the State Duma, along with the parties of the Cadets, Social Revolutionaries, Bolsheviks, monarchists and other political parties operating in Kazakhstan, the parties of the national outskirts took part. Among them were the parties "Alash", "Ush zhuz", "Shuro – and – Islamia", "Shuro – and – ulemia".

After the independence of the Republic of Kazakhstan was declared, its electoral system was radically modernized. The Election Code (1993) was adopted, a permanent election commission was created, a majoritarian and then proportional electoral systems were introduced. The election, bypassing the constituencies, of 9 deputies of the Mazhilis directly by the Assembly of the People of Kazakhstan, representing the interests of all ethnic groups, permanently residing citizens in the republic, has become a new practice in the world electoral system.

Keywords: Kazakhstan, the XX century, elections, multi-party system, deputies, Constituent assembly, Supreme Council, Mazhilis, Senate

For citation: Auanasova, A.M., Nurpeisov, E.K. (2023) History of participation of political parties in election campaigns of Kazakhstan of the XX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 72–78. doi: 10.17223/19988613/83/10

Избирательная система, особенно в демократически развитых странах, – один из действенных рычагов формирования высших органов государственной власти. Одновременно она является легальным способом реализации притязаний на власть политических партий. Это особо важно в условиях многопартийной системы, когда в конкурентной борьбе та или иная партия добивается политических целей посредством избрания своих представителей на пост главы государства, а также в состав законодательного органа и органов местного самоуправления. При монопольном положении в обществе одной политической партии, как это было, например, в Советском Союзе, избирательная система не выполняет свою элективную функцию.

Многопартийность в Казахстане в современном ее понимании берет свое начало с начала XX столетия. Практически вся палитра партийного многообразия России была представлена в Казахстане. Здесь действовали низовые звенья или группы таких партий, как Конституционно-демократическая (кадеты), Социал-демократическая (эсеры), Российская социал-демократическая партия большевиков (РСДРП(б)) и др. Кроме того, формировались и разворачивали политическую деятельность партии национально-автономной ориентации: «Алаш», «Уш жуз», «Шуро–и–исламия» и «Шуро–и–улемия». Причем деятельность последних двух партий была «привязана» к Семиреченской и Сырдарьинской областям Казахстана, входившим тогда в состав Степного и Туркестанского генерал-губернаторств.

Помимо широкой пропаганды своих политических позиций, эти партии активно участвовали в выборах в представительный государственный орган Российской империи – Государственную Думу – до и после свержения царского самодержавия. А партии национальных окраин России принимали участие в формировании временных правительств автономий – Алаш-Орды и Туркестана.

14 июня 1917 г. Временное правительство впервые объявило сроки выборов в Учредительное собрание – 17 сентября, и созыва его – 30 сентября. Однако в связи с тем, что Министерство внутренних дел не сумело своевременно организовать подготовительные работы на местах, эти сроки были скорректированы. Выборы переносились на 12 ноября, а созыв – на 28 ноября. На практике жевыборы в Учредительное собрание в

стране растянулись с конца октября 1917 г. до начала февраля 1918 г.:

В областях Казахстана комиссии по делам выборов в Учредительное собрание были сформированы в конце июня – июле 1917 г., а что касается образования уездных комиссий, то оно в ряде мест затянулось до глубокой осени 1917 г. В состав комиссий входили представители всех политических и общественных организаций, в том числе и казахских комитетов. Так, список кандидатур в депутаты Учредительного собрания в количестве 81 человека от всех областей края и от казахского населения Средней Азии (Бухара, Фергана и Хива) был выдвинут и утвержден на первом Всеказахском съезде в июле 1917 г. от имени партии «Алаш». Выборы в Учредительное собрание частично и полностью состоялись в ряде мест Казахстана 12–18 ноября 1917 г. Лишь в Семиреченской и Сырдарьинской областях выборы проходили позднее этого срока.

Те неполные данные, которыми располагают исследователи, обнародованы в 4-м томе «Истории Казахстана (с древнейших времен до наших дней)» [1]. Они показывают, что в выборах в Учредительное собрание большой успех одержала только что созданная казахская общенациональная партия «Алаш», шедшая под первым номером.

Характеризуя избирательную платформу «Алаш», газета «Южный Урал» писала: «Алаш – демократическая радикальная партия, отличается от партии Народной свободы тем, что она требует демократическую федеративную республику, отрицает частную собственность на землю и признает отделение церкви от государства» [1. С. 457].

Итоги голосования по различным регионам Казахстана дали следующую картину: по Тургайской области (Кустанайский уезд): партия «Алаш» – 72 745 голосов, эсеры – 51 245, РСДРП-меньшевики – 3 465; по Иргизскому уезду: «Алаш» – 55 349, эсеры – 181, РСДРП-меньшевики – 1 516; по Актюбинскому уезду: «Алаш» – 28 202, эсеры – 12 114, РСДРП-меньшевики – 1 736; по Тургайскому уезду: «Алаш» – 54 978, эсеры – 210, РСДРП-меньшевики – 41. В итоге из пяти депутатских мест в Тургайской области три достались партии «Алаш», два завоевали эсеры.

В Семипалатинском уезде партия «Алаш» получила 59 331 голос, эсеры – 3 375, казаки – 3 136, больше-

вики – 1 910, остальные партии и группы, вместе взятые, – около 1 300 голосов. В Лбищенском уезде Уральской области эта же партия получила 755 440 голосов, казаки – 19 571, левые эсеры – 1 325, эсеры – 126.

Газета «Гурьевский вестник» от 17 октября 1917 г. опубликовала список кандидатов от партии «Алаш». В него вошли врач Халел Досмухамедов, юрист Джанханша Досмухамедов, врач Нургали Ипмагамбетов, Губайдулла Алибеков, агроном Салимгерей Каратлеуов, врач Гумар Исенгулов, врач Иса Кашкумбаев. Как показали выборы, выдвинутые кандидаты были избраны в депутаты Учредительного собрания. В целом в г. Уральске на участки явились 47% избирателей. Там вперед вышли казаки – 7 248 голосов, левые эсеры на втором месте – 2 737, партия «Алаш» – 976, эсеры – 1 866 [1. С. 115–116].

Незначительное число голосов, поданных за партию «Алаш», объясняется малым числом казахов-горожан в Уральске, где большинство населения составляли русские.

Таким образом, в целом убедительная победа на выборах в Учредительное собрание показала политическую зрелость, популярность среди местного населения партии «Алаш», которая выдвигала своей целью борьбу за автономию края.

Осенью 1917 г. партия социалистического толка «Уш жуз», стала оппонентом партии «Алаш». Лидерами партии «Уш жуз» являлись помощник присяжного поверенного, журналист и драматург Кольбай Тогусов, фельдшер и переводчик Шаймерден Альжанов, учащийся Абилхаир Досов, грузчик Исак Кобеков, журналист Мукан Айтпенов.

К. Тогусов и его единомышленники выдвинули группу своих сторонников кандидатами в Учредительное собрание. Практически все они, за исключением преподавателя Семипалатинской семинарии Нургалия Кульджанова, проживали в Акмолинской области. Среди кандидатов в депутаты были три члена областного Акмолинского казахского комитета – Хасенходжа Бекхожин, Казий Торсанов и Байсеит Адилев, председатель Омского уездного казахского комитета Мухан Айтпенов и председатель Петропавловского уездного казахского комитета Галиаскар Куанышев. Сам К. Тогусов был представлен как член исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов. Кроме упомянутых лиц в списке были общественный деятель Усен Касаев, народный учитель Садвакас (Сакен) Сейфуллин, отставной офицер Махмуд Валиханов, Султан Аблаев и Ибрай Толебаев.

Эти 13 кандидатов не скрыли, что в прошлом они симпатизировали эсерам, народным социалистам, демократам. По материалам печати и данным архивов за 1917 г. историками пока не установлены факты отказа названных кандидатов от их выдвижения по спискам «Уш жуз». В советскую же эпоху такой отказ обнародовал С. Сейфуллин. Публикация списка сопровождалась сообщением о создании Центрального Комитета Киргизской социалистической партии «Уш жуз». Первоначально председателем ЦК «Уш жуз» был избран Мухан Айтпенов, его товарищем (заместителем) – К. Тогусов.

Какого-либо существенного отличия от партии «Алаш» программа «Уш жуз» в момент ее организации не имела. Партия расходилась со своим «старшим братом», как называли ушжузовцы партию «Алаш», лишь по вопросу о войне. Остальные отличия носили чисто тактический характер. Но позднее, по мере обострения политической ситуации в стране, когда борьба за власть достигла своего апогея, в условиях ускорения процесса классовой дифференциации «Уш жуз» стала постепенно отходить от партии «Алаш» и сблизилась с левыми эсерами, а после победы Октябрьского переворота начала открытую борьбу против партии «Алаш».

В Туркестанском крае избирательная кампания в городские думы и Всероссийское Учредительное собрание проходила в ноябре–декабре 1917 г. В ее ходе проявилось столкновение противоречивых политических, социальных и национальных интересов различных слоев общества.

Борьба разгорелась в основном между партиями «Шуро–и–исламия» и «Шуро–и–улема». Политическая борьба за места в Учредительное собрание привела к тому, что в рядах «Шуро–и–исламия» произошел раскол в вопросе формы государственного устройства. Через три месяца, в июне 1917 г., от партии «Шуро–и–исламия» отделяется клерикальная часть интеллигенции, которая и образовала партию «Шуро–и–улема».

Партия «Шуро–и–исламия», под руководством Мустафы Шокая, Муннавара Кари Абдурашидханова, стояла на позициях консолидации тюрко-мусульманских народов и достижения ими национального самоопределения. Партия «Шуро–и–улема», во главе которой стоял Серали Лапин, настаивала на признании приоритетов и верховенства в отечественном устройстве края исламских постулатов. Клерикальная часть стремилась к созданию общемусульманского национального блока во главе с улемистами.

В Туркестанском крае на выборах в Учредительное собрание лидировала партия «Шуро–и–исламия», получившая большинство мест в Самаркандской, Кокандской, Андижанской городских думах. Кандидатами от партии «Шуро–и–исламия» выступали Мустафа Шокай, Мунаввар Кари Абдурашидханов, Махмудходжа Бехбуди, Абдулла Рахмонбердыев, Мирза Ахмад Кушбегиев, Абиджан Махмудов, Мир Адил Мирза Ахмедов и др. Сторонники партии поддерживали конституционную форму правления в России и выдвигали требование предоставления Туркестану автономных прав [2].

Пока все политические партии и общественные организации готовились к выборам в Учредительное собрание, проводили агитационные мероприятия с избирателями, партия большевиков целенаправленно вела подготовку к вооруженному захвату власти, игнорируя выборы в Учредительное собрание.

Вооруженный переворот, произведенный большевиками в Петрограде 24 октября (6 ноября) 1917 г., объявление Военно-революционным комитетом Петроградского совета о свержении Временного правительства и переходе всей полноты власти в его руки изменил расстановку политических сил в Казахстане и

Туркестане. Эти события стали решающим сигналом для захвата государственной власти советами и развязывания гражданской войны в Казахстане и Туркестанском крае [3].

Завершение гражданской войны победой большевиков одновременно означало закат многопартийной системы на территории России и Казахстана и установление монополюльной диктатуры одной лишь Коммунистической партии. Избирательная система в этих условиях потеряла всякий политический смысл. Она стала использоваться как псевдодемократическая ширма, за которой партийные комитеты разных уровней, вооруженные номенклатурным перечнем депутатских мест в советах разных уровней, активно занимались разработкой персонального состава депутатского корпуса. Этот состав впоследствии, в результате выборов, оказывался на 100% совпадающим с тем списком, который был составлен в партийных комитетах.

Для создания видимости альтернативы выборов практики в каждом избирательном округе первым в списке кандидатов в депутаты значился Генеральный секретарь ЦК КПСС или первый секретарь ЦК союзной республики, а вторым – тот, кто впоследствии становился депутатом. Смехотворность, абсурдность ситуации заключалась в том, что такая альтернативность прекращалась за несколько дней до выборов, когда первые кандидаты со словами благодарности снимали свои кандидатуры с выборов во всех округах, за исключением одного, в котором они фактически должны были избираться.

Такая ситуация сохранялась вплоть до последнего десятилетия XX в. И лишь с 1990 г., в связи с отменой в конституционном порядке монополии Коммунистической партии, появилась возможность воссоздания многопартийной системы в Казахстане. Этот процесс начался формированием разнообразных общественных объединений и движений, которые затем переросли в политические партии, преследующие цель воздействия на государственную власть посредством участия в выборах главы государства и представительных органов различных уровней. Но такая возможность стала реальностью лишь на основе Кодекса о выборах в Республике Казахстан от 9 декабря 1993 г.

Свидетельством курса на демократизацию общественной жизни стало предоставление Кодексом о выборах права общественным объединениям на выдвижение кандидатов на пост Президента и в депутаты Верховного Совета и местных представительных органов.

Здесь в порядке сравнения следует отметить, что предыдущее законодательство по этому вопросу, Конституция Казахской ССР 1978 г., предусматривало более широкий круг субъектов, обладающих таким правом, – трудовые коллективы, военнослужащие, коллективы студентов высших и средних специальных учебных заведений, собрания жителей населенных пунктов, общественные организации (ст. 89 Конституции Казахской ССР 1978 г. после внесенных в нее изменений от 22 сентября 1989 г.).

Однако такая, казалось бы, безграничная демократизация выборной процедуры на деле оказалась вопи-

ющей формальностью, так как кандидатура будущего депутата заранее определялась соответствующим комитетом компартии и протокольно оформлялась вышеназванными субъектами права на выдвижение кандидатов. Кодекс о выборах внес решающий вклад в дело разрушения партийного диктата, сложившегося за годы советской власти.

В марте 1994 г. был избран новый состав Верховного Совета [4]. На 177 депутатских мандатов претендовали 744 кандидата. В избранном депутатском корпусе 75 из 177 депутатов представляли партии и общественные организации, в том числе от Союза народного единства (СНЕК) – 57 человек, от Федерации профсоюзов Казахстана – 11, от Народного конгресса Казахстана (НКК) – 9, от Социалистической партии Казахстана (СПК) – 8, от Республиканского славянского движения «Лад» – 4, от Республиканского Совета женских организаций – 3, по одному депутату от организации ветеранов Республики Казахстан, Демократического комитета по правам человека, Республиканской партии Казахстана, Союза молодежи Казахстана, международного общественного комитета «Арал-Азия-Казахстан», Крестьянского союза Казахстана, Конгресса предпринимателей Казахстана [5].

Таким образом, впервые в истории постсоветского Казахстана политические партии и движения получили доступ к реальным рычагам власти и легитимную возможность влиять на формирование и принятие государственных решений и программ через своих представителей, составивших 48% депутатского корпуса [6].

Это были депутаты, выдвинутые данными организациями по одномандатным округам. Поэтому принадлежность депутата к той или иной партии еще не влекла его обязанности входить в состав партийной фракции, поскольку он не был связан с партийным списком, формируемым при пропорциональной избирательной системе, а Верховный Совет XIII созыва избирался по мажоритарной избирательной системе относительного большинства. Тем не менее впервые в высшем законодательном органе страны была сформирована парламентская оппозиция – парламентская группа «Прогресс», в которую вошли отдельные депутаты от фракций СПК, НКК, Федерации профсоюзов. Парламентская оппозиция выступала против правительственного курса экономических реформ, следования рекомендациям МВФ, характера и темпов приватизации, что, по их мнению, вело к социальному взрыву.

В 1995 г., спустя месяц после принятия на всенародном референдуме Конституции Республики Казахстан от 30 августа 1995 г., Президентом РК был издан Указ, имеющий силу Конституционного закона, – «О выборах в Республике Казахстан» от 28 сентября 1995 г. № 2464 (далее – Указ о выборах) [7]. Структурно он был построен аналогично Кодексу о выборах, содержал Общую и Особенную части. Почти совпадающими оказалось количество глав – 14 в Кодексе и 15 в Указе. При этом названия глав, статей и их содержание, за некоторыми исключениями, были практически идентичными и почти совпадающими количественно – 56 статей, объединенных в 11 глав в Кодексе, и 40 статей, объединенных в 9 глав в Указе.

Особенная часть Указа Президента «О выборах в Республике Казахстан» посвящена правовому регулированию процедуры проведения выборов Президента, депутатов Сената и Мажилиса Парламента, маслихатов и членов органов местного самоуправления. Установлено, что очередные выборы Президента проводятся раз в пять лет в декабре соответствующего года (ст. 51). Кандидат в Президенты должен соответствовать требованиям п. 2 ст. 42 Конституции РК. Кроме того, он не должен быть служителем какого-либо культа и иметь судимость. Введена проверка уровня свободного владения государственным языком (ст. 54). Право выдвижения кандидатов на должность Президента предоставлено общественным объединениям и гражданам путем самовыдвижения. При этом предусмотрена поддержка кандидата не менее чем 2% от общего числа избирателей, равномерно представляющих не менее двух третей областей, города республиканского значения и столицу Республики (ст. 55).

Выдвижение кандидатов в депутаты Сената по Указу о выборах производится на сессиях маслихатов их депутатами и в порядке самовыдвижения. При этом кандидат должен быть поддержан не менее чем 10% голосов от общего числа выборщиков, представляющих все маслихаты области, маслихат города республиканского значения или столицы Республики. Избранным считается кандидат, получивший более 50% голосов выборщиков, участвовавших в голосовании (ст. 72).

В отличие от выдвижения кандидатов в депутаты Сената, будущие депутаты Мажилиса выдвигаются республиканскими и местными общественными объединениями и гражданами – путем самовыдвижения (ст. 87). При этом кандидат в депутаты Мажилиса вносит избирательный взнос в стократном размере минимальной заработной платы, который вне зависимости от итогов выборов кандидату не возвращается (ст. 88). Это правило, видимо, установлено с целью оградить выборные кампании от необоснованных и легкомысленных притязаний на депутатский мандат. В условиях экономического кризиса середины 1990-х гг. риск потерять внесенную сумму мог быть серьезным фактором, удерживающим самовыдвиженцев от неразумных действий. Избранным считался кандидат, набравший более 50% голосов избирателей, участвовавших в голосовании (ст. 97).

Выборы депутатов маслихатов всех уровней проводятся одновременно, причем они не могут совпадать по срокам с выборами Президента, депутатов Сената и Мажилиса Парламента. Право выдвижения кандидатов предоставлено общественным объединениям, а также гражданам – в порядке самовыдвижения. Эта норма призвана стимулировать политическую активность политических партий и других общественных организаций на местном уровне. Но, как показывает практика, не все общественные объединения проявляют интерес к представительной власти на местном уровне, эпизодически повышая свою политическую активность лишь в период избирательных кампаний по выборам в Мажилис.

Первые выборы в профессиональный Парламент, учрежденный Конституцией РК 1995 г., состоялись

в декабре того же года на основе Указа о выборах. В них приняли участие более 30 партий и общественных объединений, выдвинувших 157 кандидатов в депутаты Мажилиса, из которых 63 стали обладателями депутатских мандатов. Хороший показатель, если иметь в виду, что численность депутатов Мажилиса в тот период составляла 67 человек. Наибольшее количество мест получили выдвиженцы от ПНЕК – 27, ДПК – 12 и Аграрного союза Казахстана – 7.

По конституционной реформе 1998 г. был осуществлен переход к смешанной избирательной системе, о чем свидетельствует поправка в Конституцию об избрании десяти депутатов Мажилиса по партийным спискам по системе пропорционального представительства (ст. 50). При этом распределение депутатских мандатов производится между партиями, набравшими не менее 7% голосов избирателей, участвовавших в голосовании (ст. 51).

В декабре 1999 г. впервые прошли выборы в Мажилис с использованием смешанной избирательной системы. В выборах по партийным спискам приняли участие 9 партий. Выдвинули своих кандидатов по одномандатным округам 10 партий [8]. 7%-ный барьер смогли преодолеть следующие партии: президентская партия «Отан» получила 30,89% голосов, Коммунистическая партия Казахстана – 17,75%, Аграрная партия Казахстана – 11,23%. Оппозиционные партии не смогли преодолеть 7%-ный барьер. Фактор экономического роста снизил потенциал радикальной оппозиции, ограничив возможности аргументированно критиковать правительственный курс по экономическому блоку вопросов.

19 сентября 2004 г. состоялись выборы депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан третьего созыва. Официальные итоги выборов, по данным ЦИК, были следующими: 7%-ный барьер преодолели три политические партии и один избирательный блок: Республиканская политическая партия «Отан» – 60,61%, Демократическая партия Казахстана «Ақ жол» – 12,04%, Республиканская партия «Асар» – 11,38%, Избирательный блок «АИСТ» – 7,07%. Таким образом, согласно ст. 97-1 Конституционного закона «О выборах в Республике Казахстан», Республиканская политическая партия «Отан» получила 7 депутатских мандатов, Демократическая партия Казахстана «Ақ жол» – 1 мандат, Республиканская партия «Асар» – 1 мандат, избирательный блок «АИСТ» – 1 мандат [9. С. 104]. Кроме того, Конституционный Закон о выборах дополнен принципиально важным положением о создании избирательного блока, включающего политические партии, участвующие в выборах (п. 2-2 ст. 87).

Конституционной реформой 2007 г. предусмотрены отказ от мажоритарной системы и полный переход к пропорциональной системе формирования Мажилиса. При этом число депутатов Мажилиса устанавливалось в 107 человек, из которых 98 депутатов избирались по партийным спискам, а 9 депутатов – Ассамблеей народа Казахстана. Эти и другие положения обновленной Конституции РК стали основанием для внесения изменений и дополнений в Конституционный Закон о выборах [10, 11].

Стремлением приблизить выборные процедуры к международным стандартам вызвано введение в Конституционный Закон о выборах новой статьи, посвященной правомочиям международных наблюдателей и иностранных средств массовой информации (ст. 28-2) по контролю за выборами. На основе этих изменений в Конституции и законодательстве о выборах 18 августа 2007 г. состоялись выборы в Мажилис, особенностью которых стало широкое использование методов западных пиар-технологий в избирательной кампании, в частности участие партий в открытых теледебатах. В выборах участвовали семь политических партий. Однако только Народно-демократическая партия «Нур Отан» смогла преодолеть 7%-ный барьер.

Высокую оценку этим выборам дала Миссия наблюдателей от Шанхайской Организации Сотрудничества,

отметив, что они «были легитимными, свободными и открытыми и в целом соответствовали требованиям национального законодательства Республики Казахстан и принятым международным обязательствам, а технические недостатки, выявленные в ходе выборов, в целом не могли оказать существенного влияния на их общие результаты» [12].

Таким образом, практически сформировался однопартийный Парламент при девяти депутатах, избранных Ассамблеей народа Казахстана. Политическая принадлежность этих депутатов не влияла на партийную структуру Мажилиса, так как они были не вправе создавать партийную фракцию. Сложилась непрогнозируемая, хотя теоретически возможная ситуация партийной монополии в Мажилисе, которая могла иметь негативные политические последствия.

Список источников

1. История Казахстана : с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Алматы : Атамұра, 2009. Т. 4. 768 с.
2. Ауанасова А.М. Национальная интеллигенция Туркестана в первой четверти XX века. Алматы : Қазақ университеті, 2001. 262 с.
3. Аяган Б., Ауанасова А., Нурпеисов Е. Смутное время. Неизвестные страницы известной истории. Алматы : Литера-М, 2017. 320 с.
4. О создании Комиссии по подготовке проекта Конституционного закона «О Верховном Совете Республики Казахстан» : постановление Координационного Совета Верховного Совета Республики Казахстан № 57 от 09.07.1994 // Национальный архив Республики Казахстан (НА РК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 320. Л. 22–25.
5. Аяган Б., Ауанасова А. Нурсултан Назарбаев и казахстанская модель строительства государства (исторический аспект). Алматы : Литера-М, 2012. 256 с.
6. О взаимодействии Президента Республики Казахстан с государственными органами республики : указ Президента Республики Казахстан № 1862 от 12.09.1994 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан / М-во юстиции Республики Казахстан, Ин-т законодательства и правовой информации. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U940001862>
7. О выборах в Республике Казахстан : указ Президента Республики Казахстан № 2464 от 28.09.1995 // НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 447ж. Л. 226–306.
8. Информация о ходе регистрации кандидатов в депутаты Мажилиса Парламента Республики Казахстан (на 6 октября 1999 года) // Архив Президента РК. Ф. 54. Оп. 6/1. Д. 1010. Л. 1–9.
9. Бурханов К., Султанов Б., Аяган Б. Современная политическая история Казахстана (1985–2006 гг.). Алматы : Ин-т истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2006. 258 с.
10. О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан» : конституционный закон Республики Казахстан № 268-III от 19.06.2007 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан / М-во юстиции Республики Казахстан, Ин-т законодательства и правовой информации. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000268>
11. О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О Парламенте Республики Казахстан и статусе депутатов» : конституционный закон Республики Казахстан № 266-III от 19.06.2007 // Казахстанская правда. 2007. 21 июня. № 93 (25338).
12. Заявление Миссии наблюдателей от Шанхайской Организации Сотрудничества на выборах депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан // НА РК. Ф. 3. Оп. 1 (прод.). Д. 870. Л. 59–61.

References

1. Kozybaev, M.K. (ed.) (2009) *Istoriya Kazakhstana: s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Kazakhstan: From Ancient Times to the Present Day]. Vol. 4. Almaty: Atamұra.
2. Auanasova, A.M. (2001) *Natsional'naya intelligentsiya Turkestana v pervoy chetverti XX veka* [The national intelligentsia of Turkestan in the first quarter of the twentieth century]. Almaty: Қазақ университети.
3. Ayagan, B., Auanasova, A. & Nurpeisov, E. (2017) *Smutnoe vremya. Neizvestnye stranitsy izvestnoy istorii* [The Time of Troubles. Unknown pages of Known History]. Almaty: Litera-M.
4. Kazakhstan. (1994a) *O sozdaniy Komissii po podgotovke proekta Konstitutsionnogo zakona "O Verkhovnom Sovete Respubliki Kazakhstan" : postanovlenie Koordinatsionnogo Soveta Verkhovnogo Soveta Respubliki Kazakhstan № 57 ot 09.07.1994* [On the establishment of the Commission for the preparation of the draft Constitutional Law "On the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan": Resolution of the Coordinating Council of the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan No. 57 of 07/09/1994]. The National Archive of the Republic of Kazakhstan (NA RK). Fund 2. List 1. File 320. pp. 22–25.
5. Ayagan, B. & Auanasova, A. (2012) *Nursultan Nazarbaev i kazakhstanskaya model' stroitel'stva gosudarstva (istoricheskiy aspekt)* [Nursultan Nazarbayev and the Kazakh model of state building (a historical aspect)]. Almaty: Litera-M.
6. Kazakhstan. (1994b) *O vzaimodeystvii Prezidenta Respubliki Kazakhstan s gosudarstvennymi organami respubliki: ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan № 1862 ot 12.09.1994* [On the interaction of the President of the Republic of Kazakhstan with the state bodies of the republic: Decree No. 1862 of the President of the Republic of Kazakhstan of December 9, 1994]. [Online] Available from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U940001862>
7. Kazakhstan. (1995) *O vyborakh v Respublike Kazakhstan: ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan № 2464 ot 28.09.1995* [On elections in the Republic of Kazakhstan: Decree No. 2464 of the President of the Republic of Kazakhstan dated September 28, 1995]. The National Archive of the Republic of Kazakhstan (NA RK). Fund 2. List 1. File 447zh. pp. 226–306.
8. Kazakhstan. (1999) *Informatsiya o khode registratsii kandidatov v deputaty Mazhilisa Parlamenta Respubliki Kazakhstan (na 6 oktyabrya 1999 goda)* [Information on the process of registration of candidates for deputies of the Majilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan (as of October 6, 1999)]. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan. Fund 54. List 6/1. File 1010. pp. 1–9.
9. Burkhanov, K., Sultanov, B. & Ayagan, B. (2006) *Sovremennaya politicheskaya istoriya Kazakhstana (1985–2006 gg.)* [Modern political history of Kazakhstan (1985–2006)]. Almaty: Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology.
10. Kazakhstan. (2007a) *O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Konstitutsionnyy zakon Respubliki Kazakhstan "O vyborakh v Respublike Kazakhstan": konstitutsionnyy zakon Respubliki Kazakhstan № 268-III ot 19.06.2007* [On amendments and additions to the Constitutional Law of the Republic

of Kazakhstan “On Elections in the Republic of Kazakhstan”: Constitutional Law No. 268-III of the Republic of Kazakhstan dated June 19, 2007]. [Online] Available from: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000268_

11. Kazakhstan. (2007b) О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан “О Парламенте Республики Казахстан и статусе депутатов”: конституционный закон Республики Казахстан № 266-III от 19.06.2007 [On amendments and additions to the Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan “On the Parliament of the Republic of Kazakhstan and the status of deputies”: Constitutional Law No. 266-III of the Republic of Kazakhstan dated June 19, 2007]. *Kazakhstanskaya pravda*. 21st June.
12. Kazakhstan. (n.d.) *Zayavlenie Missii nablyudateley ot Shangkhayskoy Organizatsii Sotrudnichestva na vyborah deputatov Mazhilisa Parlamenta Respubliki Kazakhstan* [Statement of the Mission of observers from the Shanghai Cooperation Organization in the elections of deputies of the Majilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan]. The National Archive of the Republic of Kazakhstan (NA RK). Fund 3. List 1 (cont.). File 870. pp. 59–61.

Сведения об авторах:

Ауанасова Алима Мусировна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Отдела истории социально-экономического развития Казахстана Института истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республика Казахстан (Астана, Казахстан). E-mail: auanasova_a@mail.ru

Нурпеисов Еркеш Калиевич – кандидат юридических наук, профессор Казахского национального университета (КазНУ) им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан). E-mail: nurela@ya.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Auanasova Alima M. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the History of Socio-Economic Development of Kazakhstan of the Institute of State History of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan). E-mail: auanasova_a@mail.ru

Nurpeisov Yerkes K. – Candidate of Legal Sciences, Professor at the Al-Farabi Kazakh National University (KazNU) (Almaty, Kazakhstan). E-mail: nurela@ya.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.12.2018; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 21.12.2018; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья

УДК 323/325 (410)''1958''

doi: 10.17223/19988613/83/11

Расовые протесты в Ноттинг-Хилле и Ноттингеме 1958 г. в контексте развития правых сил Великобритании

Анастасия Васильевна Вячистая

Томский государственный университет, Томск, Россия, nastyamun@mail.ru

Аннотация. Рассматривается один из малоизученных сюжетов британской послевоенной истории – расовые беспорядки в Ноттинг-Хилле и Ноттингеме в 1958 г. На основе материалов Палаты Общин, Палаты Лордов, заседаний кабинета министров, мемуаров определяется роль правых групп давления в данных событиях. Формулируется вывод, что, несмотря на первичное увеличение численности, правые группы в силу внутренних противоречий не смогли в полной мере воспользоваться политическими дивидендами от указанных выступлений, что, в свою очередь, ознаменовало необходимость изменения тактики их взаимодействия с правительством страны.

Ключевые слова: расовые протесты в Ноттинг-Хилл и Ноттингеме, расовый вопрос, «Лига защиты белых», «Лига имперских лоялистов», О. Мосли, Великобритания

Для цитирования: Вячистая А.В. Расовые протесты в Ноттинг-Хилле и Ноттингеме 1958 г. в контексте развития правых сил Великобритании // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 79–86. doi: 10.17223/19988613/83/11

Original article

Racial protests in Notting Hill and Nottingham in 1958 in the context of the development of the right-wing forces of Great Britain

Anastasiya V. Vyachistaya

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, nastyamun@mail.ru

Abstract. This article presents the development of the right-wing forces of Great Britain in the context of racial protests in Notting Hill and Nottingham in 1958. The aim of the study is to determine the impact of the events in Notting Hill and Nottingham in 1958 on the development of right-wing pressure groups. In the article, the author analyses the causes and prerequisites of racial demonstrations, describes the activities of the main right-wing groups (Oswald Mosley's Union Movement, the White Defence League, the League of Empire Loyalists). The researcher also pays attention to the activities of right-wing pressure groups during the riots in Notting Hill and Nottingham. The author analyses how the events of the racial protests of 1958 influenced the development of right-wing pressure groups.

The source base of the study includes debates of the House of Commons and the House of Lords, memoirs, correspondence, leaflets, proclamations, and materials of the periodical press.

Late into August 1958, mass racial violence was perpetrated by whites against black people in two areas of Britain: Nottingham and Notting Hill. The underlying causes were many, but important problems include the housing crisis, racism, and unemployment. Also, we can note that besides overcrowded, poor quality housing, immigrants faced a "colour bar"-racist discrimination in employment and public places. Right-wing forces, such as Oswald Mosley's Union Movement, the White Defence League, the League of Empire Loyalists, which were active in Notting Hill, tried to use the racial protection due to improve the situation in the political arena of the United Kingdom. They supported the rebels. Right-wing pressure groups also held various anti-immigration rallies and marches. Right-wing leaders emphasised the destructive nature of migrants.

We can note several consequences of the racial riots in Notting Hill and Nottingham for the right-wing forces. Foremost, right-wing pressure groups have increased the number of supporters. However, the right-wing forces could not develop success. The increase in the number of members of the White Defence League, the League of Empire Loyalists, revealed various internal problems in these organizations. As a result, we can note that there has been a decline in the right-wing movement since 1959. Nevertheless, the events of the racial protest demonstrated the need for a different strategy of interaction between right-wing pressure groups and the British government.

Keywords: racial protests in Notting Hill and Nottingham, race issue, White Defence League, League of Empire Loyalists, O. Mosley, Great Britain

For citation: Vyachistaya, A.V. (2023) Racial protests in Notting Hill and Nottingham in 1958 in the context of the development of the right-wing forces of Great Britain. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 79–86. doi: 10.17223/19988613/83/11

Введение

25 октября 2022 г. в истории современной Великобритании состоялось беспрецедентное событие – новым премьер-министром страны стал консерватор, потомок индийских мигрантов Р. Сунак. С одной стороны, назначение главой правительства «цветного» гражданина должно было продемонстрировать демократизм Соединенного Королевства, отказ от расовых предрассудков и отсутствие «стеклянного потолка» в отношении мигрантов и их потомков. Стоит отметить, что начиная со второй половины 2010-х гг. потомки мигрантов из бывших колониальных стран получают все больше назначений на высокие должности Великобритании. Так, с 2016 г. мэром Лондона является выходец из пакистанской семьи С. Хан, министром внутренних дел в премьерство Б. Джонсона была назначена П. Пател – ее родители мигрировали из Индии, а Р. Сунак в 2019 г. получил пост главного секретаря казначейства Великобритании. Тем не менее эти назначения во многом являются «исключениями из правил», подчеркивая сохранение расового вопроса в стране. Современный этап развития расовой проблемы неразрывно связан с событиями прошлого – началом процессов деколонизации и массовой миграции второй половины XX в., вскрывших основные этнические и культурные противоречия между местными жителями и приехавшими мигрантами. В особенности жесткая антииммиграционная риторика была характерна для правых групп давления, подчеркивавших непреодолимую «пропасть» между «белым» населением страны и «цветными» иностранцами. Одним из наиболее резонансных событий, участие в котором приняли правые организации, являлись расовые беспорядки в двух пригородах Лондона – Ноттинг-Хилле и Ноттингеме – в августе–сентябре 1958 г. В связи с этим целью исследования является определение влияния событий в Ноттинг-Хилле и Ноттингеме 1958 г. на развитие правых групп давления.

Причины и предпосылки расовых выступлений в Соединенном Королевстве

Принятие в 1948 г. «Акта о британском гражданстве» позволило населению колоний и Содружества беспрепятственно въезжать на территорию Великобритании. Этим шансом воспользовались граждане Карибского бассейна, Индии и Пакистана, недовольные качеством и уровнем жизни на их родине. В частности, они считали, что миграция в Великобританию будет шансом улучшить жилищные условия и материальное благополучие. Зачастую приезжавшие иностранцы не имели должной квалификации и устраивались на самые низшие должности.

Дальнейшее экономическое развитие страны обозначило потребность государства в высококвалифицированных кадрах, которые могли бы управлять технически

сложным оборудованием. Вполне закономерно, что в 1950-х гг., в условиях повышения уровня мастерства сотрудников и технологического развития предприятий, необходимость в низкоквалифицированных кадрах, представленных мигрантским сообществом, постепенно снижалась [1. Р. 48–53; 2. Р. 342–346]. Сложившаяся ситуация в первую очередь повлияла на трудоустройство иностранцев, большая часть которых не имела должного уровня образования и квалификации, чтобы претендовать на более высокие должности. В результате усилилась проблема безработицы среди выходцев из стран Содружества. Показательно, что если в 1956 г. Британский железнодорожный центр в Лондоне трудоустроил около 3 тыс. «цветных» мигрантов, то в следующем году работу смогли получить только 700 человек. В 1958 г. тенденция продолжилась – в центр были приглашены только 300 будущих сотрудников [3, 4].

Тем не менее, несмотря на рост безработицы среди прибывших мигрантов, количество въезжающих в страну иностранцев непрерывно возрастало. Доминирующими регионами миграции оставались страны Восточной Индии, Индия и Пакистан. Причинами миграций из стран Карибского бассейна или Южной Азии являлись социально-экономические условия, вынуждающие жителей покидать родные земли в поисках работы на новых территориях.

Помимо этого, с ростом количества мигрантов обострился расовый вопрос при трудоустройстве. В частности, как отмечает Ф. ван Хартесвелдт, профсоюзы стремились заключать сделки с работодателями, ограничивающие возможность найма и дальнейшего карьерного роста «цветных» рабочих. В таких документах указывалось, что «цветные» иностранцы не могут занимать руководящие должности, а при конкуренции между гражданином Великобритании и жителем Содружества руководитель должен выбрать первого [5. Р. 126–128]. Эти договоренности обосновывались «заботой о клиентах», поскольку директора предприятий полагали, что покупатели и партнеры фирмы были бы против принятия «слишком большого числа иностранцев» [5. Р. 127–130]. На фоне возрастающего числа проявлений «трудового расизма» часть приехавших граждан стремилась к самозанятости – открытию небольших фирм и предприятий, основными потребителями которых становились их земляки-мигранты [5. Р. 127–130; 6]. Однако, несмотря на попытки отдельных индивидов организовать собственные фирмы на территории Великобритании, большая часть мигрантов находилась за чертой бедности.

Рост количества приехавших иностранцев вкупе с усилением безработицы способствовал перенаселению отдельных районов и кварталов, причем приезжающие мигранты стремились селиться в промышленных районах города, где было легче найти работу. В частности, это обстоятельство привело к тому, что за 10–12 лет в районах Ноттинг-Хилл, Ноттингем

и Северном Кенсингтоне образовалась крупная община иммигрантов – бывших жителей Барбадоса и Тринидада [7. Р. 137]. Эти кварталы со временем оказались переполненными – темпы строительства социального жилья не успевали за растущим количеством иностранцев в стране. Закономерно, что на фоне нехватки жилья условия жизни в мигрантских кварталах постепенно ухудшались – территории криминализировались и становились рассадником различных заболеваний [8; 9; 10. Р. 173–175; 11. Р. 267–270].

Культурные, религиозные и этнические различия обуславливали восприятие мигрантов гражданами Соединенного Королевства как «чужих». Формирование устойчивой дихотомии «мы–они», во-первых, привело к осложнению процесса социализации иностранцев в новом обществе, а во-вторых, подчеркнуло проблемы в межрасовом и межэтническом взаимодействии [12. С. 145–148]. Различные паттерны поведения определяли непонимание и неприятие между гражданами. В частности, местные жители были возмущены скученностью и антисанитарией мигрантских кварталов, в то время как приехавшие иностранцы отмечали разочарованность в бывшей метрополии [5. Р. 130–134; 10. Р. 175–177; 13; 14]. Изначально прибывшие из стран Карибского бассейна граждане полагали, что за годы пребывания в составе великой империи они уже стали «британцами», если не по рождению, то по социальным установкам и знанию языка. Однако прохладный прием, оказанный им жителями Великобритании, был одним из поводов разочарования в империи и изменения своего отношения к ней.

В особенности мигранты подчеркивали, что даже при наличии образования и высокой квалификации отношение со стороны местных жителей продолжало оставаться негативным, что отражалось в сложностях при поиске жилья и работы для приехавших граждан. Показателен эпизод, изложенный в распространенной среди «цветного» населения листовке «Где я могу жить» [15]. В тексте представлен рассказ о жителе Тринидада Джозефе (фамилия не указывалась), который получил высшее юридическое образование и приехал для заработка в Соединенное Королевство. Большая часть рассказа была посвящена описанию поиска жилья в Лондоне. В частности, главный герой подчеркивает, что, совершив более десятка звонков, он получил ответ только от одного арендодателя, который «нехотя, но согласился рассмотреть вариант проживания “цветного” гражданина в их квартире». При этом, как подчеркнул Джозеф, жилье представляло собой небольшую кладовку, которая была «одним из самых ужасных мест, встречавшихся ему когда-либо». В конце повествования содержится любопытная деталь – при первичном согласии со стороны «цветного» Джозефа арендовать квартиру хозяин имущества, стремясь минимизировать общение с «цветными» гражданами, заявил, что выставляет квартиру на продажу [15]. Данный кейс отображает общее неприятие британским обществом «цветного» населения.

Безработица, перенаселенность мигрантских кварталов, бедность и массовые болезни стали основными причинами нарастающих межэтнических и межрасо-

вых конфликтов между мигрантами и местными жителями. Также замедление темпов экономического роста к 1958 г. обострило опасения местных жителей, что «мигранты отнимут у них рабочие места» [16. Р. 214–218]. Этими настроениями воспользовались правые группы давления, которые в своей пропаганде использовали основные мифы о мигрантах, подчеркивая их деструктивную и разрушительную роль. В частности, помимо проблем с трудоустройством, общества также сфокусировали свою критику на повышенной криминализации «мигрантских гетто» и массовых эпидемиях в этих районах.

Наибольший резонанс в листовках правых групп получила ситуация с выделением государством пособий для 15 тыс. безработных мигрантов [5. Р. 128–130; 10. Р. 180–183]. Дело в том, что система национального страхования гарантировала государственную помощь в виде пособий по безработице как британцам, так и гражданам Содружества, находящимся на территории Великобритании. Особенностью законодательства, разработанного лейбористским кабинетом К. Эттли в 1945–1951 гг., являлось то, что прибывший «цветной» рабочий еще не мог вносить средства в фонд страхования, однако уже имел право на еженедельные выплаты от правительства. Поэтому одобрение выплат со стороны правительства в контексте ухудшающейся экономической обстановки вызвало негодование со стороны правых групп давления и местных жителей [5. Р. 128–130; 17].

Другим событием, способствовавшим активизации деятельности правых групп давления, стало решение правительства Г. Макмиллана от 1 июля 1958 г. не принимать новый иммиграционный законопроект [10. Р. 184–186]. Отказ правительства в решении миграционного вопроса руководство правых сил восприняло как трусость и предательство. Данная мера способствовала оживлению деятельности правых групп в промышленных пригородах Лондона летом 1958 г., в особенности в Ноттинг-Хилле и Ноттингеме.

Соответственно, в основе расовых беспорядков лежал комплекс социально-экономических проблем населения, винувших мигрантов в ухудшении своего положения, что отразилось на осложнении межкультурного взаимодействия между местными жителями и приехавшими из стран Карибского бассейна мигрантами. Копившееся на протяжении 1950-х гг. общественное недовольство было подстегнуто действиями правых групп давления, стремящихся к усилению собственного влияния среди населения.

Деятельность правых групп давления в преддверии протестов в Ноттинг-Хилле весной–летом 1958 г.

Рост социального недовольства в рабочих кварталах Лондона и резкие антииммиграционные настроения среди местного населения способствовали все большему оживлению правых групп давления. К середине 1958 г. наиболее влиятельными являлись несколько организаций – «Лига имперских лоялистов», «Лига защиты белых» и «Профсоюзное движение». Поскольку целью статьи заявлено определение влияния расо-

вых протестов 1958 г. на развитие правых групп давления, необходимо кратко обозначить основные цели и направления деятельности каждой из правых организаций.

Одним из самых многочисленных сообществ являлась «Лига имперских лоялистов» (далее – «Лига лоялистов»), подчеркивавшая разрушительную силу мигрантов как для Британской империи, так и для культурного наследия нации. Общая численность группы (в Лондоне и его пригородах) насчитывала около 3 тыс. человек. Поддержку руководителю организации А.К. Честертону оказывали тори, член Палаты Общин С. Осборн, заявивший в 1958 г., что к середине 1970-х гг. в Британии будет 6 млн «цветных» мигрантов [18]. Также с благосклонностью к «Лиге имперских лоялистов» относился консерватор, член парламента лорд Солбери Р. Гаскойн-Сесил, известный дружественными связями с руководством периодического издания «Таймс» [19; 20. Р. 99–105]. Сторонники «Лиги лоялистов» распространяли листовки и буклеты, маргинализирующие образ приехавших иностранцев и подчеркивающие «вынужденные страдания британских граждан от взаимодействия с мигрантами». В воззваниях, посвященных роли мигрантов в британской экономике, А.К. Честертон педалировал тезис о том, что мигранты отнимают рабочие места у коренных жителей Великобритании [20. Р. 100–102; 21. Р. 270–275; 22].

Второй по численности была созданная в 1957 г. правая организация «Лига защиты белых» (далее – «Лига»). Группа придерживалась более правых позиций, чем «Лига лоялистов», и получала финансирование со стороны жены известного фашиста А. Лиза – М. Лиз. На выделенные средства лидеры организации К. Джордан и Дж. Тиндалл издавали специальную расистскую брошюру «Черные и белые новости», тираж которой в среднем составлял около 800 экземпляров [3. Р. 200–203; 5. Р. 130–134]. Если в основе идеологии «Лиги лоялистов» лежали положения о стремлении сохранить британскую идентичность и культуру, то главной задачей К. Джордана являлась попытка сохранить «белую британскую нацию». «Лига» обвиняла организацию А.К. Честертон в излишней консервативности и попытке выстроить отношения с руководством консервативной партии, полагая, что «истинные организации, направленные на сохранении британской расы, должны искать союзников за рубежом, а не заискивать перед властью». Летом 1958 г. «Лига» увеличила тираж своих печатных изданий, в особенности листовок «Черные и белые новости», в которых провозглашала, что грозящие сокращения осенью 1958 г. затронут исключительно британских граждан, а не мигрантов из стран Содружества.

Меньшую активность проявляло основанное в 1948 г. «Профсоюзное движение» – попытка О. Мосли, основателя «Британского союза фашистов», вновь вернуться на политическую арену страны. Политик выступал за «европейский национализм» и полагал, что мигранты подрывают основу не только британской культуры, но и всей европейской цивилизации. В отличие от других правых групп организация О. Мосли не имела собственного печатного издания и во многом являлась

сравнительно небольшим клубом сторонников европейского национализма. Помимо «Профсоюзного движения» политик поддерживал другое объединение – «Тедди Бойз», основатели которого придерживались националистских воззрений [23; 24. Р. 136–154]. Однако это общество представляло собой разрозненные молодежные клубы, объединенные общей идеологией – крайней нетерпимостью к «цветным», определяя их недостойными права находиться на территории Соединенного Королевства.

Несмотря на декларируемые различия в целях и степени радикальности правых групп, основная деятельность обозначенных сообществ была сконцентрирована на попытке расширить собственное представительство в рабочих районах столицы и увеличить численность организации, что впоследствии позволило бы лидерам групп выдвинуть свои кандидатуры на местных или всеобщих выборах. Активизация правой пропаганды летом 1958 г. имела целью увеличение числа сторонников организаций и не подразумевала подготовку массовых волнений на расовой почве. Поэтому для представителей «Лиги имперских лоялистов», «Лиги защиты белых» и «Профсоюзного движения» начавшиеся погромы и выступления против приезжих мигрантов стали неожиданностью.

Правые группы давления во время протестов в Ноттинг-Хилле и Ноттингеме в 1958 г.: инициаторы эскалации расового протеста или «выразители народных интересов»?

В историографии дата начала антииммиграционных волнений в двух пригородах Лондона – Ноттинг-Хилле и Ноттингеме – варьирует от 20 и 23 августа до событий 29 числа этого месяца. Такое расхождение можно объяснить тем, что с 20 августа на протяжении недели в данных районах проходили мелкие стычки между отдельными бандами молодежной организации «Тедди Бойз» и представителями мигрантского сообщества. Эти столкновения не выходили за рамки локальных происшествий и в силу местечкового характера не могли привлечь внимание широкой публики. Поводом для начала массовых погромов стал случай у станции метро «Латимер-роуд» в районе Ноттинг-Дейл. Там 29 августа шведка М. Моррисон громко ругалась со своим мужем – мигрантом с Ямайки Р. Моррисоном [25. Р. 29]. В силу расовой составляющей этот конфликт достаточно быстро привлек к себе внимание со стороны окружающих. К семейному спору подключились представители «Тедди Бойз», полагавшие, что их долг защитить «белую» женщину от нападков «цветного» мигранта. К завязавшейся потасовке присоединились как другие участники правых сил, так и мигранты, полагавшие необходимым защитить собственные интересы от праворадикальной молодежи. Как отмечают исследователи, информация об этом инциденте в скором времени распространилась по окрестности, спровоцировав поддержку со стороны местного населения участников «Тедди Бойз» [25. Р. 29].

Вечером этого дня состоялось второе нападение на М. Моррисон – ее узнала разгневанная толпа, когда она

шла домой по одной из улиц Ноттинг-Хилла. Реакция антииммиграционно настроенных граждан не заставила себя ждать – практически сразу представители «Тедди Бойз» и «Лиги защиты белых» кинулись следом за ней, обвиняя ее в «предательстве белой расы» [23; 24. Р. 136–140]. Попытка женщины вызвать полицию произвела обратный эффект: вместо усмирения разбушевавшейся толпы, требовавшей смерти или депортации приехавших мигрантов, сотрудники правоохранительных органов, наоборот, арестовали гражданку. Этот шаг был расценен протестующими как поддержка со стороны полиции, в результате чего число сторонников восстания увеличилось до четырех сотен человек [3. Р. 200–203; 5. Р. 130–134; 23]. Также в ночь с 29 на 30 августа оформился основной лозунг протестующих «Сохраним Британию белой».

На следующий день волнения и беспорядки перекинулись на другой район Лондона – Ноттингем. Как отмечает Э. Доусон, жители других пригородов поддерживали расистские выступления, зачастую участвуя в них на стороне «белых» британских граждан [25. Р. 29]. На протяжении последующей недели были разгромлены основные фирмы и предприятия, принадлежащие выходцам из стран Вест-Индии, Индии и Пакистана. Помимо этого, нападению подверглись съемные квартиры иностранцев и принадлежащее им социальное жилье. Беспорядки продолжались до 5 сентября, когда они были подавлены властями. Стоит отметить, что примерная численность участников протеста оценивается в районе 4 тыс. человек, в то время как задержанными оказались только 140 граждан [26].

Практически с самого начала расовых выступлений в Ноттинг-Хилле и Ноттингеме правые группы давления принимали в них активное участие. Так, «Тедди Бойз» изначально спровоцировали потасовку в метро и впоследствии поддерживали различные марши, пикеты и погромы, направленные против мигрантского сообщества. В скором времени подключилась другая организация – «Профсоюзное движение», распространявшая расистские листовки и проводившая митинги в этих районах. Как и большинство участников, «Движение» выступало против смешанных браков, считая их опасностью для последующего развития страны. В частности, получила распространение фраза одного из сторонников этой группы, отображающая основные ценностные установки протестов: «В будущем мы будем нацией полукровок. Впоследствии наша нация не будет обладать ни ритмом цветного человека, ни научным гением европейца. Единственное, что мы потом сможем делать – устраивать бунты» [25. Р. 29].

Основные направления деятельности «Лиги защиты белых» заключались как в раздаче листовок и проведении различных митингов и шествий, так и в агитации новых сторонников [27]. Руководитель организации К. Джордан продолжал выпускать «Черные и белые новости», агитируя население поддержать антииммиграционные волнения. Также в сентябре 1958 г. «Лига защиты белых» издала первый номер журнала «Борьба» (Combat), призывавшего к массовым протестам против «цветного» населения. Сходной стратегии придерживались и лидеры «Лиги имперских лоялистов»,

заяввшие более умеренную позицию, чем остальные правые группы. Деятельность А.К. Честертон была направлена на расширение собственной электоральной базы и обретение новых сторонников. «Умеренность» организации объяснима попытками лидеров общества обрести поддержку среди руководства консервативной партии и крупных периодических изданий. В этой связи любопытно, что первые сообщения о расовых беспорядках появились в издании, традиционно поддерживающем тори, – «Таймс», и в них вся вина за происшедшие погромы возлагалась исключительно на «цветных» жителей Великобритании. В частности, «Таймс» подчеркнула, что виновниками произошедшего являются мигранты из Вест-Индии, «чьи внезапные атаки в стиле “бей и беги” были подобны “спичке с порохом”» [28, 29]. Несмотря на расистские заголовки во время начала выступлений, впоследствии издание придерживалось более сдержанных оценок, в связи с чем достаточно сложно утверждать, инициировали ли эти заголовки А.К. Честертон и поддерживающие его консерваторы С. Осборн и Р. Гаскойн-Сесила, имевшие влияние на данные журналы тори, или они отображали имеющуюся у издательства информацию.

Осмысляя роль правых групп в начале расовых беспорядков, стоит отметить следующее. Резкая антииммиграционная пропаганда правых групп обнажила копившиеся годами межэтнические противоречия в британском обществе, последовательно обозначая приехавших граждан виновниками большинства социально-экономических проблем Великобритании. Сами того не предполагая, лидеры правых сил запустили «механизм» народных выступлений, спровоцировав одно из самых массовых волнений по расовому и миграционному вопросам во второй половине XX в. Однако, несмотря на использование популистских лозунгов и стремление продемонстрировать себя в качестве представителей «народной воли», правые группы способствовали дальнейшей эскалации конфликта и началу расовых протестов, которые, по их мнению, должны были стать своеобразным трамплином на политическую арену страны. Разыгрывание «расовой карты» понималось как один из политических инструментов, а начавшиеся восстания должны были продемонстрировать рост влияния правых организаций в стране.

В то же время правые силы не смогли воспользоваться результатами и возглавить протесты – на правом фланге страны не было внутренней консолидации, и каждая из групп предпочитала действовать в одиночку с опорой на собственные силы. Вполне закономерно, что при отсутствии единого лидера каждая из обозначенных выше организаций стремилась к увеличению численности и демонстрации собственной важности, что способствовало росту конфликтов как между этими группами, так и внутри них самих. В конце концов 5 сентября 1958 г. правительственные войска подавили восстание, которое к тому времени напоминало сеть рыхлых и неустойчивых общественных групп, выражающих недовольство в отношении приехавших иностранцев. В результате, с одной стороны, правые группы увеличили численность своих сторонников, с другой же – отсутствие единства привело к обостре-

нию междоусобных противоречий и последующему распаду движения.

Последствия восстаний 1958 г.: обсуждение иммиграционных законов и рост численности правых групп

Беспорядки Ноттинг-Хилле и Ноттингеме летом–осенью 1958 г. стали «водоразделом» для Соединенного Королевства. Прежде всего, они разрушили иллюзию метрополии о возможности избежать длительных массовых столкновений на расовой почве. Произошедшие протесты способствовали возобновлению обсуждения расового и миграционного вопросов среди политического сообщества и широкой общественности. Беспорядки произошли во время парламентских каникул, в результате чего первые осенние заседания кабинета министров и Палаты Общин были посвящены анализу произошедших событий и обсуждению различных попыток оптимизировать межэтнические взаимоотношения на территории Великобритании. Отметим, что министры практически сразу отвергли варианты поспешного введения нового законодательства – такой шаг мог бы как негативно сказаться на авторитете страны, так и спровоцировать дальнейшую эскалацию конфликта. Однако общий курс развития был уже задан – за основу нового законодательства был взят проект 1955 г., ограничивавший право въезда жителей Содружества в Великобританию [5. Р. 130–134; 30].

Дальнейшее увеличение числа мигрантов с 16 тыс. в 1959 г. до 43 тыс. в 1960 г. [31], проблема безработицы и нехватка социального жилья, – все это поставило правительство Г. Макмиллана перед необходимостью выработки новой иммиграционной политики и ее законодательного закрепления. Так, 23 ноября 1960 г. премьер-министр подчеркнул важность решения этой проблемы, обозначив, что больше нельзя полагаться на административные органы власти в странах Содружества [31]. Таким образом, расовые беспорядки 1958 г. предопределили принятие Закона об иммигрантах 1962 г., ограничившего возможность переезда на территорию бывшей метрополии из стран Содружества [32].

Еще одним следствием Ноттинг-Хилла и Ноттингема стал рост численности правых групп давления. Отмечая, что местные граждане становятся заложниками культурных привычек и особенностей «цветного» населения, «Лига имперских лоялистов» и «Лига защиты белых» привлекали новый электорат. Так, численность последней выросла в Лондоне и его пригородах практически в два раза, что составило примерно 2 тыс. зарегистрированных участников [20. Р. 167–170]. Помимо этого, сторонники этих организаций направляли письма в местные комитеты и профсоюзы, обосновывая необходимость «защиты британских граждан от необразованного “цветного” населения» [14].

Увеличилась и численность «Профсоюзного движения», которое к началу 1959 г. из небольшого кружка, посвященного европейскому национализму, превратилось в антииммиграционное движение [33]. Важную роль сыграл приезд О. Мосли в Лондон. В частности,

он отмечал, что произошедшие расовые беспорядки и последующий рост правых сил являются хорошим трамплином для дальнейшего восхождения на политическую арену страны. Поэтому бывший основатель «Союза британских фашистов» решил провести «самую активную послевоенную политическую кампанию», выставив свою кандидатуру на всеобщих парламентских выборах 1959 г. от округа Кенсингтон-Норт [34]. Сохраняя антииммиграционную риторику и обосновывая запрет смешанных браков, Мосли надеялся на успех новой предвыборной кампании. Однако по итогам голосования политик набрал только 7,6% голосов, что лишило его дальнейших надежд на возрождение своей фигуры на политическом олимпе Соединенного Королевства [35].

Соответственно, активное участие в расовых протестах, с одной стороны, способствовало росту численности правых групп давления, с другой же – вскрыло нерешенность вопросов внутреннего взаимодействия. Отсутствие выстроенной стратегии дальнейшего развития и поддержки со стороны других элементов политической системы Великобритании предопределило дальнейший спад правого движения.

Заключение

Анализируя динамику развития правых групп в контексте протестов 1958 г., стоит отметить следующее. Прежде всего, активизация деятельности правых сил способствовала началу массовых выступлений за счет перенаправления общественного недовольства с экономических проблем Соединенного Королевства на миграционный вопрос. Несмотря на то, что общая численность групп увеличилась, серьезных подвижек в отношении роли правых групп на политической арене страны не произошло. Более того, рост сторонников «Лиги имперских лоялистов», «Лиги защиты белых» и «Профсоюзного движения» обострил проблемы взаимодействия между «центром» и «периферией» этих организаций, а также поставил вопрос о целях, стратегии и методах дальнейшего развития. Отсутствие «ответа» на внешние и внутренние вызовы обусловило дальнейший спад правого движения, продемонстрировав внутреннюю слабость правых сил.

Фактически расовые протесты в Ноттинг-Хилле и Ноттингеме выступили своеобразным «вызовом» для правых организаций, который в краткосрочной перспективе придал им некоторый импульс в развитии. Однако на длинной дистанции оказалось, что эти общества в силу внутренних проблем оказались не готовы воспользоваться представившимся окном возможностей. В свою очередь, высветившиеся вследствие расовых выступлений внутренние противоречия стали «миной замедленного действия», повлекшей постепенную стагнацию и последовавшую за ней самоликвидацию этих организаций в 1960-х гг. Тем не менее надо отметить, что данные события не стали концом развития правой повестки в Великобритании – осознание бесперспективности конструирования оппозиции на локальном уровне (за счет создания сети организаций), правые лидеры решили обратиться к иной возможно-

сти влияния на политику Великобритании – путем лоббизма и аппаратного влияния.

Таким образом, протесты в Ноттинг-Хилле и Ноттингеме выступили не только деструктивным, но и

эволюционным фактором, позволившим правым силам методом проб и ошибок найти оптимальную форму отправления собственных интересов на британской политической арене.

Список источников

1. Krozewski G. Finance and Empire: The Dilemma Facing Great Britain in the 1950s // *The International History Review*. 1996. Vol. 18 (1). P. 48–69.
2. Kalachek E., Westebbe R. Rates of Unemployment in Great Britain and the United States, 1950–1960 // *The Review of Economics and Statistics*. 1961. Vol. 43 (4). P. 340–350.
3. II Racial Tension in Britain / Pakistan Institute of International Affairs // *Pakistan Horizon*. 1958. Vol. 11 (3). P. 200–203.
4. Draft report on “Employment of coloured workers in the Birmingham area”, 1956 // Warwick Digital Collections. URL: <https://mrc.epexio.com/records/TUC/A/10/800/31/10> (accessed: 21.10.2022).
5. Hartesveldt van F.R. Race and Political Parties in Britain, 1954–1965 // *Phylon*. 1983. Vol. 44 (2). P. 126–134.
6. Letter on the 'colour bar' in Britain, 21 Nov. 1954 // Warwick Digital Collections. URL: <https://mrc-catalogue.warwick.ac.uk/records/TUC/A/10/800/32/1> (accessed: 21.10.2022).
7. Paul K. Whitewashing Britain. Race and Citizenship in the Post-War Era. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1997. 276 p.
8. Coloured People in Nottingham: Report of a Conference convened... on March 17th 1956 // Warwick Digital Collections. URL: <https://cdm21047.contentdm.oclc.org/digital/collection/tav/id/4739> (accessed: 21.10.2022).
9. Race Relations in Britain (memorandum) // Warwick Digital Collections. URL: <https://cdm21047.contentdm.oclc.org/digital/collection/tav/id/4652> (accessed: 21.10.2022).
10. Dean D.W. Conservative Governments and the Restriction of Commonwealth Immigration in the 1950s: The Problems of Constraint // *The Historical Journal*. 1992. Vol. 35 (1). P. 171–194.
11. Schuster L., Solomos J. Race, immigration and asylum // *Ethnicities*. 2004. Vol. 4 (2). P. 267–287.
12. Хахалкина Е.В. Иммигранты в британском обществе: проблемы приема и интеграции в 1945–1951 гг. // *Вестник КемГУ*. 2015. № 3-2 (63). С. 145–150.
13. Report on “Problems of coloured people in London”, 27 Sep. 1955 // Warwick Digital Collections. URL: <https://mrc-catalogue.warwick.ac.uk/records/TUC/A/10/800/30/3> (accessed: 21.10.2022).
14. Letter attacking Trades Union Congress speeches following the Notting Hill riots, Sep 1958 // Warwick Digital Collections. URL: <https://mrc-catalogue.warwick.ac.uk/records/TUC/A/10/800/31/8> (accessed: 21.10.2022).
15. Newsletter. No 3. // Warwick Digital Collections. URL: <https://cdm21047.contentdm.oclc.org/digital/collection/tav/id/4932> (accessed: 21.10.2022).
16. Ellis D. “The Produce of More than One Country”: Race, Identity, and Discourse in Post-Windrush Britain // *Journal of Narrative Theory*. 2001. Vol. 31 (2). P. 214–232.
17. Hogsbjerg C. Notting Hill Riots, 1958. // Research gate. 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/335463900_Notting_Hill_Riots_1958 (accessed: 21.10.2022).
18. Debate on the Address [Second Day]: HC Deb 29 Oct. 1958. Vol. 594. Cc. 146–288 // *Historic-hansard*. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1958/oct/29/debate-on-the-address-second-day> (accessed: 21.10.2022).
19. Todd R. Robert Arthur James Gascoyne-Cecil 5th Marquess of Salisbury 1893–1972 // Royal Society Publishing. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/pdf/10.1098/rsbm.1973.0022> (accessed: 21.10.2022).
20. Pitchford M. The Conservative Party and the Extreme Right 1945–1975. Manchester : Manchester University Press, 2011. 385 p.
21. Macklin G. Transatlantic Connections and Conspiracies: A.K. Chesterton and “The New Unhappy Lords” // *Journal of Contemporary History*. 2012. Vol. 47 (2). P. 270–290.
22. Chesterton A.K., Leftwich J. The Tragedy of Antisemitism. London : R. Anscombe, 1948. 295 p.
23. Goulding S. ‘Neighbours are the Worst People to live beside’ The 1958 Notting Hill Riots as Dramatic Spectacle, Drama as Analysis // *Literary London*. URL: <http://literarylondon.org/the-literary-london-journal/archive-of-the-literary-london-journal/issue-8-1/neighbours-are-the-worst-people-to-live-beside-the-1958-notting-hill-riots-as-dramatic-spectacle-drama-as-analysis/> (accessed: 21.10.2022).
24. Morrison M. *Jungle West 11*. London : Tandem Books, 1964. 224 p.
25. Dawson A. “In the Big City the Sex Life Gone Wild” Migration, Gender, and Identity in Sam Selvon’s *The Lonely Londoners* // *Diasporic Culture and the Making of Postcolonial Britain*. P. 1–29.
26. Pressly L. The ‘forgotten’ race riot // BBC News. 2018. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/6675793.stm (accessed: 29.10.2022).
27. Curran J., Seaton J. *Power Without Responsibility: Press, Broadcasting and the Internet in Britain*. 5th ed. London : Routledge, 1997. P. 92–96.
28. Squamish Times: Thursday, September 4, 1958 // Squamish Library. URL: chrome-extension://efaidnbmninnbpcjpcjgclcfndmkaj/https://squamishlibrary.digitalcollections.ca/uploads/r/squamish-public-library/1/2/12101/19580904_Squamish_Times.pdf (accessed: 21.10.2022).
29. Daily Mirror. 30 Aug. 1958 // British Newspaper Archive. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/search/results/1958-08-30?NewspaperTitle=Daily%20Mirror&IssueId=BL%2F0000560%2F19580830%2F&County=London%2C%20England> (accessed: 21.10.2022).
30. Foot P. *Immigration and Race in British Politics*. London : Penguin Books, 1965. 253 p.
31. The Cabinet Papers 128/34 Original Reference CC 1 (60)-65 (60), 25 Nov. 1960 // The National Archives. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-128-34.pdf> (accessed: 21.10.2022).
32. Commonwealth Immigrants Act 1962 // Internet archive. URL: <http://web.archive.org/web/20110927012831/http://www.britishcitizen.info/CIA1962.pdf> (accessed: 21.07.2022).
33. Lewis D.S. *Illusions of grandeur: Mosley, fascism, and British society 1931–81*. Manchester : Manchester University Press, 1987. 302 p.
34. Oswald Mosley: Briton, Fascist, European // Oswald Mosley. URL: <https://www.oswaldmosley.com/briton-fascist-european/> (accessed: 29.10.2022).
35. General Election Results 1885–1979. // Election. URL: <http://www.election.demon.co.uk/geresults.html>, (accessed: 29.10.2022).

References

1. Krozewski, G. (1996) Finance and Empire: The Dilemma Facing Great Britain in the 1950s. *The International History Review*. 18(1). pp. 48–69.
2. Kalachek, E. & Westebbe, R. (1961) Rates of Unemployment in Great Britain and the United States, 1950–1960. *The Review of Economics and Statistics*. 43(4). pp. 340–350.
3. Pakistan Institute of International Affairs. (1958) II Racial Tension in Britain. *Pakistan Horizon*. 11(3). pp. 200–203.
4. UK. (1956) *Draft report on “Employment of coloured workers in the Birmingham area”*. Warwick Digital Collections. [Online] Available from: <https://mrc.epexio.com/records/TUC/A/10/800/31/10> (Accessed: 21st October 2022).
5. Hartesveldt van, F.R. (1983) Race and Political Parties in Britain, 1954–1965. *Phylon*. 44(2). pp. 126–134.
6. UK. (1954) *Letter on the 'colour bar' in Britain, 21 Nov. 1954*. Warwick Digital Collections. [Online] Available from: <https://mrc-catalogue.warwick.ac.uk/records/TUC/A/10/800/32/1> (Accessed: 21st October 2022).

7. Paul, K. (1997) *Whitewashing Britain. Race and Citizenship in the Post-War Era*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
8. UK. (1956) *Coloured People in Nottingham: Report of a Conference convened... on March 17th 1956*. Warwick Digital Collections. [Online] Available from: <https://cdm21047.contentdm.oclc.org/digital/collection/tav/id/4739> (Accessed: 21st October 2022).
9. UK. (n.d.) *Race Relations in Britain (memorandum)*. Warwick Digital Collections. [Online] Available from: <https://cdm21047.contentdm.oclc.org/digital/collection/tav/id/4652> (Accessed: 21st October 2022).
10. Dean, D.W. (1992) Conservative Governments and the Restriction of Commonwealth Immigration in the 1950s: The Problems of Constraint. *The Historical Journal*. 35(1). pp. 171–194.
11. Schuster, L. & Solomos, J. (2004) Race, immigration and asylum. *Ethnicities*. 4(2). pp. 267–287.
12. Khakhalkina, E.V. (2015) Immigranty v britanskom obshchestve: problemy priema i integratsii v 1945–1951 gg. [Immigrants in British Society: Issues of Reception and Integration 1945–1951]. *Vestnik KemGU*. 3-2(63). pp. 145–150.
13. UK. (1955) *Report on "Problems of coloured people in London", 27 Sep. 1955*. Warwick Digital Collections. [Online] Available from: <https://mrc-catalogue.warwick.ac.uk/records/TUC/A/10/800/30/3> (Accessed: 21st October 2022).
14. UK. (1958) *Letter attacking Trades Union Congress speeches following the Notting Hill riots, Sep 1958*. Warwick Digital Collections. [Online] Available from: <https://mrc-catalogue.warwick.ac.uk/records/TUC/A/10/800/31/8> (Accessed: 21st October 2022).
15. UK. (n.d.) *Newsletter. No 3*. Warwick Digital Collections. [Online] Available from: <https://cdm21047.contentdm.oclc.org/digital/collection/tav/id/4932> (Accessed: 21st October 2022).
16. Ellis, D. (2001) "The Produce of More than One Country": Race, Identity, and Discourse in Post-Windrush Britain. *Journal of Narrative Theory*. 31(2). pp. 214–232.
17. Hogsbjerg, C. (2009) *Notting Hill Riots, 1958*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/335463900_Notting_Hill_Riots_1958 (Accessed: 21st October 2022).
18. UK. (1958) *Debate on the Address [Second Day]: HC Deb 29 Oct. 1958*. Vol. 594. pp. 146–288. [Online] Available from: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1958/oct/29/debate-on-the-address-second-day> (Accessed: 21st October 2022).
19. Todd, R. (1973) *Robert Arthur James Gascoyne-Cecil 5th Marquess of Salisbury 1893–1972*. [Online] Available from: <https://royalsocietypublishing.org/doi/pdf/10.1098/rsbm.1973.0022> (Accessed: 21st October 2022).
20. Pitchford, M. (2011) *The Conservative Party and the Extreme Right 1945–1975*. Manchester: Manchester University Press.
21. Macklin, G. (2012) Transatlantic Connections and Conspiracies: A.K. Chesterton and "The New Unhappy Lords". *Journal of Contemporary History*. 47(2). pp. 270–290.
22. Chesterton, A.K. & Leftwich, J. (1948) *The Tragedy of Antisemitism*. London: R. Anscombe.
23. Goulding, S. (n.d.) 'Neighbours are the Worst People to live beside' *The 1958 Notting Hill Riots as Dramatic Spectacle, Drama as Analysis*. [Online] Available from: <http://literarylondon.org/the-literary-london-journal/archive-of-the-literary-london-journal/issue-8-1/neighbours-are-the-worst-people-to-live-beside-the-1958-notting-hill-riots-as-dramatic-spectacle-drama-as-analysis/> (Accessed: 21st October 2022).
24. Morrison, M. (1964) *Jungle West 11*. London: Tandem Books.
25. Dawson, A. (n.d.) *Diasporic Culture and the Making of Postcolonial Britain*. University of Michigan Press. pp. 1–29.
26. Pressly, L. (2018) *The 'forgotten' race riot*. [Online] Available from: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/6675793.stm (Accessed: 29th October 2022).
27. Curran, J. & Seaton, J. (1997) *Power Without Responsibility: Press, Broadcasting and the Internet in Britain*. 5th ed. London: Routledge. pp. 92–96.
28. Anon. (1958) *Squamish Times: Thursday, September 4, 1958*. [Online] Available from: chrome-extension://efaidnbmninnibpcjpcglcfeindmkaj/https://squamishlibrary.digitalcollections.ca/uploads/r/squamish-public-library/1/2/12101/19580904_Squamish_Times.pdf (Accessed: 21st October 2022).
29. *Daily Mirror*. (1958) 30th August. [Online] Available from: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/search/results/1958-08-30?NewspaperTitle=Daily%2BMirror&IssueId=BL%2F0000560%2F19580830%2F&County=London%2C%20England> (Accessed: 21st October 2022).
30. Foot, P. (1965) *Immigration and Race in British Politics*. London: Penguin Books.
31. UK. (1960) *The Cabinet Papers 128/34 Original Reference CC 1 (60)-65 (60), 25 Nov. 1960*. [Online] Available from: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-128-34.pdf> (Accessed: 21st October 2022).
32. CIA. (1962) *Commonwealth Immigrants Act 1962*. [Online] Available from: <http://web.archive.org/web/20110927012831/http://www.britishcitizen.info/CIA1962.pdf> (Accessed: 21st October 2022).
33. Lewis, D.S. (1987) *Illusions of grandeur: Mosley, fascism, and British society 1931–81*. Manchester: Manchester University Press.
34. Oswaldmosley.com. (n.d.) *Oswald Mosley: Briton, Fascist, European*. [Online] Available from: <https://www.oswaldmosley.com/briton-fascist-european/> (Accessed: 29th October 2022).
35. UK. (n.d.) *General Election Results 1885–1979*. [Online] Available from: <http://www.election.demon.co.uk/geresults.html> (Accessed: 29th October 2022).

Сведения об авторе:

Вячистая Анастасия Васильевна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nastyamun@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vyachistaya Anastasiya V. – Postgraduate Student of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastyamun@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 26.12.2022; accepted for publication 22.05.2023

Статья поступила в редакцию 26.12.2022; принята к публикации 22.05.2023

Научная статья
УДК 951.098
doi: 10.17223/19988613/83/12

Эволюция центр-региональных отношений в Китае: от децентрализации к рецентрализации

Иван Юрьевич Зуенко

*Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия, ivanzuwei@gmail.com*

Аннотация. Представлен исторический обзор развития центр-региональных отношений в КНР. В течение 70 лет существования этого государства характер отношений Пекина и регионов менялся: от попыток копировать советские образцы централизованной экономики до различных стратегий децентрализации (1950–1970-е гг.), от положения, при котором большая часть доходов оставалась на местах, а Пекин был лишен рычагов воздействия на регионы (1980-е гг.), до политики, направленной на возвращение в Центр большей части финансовых и административных ресурсов (1990–2010-е гг.).

Ключевые слова: Китай, центр-региональные отношения, регионализм, децентрализация, реформы

Для цитирования: Зуенко И.Ю. Эволюция центр-региональных отношений в Китае: от децентрализации к рецентрализации // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 87–95. doi: 10.17223/19988613/83/12

Original article

Evolution of Center-regional relations in China: from decentralization to recentralization

Ivan Yu. Zuenko

MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, ivanzuwei@gmail.com

Abstract. The article presents the historical analysis of the development of center-regional relations in the People's Republic of China. During the 70 years of the PRC, the nature of relations between Beijing and the regions has been oscillating: from attempts to copy Soviet models of centralized economy to various decentralization strategies (in the 1950s – 1970s), from a situation in which most of the income retained locally while Beijing substantially lost leverage over the regions (in the 1980s) to a policy aimed at concentrating most of the financial and administrative resources in the Centre (in the 1990s – 2010s). The research is based on the analysis of Chinese official communiqués, laws, chronicles, year-books, and reports. It also reviews key existing studies on the topic of state-building in communist China. The article is arranged in chronological order. The first part analyzes the nature of center-regional relations during Mao Zedong and Deng Xiaoping's rule. The beliefs and attitudes of the founder of the PRC were instrumental in establishing a broad local autonomy, which distinguished China from the USSR and many countries of the socialist camp. He managed to build an efficient system of state and party governance, which went through ordeals of big mobilization campaigns (the Great Leap Forward, the Cultural Revolution). The decentralized system of government provided opportunities to initiate reforms from the late 1970s when many regions pioneered local socio-economic transformations, which were then reproduced by the Center on a national scale. The result was the development of a market economy, which was, however, susceptible to volatility and side effects. The second section of the article shows the prerequisites and consequences of the fiscal reform of 1994. This reform was a watershed in the history of center-regional relations in the PRC and created a relationship model, which exists with minor modifications up to now. It shifted the balance of power in favor of the Center, which was given a free hand to revise the regional policy towards more balanced spatial development of the country. The fiscal reform also boosted regional competition for investors and reduced local protectionism. The third section describes the problems caused by the recentralization of governance in China in the 2000s and the 2010s: the Center's limited ability to redistribute resources to the less developed regions, growing debts of local governments, and falsification of local statistics. Further worsening of these problems will stimulate the central authorities of the PRC to reform the local government. At the end of the article, the authors pose some questions for further research, which are

beyond the scope of the present work but will allow a deeper understanding of the evolution of state-building in communist China: the relationship between decentralization and economic growth, and party-state relations in China.

Keywords: China, Center-regional relations, regionalism, decentralization, federalism

For citation: Zuenko, I.Yu. (2023) Evolution of Center-regional relations in China: from decentralization to recentralization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 87–95. doi: 10.17223/19988613/83/12

Развитие взаимоотношений центральной и местных властей является одним из ключевых сюжетов, характеризующих более чем 70-летний исторический путь КНР. Понимание предпосылок, содержания и последствий тех или иных изменений, происходящих в этих взаимоотношениях, позволяет оценить региональную политику Пекина, положение местных властей, суть стоящих перед ними проблем и предлагаемых чиновниками стратегий их решения в разные периоды истории.

Между тем в популярной и даже специализированной литературе, посвященной Китаю, не существует устоявшегося представления о характере взаимоотношений центральной и местной властей. Зачастую китайская система управления предстает как отлаженный механизм, в котором решение руководства беспрекословно исполняется всеми уровнями власти и населения, что, в свою очередь, позволяет легко «объяснить» успехи КНР в период экономических реформ¹. Как думается, подобные представления связаны с образом коммунистического Китая как жесткого авторитарного государства, способного мобилизовать миллионы людей на решение той или иной задачи, восходящим, в свою очередь, к ориенталистскому концепту о неограниченной власти китайского императора. Отчасти такие оценки поддерживаются китайской наукой и пропагандой, которые позиционируют успехи реформ прежде всего как результат целенаправленной и системной стратегии, идущей от центральных органов власти².

С другой стороны, существует и тезис о том, что достижения Китая в развитии рыночной экономики обусловлены решением Пекина в начальный период реформ дать значительный объем прав и свобод местным органам власти и стимулировать рыночную конкуренцию между регионами. Период, предшествующий реформам, при этом, как правило, игнорируется или демонизируется, а сравнение китайских и постсоветских реалий проводится не в пользу нашей страны³.

В то же время изучение центр-региональных отношений как в историческом аспекте, так и в современности позволяет усомниться в объективности как тех, так и других оценок. Взаимоотношения Центра и регионов в КНР прошли сложный путь трансформации: от попытки копирования советских образцов построения централизованной экономики до различных стратегий децентрализации (1950–1970-е гг.), от положения, при котором большая часть национальных доходов оказывалась в руках регионов, а Пекин, по сути, был лишен рычагов воздействия на ситуацию на местах (1980-е гг.), до политики Центра, направленной на возвращение себе большей части финансовых и административных ресурсов (1990–2010-е гг.). Анализ этого пути является целью данной работы.

В исследовании использован широкий круг источников (официальные документы китайских центральных (коммюнике [2], законы [3]) и местных властей (хроники, ежегодники, отчеты [4–6]) и литературы. Следует отметить, что указанная тема достаточно подробно рассмотрена в работах китайских и западных авторов (в числе наиболее показательных работ можно назвать [7–14], однако ими имеющаяся историография не ограничивается). В отечественной науке сложилась противоположная ситуация. Тема центр-региональных отношений лишь фрагментарно представлена в комплексных исследованиях по истории современного Китая [15] и некоторых регионов КНР [16], а также в отдельных работах Я.М. Бергера [17], Д.В. Кадочникова [18, 19], С.А. Иванова [20, 21] и автора данной статьи [22, 23]. Подобное положение вещей нельзя назвать удовлетворительным, что и определяет актуальность появления настоящей работы, – как минимум для русскоязычной аудитории. Ее особенностями являются комплексное рассмотрение всего более чем 70-летнего пути развития КНР, в том числе внимание к заложенным в правление Мао Цзэдуна истокам децентрализации 1980-х гг., и анализ центр-региональных отношений, прежде всего, сквозь призму распределения фискальных ресурсов. Статья построена по принципу историзма и состоит из трех разделов, которые характеризуют: положение в 1950–1980-х гг.; предпосылки и последствия фискальной реформы 1994 г.; особенности текущей модели центр-региональных отношений, сложившейся после 1994 г.

Наследие Мао: истоки и характер децентрализации 1980-х гг.

Основатель Китайской Народной Республики Мао Цзэдун, руководивший страной до своей смерти в сентябре 1976 г., последовательно проводил меры, направленные на децентрализацию экономики и системы управления на местах в течение всего периода своего правления. Исключением стали два периода: годы первой пятилетки (1952–1956), когда КНР попыталась воспроизвести советские образцы централизованной экономики, и годы «урегулирования экономики» (1962–1966) между провалом «политики трех красных знамен»⁴ и началом «культурной революции», когда ради восстановления хозяйства вновь был применен советский опыт централизованного планового управления (ее убежденным апологетом являлся куратор экономического планирования в руководстве партии Чэнь Юнь).

Корни децентрализационных взглядов Мао кроются в опыте партизанской борьбы и успешном функцио-

нировании «советских районов» в годы гражданской войны против Гоминьдана [24. С. 28]. Уже после основания КНР Мао Цзэдун продолжал стремиться к созданию такой системы управления, которая могла бы эффективно действовать в условиях гипотетической войны – сначала против Тайваня, затем против СССР. В этой связи его идеалом было формирование хозяйственной системы как множества более или менее самостоятельных единиц при минимуме горизонтальных связей между ними. Попытка воплощения этого идеала – создание «народных коммун», где население занималось не только сельским хозяйством, но и самостоятельно производило промышленную продукцию⁵.

Взгляды Мао на центр-региональные отношения были изложены в докладе «О десяти важнейших взаимоотношениях» (1956), в котором он дал жесткую отповедь попыткам построить ориентированную на советские образцы плановую централизованную экономику: «Наша территория столь обширна, наше население столь многочисленно, а условия жизни столь суровы, что будет гораздо лучше, если инициатива будет исходить как от центрального правительства, так и от местных властей, а не проистекать из одного источника. Мы не должны следовать примеру Советского Союза, который сконцентрировал всю власть в центре, сковав местные органы по рукам и ногам и лишив их права действовать самостоятельно. <...> Провинции, города, округа, уезда, районы и волости должны сохранять независимость и бороться за свои права. Борьба за них – в интересах всей нации, а не отдельного населенного пункта; эту борьбу нельзя считать проявлением местничества или неуместными притязаниями на независимость» [25].

Глубокое недоверие к централизованной системе заставило Мао предпринимать радикальные попытки реформировать экономику, направленные на отход от советских моделей: политику «трех красных знамен» после первой пятилетки и «культурную революцию» после периода «урегулирования». В обоих случаях масштабные социально-экономические эксперименты Мао, проводимые командно-административными методами, привели к упадку хозяйства и гуманитарной катастрофе. При этом между ними не следует ставить знак «равно»: по своим последствиям для экономики и жизни населения «большой скачок» был гораздо губительнее, чем «культурная революция», когда объем производства по темпам роста в целом обгонял темпы роста населения [24. С. 40]. Как считают Р. Коуз и Ван Нин, именно «децентрализация стала важнейшим, пусть и далеко не всеми признанным фактором, позволившим уберечь экономику от хаоса «культурной революции» [24. С. 40].

Таким образом, к моменту, когда после смерти Мао новые руководители страны решили заняться «восстановлением экономики» (а по факту – улучшением жизни населения, уставшего от мобилизационного типа управления, товарного дефицита и призывов к политической борьбе), экономика уже была децентрализована, если не сказать «фрагментирована». Местные правительства на всех уровнях административно-террито-

риального деления включали в себя всеобъемлющую и самодостаточную структуру органов управления: прежде всего в стратегических сферах промышленности (например, количество департаментов ревкома провинции Хэйлуцзян, отвечающих за различные сферы машиностроения и тяжелой промышленности, в 1975–1978 гг. достигало шести [5. С. 10–20]).

Решения 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г., традиционная точка отсчета политики реформ и открытости в Китае) подчеркивали верность децентрализованной концепции Мао. «Генеральная линия, предложенная товарищем Мао Цзэдуном в 1956 г. в докладе “О десяти важнейших взаимоотношениях”, является объективным отражением экономических законов, а также важной гарантией политической стабильности в обществе», писалось в коммюнике пленума [2]. И там же: «Необходимо смело и планомерно передать власть от высшего руководства нижестоящим органам, чтобы местные органы власти, а также промышленные и сельскохозяйственные предприятия получили больше прав на принятие управленческих решений в рамках единого государственного плана». Позднее курс на децентрализацию был закреплен в конституции 1982 г., в которой отмечалось, что «разграничение полномочий между центральными и местными органами должно соответствовать принципу всестороннего раскрытия инициативы и активности на местах под общим руководством центра» (гл. 1 ст. 3) [3].

Признавая историческое значение пленума, следует заметить, что с точки зрения подходов к центр-региональным отношениям он не привнес ничего нового, а фактически был лишь очередной попыткой реорганизации китайской экономики с опорой на «инициативу, энтузиазм и творческие способности на четырех уровнях: в центральных ведомствах, в местных органах власти, в руководстве предприятий и среди рабочих» [2]. Более того, «наследием Мао» стало то обстоятельство, что экономика КНР являлась гораздо менее централизованной, чем экономики других стран соцлагеря. Традиционно для социалистической (плановой) экономики это считалось недостатком, однако в новых условиях децентрализация превратилась в фактор роста. Этому повороту способствовал акцент нового руководства Китая на «развитие производительных сил» [2] (т.е. увеличение валового продукта, если обойтись без марксистских терминов), признание важности материального вознаграждения и подчеркнутую идеологизацию подходов в экономике, выраженную в концепции «практика – единственный критерий истины».

Начиная с конца 1970-х гг. власти на местах начали активно использовать то доверие, которое выражал им Центр. Большая часть преобразований, которая затем вошла в копилку «политики реформ и открытости», изначально апробировалась на местах, зачастую без ведома Центра⁶ или при весьма ограниченной поддержке руководства страны⁷. К ним относятся переход к частному фермерству, индустриализация села, появление индивидуального предпринимательства в городах и создание «особых экономических зон» (ОЭЗ) – Р. Коуз и Ван Нин называют их «периферийными революциями», подчеркивая, что мейнстримным направ-

лением деятельности Центра, как минимум до 1992 г., были попытки развивать экономику с упором на госсектор, а не рынок. Активность и успешность таких «периферийных революций» варьировала от региона к региону и находилась в зависимости от личностей местных руководителей: так, в конце 1970-х гг. в авангарде реформ находились провинции Сычуань, Аньхой, Гуйчжоу и Гуандун, что стало возможно благодаря деятельности Чжао Цзяяна, Вань Ли, Чи Бицина и Си Чжунсюня соответственно. Некоторые инициативы с мест выглядели даже чересчур радикально. Так, после принятия в июле 1979 г. Документа ЦК КПК № 50 («О создании ОЭЗ») руководство провинции Гуандун обратилось с просьбой руководству партии передать на провинциальный уровень большую часть полномочий по ведению внешнеэкономической деятельности. В разговоре с Хуа Гофэном Си Чжунсюнь предложил превратить Гуандун в «квазифедеративное территориально-административное образование с широкими правами отдельных районов». Тогдашний лидер КНР его не поддержал, согласившись только «дать побольше прав» [15. С. 251].

В целом же власти на местах, структурно и ментально уже готовые к большей самостоятельности, получили широкие полномочия по решению экономических вопросов, в том числе в области привлечения иностранных инвестиций и развития экспортно-ориентированных производств. В новых условиях Пекин не мог даже опосредованно воздействовать на реальную ситуацию на местах, так как система контроля также была крайне децентрализована, причем контролирующие ведомства подчинялись и содержались местными правительствами [1. С. 76]. В этих условиях едва ли не единственным рычагом, который оставался в руках Центра, стала ротация руководящих кадров, осуществляемая посредством партийных механизмов⁸.

Инициатива с мест, подкрепленная соответствующими полномочиями и капиталом (с 1980 г. регионы стали оставлять большую часть собираемых налогов у себя), способствовала росту экономических показателей, однако она не являлась панацеей в решении всех экономических проблем. Госсектор – основной объект забот как центральных, так и местных властей – ошутимо пробуксовывал. Госпредприятия получили больше хозрасчетных прав, но оставались в зависимости от процесса согласований с чиновниками (причем унаследованная от Мао структура подчинения была разноуровневой и, как следствие, весьма запутанной⁹). Эффективные предприятия отдавали государству большую часть своей прибыли, а нерентабельные субсидировались – т.е. одни не всегда развивались, а другие в любом случае не разорялись. Кроме того, поскольку реформы осуществлялись в условиях децентрализации, местные органы власти создавали различные торговые барьеры, чтобы защитить подконтрольные предприятия. Местный протекционизм толкал страну к «феодалной экономике» [24. С. 111], усложнял жизнь тем же самым госпредприятиям, которые сталкивались с проблемами закупа сырья и сбыта продукции.

Таким образом, к концу 1980-х гг. стало очевидно, что экономические реформы в условиях децентрали-

зации при сохранении элементов плановой экономики (как характеризовал этот феномен Сюй Чэнган, «регионально децентрализованная авторитарная система» [26. С. 5]) вели к еще большей фрагментации экономики, созданию хаотичной ценовой конъюнктуры и при этом не решали проблему неэффективного государственного сектора.

Предпосылки и последствия фискальной реформы 1994 года

Назрела задача преодоления этой фрагментации, усугубленная еще и прогрессирующей диспропорцией в экономическом развитии регионов Китая. В то время как приморские провинции КНР, сориентировавшиеся в новой экономической ситуации и сумевшие привлечь инвестиции, в том числе посредством создания особых экономических зон, богатели, континентальные и периферийные провинции отставали. Руководство страны осознавало эту проблему, но решить ее можно было лишь с помощью перераспределения ресурсов, однако их количество в руках Центра последовательно сокращалось в течение всех 1980-х гг.

Подобная ограниченность ресурсов являлась следствием децентрализационной модели фискальной системы, при которой большая часть налогов оставалась в распоряжении местных властей. С конца 1970-х гг. по инициативе Хуа Гофэна, заинтересованного в поддержке региональной бюрократии¹⁰, в Китае осуществлялись различные эксперименты с передачей полномочий по сбору налогов на места, приведшие к 1985 г. к повсеместному введению так называемой «подрядной системы»¹¹. В ее рамках местные власти сами занимались сбором налогов и передавали их в Центр в соответствии с договорами, причем договоры пересматривались раз в несколько лет и отличались от провинции к провинции. Как следствие, доходы центрального бюджета постоянно сокращались (1979 г. – 27%, 1992 г. – 14,5% ВВП) [24. С. 194]. Сокращалась и доля центрального правительства среди всех налоговых поступлений (1979 г. – 46,8%, 1992 г. – 38,6%) [24. С. 194]. Кроме того, отсутствие общенациональной фискальной системы влекло и другие негативные последствия. Местные власти не создавали эффективную систему налогообложения «новой» экономики, ориентированной на внешние рынки, так как зачастую чиновникам было выгоднее оставлять капитал на местах, в аффилированных компаниях, чем собирать налоги, передавая их часть в Центр [21. С. 43]. Провинции, которые договорились с Центром о меньшем объеме налоговых поступлений, меньше прессинговали подведомственные предприятия, а те, в свою очередь, выходили на рынок с более конкурентоспособными ценами, и это создавало ценовые диспропорции [7. С. 263].

Решение пересмотреть фискальную систему назрело уже к середине 1980-х гг., но было реализовано лишь в створе общей тенденции по исправлению недочетов экономических реформ в первые годы после интерлюдии, вызванной «тяньаньмэньскими событиями». В 1992 г. в девяти провинциях и городах КНР был проведен

эксперимент по введению новой системы налогообложения, куратором которого стал вице-премьер Госсовета Чжу Жунцзи. Эксперимент был признан успешным, и на 1993 г. было намечено принятие решения о проведении комплексной фискальной реформы в масштабах всей страны. Центр все еще чувствовал себя неуверенно в переговорах с усилившимися регионами, поэтому в период с 9 сентября по 21 ноября 1993 г. куратор реформы Чжу Жунцзи посетил 17 провинций, где в ходе встреч с местным руководством проводил разъяснительную работу и сумел заручиться поддержкой губернаторов. 25 декабря Госсовет КНР объявил о введении новой налоговой системы с 1 января 1994 г.

Комплексная фискальная реформа 1994 г. явилась поворотной вехой в развитии центр-региональных отношений периода экономических реформ. Фактически она знаменовала собой переход от децентрализации к тому, что в данной работе будет называться *рецентрализацией*, – комплексу мер по установлению Центром контроля над финансовыми и административными рычагами воздействия на регионы.

Структурно реформа состояла из трех компонентов: была упрощена система налогообложения; в масштабах всей страны было введено налоговое администрирование; в пользу Центра было изменено распределение налоговых поступлений. Что это означало на практике? Сложная многоуровневая система налогов с оборота, существовавшая ранее, была заменена единым налогом на добавленную стоимость (17% для всех фирм, в исключительных случаях – 13%). Собранный НДС распределялся между Центром и регионами в пропорции 75/25 в пользу Пекина. Было определено, какие налоги всецело взимаются центральным правительством (акцизы, таможенные пошлины, подоходный налог с железной дороги, финансовых и страховых организаций), а какие – местными властями (налог на городские и поселковые земли, доходы физических лиц, прирост стоимости земли, имущество, транспортные средства, наследство, прибыль предприятия без учета НДС и др.)¹².

Реформа имела целый ряд серьезных эффектов. Во-первых, она значительно увеличила доходы Центра (доля доходов центрального правительства в консолидированном бюджете страны резко выросла более чем на 30%: с 22% до 55,3%) [16. С. 45]. Во-вторых, она устранила ценовые искажения, положила конец избыточным инвестициям в секторы с низкими налоговыми ставками и искусственно завышенной нормой прибыли. В-третьих, она способствовала исчезновению регионального фаворитизма (когда ряд регионов через лоббистские связи в Пекине «выбивал» себе более выгодные условия фискальных договоров) и в целом оздоровлению межрегиональных связей. В-четвертых, из-за отмены налога на продукцию предприятий¹³ регионам стало невыгодно проводить политику протекционизма в отношении местной продукции [24. С. 196]: сейчас, когда доходы региональных бюджетов стали зависеть от прибыли предприятий, власти были заинтересованы в том, чтобы добиться прежде всего прибыльности бизнеса. Как следствие, после реформы 1994 г. местные власти вместо примитивного протек-

ционизма местных предприятий стали соревноваться друг с другом, чтобы привлечь больше инвестиций. Именно конкуренция между регионами вызвала замечательную экономическую динамику второй половины 1990-х – 2000-х гг. [24. С. 196].

Следует также заметить, что фискальная реформа была главным, но не единственным мероприятием по установлению контроля над финансовыми и административными ресурсами в рамках курса на рецентрализацию. Системы контроля над производимой в стране продукцией, деятельностью кредитных организаций, статистической информации вышли из-под подчинения местных властей и были трансформированы в структуры с вертикальным подчинением [16. С. 48]. Отсчет этого процесса, не завершившегося в полной мере вплоть до сегодняшнего дня, также ведется с 1992–1994 гг.

Итоги рецентрализации: новая модель – новые проблемы

Итак, инициированная в первой половине 1990-х гг. рецентрализация имела целью, прежде всего, перераспределение фискальных доходов в пользу Центра, однако другим, не менее важным, последствием стало создание новой модели центр-региональных отношений, в которой Центр, наконец-то получивший достаточные финансовые ресурсы, мог перейти к последовательному субсидированию периферийных и отстающих регионов¹⁴.

Соответственно была преобразована и бюджетная система. В 1994 г. был принят Бюджетный закон, предполагающий введение так называемого «двойного бюджетирования», при котором планирование текущих и капитальных расходов осуществляется раздельно (ст. 26 Бюджетного закона). Текущие расходы – за счет бюджетных доходов, а капитальные – за счет заимствований, причем с весьма ограниченными полномочиями регионов на финансирование с помощью выпуска облигаций и ценных бумаг; в целом примерно 3/4 расходов по-прежнему возлагалось на регионы. Покрытие возникающего при этом бюджетного дефицита регионов осуществлялось за счет выравнивающих субсидий из центрального бюджета. На практике же сохранилась ситуация 1980-х гг., когда лишь в наиболее развитых единицах провинциального звена (три города центрального подчинения: Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, а также прибрежные провинции Гуандун, Фуцзянь, Чжэцзян, Цзянсу) уровень доходов примерно был равен уровню расходов; в то же время районы национальной автономии, провинции с большим числом нацменьшинств (Цинхай, Юньнань, Гуйчжоу), а также Хэйлуцзян, Цилинь и Ганьсу оставались глубоко дотационными [19. С. 118]. Более того, доля субсидий в доходах таких регионов увеличилась. К примеру, в течение 1994–1997 гг. объем выравнивающих трансфертов в бюджет провинции Хэйлуцзян увеличился с 500 до 1920 млн юаней [28].

Таким образом, в результате изменений в политике Центра, запущенных в середине 1990-х гг., регионы в целом потеряли свою финансовую самостоятельность и оказались в зависимости от воли Пекина. При

этом они не освобождены от значительного числа обязанностей и пресса завышенных ожиданий со стороны Центра, однако не имеют достаточно финансовых ресурсов для их выполнения. Поэтому помимо местных налогов и трансфертов из центрального бюджета местные власти стали активно использовать кредитование со стороны государственных финансовых институтов, а также LGFV (local government financial vehicles, 地方政府融資工具) – специальных компаний, которые принадлежат местным правительствам и кредитуются госбанками, а также могут эмитировать облигации. В течение 2000–2010-х гг., в условиях хронического бюджетного дефицита, все больший объем трат местных правительств стал обеспечиваться заемными средствами. Неизбежным следствием этого стал абсолютный и относительный рост величины государственного долга: если в 1997 г. консолидированный долг расширенного правительства КНР составлял около 20% ВВП, то к 2023 г., по оценкам МВФ, составит уже 53% [29. С. 52]; при этом на местные власти приходится 39 трлн из 68 трлн юаней этого консолидированного долга [29. С. 53].

Проблема долгов местных правительств тесно связана с практикой ротации руководящих кадров, с помощью которой Центр в условиях все еще значительной автономии регионов реализует свой курс на рецентрализацию. С помощью направления на места так называемых «чиновников-десантников»¹⁵ (как правило, по партийной линии и с использованием механизмов партийного «демократического централизма»)¹⁶ Центр препятствует складыванию региональных элит, фракций, стремится повысить лояльность территорий, т.е. борется с центробежными и сепаратистскими тенденциями. Кстати, во многом именно благодаря наличию такой системы Пекин может себе позволить достаточно высокую степень административной децентрализации периферии [20. С. 147]. Однако практика назначения перспективных и амбициозных руководителей на временную работу в регион (3–5 лет) приводит и к побочным эффектам. Имея перед собой четкую задачу в кратчайшие сроки добиться резонансного результата в условиях бюджетного дефицита, такие чиновники склонны злоупотреблять займами, которые зачастую идут на громкие, но не всегда эффективные инфраструктурные проекты. Решение болезненных вопросов, связанных с реструктуризацией экономики (и прежде всего громоздкого и неэффективного госсектора) откладывается на долю последователей, социально-экономическая статистика в ряде случаев фальсифицируется, а имеющиеся проблемы замалчиваются.

Заключение

Для такой большой страны, как Китай, отношения центрального и местных правительств имеют особое значение с точки зрения развития экономики, поддержания социальной и политической стабильности. Все семь десятилетий существования КНР поиск оптимальной модели этих отношений представлял собой важный сюжет развития государства. Попытки копировать советский опыт построения централизованной эконо-

мики, предпринятые частью китайского руководства в начале 1950-х и 1960-х гг., натолкнулись на решительное сопротивление Мао Цзэдуна, сторонника децентрализации и создания автономных хозяйственных комплексов. Дважды он предпринимал масштабные кампании, последствия которых были губительны для народа, но все же привели к существенной децентрализации (фрагментации) китайской экономики к середине 1970-х гг. Данное обстоятельство, которое в странах социалистического лагеря воспринималось как слабость, в условиях активизации инициативы с мест и введения элементов рынка превратилось в фактор экономического роста.

Местные органы власти, где еще в период «культурной революции» были созданы всеобъемлющие и самодостаточные структуры для управления региональной экономикой, сполна воспользовались готовностью Центра предоставить им больше полномочий и свобод. Результатом стал рост социально-экономических показателей, не свободный, однако, от волатильности и ряда побочных эффектов. Так, экономика различных провинций росла непропорционально, что создавало социальные и политические риски. Существовавшая с конца 1970-х гг. фискальная система стимулировала власти на местах поддерживать местное производство, даже несмотря на его убыточность. Как следствие, вместо конкуренции процветал региональный протекционизм, грозивший еще больше фрагментировать национальную экономику.

Сложившаяся ситуация представляла собой серьезный вызов дальнейшему развитию КНР как единого унитарного государства. Центр попросту не имел достаточно финансовых и административных ресурсов для того, чтобы осуществлять направленные на выравнивание развития региональные программы. Поэтому в рамках общего курса, ориентированного на исправление ошибок и перегибов реформ 1980-х, в середине 1990-х гг. была начата политика рецентрализации. Ее ключевым мероприятием стала комплексная фискальная реформа 1994 г., в результате которой основная часть налоговых поступлений уходила в Центр, который взамен начал субсидировать регионы с помощью компенсационных и целевых трансфертов. Данная реформа послужила своего рода водоразделом в истории развития центр-региональных отношений в Китае и сформировала такую их модель, которая с незначительными видоизменениями существует по сей день.

В данной статье внимание было сконцентрировано на фискально-субсидиарных аспектах отношений между Центром и регионами (о других аспектах реформы центр-региональных отношений см. также: [31, 32]). Впрочем, это не единственная проблема, на разрешение которой должны быть направлены дальнейшие усилия. Например, очевидно, что характер децентрализации в период Мао Цзэдуна, нацеленной на подготовку страны к войне, отличался от характера децентрализации в 1980-е гг., ориентированной на рост валового продукта и улучшение условий жизни населения. Отсюда неизбежно вытекает исследовательский вопрос, в данной работе оставленный в стороне: несмотря на желание многих ученых связать децентрализацию (как ступеньку к демокра-

тизации) напрямую с экономическим ростом, требуется серьезный анализ, чтобы доказать эту связь. Опыт Китая выглядит здесь весьма показательным: в 1980-е гг. КНР обладала очень децентрализованной системой управления, однако экономический рост был волатильным, а социальное напряжение значительным. В 1990-е и 2000-е гг. в КНР произошла рецентрализация, тем не менее сопровождавшаяся бурным экономическим ростом с минимальными социальными протестами.

Наконец, партийно-государственные отношения в КНР также не раскрыты в данном исследовании. Эта

тема требует особых подходов в изучении в силу своей закрытости. Однако принципиально важным моментом, отчасти затронутым в данной работе, является то, что в условиях парткокртии центральные власти могли смело экспериментировать с системой государственного управления. Партийная иерархия в КНР, как и в СССР, нередко кажется дублирующей госструктуру и от этого лишней, но ее цементирующую функцию нельзя недооценивать. И раскрытие этой функции представляет собой интересную и перспективную задачу для отдельного исследования.

Примечания

¹ Анализ этого феномена на американском материале приведен в [1. С. 76–77]. Среди специализированных российских работ, придерживающихся подобного взгляда, можно назвать следующие: Тавровский Ю.В. Си Цзиньпин. Новая эпоха. М., 2018; Кива А.В. Китайский авторитаризм и российская демократия: что лучше для народа и для государства? // Литературная газета. 2003.

² См., например, классическую работу китайского экономиста Ху Аньгана «История китайской политической экономики» (Пекин, 2008).

³ Подобный взгляд отражен как минимум в двух русскоязычных публикациях, конспектирующих курсы лекций зарубежных преподавателей: Овчарук К. Извилистый путь по шатким камням, или В чём секрет успешной трансформации Китая // Бюджет. 2018 (о курсе лекций Альберта Парка в Гонконгском университете науки и технологий); Злобек М. Россия и Китай: медведь спотыкается, дракон парит // Republic. 2013 (о лекции Марка Харрисона в лектории московского Политехнического музея).

⁴ Политика трех красных знамен (三面红旗) – корректное наименование политического курса Мао в 1957–1961 гг., включавшего «большой скачок» в промышленности, ускоренное создание народных коммун в сельском хозяйстве и «новую генеральную линию партии», заключавшуюся в установке на форсированное построение социализма и коммунизма.

⁵ Впрочем, кроме образцовых народных коммун типа Дачжая в провинции Шаньси, этот идеал мало где мог быть воплощен. Между тем сама ставка на самостоятельность народных коммун не позволяла Центру эффективно контролировать, что творится на местах. В этой связи в критические периоды власти на местах инициативно переходили к формам хозяйствования, которые противоречили идеологическим установкам – например, к индивидуальному труду и частному предпринимательству.

⁶ Например, эксперимент по переходу к семейному подряду, предпринятый в деревне Цзюлуаншань (провинция Сычуань), по инициативе партсекретаря местной народной коммуны Дэн Тяньюаня в 1976 г., за два года до аналогичного шага в деревне Сяоган (провинция Аньхой) и за четыре года до того, как семейный подряд был признан государством [24. С. 78–79].

⁷ В подтверждение этого тезиса Коуз и Ван Нин отмечают, что, если бы ОЭЗ с самого начала воспринимались как «витрина китайских реформ» и локомотив национальной экономики, было бы логичнее как минимум одну из них разместить в Шанхае. Между тем зоны были созданы на глухой периферии; до середины 1980-х гг. центральное правительство не было уверено в успехе эксперимента, инициированного властями провинции Гуандун. Дэн Сяопин посетил Шэньчжэнь – наиболее успешный пример ОЭЗ – только в 1984 г., спустя четыре года после ее создания, а такие видные руководители партии, как Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь, так ни разу этого и не сделали [24. С. 132].

⁸ Подробнее см.: [23].

⁹ Госпредприятия в Китае контролировались как центральными ведомствами, так и соответствующими департаментами в структуре местных правительств. Существовали две разные цепочки управления: вертикальная («тяо» 条) и горизонтальная («куай» 块), что по итогу создавало сложную сетчатую структуру координации и контроля над госпредприятиями [13. С. 792].

¹⁰ Децентрализацию 1980-х – первой половины 1990-х гг. вообще можно рассматривать как следствие слабости центральной власти, нуждающейся в поддержке региональной бюрократии и опасавшейся дестабилизации обстановки в стране (на рубеже 1970–1980-х гг. Хуа Гофэн не имел решительной поддержки в качестве национального лидера, затем в течение 1980-х гг. Дэн Сяопин сознательно избегал концентрации властных полномочий в руках сильной центральной власти). В этом контексте важным фактором последующего ослабления регионов представляется разгон протестных выступлений в Пекине в июне 1989 г., после чего под предлогом сохранения стабильности Центр получил возможность более решительно и эффективно подавлять несогласие со своими действиями.

¹¹ В Китае она также известна под названием «система раздельных кухонь» (фэньцзао чифань) 分灶吃饭, что подчёркивает идею о раздельном поведении баланса между расходами и доходами в каждой отдельной провинции [1. С. 78].

¹² Подробнее см.: [27. С. 37–38].

¹³ Налог на продукцию, который предприятия платили независимо от их прибыльности в местные бюджеты на основе объема продаж, был введен в ходе налоговой реформы 1983–1984 гг. Этот налог фактически являлся главным источником доходов для местных властей, причем предприятия платили его все время, пока работали, вне зависимости от реальной прибыли [24. С. 196]. Соответственно, власти были заинтересованы в том, чтобы защищать свои предприятия от внешней конкуренции, что способствовало фрагментации национальной экономики.

¹⁴ Подробнее см.: [22].

¹⁵ Чиновники (ганьбу)-десантники (空降干部) – неформальный термин для обозначения руководителей от окружного уровня и выше, назначаемых («десантируемых») Центром в различные регионы в рамках ротационной практики.

¹⁶ «Демократический централизм» (民主集中制) в Уставе КПК назван «коренным организационным принципом партии». В принятой на XIX съезде партии редакции устава формулируется, что «необходимо неуклонно защищать авторитет ЦК КПК, ядром которого является товарищ Си Цзиньпин, и поддерживать его единое централизованное руководство, обеспечивать сплоченность и единство партии, согласованность ее действий, быструю и эффективную реализацию партийных решений» [30], что фактически обязывает руководство местных органов власти (все являются членами КПК) подчиняться решениям Центра безотносительно установленных по линии гражданской администрации.

Список источников

1. Bergsten F. et al. China's Rise: Challenges and Opportunities. Washington : Peterson Institute for International Economics, 2008. 239 p.
2. 中国共产党第十一届中央委员会第三次全体会议公报 = Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва. URL: / https://web.archive.org/web/20121121040402/http://news.xinhuanet.com/ziliao/2005-02/05/content_2550304.htm (дата обращения: 22.07.2019).
3. 中华人民共和国宪法 = Конституция Китайской Народной Республики. URL: https://chinalaw.center/china_constitution/china_constitution_revised_2018_chinese/ (дата обращения: 22.07.2019).
4. 中国改革开放全记录 = Летопись реформ и открытости в Китае. URL: http://www.reformdata.org/records/1978.shtml (дата обращения: 22.07.2019).

5. 黑龙江省志：政权志（第六十卷）= Хроника провинции Хэйлунцзян: политика и право (т. 60). 哈尔滨, 黑龙江人民出版社, 2003. 915 页。
6. 黑龙江省志：民政志（第六十二卷）= Хроника провинции Хэйлунцзян: гражданская администрация (т. 62). 哈尔滨, 黑龙江人民出版社, 1993. 550 页。
7. Walder A. Local Governments as Industrial Firms: an Organizational Analysis of China's Transitional Economy // *American Journal of Sociology*. 1995. Vol. 101. P. 263–301.
8. Montinola G., Qian Yingyi, Weingast B. Federalism, Chinese Style: The Political Basis for Economic Success in China // *World Politics*. 1995. Vol. 48. P. 50–81.
9. Huang Yasheng. *Inflation and Investment Controls in China: The Political Economy of Central-Local Relations during the Reform Era*. New York : Cambridge University Press, 1996. 293 p.
10. Hsu P. Deconstructing Decentralization in China: Fiscal Incentive Versus Local Autonomy in Policy Implementation // *Journal of Contemporary China*. 2004. Vol. 40. P. 567–599.
11. Jin Hehui, Qian Yingyi, Weingast B. Regional Decentralization and Fiscal Incentives: Federalism, Chinese Style // *Journal of Public Economics*. 2005. Vol. 89. P. 1719–1742.
12. Mertha A. China's "Soft" Centralization: Shifting Tiao/Kuai Authority Relations // *China Quarterly*. 2005. Vol. 184. P. 791–810.
13. Cai Hongbin, Treisman D. Did Government Decentralization Cause China's Economic Miracle // *World Politics*. 2006. Vol. 58. P. 505–535.
14. Zheng Yongnian. *De Facto Federalism in China: Reforms and Dynamics of Central-Local Relations*. New Jersey et. al. : World Scientific, 2008. 460 p.
15. История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. М. : Наука, 2016. Т. 9: Реформы и модернизация (1976–2009). 996 с.
16. История Северо-Восточного Китая XVII–XXI вв. : в 5 кн. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2018. Кн. 5: Северо-Восточный Китай в период возрождения старопромышленной базы. 356 с.
17. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М. : Форум, 2009. 560 с.
18. Кадочников Д.В. Бюджетная децентрализация и межбюджетные отношения: опыт китайских реформ и его актуальность для России // *Terra Economicus*. 2016. № 2. С. 109–126.
19. Кадочников Д.В. Бюджетная система Китая на современном этапе: ключевые вызовы и направления развития // *Terra Economicus*. 2018. № 3. С. 86–105.
20. Иванов С.А. Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая: системные ограничители и проблема мотивации // *Россия и АТР*. 2011. № 2. С. 143–153.
21. Иванов С.А. Распределение фискальных и административных ресурсов между центральной и местными властями КНР в период реформ // *Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение*. 2012. № 2. С. 41–48.
22. Зуенко И.Ю. Реализация политики Центра в китайских регионах: некоторые аспекты проблемы (в контексте строительства «Нового Шелкового пути») // *Известия Восточного института*. 2016. № 2. С. 4–12.
23. Зуенко И.Ю. Укрепление «вертикали власти» по-китайски: кадровая политика в отношении регионального руководства в современном Китае // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. № 5. С. 30–46.
24. Коуз Р., Ван Нин. Как Китай стал капиталистическим / пер. с англ. М. : Новое изд-во, 2016. 386 с.
25. Mao Zedong. On the Ten Major Relationships. April, 25. 1956. URL: https://www.marxists.org/reference/archive/mao/selected-works/volume-5/mswv5_51.htm (дата обращения: 22.07.2019).
26. Xu Chenggang. The Institutional Foundations of China's Reforms and Development. URL: https://www.researchgate.net/publication/228122072_The_Institutional_Foundations_of_China's_Reforms_and_Development (дата обращения: 22.07.2019).
27. Соколов Б.И., Лю Юйчжо. Налоговые реформы: опыт Китая – выводы для России // *Финансы и кредит*. 2014. № 20. С. 32–46.
28. Wong C. Central-local Relations Revisited: the 1994 Tax Sharing Reform and Public Expenditure Management in China. URL: <https://www.cefc.com.hk/article/central-local-relations-revisited-the-1994-tax-sharing-reform-and-public-expenditure-management-in-china/> (accessed: 20.02.2020).
29. International Monetary Fund Country Report No. 22/21. People's Republic of China. Washington : IMF, 2022. 104 p.
30. Полный текст Устава КПК, принятого с частичными поправками 19-м Всекитайским съездом КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536.htm (дата обращения: 22.07.2019).
31. Зуенко И.Ю. Трансформация региональной системы управления в КНР в 1977–1997 гг. (на примере провинции Хэйлунцзян) : дис. канд. ист. Наук : 07.00.03. Владивосток, 2021. 278 с.
32. Зуенко И.Ю., Савченко А.Е. Центр-региональные отношения в Советском Союзе / России и Китае в период реформ (1980–1990-е годы). М. : МГИМО-Университет, 2023. 362 с.

References

1. Bergsten, F. et al. (2008) *China's Rise: Challenges and Opportunities*. Washington: Peterson Institute for International Economics.
2. China. (2005) *中国共产党第十一届中央委员会第三次全体会议公报*. [Online] Available from: https://web.archive.org/web/20121121040402/http://news.xinhuanet.com/ziliao/2005-02/05/content_2550304.htm (Accessed: 22nd July 2019).
3. China. (2018) *中华人民共和国宪法*. [Online] Available from: https://chinalaw.center/china_constitution/china_constitution_revised_2018_chinese/ (Accessed: 22nd July 2019).
4. China. (1978) *中国改革开放全记录*. [Online] Available from: <http://www.reformdata.org/records/1978.shtml> (Accessed: 22nd July 2019).
5. China. (2003) *黑龙江省志：政权志（第六十卷）*. Vol. 60. Harbin: Heilongjiang People's Publishing House. p. 93.
6. China. (1993) *黑龙江省志：民政志（第六十二卷）*. Vol. 62. Harbin: Heilongjiang People's Publishing House. p. 550/
7. Walder, A. (1995) Local Governments as Industrial Firms: an Organizational Analysis of China's Transitional Economy. *American Journal of Sociology*. 101. pp. 263–301.
8. Montinola, G., Qian Yingyi & Weingast, B. (1995) Federalism, Chinese Style: The Political Basis for Economic Success in China. *World Politics*. 48. pp. 50–81.
9. Huang Yasheng. (1996) *Inflation and Investment Controls in China: The Political Economy of Central-Local Relations during the Reform Era*. New York: Cambridge University Press.
10. Hsu, P. (2004) Deconstructing Decentralization in China: Fiscal Incentive Versus Local Autonomy in Policy Implementation. *Journal of Contemporary China*. 40. pp. 567–599.
11. Jin Hehui, Qian Yingyi & Weingast, B. (2005) Regional Decentralization and Fiscal Incentives: Federalism, Chinese Style. *Journal of Public Economics*. 89. pp. 1719–1742.
12. Mertha, A. (2005) China's "Soft" Centralization: Shifting Tiao/Kuai Authority Relations. *China Quarterly*. 184. pp. 791–810.
13. Cai Hongbin & Treisman, D. (2006) Did Government Decentralization Cause China's Economic Miracle. *World Politics*. 58. pp. 505–535.
14. Zheng Yongnian. (2008) *De Facto Federalism in China: Reforms and Dynamics of Central-Local Relations*. New Jersey et. al.: World Scientific.

15. Galenovich, Yu.M. (ed) (2016) *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka* [History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century]. Vol. 9. Moscow: Nauka.
16. Stavrov, I.V. & Ivanov, S.A. (eds) (2018) *Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya XVII–XXI vv.* [History of Northeast China in the 17th–21st centuries]. Vol. 5. Vladivostok: FEB RAS.
17. Berger, Ya.M. (2009) *Ekonomicheskaya strategiya Kitaya* [Economic Strategy of China]. Moscow: Forum.
18. Kadochnikov, D.V. (2016) Byudzhetnaya detsentralizatsiya i mezhyudzhetnye otnosheniya: opyt kitayskikh reform i ego aktual'nost' dlya Rossii [Budget decentralization and interbudgetary relations: Chinese reforms and its relevance for Russia]. *Terra Economicus*. 2. pp. 109–126.
19. Kadochnikov, D.V. (2018) Byudzhetnaya sistema Kitaya na sovremennom etape: klyuchevye vyzovy i napravleniya razvitiya [China's Budget System at the Present Stage: Key Challenges and Development Directions]. *Terra Economicus*. 3. pp. 86–105.
20. Ivanov, S.A. (2011) Deyatel'nost' subnatsional'nykh pravitel'stv v prigranichnom sotrudnichestve Rossii i Kitaya: sistemnye ogranichiteli i problema motivatsii [Activities of subnational governments in cross-border cooperation between Russia and China: systemic constraints and the problem of motivation]. *Rossiya i ATR*. 2. pp. 143–153.
21. Ivanov, S.A. (2012) Raspreделение fiskal'nykh i administrativnykh resursov mezhdu tsentral'noy i mestnymi vlastyami KNR v period reform [Distribution of fiscal and administrative resources between the central and local authorities of the People's Republic of China during the reform period]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie*. 2. pp. 41–48.
22. Zuenko, I.Yu. (2016) Realizatsiya politiki Tsentra v kitayskikh regionakh: nekotorye aspekty problemy (v kontekste stroitel'stva “Novogo Shelkovogo puti”) [Implementation of the Center's policy in the Chinese regions: some aspects of the problem (in the context of the construction of the “New Silk Road”)]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2. pp. 4–12.
23. Zuenko, I.Yu. (2017) Ukreplenie “vertikali vlasti” po-kitayski: kadrovaya politika v otnoshenii regional'nogo rukovodstva v sovremennom Kitae [Strengthening the “vertical of power” in Chinese style: personnel policy in relation to regional leadership in modern China]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 5. pp. 30–46.
24. Coase, R. & Van Ning. (2016) *Kak Kitay stal kapitalisticheskim* [How China Became Capitalist]. Translated from English. Moscow: Novoe izd-vo.
25. Mao Zedong. (1956) *On the Ten Major Relationships*. April, 25. [Online] Available from: https://www.marxists.org/reference/archive/mao/selected-works/volume-5/mswv5_51.htm (Accessed: 22nd July 2019).
26. Xu Chenggang. (n.d.) *The Institutional Foundations of China's Reforms and Development*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/228122072_The_Institutional_Foundations_of_China's_Reforms_and_Development (Accessed: 22nd July 2019).
27. Sokolov, B.I. & Liu Yuzhuo. (2014) Nalogovye reformy: opyt Kitaya – vyvody dlya Rossii [Tax Reforms: China's Experience – Conclusions for Russia]. *Finansy i kredit*. 20. pp. 32–46.
28. Wong, C. (n.d.) *Central-local Relations Revisited: the 1994 Tax Sharing Reform and Public Expenditure Management in China*. [Online] Available from: <https://www.cefc.com.hk/article/central-local-relations-revisited-the-1994-tax-sharing-reform-and-public-expenditure-management-in-china/> (Accessed: 20th February 2020).
29. IMF. (2022) *International Monetary Fund Country Report No. 22/21. People's Republic of China*. Washington: IMF.
30. China. (2017) *Polnyy tekst Ustava KPK, prinyatogo s chastichnymi popravkami 19-m Vsekitayskim s"ezdom KPK* [Full text of the Charter of the CPC, adopted with partial amendments by the 19th National Congress of the CPC]. [Online] Available from: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536.htm (Accessed: 22nd July 2019).
31. Zuenko, I.Yu. (2021) *Transformatsiya regional'noy sistemy upravleniya v KNR v 1977–1997 gg. (na primere provintsii Kheylyuntsyuan)* [Transformation of the Regional Management System in the PRC in 1977–1997 (a case study of Heilongjiang province)]. History Kand. Diss. Vladivostok.
32. Zuenko, I.Yu. & Savchenko, A.E. (2023) *Tsentr-regional'nye otnosheniya v Sovetskom Soyuze / Rossii i Kitae v period reform (1980–1990-e gody)* [Center-Regional Relations in the Soviet Union/Russia and China during the Reform Period (1980–1990s)]. Moscow: MGIMO-Universitet.

Сведения об авторе:

Зуенко Иван Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, старший научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: ivanzuwei@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zuenko Ivan Yu. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of International Studies MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: ivanzuwei@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 28.02.2020; accepted for publication 22.05.2023

Статья поступила в редакцию 28.02.2020; принята к публикации 22.05.2023

Научная статья

УДК 94(=512.122)(574+4)''1941/45''

doi: 10.17223/19988613/83/13

Архивные документы об участии казахов во Второй мировой войне в Италии

Гулнара Малбагаровна Мендикулова¹, Евгения Адольфовна Надежук²,
Алия Аскарровна Акатаева³, Турлыбек Салимович Тумабаев⁴

^{1, 3, 4} *Казахский национальный исследовательский технический университет им. К.И. Сатпаева (Satbayev University), Алматы, Казахстан*

² *Среднерусский гуманитарно-технологический институт, Обнинск, Россия*

¹ *gmendikul@hotmail.com*

² *nadejuk@mail.ru*

³ *akataeva@mail.ru*

⁴ *tumabaev_t@mail.ru*

Аннотация. Представлены результаты работы исследовательской группы международного проекта «Казахи во Второй мировой войне: новые документы из зарубежных архивов». Авторы провели поисковые работы в итальянских, российских и казахстанских архивах, а также в банках данных солдат, погибших и пропавших без вести во время Великой Отечественной войны, и ОБД «Мемориал». Сравнительный анализ архивных документов позволил выявить и обосновать участие десятков казахов в итальянском движении Сопротивления, а также обнаружить ранее неизвестные захоронения наших соотечественников.

Ключевые слова: казахи, Италия, Вторая мировая война, движение Сопротивления, архивные документы

Для цитирования: Мендикулова Г.М., Надежук Е.А., Акатаева А.А., Тумабаев Т.С. Архивные документы об участии казахов во Второй мировой войне в Италии // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 96–105. doi: 10.17223/19988613/83/13

Original article

Archival documents on the participation of Kazakhs in the World War II in Italy

Gulnara M. Mendikulova¹, Evgenia A. Nadezhuk², Aliya A. Akatayeva³, Turlybek S. Tumabaev⁴

^{1, 3, 4} *Kazakh National Research Technical University named after K.I. Satpaev (Satbayev University), Almaty, Kazakhstan*

² *Central Russian Institute of Humanities and Technology, Obninsk, Russian Federation*

¹ *gmendikul@hotmail.com*

² *nadejuk@mail.ru*

³ *akataeva@mail.ru*

⁴ *tumabaev_t@mail.ru*

Abstract. The identification and analysis of archival documents, the study of memoirs of participants in hostilities, members of the partisan movement, the Resistance movement in Europe, memoirs of former prisoners of war, the discovery of burials of dead heroes, the restoration of the names of heroes who were officially considered missing, is necessary to fill in numerous blank spots in the history of participation of the Kazakh people in the World War II.

The study of the problem of participation of Kazakhs in World War II in European countries in Soviet and Kazakhstani historiography, until recently, was based only on materials from Kazakhstan and Russian archives. Documents from the European archives were not included in scientific use.

However, for a truly complete and objective study of this issue, it is also necessary to work with European archival documents where the events took place. Therefore, it is the priority task of the international research project “Kazakhs in World War II: new documents from foreign archives”.

During the Second World War, dozens of our compatriots – Kazakhs – found themselves on the territory of Italy and took an active part in the national liberation anti-fascist partisan struggle on the territory of this country. This is confirmed by the preserved testimonies of participants in the events and archival documents.

The authors searched the following archives and data banks: archive of the Institute for the History of Resistance in Tuscany (Florence, Italy), archive of the Institute of History Parry Emilia Romagna (Italy), archive of the Memorial Della Liberta (Italy) State Archive of the Russian Federation (Russia), Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan); The generalized electronic database “Memorial”, a database of soldiers who died and went missing during the Great Patriotic War, called up from the territory of Kazakhstan.

By comparing and comparatively analyzing materials found in archives and databases of different countries, the project research team was able to identify and document the participation of 59 Kazakhs in the Italian Resistance movement, of which nothing was previously known.

In addition, a comprehensive expedition to Italy was organized and conducted. G.M. Mendikulova worked in the archives of the Institutes of Anti-Fascist Resistance, museums, met with Italian partisans, experts on the World War II in

the cities of Milan, Florence, Bologna and Verona. The expedition resulted in the discovery of unknown historical facts about the World War II and the names of heroes who had previously been forgotten. The graves of Kazakhs who died in the struggle for the liberation of Italy from Nazifascism were discovered. A comprehensive expedition showed the need to continue work, in particular, in the National Archives of Italy in Rome, as well as visiting burial sites in central and northern Italy, where, according to our information, there are also graves of our compatriots.

Keywords: Kazakhs, Italy, World War II, Resistance movement, archival documents

For citation: Mendikulova, G.M., Nadezhuk, E.A., Akatayeva, A.A., Tumabayev, T.S. (2023) Archival documents on the participation of Kazakhs in the World War II in Italy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 96–105. doi: 10.17223/19988613/83/13

Казахстанская историческая наука, несмотря на изменение геополитической ситуации и прошедшие после окончания войны десятилетия, активно изучает различные аспекты Второй мировой войны, начиная с участия воинов-казахов в советско-финской войне 1939 г. и заканчивая вкладом, который они внесли в победу над милитаристской Японией. Выполнение данной задачи вносит свой вклад в сохранение исторической памяти казахской нации, воспитание бережного отношения к ее историческому наследию, славной истории и традициям всего казахстанского общества.

Выявление и анализ архивных документов, изучение мемуаров участников боевых действий, партизанского движения, движения Сопротивления в Европе, воспоминаний бывших военнопленных, обнаружение захоронений погибших героев, восстановление имен героев, которых официально считали пропавшими без вести, необходимы для заполнения многочисленных белых пятен в истории участия казахского народа во Второй мировой войне.

Казахстанскому обществу факты участия казахов в европейском, в частности итальянском, движении Сопротивления стали известны относительно недавно. В современной исторической науке представлены монографии об участии русских, украинцев, азербайджанцев и армян в движении Сопротивления европейских стран, но никаких данных о казахах в этих исследованиях не приводилось.

Изучение проблемы участия казахов во Второй мировой войне в европейских странах в советской и казахстанской историографии до недавнего времени основывалось только на материалах казахстанских и российских архивов. Документы европейских архивов не были включены в научный оборот. Однако для действительно полного и объективного исследования этого вопроса необходима также работа с архивными документами стран Европы, на территориях которых изучаемые события имели место. В рамках проекта авторы проводят комплексное междисциплинарное исследование проблем участия казахов во Второй мировой войне на основе новых документов, извлеченных из архивов Италии, Франции, Великобритании, Бельгии, России, Финляндии и Норвегии. Именно это является приоритетной задачей международного исследовательского проекта «Казахи во Второй Мировой войне: новые документы из зарубежных архивов», в работе которого принимают участие ученые-историки, поисковики из Казахстана, Украины и Италии.

Работа основана на общенаучных методах исследования, в том числе на принципах исторического по-

знания – историзме, объективности и др. Для достижения целей используются архивный метод исследования, историко-сравнительный, метод исторической реконструкции. Кроме того, в исследовании применяется причинно-следственный и системный анализ, с помощью которого можно составить единую картину, используя информацию из различных архивных и электронных источников.

В период Второй мировой войны десятки наших соотечественников – казахов – оказались на территории Италии и приняли самое активное участие в народно-освободительной антифашистской партизанской борьбе на территории этой страны. Это подтверждают сохранившиеся свидетельства участников событий и архивные документы. Однако тема участия казахов в движении Сопротивления на территории Италии до сих пор остается малоизученной. В 2010 г. стало известно о захоронении 37 казахов, погибших в борьбе с фашизмом, в Триесте, на северо-востоке Италии, что широко освещалось в казахстанской прессе [1, 2]. Правительство Казахстана установило памятник в память о солдатах «русского батальона» Народно-освободительной армии Югославии, освобождавшей Триест в 1945 г., где на плите выбиты имена 101 советского солдата.

Так как же казахи попали в далекую и прекрасную Италию? После жестокого подавления восстания в Риме и центральных районах Италии осенью 1943 г. страна распалась на два воюющих лагеря. На севере начало мощно развиваться движение Сопротивления, борющееся как с режимом дуче – Муссолини – и его чернорубашечниками, так и с гитлеровской оккупацией. Именно в это время, т.е. осенью 1943 г., в Италию прибыли первые крупные партии советских военнопленных и угнанных на работы; многим из них удалось бежать и влиться в движение Сопротивления (самые первые военнопленные появились еще весной 1942 г. – пленники Итальянской армии на Восточном фронте). «Военные действия на территории Апеннин с возрастающим размахом, шли весь 1944 г. и первые месяцы 1945 г. – в них в итоге участвовало около 5 тысяч выходцев из России и СССР – в рядах Сопротивления, и более 30 тысяч – коллаборационистов, воинов Русской Освободительной армии (“власовцев”), Казахского Стана (“красновцев”) и Восточных легионов. Однако многие из посланных сюда коллаборационистов саботировали свои обязанности и даже дезертировали из Вермахта или уходили к партизанам» [3. С. 17].

О масштабах движения Сопротивления в Италии со второй половины 1943 г. свидетельствуют следующие данные, приводимые П. Тольятти: всего насчитывалось

575 гарибальдийских бригад, 198 соединений организации «Джустиция э либерта», 255 автономных частей, 70 социалистических частей имени Маттеотти и 54 народные бригады [4. С. 75]. По сведениям бывшего Генерального секретаря ИКП Л. Лонго, органы итальянского правительства в мае 1945 г. зарегистрировали 350 425 участников партизанского движения в Италии [5. С. 16].

Свидетельствуя об активном участии советских людей в антифашистской борьбе на территории Италии, Р. Батталья писал: «Без всяких колебаний присоединялись к партизанскому движению бывшие военнопленные Советской армии, начиная от тех неизвестных солдат, которые подали сигнал к восстанию и сами погибли в бою в районе Санта Мария Капуа Ветере, до более известных людей, оставивших по себе долгую память. Один советский майор в провинции Кунео взял на себя командование отрядом бойцов, входивших в бригаду “Паоло Браччини”» [6. С. 377]. В данной статье мы хотели бы рассказать о новых находках, полученных нашей исследовательской группой за последние годы.

Документы и свидетельства о деятельности казахстанцев, воевавших в итальянской партизанской бригаде «Гuido Баскалья», хранятся в Центральном Государственном архиве Республики Казахстан. Так, Альпеисов Такиш родился в 1909 г. в ауле № 5 Нуринаского района Карагандинской области. До войны работал трактористом. Был призван в ряды Красной Армии 19 августа 1941 г. и после прохождения службы в 19-й стрелковом полку в Алма-Ате, а затем в Гурьеве, был в марте 1942 г. направлен на фронт. В августе 1942 г. в боях под Харьковом был взят в плен, отправлен в Польшу, затем в лагерь «Нойгаммер» на территории Германии, а в середине 1943 г. – в Италию. В начале 1944 г. Такиш Альпеисов бежал из плена вместе с Кенжегали Торекешевым и Жанбаем Жакеновым. После двухнедельных скитаний в горах они были замечены итальянскими партизанами и оказались в расположении партизанского соединения «Гuido Баскальо».

Такиш Альпеисов и его товарищи принимали активное участие в диверсионных акциях против немецких и итальянских фашистов, нападали на вражеские посты и казармы, участвовали в налетах на железнодорожные мосты и тоннели. В конце 1944 г. в числе других советских воинов, боровшихся в Италии с фашизмом, при помощи советской военной миссии он был отправлен через Суэц–Тегеран–Баку на Родину [7].

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) удалось обнаружить документы на итальянском языке, предоставленные итальянскими властями в 1945 г. в Отдел по репатриации Совета Министров СССР. Один из документов был составлен 17 марта 1945 г. в Риме. В документе за подписью начальника секции Бернабо говорится: «По договоренности с майором данной Военной Миссии направляем вам список граждан... участвовавших в борьбе партизанских отрядов против национал-фашистов. Данный материал составлен на основе списков, имевшихся в распоряжении данной секции» [8]. На документе имеется резолюция, в соответствии с которой он должен был быть

отправлен для ознакомления товарищам Коневу, Логунову и Карташеву.

В частности, в список включены бойцы партизанских отрядов – бывшие советские военнопленные, действовавшие в провинции Тоскана, среди них мы нашли и казахов: Красная Рубашка – М. Амиата, Камиче Росса (Сиена-Гроссето) – 11 человек; Белая Рубашка – М. Амиата (Камиче Бианка) – 31 человек; Белая Рубашка (Siена) (Камиче Бианка) – 20 человек; Отряд Карлино (Пиза) – 1 человек. Фамилии и имена нередко искажены, однако большинство поддается прочтению. Указан также год рождения. Обнаруженный список не дублирует выявленный ранее состав участников соединения «Гuido Баскалья».

Обнаруженный список позволил восстановить имена и фамилии 61 человека, среди которых были и казахи, воевавшие в партизанских отрядах в разных провинциях Италии. Эти документы, имена этих людей ранее не были известны казахстанской исторической науке и широкой общественности.

Из данного списка участников борьбы с фашизмом мы получили документальные подтверждения, что 27 партизан являются этническими казахами. Обнаруженные документы, к сожалению, не дают нам сведений о том, кто из указанных в них бойцов остался жив к моменту освобождения Италии от фашизма, а кто погиб в сражениях. Но мы точно знаем, что их репатрировали, в основном через Бендер-Шах в Иране, на Родину, где следы некоторых из них теряются.

Совершенно новым результатом работы с ОБД «Мемориал» стали документы, в которых содержатся фамилии казахов, участвовавших в борьбе с нацифашизмом в центральной и северной Италии [9]. Помимо фамилий, в списках указан также год рождения (рис. 1).

Кроме того, был выявлен список казахов и казахстанцев, воевавших и погибших в Италии, составленный и проверенный в 1946 г. Из данного документа видно, что некоторые погибшие являются участниками боев в Италии, родом они из Казахстана [10] (рис. 2).

Так, например, Базарбай Казбай был расстрелян фашистами в феврале 1945 г. В том же месяце, согласно указанному списку, были расстреляны еще несколько человек: Карошавай Кудай Вердинов, Медкамганов Тимофей, Марманов Унгар. Среди них и Аркушин Степан Никитич, который был родом из Алма-Аты (ныне г. Алматы)

Банк данных погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны военнослужащих, призванных с территории Казахстана, содержит сведения о Романкулове Тургынбае, 1920 г. рождения. Согласно Банку данных, Тургынбай был призван в армию Джамбейтинским районным военным комиссариатом Западно-Казахстанской области Казахской ССР 27 сентября 1940 г. 18 августа 1942 г. он попал в плен. Банк данных сообщает, что в последствии Т. Романкулов из плена был освобожден. Дополнительные сведения, касающиеся Романкулова Тургынбая, были найдены нами в итальянских документах, сохранившихся в ГАРФ. В частности, Приказ № 11 командира батальона русских партизан, действовавшего в провинции Рэджио-Эмилио в Италии, гласит:

«1. За отличное выполнение боевого задания 1 апреля 1945 года, выразившегося в разгроме немецкого восточного батальона 616... прорвавшего обороны партизан и углубившегося в партизанскую зону на 5–6 км, выношу благодарность всему личному составу 1 и 2 взводов.

2. Особенно отличившиеся в бою: Пом. Ком. Бата Данилевский Николай, Ком. 1-го отд. 2 взв. Хасанов Григорий, боец Ташмаков Исак, боец Романкулов Тургунбай... Первыми бросившись в атаку, повлекли своей отвагой за собой остальных бойцов. Все время находясь впереди своего взвода, автоматным и пулеметным огнем выбили противника из занимаемых им позиций. После двухчасовой атаки противник был

разбит и оставшиеся небольшие группы были отброшены за позиции партизан, т.е. на другую сторону реки Секио.

3. Особо отличившимся в боях бойцам и командирам: Данилевский Николай, Хасанов Григорий, Ташмаков Исак, Романкулов Иван, Захаров Иван, Сологуб Иван, Уматов Хасан, Поляков Николай приказываю выдать денежную премию в размере 500 итальянских лир с занесением благодарности в личное дело. Ставлю в известность весь личный состав батальона, что лица, особо отличившиеся в боях в Италии против немецко-фашистских захватчиков, через английское командование будут представлены к правительственной награде.

Комбат Пирогов» [11].

255

206	Товалов Сагнар	1920	ррр	козак
207	Нормохитзов Умарович	1922	,	"
208	Алимурадов Хайрбай	1922	,	"
209	Мезаров Исак	1921	,	"
210	Заматовичев Тимур	1921	,	"
211	Абдураманов Билал	1918	,	"
212	Сейтказаров Тимур	1919	,	"
213	Дуванов Хамидбай	1920	,	"
214	Тимуровичев Тимур	1919	,	"
215	Халимов Турмухамед	1922	,	"
216	Товалов Жанган	1922	,	"
217	Халимов Хамид	1922	,	"
218	Алиев Мухомбетов	1922	,	"
219	Дурманов Мухамед	1921	серб	"
220	Тимуров Хамид	1922	1921	"
221	Алиев Хамид	1910	"	"
222	Халимов Хамид	1918	,	"
223	Алиев Хамид	1922	,	"
224	Туманбаев Умарбай	1914	,	"
225	Салимов Хамид	1916	,	"

Рис. 1. Один из списков участников борьбы с нацифашизмом в центральной и северной Италии [9]

К о п и я.

С П И С О К
погибших советских граждан в Италии.

Проверено по к/карты ЧСБП 29/11/46 г. - в своем. Василий

№ п/п	Фамилия, И.О.	Год рожден:	Местожительство в СССР	Сведения о смерти	Место погреб.
1.	Хусинов Вилаят	1917	Кировоград	Ранен в бою. Умер в Кастель Сан-Джованни 30.12.44 года.	Похоронен там же
2.	Ахмед	1918	Агдас	Ранен в бою. Умер в Кастель Сан-Джованни 2.2.45 года.	"-
3.	Ибраджиев Исмаил	1919	Казак Каймахиб	Ранен в бою. Умер в Кастель Сан-Джованни 2.1.45 года.	"-
4.	Аверьянов Григорий	1912	Саратов	Погиб в бою 6.12.44 Бригада "Кайо".	-
5.	Горшков Афанасий	1912	Саратов	Попал в плен в Рокетти Лигуре и расстрелян в Казалла в декабре 1944 года.	Похоронен там же.
6.	Рибак Онуфрий Вас.	1922	Винницкая обл.	Пал в бою против немцев в ноябре 1944г.	-
7.	Тирков Александр Никифорович	1921	Одесса	Пал в бою в Ринальта Скривич в феврале 1945 года.	Похоронен там же
8.	Путилин Григорий Васильевич	1908	Ворошиловград	При облове пропал без вести.	-
9.	Когтиков Иван Онуфриевич	1915	Уфа	Расстрелян немцами в декабре 1944 года.	-
10.	Федорович Иван Тимофеевич	1916	-	Пропал без вести после облавы.	-
11.	Агламов Геннадий Николаевич	1923	Свердловск	"-	-
12.	Аркушин Степан Никитович	1913	Алма-Ата	Попал в плен в Рокетти Лигуре. Расстрелян немцами в Козелла в декабре 1944 года.	Похоронен в Козелла.
13.	Фролов Степан Николаевич	1926	Могилев	Пропал без вести при облаве в дек. 1944 г.	-
14.	Шурков Петр Васильевич	1924	Витебская обл.	Пропал без вести в декабре 1944 года.	-
15.	Полетаев Федор	1909	Казахстан	Пал в бою в феврале 1944г. в Конталупе Лигуре.	Похоронен там же
16.	Кусков Николай Гаврилович	1905	Кудоба	Умер от ран в горах в марте 1945 года.	Похоронен на месте.
17.	Карошавай Кудай Бердинов	1922	Казахстан	Расстрелян в феврале 1945 года.	-
18.	Мелкамганов Тимофей	1922	Казахстан г. Комольск	Расстрелян в феврале 1945 года.	-
19.	Базарсай Казбай	1916	Кустанай	Расстрелян в феврале 1945 года.	-
20.	Марманов Унгар	1922	г. Вершин	Расстрелян в феврале 1945г.	-
21.	Василий	-	Ворошиловград	Погиб в бою 5 сент. 44г.	-

19/3/44

Рис. 2. Списки погибших советских граждан в Италии во время Второй Мировой войны [10]

Данный документ приоткрывает нам историю пребывания Тургымбая Романкулова в Италии, его героического участия в движении Сопротивления этой страны.

Во время комплексной экспедиции в Италии с 4 по 12 мая 2019 г. мы работали в архивах институтов антифашистского Сопротивления, музеях, встречались с итальянскими партизанами, специалистами по Второй мировой войне в городах Милан, Флоренция, Болонья и Верона.

В архиве Института истории Сопротивления в Тоскане во Флоренции были выявлены имена 27 казахов, боровшихся с нацизмом и фашизмом в Италии. Среди них – Алматов Турлыбек (табл. 1).

Таблица 1

Сведения об Алматове Турлыбеке из архива Института истории Сопротивления [12]

Cognome:	Almatow
Nome:	Turlibek
Luogo di Residenza:	russia (EE)
Data di Nascita:	1922
Luogo di Nascita:	russia (EE)
Descrizione	
Note Biografiche:	Posizione all'8 settembre 1943: Ex prigioniero
Tipo di attivita:	Patriota
Dal:	1944/05/28
Al:	1944/07/20
Brigata di appartenenza:	Ragg. "M.Amiata"-Banda. "Camicia Bianca"
Grado:	Gregario

Следует отметить, что данных об Алматы Турлыбеке нет ни в ОБД «Мемориал», ни в Банке данных погибших и пропавших без вести, ушедших на войну из Казахстана. К сожалению, это не единственный случай.

Анализ документов выявил трудности и противоречия идентификации указанных в списке фамилий и имен. Так, в упомянутом выше письме Бернабо от 17 марта 1945 г. имеется фамилия Шаймерденов, имя Гильман (Scaimerdenov Gilman). ОБД «Мемориал» по данному запросу сообщает, что Шаймерденов Гильман Дариевич родился в 1917 г. в Казахской ССР, Гурьевской области, Новобогатинском районе, совхозе Джамбульский. Был призван в армию в январе 1940 г. 24 августа 1941 г. попал в плен. Был освобожден [13]. Казахстанский Банк данных солдат, погибших и пропавших без вести во время Великой Отечественной войны, призванных с территории Казахстана, дает аналогичные сведения. Однако в архиве Института истории Сопrotивления в Тоскане во Флоренции (Istituto storico della Resistenza in Toscana (Firenza)) Г.М. Мендикуловой был обнаружен документ, содержащий казахские фамилии, в котором имеются сведения о Шаймерденове Дюйсене (Scaimerdenov Duyson) (табл. 2). В соответствии с этим документом Шаймерденов Дюйсен воевал в партизанском отряде «М. Amiata-Banda. Camicia Bianca». Ни ОБД «Мемориал», ни Банк данных солдат, погибших и пропавших без вести во время Великой Отечественной войны, призванных с территории Казахстана, не имеют сведений о Шаймерденове Дюйсене. Зато имеют данные о Шаймерденове Гильмане Дариевиче, который также воевал в отряде «М. Amiata-Banda. Camicia Bianca» и был репатриирован на Родину через пересылочный пункт в Иране, в Бендер-Шахе. Считаю, что это ошибка в написании имени, которая произошла в итальянском архиве, так как для итальянского языка это непривычные имена. При этом несколько русскоязычных источников подтверждают, что данного бойца звали Шаймерденов Гилман.

Таблица 2

Сведения о Шаймерденове Дюйсене, настоящем Шаймерденове Гильмане, из архива Института истории Сопrotивления [14]

Cognome:	Scaimerdenov
Nome:	Duison
Luogo di Residenza:	gsmuk - russia (EE)
Descrizione	
Tipo di attivita:	Patriota
Dal:	1944/05/28
Al:	1944/07/20
Brigata di appartenenza:	Ragg, "M.Amiata"-Banda. "Camicia Bianca"
Grado:	Gregario

Очень интересные результаты принес сбор архивных документов и материалов в архиве Института истории и памяти 1900-х гг. Парри Эмилия-Романья [15] и в Мемориальном музее свободы [16] в Болонье.

В Областном комитете Национальной ассоциации итальянских партизан (ANPI) Болоньи состоялась встреча Г.М. Мендикуловой с итальянским партизаном Эрмениджильдо Буни (Ermenegildo Bugni). В интервью он рассказал о партизане-азиатце, точного имени которого не помнит, но знает, что его называли «Монгол».

При встрече с итальянскими поисковиками Клаудио Спано и Франческа Кандиоли (Claudio Spanò and Francesca Candioli) мы узнали о советском партизане Каратоне, который воевал в бригадах Стелла Росса-Лупо (Stella Rossa-Lupo) с июля по 29 сентября 1944 г., и в 63-й бригаде Гарибальди Болеро (Garibaldi Bolero) примерно с 10 октября по 30 октября 1944 г. Итальянцы звали его Каратон. Он погиб в битве при Кастельдеболе (Casteldebole) утром 30 октября 1944 г.

Он говорил по-итальянски и по-немецки, примерный возраст, по воспоминаниям итальянских коммунистов, воевавших с ним, от 25 до 35–37 лет. По воспоминаниям итальянских партизан, он мог иметь звание лейтенанта или советского офицера. Возможно его участие в партизанской борьбе Республики Монтефиорино весной 1944 г.

Итальянские партизаны Марио Натти (Mario Nanni; 97 лет) и Франко Фонтана (Franco Fontana; 91 год) вспоминают: «Он часто заботился о том, чтобы убивать немецких захватчиков ножом, чтобы не шуметь и не тратить впустую патроны и боеприпасы. У него были шрамы на спине. Он был в плену у немцев и был одет в немецкую форму (видимо снял с убитого им же фашиста). Он пел Верди и Россини и просил итальянских партизан научить его некоторым песням. После убийства Монте-Соле он не пересек фронт, вместо того, чтобы достичь союзников, как многие партизаны Красной Звезды. Он предпочел поехать в оккупированную Болонью, где продолжал сражаться с итальянскими соратниками. Он был опытным всадником» [17].

Каратон погиб 30 октября 1944 г. в Кастельдеболе (Casteldebole, Bologna) рядом с Болоньей. Итальянские партизаны считают, что он был казахом. Существует еще одна версия, что он мог быть в числе легионеров 162-й (тюркской) инфантерской дивизии – подразделения, состоявшего из тюрков и кавказцев, из которого дезертировало очень много солдат в Тоскане, Эмилии и Романье. Сопоставляя данные, мы предполагаем, что итальянским героем может быть Каратоун (Каратауов) Нурмаш, до войны проживавший в Джангалинском районе Западно-Казахстанской области. Мы обратились в районные органы власти с просьбой помочь нам в поиске родных и близких героя. Попросили найти родственников или тех, кто помнит и может засвидетельствовать (у нас есть его портрет, составленный итальянскими коммунистами, с которыми он сражался, и нарисованный по их описанию местным художником; рис. 3).

Рис. 3. Портрет Каратона, составленный по воспоминаниям итальянских партизан Марио Натти и Франко Фонтана в 2019 г.

ОБД «Мемориал» содержит сведения о Каратоуне Нурмаше, родившемся в совхозе Айдарханский Джангалинского района Западно-Казахстанской области в 1900 г. Там же он был призван на военную службу. Согласно документам, хранящимся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации и опубликованным в ОБД «Мемориал», 4 июля 1942 г. он пропал без вести. Захоронение Каратона найдено в Италии. Он – герой, которого разыскиваем мы и ита-

льянские поисковики. В настоящий момент работа по его поиску и идентификации продолжается.

Таким образом, в результате проведенной идентификации фамилий, анализа и сопоставления документов из разных архивов Италии, России и Казахстана, членам исследовательской группы проекта удалось документально подтвердить участие в борьбе за освобождение Италии от фашизма 62 этнических казахов (табл. 3).

Таблица 3

Казахи – участники борьбы за освобождение Италии от нацифашизма

№	Итальянские источники	Российские источники	Казахстанские источники
1	Albajev Boriben	Албаев Бурабек Албаев Бурбек Албаев Бурибек	Албаев Бурабек Албаев Бурбек
2	Muchacev Adamkur	Мукашев Адамкул	Мукашев Адамкул
3	Baimurzin Anderias		Баймурзин Абдиш
4	Racbmanov Omar	Рахманов Омарбек	Рахманов Омарбек
5	Scaimerdenov Duison	Scaimerdenov Gilman Шаймерденов Гильман Дариевич	Шаймерденов Гильман Дариевич
6	Mambetov Galben	Мамбетов Калдыбек	Мамбетов Калдыбек
7	Abilhanov Silhan	Абилханов Сеилхан Абилханов Сейлхан	Абилханов Сеилхан
8	Scithoganiev Duison	Сейткожаев Дюсен	Сейткожаев Дуйсен
9	Curakov Klicbai	Кураков Кульшбай Кураков Кильшбай	Кураков Кульшбай
10	Nazarov Iskak	Назаров Искак	Назаров Исхак
11	Salamatov Nurbai	Саламатов Нурбай	Саламатов Нурбай
12	Nurmullin Geksembai	Нурмуллин Жексенбай	Нурмуллин Жексенбай
13	Mokacev Naurizbai		Мукашев Наурызбай
14	Umirscrikav Tahic	Умирсериков Такиш Умирсериков Такши	
15	Amirenov Hani	Амрик Хани	Амрин Хани
16	Aidarov Adamhoga	Айдаров Адамкаджа	Айдаров Адамкаджа
17	Bektascov Cai-Ahmed	Бектасов Шаяхмет Бектасов Шаяхмед	Бектасов Шаяхмет
18	Tabilov Saginai	Табилев Сагнай Тоболов Согнай	Табилев Сагнай
19	Giksinaief Sagendik	Жексинаев Сагындык	
20	Karaton		Возможно, Каратоун (Каратауов) Нурмаш
21	Kapiscov Galel	Капишов Джалел	Капишов Джалел
22	Abilov Hakim	Абилов Какимжан	Абилов Какимжан
23	Kalinov Ahmedgan Halimov Ahmedgan	Калимов Ахметжан	
24	Tugambaiev Oksikbai	Туғанбаев Уксукбай	Туғанбаев Уксукбай
25	Mamataiev Rahigman	Маматаев Рахимжан	Мамитаев Рахимжан
26	Almatov Turlibek		
27	Sunn-detov Sattar		
28		Есекенов Нигмет	
29		Еасубаев Исмагул	
30		Махашев Исембек	Махашев Сембек
31		Байларбенков Курсулеймен	Байларбеков Нурсулеймен
32		Джумбаев Абдрахман	
33		Игембаев Кабдилкак	
34		Раханов Иса	
35		Аралбаев Батиргалин	
36		Мусагалиев Наби	
37		Даулеткулов Батырхан	
38		Манабаев Махамбет	
39		Кайлибаев Кургали	
40		Куаншиев Алимкул	
41		Бахбаев Конесбай	
42		Айдарханов Нурпейс	
43		Танбаев Бисейнали	
44		Кундызбаев Темиржан	
45		Изимов Набизулла	
46		Бермагамбетов Байтурдсын	
47		Турдаев Казакбай	
48		Дилмагамбетов Хикмет	
49		Шечирбаев Акбар	

Окончание табл. 3

50		Уразбаев Коптелау	
51		Карпеков Тапскен	
52		Есембаев Шарип	
53		Кумашев Мукат Каротаевич	
54		Абаев Зубкер	
55		Джайсанов Бадель	
56		Базарбай Казбай	
57		Карошавай Кудай Вердинов	
58		Медкамганов Тимофей	
59		Марманов Унгар	
60		Тулбаев Жумахмет	
61		Романкулов Тургынбай	Романков Тургынбай
62			Торекешев Кенжегали
63			Жакенов Жанбай
64		Альписов Такеш	

Комплексная экспедиция показала необходимость продолжения работы, в частности в Национальном архиве Италии в Риме, а также посещения мест захоронений в центральной и северной Италии, где, по нашим сведениям, также имеются могилы наших соотечественников. В процессе анализа и сопоставления данных из итальянских архивов и двух баз данных – ОБД «Мемориал» и Банка данных погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны военнослужащих, призванных с территории Казахстана, были найдены дополнительные сведения о захоронениях казахов.

Так, на городском кладбище в Guiglia, провинция Модена, обнаружено захоронение Тулбаева Жумахмета из Терен-озека Кзыл-Ординской области Казахской ССР, 1919 г. рождения. Партизан погиб 6 марта 1945 г. Наши поиски его родных в Казахстане пока не увенчались успехом, знаем, что сразу после войны его искала мама. Но на сегодняшний день родственников в Терен-озеке не обнаружено. Однако до их пор за его могилой ухаживают члены Национальной Ассоциации партизан Италии (ANPI).

Исследовательская группа обнаружила также документы и по казахам, сотрудничавшим с фашистами и нацистами в Италии, погибшим и похороненным в основном на немецких военных кладбищах Футапасс и Костермано. Как они туда попали? На этот вопрос был получен следующий ответ. В Италию осенью 1943 г. была переправлена 162-я (туркская) пехотная дивизия (нем. 162 (Turk) Infanterie-Division), сформированная 23 мая 1943 г. [18]. Однако в монографии О.В. Романько «Мусульманские легионы во Второй мировой войне» называется другая дата – 21 мая 1943 г. [19. С. 208]. Исследователь дополняет данный факт интересной информацией: это была экспериментальная группа и называлась Turkomann-Infanterie-Division № 162.

При этом были найдены неизвестные ранее захоронения казахов, которые в Италии находились как часть Туркестанского легиона [20]. Похоронены они на немецких военных кладбищах в Футапасс, Костермано и др.

Однако более тщательная проверка данных по захоронениям казахов на итальянских кладбищах показала, что сведения не всегда соответствуют действительности, как это было и с базами данных захоронений советских воинов в других европейских странах. Например, согласно документам, легионер, капрал Вермахта Айганов Байтак, 1922 г. рождения, погибший 6 марта

1945 г., был захоронен в Цокка, провинция Модена; позже прах был перенесен в Пассо-делла-Фута, коммуна Фиренцуола, провинция Флоренция, Немецкое военное кладбище, блок 10, могила № 67. Но обнаружить это захоронение не удалось.

Кроме этого, были выявлены захоронения 4 казахов в Passo della Futa [21] (кладбище Футапасс – военное немецкое кладбище, 50033 Фиренцуола, находящееся от Флоренции).

В Вероне расположено военное немецкое кладбище Костермано. По ошибке в 1956 г. там были перезахоронены и советские партизаны вместе с их палачами. М. Эккли указывает: «Некоторые советские граждане похоронены на немецких кладбищах в Италии, даже если, по свидетельствам очевидцев, приняли сторону итальянских партизан. Но самая большая историческая несправедливость сопровождает память тех, кто оказался захоронен в Костермано. Ситуация цинична, так как в соседних могилах лежат останки нацистских преступников, которые Германия по-прежнему не желает возвращать на родину, и останки советских партизан, даже не всегда опознанные» [22. С. 302].

На этом кладбище были обнаружены три захоронения среднеазиатцев: Матшидова Абдуллина, Русмата Тургунбая и Масалежарова (?) – сейчас проходит их идентификация (рис. 4).

Рис. 4. Захоронение Русмата Тургунбая на кладбище Костермано

Русмат Тургунбай (в списках Тургунбей) родился в 1906 г., по сведениям ОБД «Мемориал» погиб 13 ноября 1944 [23], сначала был захоронен на гражданском кладбище в городе Верона, номер могилы 254, но затем-то был перезахоронен на Костермано с припиской Хиви, т.е. якобы он был добровольно наемным в германских войсках...

Маджидов Абдуллин так пока и не идентифицирован.

Обнаружены также новые данные о захоронениях еще шести среднеазиатцев на немецком военном кладбище в Костермано [З. С. 153]. Данные по этим солдатам находится на стадии обработки и сверки.

Таким образом, мы можем почерпнуть совершенно новые сведения о наших соотечественниках, воевавших в рядах партизанских соединений, а также немецких отрядов в Италии в годы Второй мировой войны.

Безусловно, данная работа требует продолжения. Перед исследовательской группой стоит задача завершить исследование, выявив имена, судьбы, неизвестные места захоронения казахов – участников борьбы с фашистским режимом в Италии и других европейских странах, проанализировать выявленные факты и сделать их доступными казахстанскому и мировому сообществу.

Задача по сбору и изучению документов и обнаружению имен солдат и офицеров, которые героически сражались с фашизмом и до сих пор неизвестны своей родине, очень важна и актуальна.

Тщательное изучение архивных документов и воспоминаний участников событий должно восстановить светлую память о наших соотечественниках – казахах – борцах с фашизмом.

Список источников

1. Коэмец Е. Казахский след на итальянской земле // Караван. 2020. 1 марта. URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/kazakhskijj-sled-na-italyanskojj-zemle-464098/> (дата обращения: 26.03.2020).
2. В Триесте состоялось открытие обелиска в память советских солдат, среди которых 36 казахов, погибших при освобождении северных областей Италии // КазИнформ. 2010. 1 мая. URL: https://www.inform.kz/ru/v-trieste-sostoyalos-otkrytie-obeliska-v-pamyat-sovetskih-soldat-sredi-kotoryh-36-kazahov-pogibshih-pri-osvobozhdenii-severnyh-oblastey-italii_a2264232 (дата обращения: 26.11.2018).
3. Талалай М.Г. Русские участники Итальянской войны 1943–1945: партизаны, казаки, легионеры. М.: Старая Басманная, 2015. 408 с.
4. Тольятти П. Итальянская коммунистическая партия. М.: Госполитиздат, 1959. 305 с.
5. Лонго Л. Народ Италии в борьбе. М.: Изд-во иностр. лит., 1951. 260 с.
6. Батталья Р. История итальянского движения Сопротивления. М.: Изд-во иностр. лит., 1954. 369 с.
7. Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 1660. Оп. 3. Д. 6. Л. 2–4.
8. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9526. Оп. 6. Д. 77. Л. 257.
9. Информация из документов, уточняющих потери: Кураков Кильшбай // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=85540313> (дата обращения: 07.07.2019).
10. Информация из документов, уточняющих потери: Карошавай Кудай Вердинов // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=68560071> (дата обращения: 03.07.2019).
11. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 77. Л. 271–272 об.
12. Almatow Turlibek. ToscanaNovecento. URL: http://www.toscananovecento.it/eGallery/partigiani/view?id=TESEO_406944&tipologia=PER (accessed: 06.05.2019).
13. Информация из картотеки: Шальмерденов Гильман // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=79801590> (дата обращения: 10.07.2019).
14. Scaimerdenov Duison. ToscanaNovecento. URL: http://www.toscananovecento.it/eGallery/partigiani/view?id=TESEO_445813&tipologia=PERdef (accessed: 06.05.2019).
15. Istituto Storico Parri Emilia Romagna (Bologna). URL: <http://www.istitutoparri.eu/en/> (accessed: 06.05.2019).
16. Memoriale Della Liberta (Bologna). URL: <https://www.museomemoriale.com/> (accessed: 05.05.2019).
17. Интервью Клаудио Спано с Марио Натти и Франко Фонтана, переданное Г.М. Мендикуловой. 10 мая 2019 г. Болонья (Италия).
18. 162-я (тюркская) пехотная дивизия (Третий рейх) // Википедия: свободная энциклопедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/162-я_\(тюркская\)_пехотная_дивизия_\(вермахт\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/162-я_(тюркская)_пехотная_дивизия_(вермахт)) (дата обращения: 23.09.2019).
19. Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 320 с.
20. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 522. Л. 337
21. Istituto storico della Resistenza in Toscana (Firenza). URL: <http://www.istoresistenzatoscana.it/> (accessed: 06.05.2019).
22. Эккли М. Советские военнопленные в итальянском антифашистском партизанском движении: осень 1943 – весна 1945 г. // Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире: сб. материалов междунар. науч.-общественного форума, посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 2 т. Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2015. Т. 1. 502 с.
23. Информация из документов, уточняющих потери: Тургунбай Русмат // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=85315779> (дата обращения: 06.10.2019).

References

1. Koemets, E. (2020) Kazakhskiy sled na ital'yanskoy zemle [The Kazakh footprint on Italian soil]. *Karavan*. 1st March. [Online] Available from: <https://www.caravan.kz/gazeta/kazakhskijj-sled-na-italyanskojj-zemle-464098/> (data obrashcheniya: 26.03.2020).
2. KazInform. (2010) *V Trieste sostoyalos' otkrytie obeliska v pamyat' sovetskih soldat, sredi kotorykh 36 kazakhov, pogibshikh pri osvobozhdenii severnykh oblastey Italii* [An obelisk was opened in Trieste in memory of Soviet soldiers, including 36 Kazakhs who died during the liberation of the northern regions of Italy]. 1st maya. [Online] Available from: https://www.inform.kz/ru/v-trieste-sostoyalos-otkrytie-obeliska-v-pamyat-sovetskih-soldat-sredi-kotoryh-36-kazahov-pogibshih-pri-osvobozhdenii-severnyh-oblastey-italii_a2264232 (Accessed: 26th November 2018).
3. Talalay, M.G. (2015) *Russkie uchastniki Ital'yanskoy voyny 1943–1945: partizany, kazaki, legionary* [Russian Participants of the Italian War of 1943–1945: Partisans, Cossacks, Legionnaires]. Moscow: Staraya Basmannaya.
4. Togliatti, P. (1959) *Ital'yanskaya kommunisticheskaya partiya* [Italian Communist Party]. Moscow: Gospolitizdat.
5. Longo, L. (1951) *Narod Italii v bor'be* [The people of Italy in the struggle]. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
6. Battaglia, R. (1954) *Istoriya ital'yanskogo dvizheniya Soprotivleniya* [History of the Italian Resistance Movement]. Translated from Italian. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
7. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). Fund 1660. List 3. File 6. pp. 2–4.
8. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9526. List 6. File 77. p. 257.

9. OBD “Memorial”. (n.d.) *Informatsiya iz dokumentov, utochnyayushchikh poteri: Kurakov Kilyshbay* [Information from documents specifying losses: Kurakov Kilyshbai]. [Online] Available from: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=85540313> (Accessed: 7th July 2019).
10. OBD “Memorial”. (n.d.) *Informatsiya iz dokumentov, utochnyayushchikh poteri: Karoshavay Kuday Verdinov* [Information from documents specifying losses: Karoshavay Kuday Verdinov]. [Online] Available from: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=68560071> (Accessed: 3rd July 2019).
11. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9526. List 6. File 77. pp. 271–272 ob.
12. ToscanaNovecento. (n.d.) *Almatov Turlibek*. [Online] Available from: http://www.toscananovecento.it/eGallery/partigiani/view?id=TESEO_406944&tipologia=PER (Accessed: 6th May 2019).
13. OBD “Memorial”. (n.d.) *Informatsiya iz kartoteki: Shal'merdenov Gil'man* [Information from the card index: Shalmerdenov Gilman]. [Online] Available from: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=79801590> (Accessed: 10th July 2019).
14. ToscanaNovecento. (n.d.) *Scaimerdenov Duison*. [Online] Available from: http://www.toscananovecento.it/eGallery/partigiani/view?id=TESEO_445813&tipologia=PERdef (Accessed: 6th May 2019).
15. *Istituto Storico Parri Emilia Romagna (Bologna)*. [Online] Available from: <http://www.istitutoparri.eu/en/> (Accessed: 6th May 2019).
16. *Memoriale Della Liberta (Bologna)*. [Online] Available from: <https://www.museomemorale.com/> (Accessed: 6th May 2019).
17. Natti, M. & Fontana, F. (2019) *Interv'yu Klaudio Spano s Mario Natti i Franko Fontana* [Interview of Claudio Spano with Mario Natti and Franco Fontana]. Transmitted by G.M. Mendikulova. May 10, 2019. Bologna (Italy).
18. Wikipedia. (n.d.) *162-ya (tyurkskaya) pekhotnaya diviziya (Tretiy reykh)* [162nd (Turkic) Infantry Division (Third Reich)]. [Online] Available from: [https://ru.wikipedia.org/wiki/162-ya_\(tyurkskaya\)_pekhotnaya_diviziya_\(vermakht\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/162-ya_(tyurkskaya)_pekhotnaya_diviziya_(vermakht)) (Accessed: 23rd September 2019).
19. Romanko, O.V. (2004) *Musul'manskie legiony vo Vtoroy mirovoy voyne* [Muslim Legions in World War II]. Moscow: AST; Tranzitkniga.
20. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9526. List 1. File 522. p. 337
21. *Istituto storico della Resistenza in Toscana (Firenza)*. [Online] Available from: <http://www.istoresistenzatoscana.it/> (Accessed: 6th May 2019).
22. Eckley, M. (2015) *Sovetskie voennoplenennye v ital'yanskom antifashistskom partizanskom dvizhenii: osen' 1943 – vesna 1945 g.* [Soviet prisoners of war in the Italian anti-fascist partisan movement: autumn 1943 – spring 1945]. In: *Velikaya Oteche-stvennaya vojna: istoriya i istoricheskaya pamyat' v Rossii i mire* [Great Patriotic War: History and Historical Memory in Russia and the World]. Vol. 1. Tula: Tula State Pedagogical University.
23. OBD “Memorial”. (n.d.) *Informatsiya iz dokumentov, utochnyayushchikh poteri: Turgunbay Rusmat* [Information from documents specifying losses: Turgunbay Rusmat]. [Online] Available from: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=85315779> (Accessed: 6th May 2019).

Сведения об авторах:

Мендикулова Гульнара Малбагаровна – доктор исторических наук, профессор истории, профессор кафедры общественных дисциплин Казахского национального исследовательского технического университета им. К.И. Сатпаева (Satbayev University) (Алматы, Казахстан). E-mail: gmendikul@hotmail.com

Надежук Евгения Адольфовна – магистр гуманитарных наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Среднерусского гуманитарно-технологического института (Обнинск, Россия). E-mail: nadejuk@mail.ru

Акатаева Алия Аскарровна – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Офиса коммерциализации и международного сотрудничества Казахского национального исследовательского технического университета им. К.И. Сатпаева (Satbayev University) (Алматы, Казахстан). E-mail: akataeva@mail.ru

Тумабаев Турлыбек Салимович – магистр гуманитарных наук, преподаватель кафедры общественных дисциплин Казахского национального исследовательского технического университета им. К.И. Сатпаева (Satbayev University) (Алматы, Казахстан). E-mail: tumabaev_t@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Mendikulova Gulnara M. – Doctor of Historical Sciences, Professor of History, Professor of the Department of Social Disciplines, Kazakh National Research Technical University named after K.I. Satpayev (Satbayev University) (Almaty, Kazakhstan). E-mail: gmendikul@hotmail.com

Nadezhuk Evgeniya A. – Master of Arts, Senior Lecturer, Department of Psychology and Pedagogy, Central Russian Institute of Humanities and Technology (Obninsk, Russia). E-mail: nadejuk@mail.ru

Akataeva Aliya A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head, Office of commercialization and International cooperation, Kazakh National Research Technical University named after K.I. Satpayev (Satbayev University) (Almaty, Kazakhstan). E-mail: akataeva@mail.ru

Tumabaev Turlybek S. – Master of Humanities, Lecturer, Department of Social Disciplines, Kazakh National Research Technical University named after K.I. Satpayev (Satbayev University) (Almaty, Kazakhstan). E-mail: tumabaev_t@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.04.2020; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 03.04.2020; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья
УДК 94(520)
doi: 10.17223/19988613/83/14

Этнорелигиозные стереотипы и отношение к христианам в Японии в XVI–XIX вв.

Павел Геннадьевич Нелюбин¹, Юрий Георгиевич Чернышов²

^{1,2} *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

¹ *new-wirgil@yandex.ru*

² *ashpi@ya.ru*

Аннотация. Рассматриваются тенденции антихристианской политики в период Эдо (1603–1868), а также особенности стереотипов в отношении к христианам. Выясняется роль христианства в Японии XVI–XIX вв., ставится вопрос, действительно ли христианство представляло собой чужеродное учение. С 1614 по 1873 г. христианство в Японии было запрещено на государственном уровне. Сёгунат Токугава, правивший Японией большую часть данного периода, проводил политику дискриминации христиан и искоренения христианства, стремясь контролировать сферу религии в обществе.

Ключевые слова: этнорелигиозные стереотипы, христианство в Японии, история Японии, японские христиане, христианские миссионеры

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00822; <https://rscf.ru/project/23-28-00822/>

Для цитирования: Нелюбин П.Г., Чернышов Ю.Г. Этнорелигиозные стереотипы и отношение к христианам в Японии в XVI–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 106–111. doi: 10.17223/19988613/83/14

Original article

Ethno-religious Stereotypes and Attitudes towards Christians in Japan in the 16th–19th Centuries

Pavel G. Nelyubin¹, Yury G. Chernyshov²

^{1,2} *Altai State University, Barnaul, Russian Federation*

¹ *new-wirgil@yandex.ru*

² *ashpi@ya.ru*

Abstract. Based on the conclusions of ethnic psychology about the nature of negative ethno-religious stereotypes, the authors aim to trace exactly how such stereotypes were used in the anti-Christian policy in Japan during the Edo period (1603–1868). From 1614 to 1873 Christianity in Japan was banned at the state level. The Tokugawa shogunate, which ruled Japan for most of this period, pursued a policy of discrimination and the eradication of Christianity, seeking to control the sphere of religion in Japanese society.

To reveal this topic, the authors use different types of sources: anti-Christian works, state laws and propaganda materials. Anti-Christian texts of the period under review are used as the main sources. "Kirishitan Monogatari", an anonymous work written in 1639, contains much important information that demonstrates stereotypes about Japanese Christians. Also, the book of the former Christian turned anti-Christian propagandist Fabian Fukan (1565-1621) - "Ha Dayusu" (1620) was used. It contains criticism of Western religion and justifies violent actions against Christians, sanctioned by the shogunate. Among the laws, the Decree "Bateren Tsuiho no Fumi" deserves special attention, which, unlike the laws that preceded it, finally banned Christianity throughout the country. In addition, the authors note the propaganda value of wooden notice boards kosatsu that were hung all over the country. Along with reminding about the state ban on Christianity, they often used terms that were caused by negative stereotypes in relation to Christians.

It is a common belief among religious and cultural scholars in Japan that Christianity had little influence and remained a minority religion. According to R. Stark and W. Bainbridge, Christianity in Japan was considered an "other" doctrine. Based on the consideration of specific materials, the authors try to answer the question of whether the thesis about the "otherness" of Christianity in Japan can be considered sufficiently objective.

Summing up the results of the study, the authors came to the conclusion that in relation to Japanese Christians in the 16th – 19th centuries, a negative ethno-religious stereotype was maintained at the official level, according to which they were considered people subjected to the religious influence of the "West", becoming a tool directed against the traditional

foundations of Japanese society. However, they were not “other”, defined by ethnic origin or nationality, social or economic status. Rather, they were “others” who adopted a certain worldview (religious), as well as a set of beliefs and values of other peoples. Thus, in general, one cannot deny the original “otherness” of Christianity for Japanese culture, but in a sense, its many years of contradictory influence can also be considered as a positive moment for the development of intercultural interaction.

Keywords: ethno-religious stereotypes, Christianity in Japan, history of Japan, Japanese Christians, Christian missionaries

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00822; <https://rscf.ru/project/23-28-00822/>

For citation: Nelyubin, P.G., Chernyshov, Yu.G. (2023) Ethno-religious stereotypes and attitudes towards Christians in Japan in the 16th–19th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 106–111. doi: 10.17223/19988613/83/14

Исследованием природы социальных стереотипов еще с 1930-х гг. начали заниматься представители ряда наук (например, в сфере этнической психологии – Д. Кац и К.У. Брейли [1]), однако полученные ими результаты далеко не всегда находят применение в конкретно-исторических исследованиях. Между тем использование междисциплинарных подходов позволило бы глубже понять те процессы, которые происходили в ходе активизации межкультурных взаимодействий после начала эпохи Нового времени. Именно в это время флотилии кораблей из Старого Света устремляются в заокеанские плавания, доставляя в разные точки земного шара отряды и миссионеров, и колонизаторов. Это продвижение европейской культуры, однако, далеко не везде имело устойчивый успех, а в некоторых странах даже столкнулось с поражением и серьезным откатом. Интересный пример, в частности, дает история Японии, где такой «откат» сопровождался активным использованием местной властью негативных этнорелигиозных стереотипов. В данной статье мы попытаемся проследить, как именно такие негативные стереотипы использовались в Японии против христиан. В теоретико-методологическом отношении данное исследование опирается на междисциплинарный и системный подходы.

Настороженное отношение к «чужим», по мнению многих исследователей, заложено в самой биологической природе человека, и на ранних стадиях истории многих народов оно было во многом связано с инстинктом самосохранения. Нашествие «чужих» нередко сопровождалось истреблением значительной части населения и порабощением оставшихся жителей. Поэтому определенный «изоляционизм» мог способствовать в тех условиях выживанию. Однако по мере развития цивилизации народы испытывали все большую потребность в развитии внешних контактов, в культурных и торговых обменах: те, кто преуспевал в этом, в конечном итоге становились сильнее своих соседей и могли подчинять их своему влиянию. Эти две тенденции довольно ярко проявились в истории Японии, которой приходилось балансировать между, с одной стороны, стремлением преодолеть свою отсталость от Европы и, с другой стороны, неприятием явной от нее зависимости.

Отношения между разными народами во многом зависят от того, какая модель взаимного восприятия преобладает в данный момент истории. В период

начала колонизации, например, европейцы нередко смотрели на туземцев (в частности, в Америке и Африке) «сверху вниз», как на «дикарей», которых надо учить христианству и культуре. Многие туземцы, находившиеся на почти первобытной стадии развития, долгое время принимали эту модель, смотря «снизу вверх» на колонизаторов. Однако в тех странах, где были более развиты местные государственные и культурные традиции, такая модель отношений начинала восприниматься как неприемлемая и унижительная. Более того, в качестве защитной меры выдвигался другой взгляд на пришельцев – взгляд на них тоже «сверху вниз», как на «злых чужаков». И значительную роль в таких случаях приобретало использование негативных стереотипов.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению «кейса» Японии, хотелось бы отметить, что негативные стереотипы часто используются там, где реально в основе конфликта лежит столкновение важнейших материальных и властных интересов [2. С. 165–167]. Этнические и религиозные различия нередко используются элитами для того, чтобы пропагандистски усилить аргументы своей стороны, мобилизовать сторонников на борьбу, придать их позиции высокое «принципиальное» содержание. Кроме того, нередко разжигание вражды и репрессий против «чужих» как «козлов отпущения» использовалось для «выпускания пара» и укрепления позиций правящих кругов. Об этом, в частности, писали Дж. Доллард и его коллеги, обосновавшие теорию о том, что фрустрация «большинства» нередко бывает источником агрессии в отношении слабо защищенного «меньшинства» [3]. Все эти достаточно универсальные тенденции, по-видимому, нашли свое проявление и в Японии.

«Христианский век» в Японии начался с первого знакомства местных жителей с христианством в 1549 г., а закончился запретом этой религии, преследованием христиан, изгнанием всех иностранных миссионеров и введением политики Сакоку (изоляции страны от остального мира) [4. Р. 51]. Можно сказать, что активная фаза этой политики началась в 1614 г., сразу после принятия Указа «Батэрэн цуихо но фуми» Токугава Иэясу (1542–1616), непосредственным результатом которого стало изгнание миссионеров, местных катехизаторов-мирян и некоторых известных христианских семей [5. Р. 322]. Разрушение христианских церквей и преследования христиан продолжались в течение

следующих 25 лет, и их кульминацией стало восстание в Симабаре в 1637–1638 гг., после которого нахождение на территории страны было запрещено всем иностранцам, за исключением голландцев, владевших торговым портом на о. Дэдзима. Эта изоляция от мира длилась более 200 лет – до вторжения commodора Мэтью Перри в Токийский залив и принуждения Японии к отказу от политики самоизоляции.

В японском обществе к этому времени уже существовали достаточно устойчивые культурные традиции и религиозные нормы. Среди исследователей, занимающихся изучением религии и культуры в Японии, существует широко распространенное мнение, что христианство не имело большого влияния и оставалось религией меньшинства. К примеру, Дж. Кламмер описывает христианизацию Японии как «крайне неудачный импорт» [6. Р. 9]. По мнению Р. Старка и У. Бэйнбридж, христианство в Японии считалось «чужеродным» учением [7. Р. 215]. На основе рассмотрения конкретных материалов мы попытаемся ответить на вопрос, можно ли считать тезис о чужеродности христианства в Японии достаточно объективным.

Существует не так много исследований по этнорелигиозным стереотипам в отношении христиан в Японии, и в основном они посвящены современной эпохе [8]. Труды, направленные на изучение дискриминации по религиозному признаку, в основном сфокусированы на проблеме усиления контроля над религией в первой половине XX в. [9, 10]. Кроме того, интерес к этнорелигиозной теме в Японии усилился ввиду нежелания местной полиции отслеживать потенциально опасные религиозные группы в послевоенный период [8], а также после теракта в токийском метро, совершенного членами Аум Синрикё в 1995 г. [11]. А исследования, посвященные религиозной дискриминации в XVI–XIX вв., в основном уделяют меньше внимания теме отношения к местным христианам и сосредоточены на отношении к «западным варварам». Следует выделить восьмую главу работы Ч. Боксера, посвященную судьбе японских христиан после закрытия страны [5. Р. 362–400]. Работа отечественной исследовательницы О.В. Яблонской проливает свет на этнокультурные противоречия в условиях распространения православия в Японии и на особенности нравов местных жителей [12]. В статье А.Д. Бертовой рассматриваются проблемы, ставшие причиной конфликтов японских христиан с нехристианским окружением, затрагиваются также темы непонимания со стороны верующих церковной политики в вопросе похоронной обрядности и вынужденных отступлений от христианских традиций в сторону исконных японских [13].

Источники, используемые в нашем исследовании, можно разделить на три вида: антихристианские произведения, законодательные акты и материалы агитационной направленности. В качестве основных источников для исследования мы использовали антихристианские тексты рассматриваемого периода. В них как нигде лучше показаны примеры стереотипизации в отношении христиан в Японии. В «Кириситан-моногари», анонимной работе, написанной в 1639 г., опубликованной в коллекции японской литературы «Гунсё

Руидзю» в 1907 г., а затем переведенной на английский язык Дж. Элисоном [14. Р. 319–374], содержится много ценной информации, которая демонстрирует стереотипы в отношении христиан. Внимания заслуживает и работа бывшего христианина, а затем антихристианского пропагандиста Фабиана Фукана (1565–1621) «Ха Дайусу» (1620). Благодаря Дж. Элисону мы располагаем переводом данной работы на английский язык [14. Р. 257–291]. Она содержит в себе критику западной религии (христианства) и оправдывает насильственные действия против христиан, санкционированные сёгунатом. Среди законодательных актов интерес вызывает ранее упомянутый Указ «Батэрэн цуихо но фуми», который, в отличие от предшествующих ему подобных указов, окончательно запретил христианство на всей территории страны. В числе материалов агитационной направленности особого внимания заслуживают косацу, своеобразные деревянные доски объявлений, которые развешивались по всей стране. В них, помимо напоминания о запрете христианства, часто использовались термины, обусловленные стереотипным отношением к христианам.

В период, когда деятельность христианских миссионеров была разрешена, количество христиан в Японии, по некоторым оценкам, достигло 300 тыс. человек [15. Р. 87], что составляло около 1,5% от общей численности населения. Следует учитывать, что христианское население Японии было распределено неравномерно, и на некоторых территориях, например, в окрестностях Нагасаки, процент христиан среди всего населения был намного выше. Появление и активная деятельность миссионеров совпали с последними годами Сэнгоку дзидай (1467–1603), периодом гражданских войн, когда центральная власть в стране была ослаблена. С социальной и политической точки зрения успешному распространению христианства способствовала антибуддийская позиция Ода Нобунага, первого из трех объединителей страны. Нобунага видел в христианах потенциальных союзников в своей борьбе с буддийскими монастырями. Иезуиты пытались приспособить христианство к особенностям японской религиозной культуры и избежать ассоциирования христианства с колониальной политикой Испании. Однако в конечном итоге подозрительность в отношении к миссионерам возросла, а христиане стали рассматриваться как потенциальная угроза для безопасности страны. Сначала Тоётоми Хидэёси, сменивший Нобунага, а затем сёгунат Токугава выступили против христиан. Начался период гонений, а впоследствии полного запрета христианства. Многие христиане были убиты, некоторые стали отступниками, небольшой части христиан удалось сохранить свою веру в тайне (какурэ-кириситан), исповедуя ее до открытия Японии в середине XIX в.

В целом этот период отличался враждебным отношением к христианству со стороны японского общества, культивируемым антихристианской пропагандой. Яркими примерами являются популярный антихристианский текст «Ха Дайусу» Фабиана Фукана и многочисленные истории о пороках «Церкви южных варваров» [16. Р. 124]. Обычно под пороками христианской церкви имелись в виду следующие утверждения: предпола-

гаемое желание «поработить» японцев, чтобы захватить страну их руками, а также разрушение традиционных норм, принятых в японском обществе. Такие тексты и истории отличает популистский и дискриминационный характер.

Можно продемонстрировать, какой образ христиан-миссионеров продвигался в японском обществе, на примере анонимной работы «Кириситан-моногатари»: «Из корабля появилось неизвестное существо, похожее на человека, но выглядящее, однако, гораздо более похожим на тэнгу. После разговора с ним выяснилось, что это существо зовется Батэрэн. Длина его носа – вот первое, что привлекло внимание: нос был похож на морскую раковину, хотя и без наростов, присосавшуюся к его лицу. Его глаза были огромными, а внутри – желтыми. Голова маленькая, на руках и ногах – длинные когти. Он был высок и черен с ног до головы, лишь нос был красен. Его зубы превосходили по длине лошадиные, а волосы были мышьиного цвета. На лбу – шрам от опрокинутой винной чаши. Его речи были совсем непонятны, голос звучал пронзительно, как крик совы» [14. Р. 321]. Стоит отметить, что европеец здесь описан как «не совсем человек», как тэнгу (мифическое длинноносое существо, напоминающее домового), – это весьма характерный мотив негативных стереотипов, где «чужие» часто представляются как «нелюди». Кроме того, данная книга снабжена красочными иллюстрациями, изображающими христиан в карикатурной манере. К примеру, на них есть некий человек, пол которого определить сложно, с длинными волосами и непропорционально длинными носом и руками. По-видимому, это и есть Батэрэн (так в Японии называли христианских монахов (от «падре»)). Вокруг него – люди, которых можно разделить на две группы: местные жители и японские христиане. Некоторые местные жители смотрят на Батэрэна с опаской, другие – с пренебрежением. Христиане же смотрят на него с воодушевлением и производят впечатление одурманенных людей.

Еще одним антихристианским инструментом в руках власти были деревянные доски объявлений косацу. В качестве примера приведем часть текста, написанного на одной из косацу в 1664 г.: «Третий постоянный указ: Злая секта христиан, как и в прошлые времена, строго запрещена» [17. Р. 107–108]. Интересно, что помимо христианства на той же косацу содержались запреты на убийство, воровство и поджог домов. Косацу активно использовались властью и в 1868 г. – в связи с Реставрацией Мэйдзи [18. С. 34]. Так, в рамках антихристианской кампании правительство стало использовать два родственных уничижительных термина для обозначения христианства, а именно: дзякё («злая секта» или «дьявольская религия») и дзясюмон («злая вера»). Эти термины-ярлыки использовались в объявлениях на косацу, вывешенных по всей стране и заставляющих христианство.

Интересно, что такая пропаганда захватывала и детей (согласно выводам психологов, этнические стереотипы особенно прочны, когда они закладываются в подсознание в детском возрасте, в процессе социализации) [2. С. 48–55]. Каждый ребенок, который умел читать, видел на досках, что кириситан дзясюмон («злая вера

христиан») строго запрещена, и когда он спрашивал, что это значит, его родители говорили о хитроумной схеме «западных варваров», стремящихся овладеть Японией с помощью религии, которая была странным синтезом причудливых доктрин и могущественной магии [19. Р. 106]. Доктрины казались «причудливыми», так как во многих популярных антихристианских текстах христианство преподносилось как нелогичная и странная религия. Что касается «могущественной магии», – при знакомстве с христианством многие японцы верили в магические свойства христианских молитв – орасё, а также в чудотворные свойства святой воды [20. Р. 105]. Кроме того, японские христиане в XVI и начале XVII в. придавали большое значение самобичеванию кнутом. Были случаи, когда местные нехристиане ревностно хлестали себя в надежде получить некую пользу от данного ритуала [20. Р. 32]. Хлыст также использовался в экзорцизме и в так называемых обрядах очищения.

Безусловно, во времена самоизоляции Японии теория о захвате страны при помощи христианства пользовалась большой популярностью. Сложно не согласиться с К. Парамором, который предполагает, что враждебность к христианам была обусловлена не столько недоверием японцев к иностранцам, сколько предполагаемой политической угрозой: «Большинство антихристианских писаний возникло после того, как в японском обществе были искоренены почти все христианские элементы» [21. Р. 5].

Так, христианство рассматривалось как угроза государству, и восстание в Симабаре могло стать ключевым подтверждением подобных настроений в умах лидеров сёгуната Токугава. Нехристианское население Японии, благодаря навязываемым государством и популярной антихристианской литературой стереотипам, воспринимало христиан как потенциальных захватчиков и последователей «злой веры». Кроме того, скрытая подозрительность и враждебность по отношению к христианству значительно способствовали сопротивлению против распространения христианства, когда оно было повторно разрешено.

Гораздо сложнее оценить, оказали ли «Христианский век» и его последствия какое-либо длительное влияние на отношение к христианам в японском обществе периода Мэйдзи. Очевидно, что в период преследований сохранялся образ христиан, пришедших в Японию из западных стран во время государственного кризиса и гражданской войны, но в конечном итоге отвергнутых по мере развития в стране сильного чувства национальной идентичности. Возвращение к подобному образу прослеживается и во втором пришествии христианства в Японию. Превосходящая западная военная мощь вынудила власти Японии открыть границы и начать торговлю с расширяющимися державами – США, Великобританией, Францией и Россией. Миссионеры протестантских, католической и православной церковью стремились проповедовать свою веру, сначала используя скрытые способы проповеди, а затем, когда был отменен запрет на христианство в 1873 г., открыто. Они столкнулись со значительной враждебностью со стороны многих самураев и стра-

хом со стороны простых людей [16. Р. 134], а также с негативным отношением со стороны буддийского духовенства [22]. В 1890 г. был обнародован Императорский рескрипт об образовании, который стал одним из символов возрождающейся национальной гордости и самобытности и свидетельствовал о решимости Японии не оставаться в подчинении у западных стран. Число христианских крещений быстро снизилось. Например, в 1889 г. было 5 677 новообращенных среди протестантов, а в 1890 г. – всего 1 199 [16. Р. 200].

Безусловно, христиане в Японии рассматриваемого периода занимали позицию «других» по отношению к большинству населения страны, а христианство считалось религией меньшинства. Однако, на наш взгляд, такая оценка положения христиан носит слишком упрощенный характер. Не только христиане в японском обществе могли занимать позицию «других». Япония разнообразна и неоднородна как в религиозном, так и в этническом смысле. Корейцы, айны и буракумины являются очевидными группами меньшинств.

В этом контексте возникает вопрос: какое место в японском обществе занимали местные христиане?

Сложно отрицать, что в отношении японских христиан в XVI–XIX вв. зачастую сохранялся негативный стереотип, согласно которому они считались людьми, подвергнутыми влиянию западной религии и ставшими орудием, направленным против традиционных устоев японского общества. Однако при этом они не были «другими», определяемыми этническим происхождением или национальностью, социальным или экономическим положением, физическим или психическим состоянием. Скорее, это были «другие», принявшие определенное мировоззрение (религиозное), а также набор убеждений и ценностей. По мнению Отори Курино, христианство сыграло определенную роль в «преобразовании Японии в общество, которое рассматривало себя как неотъемлемую часть целостного и глобального сообщества» [23. Р. 94]. Это означает, что нельзя отрицать «инаковость» христианства внутри японской культуры, но в некотором смысле его противоречивое влияние можно рассматривать и как положительный момент для развития межкультурного взаимодействия.

Список источников

1. Katz D., Braly K.W. Racial Stereotypes of One Hundred College Students // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1933. Vol. 28. P. 280–290.
2. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2009.
3. Dollard J., Miller N.E., Doob L.M. et al. *Frustration and Aggression*. New Haven, CT: Yale University Press, 1939.
4. Fujita N. *Japan's Encounter with Christianity*. New Jersey: Paulist Press, 1991.
5. Boxer C.R. *The Christian Century in Japan: 1549–1650*. Berkeley: University of California Press, 1951.
6. Clammer J. *Japan and Its Others*. Melbourne: Trans Pacific Press, 2005.
7. Stark R., Bainbridge W. *A Theory of Religion*. New York: Peter Lang, 1987.
8. Murakami D.W., Lyon D., Abe K. Surveillance in Urban Japan: A Critical Introduction // *Urban Studies*. 2007. Vol. 44 (3). P. 551–568.
9. Garon Sh.M. *Molding Japanese Minds: The State in Everyday Life*. Princeton: Princeton University Press, 1997.
10. Clammer J. *Difference and Modernity – Social Theory and Contemporary Japanese Society*. London: Routledge, 1995.
11. Mullins M., Nakano K. *Disasters and Social Crisis in Contemporary Japan*. London: Palgrave Macmillan, 2016.
12. Яблонская О.В. Япония и японцы в трудах миссионера Николая Японского: «Чужие» и «Свои» // *Эпоха науки*. 2019. № 18. С. 46–53.
13. Бертова А.Д. Особенности похоронной обрядности в современном японском христианстве // *Studia Culturae*. 2019. № 42. С. 77–93.
14. Elison G. *Deus Destroyed. The Image of Christianity in Early Modern Japan*. Cambridge: Harvard University Press, 1973.
15. Ross A. *A Vision Betrayed – The Jesuits in Japan and China*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994.
16. Drummond R. *A History of Christianity in Japan*. Grand Rapids: Eerdmans, 1971.
17. Marnas F. La “Religion de Jésus” (Iaso ja-kyo) ressuscitée au Japon dans la seconde moitié du XIXe siècle («Религия Иисуса» (Ясо дзя-кё) возрождавшаяся в Японии во второй половине XIX века). Париж; Леон: Delhomme et Briguet, 1897.
18. Умэда Ё. Нихон сьюкё сэйдоси (История религиозных организаций в Японии). Токио: Хяккаэн, 1962.
19. Cary O. *A History of Christianity in Japan: Roman Catholic and Greek Orthodox missions*. New York: Fleming H. Revell Co., 1909.
20. Higashibaba Ikuo. *Christianity in Early Modern Japan: Kirishitan Belief and Practice*. Leiden; Boston: Brill, 2001.
21. Paramore K. *Ideology and Christianity in Japan*. London: Routledge, 2009.
22. Thelle N. *Buddhism and Christianity in Japan: from Conflict to Dialogue 1854–1899*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1987.
23. Mullins M. *Handbook of Christianity in Japan*. Leiden: Brill, 2003.

References

1. Katz, D. & Braly, K.W. (1933) Racial Stereotypes of One Hundred College Students. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 28. pp. 280–290.
2. Stefanenko, T.G. (2009) *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Aspect Press.
3. Dollard, J., Miller, N.E., Doob, L.M. et al. (1939) *Frustration and Aggression*. New Haven, CT: Yale University Press.
4. Fujita, N. (1991) *Japan's Encounter with Christianity*. New Jersey: Paulist Press.
5. Boxer, C.R. (1951) *The Christian Century in Japan: 1549–1650*. Berkeley: University of California Press.
6. Clammer, J. (2005) *Japan and Its Others*. Melbourne: Trans Pacific Press.
7. Stark, R. & Bainbridge, W. (1987) *A Theory of Religion*. New York: Peter Lang.
8. Murakami, D.W., Lyon, D. & Abe, K. (2007) Surveillance in Urban Japan: A Critical Introduction. *Urban Studies*. 44(3). pp. 551–568.
9. Garon, Sh.M. (1997) *Molding Japanese Minds: The State in Everyday Life*. Princeton: Princeton University Press.
10. Clammer, J. (1995) *Difference and Modernity – Social Theory and Contemporary Japanese Society*. London: Routledge.
11. Mullins, M. & Nakano, K. (2016) *Disasters and Social Crisis in Contemporary Japan*. London: Palgrave Macmillan.
12. Yablonskaya, O.V. (2019) Yaponiya i yaponцы v trudakh missionera Nikolaya Yaponskogo: “Chuzhiye” i “Svoi” [Japan and Japanese in the Writings of the Missionary Nicholas of Japan: “They” and “Us”]. *Epokha nauki*. 18. pp. 46–53.
13. Bertova, A.D. (2019) Osobennosti pokhoronnoy obryadnosti v sovremennom yaponskom khristianstve [Specific Features of Burial Rites in Modern Japanese Christianity]. *Studia Culturae*. 42. pp. 77–93.
14. Elison, G. (1973) *Deus Destroyed. The Image of Christianity in Early Modern Japan*. Cambridge: Harvard University Press.
15. Ross, A. (1994) *A Vision Betrayed – The Jesuits in Japan and China*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

16. Drummond, R. (1971) *A History of Christianity in Japan*. Grand Rapids: Eerdmans.
17. Marnas, F. (1897) *La "Religion de Jésus" (Iaso ja-kyo) ressuscitée au Japon dans la seconde moitié du XIXe siècle*. Paris; Lyon: Delhomme et Briguet.
18. Umeda, Y. (1962) *Nihon shukyo seidoshi* [History of religious organizations in Japan]. Tokyo: Hyakkaen.
19. Cary, O. (1909) *A History of Christianity in Japan: Roman Catholic and Greek Orthodox Missions*. New York: Fleming H. Revell Co.
20. Higashibaba, I. (2001) *Christianity in Early Modern Japan: Kirishitan Belief and Practice*. Leiden; Boston: Brill.
21. Paramore, K. (2009) *Ideology and Christianity in Japan*. London: Routledge.
22. Thelle, N. (1987) *Buddhism and Christianity in Japan: from Conflict to Dialogue 1854–1899*. Honolulu: University of Hawaii Press.
23. Mullins, M. (2003) *Handbook of Christianity in Japan*. Leiden: Brill.

Сведения об авторах:

Нелюбин Павел Геннадьевич – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: new-wirgil@yandex.ru

Чернышов Юрий Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: ashpi@ya.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Nelyubin Pavel G. – Postgraduate Student of the Department of General History and International Relations of the Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: new-wirgil@yandex.ru

Chernyshov Yuri G. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General History and International Relations of Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: ashpi@ya.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 25.01.2022; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья
УДК 94(420)''1457/1485''
doi: 10.17223/19988613/83/15

Джентри Англии в Войнах Роз: социальный состав активных участников конфликта

Андрей Геннадиевич Праздников

Вятский государственный агротехнологический университет, Киров, Россия, andrei-selek@mail.ru

Аннотация. Исследование основано на просопографической базе данных, которая включает 1 123 человека. В их число вошли участники 16 сражений, произошедших в Англии во второй половине XV в., и лица, в этот же период объявленные государственными изменниками актами парламентов. 57,2% составляют представители джентри (рыцари, сквайры, джентльмены). В их среде было выделено шесть страт с точки зрения динамики их социальных карьер. Установлено, что участие в Войнах Роз определялось, с одной стороны, вхождением в окружение титулованной знати, с другой – принадлежностью к региональным элитам.

Ключевые слова: Войны Роз, джентри, социальный состав, просопография

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00190; <https://rscf.ru/project/22-28-00190/>

Для цитирования: Праздников А.Г. Джентри Англии в Войнах Роз: социальный состав активных участников конфликта // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 112–118. doi: 10.17223/19988613/83/15

Original article

English Gentry in the Wars of the Roses: the Social Structure of the Participations

Andrey G. Prazdnikov

Vyatka State Agrotechnological University, Kirov, Russian Federation, andrei-selek@mail.ru

Abstract. Expanding views on the social nature of the Wars of the Roses (1455–1487) is the aim of the study. Various scientific methods are needed for a comprehensive study of the social history of the Wars of the Roses. One of the most promising among them is a prosopography. Prosopographic research focuses on the groups of people, rather than isolated individuals, who control, shape, or otherwise influence the affairs of their society. There are prosopographic studies by D. Wedgwood and A. Holt, R. Virgoe, J. Lander, A. Myers, E. Bakaldina. Chronicles, epistolary sources, literary monuments and official sources were used to compile a prosopographic database of active participants of the Wars of the Roses (Rotuli Parliamentorum, Calendars of the Close Rolls, Calendars of the Patent Rolls, Calendars of Fine Rolls, Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England, The Household of the Edward IV: the Black Book and the Ordinance of the 1478 and etc.). This database includes 1123 people. They included the participants in 16 battles that took place in England in the second half of the XV century, and attainders in the same period. More than half of the participants (57.2 %) are representatives of the gentry (knights, squires, gentlemen). They were generally called "gentry" in the sources of the XVI century. But in historiography this social term was fixed for an earlier period. Six social strata of gentry were identified by their career dynamics: justices of the peace and members of several other local commissions in the counties; escheators, members of Parliament and sheriffs; influential gentry in two or more counties; courtiers (knights and esquires of the body, treasurers of the Household, Comptrollers of the Household, Wardens of the Wardrobe); members of the Royal Council, speakers of the House of Commons, chancellors of the Treasury. The bulk of the gentry who held no office were assigned to the sixth strata. Apparently, these people were vassals or clients of local lords. The origin of the gentry and their connection with the counties were analyzed also. Thus, gentry participation in the Wars of the Roses, on the one hand, was determined by entering the environment of the nobility, on the other hand, belonging to regional elites. About 14% of the gentry were part of the retinue of lords who supported Lancastrians or Yorks in the Wars of the Roses. Their relationship is related to the phenomenon of "bastard feudalism", which became widespread in late medieval England.

Keywords: The Wars of the Roses, gentry, social structure, prosopography

Acknowledgments: The study was carried out at the expense of the grant of Russian Science Foundation № 22-28-0190; <https://rscf.ru/project/22-28-00190/>

For citation: Prazdnikov, A.G. (2023) English Gentry in the Wars of the Roses: the Social Structure of the Participations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 112–118. doi: 10.17223/19988613/83/15

Событийная сторона истории социально-политического конфликта в Англии второй половины XV в., обычно именуемого Войнами Роз, изучена достаточно полно, по крайней мере на уровне политики национального масштаба, чего нельзя сказать о его социальной истории. В историографии даются различные оценки характера этих событий: от династического конфликта и кровавой файды до гражданской войны. В основном предпринимаются попытки дать общую характеристику произошедших в обществе за тридцать с лишним лет изменений, однако либо им не хватает конкретики, либо же приводимые факты имеют иллюстративный характер, показывая, по мнению авторов, наиболее яркие примеры значимых социальных феноменов. В первом случае речь идет о социальных слоях в целом, во втором – об отдельных участниках конфликта, причем преимущество отдается представителям высших слоев. Первым часто не хватает конкретики, тогда как вторые относятся к биографическому жанру. Для получения более объективных данных необходимо сочетание этих двух подходов: масштабные исследования, основанные на конкретном фактическом материале.

Преодолеть сложившееся противоречие между событийной историей войн и рассматриваемыми на их основе тенденциями общественного развития может максимально возможное по широте изучение фактов участия в них конкретных представителей сословных или реальных групп. Однако решение данной проблемы сопряжено с рядом объективных и субъективных трудностей. Прежде всего необходимо проведение тотального исследования социальной ситуации в Англии не только во второй половине XV в., но также в предшествующие этому периоду десятилетия и в последовавший за ним период ранних Тюдоров. Для этого должны быть аккумулированы данные колоссального числа локальных исследований. Кроме того, как обычно бывает при изучении средневековой истории, исследователь социального характера Войн Роз сталкивается с узостью источниковой базы. Задача проследить историю каждого дворянского рода, каждого среднего и малого города Англии или каждой сотни, таким образом, выглядит объективно неосуществимой.

Тем не менее имеется иной способ изучения социальной истории Войн Роз. Это выявление социального ядра участников конфликта. За каждым сословием, стратой или социальной группой стоят конкретные люди, вовлеченные в систему связей и отношений с другими людьми, группами или слоями. Изучение их участия в событиях прошлого позволяет оценить модели социального поведения, характерные для отдаленной эпохи, восприятие современниками происходящих событий и реакцию на них. Любой социум имеет свою структуру, и для выявления происходящих в его недрах процессов иногда достаточно бывает обратиться к анализу ее

ядра. Конечно, в этой ситуации возникает другой вопрос – о средствах и методике выявления параметров самого этого ядра. Из широкого спектра исторических методов для достижения поставленной задачи наиболее приемлемым представляется просопографический метод. В просопографических исследованиях (иначе называемых коллективно- или мультибиографическими) акцент обычно делается на «группах людей, а не отдельных личностях, которые контролируют, формируют или иным образом влияют на дела своих обществ» [1. Р. 186].

Первым просопографическим исследованием по истории Англии XV в. является издание биографий членов Палаты Общин, предпринятое Д. Веджвудом и А. Холт в 1936 г. [2]. Вообще в британской историографии отсутствуют специальные просопографические исследования, посвященные периоду Войн Роз, хотя некоторые предпосылки для них были созданы. Они представляют собой отдельные базы биографической информации, такие как, например, списки членов Королевского Совета Генриха VI [3], Эдуарда IV, Ричарда III и Генриха IV [4. Р. 309–320], придворных королей из династии Йорков [5. Р. 286–297]. В российской историографии существует всестороннее исследование придворных Эдуарда IV, выполненное Е.В. Бакалдиной [6]. Для составления просопографической базы данных активных участников Войн Роз был привлечен обширный круг источников, разделяемых по характеру на четыре группы: официальные источники, хроники, эпистолярные источники и литературные памятники.

Данное просопографическое исследование было основано на двух направлениях работы. Так как рассматриваемые события сопровождались военными столкновениями, первым из них стало определение социального облика участников 16 сражений Войн Роз. Именно участие в них было одним из главных и неизбежных проявлений активности. Во-вторых, было предпринято изучение социального состава лиц, объявленных парламентами государственными изменниками за участие в политических событиях. Эти решения были наиболее ярким отражением политической борьбы – другой стороны конфликта. Результатом двух направлений исследования стало определение «выборочной совокупности» в составе 1 123 человек, являвшихся активными участниками основных событий Войн Роз (табл. 1).

Более половины участников (57,2%) составляют представители среднего и мелкого дворянства (рыцари, сквайры, джентльмены), выступая, таким образом, в роли «приводных ремней» в системе противостояния: они выполняли роль офицеров среднего и низшего звена, а также, как мы будем иметь возможность убедиться, заполняли все уровни административного аппарата управления. При этом ни в коем случае нельзя недооценивать значение участия представителей дру-

гих социальных групп. Например, от лордов, хотя и составлявших лишь чуть более десятой части всех рассматриваемых лиц, зависели основная расстановка сил и в конечном итоге исход борьбы. Тем не менее в данной статье речь пойдет все же о среднем и мелком дворянстве как наиболее многочисленной группе активных участников Войн Роз [4, 7–9, 10, 11].

Таблица 1

Социальный состав активных участников Войн Роз

Социальный статус	Йоркисты	Ланкастерцы	Перешедшие с одной стороны на другую	Всего
Светские лорды	52	60	15	127
Духовные лорды	6	10	1	17
Рыцари	170	209	15	394
Сквайры	48	123	2	173
Джентльмены	23	54	–	77
Духовенство	3	17	–	20
Йомены	18	45	–	63
Горожане	4	9	–	13
Слуги	–	22	–	22
Другой	9	9	–	18
Не известен	66	132	1	199
Всего	399	690	34	1 123

Прежде всего рассмотрим социальное положение и структуру мелкого и среднего дворянства, которое с XVI в. стало принято называть обобщенным понятием «джентри» (правда, в документах XV в. все три категории дворянства присутствуют отдельно, не объединяясь, а сам термин «джентри» применительно к этому столетию, хотя и является достаточно принятым в науке, отчасти анахронистичен). По мнению Уильяма Стаббса к данной группе относились все люди, стоящие между лордами и йоменами [12. Р. 563]. Однако даже в XVI – начале XVII в. границы «низшего дворянства» оставались размытыми [13. С. 12–13]. Основными характеристиками дворянского статуса были обладание поместьями, выдвижение на различные должности в местной, а иногда и центральной администрации, и принадлежность к особой культуре, образу жизни, который в своей основе был ориентирован на воинское служение.

Рыцари занимали промежуточное положение между нетитулованным дворянством и нобилиями. Особенностью английской социальной структуры являлось то, что для определения рыцарского статуса короной использовался совершенно определенный материальный критерий – размер годового дохода, установленный в XIV в. в сумме 40 фунтов. Все лица, обладавшие таковым, должны были приобретать рыцарское звание. В среднем доходы рыцарства оценивались в 40–200 фунтов [14. Р. 28]. Среди самих рыцарей выделяются обычные рыцари, или бакалавры, которые могли сражаться только в отряде под знаменами других командиров, и баннереты (знаменосцы), имевшие собственное знамя (banner), под которым они были вправе вести в бой свой отряд.

В позднее Средневековье рыцарство было не только обозначением социального статуса, но все еще подразумевало особый тип культуры, принадлежность к которому отличала людей благородного происхождения от простонародья. По мнению Артура Фергюсона, во второй половине XV в. Англия переживала «рыцарское

возрождение», вслед за которым в XVI в. придет окончательный закат этого явления. Возрастание роли рыцарственности проявилось и в страсти к турнирам и геральдике, и в активной связи с «законодателем моды» бургундским двором, и в распространении рыцарской литературы, как переводной, так и собственной [15. Гл. 1].

Термин «сквайр» («оруженосец») ранее был профессиональным определением, но с XIV в. превратился в почетный титул. Как правило, сквайрами называли сыновей рыцарей до их посвящения в более высокое звание. Обычными доходами сквайров, по подсчетам исследователей, были 20–40 фунтов в год [14. Р. 28].

Джентльмены составляли низшую прослойку джентри и были во второй половине XV в. довольно неопределенной социальной категорией, которая включала чиновников, часть купечества, но главным образом мелких землевладельцев графств. О повышении социального статуса сельских джентльменов свидетельствует то, что в XV в. в Коллегии герольдов они получили право на свой герб. В целом же, как правило, годовой доход низшей прослойки дворянства колебался от 5 до 20 фунтов [14. Р. 28]. Тем не менее с социальной точки зрения понятие «джентльмен» продолжало оставаться расплывчатым. Его могли применять к лицам, занимающим должности при королевском дворе и дворах магнатов, к воинам, облаченным «в железо», в противовес легковооруженным лучникам, к купцам, обладавшим манорами в графствах.

Джентри занимали видное место среди сообществ графств, выступали в роли носителей полномочий как местной, так и центральной власти, являясь членами различных комиссий, депутатами нижней палаты парламента от графств, шерифами или выполняя какие-либо функции в придворных и аристократических кругах. Причем, по мнению Малколма Мерсера, местное дворянство можно разделить на две части: рыцарей и часть сквайров, которые не только играли заметную роль в графствах, но и стремились участвовать в большой политике, и низших сквайров и джентльменов, жизнь которых вращалась главным образом вокруг «манора и прихода» [16. Р. 8]. Именно джентри составляли главную опору «партий» лордов в графствах, образуя, по мнению Е.Д. Браун, «дружеские союзы» – общности с особым типом социальных отношений покровительства и поддержки [17. С. 55–68]. Джентри не только входили в состав свит лордов, но, обладая собственными слугами и зависимыми людьми, формировали значительную часть воинских контингентов [18. Р. 17–18], составляя, как мы знаем, слой офицеров среднего и низшего звена, поэтому неудивительно, что это был самый многочисленный слой непосредственных участников войн.

В центре нашего внимания оказались 644 представителя среднего и мелкого дворянства (см. табл. 1), среди которых явно выделяется как минимум шесть страт с точки зрения динамики их социальных карьер (табл. 2).

Влияние первых двух страт ограничивалось графством, в котором они жили или владели манорами. Участие незначительной части рассматриваемых нами джентри сводилось лишь к деятельности в качестве ми-

ровых судей и членов ряда иных местных комиссий (I). Институт мировых судов, являясь одним из традиционных механизмов управления и уходя корнями в XII в., осуществлял в графствах целый набор функций: арест преступников, предварительное расследование и освобождение обвиняемых под залог, надзор за бродягами, нищими и пивными, контроль за состоянием мостов и дорог, контроль за соблюдением «рабочего законодательства» и ряд иных обязанностей [19. С. 33–54].

Таблица 2

Социальная структура среднего и мелкого дворянства, активных участников в Войнах Роз

Влияние в графствах	Количество (чел.)	В том числе	
		Придворные (IV)	Должностные лица в центральном аппарате управления (V)
Мировые судьи и членство в комиссиях графств (I)	40	2	2
Члены парламента, шерифы, исчислители (II)	94	16	8
Влияние в двух и более графствах (III)	103	39	17
Информация отсутствует (VI)	407	20	2
Всего	644	77	29

В приложениях к «Открытым Свиткам» канцелярии содержатся списки комиссий мировых судей по графствам, которые, как правило, включали до двух десятков человек и формировались 2–3 раза в год (хотя иногда новые составы не создавались в течение нескольких лет). Возглавляли комиссию несколько лордов, участие которых в большинстве случаев носило формальный характер, так как один и тот же человек назначался сразу в несколько комиссий разных графств. Также в составе мирового суда было несколько юристов, но большую часть членов составляли представители местного дворянства, в основном рыцари и сквайры. Помимо мировых судов в графствах также создавался ряд других дворянских комиссий, самыми распространенными из которых в рассматриваемый нами период были комиссии по сбору ополчения, налогов, таможенных пошлин и др. Участие в них было почетным, но и обременительным занятием и не возвышало человека над уровнем графства. Тем не менее работа в этих комиссиях была одним из надежных способов воздействия на местные сообщества и поддержания влияния в графстве, поэтому нередко в их списках встречаются имена представителей знатных линий: сквайр Эдуард Буршье, сын Генри виконта Буршье (Шропшир, 1460) [20. Р. 608]; Роберт Клиффорд, сын, брат и дядя трех лордов Клиффордов (Хертфордшир, 1479, 1480, 1485–1493) [21. Р. 561; 22. Р. 488]; сэр Генри Невилль, сын Джорджа Невилля барона Лэтимера (Йоркшир, 1468) [23. Р. 637]; сэр Роберт Уэллс, сын Ричарда барона Уэллса (Линкольншир, 1467) [24. Р. 567] и др.

Членство в различных коллегиальных органах управления было лишь первой ступенью признания статуса дворянина в локальном сообществе. Следующим этапом в развитии социальной карьеры обычно становилось занятие какой-либо индивидуальной должности (II). Наиболее значительными и желанными среди них бы-

ли должности уполномоченного выморочными фефами (escheator), члена Палаты общин от графства и шерифа. Неслучайно среди занимавших их рыцарей и сквайров четвертую часть составляли те, кто также состоял при королевском дворе и даже на высших государственных должностях. Назовем лишь тех, чьи имена наиболее часто фигурируют в источниках, таких как ланкастерский «герой» Нортамберлендской войны сэр Ральф Грей, шериф Нортамберленда в 1455 и 1459 гг. [25. Р. 11, 144, 252], знаменитый сторонник Невиллей сэр Джон Коньерс, шериф Йоркшира в 1448, 1467, 1474 гг. [26. Р. 210; 13. Р. 84], также занимавший ряд других локальных должностей в графстве и входивший во многие комиссии, норфолкские дворяне Джон Пастон I, член парламента от Норфолка в 1467–1468 гг. и от Ярмута в 1478 г., и его младший брат Джон Пастон II, первый тюдоровский шериф Норфолка и Саффолка в 1485 г. [27. Р. 39].

В последнем случае упоминание двух графств Восточной Англии связано с тем, что до 1576 г. ими управлял один шериф. Однако влияние многих дворян действительно распространялось за пределы одного графства. Они отнесены к страте III, которая численно сопоставима с двумя предыдущими (причем доля придворных и высших должностных лиц среди них достигает уже половины). Достаточно ожидаемо здесь встречается еще больше младших представителей знатных и влиятельных фамилий: сэр Генри Бомон, брат Джона барона Бомона, исчислитель Вустершира в 1469, 1471 гг. и шериф Стаффордшира в 1471 г. [26. Р. 255; 28. Р. 18, 269]; сэр Генри Стаффорд, сын Хамфри Стаффорда герцога Бакингема, констебль Ноттингемского замка в 1459–1460 гг., мировой судья в Линкольншире (1464–1465, 1468–1470), Линдсее (1469) и Сарри (1470) [20. Р. 532; 23. Р. 619–620, 631; 24. Р. 567]; сквайр Джон Буршье, другой сын виконта Буршье, был мировым судьей в Лестершире (1461, 1464, 1467, 1469, 1470), Уорикшире (1466, 1469, 1470), Эссексе (1483–1485) [21. Р. 400, 489, 560; 23. Р. 618, 634; 24. Р. 566, 574], а его кузен Хамфри Буршье, сын барона Бернерса, – в Сарри (1468–1469), Норфолке (1470), Линдсее (1470) [23. Р. 621, 622, 632]; Уильям Кортни, родич графов Девонширских и брат Пьера Кортни, епископа Экзетерского, являлся мировым судьей в Корнуолле (1442), Сомерсетшире (1461–1463, 1466, 1468–1469), Девоншире (1464–1466, 1468–1472, 1474, 1475, 1477, 1480–1484) и шерифом Девоншира (1482–1483) [21. Р. 558; 23. Р. 612, 628; 24. Р. 562, 571; 28. Р. 245, 257, 268]; сэр Уильям Стэнли, брат барона Стэнли, исполнял должности мирового судьи в Йоркшире (1462, 1464–1468, 1472–1473), стюарда Денби (1470), главного судьи Северного Уэльса (1483) и констебля Карнарвона (1484) [21. Р. 368; 23. Р. 638, 183; 24. Р. 577].

Четвертая когорта – дворяне при королевском дворе (IV). Для семей джентри было делом престижа и влияния получить место в окружении монарха хотя бы для одного своего представителя. В то же время король, приближая к себе дворян графств, обеспечивал этим лояльность местных элит и сосредоточивал в своих руках рычаги влияния в региональной политике. Таким образом, выгода была обоюдная.

Королевский двор состоял из нескольких сотен человек. В 1454 г., после реформы по его сокращению, проведенной герцогом Йорком в период его первого протектората, окружение Генриха VI состояло из 428 придворных [29. Р. 220–233]. Двор Эдуарда IV не превышал 630–640 человек [6. С. 126]. Свои дворы также существовали у королевы и принца Уэльского. Многие должности в них были заняты рыцарями, сквайрами и джентльменами. Наибольшее число рассматриваемых нами лиц (40 персон) занимали должности королевских телохранителей (рыцарей и сквайров). Помимо охраны короля в обязанности телохранителей также входило постоянное сопровождение монарха, присутствие во время его трапезы, отходе ко сну и пробуждении. Телохранители делились на несколько групп, попеременно дежуривших при особе короля. Свободные от этих обязанностей дворяне могли осуществлять должностные функции в графствах. Для многих джентри служба в качестве сквайров-телохранителей и рыцарей-телохранителей была важным этапом в продвижении по придворной и государственной карьерной лестнице, так как из этих людей, составлявших его ближайшее окружение, король выбирал своих доверенных лиц.

Все остальные придворные должности занимало значительно меньшее количество джентри, вовлеченных в события Войн Роз. Семеро из них были привратниками Королевской Палаты, один (Джон Донн) в дальнейшем стал сквайром-телохранителем, двое являлись клерками (Уильям Тайлер в дальнейшем стал рыцарем-телохранителем, а Джон Брикнок – казначеем двора), двое – королевскими сержантами (Уильям Коттон с 1450 г. хранитель Большого гардероба). Выше их стояли кравчие (4 чел.), стольники (2 чел., в том числе в 1461 г. Джон Говард, будущий барон Говард и герцог Норфолк [24. Р. 27]), мастера королевских гончих (2 чел.), мастера лошадей (4 чел.), дворецких (1 чел.). К придворной элите принадлежали хранители Большого и Малого гардеробов (шестеро представителей рассматриваемой нами когорты дворянства занимали эти посты, еще двое были хранителями гардеробов королевы и принца Уэльского), контролеры королевского двора (4 чел. и еще один контролер двора принца Уэльского), казначей королевского двора (7 чел.), казначей Королевской Палаты (2 чел.). Два рыцаря из изучаемой группы в период Войн Роз руководили королевским двором, занимая должность лорда-чемберлена: сэр Ричард Танстолл в период реставрации Генриха VI в 1470–1471 гг. и сэр Уильям Стэнли в 1485–1494 гг. [5. Р. 287]. По своему статусу они входили в круг наиболее высокопоставленных и влиятельных лиц государства.

Государственные должности центрального аппарата управления, занимаемые интересующими нас лицами, были сосредоточены в нескольких учреждениях (V). Одним из них фактически был Лондонский Тауэр, служивший королевской крепостью и непосредственной резиденцией монархов, начиная со времен Вильгельма Завоевателя. Здесь располагался монетный двор с двумя руководителями (хранителями, или мастерами). Деятельность 6 человек была связана с Казначей-

ством. Сэр Томас Брэкенбери в 1484 г. был назначен вице-адмиралом [22. Р. 391]. Сэр Томас Трешэм в 1459 г., сэр Джон Сэй в 1463 и 1467 гг., Уильям Кэтсби в 1484 г., а Томас Ловелл в 1485 г. избирались спикерами Палаты Общин [30. Р. 345, 497, 572; 31. Р. 238, 268]. Однако самыми многочисленными среди рассматриваемых лиц были члены Королевского Совета, коих оказалось 13 чел. (еще трое входили в Совет ранее начала Войн Роз) [3. Р. 134–160; 4. Р. 309–320]. Среди них встречаются как те, кто имел доступ к различным иным государственным и придворным должностям, так и не занимавшие таковых.

Тем не менее, несмотря на наличие пяти рассмотренных слоев дворянства, почти о 2/3 его представителей, активно участвовавших в событиях Войн Роз, мы не обладаем достаточно подробной информацией (иногда знаем лишь имя), чтобы оценить реальный социальный статус (VI). Отчасти это проблема источников, о чем свидетельствует присутствие в этой когорте как придворных, так и высших государственных лиц. Они не могли не играть никакой роли в своих графствах, а значит, информация об этом просто утрачена. Но все же представляется, что таких случаев меньшинство. Отсутствие сколь либо развернутой информации о джентри свидетельствует о том, что в конфликт было вовлечено многочисленное дворянство графств, не занимавшее в них никаких должностей. То есть Войны Роз не были только лишь борьбой национальной и региональных элит, но имели более глубокий социальный характер. В периоды военных кампаний большую часть армий лордов составляли не люди из их ближайшего окружения, а арендаторы, т.е. те, кто жил на территории их поместий на условиях, отличных от рыцарской службы [32. Р. 48–52]. Это объясняет и большую долю дворян из когорты VI, не принимавших активного участия в политической жизни графств, и значительное количество лиц, чей социальный статус не удалось установить (18% от общего числа активных участников войн; см. табл. 1). Если допустить, что это были простые арендаторы (мелкие дворяне и лица статусом ниже), то отсутствие о них сведений в серийных источниках вполне объяснимо, так как они не были вовлечены в активные социально-политические отношения даже на местах, но в периоды обострения политической борьбы не могли отказаться на призыв в армию лорда в силу личной преданности, зависимости из-за проживания на его земле или материальной выгоды, так как военная служба лицам, не обязанным ее нести на основании договора, оплачивалась.

Таким образом, самой многочисленной частью активных участников Войн Роз были представители среднего и низшего дворянства: рыцари, сквайры и джентльмены. По месту в социальной иерархии они разделялись на несколько групп. Среди тех дворян, о которых имеются сведения в официальных источниках, преобладали представители локальных элит, лица, занимавшие важные должности на уровне графств. Обычно их карьеры начинались с членства в комиссиях мировых судей. Далее могли последовать назначения или избрания на другие должности, самыми по-

четными на уровне графства были исчислитель, член Палаты Общин и шериф. Некоторые джентри обладали влиянием в двух и более графствах. Среди них встречалось достаточно много отпрысков знатных родов, таким образом поддерживавших через своих младших представителей влияние на региональном уровне. Следующей когортой являлись рыцари и сквайры, состоявшие при королевском дворе. Наиболее привилегированной группой являлись дворяне, занимавшие должности в центральном аппарате управления: члены Королевского Совета, спикеры Палаты общин, служащие Казначейства, Лондонского Тауэра.

Положение дворянина в обществе также во многом определялось принадлежностью к окружению (свите, ливрее) лорда. Начиная с появления в XIX в. понятия «бастардный феодализм» получила обоснование теория, согласно которой в период позднего Средневековья в среде господствующих сословий на смену классической системе отношений, основанных на передаче земли, пришли клиентально-патронажные связи на базе

контрактов о службе за вознаграждение. В рассматриваемой нами группе подобные контракты имеются лишь у 4% дворян, однако не менее 14% находились на службе или входили в окружение лордов, поддерживавших Ланкастеров или Йорков. Отчасти незначительность этих данных связана с плохой сохранностью источников. Однако более важной причиной был характер службы в военное время. Контракты заключались лордами пожизненно с наиболее важными представителями дворянства для поддержания политического и социального влияния вне зависимости от обстановки в королевстве. Но в периоды обострения борьбы лордам требовалось значительно увеличивать ряды своих сторонников. Проще всего это было сделать за счет арендаторов-дворян, пусть не столь влиятельных, как лица, служащие на контрактной основе, но зато более многочисленных. Именно к этой категории стоит отнести большую часть дворян, не игравших активной роли в политической жизни графств, но сражавшихся в Войнах Роз.

Список источников

1. Beech G. Prosopography // *Medieval studies: an introduction* / ed. J.M. Powell. Syracuse, NY : Syracuse University Press, 1992. P. 185–226.
2. Wedgwood J., Holt A. *History of Parliament. Biographies of the Members of the Commons House, 1439–1509*. London : Her Britannic Majesty's Stationery Office, 1936. 666 p.
3. Virgoe R. The composition of the King's Council, 1437–1461 // *Bulletin of the Institute of Historical Research*. 1970. Vol. 43. P. 134–160.
4. Lander J.R. *Crown and Nobility. 1450–1509*. London : McGill-Queen's University Press, 1976. 340 p.
5. *The Household of the Edward IV: the Black Book and the Ordinance of the 1478* / ed. by A.R. Myers. Manchester ; New York : University of Manchester, 1971. XII, 315 p.
6. Бакалдина Е.В. Английский королевский двор при Эдуарде IV. Институты, слуги, церемониал : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 337 с.
7. Праздников А.Г. Лорды периода Войн Роз: модели социального поведения в период политического кризиса 1452–1461 годов // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2016. № 3 (52). С. 38–43.
8. Праздников А.Г. Лорды периода войн Роз: модели социального поведения в период политического кризиса 1461–1471 годов // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2017. № 3 (56). С. 56–63.
9. Hicks M. *Richard III and His Rivals: Magnates and Their Motives in the War of the Roses*. London ; Rio Grande : Hambledon Press, 1991. 447 p.
10. McFarlane K.B. *The Nobility of later medieval England*. Oxford : Clarendon Press, 1973. XLII, 315 p.
11. Powell J.E., Wallis K. *The House of Lords in the Middle Ages*. London : Weidenfeld & Nicolson, 1968. XX, 672 p.
12. Stubbs W. *The Constitutional History of England in Its Origin and Development*. Oxford : Clarendon Press, 1903. Vol. 3. 652 p.
13. Дмитриева О.В. Английское дворянство в XVI – начале XVII в.: границы сословия // *Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия*. М. : Археографический центр, 1997. С. 11–34.
14. Freeman J.R. *The political community of fifteenth-century Middlesex* : Thesis submitted for the degree PhD. London, 2002. 333 p.
15. Фергюсон А.Б. Золотая осень английской рыцарственности. СПб. : Евразия, 2004. 352 с.
16. Mercer M. *The Medieval Gentry: Power, Leadership and Choice during the Wars of the Roses*. London : Continuum, 2010. 173 p.
17. Браун Е.Д. Войны Роз: история, мифология, историография. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 208 с.
18. Hicks M. *The Wars of the Roses: 1455–1485*. Oxford : Osprey Publishing, 2003. 95 p.
19. Бельцер А.А. «Слуги для всех дел»: корона и мировые судьи в tudorской Англии. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 2007. 136 с.
20. *Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office. Henry VI. Vol. 6 (1452–1461)*. London : Her Britannic Majesty's Stationery Office, 1971. 1057 p.
21. *Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office. Edward IV, Edward V, Richard III (1476–1485)*. London : Her Britannic Majesty's Stationery Office, 1901. 727 p.
22. *Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office. Henry VII. Part 1 (1485–1494)*. London : Her Britannic Majesty's Stationery Office, 1970. 683 p.
23. *Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office. Edward IV (1467–1477)*. London : Her Britannic Majesty's Stationery Office, 1971. 812 p.
24. *Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office. Edward IV (1461–1467)*. London : Her Britannic Majesty's Stationery Office, 1971. 731 p.
25. *Calendar of Fine Rolls preserved in the Public Record Office*. London : Her Britannic Majesty's Stationery Office, 1939. Vol. 19 (1452–1461). 424 p.
26. *Calendar of Fine Rolls preserved in the Public Record Office*. London : Her Britannic Majesty's Stationery Office, 1949. Vol. 20 (1461–1471). 436 p.
27. *Calendar of Fine Rolls preserved in the Public Record Office*. London : Her Britannic Majesty's Stationery Office, 1962. Vol. 22 (1485–1509). 570 p.
28. *Calendar of Fine Rolls preserved in the Public Record Office*. London : Her Britannic Majesty's Stationery Office, 1939. Vol. 21 (1471–1485). 453 p.
29. *Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England* / ed. H. Nicolas. London : Her Britannic Majesty's Stationery Office, 1837. Vol. VI (1443–1461). XXXVI, 506 p.
30. *Rotuli Parliamentorum* / ed. J. Strachey. London : Record Commission, 1832. Vol. 5. 534 p.
31. *Rotuli Parliamentorum* / ed. J. Strachey. London : Record Commission, 1832. Vol. 6. 555 p.
32. Hicks M. *Bastard Feudalism*. London ; New-York : Routledge, 2013. XII, 243 p.

References

1. Beech, G. (1992) *Prosopography*. In: Powell, J.M. (ed.) *Medieval Studies: An Introduction*. Syracuse, NY: Syracuse University Press. pp. 185–226.
2. Wedgwood, J. & Holt, A. (1936) *History of Parliament. Biographies of the Members of the Commons House, 1439–1509*. London: Her Britannic Majesty's Stationery Office.

3. Virgoe, R. (1970) The composition of the King's Council, 1437–1461. *Bulletin of the Institute of Historical Research*. 43. pp. 134–160.
4. Lander, J.R. (1976) *Crown and Nobility. 1450–1509*. London: McGill-Queen's University Press.
5. Myers, A.R. (ed.) (1971) *The Household of the Edward IV: the Black Book and the Ordinance of the 1478*. Manchester; New York: University of Manchester.
6. Bakaldina, E.V. (2011) *Angliyskiy korolevskiy dvor pri Eduarde IV. Instituty, slugi, tseremonial* [English royal court under Edward IV. Institutes, servants, ceremonial]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
7. Prazdnikov, A.G. (2016) Lordy perioda Voyn Roz: modeli sotsial'nogo povedeniya v period politicheskogo krizisa 1452–1461 godov [Lords of the Wars of the Roses: Models of Social Behavior during the Political Crisis of 1452–1461]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. 3(52). pp. 38–43.
8. Prazdnikov, A.G. (2017) Lordy perioda voyn Roz: modeli sotsial'nogo povedeniya v period politicheskogo krizisa 1461–1471 godov [Lords of the Wars of the Roses: Models of Social Behavior during the Political Crisis of 1461–1471]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. 3(56). pp. 56–63.
9. Hicks, M. (1991) *Richard III and His Rivals: Magnates and Their Motives in the War of the Roses*. London; Rio Grande: Hambledon Press.
10. McFarlane, K.B. (1973) *The Nobility of Later Medieval England*. Oxford: Clarendon Press.
11. Powell, J.E. & Wallis, K. (1968) *The House of Lords in the Middle Ages*. London: Weidenfeld & Nicolson.
12. Stubbs, W. (1903) *The Constitutional History of England in Its Origin and Development*. Vol. 3. Oxford: Clarendon Press.
13. Dmitrieva, O.V. (1997) Angliyskoe dvoryanstvo v XVI – nachale XVII v.: granitsy sosloviya [English nobility in the 16th – early 17th centuries: the boundaries of the estate]. In: *Evropeyskoe dvoryanstvo XVI–XVII vv.: granitsy sosloviya* [European nobility of the 16th–17th centuries: the boundaries of the estate]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr. pp. 11–34.
14. Freeman, J.R. (2002) *The political community of fifteenth-century Middlesex*. PhD Thesis. London.
15. Ferguson, A.B. (2004) *Zolotaya osen' angliyskoy rytsars'tvennosti* [The golden autumn of English chivalry]. Translated from English. St. Petersburg: Evraziya.
16. Mercer, M. (2010) *The Medieval Gentry: Power, Leadership and Choice during the Wars of the Roses*. London: Continuum.
17. Brown, E.D. (2016) *Voyny Roz: istoriya, mifologiya, istoriografiya* [Wars of the Roses: History, Mythology, Historiography]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
18. Hicks, M. (2003) *The Wars of the Roses: 1455–1485*. Oxford: Osprey Publishing.
19. Beltser, A.A. (2007) *“Slugi dlya vsekh del”: korona i mirovye sud'i v tyudorovskoy Anglii* [“Servants for All Causes”: Crown and Justices of the Peace in Tudor England]. Samara: Samara State Pedagogical University.
20. UK. (1971a) *Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office. Henry VI*. Vol. 6. London: Her Britannic Majesty's Stationery Office.
21. UK. (1901) *Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office. Edward IV, Edward V, Richard III (1476–1485)*. London: Her Britannic Majesty's Stationery Office.
22. UK. (1970) *Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office. Henry VII*. Vol. 1. London: Her Britannic Majesty's Stationery Office.
23. UK. (1971b) *Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office. Edward IV (1467–1477)*. London: Her Britannic Majesty's Stationery Office.
24. UK. (1971c) *Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office. Edward IV (1461–1467)*. London: Her Britannic Majesty's Stationery Office.
25. UK. (1939a) *Calendar of Fine Rolls preserved in the Public Record Office*. Vol. 19. London: Her Britannic Majesty's Stationery Office.
26. UK. (1949) *Calendar of Fine Rolls preserved in the Public Record Office*. Vol. 20. London: Her Britannic Majesty's Stationery Office.
27. UK. (1962) *Calendar of Fine Rolls preserved in the Public Record Office*. Vol. 22. London: Her Britannic Majesty's Stationery Office.
28. UK. (1939b) *Calendar of Fine Rolls preserved in the Public Record Office*. Vol. 21. London: Her Britannic Majesty's Stationery Office.
29. Nicolas, H. (ed.) (1837) *Proceedings and Ordinances of the Privy Council of England*. Vol. 6. London: Her Britannic Majesty's Stationery Office.
30. Strachey, J. (ed.) (1832a) *Rotuli Parliamentorum*. Vol. 5. London: Record Commission.
31. Strachey, J. (ed.) (1832b) *Rotuli Parliamentorum*. Vol. 6. London: Record Commission.
32. Hicks, M. (2013) *Bastard Feudalism*. London; New-York: Routledge.

Сведения об авторе:

Праздников Андрей Геннадьевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Вятского государственного агротехнологического университета (Киров, Россия). E-mail: andrei-selek@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Prazdnikov Andrey G. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy of Vyatka State Agrotechnological University (Kirov, Russian Federation). E-mail: andrei-selek@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.11.2020; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 26.11.2020; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья

УДК 32.019.51

doi: 10.17223/19988613/83/16

Репрезентация образа А. Гитлера в современном западном массовом кинематографе (2002–2019 гг.)

Кирилл Николаевич Срек

Томский государственный университет, Томск, Россия, kirill.srek@rambler.ru

Аннотация. Представлен анализ эволюции репрезентации образа А. Гитлера в современном массовом кинематографе. На основе кинематографических произведений и рецензий кинокритиков формулируется вывод о трансформации образа фюрера – от биографических работ, демонстрирующих психологические проблемы лидера Третьего рейха и деструктивный характер его внешней и внутренней политики, к саркастично-ироничному представлению А. Гитлера. Обозначается, что подобная трансформация непосредственно связана с актуализацией правопопулистских тенденций.

Ключевые слова: образ А. Гитлера, репрезентация нацизма, массовый кинематограф, популизм, неонацизм

Для цитирования: Срек К.Н. Репрезентация образа А. Гитлера в современном западном массовом кинематографе (2002–2019 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 119–126. doi: 10.17223/19988613/83/16

Original article

Representation of the image of A. Hitler in modern Western mass cinema (2002–2019)

Kirill N. Srek

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kirill.srek@rambler.ru

Abstract. The article aims to analyze the dominant trends in the representation of the Adolf Hitler's image in modern mass cinema. The article based on cinematic works of Western directors, reviews and reviews of film critics. In total, the author analyzes eight modern film productions. The chronological framework of this article includes the period from 2002 – the release of the first film dedicated to the biography of the Fuhrer "Hitler: the Rise of the Devil" to 2019 – the release of the film "Jojo Rabbit", the last film released before the outbreak of the world coronavirus pandemic. The research is carried out on the functionalist paradigm. This article uses the methods of cinema studies, as well as the elements of the theory of memory by Jan and Aleida Assmann. The paper note defines two dominant trends in the representation of the image of Adolf Hitler in mass cinema. So, the events in the early 2000s caused the interest of film directors in the detailed reproduction of the Fuhrer's biography. The creation of such a detailed image was intended to uncover the crimes of Nazism and identify its in a "demonic image". Such a vision of the leader of the Third Reich, on the one hand, was a certain "order" of the political elites of Western countries in order to demonstrate the fragility and precariousness of the achieved level of development under the "pressure" of Islamic terrorism. On the other hand, it revealed public reflection on terrorist attacks committed by Islamic radicals. The article concludes that the Furer's image has transformed from biographical works demonstrating the psychological problems of the leader of the Third Reich and the destructive nature of his foreign and domestic policy, to the sarcastic and ironic representation of Adolf Hitler. This transformation was caused by socio-political changes in Western countries, – the consequences of the migration crisis of 2014-2016 in Europe and the actualization of right-wing populist trends. The author emphasizes that the actualization of right-wing populist tendencies in Europe was the primary reason for the "revision" of the image of Adolf Hitler. Thus, the natural result of such a process was the strengthening of the tendencies of the "sarcastic-ironic" image of Adolf Hitler in mass cinema. The study also emphasizes that cinema acted not only as a way of collective reflection but also as a political tool aimed at discriminating against far-right politicians.

Keywords: image of A. Hitler, representation of Nazism, mass cinema, populism, neo-Nazism

For citation: Srek, K.N. (2023) Representation of the image of A. Hitler in modern Western mass cinema (2002–2019). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 119–126. doi: 10.17223/19988613/83/16

В современном информационном обществе, где СМИ стали «четвертой властью», влияние кинематографа на социально-политические процессы чрезвычайно высоко. Осознавая, какое воздействие на аудиторию имеют различные кинематографические жанры, политики стремятся к использованию данного канала связи для создания у аудитории необходимой им картины мира. Помимо этого, стоит отметить, что зачастую именно кинематограф является одним из ярких индикаторов неотрелфлексированных травм в коллективной памяти общества. Воспроизводя снова и снова один и тот же сюжет в различных вариациях, социум пытается вновь пережить и осмыслить свой опыт, а также найти целесообразность в происшедших событиях и извлечь из них скрытый урок [1. С. 310–315]. Другим вариантом осмысления событий прошлого является «замалчивание» тех или иных периодов в истории отдельной страны или региона в целом [2]. Наиболее живым и неоднозначным примером подобного типа рефлексии выступает образ А. Гитлера в немецком послевоенном кинематографе. Однако осмысление образа нацистской Германии на каждом из поворотов истории отдельных стран, с одной стороны, демонстрировало значимость данных событий для каждого государства, с другой же – создавало уникальные образы немецкого вождя в коллективной памяти.

Актуальность изучения трансформации «нацистского мифа» определяется потребностью общества различными путями преодолеть историческую травму событий Второй мировой войны, а также осмыслением событий прошлого в контексте новых парадигм и идеологических установок. Хронологические рамки работы обоснованы первым крупным кинематографическим проектом, направленным на репрезентацию образа фюрера, и последним фильмом об А. Гитлере, вышедшим до начала пандемии коронавируса.

Начало XXI в. было ознаменовано крупнейшим террористическим актом – взрывом башен-близнецов в Нью-Йорке. Данное событие отразилось как на геополитике стран, что способствовало усилению аспектов национальной и региональной безопасности в качестве главной повестки дня на мировой арене, так и на мировой культуре – тема взрыва Нью-Йоркской фондовой биржи отразилась в ряде кинопроизведений («Запредельно близко и жутко громко»). Подобные акценты и смыслы, направленные на усиление дихотомии «безопасность»–«терроризм», способствовали обращению ведущих режиссеров к проблеме переосмысления событий Третьего рейха и акцентированию внимания на личности А. Гитлера. Первым подобную реакцию представил британский режиссер К. Дюге в документальной картине «Гитлер: Восхождения дьявола» [3]. Данная лента придерживается биографического формата, авторы, помимо изложения биографии фюрера, акцентируют внимание на нескольких сюжетах. Так, стоит обратить внимание на то, что фильм начинается и заканчивается фразой британского тори Э. Бёрка, посвященной критике режима демократии времен Великой французской революции. Данная фраза, с одной стороны, настраивает зрителя на повествование о биографии А. Гитлера, с другой – демонстрирует

политическую картину мировоззрения ее создателей. Показывая преимущества консервативных установок и стремление к устойчивому развитию Германии, авторы в начале фильма подводят зрителя к мысли о революционных и террористических действиях А. Гитлера [3]. Также авторами создается законченный образ А. Гитлера, подчеркиваются эмоциональность и даже истеричность персонажа, что должно подвести зрителя к мысли о том, что сложившаяся в Германии в 1930-е гг. ситуация не должна повториться [3].

Следующим произведением, затрагивающим аспекты биографии политика и раскрывающим «внутренний мир» Третьего рейха, стала военная драма «Бункер» режиссера О. Хиршбигеля [4]. Данный фильм также выстроен в русле документально-биографического изображения деятельности А. Гитлера и сосредоточен на причинах гибели Третьего рейха и последних днях его фюрера. Основная часть ленты посвящена событиям апреля 1945 г. Так, 20 апреля солдаты Красной Армии сражаются на территории Германии, войска союзников готовятся к захвату Берлина. В сложившейся ситуации А. Гитлер и его соратники отмечают пятидесятилетие фюрера, что, по словам режиссера фильма, больше похоже «на пир во время чумы». Во время празднества А. Гитлер произносит длинный монолог, в котором признается, что осознает полный крах всей своей жизни. Так, он полагает, что потерял контроль над ситуацией, советские солдаты уже на улицах столицы Третьего рейха, приказы отдаются напрасно, самые амбициозные планы не реализуются. Также политик признается, что Третий рейх находится на грани краха и полного поражения [4].

Авторы подчеркивают, что фюрер не обращал внимания на гражданское население в своих решениях и, подобно Й. Геббельсу, говорил о том, что немецкий народ идет навстречу своей «заслуженной гибели». Таким образом, режиссеры и сценарист отмечают, что вся вина в войне лежит не на простых гражданах Третьего рейха, а только на одном человеке – узурпаторе и диктаторе [5]. Режиссер стремится показать раскол в немецком политическом и военном истеблишменте. Так, внимание особо акцентируется на том, что из личной свиты и ведущих генералов В. Кейтеля, Г. Кребса и В. Бургдорфа на стороне Гитлера остаются только рейхсминистр пропаганды Й. Геббельс, государственный секретарь В. Хевель и глава партийной канцелярии М. Борман. При этом, например, Кейтель отправился к адмиралу К. Деницу во Фленсбург, и ему разрешено покинуть бункер [5].

В фильме представлено иное по сравнению с предыдущими документальными лентами видение последнего года жизни фюрера. В частности, акцентируется внимание на психологических аспектах личности лидера Третьего рейха, а также на его политическом эгоизме и готовности «вести свой народ в бездну». Подобное отображение также вскрывает террористические посылы А. Гитлера, стремящегося к возвышению арийцев и способного «низвергнуть мир в Средневековье и хаос». Это логично встраивается в ряд работ, посвященных раскрытию психологических аспектов фюрера, а также является своеобразным продолжением преды-

дущих лент, акцентирующих деятельность А. Гитлера как политика-террориста.

Завершает биографическое рассмотрение деятельности А. Гитлера работа немецкого режиссера Д. Леви «Мой фюрер, или Самая правдивая правда об А. Гитлере» [6]. Стоит отметить, что это первая иронично-сатирическая попытка осмысления личности А. Гитлера и образа Третьего рейха в XXI в. До этого кинематографическое повествование носило более серьезный и документальный характер, однако данная работа служит определенным переосмыслением как личности фюрера, так и подходов к его репрезентации в современном массовом кинематографе.

Фильм посвящен последним годам войны и начинается в декабре 1944 г., при этом авторы начинают картину с воспоминаний главного героя о его былом триумфе. Так, в начале ленты профессор еврейского происхождения А. Грюнбаум рассказывает вымышленную историю фильма: Грюнбаум с женой и четырьмя детьми находится в концлагере Заксенхаузен. Тем временем война неминуемо движется к концу и проигрышу Германии, в связи с чем пессимистические настроения провоцируют глубокую депрессию фюрера. Немецкая пропагандистская машина во главе с министром пропаганды рейха Й. Геббельсом готовит к январю 1945 г. массовое мероприятие в Берлинском Люстгартене, призванное дать новую мотивацию усталым от войны немцам. Однако сам Гитлер растерян и не видит смысла в подобных мероприятиях. Поэтому Грюнбаума как одного из лучших учителей А. Гитлера по риторике освобождают из концлагеря и отправляют к бывшему ученику с целью замотивировать Гитлера и помочь ему в качестве учителя. После первоначального отказа Гитлер все больше доверяет своему наставнику и раскрывает ему личные чувства и детские воспоминания, например о том, что отец жестоко обращался с ним. В то же время Грюнбаум переживает внутренний конфликт, связанный с оценкой деятельности Гитлера и неоднократно рассматривает возможность его убийства. Однако педагогические таланты берут в нем верх, и он проникается жалостью к своему ученику [6].

В день выступления у фюрера сипнет голос, в связи с чем он не может произнести запланированную ранее речь. Поэтому Грюнбаум, стоя под пьедесталом, должен говорить через громкоговоритель, а Гитлер только шевелит губами и жестикулировать. Через некоторое время Грюнбаум отклоняется от намеченного текста и начинает высмеивать Гитлера: по его словам, фюрер только и может подражать своему отцу в плане притеснения населения и геноцида. За подобные речи Грюнбаума немедленно расстреливают на месте, а Гитлер в ужасе убегает со сцены незадолго до того, как заранее заложенная бомба взорвется. Смертельно раненный Грюнбаум рассказывает историю до конца; при этом он предсказывает, что война скоро закончится и фюрер совершит самоубийство. Более того, педагог отмечает, что преступления Гитлера будут приводить в шок последующие поколения, а его личность во многом останется загадкой для ученых [6].

Таким образом, в данном случае можно проследить актуализацию иной репрезентации образа А. Гитлера,

а именно саркастически-ироничные контексты восприятия исторического персонажа. Доводя ситуацию до абсурда, авторы стремились раскрыть как психологическую составляющую героя, так и нелепость всей нацистской идеологии. Заимствуя ряд комедийных приемов, они поднимают сложные вопросы о жизни в Третьем рейхе и традиционной повседневности государства. Так, неслучайно в фильме противопоставляются образ «концлагеря», из которого приезжает логопед Гитлера, и роскошная жизнь партийной элиты. Подобные сцены не только раскрывают историческую канву событий, но и негласно намекают на актуальные проблемы ЕС, связанные с еврократией и отрывом элит от населения.

Подобный саркастично-ироничный контекст репрезентации Третьего рейха представлен и в работе культового режиссера К. Тарантино «Бесславные ублюдки» [7]. Действие фильма начинается в 1941 г., когда штандартенфюрер СС Г. Ланда допрашивает у себя дома французского фермера-молочника П. Лападита о местонахождении последней неучтенной еврейской семьи Дрейфусов в этом районе. Ланда подозревает, что в этом доме они скрываются, и он добивается от Лападита признания в этом в обмен на согласие оставить его семью в покое. Дрейфусов вычисляют и жестоко расстреливают, убивая всех, кроме младшей дочери – Шошанны, которая убегает.

Затем действие фильма переносится в 1944 г., когда лейтенант А. Рейн из Первого подразделения спецслужб собирает и вербует еврейско-американских солдат в особый «еврейский» отряд, сформированный для того, чтобы внушать страх немецким солдатам посредством жестоких убийств и скальпирования мертвецов. Среди них – Д. Донович и сержант Х. Стиглиц, немецкий солдат-мошеник, убивший многих офицеров гестапо. Тем временем Шошанна Дрейфус живет в Париже, работает в кинотеатре под именем Эммануэль Мимье и знакомится с Ф. Цоллером, немецким снайпером, прославившимся тем, что в одном бою он убил 250 солдат союзников. Цоллер снимается в нацистском пропагандистском фильме «Гордость нации». Влюбленный в Шошанну, Цоллер убеждает Й. Геббельса провести премьеру фильма в ее кинотеатре. Ланда, который является начальником службы безопасности премьеры, допрашивает Шошанну, намекая, что подозревает ее настоящую личность. Однако Шошанна подговаривает киномеханика Марселя поджечь кинотеатр во время премьеры и убить нацистских лидеров, которые будут присутствовать на премьере столь важного фильма [7].

На премьере фильма «Гордость нации» О. Донни и А. Рейн присутствуют с целью покушения и убийства фюрера; чтобы скрыть свою неспособность говорить по-немецки, они выдают себя за итальянских гостей фон Хаммерсмарка. Во время показа происходит перестрелка между Цоллером и Шошанной, в результате они оба умирают. Когда же «Гордость нации» достигает своей кульминации, демонстрируются кадры заранее снятой Шошанны, которая говорит зрителям, что они все будут убиты в этом зале еврейкой. Заперев двери кинотеатра, Марсель поджигает горячую кино-

пенку, из-за чего загорается все помещение театра. Ульмер и Донович врываются в оперную ложу, где находятся Гитлер и Геббельс, расстреливают их обоих из автоматов, а затем стреляют в толпу до тех пор, пока не взрываются бомбы, убивая всех в театре [8].

Таким образом, картина К. Тарантино в ярких и красочных тонах продемонстрировала утрированную повседневность Третьего рейха, а также сконцентрировалась на абсурдности идейно-мировоззренческой идеологии нацизма. Режиссеру удалось не столько воссоздать реальный исторический контекст происходящего, сколько сформировать собственное саркастически-ироничное видение событий прошлых лет. Интересно и то, что К. Тарантино стремился раскрыть множественность характеров и ценностных установок нацистских офицеров, подчеркивая, с одной стороны, гипертрофированность черт команды «бесславных ублюдков», а с другой – намеренно изображая интеллигентность и интеллектуальность главного антагониста фильма – Ланды.

Новый виток обращения к образу А. Гитлера и основным мифологемам Третьего рейха произошел на фоне проявления первых последствий «арабской весны», а именно резкого увеличения иммиграционных потоков, что привело к актуализации идей национализма и ксенофобии среди жителей Европейского Союза. Так, в 2010 г. численность лиц иностранного происхождения, исповедующих ислам, в странах ЕС составляла несколько десятков миллионов человек, или 3,8% от общего состава населения стран Союза [9, 10]. В последующий период произошел скачок числа иммигрантов из арабских стран в связи с последствиями «арабской весны», в результате чего в ряде стран Ближнего и Среднего Востока начались беспорядки и боевые действия. Это, в свою очередь, добавило к типичным проблемам региона (безработица, низкий уровень жизни, проблема с экологией и др.) еще и утечку квалифицированных кадров в развитые европейские страны. Так, различными средствами информации подчеркивался главный вывод Евростата, что при сохранении подобной тенденции число мусульман во всей Европе к 2030 г. может превысить 52 млн. чел. Увеличение доли мусульман весьма точно коррелирует с количеством беженцев, прибывающих в страны ЕС. По данным того же Евростата, с 2015 г. происходит резкое увеличение числа беженцев, переселяющихся в страны Европейского союза, в особенности из мусульманских стран [9; 11. С. 121–125].

За несколько лет до масштабных антииммиграционных и националистических протестов в Великобритании вышел документальный сериал, посвященный деятельности фюрера, – «Мрачное обаяние А. Гитлера». Автор идеи и режиссер Л. Рис предполагал, что сериал должен был стать «предостережением» для рядовых европейцев по вопросу отношения к приехавшим иностранцам и проявлений расизма в их адрес [12]. Так, отличительной чертой последних кинолент этого режиссера является умелое сочетание документальной хроники и художественной реконструкции.

Данная работа выстроена в стиле документального сериала и основывается на описании деятельности

противника А. Гитлера – Г. Штрассера (ему посвящены первые две серии) [12]. Начиная с третьей серии повествование сосредоточивается вокруг репрезентации образа Э. фон Манштейна. В каждой серии режиссер стремился акцентировать внимание зрителей на хронике и «реальном» отображении выбранных им персонажей. Структурно данная работа состоит из нескольких компонентов.

Первое – это видение будущего тысячелетнего рейха А. Гитлером. Режиссер показал, что Гитлер не был глупым теоретиком – он знал, что у его партии есть хорошо продуманный план экономических перемен. После поражения в Первой мировой войне, после ограничения военных возможностей, репараций и жесточайшего экономического и социального кризиса люди не раз слышали, что все наладится. Им было обещано великое сверхчеловеческое государство, которое отнимет у мира все, что ему причитается по историческому закону [13. С. 50–55]. И исходя из этого, по мнению режиссера, темное обаяние Адольфа Гитлера в полной мере проявилось в передаче этого утопического образа людям вокруг него, которые голосовали за него, а потом умирали на полях сражений [14].

Второе – это «миссия» персонажа, согласно которой следовало объединить всех немцев [13. С. 55–61; 15. С. 232–236]. В течение многих лет А. Гитлер вынашивал идею перекроить политическую карту Европы, чтобы истинные арийцы, какими он видел немецкоязычные народы, заняли свое место в Европе как единое государство. Именно этот компонент публицистики А. Гитлера широко использовался во время европейских аннексий в 1935–1939 гг.

Третий компонент «мрачного обаяния» А. Гитлера – единение со слушающей его аудиторией. Под данным компонентом автор подразумевал умение диктатора общаться с аудиторией, делиться мыслями с нею и проявлять демонстративную заботу. Эта часть харизмы проявляется во всех трех эпизодах сериала – от пивных в Мюнхене до выступления перед сотнями тысяч людей. В годы экономического кризиса Гитлер точно знал, что от него хочет услышать общественность, а также что для консолидации масс необходимо создать призрак внутреннего и внешнего врага [12].

Следующий элемент харизмы политика – надежда, которую он давал людям в трудные времена. Эта составляющая обаяния А. Гитлера проявилась после окончания Первой мировой войны. В стране, только что проигравшей войну, униженной и разгромленной, людям дали надежду на светлое будущее и на возможный реванш в скором времени. Режиссер особо акцентировал внимание зрителя на том, что, когда миллионы немцев голодали из-за экономического кризиса и девальвации национальной валюты, Гитлер обещал, что черная полоса сменится процветанием. Когда миллионы немецких солдат были уже убиты, ранены или взяты в плен на всех фронтах, а немецкие города превращены в пепел бомбардировками союзников, Гитлер давал иллюзорную надежду на то, что весь этот ужас обернется триумфом воли немецкого народа [15. С. 232–236].

Выход данного фильма продолжал «биографическую» тенденцию репрезентации образа А. Гитлера.

Так, с одной стороны, авторы особо акцентировали внимание на биографических аспектах фюрера, с другой же – сконцентрировались на демонизации данного образа. И если в более ранних произведениях заметно стремление к раскрытию на основе архивных материалов психологической составляющей главы Третьего рейха, то в данном случае видна противоположная тенденция – образ А. Гитлера намеренно приобретает более «темные, демонические тона». Подобную трансформацию можно объяснить в общем контексте ухудшения внешнеполитической обстановки в Европе: постепенное увеличение миграционных потоков как следствие «арабской весны», а также признание краха политики мультикультурализма спровоцировали волну националистских и ксенофобских настроений. В связи с этим выход данного фильма задумывался с целью «разоблачения» правых сил и уменьшения их влияния в странах Европейского Союза.

Семидесятилетняя годовщина окончания Второй мировой войны сподвигла режиссеров к переосмыслению событий прошлого. В частности, немаловажную роль в этом сыграли такие политические факторы, как миграционный кризис и нарастающие правопопулистские тенденции в высших органах Европейского Союза и среди политического истеблишмента входящих в него стран. При этом нельзя не отметить рост популярности немецкой партии «Альтернатива для Германии», которая за свою краткую историю получила значительную поддержку населения. В подобных условиях, когда происходят переосмысление аспектов национальной идентичности и усиление национализма и ксенофобии как среди местного населения, так и в политических элитах, образ А. Гитлера осмысливается в совершенно других красках [16]. В связи с этим режиссеры, анализируя современную политическую обстановку, акцентируют внимание зрителя на сходстве определенных политиков правого толка и лидера нацистской Германии, в ироничном ключе подмечая возможность повторения ситуации. В данном контексте интересна картина «Взорвать Гитлера» немецкого режиссера О. Хиршбигеля [16].

Сюжет фильма открывается событиями ноября 1939 г., когда, заложив самодельную бомбу в колонну мюнхенского биркеллера, Г. Эльзер пытается пересечь нейтральную Швейцарию, но его ловят на границе. Его бомба взрывается, но не наносит никакого вреда фюреру. Немецкие спецслужбы находят улики против Г. Эльзера и связывают его с покушением. Они считают, что Эльзер, скорее всего, работал с группой заговорщиков, которых теперь они хотят вычислить. Они также собирают членов его семьи из родной деревни, в том числе девушку главного героя [16]. Раскрытие главного героя происходит посредством погружения зрителя в воспоминания Эльзера. Так, становится известно, что он стал презирать нацистов и понял, что Гитлера нужно убить, чтобы спасти Германию. После покушения Эльзера отправили в концлагерь, где он прожил пять лет и был расстрелян за несколько дней до освобождения концлагеря Дахау американскими войсками [17, 18].

Лента направлена на раскрытие «внутренней» повседневности жизни Третьего рейха и событий, свя-

занных с оценкой деятельности А. Гитлера во времена нацизма в Германии. Подобное художественное осмысление событий прошлого демонстрирует потребность общества в рефлексии над исторической травмой прошлого, а также осмыслении «роли маленького человека» в государственной машине Третьего рейха.

Таким образом, в данной картине представлен принципиально иной взгляд на историю Второй мировой войны. Фильм сконцентрирован не на глобальных событиях или образе А. Гитлера, а на небольшом историческом эпизоде. В частности, режиссер стремился показать события тех лет с позиций рядовых граждан и солдат. Фильм сознательно уходит от демонстрации образа нацизма и А. Гитлера, постулируя необходимость обращения кинематографа к небольшим локальным историям. Подобная позиция, с одной стороны, демонстрирует новый подход в киноискусстве, с другой – показывает существование исторической травмы в сознании современных граждан и болезненность современного общества в отношении вопросов Второй мировой войны.

Наконец, с 2015 г. можно проследить развитие репрезентации образа А. Гитлера. В частности, в последнее время, режиссерами особо акцентируется внимание на иронично-саркастичном изображении фюрера. Подобную тенденцию задали главным образом работы Т. Вайтита «Кролик ДжоДжо» (2019) [19] и «Он снова здесь» немецкого режиссера Т. Вермеша (2015) [20].

Сюжет последней картины начинается с событий 2014 г. Через 69 лет после окончания Второй мировой войны А. Гитлер просыпается в Берлине. Из-за изменившейся среды и людей он дезориентирован. Владелец киоска предоставляет ему временное убежище. Читая газету в киоске, Гитлер сталкивается с совершенно изменившейся Германией, которая противоречит его идеологии и вызывает у него неприязнь и отторжение. Кроме того, все люди, с которыми он сталкивается, считают его просто актером, изображающим Гитлера [21].

Недалеко от места, где проснулся Гитлер, внештатный сотрудник телеканала MyTV Ф. Савацкий снимает документальный фильм о местных детях. Однажды он, просматривая снятое видео, обнаруживает на заднем плане Гитлера. Вскоре после этого Савацкий находит Гитлера и делает ему предложение снять совместную телепередачу, чтобы получить более высокооплачиваемую работу. Они отправляются в путешествие в разные места Германии, где записывают небольшой видеоролик о том, как Гитлер общается с местным населением.

По возвращении в Берлин Савацкий знакомит Гитлера с руководителями теле- и радиостанций. В офисе телеканала А. Гитлер встречает секретаря, которая с некоторым трудом объясняет ему устройство Интернета. Фюрер постепенно обретает себя в настоящем и совершает первые сценические выступления. Он также возобновляет свои старые планы по захвату мирового господства, но вместе с этим непреднамеренно получает роль комедийной звезды, которая пользуется спросом у всех крупных средств массовой информации. Однако у Ф. Савацкого возникают первые сомне-

ния в том, что данный человек – актер, ведь, по его мнению, он слишком похож на фюрера из прошлого.

Однажды бабушка Савацкого, жившая во времена Третьего рейха, узнает в Гитлере фюрера и главу нацистской Германии. Журналист приходит к пониманию необходимости проведения собственного расследования о личности воскреснувшего Гитлера [22]. Пока Гитлер находится в больнице, Савацкий еще раз просматривает видеоматериалы того дня, когда Гитлер появился в Берлине. В итоге Гитлер становится популярен, он отмечает, что Германия готова к его возвращению к власти, однако народ продолжает верить, что это всего лишь актер. Фильм заканчивается словами Гитлера: «С этим можно работать», – в то время как зрители среди прочего видят изображения политических мотивированных правых актов насилия.

Таким образом, лента напрямую демонстрирует важность и актуальность обращения зрителя к вопросам политического истеблишмента страны, она однозначно постулирует, что в контексте иммиграционного кризиса 2014–2016 гг., актуализации националистских и ксенофобских настроений, а также увеличения поддержки правопопулистских партий, идейно-политические аспекты идеологии А. Гитлера могут быть успешно приняты современным обществом. Соответственно, посыл режиссера заключается в том, чтобы заставить зрителя не только поверить в данную историю, но и обратить внимание на актуальные политические тенденции, не допустив, таким образом, прихода к власти сторонников идей А. Гитлера.

Последней киноработой, рассматриваемой в данной статье, является лента австралийского режиссера и актера Т. Вайтита «Кролик ДжоДжо», которая получила не только одобрение зрителей, но и высокие награды и оценки от кинокритиков; в частности, фильм несколько раз был номинирован на «Оскар» и получил эту престижную награду в номинации «Лучший адаптивный сценарий» [23].

В центре сюжета – история десятилетнего мальчика Йоханнеса «Джоджо» Бетцлера. В конце 1944 г. в вымышленном городе Фалькенхайм десятилетний Й. Бетцлер присоединился к немецкому Юнгфильку, младшей секции Гитлерюгенда. Вдохновленный нацистскими идеалами, мальчик создал себе воображаемого друга А. Гитлера, вдохновлявшего его на подвиги и свершения. В тренировочном лагере, которым руководит капитан Кленцендорф, мальчика прозвали «Кролик ДжоДжо» после того, как он отказался убить кролика, чтобы доказать свою состоятельность, решительность и храбрость. Подбодренный своим воображаемым другом А. Гитлером, он возвращается, чтобы проявить себя в качестве героя, но у его ног взрывается ручная учебная граната, серьезно травмируя ребенка [19].

Однажды, оставшись один дома, Джоджо обнаруживает Эльзу Корр, еврейскую девочку-подростка и бывшую одноклассницу его покойной сестры Инги, прячущуюся за стенами спальни его старшей сестры на чердаке. Джоджо не знает, что делать, испытывая при этом одновременно страх и агрессию по отношению к Эльзе. Вдохновленный бесцеремонной тирадой Кленцендорфа о евреях, Джоджо продолжает взаимо-

действовать с Эльзой, чтобы выведать и раскрыть ее «еврейские секреты». Итогом подобной деятельности мальчика становится его самодельная книга с картинками под названием “Yoo-hoo Jew”, в которой он «разоблачал» еврейскую расу, позволив публике легко узнать истинную ведовскую сущность данного народа. Несмотря на фантастические и вымышленные подробности о жизни евреев, мальчик часто соперничает Эльзе, извиняясь перед ней, когда обижает. В то же время Эльза одновременно опечалена и удивлена степенью веры Джоджо в нацистские догматы. Так, она, используя антисемитские слухи, пытается показать мальчику недостатки идеологии, которую ему внушили. Джоджо постепенно влюбляется в заботливую и привлекательную Эльзу и часто подделывает любовные письма от жениха Эльзы Натана. По мере знакомства Джоджо начинает сомневаться в своих нацистских убеждениях, заставляя вымышленного Адольфа ругать себя за уменьшающийся патриотизм [23].

После самоубийства Гитлера союзники начинают наступление на Фалькенхайм. Простое гражданское население, включая юношеские отряды Гитлерюгенда, было вынуждено взять оружие и оборонять город. Отчаявшись, ДжоДжо решает прятаться и скрываться до тех пор, пока битва не закончится, а союзники не займут город. Одетый в юнгфильковскую куртку, он схвачен советскими солдатами рядом с Кленцендорфом. После короткого разговора бывший начальник велит мальчику присмотреть за его «сестрой», а затем срывает с ДжоДжо нацистскую символику и громко обличает его как еврея. В результате Кленцендорф спасает жизнь мальчику: солдаты утаскивают ДжоДжо, а Кленцендорфа расстреливают.

Таким образом, данная картина о взрослении немецкого мальчика, яростного сторонника идей А. Гитлера, в контексте завершающего этапа Второй мировой войны демонстрирует, с одной стороны, замысел автора отобразить милитаризацию «создания» немецкого общества под влиянием идей нацизма, но с другой – их хрупкость при столкновении с реалиями текущей военно-политической и социальной ситуации. Несмотря на то, что данная картина имела под собой литературную основу, режиссер во многом изменил изначальное видение истории, акцентировав внимание на аспектах восприятия нацистской пропаганды и механизмов построения особой «мифологии» Третьего рейха. Соответственно, иронично-саркастичное изображение А. Гитлера имело целью продемонстрировать важность идейно-политических мифов в сознании обычных граждан (что в утрированном виде наиболее точно изображается в образе Джоджо). Подобная постановка вопроса актуализирует вопрос о важности политической мифологии и в современном мире, где усиливаются аспекты использования подобных мифологических конструктов в качестве методов политической манипуляции.

Соответственно, можно выделить две главные тенденции в репрезентации образа А. Гитлера в современном кинематографе в частности и Третьего Рейха в целом. Так, ряд терактов 11 сентября 2001 г., взрывы в Лондонском метро в 2005 г. и другие события детер-

минировали основную тенденцию, характерную для 2000-х гг., а именно детальное биографическое изображение А. Гитлера в современном кинематографе. Создание подобного образа имело целью раскрыть преступления нацизма и идентифицировать их в «демоническом образе». Подобное видение лидера Третьего рейха, с одной стороны, было определенным «заказом» политических элит западных стран с целью демонстрации хрупкости и шаткости достигнутого уровня развития под «напором» исламского терроризма, с другой же – раскрывало общественную рефлексию в отношении терактов, совершенных исламскими радикалами. Так, демонизация образа Гитлера стала своеобразной внутренней реакцией общества на «вызовы» внешней среды.

События «арабской весны» и революции в странах Ближнего и Среднего Востока оказали влияние на увеличение миграционных потоков страны Европейского союза. Так, миграционный кризис 2014–2015 гг. способствовал усилению ксенофобских и националистских настроений, актуализировав роль правопопулистских партий в политических структурах. Подобные

условия определили вторую тенденцию развития репрезентации образа А. Гитлера – саркастично-ироничный контекст рассмотрения. Обращение к данной репрезентации, с одной стороны, являлось своеобразным ответом интеллигенции на усиление риторики правых популистов. Отмечая схожесть их тезисов с основными положениями теории нацизма, режиссеры стремились донести до зрителя идею о недопущении прихода подобных политиков к власти. С другой же стороны, умеренные и центристские политики, в свою очередь, рассматривали кинематограф как способ влияния на сознание и идейно-политические установки собственного электората. Таким образом, умеренные политические элиты выступали «заказчиками» подобной репрезентации образа А. Гитлера, подчеркивая схожесть актуальной политической обстановки и событий в Веймарской Германии накануне прихода к власти НСДАП под руководством А. Гитлера. Соответственно, в данном случае кинематограф выступил не только в качестве способа коллективной рефлексии, но и как политический инструмент, направленный на дискриминацию ультраправых политиков.

Список источников

1. Тузинэк А. Кино как медиум для создания «образов прошлого» и «образов Другого» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 10 (783). С. 302–315.
2. Николаева К.А. Кинематограф в контексте социологического знания. Воззрения представителей Франкфуртской школы // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4-7 (46). С. 140–142.
3. Гитлер: Восхождение дьявола (реж. К. Дюгей, Канада, 2003) // Kinopoisk. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/89539/> (дата обращения: 20.12.2022).
4. Бункер (реж. О. Хиршбигель, Германия, Италия, Австрия, 2004) // Kinopoisk. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/588786/> (дата обращения: 20.12.2022).
5. Бункер // IMDb. URL: <https://www.imdb.com/title/tt0363163/> (дата обращения: 20.12.2022).
6. Мой Фюрер, или Самая правдивая правда об Адольфе Гитлере (реж. Д. Леви, Германия, 2007) // Kinopoisk. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/263547/> (дата обращения: 20.12.2022).
7. Бесславные ублюдки (реж. К. Тарантино, Германия, США, 2009) // Kinopoisk. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/9691/> (дата обращения: 20.12.2022).
8. Жигалов Д. Рецензия к фильму «Бесславные ублюдки». Речистое искусство // Kinonews. 2009. 23 авг. URL: https://www.kinonews.ru/article_4711/ (дата обращения: 20.12.2022).
9. Добаев И. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Россия и мусульманский мир. 2008. № 9. С. 137–138.
10. Садыкова Л. Р. Мусульмане в Великобритании // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С. 204–209.
11. Хахалкина Е.В., Андреев К.П., Мунько А.В. Новое лицо Евросоюза: феномен правого популизма на примере отдельных стран ЕС // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13 (6). С. 99–132.
12. Мрачное обаяние Адольфа Гитлера // Kinopoisk. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/888056/> (дата обращения: 20.12.2022).
13. Кавтарадзе С.Д. Манипуляция архетипическим сознанием. Нацистская Германия // Историческая психология и социология истории. 2013. № 1. С. 49–61.
14. Бакис С. «Мрачное обаяние Адольфа Гитлера», увлекшее миллионы в бездну : опасное увлечение // Bakino. URL: https://bakino.at.ua/publ/lorens_ris/mrachnoe_obajanie_adolfa_gitlera_uvlekshee_milliony_v_bezdnu/213-1-0-327 (дата обращения: 20.12.2022).
15. Вермишев Г. Религия в системе молодежной пропаганды Третьего рейха // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 2 (32). С. 231–247.
16. Взорвать Гитлера // Kinopoisk. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/625866/> (дата обращения: 20.12.2022).
17. Ухов Е. Рецензия на фильм «Взорвать Гитлера» // Film.ru. 2016. 28 апр. URL: <https://www.film.ru/articles/podvig-plotnika> (дата обращения: 20.12.2022).
18. Санданов А. Рецензия: «Взорвать Гитлера» // Cinema. 2016. 25 апр. URL: <http://thr.ru/cinema/recenzia-vzorvat-gitlera/> (дата обращения: 20.12.2022).
19. Кролик ДжоДжо // Kinopoisk. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/726838/> (дата обращения: 20.12.2022).
20. Он снова здесь (реж. Д. Вендт, Германия, 2015) // Kinopoisk. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/907661/> (дата обращения: 20.12.2022).
21. Вермеш Т. Рецензия «Он снова здесь» // АудиоЛиба. URL: <https://audiolib.com/books/152336/reviews/> (дата обращения: 20.12.2022).
22. Котов Д. Он снова здесь // Postcriticism. 2016. 3 июня. URL: <https://postcriticism.ru/on-snova-zdes/> (дата обращения: 20.12.2022).
23. Гугнин Е. Рецензия на фильм «Кролик ДжоДжо» – пронзительное кино о мальчике и его воображаемом Гитлере // Film.ru. 2020. 18 февр. URL: <https://www.film.ru/articles/recenziya-na-film-krolik-dzhodzho> (дата обращения: 20.12.2022).

References

1. Tuzinek, A. (2017) Kino kak medium dlya sozdaniya “obrazov proshlogo” i “obrazov Drugogo” [Cinema as a medium for creating “images of the past” and “images of the Other”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 10(783). pp. 302–315.
2. Nikolaeva, K.A. (2016) Kinematograf v kontekste sotsiologicheskogo znaniya. Vozzreniya predstaviteley Frankfurtskoy shkoly [Cinematography in the context of sociological knowledge. Views of representatives of the Frankfurt School]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 4-7(46). pp. 140–142.

3. *Gitler: Voskhozhdzenie d'yavola* [Hitler: The Rise of Evil] (2003) directed by Christian Duguay [Mini series]. [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/series/89539/> (Accessed: 20th December 2022).
4. *Bunker* [Bunker] (2004) directed by Oliver Hirschbiegel [Feature film]. [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/588786/> (Accessed: 20th December 2022).
5. *Bunker*. IMDB. [Online] Available from: <https://www.imdb.com/title/tt0363163/> (Accessed: 20th December 2022).
6. *Moy Fyurer, ili Samaya pravdivaya pravda ob Adol'fe Gitlere* [Mein Führer: The Truly Truest Truth About Adolf Hitler] (2007) directed Dani Levy. [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/263547/> (Accessed: 20th December 2022).
7. *Besslavnye ublyudki* [Inglourious Basterds] (2009) directed by Quentin Tarantino. [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/9691/> (Accessed: 20th December 2022).
8. Zhigalov, D. (2009) Retsenziya k fil'mu "Besslavnye ublyudki". Rechistoe iskusstvo [Review of the film "Inglourious Bastards". Eloquent Art]. *Kinonews*. 23rd August. [Online] Available from: https://www.kinonews.ru/article_4711/ (Accessed: 20th December 2022).
9. Dobaev, I. (2008) Islamizatsiya Evropy: mif ili real'naya ugroza? [Islamization of Europe: A myth or a real threat?]. *Rossiya i musul'manskiy mir*. 9. pp. 137–138.
10. Sadykova, L.R. (2013) Musul'mane v Velikobritanii [Muslims in the UK]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 5. pp. 204–209.
11. Khakhalkina, E.V., Andreev, K.P. & Munko, A.V. (2020) Novoe litso Evrosoyuz: fenomen pravogo populizma na primere otdel'nykh stran ES [The new face of the European Union: The phenomenon of right-wing populism on the example of individual EU countries]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 13(6). pp. 99–132.
12. *Mrachnoe obayanie Adol'fa Gitlera* [The Dark Charisma of Adolf Hitler] (2012) directed by Laurence Rees [Documentary]. [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/series/888056/> (Accessed: 20th December 2022).
13. Kavtaradze, S.D. (2013) Manipulyatsiya arkhetypicheskimi soznaniem. Natsistskaya Germaniya [Manipulation of archetypal consciousness. Nazi Germany]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 1. pp. 49–61.
14. Bakis, S. (n.d.) "Mrachnoe obayanie Adol'fa Gitlera", uvlekshee milliony v bezdnu: opasnoe uvlechenie ["The dark charm of Adolf Hitler", which carried millions into the abyss: A dangerous hobby]. [Online] Available from: https://bakino.at.ua/publ/lorens_ris/mrachnoe_obayanie_adolfa_gitlera_uvlekshee_milliony_v_bezdnu/213-1-0-327 (Accessed: 20th December 2022).
15. Vermishev, G. (2014) Religiya v sisteme molodezhnoy propagandy Tret'ego reykhha [Religion in the system of youth propaganda of the Third Reich]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2(32). pp. 231–247.
16. *Vzorvat' Gitlera* [Elser] (2015) directed by Oliver Hirschbiegel (Feature film). [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/625866/> (Accessed: 20th December 2022).
17. Ukhov, E. (2016) Retsenziya na fil'm "Vzorvat' Gitlera" [Review of the film "Elser"]. *Film.ru*. 28th April. [Online] Available from: <https://www.film.ru/articles/podvig-plotnika> (Accessed: 20th December 2022).
18. Sandanov, A. (2016) Retsenziya: "Vzorvat' Gitlera" [Review of the film "Elser"]. *Cinema*. 25th April. [Online] Available from: <http://thr.ru/cinema/recenzia-vzorvat-gitlera/> (Accessed: 20th December 2022).
19. *Krolik Dzhodzho* [Jojo Rabbit] (2019) directed by Taika Waititi (Feature film). [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/726838/> (Accessed: 20th December 2022).
20. *On snova zdes'* [Look Who's Back] (2015) directed by David Wnendt (Feature film). [Online] Available from: <https://www.kinopoisk.ru/film/907661/> (Accessed: 20th December 2022).
21. Vermesh, T. (n.d.) Retsenziya "On snova zdes'" [Review "Look Who's Back"]. [Online] Available from: <https://audiolib.com/books/152336/reviews/> (Accessed: 20th December 2022).
22. Kotov, D. (2016) On snova zdes' [Look Who's Back]. *Postcriticism*. 3rd June. [Online] Available from: <https://postcriticism.ru/on-snova-zdes/> (Accessed: 20th December 2022).
23. Gugin, E. (2020) Retsenziya na fil'm "Krolik Dzhodzho" – pronzitel'noe kino o mal'chike i ego vobrazhaemom Gitlere [Review of the film "Jojo Rabbit" – a poignant movie about a boy and his imaginary Hitler]. *Film.ru*. 18th February. [Online] Available from: <https://www.film.ru/articles/recenziya-na-film-krolik-dzhodzho> (Accessed: 20th December 2022).

Сведения об авторе:

Срек Кирилл Николаевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kirill.srek@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Srek Kirill N. – Postgraduate Student of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kirill.srek@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.12.2022; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 28.12.2022; accepted for publication 22.05.2023

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья

УДК 930.1

doi: 10.17223/19988613/83/17

Россия и Европа: на пересечении диалога и конфликта (взгляд Ф.А. Степуна)

Лидия Александровна Гаман

Северский технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт», Северск, Россия, GamanL@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются представления Ф.А. Степуна (1884–1965), русско-немецкого ученого, религиозного мыслителя, о характере межкультурных контактов России и Европы как составных частей европейской культуры, христианской по своим истокам, в свете христианского историзма. Освещаются его представления о темпоральности, в его версии, структурно состоящей из «вечного» и «временного» измерений, что важно для понимания взаимоотношений Европы и России в режиме долгого времени. Анализируются его размышления об особенностях России и Европы в фокусе асинхронности их социокультурной модернизации.

Ключевые слова: религиозная философия истории, Россия, Европа, либерализм, марксизм

Для цитирования: Гаман Л.А. Россия и Европа: на пересечении диалога и конфликта (взгляд Ф.А. Степуна) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 127–132. doi: 10.17223/19988613/83/17

Original article

Russia and Europe: at the Crossroads of Dialogue and Conflict (view of F.A. Stepun)

Lidiia A. Gaman

Seversk Technological Institute Seversk – a branch of the National Research Nuclear University “Moscow Institute of Engineering and Technology”, Seversk, Russian Federation, GamanL@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to study historical and religious ideas of the Russian-German scientist, Russian religious thinker F. A. Stepun (1884-1965) associated with the problem of “East-West relations”, traditional for Russian public thought. The complex of his ideas about the intercultural interaction between Russia and Europe in the “long” time regime in the spirit of Christian historicism is analyzed in the focus of the problem of temporality. The relevance of the work is justified. Its source base is characterized, with the Stepun’s works of the emigrant period of creativity (1922–1965) as its core. His interdisciplinary research strategy is considered; the method of religious symbolism, which is of the fundamental importance for him, is noted. Stepun’s ideas about the nature of history are analyzed, in his version consisting of “super-historical” and actually “historical”, “spatio-temporal” levels, which corresponded to a complexly structured temporality. The latter consisted, according to Stepun, of the “eternal” and “temporal” dimensions, correlatively interconnected, in their complex interaction acting as a significant factor in historical development.

Stepun emphasized the unity of the European and Russian cultures, Christian in their origins. Considering Russia as Eastern Europe, he argued that Russia belongs to the “European” type of culture with its specific axiological-normative system, emphasized the dialogical nature of their intercultural relations, and saw a common development prospect for Russia and Europe. Stepun’s fundamental view about their initial unity was complicated by his thoughts about their features, ambiguous consequences of their centuries-old intercultural interaction, and about the factors that often influenced the distorted perception of the semantics of their cultural fields. One of these factors was the asynchrony of the historical development of Russia and Europe. Such asynchrony, as he objectively emphasized, was not always taken into account, particularly, in state policy and social practice in Russia in the 19th-20th centuries. It was also ignored in the reception of the influential European ideological complexes, such as liberalism and Marxism, perceived in Russia in isolation from

their socio-cultural context. It is concluded that, despite the various conflicts and numerous “breakdowns” in relations between Russia and Europe in new and contemporary times, Stepun consistently asserted the idea of a common destiny, as a condition for the implementation of the Christian project of the world transformation.

Keywords: religious philosophy of history, Russia, Europe, liberalism, Marxism

For citation: Gaman, L.A. (2023) Russia and Europe: at the Crossroads of Dialogue and Conflict (view of F.A. Stepun). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 127–132. doi: 10.17223/19988613/83/17

Тема «Восток–Запад», «Россия–Европа» артикулированная ранними славянофилами, исходно религиозная по своему характеру, является одной из магистральных для русской общественной мысли, изучению которой уделяли внимание многие выдающиеся ученые и мыслители. Весомый вклад в ее развитие внес Федор Августович Степун (1884–1965), русско-немецкий ученый, яркий представитель русской религиозно-философской мысли XX в., автор многочисленных работ, посвященных изучению России в связи с общемировыми тенденциями в духе христианского историзма.

Творческое наследие Ф.А. Степуна сохраняет свою научную ценность вплоть до настоящего времени, продолжает привлекать внимание российских и зарубежных исследователей. Различные аспекты его интеллектуального наследия затрагиваются в работах А. Штаммлера [1, 2], А.А. Ермичева [3, 4], В.К. Кантора [5, 6], Р. Гергеля [7], Л.А. Гаман [8, 9] и др. Особого внимания заслуживает сборник статей, подготовленный международным коллективом авторов, в котором представлен содержательный анализ различных сторон многогранного творчества Ф.А. Степуна [10]. Несмотря на научный интерес исследователей к творческому наследию мыслителя, едва ли можно считать его всесторонне изученным. Так, требуют дальнейшего изучения его размышления о характере взаимодействия России и Европы в режиме долгого времени в связи с его интерпретацией темпоральности как структурно сложного явления. Целью данной работы является освещение этого блока его историко-религиозных построений. Данные размышления христианского мыслителя и ученого обретают дополнительный интерес в связи с актуальностью проблемы темпоральности для современной историографии [11]. Источниковую базу статьи составляют произведения Ф.А. Степуна, написанные им преимущественно в эмигрантский период творчества (1922–1965), так или иначе затрагивающие проблему взаимодействия Европы и России в режиме долгого времени. Это такие работы, как «Освальд Шпенглер и «Закат Европы»» [12], «Мысли о России» [13], «Бывшее и несбывшееся» [14], «Структура социологической объективности» [15], «Борьба либеральной и тоталитарной демократии вокруг понятия истины» [16], «Россия между Европой и Азией» [17], «Москва – третий Рим» [18], «Дух, лицо и стиль русской культуры» [19] и др.

В своем историко-философском постижении истории Ф.А. Степун опирался на междисциплинарную исследовательскую стратегию, в рамках которой органично комбинировались собственно научные методы изучения истории с методами, свойственными религиозному ее постижению [9. С. 25–43]. Основу его ис-

следовательской стратегии составил ряд теоретико-методологических положений, в целостном виде впервые изложенных им в 1922 г. в работе «Освальд Шпенглер и закат Европы» [12]. Фундаментальными для историко-религиозных построений Ф.А. Степуна являются положения о внутреннем единстве мировой истории, ее преемственном и динамичном характере, о культурной множественности и открытости культур друг для друга в ходе их исторической эволюции. Идея о проницаемости культур друг для друга как основе их диалога – «прозрачности всякого “ты” для всякого “я”» [12. С. 167] – является важной для его понимания характера взаимоотношений Европы и России. Ученый также подчеркивал значение культурно-исторического контекста для исследования тех или иных исторических событий и явлений, в том числе для изучения истории идей. Необходимо отметить близость этих теоретических положений Ф.А. Степуна исследовательским подходам ряда представителей российской исторической науки конца XIX – первой половины XX в., в частности, Н.И. Кареева (1850–1931) [20] и Г.П. Федотова (1886–1951) [21].

Особое значение для историко-философских построений Ф.А. Степуна как религиозного мыслителя, приверженца метода религиозного символизма [22], имело положение о богочеловеческой природе истории. Согласно его представлениям, история как процесс состояла из двух коррелятивно связанных между собой уровней, а именно *сверхисторического* уровня, в котором коренились абсолютные начала, задающие смысл историческому процессу, и уровня собственно *исторического*, «пространственно-временного», «эмпирического» [15]. Такой структуре истории соответствовала сложно структурированная темпоральность: со сверхисторическим уровнем истории связывалась «вечность», эсхатологическое время, с эмпирическим – время «историческое», с характерным для него делением на модусы времени (прошлое, настоящее и будущее). «Вечность» и «время» находились в сложном взаимодействии друг с другом. Постулирование структурной сложности истории и темпоральности позволяло Ф.А. Степуну усложнять линейный взгляд на прошлое, признавать направленность истории и в то же время критически относиться к исторической закономерности в позитивистском смысле, учитывать трагический характер истории.

Так, Ф.А. Степун, стремясь отразить глубоко трагический характер революции 1917 г., этой центральной для его творчества темы, или Второй мировой войны, отмечал свойственную им апокалиптическую атмосферу переживания «конца времен», заострение экзистенциальных вопросов, приближение к первоос-

новам бытия. Судьбоносные события подобного масштаба, согласно его мысли, выводили исторических акторов в измерение «диалога с вечностью» [14. С. 296], в терминологии другого отечественного исследователя – «диалога на пороге» [23. С. 374], «на пороге жизни и смерти, лжи и правды, ума и безумия» [23. С. 418]. В версии Ф.А. Степуна главный смысл «диалогов с вечностью» применительно к этим событиям заключался в осознании исчерпанности гуманистической безрелигиозной культуры, необходимости и неизбежности христианского преображения мира. Выраженная направленность на будущее в духе христианского историзма является отличительной чертой его историософии.

В фокусе сложного взаимодействия эсхатологического и исторического времени разворачивались его размышления о «новом Средневековье». Развивая эту известную идею Н.А. Бердяева, Ф.А. Степун писал о становлении тоталитарных систем XX в.: «Тотчас после Первой мировой войны на востоке континента началась новая – но, конечно же, по сути своей извращенная – средневековая эпоха: одновременно безбожная и полная веры, одновременно насильственная и жертвенная, одновременно враждебная духу и вдохновенная – она резко отличалась от мира девятнадцатого столетия. Навстречу большевистской идеократии поднялось на Западе содержательно враждебное, но по многим параметрам родственное структурно-«идеократическое» строение итальянского и немецкого фашизма...» [16. С. 29] Ф.А. Степун, как и Н.А. Бердяев и целый ряд других религиозных мыслителей, находил в современных ему европейских тоталитарных системах, – в его терминологии, *псевдорелигиозных идеократиях*, – признаки, свойственные религиозной средневековой культуре, однако глубоко деформированные в условиях рационалистической технической цивилизации.

Постулирование взаимозависимости «вечного» и «временного» заостряло проблему памяти, призванной, по мысли Ф.А. Степуна, сохранять все подлинно ценное в истории для вечности, обеспечивая тем самым устойчивость культурной традиции и историческую преемственность. «Сущность памяти, – подчеркивал он, – в спасении образов жизни от власти времени. Не сбереженное памятью прошлое проходит во времени, сбереженное – обретает вечную жизнь» [24. С. 225]. Мыслитель дифференцировал понятия «память» и «воспоминания», полагая, что «воспоминания» перегружены информацией, подвластны эмоциональным переживаниям в своем стремлении «вернуть невозвратное» [24. С. 225]. Память же, укорененная в вечности, имела иную природу. «Для нее, в ее последней глубине, – пояснял он, – неважно, умирает ли нечто во времени или нет, потому что в ней все восстает из мертвых. Возвышаясь над временем, она естественно возвышается и над всеми измерениями его, над прошлым, настоящим и будущим, почему в ней и легко совмещаются несовместимые во времени явления» [24. С. 225–226].

Опираясь на отмеченные теоретико-методологические подходы, Ф.А. Степун предложил свою версию развития России как части европейской цивилизации, как *Восточной Европы*. На эту принципиальную пози-

цию мыслителя справедливо указывал его современник А. Штаммлер. «Для Степуна, – писал он, – Россия – это Восточная Европа, а не Западная Азия, или даже Евразия» [1. С. 329]. Действительно, Ф.А. Степун, не противопоставляя Россию и Азию, отказывался причислять Россию к азиатскому типу культуры. Он полемизировал с исследователями, в частности с евразийцами, стремившимися доказать чуждость России «духовно-культурному облику Запада» [17. С. 42]. Подобного рода концепции, считал он, являлись ошибочными, искажали историческую перспективу России, связанную с общими для нее и Европы задачами христианства в мире.

Опираясь на идею множественности культурных типов и христианскую идею «многоединства во Христе», Ф.А. Степун настаивал на единстве европейской и российской культур, христианских по своим истокам, несмотря на глубокое своеобразие каждой из них. Отмечая сложный, противоречивый, нередко трагический опыт многовековых контактов России и Европы, он подчеркивал *непрерывность* их «разнохарактерных связей» и «диалогов» в различных сегментах культуры. В данном случае необходимо терминологическое пояснение. Под «диалогом» мыслитель понимал «...некоторую незавершенность, рассчитанную на творческую природу акта... понимания, на встречу» [25. С. 106].

Традиционно для отечественной мысли Ф.А. Степун отмечал ключевое значение имперского периода российской истории в развитии и укреплении межкультурных связей России и Европы. Сложившийся европейский характер созданной Петром империи он не сводил к односторонней рецепции Россией различных европейских достижений, рассматривая его в качестве результата продолжительного диалога Европы и России в обозначенном выше смысле, двусторонней коммуникации, творческого общения в различных сферах культуры. В этой связи он отмечал: «Европейский характер основанной Петром империи доказывается в первую очередь не влиянием Европы на Россию... а тем живым общением между Западом и Россией, которое началось сразу же после раскрытия Петром окна в закрытой до тех пор заморский мир» [17. С. 50–51]. Диалогичные по своему характеру отношения России и Европы Степун находил в сфере философии, литературы, искусства, общественно-политической мысли. Так, касаясь проблемы связи немецкого романтизма и славянофильства и рассматривая ее в историософском ключе, он отмечал: «Сущность этой проблемы заключается отнюдь не в одностороннем влиянии немецкой философии на русскую мысль, а во встрече религиозной тоски западноевропейской культуры, нашедшей свое выражение в романтизме, с религиозностью русской души, философски впервые сознавшей себя в славянофильстве...» [26. С. 13]

Признавая многие негативные стороны петровских преобразований, он не сомневался в положительном значении Петровской эпохи, «породившей изумительный расцвет культуры от Ломоносова и Пушкина до Толстого и Достоевского» [17. С. 46–47]. Сходной точки зрения придерживался Г.П. Федотов, также считавший показателем исходного единства обеих культур

турных миров стремительное развитие и расцвет отечественной культуры в результате творческой рецепции русским народом европейских ценностей, включая ценность свободы в ее различных модусах [27]. Важнейшим результатом «соприкосновения с Западной Европой...» [13. С. 416], отмечал Степун, стало зарождение в России новой социальной группы – интеллигенции, сыгравшей решающую роль в новой российской истории, ставшей, по его убеждению, основным субъектом российского освободительного движения, рупором европейских либерально-демократических идей и главным творцом революции 1917 г. в России [28]. Положение Ф.А. Степуна о решающей роли русской радикальной интеллигенции в революции 1917 г. едва ли может быть признано бесспорным, на что указывали уже его современники [2. С. 252].

Представление Степуна об исходном единстве Европы и России усложнялось его размышлениями об их особенностях, о неоднозначных последствиях их продолжительного культурного взаимодействия и о факторах, обусловивших порой искаженное восприятие семантики полей культуры России и Европы, что нередко вело к социальному напряжению и конфликтам разных видов.

Фундаментальным свойством России, которое преломлялось во всех сферах жизни, включая пространство коммуникации, обусловившим ее уникальный духовно-культурный образ, Ф.А. Степун считал «духовную целостность», «целостное сознание», «соборность», исторически сформировавшееся свойство, отражавшее глубину усвоения русским народом христианских ценностей [17. С. 62]. «Духовная целостность» как религиозное качество была характерна, по его мнению, и для средневековой Европы, однако со времен Возрождения и Реформации она постепенно утрачивалась европейскими народами под воздействием процессов секуляризации. Следствием этого стало преобладание в Западной Европе «начала автономии», ставшего ее главной особенностью, начала, сделавшего возможным широкое распространение рационализма при неуклонном вытеснении христианских ценностей на периферии общественного сознания [17. С. 62]. Ученый подчеркивал, что в своей совокупности это предопределило трансформацию ранее органичного европейского общества в направлении общества организованного [19. С. 74]. Эти процессы наложили неизгладимый отпечаток на весь культурный облик Европы нового и новейшего времени; повлияли они и на характер взаимоотношений Европы и России.

Русский же народ, полагал Ф.А. Степун, в отличие от европейцев, в массе своей оставался религиозным и в начале XX в. Он отмечал в этой связи: «...Россия 1914 года находилась не в Новом времени, а, в сущности, в Средневековье...» [29. С. 152]. В этом он, в частности, находил одну из главных причин невосприимчивости русского народа к либерально-демократическим ценностям. В комплексе причин, обусловивших слабость формального правосознания русского народа, ученый особенно отмечал тот факт, что России осталось чуждым лежащее в основе современных европейских демократий «античное учение о естествен-

ном праве», освященное католичеством, но не воспринятое православием [18. С. 90; 30. С. 520].

Заслуживает внимания и замечание Ф.А. Степуна о *почти* религиозном восприятии русской интеллигенцией центральной для политического либерализма идеи свободы, что, по его мнению, «для начала двадцатого столетия имело нечто чрезмерное...» [16. С. 36]. Он отмечал в этой связи, что русская интеллигенция в силу религиозной структуры своего сознания, – что, по его мнению, не являлось равнозначным религиозности в подлинном значении этого слова, – не заметила, что либерализм в ходе своей исторической эволюции оторвался от религиозной почвы, породившей его, трансформировался и утратил изначально присущий ему религиозно-гуманистический пафос.

Одним из существенных факторов, способствовавших нарастанию социальной напряженности в России, – как и между Россией и Европой, – в XIX–XX в, по мысли Ф.А. Степуна, являлась *асинхронность* их социокультурной модернизации. Примечательно в этой связи его суждение о том, что «самодеятельно было *всем развитым Европой* определено обречено на гибель (курсив мой. – Л.Г.)» [13. С. 392].

Ученый справедливо подчеркивал нечувствительность российской монархии к эпохальным вызовам и духу времени, что напрямую сказывалась на государственной политике и социальной практике в России XIX–XX вв. Убедительными примерами этого для него выступали непоследовательные либеральные реформы Александра II, запоздалая аграрная реформа П.А. Столыпина, формирование неэффективной парламентской системы в России в начале XX в. [19, 28]. Политическая близорукость российской монархии, ее стремление законсервировать архаические социальные структуры и модель власти, ее приверженность старым идеалам способствовали накоплению социальных противоречий, делая неизбежным социальный взрыв.

В фокусе асинхронного развития Европы и России Ф.А. Степун проанализировал проблему рецепции марксизма в России и истоков формирования его русифицированной версии, созданной В.И. Лениным. Мыслитель стремился опровергнуть предствление о пролетарском характере революции в России, переключаясь в этих своих размышлениях с Н.А. Бердяевым, в числе первых обратившим внимание на своеобразный характер марксизма в России [31]. Опираясь на социологический метод и метод философской критики литературных текстов, Ф.А. Степун доказывал, что вразрез с учением Маркса в предреволюционной России с социологической точки зрения не сложилось ни многочисленного «пролетариата» [28. С. 104], ни «буржуазии» как социальных групп с соответствующим классовым самосознанием [28. С. 103]. В.И. Ленин как теоретик революции экстраполировал на российскую социальную структуру эти базовые понятия марксизма, приспособив к русской жизни учение, не соответствовавшее ее социально-экономическому «возрасту» [32. С. 52–53].

Через глубокомысленные размышления Ф.А. Степуна о предпосылках, характере и последствиях революции 1917 г. красной нитью проходила важная и для

своего времени достаточно неожиданная мысль об ответственности Европы за революцию в России и трагедию русского народа, поскольку именно в Европе был выработан комплекс революционных общественно-политических идей, вне своего культурно-исторического контекста оказавшихся столь разрушительными.

Таким образом, Ф.А. Степун как христианский мыслитель и как ученый был убежден в общности исторической судьбы Европы и России, несмотря на их

особенности и многочисленные сложности и «срывы» во взаимоотношениях в Новое и Новейшее время. Его понимание структуры темпоральности позволяло ему акцентировать внимание на приоритетном значении диалогичных отношений между Россией и Европой в режиме долгого времени как важного условия преодоления системного кризиса европейской цивилизации, как условия осуществления христианского проекта преображения мира.

Список источников

1. Штаммлер А. Ф.А. Степун // Русская религиозно-философская мысль XX века : сб. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. Питсбург : отд. славянских языков и литературы Питсбургского ун-та, 1975. С. 322–332.
2. Штаммлер А. Федор Августович Степун // Новый журнал (Нью-Йорк). 1966. № 82. С. 246–256.
3. Ермичев А.А. Имя того же рода... О Ф.А. Степуне // Ермичев А.А. Имена и сюжеты русской философии. СПб. : Наука, 2014. С. 386–404.
4. Ермичев А.А. Федор Августович Степун: христианское видение России // Ермичев А.А. Имена и сюжеты русской философии. СПб. : Наука, 2014. С. 405–425.
5. Кантор В.К. Ф.А. Степун: анализ большевизма и национал-социализма (с приложением двух писем Степуна Н.А. Бердяеву) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10, вып. 4. С. 156–170.
6. Кантор В.К. К проблеме «восстания масс» (Степун и Шпенглер) // Вопросы философии. 2015. № 10: Материалы конференции «Федор Степун: русский немец и немецкий русский как хранитель высших смыслов европейской культуры». С. 66–76.
7. Гергель Р.Е. Социология массы Федора Степуна // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 3. С. 33–42.
8. Гаман Л.А. Степун о I Мировой войне // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. М. ИВИ РАН, 2014. Вып. 47. С. 71–80.
9. Гаман Л.А. Ф.А. Степун о революции 1917 г. и Советской России: взгляд христианского мыслителя из эмиграции (1922–1965 гг.). Северск : Издательство СТИ НИЯУ МИФИ, 2020. 174 с.
10. Федор Августович Степун / под ред. В.К. Кантора. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2012. 399 с.
11. Образы времени и исторические представления: Россия–Восток–Запад / под ред. Л. П. Репиной. М. : Круг, 2010. 960 с. (Образы истории).
12. Степун Ф.А. Освальд Шпенглер и «Закат Европы» // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения / вступ. ст., сост. и коммент. В.К. Кантора. М. : Астрель, 2009. С. 159–182.
13. Степун Ф.А. Мысли о России // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения / вступ. ст., сост. и коммент. В.К. Кантора. М. : Астрель, 2009. С. 253–474.
14. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб. : Алетейя, 2000. 651 с.
15. Степун Ф.А. Структура социологической объективности // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 7–12.
16. Степун Ф.А. Борьба либеральной и тоталитарной демократии вокруг понятия истины // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 29–39.
17. Степун Ф.А. Россия между Европой и Азией // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 40–63.
18. Степун Ф.А. Москва – третий Рим // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 80–100.
19. Степун Ф.А. Дух, лицо и стиль русской культуры // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 64–79.
20. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох // Кареев Н.И. Избранные труды. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. С. 27–351.
21. Федотов Г.П. Собрание сочинений : в 12 т. / примеч.: С.С. Бычков. М. : Мартис, 2004. Т. 9: Статьи американского периода. 383 с.
22. Степун Ф.А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма / пер. с нем. Г. Снежинской, Е. Крепак и Л. Маркевич. СПб. : Владимир Даль, 2012. 479 с.
23. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Э, 2017. С. 220–591.
24. Степун Ф.А. Иван Бунин // Степун Ф.А. Портреты / сост. и послесл. А.А. Ермичева. СПб. : РХГИ, 1999. С. 216–231.
25. Степун Ф.А. По поводу «Митиной любви» // Степун Ф.А. Встречи. М. : Аграф, 1998. С. 104–120.
26. Степун Ф.А. Немецкий романтизм и философия истории славянофилов // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 13–28.
27. Гаман Л.А. «Культурный переворот Петра Великого» и судьбы Российской империи: взгляд Г.П. Федотова // Кунсткамера. 2022. Т. 2 (16). С. 35–45.
28. Степун Ф.А. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 101–119.
29. Степун Ф.А. Кем является Александр Федорович Керенский? Демократ и объединение русской эмиграции // Степун Ф.А. Портреты / сост. и послесл. А.А. Ермичева. СПб. : РХГИ, 1999. С. 149–152.
30. Степун Ф.А. Католичество и православие // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 513–523.
31. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.
32. Степун Ф.А. Письма / сост., археограф. работа, вступ. ст. к тому и разделам В.К. Кантора. М. : РОССПЭН, 2013. 683 с.

References

1. Stammeler, A. (1975) F.A. Stegun. In: Poltoratsky, N.P. (ed.) *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' XX veka* [Russian Religious and Philosophical Thought of the 20th Century]. Pittsburg: Department of Slavic Languages and Literature of Pittsburgh University. pp. 322–332.
2. Stammeler, A. (1966) Fedor Avgustovich Stegun. *Novyy zhurnal* (N'yu-York). 82. pp. 246–256.
3. Ermichev, A.A. (2014a) *Imena i syuzhety russkoy filosofii* [Names and Plots of Russian Philosophy]. St. Petersburg: Nauka. pp. 386–404.
4. Ermichev, A.A. (2014b) *Imena i syuzhety russkoy filosofii* [Names and Plots of Russian Philosophy]. St. Petersburg: Nauka. pp. 405–425.
5. Kantor, V.K. (2009) F.A. Stegun: analiz bol'shevizma i natsional-sotsializma (s prilozheniem dvukh pisem Stepuna N.A. Berdyayevu) [F. Stegun: an analysis of Bolshevism and National Socialism (with the attachment of two letters from Stegun to N.A. Berdyayev)]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 10(4). pp. 156–170.

6. Kantor, V.K. (2015) K probleme “vosstaniya mass” (Stepun i Shpengler) [On the “revolt of the masses” (Stepun and Spengler)]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 66–76.
7. Gergel, R.E. (1998) Sotsiologiya massy Fedora Stepuna [Sociology of the Mass by Fyodor Stepun]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1(3). pp. 33–42.
8. Gaman, L.A. (2014) Stepun o I Mirovoy voynе [Stepun about World War I]. *Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noy istorii*. 47. pp. 71–80.
9. Gaman, L.A. (2020) F.A. Stepun o revolyutsii 1917 g. i Sovetskoj Rossii: vzglyad khristianskogo myslitelya iz emigratsii (1922–1965 gg.) [F. Stepun on the Revolution of 1917 and Soviet Russia: The Perspective of a Christian Thinker from the Emigration (1922–1965)]. Seversk: Moscow Engineering Physics Institute.
10. Kantor, V.K. (2012) *Fedor Avgustovich Stepun*. Moscow: ROSSPEN.
11. Repina, L. P. (2010) *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya–Vostok–Zapad* [Images of time and historical ideas: Russia-East-West]. Moscow: Krug".
12. Stepun, F.A. (2009a) *Zhizn' i tvorchestvo. Izbrannye sochineniya* [Life and Art. Selected Works]. Moscow: Astrel'. pp. 159–182.
13. Stepun, F.A. (2009b) *Zhizn' i tvorchestvo. Izbrannye sochineniya* [Life and Art. Selected Works]. Moscow: Astrel'. pp. 253–474.
14. Stepun, F.A. (2000) *Byvshee i nesbyvsheesya* [The past and the unfulfilled]. St. Petersburg: Aleteyya.
15. Stepun, F.A. (2017a) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 7–12.
16. Stepun, F.A. (2017b) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 29–39.
17. Stepun, F.A. (2017c) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 40–63.
18. Stepun, F.A. (2017d) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 80–100.
19. Stepun, F.A. (2017e) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 64–79.
20. Kareev, N.I. (2010) *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 27–351.
21. Fedotov, G.P. (2004) *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Collected Works: in 12 vols]. Vol. 9. Moscow: Martis.
22. Stepun, F.A. (2012) *Misticheskoe mirovidenie. Pyat' obrazov russkogo simvolizma* [Mystical Worldview. Five Images of Russian Symbolism]. Translated from German by G. Snezhinskaya, E. Krepak, L. Markevich. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
23. Bakhtin, M.M. (2017) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: E. pp. 220–591.
24. Stepun, F.A. (1999a) *Portrety* [Portraits]. St. Petersburg: RKHGI. pp. 216–231.
25. Stepun, F.A. (1998) *Vstrechi* [Meetings]. Moscow: Agraf. pp. 104–120.
26. Stepun, F.A. (2017f) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 13–28.
27. Gaman, L.A. (2022) “Kul'turnyy perevorot Petra Velikogo” i sud'by Rossiyskoy imperii: vzglyad G.P. Fedotova [“Cultural upheaval of Peter the Great” and the fate of the Russian Empire: G.P. Fedotov]. *Kunstkamera*. 2(16). pp. 35–45.
28. Stepun, F.A. (2017g) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 101–119.
29. Stepun, F.A. (1999b) *Portrety* [Portraits]. St. Petersburg: RKHGI. pp. 149–152.
30. Stepun, F.A. (2017h) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 513–523.
31. Berdyaev, N.A. (1990) *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka.
32. Stepun, F.A. (2013) *Pis'ma* [Letters]. Moscow: ROSSPEN.

Сведения об авторе:

Гаман Лидия Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Северского технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт» (Северск, Россия). E-mail: GamanL@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gaman Lidiia A. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Seversky Institute of Technology – a branch of the National Research Nuclear University “Moscow Institute of Engineering and Technology” (Seversk, Russian Federation). E-mail: GamanL@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.11.2022; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 18.11.2022; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья

УДК 930.2

doi: 10.17223/19988613/83/18

Научная работа в области исторических повторений (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук»)

Алексей Валерьевич Малинов¹, Евгения Андреевна Долгова²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.v.malinov@gmail.com

² Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, medievalis@list.ru

Аннотация. Публикация архивных документов и сопровождающая их вступительная статья вводят в научный оборот главу обобщающей работы историка, социолога, методолога науки Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1922). Публикуемый текст посвящен проблеме причинности в истории, выявляемой автором на примере исторических повторений. Внешняя причинность сводится Н.И. Кареевым к влиянию разнообразных условий (многофакторность), а внутренняя причинность представлена «психологическим объяснением». Текст Н.И. Кареева написан под сильным влиянием позитивизма.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, методология истории, гуманитаристика, позитивизм

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках Госзадания Минобрнауки России РГГУ, проект № 075-00870-23-00 «Историческая динамика традиционных культур в переходные эпохи: этносемиотические особенности перехода и механизмы передачи знаний».

Для цитирования: Малинов А.В., Долгова Е.А. Научная работа в области исторических повторений (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук») // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 133–146. doi: 10.17223/19988613/83/18

Original article

How does history repeat itself? (based on the materials of Nikolay I. Kareev's manuscript "General Methodology of the Humanities")

Alexey V. Malinov¹, Evgeniya A. Dolgova²

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, a.v.malinov@gmail.com

² Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, medievalis@list.ru

Abstract. The article deals with the first publication of a chapter of manuscript "The General Methodology of the Humanities" by historian, sociologist, and theorist Nikolay I. Kareev (1950-1931). This general study had been written in the late 1910s – early 1920s, and the publishing had been planned with the editorial "Nauka y Shkola" ("Science and School") in Petrograd, however it had not been done due to censorship restrictions. In this book Kareev described the sphere of humanitarian knowledge, and presented the existence of a holistic research field as a problem of the humanities and distinguished the principles of its interrelationships. Moreover, he placed the need to develop a common methodology for scientific research as a research task, and substantiated the position and methodological tools of history in the humanities. The book lies in the positivist approach, but also it has the marks of contemporary theories such as Neo-Kantianism. Kareev focused on the problem of elaboration of the investigation method, which was common for both scientists and scholars, and methodology of the Humanities as its part. In the published chapter Nikolay Kareev discussed in detail the problem of causality in history, identified by the author on the example of historical repetitions. External causality by Kareev is reduced to the influence of various conditions (multi-factoricity), and internal causality is represented by a "psychological explanation". The publication of the chapter gives an opportunity to criticize Kareev's approach and compare it with contemporary scientific criterion. The scholar notes the contradiction of precision and complexity in social sciences, and reinterprets the case of observation and source criticism. The authors investigate links with the previous works by Nikolay I. Kareev – his sociological, historical, philosophical, literary works. Despite the philosophical and historical subjects, sociological interpretations and methodological concepts in the chapter, Kareev still remains a historian. He constantly returns to the historical material and research practice of the historian. Even when he talks about general principles, he implies that they can be applied to the work of the historian. The published chapter has both theoretical and methodological, as well as applied significance for historiography. The text of the fifth chapter of the manuscript "General Methodology of the Humanities" is being published according to the autograph discovered in his archives which is held in the Scientific Manuscript Department of the Russian State Library.

Keywords: N.I. Kareev, methodology of history, humanitarian studies, positivism

Acknowledgements: This work was supported by the Ministry of Education and Science within the framework of the project 075-00870-23-00 “Historical dynamics of traditional cultures in transitional epochs: ethnosemiotic features of transition and mechanisms of knowledge transfer” (Russian State University for the Humanities).

For citation: Malinov, A.V., Dolgova, E.A. (2023) How does history repeat itself? (based on the materials of Nikolay I. Kareev’s manuscript “General Methodology of the Humanities”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 133–146. doi: 10.17223/19988613/83/18

Методологические изыскания ученых первой трети XX в. – не вполне изученная страница в истории и теории отечественной исторической науки. Особое значение имеет детальное исследование творческого наследия ученых рубежа эпох (дореволюционной и советской): с одной стороны, оно испытывало влияние методологического подхода, утвердившегося в социально-политических условиях постреволюционного десятилетия, с другой – интеллектуальной атмосферы 1920–х гг., ставших периодом методологических поисков в гуманитарном знании и расцвета русской гуманитарной мысли на фоне «кризиса исторической науки». Примером классических теоретических произведений эпохи являются труды историка, социолога, методолога науки Николая Ивановича Кареева (1850–1931). Изучение научного наследия ученого и фактов его творческой биографии позволило сделать вывод о самостоятельном значении и методологической ценности «закатного» периода в творчестве Н.И. Кареева. Именно в эти годы специалист по всеобщей истории (культурной и социальной истории Нового времени), обратился преимущественно к исследованию теоретических, методологических сюжетов исторической науки.

Одна из последних обобщающих работ Н.И. Кареева, написанная без малого столетие тому назад, – «Общая методология гуманитарных наук» – не была опубликована при жизни ученого. Причиной тому стали, во-первых, цензурные ограничения, а во-вторых, сам жанр избранной работы – обозначив ее как «учебное пособие» автор рисковал: именно эти издания подвергались наиболее пристальному вниманию ГУСа на предмет наличия в них «идеализма». Именно это обвинение стало поводом для отказа в публикации книги, уже частично набранной в типографии кооперативным издательством «Наука и школа». Неопубликованная машинопись (первые главы) и черновая рукопись хранятся в фонде историка в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. В последние годы было издано лишь несколько фрагментов этой рукописи [1–4].

Обобщающее исследование Н.И. Кареева выросло из курса лекций, которые он читал на Высших женских курсах и в Петроградском университете. История создания этого труда и причины неудачи с его публикацией уже рассматривались в исследовательской литературе [5]. С одной стороны, лекции Кареева наследовали курсу «Методология истории», читавшемуся с 1906 г. А.С. Лаппо-Данилевским, после смерти которого в 1919 г. этот курс был передан Карееву. С другой стороны, «Общая методология гуманитарных наук» писалась Кареевым параллельно с трудами по социоло-

логии. В 1919 г. вышла его книга «Общие основы социологии» и продолжалась работа над историей русской социологии, рукопись которой, «Основы русской социологии», также не была опубликована при жизни ее автора [6. С. 48]. Близость «Общей методологии гуманитарных наук» к социологическим исследованиям Кареева очевидна: она видна даже в построении работы (сквозная нумерация параграфов, разбитых на главы), тем более заметна в содержании. «Общая методология гуманитарных наук» посвящена преимущественно теоретическим, методологическим и логическим вопросам социального познания. Автор действительно практически не останавливается на собственно исторической науке, рассматривая ее как сложную часть социально-гуманитарного цикла. Необходимо отметить, что и «гуманитарные науки» Кареев трактует максимально широко, не проводя различия с науками социальными.

Четыре десятилетия отделяют «Общую методологию гуманитарных наук» от докторской диссертации Кареева «Основные вопросы философии истории» (1883). В этом отношении «Общая методология» как бы подводит итог философско-историческим и теоретико-методологическим изысканиям ученого. Однако надо признать, что она, скорее, демонстрирует не столько эволюцию взглядов историка, сколько постоянство его философских предпочтений. В своих философских и теоретических трудах Кареев оставался позитивистом, причем в его контовской версии. Сциентистская линия в российской историографии, философии и социологии довольно критически оценивала «огюстконтизм» при положительном его восприятии как раз религиозными философами, например В.С. Соловьевым [7]. Кареев же оставался верен «ранней» редакции позитивизма. В «Общей методологии гуманитарных наук» он также воспроизводит основные принципы положительной философии. Прежде всего Кареев отмечает, что методология изучает знание о явлениях, а не сами явления. Методология – гносеологическая дисциплина, анализирующая «форму знания». Важное место в позитивизме занимает принцип демаркации, т.е. разграничения как науки от вненаучного знания, так и, в частности, между различными видами наук. Кареев проводит различие между методологией истории и философией истории, знанием и действительностью, бытием и мышлением, методом и реальностью. Рассматривая виды причинно-следственных объяснений, он следует контовскому закону «трех стадий», в частности, отделяя теологические и метафизические объяснения от научного. Он противопоставляет процессы или события (динамическую сторону общественной жизни) состояниям (статическая сторона).

«Научная работа в области исторических повторений» – пятая глава рукописи. Ранее были последовательно опубликованы главы «Понятие науки и классификация наук», «Логические предпосылки всякой методологии», «Гуманитарные науки, их классификация и методология», «Непосредственное наблюдение и констатация фактов в гуманитарных науках». Таким образом, настоящей публикации предшествовало уточнение Кареевым особенностей наблюдения и источниковедения в социальных науках, устанавливающих первичный слой фактов. Следующий шаг в научном познании – обобщение. Под вынесенным в заглавие «повторением» Кареев имеет в виду возможность причинного объяснения в идиографических дисциплинах, т.е. науках, имеющих дело с «индивидуальными событиями». Установленные факты должны собираться в «причинно-следственные ряды», или «каузальные цепи». В § 266 он замечает, что «история не занимается изучением общих законов», в истории действуют законы социологии и психологии. Хотя специфические исторические законы не существуют, история все же является наукой, поскольку имеет дело не только с единичными событиями, но и с «повторениями». Уникальность исторических явлений не отменяет причинно-следственную связь между ними. Напротив, индивидуальность истории проистекает от многообразия самой исторической реальности. Кареев здесь обращается к позитивистской концепции многофакторности исторического развития. Историческое событие не детерминируется одной причиной, таких причин может быть много. В свою очередь, событие может иметь и несколько последствий. Представление о линейности причинно-следственной связи, как и само убеждение в каузальной последовательности событий, является плодом нашего мышления. Мы не можем мыслить (познавать, наделять смыслом) явления, иначе как выстраивая их в определенной зависимости друг от друга и обосновывая одно другим. Впрочем, Кареев убежден, что и в самой исторической действительности факты связаны между собой. Сложное историческое событие состоит из более простых событий, которые, в свою очередь, состоят из людей, точнее, из их действий и поступков. В структуру исторического события также входят массовые явления (действия). Согласовать все это многообразие реальности в объяснительную схему можно только путем ее упрощения, что часто и происходит в гуманитарных науках. Исследователи не только не учитывают многофакторности самого исторического процесса, но и нередко произвольно предпочитают одни факты другим, например ограничиваясь только политической историей или историей культуры. Под «культурной» историей Кареев подразумевает в том числе и сведение исторической причинности к влиянию экономики, однако благоразумно умалчивает об этом.

Признавая априорный характер причинности, Кареев, так сказать, возвращается к «метафизическому объяснению», характерному, в частности, для «школьной философии», согласно которой вещь имеет причину своего существования либо в себе самой, либо в другой вещи. Такое понимание причинности было зафиксировано и в первых русских учебниках по фи-

лософии в XVIII в. (Г.Н. Теплов, Я.П. Козельский). Внешняя причинность здесь сводится к влиянию разнообразных условий (многофакторность), а внутренняя причинность представлена «психологическим объяснением». Желания, мотивы, «акты воли» детерминируют поведение человека и, соответственно, проявляются в самой исторической реальности. При таком типе объяснения причинность раскрывается посредством размышления, доказательства или аналогии (в случае с психологическим объяснением). Иными словами, исследователь предполагает подобие между своими субъективными переживаниями и внутренним опытом других людей, переносит собственные мысли и впечатления на сознание и чувства действующих в истории лиц.

Как правоверный позитивист Кареев критикует «метафизическое объяснение» (хотя, как видим, далеко от него не уходит) за рационализацию истории, за попытку усмотреть «логику истории», свести историческое объяснение к серии логических умозаключений. Помимо рационализации, Кареев указывает на еще одну ошибку при объяснении истории – модернизацию. Он противопоставляет модернизацию рационализации, считая ее «противоположным злоупотреблением». Модернизация означает перенос современных представлений на прошлое, познание прошлого, исходя из тех понятий принципов и знаний, которые сложились в более позднюю эпоху. Настоящее лучше известно исследователю, оно дано ему непосредственно, современность кажется ученому более понятной, хотя и не в полной мере доступной реальностью. Настоящее – это пространство смысла, в котором и которым живет человек. Смысл и есть *настоящее*, т. е., с одной стороны, *происходящее здесь и сейчас*, а с другой стороны, *подлинное*. Познание же (в том числе и истории) означает надделение прошлого смыслом, т.е., так сказать, опрокидывание смысла в прошлое. Кареев называет такой способ познания «фактической аналогией». Однако различие между рационализацией и модернизацией не столь принципиально, как на том настаивает Кареев. Рационализация предполагает единство, однородность человеческого мышления и области аффектов; она исходит из представления о том, что мышление и чувство (т.е. человеческая природа) не претерпели существенных изменений в истории, так что современный человек мыслит и переживает так же, как мыслили и чувствовали люди в древности, поэтому мы можем понимать и познавать прошлое. Модернизация, или «фактическая аналогия», полагает, что человек прошлого думал и переживал так же, как современный человек. Модернизация и рационализация, таким образом, исходят из одной предпосылки – единства человеческой природы, и отличаются лишь направлением переноса «анalogии»: из прошлого в настоящее либо из современности на историю. Кареев в целом придерживается традиционного для новоевропейской науки и философии понимания человека, игнорируя ту новую концепцию человека, основы которой заложили Ф.М. Достоевский и Ф. Ницше [8]. Можно добавить, что модернизация – это такой же рационалистический метод, как и «логика истории». Ее истоки кроются

в одном из декартовых методов, а именно познания неизвестно, исходя из известного. Неизвестным здесь признается история, а известным – современность.

Априорность причинно-следственных связей не позволяет Карееву выйти за пределы метафизического объяснения. Научное объяснение истории, таким образом, должно исходить из наблюдений, опираться на опыт и покоиться на апостериорных заключениях. В главе «Непосредственное наблюдение и констатация фактов в гуманитарных науках», предшествовавшей рассматриваемой главе «Научная работа в области исторических повторений» Кареев указывал на те ограничения, с которыми сталкивается историк при «наблюдении» явлений прошлого [9]. Научное познание истории он пытался связать не только с изучением процессов, для которых как раз и применяется каузальное объяснение, но и с анализом состояний, т.е. относительно «устойчивых» элементов исторической реальности. Состояниям присущи не причинно-следственные связи, а связи по принципу «часть–целое». Состояния не ставят под сомнение динамический характер истории. Они тоже меняются. Быструю смену состояний часто называют «катастрофой», «революцией», «переворотом», «кризисом» и т.п. Иную смену состояний определяют как «эволюцию», «постепенное развитие». Изменчивость указывает на условность деления исторической реальности на «процессы» и «состояния», о чем Кареев пишет в § 281.

Эволюционная точка зрения на общество характерна для позитивизма. Еще Г. Спенсер, проводя аналогию между обществом и организмом, видел в человеческом коллективе трансформации, или метаморфозы, при сохранении общего направления развития. Смена исторических состояний означает изменение форм посредством заложенной в социуме внутренней детерминации. Общество, так сказать, меняется из самого себя. Однако изменение предполагает и появление нового – вопрос, который Кареев обходит стороной. Эволюционный подход предусматривает запрограммированность новизны; «новое» вырастает из «старого», являясь его продолжением, а, значит, скорее модификацией старины, чем принципиальной новизной. «Новизна» вызревает в «старине», не отрицает эту старину, а лишь раскрывает заложенные в ней потенции. Иное дело каузальный подход. Он в большей степени предусматривает «творение» нового, поскольку допускает свободу воли и творческую активность индивидов.

Научное познание прошлого не может опираться только на познание индивидуальных, а значит, и уникальных действий отдельных лиц. Научная история ищет сходства, единство, постоянства, которые проявляются не на индивидуальном уровне, а на уровне *типов* и *классов* явлений. Для установления сходства Кареев обращается к сравнительно-историческому методу. Причиной общих исторических явлений в жизни различных обществ, народов и государств могут быть как заимствования, так и общее происхождение. Однако если исследование не может установить ни пути заимствования, ни общее происхождение явлений, то источник сходств надо признать в «естественном законе»,

согласно которому «одни и те же причины влекут за собою одни и те же следствия» (§ 284), т.е. в универсальной модели социально-исторического развития. Формулирование такой модели является главной задачей научного постижения общества, в том числе и истории. Цель научной работы, таким образом, – обобщение, «абстрактные и схематические формулы», а это, по словам Кареева, уже «идейная, философская» история, т.е. область философии истории и социологии. К формулированию общей модели социально-исторического развития ближе всего подходит история всеобщая, которую Кареев, следуя уже сложившейся традиции (например, у своего университетского учителя В.И. Герье [10. С. 110–147, 420–422]), фактически отождествляет с философией истории. В этом отношении «Общая методология гуманитарных наук» соотносилась уже с конкретно-историческими интересами ученого.

При обосновании сравнительно-исторического метода Кареев обращается к истории литературы (странствующие литературные сюжеты, миграция литературных сюжетов), фактически отсылая к своим ранним работам по истории литературной эволюции. Странная, на первый взгляд, иллюстративность литературного материала на самом деле объясняется общей гносеологической установкой нововременного мышления: познание субъекта исходя из его действий, из результатов его творчества, из проявлений его сущности. «Новоевропейское представляющее мышление, которому мир дан как “картина”, – пишут современные авторы, – в конце концов держится на древнем принципе *verum et factum convertuntur*. Лучше всего познать субъект может то, что им сделано, и этот принцип по определению является герменевтическим вне зависимости от того, читаем ли мы “книгу природы”, проясняем ли этимологии слов или же погружены в круг понимания литературного текста» [11. С. 214]. Эволюционная модель действительно может использоваться для демонстрации «повторений» в истории, поскольку предполагает общую, универсальную схему и единство этапов развития, которые проходят все народы, хотя и в разное время. В целом подход Кареева соответствует политической теории русского консервативного либерализма, для которого характерны убеждение в необходимости эволюционного развития общества, историзм, органическая теория государства [12]. Однако, может быть, еще в большей степени типологическая повторяемость исторических явлений присуща циклическим моделям, используемым в цивилизационном подходе. Цивилизационный подход разрабатывали, как правило, ученые, изучающие неевропейские культуры. В рамках цивилизационного подхода были сформулированы принципы многообразия и равенства культур. Однако Кареев даже в своих методологических исследованиях оставался европоцентристом, мыслил цивилизационное развитие линейно, видя пример такой универсальной модели во всемирной истории, в основу которой были положены факты истории европейской.

Несмотря на философско-исторические сюжеты, социологические интерпретации и методологические

понятия в главе «Научная работа в области исторических повторений», Кареев все же остается историком. Он постоянно возвращается к историческому материалу и исследовательской практике историка. Даже рассуждая о, казалось бы, общих принципах, он подразумевает возможность их применения к работе историка. Глава «Научная работа в области исторических повторений» в равной мере имеет как теоретико-методологическое, так и прикладное значение для историографии.

Текст публикуется по автографу автора, выявленному в его личном фонде в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. О том, что рукопись, вероятнее всего, предназначалась для типографского набора, свидетельствуют корректорские знаки на полях, ее внешний вид – несмотря на «бумажный голод» она писана с одной стороны листа, без использования оборотов. В рукописи присутствуют пометы Н.И. Кареева – немногочисленные зачеркивания, вставки, приписки на полях, подчеркивания отдельных слов и словосочетаний (в наборе их должен был заменить курсив).

Текст публикуется в соответствии с современными правилами орфографии. Стилистические особенности текста, особенности расположения текста на листе сохранены в целях аутентичной передачи источника. Сохранены подчеркивания и выделения в документе. Утраченные фрагменты обозначены многоточием в квадратных скобках [...], восстановленные публикаторами фрагменты даются в квадратных скобках [], сокращения документа, публикуемого не полностью, обозначены <...>.

Глава 5. Научная работа в области исторических повторений

261. От констатирования исторических фактов прагматического и культурного содержания (включая года и факты современности) переходим к их систематизации с идиографической точки зрения, т.е. имея в виду [не] отдельные страны, народы, государства, а какие-либо более общие категории.

Изучаемые историей отдельных обществ факты могут быть одновременными и последовательными. Систематизируя факты, одни другим современные, мы можем начертывать картины состояний отдельных обществ в известные определенные периоды, чем, между прочим, занимается с количественной стороны и статистика, но так как эти состояния постоянно сменяются другими, то самое главное в изучении¹ культурных состояний, особенно же в событиях, это – картины перемен в идущей вперед и вперед общественной жизни. Отсюда большее значение в истории имеет последовательность происходящих в ней явлений. События идут одни за другими, как следствия за своими причинами, а культурные состояния сменяются одни другими, как отдельные стадии одного и того же развития. Связывание отдельных прагматических фактов между собою происходит по принципу каузальному (в отношении причинности), фактов культурных – по принципу эволюционному (в отношении развития) (§). // Л. 2.

262. Применение к историческим фактам принципа причинности весьма естественно и понятно при той

великой роли, которую этот принцип вообще играет в научном мышлении, да и в мышлении вообще (§). На все, гласит он, должна быть своя причина; без причины ничего не бывает. Он применяется поэтому одинаково как в науках естественных, так и в гуманитарных, а в каждой из этих двух категорий одинаково приложим и в номологических науках, и в идиографических. В первых из этого последнего деления он касается принципа единообразия природы в смысле действительности вообще, в силу которого одинаковые причины везде и всегда влекут за собою одинаковые следствия, т.е. причинная связь причины с ее следствием везде и всегда одна и та же, или законосообразна (§), что и доказывается в номологическом знании приемами научной индукции в виде общих суждений: A всегда и везде влечет за собою B, и если нам дано A², с ним или за ним непременно дается и B. Идиографические науки имеют дело не с тем, что бывает везде и всегда, если дано то-то, а с тем, что дано, как индивидуальное³ событие, только один раз в известном притом месте и в известное время, хотя бы такое событие повторялось неоднократно, но только в других местах и другие времена: дело идет не о всяком A, а лишь о таком-то с географическим и хронологическим определениями, делающими из этого A нечто индивидуальное, ибо даже повторение его в том же месте, но в другое время, не позволит нам в этом повторении видеть возвращение прежнего A, ибо что кануло в вечность, не возвращается в другой раз. Тут дело в вопросе о причине данного A как события, и эта причина имеется в других событиях, без которых этого A не было бы. // Л. 3.

263. Здесь необходимо сделать некоторое отступление, чтобы коснуться общей задачи всякой методологии. Эта задача заключается в рассмотрении того, как происходит изучение известного круга явлений, но не как происходят самые эти явления. Методология имеет в виду форму знания, а не его содержание, а потому, так сказать, предпосылая научной работе, не имеет права предрешать ее выводов. Это нужно помнить по отношению ко всякой науке, но к истории в особенности ввиду двойного употребления самого слова «история», под которым разумеют науку, изучающую жизнь стран, народов, государств в прошлом, и само это прошлое. В первом смысле мы противопоставляем историю, например, филологии или естествознанию, во втором историю – природе. Общая теория истории может быть или теорией о том, как происходит изучение прошлого, или теорией, как прошлое само происходит, на каковом основании я и предлагаю строго разграничить очень часто смешиваемые вопросы историки, или теории исторического знания, и историологии, теории исторического процесса¹). Под этими заглавиями («Историка» и «Историология») я издал в 1913 и сл[едующих] гг. две части «Общей теории истории».

263. Методология истории и философия истории и, беря шире, методология гуманитарных наук и их философия, или специальная философия, – не одно и то же, как бы последняя ни могла влиять на первую. Два разных вопроса: как нужно научно исследо- // Л. 4.

вать языковые явления и в чем заключается их природа и законы. Одно дело – говорить о методах права и законосообразности его явлений. То же самое следует иметь в виду и в естествознании, где употребляемый в тот или другой науке метод не предрешает еще существа догмы этой науки. Вообще то, что сейчас названо догмой в смысле реального содержания науки, совокупности ее истин, должно быть результатом применения возможных в ней методов, а никак не их обоснованием. Метод может заключать в себе известные предпосылки, для которых должны быть известные логические предпосылки, но то, к чему приводят намеченные пути, может заключаться лишь в выводах из фактов. Так и в нашем ближайшем вопросе применение принципа причинности в деле изучения исторических фактов – одно, проявление причинной связи в самих фактах – другое. То же самое рассуждение относится к различению эволюционного метода и эволюционного процесса. Резюмируя главную мысль этого отступления, скажем: научный⁴ метод и естественный процесс, пути знания и пути действительности, мышление и бытие должны быть строго различаемы, хотя это и есть гносеологическая мысль, заключающая в себе определенное понимание сущего, в составе которого находится и человеческое знание. //Л. 5.

264. Конечно, методология вправе говорить только о методах, проверенных⁵ на практике, испытанных со стороны своей пригодности, так сказать, оправдываемых самой действительностью, к познанию которой применяются. Одна логическая возможность ничего не говорит еще о возможности фактической. Вопрос о приложимости, пригодности, удобности, плодотворности метода решается на практике, что зависит уже от того, приемлет ли его, так сказать, сама изучаемая действительность. Если приемлет, это значит, что метод познания в общем соответствует познаваемому предмету и, следовательно, основывается не на одних только требованиях логики, но и на данных действительности. Тем не менее не задача методологии говорить о самой действительности со стороны гносеологического к ней подхода.

265. Искание причин совершившегося или совершавшегося – основное устремление всех наук. Когда только зародилось желание повествовать о прошлом, зародилось и желание мыслить его как совершавшееся по тем или другим причинам, хотя бы при этом мыслилось вмешательство сверхъестественных существ и вообще многое объяснялось фантастически. Рассказывая события, историческая наука, связывает их одни с другими, как было уже сказано, видя в одних причины или следствия⁶ других и // Л. 6. располагая в причинно-следственные ряды или цепи, идущие из далекого прошлого, «покрытые мраком неизвестности» через настоящее в не более известное будущее, взятое в целом, а не в смысле завтрашнего дня, о котором еще позволительно гадать. Одновременно и, так сказать, параллельно с этими рядами-цепями мы видим в действительности бесчисленное множество других рядов-цепей, то не имеющих никакого отношения между собою, то перестающих быть параллельными и требующих признания их соприкасающимися или пересе-

кающимися, и все это мы выводим уже прямо из изучения самих же источников, показывающих, например, что китайские события V–IV вв. до Р.Х.⁷ не стоят ни в какой связи с современными им афинскими и спартанскими, а эти, наоборот, связаны были⁸ между собою общими причинами и приводили к общим следствиям.

266. Далее, каждое событие представляется при его изучении чем-то сложным, разложимым на составные элементы, и, следовательно, требует применения к себе мысли о сложности причины⁹ или, что то же, и множественности причин, его вызвавших, как, с другой стороны, и отдельное событие может, вместе с другими событиями, вызвать не один, как свое следствие, а несколько, в которых будет только частью причины. Это обнаруживается при первом же научном подходе к какой бы то ни было действительности, что и вызвало желание изобрести такие // Л. 7. методы, которые позволяли бы искусственным образом изолировать в том или другом нечто, что могло бы рассматриваться как единое следствие единой причиной, везде и всегда наступающее при возникновении этих причин. Вспомним способы бэкон-миллевской индукции (§§). Эти методы в логическом отношении отличаются совершенством, но к истории неприменимы и не только потому, что история не занимается изучением общих законов, предоставляя эту работу социологии, но главным образом потому, что такое изолирование отдельных частей исторических событий фактически невозможно.

267. Самое большее, что может здесь делать историк, это – анализировать сложное явление в своем уме, мысленно разлагая его на отдельные элементы и при сравнении их с такими же элементами предшествовавших событий устанавливать обнаруживающихся при этом причинные отношения. Иногда, впрочем, дело так ясно, что причинная связь сама собою бросается в глаза. Например, в страну вторгается иностранное войско (причина), навстречу ему для защиты страны идет другое войско (следствие), новым следствием чего является их встреча, битва, в которой одно из них побеждает, потому что (несколько новых причин) было многочисленнее, лучше вооружено, отличалось большею храбростью, имело лучших полководцев // Л. 8. и т.п. Все это, правда, мы узнаем не сразу, а по исследовании дела, но раз одно войско победило, а другое было побеждено (причина), одно двинулось дальше, другое отступило (следствие) и при сознании¹⁰ невозможности для одной из сторон вести войну дальше (еще следствие), как следствие этой невозможности и сознания ее было заключение мира, сопровождавшееся уступкой территории. Представим себе далее, что часть жителей отошедшей к неприятелю территории не желала примириться с такою судьбою (новая причина, вытекающая из последствий поражения) и подняла восстание (опять новое следствие), сделавшееся причиной (или частью причины) посылки карательной экспедиции и пр. Вот примерный обрывок причинно-следственного ряда, или каузальной цепи, обрывок, потому что здесь ничего не было сказано ни о причине нападения одного народа на другой, ни о том, что раньше вызва-

до возникновения этой причины и *так далее*¹¹ назад, с одной стороны, ни о результате посылки карательной экспедиции, ни о дальнейших следствиях исхода экспедиции, вытекавших один из других до сего дня. Уже сами современники, передавая нам факты в причинной связи, хотя очень часто и ошибаясь при этом, дают историкам готовые схемы, которые // Л. 9. *Научными*¹² историками подвергаются, как и все сообщаемые источниками, критике, руководимой правильными методами аналитического исследования и синтетического построения.

268. В таком общем изложении предмета, каковым является эта книга, нельзя входить в детали того, как происходят указанные анализ и синтез, но некоторые пункты должны быть рассмотрены. С причинной точки зрения и притом идиографически мы изучаем и события в природе: сильный ливень (причина) вызвал наводнение и прорыв плотины (два следствия), из которых первое размывло берега, засорило луга песком и т.п., а второй повлек за собою устремление вниз сразу такой массы воды, что немедленно же была сокрушена и следующая плотина, которая без этого могла бы удержаться и т.д. (§). Это – опять-таки обрывок причинно-следственной цепи, у которой было и свое предыдущее, и свое последующее, т.е. которая может быть продолжена до бесконечности в прошлое и до бесконечности же в будущее. Метод анализа причин и следствий и синтеза их в казуальные ряды-цепи один в истории и природы, и человеческого общества, но в гуманитарных науках он осложняется привнесением психологического исследования. // Л. 10.

269. Наш внутренний опыт свидетельствует нам, что нашим сознательным поступкам предшествуют, как их мотивы (причины в субъективном понимании), наши желания, сознаваемые нами, как акты воли, что превращает их, наши поступки, в преднамеренные, и тот же опыт свидетельствует, что наши душевные переживания зависят от тех впечатлений, какое на нас производят явления, данные во внешнем опыте, вследствие чего мы мыслим эти впечатления как следствия действия на нас этих внешних явлений. Когда мы наблюдаем действия других лиц, мы приписываем им, по аналогии со своим внутренним опытом, также мотивы, подобные нашим мотивам в таких же случаях, а когда видим, что другие люди подвергаются действию каких-либо внешних и для них явлений, мы допускаем, что и они испытывают от них такие же впечатления, как и мы. В обоих случаях мы можем предполагать, что эти мотивы и впечатления в некоторых по крайней мере случаях бывают те же, что и у нас, но бывают и не те же самые, о чем мы узнаем от самих же наблюдаемых нами людей. Вот это и осложняет анализ и синтез в изучении причинности в гуманитарных явлениях необходимостью прибегать к психологическим объяснениям. // Л. 11.

270. Исторические события как сложные прагматические факты состоят как из первичных своих элементов, из отдельных действий отдельных лиц, участвовавших в событии. Теории исторического процесса надлежит выяснить, как вкладываются многие личности в одно общее дело и какова в истории роль от-

дельных личностей и, говоря коротко, масс¹⁾ См. мою книгу «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» [13], существующую в двух изданиях, для методологии же истории важно только знать, что отдельные действия отдельных людей обусловлены их душевными переживаниями как мотивами и что среди душевных переживаний, вызываемых внешними впечатлениями, бывают и поступки других лиц. Это делает возможным взаимодействие между людьми: поступок А произвел на В такое-то впечатление, сделавшееся причиною (или частью причины) возникновения в В некоторого мотива, которого без данного впечатления не было бы, а этот мотив перешел в поступок В, который мог быть направлен на А. Вопрос, предложенный мне кем-либо, является исходным пунктом причинно-следственного звена, конечным пунктом которого будет мой ответ вопрошившему. Слова вопроса – внешний факт, впечатление от него, соединенное с желанием ответить – психический акт, слова ответа – внешний факт. // Л. 12.

271. На миллиардном сукне катится шар А, наталкивается на шар В и приводит его в движение, после чего оба, продолжая катиться, наталкиваются на шары С и Д, заставляя и их катиться. Вот пример причинности, понимая чисто механически. Подобный же пример мы имеем в каждом физиологическом рефлексе: спящему человеку села на нос или на лоб муха, что вызывает у него сжатие кожи, сгоняющее муху. В обоих случаях причина, которую назовем С (causa-причина), непосредственно вызывает следствие, которое обозначим буквой Е (effectus – действие, следствие), и, обозначив причинную связь знаком +, мы получим формулу механической связи: С + Е, не доискиваясь, в чем же собственно она состоит и почему, значит, существует. Некого А некий В оскорбил действием, на что А немедленно ответил таким же оскорблением, – случай, очень похожий на простой рефлекс, но вот произошло нечто иное: А затаил в себе желание мести, но стал думать, как действительно отомстить, не подвергая себя никакой опасности, когда и при каких обстоятельствах это будет удобнее и чувствительнее для В, и после долгих раздумываний нашел наиболее подходящий способ, который и привел в исполнение через год или даже больше. Здесь между причиною (С) и следствием (Е) протек большой промежуток времени, в течение которого произошел ряд психических переживаний в А, бывших следствием оскорбления и мотивом мести, пока // Л. 13. последняя не совершилась. Если мы эти промежуточные явления обозначим буквой М (mens – ум, мысль и т.п.), а принадлежность этого момента к внутреннему миру А символизируем заключением М в скобки, то получим формулу психической причинности в прагматических фактах: С + (М) + Е, т.е. внешнее явление вызывает внутреннее переживание (впечатление-мотив), которое само вызывает другое внешнее действие.

272. Исторический метод анализа и синтеза причин и следствий прагматических фактов есть, следовательно, психологический, отличающийся от механического, употребляемого естественными науками. Теории исторического процесса надлежит высказываться об-

стоятельно, все ли в событиях имеет причину в других таких же событиях (а не природных и культурных условиях) и все ли в человеческой прагматике происходит сознательно и преднамеренно (а не стихийно, механически, органически, эволюционно) и т.п., но пользование психологическим анализом и синтезом в истории совершенно неизбежно, о чем, впрочем, уже было сказано (§).

273. Если каждое *историческое*¹³ событие разложимо на отдельные действия отдельных лиц (прагматический анализ), то и из нескольких *отдельных*¹⁴ событий возможно складывать сложные события (прагматический синтез). Взятие парижанами Бастилии 14 июля 1789 г., поход парижан на Версаль 5–6 октября того же года, праздник федерации 14 июля 1790 г., бойня на Марсовом поле через год после этого (17 июля), восстания 20 июня и 10 августа и сентябрьская резня // Л. 14. 1792 г. и пр., – все это отдельные события, из которых состоит одно целое – французская революция. Такими целыми могут быть и прагматические процессы, понятия которых мы создаем, соединяя вместе однородные факты на протяжении многих лет. Таковы, например, процессы «собираания Руси», дефеодализации Франции и т.п. (ср. §). Значит, прагматические факты могут быть *реально*¹⁵ связываемы между собою то как причины и следствия, то как части более сложных целых, не считая случаев, когда они могут быть формально сопоставляемыми в порядке *не*¹⁶ синтеза, а аналогии.

274. К числу событий принадлежат и все перемены в общественных состояниях и в культурных формах, хотя бы они происходили путем *медленного*¹⁷ накопления единичных изменений, а не быстро и не сразу, без бросающихся в глаза громких событий. Единичные поступки, из которых в результате оказываются большие перемены, являются более разобщенными и в пространстве, и во времени, и их причин приходится искать не в каких-либо крупных прагматических фактах, а в культурных условиях. Стоит, например, только сравнить, с одной стороны, падение крепостного состояния в России в 1861 г. и постепенное его исчезновение в Англии во второй половине средних веков. И здесь и там это были события, но в одном случае концентрированное, прямо бросающееся в глаза, в другом случае распыленное, совершавшееся незаметно. Падение крепостного права в России – событие, в подготовке которого на протяжении короткого времени участвовали // Л. 15. отдельные действия многих отдельных лиц, вложившихся в общее дело, в Англии же аналогичный результат получился путем множества отдельных отпущений на волю со стороны господ, т.е. актов, не бывших связанными между собою ничем, кроме общих социальных причин, и растянувшихся на длинный промежуток времени.

275. Смотря по тому, как произошла перемена, историки называют ее *или*¹⁸ катастрофой, революцией, переворотом, кризисом и т.п., или же постепенным развитием, эволюцией. Если принцип причинности мы применяем к истории потому, что мы вообще не можем иначе мыслить как признавая, что все имеет причину и без причины ничего не бывает, то внесение в историческую науку связывания явлений как после-

довательных ступеней одного и того же развития имеет апостериорное происхождение из множества наблюдений над действительностью. В гуманитарные науки эта точка зрения и соответственный метод были перенесены главным образом из биологии, занимающейся, между прочим, изучением всяких трансформаций, или метаморфоз, т.е. изменениями в формах, причем изменения представляются ничем иным, как только новыми стадиями на пути развития.

276. Гуманитарные *специальные*¹⁹ науки между прочим могут отвлекать от реальных культурных явлений те формы, в которых они нам даны, будут ли то формы языка, формы культа, формы искусства, формы правления, формы хозяйственного быта, претерпевающие в своем развитии так же изменения, как и органические формы в указывавшихся уже случаях превращения // Л. 16. горошины в растение, потом тоже меняющегося в своем внешнем виде, яйца, из которого высижен был птенец, превращающийся во взрослую птицу (§), или в случаях метаморфоз насекомых, появления новых пород скота или видов цветов и т.п. Связывание отдельных культурных форм как ступеней одного развития играет большую роль в историях языка, религии, искусства, политических, правовых и экономических форм в прошлом отдельных народов. Общая тенденция и здесь выводит последующее из предыдущего, только не каузально, а эволюционно, обращая внимание не *только*²⁰ на то, что в этом замечается некоторый порядок, придающий каждой данной эволюции оттенок некоторой законосообразности или по крайней мере правильности, общей направленности по определенной линии. Здесь тоже анализ и синтез, могущие быть названными эволюционными, являются методологическими приемами.

277. Мало того, эволюция идей религиозных, философских, научных, политических, экономических охотно рассматривается в истории как имеющая логическую природу. В этой эволюции второй шаг не может быть сделан без первого, т.е. не может быть высказана *известная*²¹ мысль, пока не была еще сказана другая мысль, ее обуславливающая. Здесь мы имеем дело с приемами логического построения, которыми нередко злоупотребляли, стараясь, если можно так выразиться, логизировать ход вещей (прагматические и культурные процессы) по аналогии с ходом идей. Отсюда такие // Л. 17. неправильные выражения, как «логика истории», «логика событий», «логика хода вещей», т.е. когда прагматической или культурной необходимости придается значение необходимости логической, что, конечно, ошибочно.

278. Современная историческая наука избегает такого рационализирования исторических процессов, которое было в большом ходу в старые времена, особенно когда господствовала метафизика и казалось возможным познавать прошлое не на основании данных опыта, а путем одних рассуждений. Из германских философов укажу на Фихте, считавшего возможным, так сказать, без фактов устанавливать периоды истории, и Гегеля, который в своей «Философии истории» построил всемирную историю по часто логической схеме. Но и, помимо влияния метафизики, в пери-

од господства рационализма создавались исторические построения часто логическим путем, особенно в XVIII в., который в своем рационализме отличался особою антиисторичностью. Теперь каузальные и эволюционные ряды-цепи строятся историками на основании точного знания фактов, а если и приходится нередко прибегать при этом к дивинации (§), то больше не²² полагаются на простую логичность рассуждения при произвольных посылках, а на то, чтобы сами эти посылки были оправданы историческими аналогиями. // Л. 18.

279. Теперь в деле исторических построений грозит научности противоположная крайность, т.е. не²³ излишнее доверие [к] рационалистическим соображениям, а преувеличенное понимание единообразия хода вещей, заставляющее думать, будто об *отдельных*²⁴ исторических процессах прошлого можно говорить на основании опыта настоящего. В жизни всех людей царят одни и те же законы биологии и психологии, но это не значит, что жизнь одного похожа на жизнь другого. Так и в истории народов, в которой слишком много своеобразий, могущих быть понятыми только путем тщательного изучения их в относительности вне всякого сравнения с историями других народов, сравнений, имеющих совсем другое значение не познания единичностей, а типов или классов. Между тем в современной науке очень часто встречается модернизация, представляющая прошлое слишком подобным настоящему и даже пользующаяся терминами настоящего при описании процессов прошлого. Модернизация есть понимание и даже построение прошлого по аналогии с настоящим не ради сравнения самого по себе, *ведущего к более общим истинам*²⁵, а ради приравнения менее известного к более известному в целях изучения первого. Рационализация и модернизация представляют собою два противоположных злоупотребления: одна – логическими умозаключениями, другая – фактическими аналогиями. // Л. 19.

280. К умозаключениям и аналогиям как к рабочим гипотезам (§) дозволительно прибегать только в случаях крайней необходимости, когда приходится иметь дело со скрытыми фактами (§), т.е. с пробелами в фактическом знании, когда более известное дает нам указания на то, что могло бы быть в менее известном. Этим путем могут воссоздаваться предположительные прагматические и эволюционные процессы относительно тех эпох, о которых сохранились слишком скудные и отрывочные источники, сообщающие нам мало непрерывностей, т.е. дающие понятие только о разрозненных звеньях каузальных и эволюционных рядов и тем заставляющие прибегать [к] дивинации либо на основании общих теоретических знаний, добытых сравнительным методом, либо на основании настоящих аналогий с более предположительно сходными единичными примерами. Но именно нужно, чтобы, *во-первых*²⁶, общие теоретические суждения сами имели эмпирическое происхождение, а не были результатами рационалистических рассуждений, и, во-вторых, чтобы аналогии брались действительно подходящие, а не непременно из настоящего времени, чем грешит модернизация.

281. Различение прагматических и культурных фактов, с одной стороны, и каузальных и эволюционных процессов – с другой, имеет чисто методологическое значение. В действительности прагматика // Л. 20. и культура столь же неотделимы, как в любой ткани лицо и изнанка, даже не как нити основы и нити утока. Прагматика и культура – это только две стороны, два аспекта исторической действительности. Реально они неотделимы, как в геометрической фигуре площадь и ограничивающая ее линия, орган и его функция в биологии, во всем содержание и форма, причем внимание наше может быть сосредоточено на одном из двух – и только. Под понятие прагматики подходят все без исключения поступки человека, его поведение (англ. behavior), вся деятельность безотносительно к ее оценке по ее значению в жизни народа, государства, а культура – это все результаты и продукты деятельности, совокупность всех форм и условий, в которых эта деятельность протекает (§). Прагматическая и культурная история различаются только по тому, чем специально интересуется историк.

282. Совершенно так же реально неотделимы одни от других, *как разные стороны (аспекты) единой жизни*²⁷, но методологически различимы события, процессы, состояния и формы жизни хозяйственной, правовой, социальной (в более тесном смысле), моральной, религиозной, художественной, литературной жизни, а в них прагматическая и культурная стороны. Самые процессы во всех этих сферах рассматриваются и с каузально-прагматической, и с эволюционно-культурной точек зрения, но так что вообще вторая преобладает, поскольку здесь именно берутся специфически различные явления общественного быта. // Л. 21.

283. Как прагматические, так и культурные факты не только могут быть связываемы в каузальные и эволюционные ряды как моменты отдельных, выделяемых для специального изучения реальных²⁸ процессов, совершившихся в данных местах и в данные времена, но могут быть соединяемы в методологические группы по принципу однородности содержания, и безразлично, в каких странах и из каких эпох они берутся. При этом каждая такая группа может рассматриваться с отнесением их все-таки к разным народам (например, в истории религий или искусства по странам) или же безотносительно к топографическим и хронологическим границам, а сравнительно с обращением внимания преимущественно на черты сходства сопоставленных явлений.

284. В этом и заключается сравнительный метод в специфическом смысле. Когда мы находим поразительное сходство между двумя явлениями, взятыми из жизни разных народов, мы можем сделать о причине такого сходства три предположения: или об общем происхождении, или о заимствовании одним народом у другого, или в смысле порождения одними и теми же причинами одних и тех же следствий, если не считать еще случаев случайных сходств. Сравнительно-исторические изучения в случаях, подходящих под две первые категории (общности происхождения и заимствований) важны в идиографическом и типологическом отношениях, так как путем сравнений здесь // Л. 22.

удается устанавливать глубоко идущие в древность связи между отдельными народами, когда-то бывшими частями одного племени или жившими общию жизнью или по крайней мере влиявшими один на другой, заимствовавшие один у другого то или другое и находившимися вообще в сношениях между собою. Если же, наоборот, нет оснований думать, что сходные черты культуры имеют общее происхождение, остается преимущественно думать, что здесь проявляется действие естественного закона, в силу которого одни и те же причины влекут за собою одни и те же следствия.

285. Примерами изучений явлений, имеющих общее происхождение, могут лучше всего служить сравнительные грамматики разных языков: семитических или арийских (индоевропейских), а среди последних – романских, германских и славянских и даже дальше наречий одного и того же языка (например, греческая или русская диалектология). Такое сравнительное изучение можно назвать генетическим и поставить ему в заслугу, что оно может приводить к естественным классификациям с установлением прочных морфологических типов. Такое же пользование сравнительным методом приложимо и в других случаях, когда есть основание предполагать общее происхождение у многих народов – учреждений, правовых обычаев, обрядов и т.п. Так, могут быть сравнительные изучения социального и политического быта, обычного права, мифологических представлений и т.п. у разных народов разного происхождения на разных ступенях // Л. 23. быта, как это и делается по отношению к германским или славянским народам.

286. Мало того, сравнительное изучение языка и культуры вообще родственных в смысле происхождения народов позволяет делать предположительные реконструкции быта их отдаленнейших предков, так называемых пранародов, как то праарийцев, прагерманцев, праславян. Так и натуралисты на основании остатков из минувших геологических периодов реконструируют тогдашние ландшафты с их флорой и фауной. Иногда особенно видимую роль в такой культурной палеонтологии играют данные языки, свидетельствующие о том, какие понятия и, следовательно, предметы были известны тому или другому народу. Разумеется, все это большею частью бывает только более или менее вероятно, но по крайней мере гораздо более научно, чем рационалистические представления XVIII в. о естественном состоянии, или если бы мы вздумали реконструировать, положим, быт славян до разделения их на народы только при помощи каких-либо аналогий.

287. С точки зрения заимствований особенное внимание²⁹ обращает на себя сравнительный метод в истории литературы (с фольклором, §), в частности сравнительное изучение так называемых странствующих сказаний, переходящих от народа к народу, из литературы в литературу. Но область // Л. 24. заимствований не ограничивается только литературой, а захватывает и материальную технику, и обычаи и нравы, и явления религиозного культа, и разного рода учреждения. Встреча с одинаковыми явлениями (предметами, отношениями, идеями) в разных странах часто одна до-

казывает существование между ними старинных культурных сношений и дает право делать очень вероятные заключения о разных подробностях этих сношений (об эпохах, о путях, о посредниках и т.п.), что тоже очень важно в историческом отношении.

Что касается до применения третьего пользования сравнительным методом, то о нем будет сказано в своем месте.

288. Из всего предыдущего явствует, что научная работа идет от единичных сведений, заключающихся в сыром материале, к научным построениям, заключающим в себе обобщения, притом в разных, какие только возможны, направлениях с результатами, в которых получаются либо состоящие из отдельных слагаемых суммы, либо составленные из отдельных частей целые, либо основанные на отдельных примерах общие правила. Вся фактическая пестрота во всех этих случаях уступает место более абстрактным и схематическим формулам, когда обобщения достигают крайних пределов обобщения. В статистических подсчетах, в схемах прагматических и культурных процессов, в формулах, резюмирующих однородные факты, мы имеем дело со знанием, говорящим больше нашему уму, нежели воображению. В частности, для исторической науки обобщающая деятельность мысли с каждым шагом отдаляет нас от истории в смысле *или*³⁰ пересказа сырого материала, или художественного воспроизведения прошлого и приближает нас к истории *чисто*³¹ идейной, философской. // Л. 25.

289. Строго говоря, между историческими построениями нужно различать объединяющие и обобщающие в более тесном смысле, что уже было указано там, где говорилось об интегрировании и генерализации знания и об индукциях содержания и объема (§). Высшим синтезом всего исторического знания в первом смысле является философия истории как изображение хода³² всемирной истории с высших объединяющих точек зрения, тогда как значение высшего обобщающего синтеза принадлежит социологии, науке об общих законах исторического бытия.

290. Если в самом понятии культуры обобщается масса повторяющихся примеров того, как люди пашут землю, строят дома, одеваются, заключают между собою договоры, управляют и управляются, говорят и пишут, верят и молятся, занимаются изобразительными искусствами, то построение какого-либо эволюционного ряда изменений в какой-либо стороне культуры относится уже не к обобщению, а к объединению знания. Каковы все исторические³³ построения специальных гуманитарных дисциплин, т.е. истории земледелия, промышленности, торговли³⁴, права, законодательства, управления, правосудия, верований, культа, архитектуры, живописи, скульптуры и пр. и пр., если уже детализировать в этой области. Во всяком случае в более общих историях техники, хозяйства, государственных форм, права, религии, искусства мы очень и очень многое объединяем, как объединяем // Л. 26. *все эти*³⁵ истории в общей³⁶ истории культуры, а последнюю с *чисто*³⁷ прагматическою историей – в общую историю страны, народа, государства, в которой размещаем разные стороны культуры в известной пер-

спективе, многое даже элиминируя, как [непричастное], или оно слишком специально, технично, не характерно для судеб и быта страны, народа, государства или на эти судьбы и быт не оказывало большого влияния. В таком объединении происходит то же, что при образовании понятий: с расширением объема суживается содержание (§) вследствие сокращения числа признаков: что существенно, например, в истории искусства, то может быть совершенно неважным в общей истории культуры и т.п.

291. Объединенная частная история какой-либо страны занимается лишь тем, что происходило в ее пределах, на почве чего возникло понятие истории внутренней в отличие от истории внешней, имеющей своим предметом взаимодействия и взаимоотношения отдельных народов и государств в прагматическом и культурном отношениях. Долгое время историки во внутреннем прошлом народов налегали преимущественно на политическую прагматику перед всеми другими сторонами, а так как эта политическая прагматика играет большую роль в международных отношениях, то было время, когда исторический интерес к ним даже доминировал в науке. Потом произошла реакция, крайним проявлением которой было // Л. 27. пренебрежительное отношение некоторых к чисто прагматической истории с игнорированием важности разделения научного труда. Доходили даже до того, что внешнею, т.е. дипломатическую и военную историю, крайние сторонники внутренне-культурной истории не считали за истинно научную задачу. Конечно, это односторонне.

292. Односторонним было бы также сводить все явления международной жизни к одной политической прагматике, т.е. к дипломатическим переговорам, заключениям союзов и коалиций, к дипломатическим разрывам, к войнам с их походами и сражениями, к условиям мирных договоров, к переходам территорий из рук в руки. Кроме прагматических взаимодействий политического содержания есть еще взаимодействия других категорий, например экономическое (торговля, заключение заграничных займов и пр.). А на почве прагматики возникает и общение культурное, особенно в разных сферах духовной культуры, где особенно легки заимствования народом у народа. Все это дает возможность создания в истории построенной прагматического и культурного содержания в международном масштабе, причем отдельные страны могут рассматриваться как составные части международных целых вроде древнего Востока, греко-римского мира, западно-европейского средневековья, // Л. 28. мусульманского мира и т.п. В прошлом происходил процесс прагматического и культурного объединения человечества, универсализации истории, на почве какого процесса преждевременно возникло понятие всемирной истории и всемирно-исторической точки зрения, когда под всем миром разумелась только одна его часть. Но мы действительно вступили в период мировой истории.

293. Соединяя народы в группы, отдельные члены которых находились в особенно постоянных и многосторонних отношениях, мы можем называть их куль-

турно-историческими мирами вроде перечисленных в предыдущем §. Здесь мы не только объединяем, но и обобщаем, когда суммируем для рассмотрения однородные явления, в которых сказывались или одинаковые условия, или проявлялось влияние одних народов на другие. Особенно это хорошо иллюстрируется историей западно-европейских [народов] в средние века (а в новое время и восточно-европейских), когда вследствие существования общей основы в античной цивилизации, географического соседства, прагматических и культурных взаимодействий народы эти переживали некоторые общие явления: христианизацию, феодализацию, характерные особенности католической культуры, сословную монархию, классическое возрождение и гуманизм, протестантскую и сектантскую реформацию, абсолютизм и т.д. до новейшего социализма. История Западной Европы с этой точки зрения может // Л. 29. рассматриваться как единое целое, причем, конечно, на первый план должно выдвигаться общее, а местные особенности отпадать, т.е. опять расширение объема суживает содержание.

294. Отсюда возможность таких исторических явлений, как история европейской³⁸ философии, начиная с Фалеса и кончая современными философами, или история мировых религий (буддизма, христианства, ислама) в разных странах с общей точки зрения, или еще история римского права с его византийской кодификацией и рецепцией его в Западной Европе, а кое-чего через византийское право и в Восточной Европе. Здесь мы опять имеем дело с построениями объединяющего и обобщающего направлений мысли с расширением исторической сцены. Все это совершенно законно, ибо на это нас наталкивает сама историческая действительность.

295. Однако такая всемирно-историческая точка зрения, которую во избежание недоразумений лучше называть универсальной или интернациональной, только не вкладывая в последний термин постороннего содержания, вызвала у нас со стороны некоторых историков решительные протесты¹⁾ См. мои. Во-первых, они вытекали из неправильного отождествления всякого построения истории человечества, хотя бы и состоявшего из // Л. 30. разрозненных народов с метафизическим построением на основе предвзятой логической формулы, как то было в «Философии истории» Гегеля с ее Мировым Духом, изначала внутренним единством, с ее диалектическим процессом. Во-вторых, эти протесты подсказывались односторонним процессом только к внутренней истории отдельных стран (§), сопровождавшихся ни на чем не основанным представлением, что все в истории страны должно быть объяснено и выведено из внутренних причин и условий, чему противоречит сама действительность.

296. Итак, высшим объединением в идиографическом изучении жизни человечества в прошлом должна быть всемирная история, понимаемая, однако, не в смысле чисто внешней суммы частных историй, а более внутреннего их объединения, где только оно возможно для получения некоторого цельного построения, где были бы показаны взаимоотношения и взаимодействия частей, постепенное втягивание их в более

крупные культурно-исторические миры, взаимоотношения и взаимодействия последних (например, христианского и мусульманского), распространение известных культурных форм вне мест их зарождения и первоначального развития и многое в подобном роде. Такое // Л. 31. объединенное и обобщенное построение мирового исторического процесса принято называть философией истории, хотя этим термином обозначают неправильно или социологию вообще, или ту ее часть, которую можно назвать историологией (теорией исторического процесса).

297. Философия истории относится не к номологическому знанию, а к идиографическому, ибо говорит не о законах исторического развития, действие которых повторяется в истории разных стран, народов и государств, а о развитии того единичного целого, которое в нашем внешнем опыте дано нам только один раз, в одном только месте, на нашей планете, и в одном только периоде существования вселенной, в какие-нибудь, самое большее, *последние*³⁹ десять тысяч годичных оборотов нашей планеты вокруг солнца, не считая периодов доисторического существования, которое для многих народов затянулось до очень позднего времени.

298. На этой высшей ступени объединенного и обобщенного знания прошлой жизни человечества само это знание делается в высшей же степени абстрактным, бедным в отношении конкретного содержания, более схематическим и потому более // Л. 32. близким к номологическому, что и было причиной смещения у самого Конта его философии с социологией, даже отождествления первой с отделом второй, который он назвал социальной динамикой (§), что далеко не одно и то же. На этой же ступени историческое знание соприкасается с высшими проблемами философии, касающимися смысла жизни, т.е. той субъективной оценки явлений действительности, которая

(оценка) не применяется к явлениям материальной природы (§).

299. Оценочная точка зрения вполне законна по отношению к явлениям человеческой жизни, но она не должна оказывать влияния ни на констатирование фактов, ни на образование нами научных построений. Самое большее, в чем заключается ее право в объективной науке, это только в ее влиянии определять наши специальные интересы и вкусы, что, впрочем, наблюдается и в естествознании, где тоже позволительно одни предметы любить более других или даже совсем многое в своей специальности не любить. Непозволительным было бы только руководствоваться личными своими вкусами и интересами в деле определения большей или меньшей важности тех или других явлений, предметов, процессов и т.п. в объективной действительности. // Л. 33.

300. Сырой материал истории заключается в необходимой массе данных и неизданных источников, собрания которых в одном месте составило бы громаднейший архив и библиотеку. По мере обобщения *знания*⁴⁰ и его объединения все в более и более абстрактных построениях оно сокращается по мере того, как постепенно отбрасывается несущественное или менее существенное для сосредоточения *всего*⁴¹ внимания на более существенном и самом существенном, для чего могут быть не только субъективные, но и объективные мерки, главным образом, *но не безусловно*⁴², количественные. Мы сейчас увидим, что чисто теоретическое отношение к явлениям человеческой жизни, в котором первенствующую роль играет содержание понятий, в смысле их существенных признаков на всех ступенях отличается большею абстрактностью сравнительно с историческим изучением, ибо рассматривает явления безотносительно к тому, где и когда они происходили или происходят, лишь бы только [они] были возможными в действительности.

Примечания

¹ Слово «изучении» – приписка на полях. Здесь и далее – прим. авт.

² Буква «А» – приписка на полях.

³ Слово «индивидуальное» – приписка на полях.

⁴ Слово «научный» – приписка на полях.

⁵ Исправлено с «испытанных».

⁶ Словосочетание «или следствия» – приписка на полях.

⁷ Фраза «V–IV вв. до Р.Х.» – приписка на полях.

⁸ Слово «были» – приписка сверху.

⁹ Слово «причины» – приписка на полях.

¹⁰ Слово «сознании» – приписка на полях.

¹¹ Словосочетание «так дальше» – приписка на полях.

¹² Слово «научными» – приписка сверху.

¹³ Слово «историческое» – приписка сверху.

¹⁴ Слово «отдельных» – приписка на полях.

¹⁵ Слово «реально» – приписка на полях.

¹⁶ Слово «не» – приписка на полях.

¹⁷ Слово «медленного» – приписка на полях.

¹⁸ Слово «или» – приписка на полях.

¹⁹ Слово «специальные» – приписка сверху.

²⁰ Слово «только» – приписка на полях.

²¹ Слово «известная» – приписка на полях.

²² Слово «не» – приписка сверху.

²³ Слово «не» – приписка сверху.

²⁴ Слово «отдельных» – приписка на полях.

²⁵ Фраза «ведущего к более общим истинам» – приписка на полях.

²⁶ Слово «во-первых» – приписка на полях.

²⁷ Фраза «как разные стороны (аспекты) единой жизни» – приписка на полях.

- ²⁸ Слово «реальных» – приписка на полях.
²⁹ Слово «внимание» – приписка на полях.
³⁰ Слово «или» – приписка на полях.
³¹ Слово «чисто» – приписка на полях.
³² Словосочетание «изображение хода» – приписка на полях.
³³ Слово «исторические» – приписка на полях.
³⁴ Словосочетание «земледелия, промышленности, торговли» – приписка на полях.
³⁵ Словосочетание «все эти» – приписка сверху.
³⁶ Слово «общей» – приписка сверху.
³⁷ Слово «чисто» – приписка на полях.
³⁸ Слово «европейской» – приписка на полях.
³⁹ Слово «последние» – приписка на полях.
⁴⁰ Слово «знания» – приписка на полях.
⁴¹ Слово «всего» – приписка на полях.
⁴² Слова «но безусловно» – приписка на полях.

Список источников

1. Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук / подгот. А.В. Малинов // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2011. Вып. 22. С. 147–174.
2. Кареев Н.И. Понятие науки и классификация наук / подгот. А.В. Малинов // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 2. С. 28–34.
3. Долгова Е.А., Малинов А.В. «Понять чужую душу»: фрагменты из неопубликованного труда историка, социолога, методолога науки Н.И. Кареева // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 236–247. doi: 10.28995/2073-0101-2017-4-236-247
4. Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2 Логические предпосылки всякой методологии / подгот. А.В. Малинов, Е.А. Долгова // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 3. С. 327–365. doi: 10.17323/1728-192X-2017-3-327-365
5. Долгова Е.А. Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1922–1924) // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 239–245.
6. Пружинин Б.И., Бендерский И.И., Воробьева О.В., Долгова Е.А., Малинов А.В., Микешина Л.А., Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А., Хвостова К.В., Щедрина Т.Г. Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания // К 180-летию В.И. Герье: материалы конференции – «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 24–61.
7. Рыбас А.Е. А.С. Лаппо-Данилевский и критика контизма в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 5. С. 140–152. doi: 10.31119/jssa.2019.22.5.8
8. Naldoniova L. Dostojevskij a Nietzsche: Antropologické vedomí kreatívneho človeka // Studia Slavica. 2011. Vol. 15. S. 53–63.
9. Долгова Е.А., Малинов А.В., Слискова В.В. Наблюдение в социальных науках (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук») // Социология науки и технологии. 2020. Т. 11, № 2. С. 54–63.
10. Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М.: РОССПЭН, 2010. 503 с.
11. Иванов Н.Б., Ноговицин О.Н. [Рец.] А.Г. Погоняйло. Мышление и созерцание. Материалы к лекциям по истории философии. СПб.: Наука, 2017 (серия «Слово о сущем»). 582 с. // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 213–216. doi: 10.31857/S004287440003634-2
12. Куприянов В.А. Европейский либерализм в зеркале политической философии И.А. Ильина // Философский полилог. Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2. С. 53–71.
13. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. 2-е изд., с доб. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1914. 574 с.

References

1. Kareev, N.I. (2011) Obshchaya metodologiya gumanitarnykh nauk [General methodology of the Humanities]. *Veche. Zhurnal russkoy filosofii i kul'tury*. 22. pp. 147–174.
2. Kareev, N.I. (2013) Ponyatie nauki i klassifikatsiya nauk [The concept of science and the classification of sciences]. *Klio. Zhurnal dlya uchenykh*. 2. pp. 28–34.
3. Dolgova, E.A. & Malinov, A.V. (2017) “Ponyat' chuzhuyu dushu”: fragmenty iz neopublikovannogo truda istorika, sotsiologa, metodologa nauki N.I. Kareeva [“Understanding the soul of others”: Fragments from the unpublished work of a historian, sociologist, methodologist of science N.I. Kareev]. *Vestnik arkhivista*. 4. pp. 236–247. DOI: 10.28995/2073-0101-2017-4-236-247
4. Kareev, N.I. (2017) Obshchaya metodologiya gumanitarnykh nauk. Glava 2 Logicheskie predposylki vsyakoy metodologii [General methodology of the Humanities. Chapter 2. Logical prerequisites for any methodology]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 16(3). pp. 327–365. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-327-365
5. Dolgova, E.A. (2012) Iz istorii izdaniya raboty N.I. Kareeva “Obshchaya metodologiya gumanitarnykh nauk” (1922–1924) [From the history of N.I. Kareev’s “General Methodology of the Humanities” (1922–1924)]. *Vestnik arkhivista*. 1. pp. 239–245.
6. Pruzhinin, B.I., Benderskiy, I.I., Vorobieva, O.V., Dolgova, E.A., Malinov, A.V., Mikeshina, L.A., Motovnikova, E.N., Olkhov, P.A., Khvostova, K.V. & Shchedrina, T.G. (2017) Filozofsko-metodologicheskie proekty russkikh istorikov i sovremennye problemy metodologii istoricheskogo poznaniya [Philosophical and methodological projects of Russian historians and modern problems of the methodology of history]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 24–61.
7. Rybas, A.E. (2019) A.S. Lappo-Danilevskiy i kritika kontizma v sotsiologii [A.S. Lappo-Danilevsky and criticism of contism in sociology]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 5. pp. 140–152. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.5.8
8. Naldoniova, L. (2011) Dostojevskij a Nietzsche: Antropologické vedomí kreatívneho človeka. *Studia Slavica*. 15. pp. 53–63.
9. Dolgova, E.A., Malinov, A.V. & Sliskova, V.V. (2020) Nablyudenie v sotsial'nykh naukakh (po materialam rukopisi N.I. Kareeva “Obshchaya metodologiya gumanitarnykh nauk”) [Observation in the social sciences (based on the manuscript of N.I. Kareev “General Methodology of the Humanities”). *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 11(2). pp. 54–63.
10. Tsyganokov, D.A. (2010) *Professor V.I. Ger'e i ego ucheniki* [Professor V.I. Guerrier and his students]. Moscow: ROSSPEN.
11. Ivanov, N.B. & Nogovitsin, O.N. (2019) [Rets.] A.G. Pogonyaylo. Myshlenie i sozertsanie. Materialy k lektsiyam po istorii filosofii. SPb.: Nauka, 2017 (seriya “Slovo o sushchem”). 582 s. [[Review] A.G. Pogonyaylo. Thinking and contemplation. Materials for lectures on the history of philosophy. St. Petersburg: Nauka, 2017 (series “The Word about Being”). 582 p.]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 213–216. DOI: 10.31857/S004287440003634-2
12. Kupriyanov, V.A. (2019) Evropeyskiy liberalizm v zerkale politicheskoy filosofii I.A. Il'ina [European liberalism in the mirror of I.A. Ilyin’s political philosophy]. *Filozofskiy polilog. Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii*. 2. pp. 53–71.
13. Kareev, N.I. (1914) *Sushchnost' istoricheskogo protsessa i rol' lichnosti v istorii* [The Essence of the Historical Process and the Role of Personality in History]. 2nd ed. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.

Сведения об авторах:

Малинов Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Долгова Евгения Андреевна – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: medievalis@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Malinov Alexey V. – Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Dolgova Evgeniya A. – Doctor in History, Full Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: medievalis@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.03.2020; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 28.03.2020; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья
УДК 930/94(47).08
doi: 10.17223/19988613/83/19

В.Г. Васильевский и Д.И. Иловайский: история одной научной дискуссии

Алексей Николаевич Худолеев

*Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета,
Новокузнецк, Россия, khudoleev73@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается длительная научная дискуссия между византистом В.Г. Васильевским и антинорманистом Д.И. Иловайским, которая велась в отечественных дореволюционных периодических изданиях. Выделяется несколько ключевых подходов оппонентов в оценках исторических взглядов друг друга. Анализируются объективность и аргументированность позиций авторов, репрезентативность источниковой и методологической базы их исследований. Делается вывод о важности изучения дискуссионной культуры в отечественной исторической науке второй половины XIX в.

Ключевые слова: Василий Григорьевич Васильевский, Дмитрий Иванович Иловайский, историческая мысль, дореволюционная историография, антинорманизм

Для цитирования: Худолеев А.Н. В.Г. Васильевский и Д.И. Иловайский: история одной научной дискуссии // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 147–151. doi: 10.17223/19988613/83/19

Original article

V.G. Vasilevsky and D.I. Ilovaisky: the history of a scientific discussion

Aleksey N. Khudoleev

*Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University,
Novokuznetsk, Russian Federation, khudoleev73@mail.ru*

Abstract. Vasily Grigoryevich Vasilevsky and Dmitry Ivanovich Ilovaisky were representatives of two major pre-revolutionary scientific and historical centers – St. Petersburg and Moscow. Both were distinguished by exceptional dedication to their work, exactingness, scientific integrity, professionalism and fundamental research. In addition, both V.G. Vasilevsky and D.I. Ilovaisky knew a lot about scientific discussions, loved printed polemics and did not shy away from disputes. The discussion between them on the issues of Slavic antiquity, which lasted for more than twenty years, is poorly covered in Russian historiography. The purpose of the work is to fill an empty historiographical lacuna, as well as to actualize the understanding of the level of debatable culture in Russian historical science of the second half of the XIX century. V.G. Vasilevsky and D.I. Ilovaisky polemicized among themselves and defended their own points of view in numerous periodicals: "Journal of the Ministry of Public Education", "Ancient and New Russia", "Russian archive", "Russian antiquity". There are three stages in the discussion. The first stage took place in 1873-1876. The issues related to the nationality of the Varangian squads in Byzantium of the XI century and the identity of the Varangians and Russia were discussed. The second stage (1882-1883) was reasoned by the release of the second edition of the "Search for the Beginning of Russia" by D.I. Ilovaisky with the addition of the question of the origin of the Huns. Here the controversy reached its highest intensity accompanied by mutual accusations of incompetence, lack of evidence, poor mastery of the skills of criticism of historical sources, etc. It should be noted that D.I. Ilovaisky's sharp remarks concerned exclusively the position of the opponent. V.G. Vasilevsky unwittingly went beyond the boundaries of scientific ethics and allowed himself a number of personal sarcastic attacks. The third stage took place from 1893 to 1895. It dealt mainly with the issues of Normanism and Turanism. The illness and death of V.G. Vasilevsky interrupted the discussion between prominent representatives of two scientific centers of the Russian pre-revolutionary historical science. As a result, it is concluded that V.G. Vasilevsky was not afraid of the authority of D.I. Ilovaisky and entered into a long scientific dispute with him. The polemic between them is a characteristic example of the debating culture, as one of the forms of professional self-determination of the historian in the Russian historical science of the second half of the XIX century.

Keywords: Vasily G. Vasilevsky, Dmitry I. Ilovaisky, historical thought, pre-revolutionary historiography, anti-normanism

For citation: Khudoleev, A.N. (2023) V.G. Vasilevsky and D.I. Ilovaisky: the history of a scientific discussion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 147–151. doi: 10.17223/19988613/83/19

Василий Григорьевич Васильевский – крупный историк-византист, академик, создатель русской школы византиноведения, основатель журнала «Византийский временник»; Дмитрий Иванович Иловайский – известный ученый-антинорманист, один из основоположников исторического краеведения, посвятивший всю свою деятельность борьбе с норманнской и туранской теориями, а также автор многотомной «Истории России». Кажется бы, что между ними общего? Однако именно в В.Г. Васильевском Д.И. Иловайский нашел достойного соперника-полемиста по вопросам русской древности. К сожалению, исследователи творчества В.Г. Васильевского и Д.И. Иловайского либо не упоминали эту дискуссию совсем [1–5], либо ограничивались простой констатацией ее факта [6. С. 315–316; 7. С. 339–341; 8. С. 15]. Особняком стоят тезисы А.В. Плетневой [9], но автор просто описала библиографическую базу, уклонившись от подробного рассмотрения проблемы. Таким образом, изучение сути дискуссии между В.Г. Васильевским и Д.И. Иловайским позволяет не только заполнить пустующую историографическую лакуну, но и актуализировать осмысление уровня дискуссионной культуры в отечественной исторической науке второй половины XIX в. Это и является целью настоящей статьи.

В 1872 г. Д.И. Иловайский, начавший в то время подготовку вступительной части к «Истории России» [10], обратил внимание на публикацию молодого доцента Санкт-Петербургского университета В.Г. Васильевского об истории отношений византийцев и печенегов [11], которая оценивалась впоследствии его учениками как образец специального исследования [1. С. 639]. Дмитрий Иванович приветствовал желание коллеги по историческому цеху самостоятельно разобраться в сложностях византийских источников и провести их критический анализ. Между тем он сделал ряд частных замечаний. Во-первых, В.Г. Васильевский, по его мнению, излишне гиперболизирует исторические факты; во-вторых, ошибочно считает, что пришедший на помощь к императору Алексею I Комнину отряд иностранных наемников в количестве 5 000 человек был русской дружиной; в-третьих, несправедливо смешивает два разных народа – варягов и русь – в один, хотя византийские источники их всегда разделяли [12. С. LVIII, 0431]. Пожурив немного В.Г. Васильевского, Д.И. Иловайский стал держать в поле зрения добросовестного и талантливого ученого. Поэтому неслучайно он быстро отозвался на очередную серию его статей [13–15], «изумивших» ученый мир [1. С. 642]. Д.И. Иловайскому не понравилось, что В.Г. Васильевский не внял его совету и по-прежнему старался доказать славянское происхождение варяжских дружин в Константинополе, хотя «мы этого тождества не видим» [16. С. 85]. Не усматривали данного сходства и византийские авторы. Понимая это, В.Г. Васильевский, считал рецензент, прибегал к передергиваниям, безосновательно упрекая византийских историков в слабом уровне познания и источниковедческой критики. Выстраивая умозрительную конструкцию, автор объясняет все, что не подходит к его доказательствам, «ошибками, недоразумениями и позднейшими искажениями», а к сведениям, с которыми он согласен, «относится с чрезвычайной довер-

чивостью и обходится с ними как с математическими данными» [16. С. 86]. В заключение Дмитрий Иванович причислил В.Г. Васильевского к лагерю новообращенных норманистов.

На этот раз столичный историк не стал отмалчиваться и выступил с ответным словом. На взгляд Василия Григорьевича, на его работу напали самым решительным, беспощадным и резким образом, отвергая всю методику анализа источников, обвиняя в легкомыслии и даже шарлатанстве. Сам же «судья» при этом страдает «хроническим голословным отрицанием очевидных фактов» [17. С. 397]. Аргументы рецензента лишены основательности, в них много надуманности и произвольности. Как следствие, «все возражения и упреки Д.И. Иловайского не только не обнаружили, конечно, существующих слабых сторон нашего труда, но или совсем не касались наших основных положений, попадая мимо цели, или же не отличались основательностью и пронизательностью, не отличались главным образом строгостью логики и метода» [17. С. 405]. Относительно причисления его к лагерю норманистов В.Г. Васильевский определил себя скорее сочувствующим этой теории, чем убежденным ее сторонником. Несмотря на многолетние усилия оппонента, для него «скандинавская теория происхождения русского государства остается непоколебленной <...>», на стороне которой до сих пор находятся научные доказательства [17. С. 405].

Последнее слово в этом остром обмене мнениями Д.И. Иловайский оставил за собой. Для него позиция В.Г. Васильевского была слишком непоследовательной и противоречивой для серьезного научного спора. С одной стороны, византист заявил о своей малой осведомленности в русской истории, что не мешало ему, с другой стороны, полемизировать со специалистами по вопросам Древней Руси. В отношении же норманизма В.Г. Васильевский пытается «усидеть на двух стульях». Провозглашая непоколебимость и научность норманнской теории, он никак это не доказывает, призывая читателей принять ее априори, как будто «речь идет о простой подаче голосов для решения весьма сложных научных вопросов» [18. С. 207]. Более того, выводы его последней публикации [19] носят антинорманнский характер. Вместе с тем Д.И. Иловайский по-прежнему не отрицал научных заслуг В.Г. Васильевского, его авторитет в византоведении. А весь негатив связывал с тем, что оппонент находился под вредным влиянием академика А.А. Куника, «умеренный норманизм» которого в свое время Д.И. Иловайский жестко раскритиковал [20. С. 121–128].

Второй раунд дискуссии инициировал уже В.Г. Васильевский. Он напечатал обширную рецензию на второе издание «Разысканий» Д.И. Иловайского с прибавлением вопроса о славянском происхождении гуннов [21]. Ее цель – развенчать ложные и фальшивые положения московского историка о генезисе гуннов, его метод и приемы анализа исторических источников. По мнению В.Г. Васильевского, у Д.И. Иловайского нет твердых критических принципов, много отдано на откуп догадок и домыслов, пристрастному отношению к документам, т.е. все то, что ставилось в вину самому

рецензенту. В добавление к этому «совсем не определяется общий характер и дух отдельных писателей, ничего не говорится о взаимном отношении источников друг к другу, о сравнительной ценности показаний каждого из них, а просто заподозривается то, что не нравится исследователю, и во всей силе принимается то, что идет кстати» [22. С. 142–143]. По В.Г. Васильевскому выходило, что историческая концепция Д.И. Иловайского – это всего лишь компиляционная «толчея воды в ступе». В ней нет ничего нового и оригинального. Автор, игнорируя результаты трудов «корифеев славянской науки», самонадеянно старается извлечь из старых данных «более правильные и убедительные заключения» [22. С. 173]. В заключение В.Г. Васильевский не удержался от личного язвительного укола. Он заметил, что вред от теории усугубляется авторитетом лица, ее распространяющего.

Столь резкой критики своих трудов Д.И. Иловайский еще не получал. Выходило, что историк с 25-летним стажем работы в области российской истории не продвинулся дальше дилетантизма. Ответ последовал моментально, тем более что в печати появилось резюме в том ключе, что отзыв В.Г. Васильевского «совершенно разрушает теорию г. Иловайского» [23. С. 99]. Дмитрий Иванович подчеркнул, что всегда рад преломить полемическое копье с «солидным» ученым, несмотря на то что тот голословно осудил его критические приемы [24. С. 585]. В то же время самонадеянный, популистский, высокомерный, бездоказательный тон отзыва В.Г. Васильевского с претензией на научную монополию в малоизученных вопросах говорит как раз о неуверенности и шаткости позиции самого оппонента, который с разбираемой книгой, судя по всему, ознакомился поверхностно. Д.И. Иловайский упрекал столичного историка в пристрастном отношении, поскольку «из пятидесяти <...> страниц я затрудняюсь отыскать хоть две или три свободных от недомолвок, обмолвок, всяческих неточностей, натяжек, голословностей и т.д.» [24. С. 604].

Ответ В.Г. Васильевского был проникнут нескрываемым раздражением. Он перенес разногласия с научной области в личное поле. Для него Д.И. Иловайский защищал исключительно только свои амбиции и репутацию и осознанно вводил в заблуждение своих многочисленных почитателей. Кроме того, «автор “Разысканий” даже как будто боится всяких действительных разысканий, чтобы как-нибудь не утратить своего сокровища, доставшегося ему по наследству от других» [25. С. 367]. В.Г. Васильевский заявил, что считает за честь являться учеником А.А. Куника и назвал грехом критику Д.И. Иловайским взглядов уважаемого академика. Похоже, понимая, что перешел границы научной этики, Василий Григорьевич отметил ученые и педагогические заслуги соперника и предложил не принимать его резкие слова близко к сердцу, так как они касаются только одной книги. Реакция Д.И. Иловайского была предсказуемой. Он посоветовал на доминирование лично-ориентированного характера научных споров. Хотя противникам «пора бы понять, что личными препирательствами и голословными претензиями на научность тут ровно ничего не поделаешь» [26.

С. 381]. В.Г. Васильевский написал много страниц претензий, но смог доказать только ряд опечаток, не влиявших на существо дела. Д.И. Иловайский дал понять, что отнюдь не считает себя истиной в последней инстанции по проблеме происхождения гуннов. И, возможно, она будет решена в не столь близком будущем. Его цель состояла в актуализации важного для истории славянства вопроса. Византиноведение может помочь достигнуть объективности. Поэтому Дмитрий Иванович посоветовал В.Г. Васильевскому для блага науки не покидать пределы своей специальности.

Несколько лет спустя, комментируя полемику между В.Г. Васильевским и Ф.И. Успенским [27] и поддерживая, между прочим, первого, Д.И. Иловайский дал, на наш взгляд, замечательную характеристику своему оппоненту, поэтому позволим себе привести ее полностью: «К сожалению, из своей продолжительной с ним полемики <...> я убедился, что петербургский профессор не любит сознаваться в своих ошибках и промахах, и если в последующих статьях принужден бывает высказывать что-либо, не согласное с предыдущими его статьями, то обыкновенно о сем несогласии умалчивает и убедительностью доводов противника его не объясняет. Когда он принужден бывает отступить с какой-либо позиции, то не просто уходит с нее, а с соблюдением военной тактики, т.е. отступает, постоянно отстреливаясь» [28. С. 202]. Вместе с тем Дмитрий Иванович отдавал должное В.Г. Васильевскому как ученому, благодаря которому есть с кем дискутировать и постоянно актуализировать вопрос о происхождении Руси.

В 1893 г. в очерках, посвященных двум византийским святым, В.Г. Васильевский вновь мимоходом задел Д.И. Иловайского, упомянув о заблуждениях московского историка, фанатически верившего в свои особенные методы исследования [29. С. СXXXVI; 30. С. СXLVI]. На это Д.И. Иловайский заметил, что его «особенные» методы исследования позволяют двигаться к исторической истине, тогда как методы оппонента позволяют только барражировать между норманизмом и туранизмом [31. С. 252]. Тут же Д.И. Иловайский сформулировал ряд фундаментальных положений, которых ни В.Г. Васильевский, ни другие норманисты или туранисты так и не опровергли. Во-первых, призвание варягов – это легенда, имеющая династическое происхождение; во-вторых, варяги и русь – два разных народа, смешавшиеся из-за порчи летописного текста; в-третьих, скандинавы появляются на Руси не ранее X в. в качестве наемников; в-четвертых, русь известна у античных авторов под именем «роксолан»; в-пятых, «название “роксолан” есть книжное, сложное из “рос” и “алане” <...> А собственное народное имя их было просто рось или русь, которое находилось в связи с тем же названием некоторых рек Восточной Европы» [31. С. 249]. Болезнь и смерть В.Г. Васильевского прервали дискуссию между яркими представителями двух научных центров отечественной дореволюционной исторической науки.

Таким образом, наряду с М.П. Погодиным и А.А. Куником В.Г. Васильевский был тем человеком, кто не побоялся авторитета Д.И. Иловайского и вступил с ним

в жаркий научный спор. Продолжался он, то затухая, то обостряясь, более 20 лет. Каждая из сторон верила только в свою правду и часто использовала ироничный, саркастический, бескомпромиссный, наступательный тон. Polemika между В.Г. Васильевским и Д.И. Иловайским является характерным примером отмечавшейся нами ранее [32, 33] дискуссионной культуры в отечественной исторической науке второй половины XIX в. Дискуссии – катализатор и двигатель научного творчества, это понимали оба оппонента. Каждый настаивал на активном включении в исследовательское поле источников, их тщательном анализе, критическом под-

ходе, ясной методологии и методах, фундаментальности и добросовестности, принципе научной объективности, уважительном отношении к своим трудам. Мешала достижению истины, как верно замечал Д.И. Иловайский, личностная окраска, когда в оппоненте видели «врага», которого надо непременно разгромить с использованием оружия, начиненного «первобытными» литературными нравами и приемами [18. С. 208].

В целом представляется, что изучение дискуссий является важной историографической проблемой, позволяющей осветить одну из форм профессионального самоопределения историка в науке.

Список источников

1. Безобразов П.В. В.Г. Васильевский // *Византийский временник*. 1899. Т. 6. С. 636–658.
2. Гревс И.М. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1899. Ч. 324. С. 27–74.
3. Майков Л.Н. Памяти В.Г. Васильевского // *Русская старина*. 1899. Т. 98, вып. 4-6. С. 581–585.
4. Лебедев Н. Академик В.Г. Васильевский и его работы по истории Византии // *Исторический журнал*. 1944. № 5/6. С. 74–82.
5. Цамутали А.Н. Петербургская школа византиноведения // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 1991. Т. 23. С. 5–19.
6. Успенский Ф.И. Академик Василий Григорьевич Васильевский // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1899. Ч. 325. С. 291–342.
7. Греков Б.Д. История древних славян и Руси в работах академика В.Г. Васильевского // *Вестник древней истории*. 1939. № 1. С. 338–351.
8. Литаврин Г.Г. Василий Григорьевич Васильевский – основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения (1838–1899) // *Византийский временник*. 1994. Т. 55, ч. 1. С. 5–21.
9. Плетнева А.В. В.Г. Васильевский и Д.И. Иловайский – двадцать лет полемики вокруг основных вопросов происхождения Руси // *Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв. : материалы IV междунар. науч. конф. Липецк : Изд-во Липецк. гос. пед. университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского*, 2015. С. 173–177.
10. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси: вместо введения в русскую историю. М. : Тип. Грачева и К°, 1876. 466 с.
11. Васильевский В.Г. Византия и печенеги (1048–1094) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1872. Ч. 164. С. 116–165; 243–296.
12. Иловайский Д.И. Заметки о русских исследованиях из византийской истории // *Русский архив*. 1873. Т. 21, вып. 1-6. С. LVII–0432.
13. Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веках // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1874. Ч. 176. С. 105–144.
14. Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веках // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1875. Ч. 177. С. 394–451.
15. Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веках // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1875. Ч. 178. С. 76–152.
16. Иловайский Д.И. Два новых исследования по начальной русской истории (гг. Васильевского и Миллера) // *Древняя и новая Россия*. 1875. № 5. С. 84–90.
17. Васильевский В.Г. О варяго-руссах (ответ Д.И. Иловайскому) // *Древняя и новая Россия*. 1875. № 12. С. 396–405.
18. Иловайский Д.И. Заключительное слово моим противникам-норманистам // *Древняя и новая Россия*. 1876. № 2. С. 203–208.
19. Васильевский В.Г. Русско-византийские отрывки // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1875. Ч. 182. С. 270–315.
20. Иловайский Д.И. Еще о норманизме // *Русский вестник*. 1872. Т. 102, ноябрь/декабрь. С. 109–141, 469–508.
21. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси: вместо введения в русскую историю: с присоединением вопроса о гуннах. 2-е изд., испр. и доп. М. : Тип. бывш. Миллера, 1882. 557 с.
22. Васильевский В.Г. О мнимом славянстве гуннов, болгар и роксолан // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1882. Ч. 222. С. 140–190.
23. Веселовский Н.И. Несколько новых соображений по поводу «пересмотра» вопроса о происхождении гуннов // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1882. Ч. 223. С. 90–102.
24. Иловайский Д.И. Поборники норманизма и туранизма // *Русская старина*. 1882. Т. 36, вып. 10-12. С. 585–619.
25. Васильевский В.Г. Еще раз о мнимом славянстве гуннов (ответ Д.И. Иловайскому) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1883. Ч. 226. С. 346–392.
26. Иловайский Д.И. Еще о туранизме в славянской истории // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1883. Ч. 228. С. 347–389.
27. Васильевский В.Г. О построении крепости Саркела (полемическая заметка) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1889. Ч. 265. С. 273–289.
28. Иловайский Д.И. Исторические отметки // *Русский вестник*. 1890. Т. 206, январь. С. 192–208.
29. Васильевский В.Г. Введение в «Житие» св. Георгия Амастридского // *Васильевский В.Г. Труды*. Петроград : Тип. Императорской Академии наук, 1915. Т. 3. С. I–CXLI.
30. Васильевский В.Г. Введение в «Житие» св. Стефана Сурожского // *Васильевский В.Г. Труды*. Петроград : Тип. Императорской Академии наук, 1915. Т. 3. С. CLII–CCLXXXIII.
31. Иловайский Д.И. Историко-критические заметки // *Русский архив*. 1895. Т. 86, вып. 1-4. С. 249–264.
32. Худолеев А.Н. Историко-критические размышления Д.И. Иловайского в дореволюционных отечественных исторических журналах // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. № 59. С. 117–121.
33. Худолеев А.Н. Историко-критические отзывы и размышления В.О. Ключевского в дореволюционной периодической печати и изданиях // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2021. № 74. С. 157–163.

References

1. Bezobrazov, P.V. (1899) V.G. Vasil'evskiy [G. Vasilevsky]. *Vizantiyskiy vremennik*. 6. pp. 636–658.
2. Grevs, I.M. (1899) Vasilij Grigor'evich Vasil'evskiy kak uchitel' nauki [Vasily Grigorievich Vasilevsky as a teacher of science]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 324. pp. 27–74.
3. Maykov, L.N. (1899) Pamyati V.G. Vasil'evskogo [In memory of V.G. Vasilevsky]. *Russkaya starina*. 98(4-6). pp. 581–585.
4. Lebedev, N. (1944) Akademik V.G. Vasil'evskiy i ego raboty po istorii Vizantii [Academician V.G. Vasilevsky and his works on the history of Byzantium]. *Istoricheskiy zhurnal*. 5/6. pp. 74–82.

5. Tsamutali, A.N. (1991) Peterburgskaya shkola vizantinovedeniya [Petersburg School of Byzantine Studies]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. 23. pp. 5–19.
6. Uspenskiy, F.I. (1899) Akademik Vasiliiy Grigor'evich Vasil'evskiy [Academician Vasily Grigorievich Vasilevsky]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 325. pp. 291–342.
7. Grekov, B.D. (1939) Istoriya drevnikh slavyan i Rusi v rabotakh akademika V.G. Vasil'evskogo [The history of the ancient Slavs and Rus' in the works of Academician V.G. Vasilevsky]. *Vestnik drevney istorii*. 1. pp. 338–351.
8. Litavrin, G.G. (1994) Vasiliiy Grigor'evich Vasil'evskiy – osnovatel' Sankt-Peterburgskogo tsentra vizantinovedeniya (1838–1899) [Vasily Grigorievich Vasilevsky – the founder of the St. Petersburg Center for Byzantine Studies (1838–1899)]. *Vizantiyskiy vremennik*. 55(1). pp. 5–21.
9. Pletneva, A.V. (2015) V.G. Vasil'evskiy i D.I. Ilovayskiy – dvadtsat' let polemiki vokrug osnovnykh voprosov proiskhozhdeniya Rusi [V.G. Vasilevsky and D.I. Ilovaisky – twenty years of controversy around the main issues of the origin of Rus']. *Rossiyskaya gosudarstvennost' v litsakh i sud'bakh ee sozidateley: IX–XXI vv.* [Russian statehood in the faces and fates of its creators: 9th – 21st centuries]. Proc. of the Fourth International Conference. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University. pp. 173–177.
10. Ilovayskiy, D.I. (1876a) *Razyskaniya o nachale Rusi: vmesto vvedeniya v russkuyu istoriyu* [Inquiries about the beginning of Rus': instead of an introduction to Russian history]. Moscow: Tip. Gracheva i K°.
11. Vasilevskiy, V.G. (1872) Vizantiya i pechenegi (1048–1094) [Byzantium and the Pechenegs (1048–1094)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 164. pp. 116–165; 243–296.
12. Ilovayskiy, D.I. (1873) Zametki o russkikh issledovaniyakh iz vizantiyskoy istorii [Notes on Russian research from Byzantine history]. *Russkiy arkhiv*. 21(1-6). pp. LVII–0432.
13. Vasilevskiy, V.G. (1874) Varyago-russkaya i varyago-angliyskaya družhina v Konstantinopole XI i XII vekakh [Varangian-Russian and Varangian-English squad in Constantinople in the 11th and 12th centuries]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 176. pp. 105–144.
14. Vasilevskiy, V.G. (1875a) Varyago-russkaya i varyago-angliyskaya družhina v Konstantinopole XI i XII vekakh [Varangian-Russian and Varangian-English squad in Constantinople in the 11th and 12th centuries]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 177. pp. 394–451.
15. Vasilevskiy, V.G. (1875b) Varyago-russkaya i varyago-angliyskaya družhina v Konstantinopole XI i XII vekakh [Varangian-Russian and Varangian-English squad in Constantinople in the 11th and 12th centuries]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 178. pp. 76–152.
16. Ilovayskiy, D.I. (1875) Dva novykh issledovaniya po nachal'noy russkoy istorii (gg. Vasil'evskogo i Millera) [Two new studies on the initial Russian history (Messrs. Vasilevsky and Miller)]. *Drevnyaya i novaya Rossiya*. 5. pp. 84–90.
17. Vasilevskiy, V.G. (1875c) O varyago-russkakh (otvet D.I. Ilovayskomu) [About the Varangians-Russians (answer to D.I. Ilovaisky)]. *Drevnyaya i novaya Rossiya*. 12. pp. 396–405.
18. Ilovayskiy, D.I. (1876b) Zaklyuchitel'noe slovo moim protivnikam-normanistam [Final word to my Norman opponents]. *Drevnyaya i novaya Rossiya*. 2. pp. 203–208.
19. Vasilevskiy, V.G. (1875d) Russko-vizantiyskie otryvki [Russian-Byzantine passages]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 182. pp. 270–315.
20. Ilovayskiy, D.I. (1872) Eshche o normanizme [More about Normanism]. *Russkiy vestnik*. 102. pp. 109–141; 469–508.
21. Ilovayskiy, D.I. (1882) *Razyskaniya o nachale Rusi: vmesto vvedeniya v russkuyu istoriyu: s prisoedineniem voprosa o gunnakh* [Inquiries about the beginning of Rus': For the introduction to Russian history: with the addition of the question of the Huns]. 2nd ed. Moscow: Tip. byvsh. Millera.
22. Vasilevskiy, V.G. (1882) O mnimom slavyanstve gunnov, bolgar i roksolan [On the Imaginary Slavdom of the Huns, Bulgarians and Roxolans]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 222. pp. 140–190.
23. Veselovskiy, N.I. (1882) Neskol'ko novykh soobrazheniy po povodu “peresmotra” voprosa o proiskhozhdenii gunnov [Several new considerations regarding the “revision” of the question of the Huns origin]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 223. pp. 90–102.
24. Ilovayskiy, D.I. (1882) Poborniki normanizma i turanizma [Advocates of Normanism and Turanism]. *Russkaya starina*. 36(10-12). pp. 585–619.
25. Vasilevskiy, V.G. (1883) Eshche raz o mnimom slavyanstve gunnov (otvet D.I. Ilovayskomu) [Once again about the imaginary Slavdom of the Huns (answer to D.I. Ilovaisky)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 226. pp. 346–392.
26. Ilovayskiy, D.I. (1883) Eshche o turanizme v slavyanskoy istorii [More about Turanism in Slavic history]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 228. pp. 347–389.
27. Vasilevskiy, V.G. (1889) O postroenii kreposti Sarkela (polemicheskaya zametka) [On the construction of the Sarkel fortress (a polemical note)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 265. pp. 273–289.
28. Ilovayskiy, D.I. (1890) Istoricheskie otmetki [Historical marks]. *Russkiy vestnik*. 206. pp. 192–208.
29. Vasilevskiy, V.G. (1915a) *Trudy* [Works]. Vol. 3. Petrograd: Imperial Academy of Sciences. pp. I–CXLI.
30. Vasilevskiy, V.G. (1915b) *Trudy* [Works]. Vol. 3. Petrograd: Imperial Academy of Sciences. pp. CLII–CCLXXXIII.
31. Ilovayskiy, D.I. (1895) Istoriko-kriticheskie zametki [Historical and critical notes]. *Russkiy arkhiv*. 86(1-4). pp. 249–264.
32. Khudoleev, A.N. (2019) The historical and critical musings of D.I. Ilovaisky in pre-revolutionary Russian historical journals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 59. pp. 117–121. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/59/16
33. Khudoleev, A.N. (2021) The historical and critical reviews and reflections of V.O. Klyuchevsky in pre-revolutionary periodicals and publications. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 74. pp. 157–163. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/74/19

Сведения об авторе:

Худолеев Алексей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и обществознания факультета истории и права Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия). E-mail: khudoleev73@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Khudoleev Aleksey N. – Doctor of Historical sciences, Associate Professor, Professor of the department of history and social studies, faculty of history and law, Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: khudoleev73@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 01.03.2023; accepted for publication 22.05.2023

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья

УДК 94(57)

doi: 10.17223/19988613/83/20

Межэтническое разделение труда в Акмолинской области по данным переписи 1897 г.

Василий Павлович Зиновьев

Томский государственный университет, Томск, Россия;

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, vpz@tsu.ru

Аннотация. Рассматривается межэтническое разделение труда в Акмолинской области в конце XIX в. На основе данных переписи 1897 г. доказываем, что кочевое скотоводство было главным в жизни казахского населения области. Основным занятием пришлого населения – великорусских, малорусских и других выходцев из Европейской России – было земледелие. Евреи, татары, поляки определились как в основном городское население, занятое ремеслом и торговлей.

Ключевые слова: Акмолинская область, межэтническое разделение труда, хозяйственное освоение, русские, казахи, татары

Благодарности: Результаты исследования получены при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Акмолинской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 152–156. doi: 10.17223/19988613/83/20

Original article

Interethnic division of labor in the Akmolinsk region according to the census of 1897

Vasily P. Zinoviev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation; University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, vpz@tsu.ru

Abstract. The interethnic division of labor in the Akmola region at the end of the XIX century is considered. The analysis of the 1897 census data for the Akmola region showed that the census took into account only 682,308 people, including 150,773 self-employed persons and 531,535 persons living at their expense. Thus, the occupations of the population as a whole provided a simple reproduction of the labor force. One employed person supported himself and an average of three and a half dependants. Of the total number of the self-employed population, 67,990 or 45.1% belonged to alien peoples, 82,783 or 54.9% belonged to Siberian indigenous peoples (Kyrgyz), 186,928 or 35.2% of the dependants belonged to alien peoples, and 344,607 or 64.8% belonged to Siberian indigenous peoples. The share of self-employed persons among the newcomers was 26.8%, among the indigenous population of the region – 19.4%. The difference of 7.4% indicates the presence of a large number of workers who came to work from outside the region and stayed for the winter. These are most likely the builders of the Siberian Railway and its infrastructure. The ratio of the self-employed population and dependants among the Kyrgyz-Kaysaks 1 to 4 indicates an expanded reproduction of this ethnic group. Newcomers were employed in all spheres of activity, most of all – in agriculture – 34,932 (51.3%), in industry – 8,542 (12.6%), in service – 7,543 (11.1%), existed at the expense of rent – 3,345 (4.9%), engaged in trade – 4,247 (6.2%), on transport and communications – 2,121 (3.1%), in military service – 3,404 (5.0%), in management – 1,295 (1.9%), engaged in forestry – 223 (0.3%), were in penitentiary institutions – 573 (0.8%), engaged in fishing and hunting – 371 (0.5%), animal husbandry – 321 (0.5%), in education and medicine – 815 (1.2%), in correction of religious cults – 310 (0.4%), etc. Most of the newcomers were Russians. They provided most of the employed in all spheres of the national economy of the region, with the exception of animal husbandry, in which Kirghiz-Kaysaks absolutely dominated. Russians also made up a large part of all estates, with the exception of foreigners. They were the main inhabitants of the cities of the region: 52,971 people or 70.1% of the 74,752 people of the urban population.

The author proves that by the end of the XIX century, the interethnic division of labor in the Akmola region was preserved in relation to the largest Kyrgyz (Kazakh) ethnic group, which was still engaged in traditional cattle breeding. It should also be noted that the indigenous population of the region, as in other regions of Siberia, was foreign to the cities and almost did not engage in industrial labor. The alien population, in which Russians predominated, differed little in the nature of their work in rural areas, they were engaged in agriculture. The urban ethnoses are Jews, and in the conditions of the Steppe they were engaged in handicrafts and trade. They competed with the Tatars, who traditionally performed trading functions in the Steppe and did not give up their place to the newcomers of the townspeople. The Great Russian population performed the main binding economic, cultural and managerial functions, preserving traditional agriculture as the leading occupation.

Keywords: Akmola region, inter-ethnic division of labor, economic development, Russians, Kazakhs, Tatars

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 “Human and the changing Space of Ural and Siberia”.

For citation: Zinoviev, V.P. (2023) Interethnic division of labor in the Akmolinsk region according to the census of 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 152–156. doi: 10.17223/19988613/83/20

Настоящая статья является продолжением исследования малоизученной проблемы межэтнического разделения труда в Сибири. Начата она Е.В. Карих, которая защитила на эту тему кандидатскую диссертацию, опубликовала монографию и ряд статей о межэтническом разделении труда русских и коренных народов Сибири [1, 2]. Она доказала факт существования межэтнического разделения труда в Западной Сибири. Статистический анализ переписи 1897 г. по Восточной Сибири и Дальнему Востоку для определения характера межэтнического разделения труда ею был ограничен статьей об этнической структуре населения Якутской области [3].

Анализ материалов переписи населения Российской империи 1897 г. по Енисейской губернии подтвердил вывод Е.В. Карих о делении населения на скотоводов-тюрок на юге губернии, пришлых, в основном русских, земледельцев в средней ее полосе и охотников и рыболовов эвенков и ненцев в таежной и арктической зонах [4. С. 122–121]. Материалы переписи 1897 г. по Иркутской губернии показывают, что буряты Прибайкалья были уже больше земледельцами, чем скотоводами [5. С. 114–123]. Оценка характера межэтнического разделения труда в Забайкальской области по данным Первой всероссийской переписи населения 1897 г., наоборот, показала, что буряты сохранили скотоводство как основной вид деятельности, а тунгусы оказались более склонны к земледелию [6]. Таким образом, разрушение традиционных систем жизнеобеспечения у коренных народов Сибири в разных районах Сибири шло не синхронно, но в направлении перехода к земледелию как к более эффективному способу получения средств существования. В настоящей статье анализируется срез межэтнического разделения труда в Акмолинской области, в которой преобладающим населением были киргиз-кайсаки (казахи).

Сведения таблицы XXII «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка» по Акмолинской области в обобщенном виде представлены в табл. 1 настоящей статьи. Необходимо дать к ней пояснения. В ней выделены европейские народы, пришедшие в Сибирь начиная с XVII в. из-за Урала и Центральной Азии, и так называемые коренные народы Сибири. К последним по данным переписи 1897 г. в области можно уверенно отнести

только киргизов (казахов). Татары в табл. 1 не разделены на сибирских, казанских и бухарских, поэтому они все внесены в пришлое население. Также выделены наиболее крупные по численности пришлые народы – русские (великороссы и малороссы), мордва, немцы, поляки, евреи, татары.

Данные в табл. 1 сгруппированы по той же форме, что и по другим областям и губерниям Сибири, чтобы получить сравнимый материал по всей территории Северной Азии. Рубрики таблицы XXII «Род занятий населения» из переписи в табл. 1 были укрупнены по той же методике, что и по другим регионам, поскольку для анализа межэтнического разделения труда не требуется столь подробного определения рода занятий населения.

Анализ данных табл. 1 показывает, что в Акмолинской области перепись 1897 г. учла всего 682 308 чел., в том числе 150 773 самодеятельных лица и 531 535 лиц, живущих за счет их средств. Таким образом, занятия населения в целом обеспечивали простое воспроизводство рабочей силы. Один занятый содержал себя и в среднем трех с половиной иждивенцев. Из общего числа самодеятельного населения 67 990, или 45,1%, относились к пришлым народам, 82 783, или 54,9%, – к сибирским коренным народам (киргизам), из числа иждивенцев 186 928, или 35,2%, относились к пришлым народам, а 344 607, или 64,8%, – к сибирским коренным народам. Доля самодеятельных лиц в числе пришлого населения составляла 26,8%, у коренного населения области – 19,4%. Разница в 7,4% свидетельствует о присутствии большого числа отходников, пришедших на заработки из-за пределов области и оставшихся на зиму. Это, вероятнее всего, строители Сибирской железной дороги и ее инфраструктуры. Показатель соотношения самодеятельного населения и иждивенцев у киргиз-кайсаков 1 к 4 свидетельствует о расширенном воспроизводстве данного этноса.

Коренные жители Акмолинской области, на 100% киргизы (казахи), занимались преимущественно животноводством – 75 758 (89,1%), земледелием – 3 163 (3,8%), услугами 2 719 (3,3%), торговлей – 924 (1,1%). В остальных сферах народного хозяйства были представлены немногие из коренного народа области. В городах жили всего 6 758 киргизов, в том числе самодеятельных – 2 596 чел. [7. С. 84, 91–99].

Таблица 1

Распределение населения Акмолинской области по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г.

№	Род занятий населения	Население области		Пришлые народы		Коренные народы Сибири (киргиз-кайсаки)		Великороссы	
		Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы
1–3	Управление	1 367	2 826	1 295	2 694	72	132	1 194	2 551
4	Военнослужащие	3 406	802	3 404	797	2	5	2 914	772
5–8	Служители культа	334	736	310	681	24	55	246	491
9–12	Образование, наука, культура, медицина	1 062	1 497	815	1 228	247	269	625	985
13	Прислуга	10 262	6 769	7 543	4 039	2 719	2 730	6 398	3 140
14–15	Рантье	3 628	2 156	3 345	2 055	283	101	2 924	1 740
16	Арестанты	657	–	573	–	84	–	433	–
17–18	Земледелие и пчеловодство	38 095	154 762	34 932	146 514	3 163	8 248	23 103	93 264
19	Животноводство	74 079	329 390	321	779	73 758	328 611	241	480
20	Лесные промыслы	292	532	223	398	69	134	212	380
21	Рыболовство, охота	435	1 044	371	892	64	152	368	881
22–40	Промышленность	8 627	13 999	8 542	12 784	85	1 215	6 256	9 862
41–45	Транспорт и связь	2 277	5 599	2 121	5 494	156	105	1 849	3 392
46–62	Торговля	5 196	9 689	4 272	6 542	924	3 147	2 831	5 261
63	Неопределенные занятия	545	518	469	460	76	58	377	318
64	Проституция	51	16	51	16	–	–	46	16
65	Занятия не указаны	761	611	482	245	279	366	439	210
Итого		150 773	531 535	67 990	186 928	82 783	344 607	50 447	123 845

№	Малороссы		Поляки		Татары		Мордва		Немцы		Евреи	
	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы
1–3	25	25	32	41	15	43	9	20	8	9	3	–
4	25	7	8	8	291	–	31	–	2	10	32	–
5–8	9	15	2	5	33	120	1	–	1	1	10	32
9–12	23	21	33	8	73	167	4	5	154	48	14	17
13	219	114	116	26	502	599	39	39	135	39	23	28
14–15	45	8	48	12	201	254	13	1	32	7	39	60
16	54	–	11	–	28	–	13	–	7	–	5	–
17–18	8 966	40 607	42	85	370	1 492	1 441	6 707	702	3 299	8	20
19	16	30	1	–	43	154	–	–	2	2	–	–
20	3	8	1	1	–	2	3	5	2	–	–	–
21	2	7	1	1	–	–	1	3	–	–	–	–
22–40	254	415	141	112	576	1 603	60	99	141	225	146	375
41–45	40	61	100	118	51	115	3	4	27	47	2	4
46–62	30	30	66	82	983	2 951	10	17	18	26	174	604
63	12	18	8	1	28	27	6	9	3	–	7	9
64	1	–	2	–	–	–	–	–	1	–	1	7
65	13	1	4	4	18	20	1	1	–	–	6	7
Итого	9 743	41 360	618	524	3 272	7 547	1 637	6 909	1 069	3 696	474	1 139

Примечание. Составлено по: [7. С. 84, 88–93]

Доля киргизов в населении городов Акмолинской губернии составила 9%; от численности всего киргизского населения области горожане составили 1,6%. Они и были учтены переписью преимущественно как занятые в услугах и торговле (см. табл. 1).

Насколько изменился за время нахождения в империи сословный статус инородцев Акмолинской области, дает представление таблица XXIV «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям» [7. С. 122–130]. На основании данных таблицы XXIV были выделены сведения о распределении наиболее крупных народов области по сословиям (табл. 2). Анализ пока-

зывает, что сословная идентичность киргизов области практически не была нарушена к концу XIX в. В имперские сословия перешли только 1 155 киргизов, из них почти половина – 544 чел. – относились к родовой аристократии Степи, что не нарушало традиций кочевого населения. Таким образом, лишь 0,14% казахов утратили сословную идентичность, а традиционные занятия утратили около 10% киргиз-кайсаков.

Пришлые были заняты во всех сферах деятельности, более всего в земледелии – 34 932 (51,3%), в промышленности – 8 542 (12,6%), в услужении – 7 543 (11,1%), существовали за счет ренты – 3 345 (4,9%), заняты

в торговле – 4 247 (6,2%), на транспорте и в связи – 2 121 (3,1%), в военной службе – 3 404 (5,0%), в управлении – 1 295 (1,9%), заняты лесными промыслами – 223 (0,3%), находились в пенитенциарных заведениях – 573 (0,8%), заняты рыболовством и охотой – 371 (0,5%), животноводством – 321 (0,5%), в образовании и медицине – 815 (1,2%), в исправлении религиозных культов – 310 (0,4%) и т.д. Основную часть пришлого населения

составляли русские. Они обеспечивали большую часть занятых во всех сферах народного хозяйства области за исключением животноводства, в котором абсолютно преобладали киргиз-кайсаки. Русские составляли также большую часть всех сословий, за исключением инородцев. Они же были основными жителями городов области: 52 971 чел., или 70,1%, из 74 752 чел. городского населения.

Таблица 2

Распределение населения Акмолинской области по сословиям и по родному языку по данным переписи 1897 г.

Народы	Сословия							Всего
	Дворяне	Купцы и почетные граждане	Мещане	Крестьяне	Казаки	Инородцы	Прочие	
Все народы	6 991	1 609	32 075	138 389	74 707	427 892	1 113	682 608
в том числе:								
русские*	5 887	1 089	24 433	122 646	69 329	540	888	225 641
поляки	318	23	355	433	–	–	13	1 142
немцы	76	16	134	4 542	–	–	20	4 791
евреи	6	110	1 276	199	–	–	22	1 613
мордва	–	–	413	4 395	4 361	–	9	9 230
татары	135	335	5 093	3 814	922	451	69	10 819
киргизы	544	14	116	390	91	426 219	15	427 389

Примечания. * – великороссы, малороссы, белорусы. Составлено по: [7. С. 122–123].

Особенностью состава населения Акмолинской области было значительное число переселенцев из малороссийских губерний – 51 103 чел., которые почти все (49 573 чел.) учтены переписью как земледельцы. Русские (великороссы и малороссы) концентрировались преимущественно в трех северных уездах области – Омском, Петропавловском и Кокчетавском.

Три этноса – поляки, татары и евреи – были в Акмолинской области преимущественно городскими и занимались в основном ремеслом, торговлей, транспортом и услугами. В этих отраслях были заняты 68% поляков, 65% татар. Ремеслом и торговлей также были заняты 68% евреев. Эти этносы входили в городские сословия дворян, почетных граждан, купцов и мещан, среди татар таких было 51%, поляков – 61%, евреев – 86%. Особенностью городов Акмолинской области, как и Семипалатинской, была значительная доля татар в рядах купечества и мещанства [8]. В среде военных была заметной доля татар и евреев-кантонистов, среди управленцев – доля поляков.

Немцы были заняты в основном земледелием (колонисты Омского уезда – 2 851 чел., Акмолинского уезда – 1 174 чел.), заметной их доля была среди лиц интеллигентных профессий, ремесленников и прислуги (см. табл. 1).

Особенностью населения Акмолинской области было присутствие значительного числа мордвы среди

крестьян и казаков (см. табл. 1). Они появились здесь как поверстанные в Сибирское казачье войско в 1849 и 1851 гг. из уездов Саратовской и Оренбургской губерний. Численность их составляла 2,9 тыс. чел, а в начале XX в. – около 8 тыс. чел. По мнению Г.Е. Катанаева, численность их в Киргизской степи выросла только за счет естественного прироста [9].

Таким образом к концу XIX в. межэтническое разделение труда в Акмолинской области сохранялось применительно к наиболее крупному киргизскому (казахскому) этносу, который по-прежнему занимался традиционным скотоводством. Также следует отметить, что коренное население области, как и в других регионах Сибири, чуждалось городов и почти не занималось индустриальным трудом.

Пришлое население, в котором преобладали русские, мало различалось по характеру трудовой деятельности в сельской местности: оно занималось земледелием.

Городские евреи и в условиях Степи занимались ремеслом и торговлей. Они составляли конкуренцию татарам, традиционно выполнявшим в Степи торговые функции и не уступившим свое место пришлым горожанам. Великорусское население выполняло основные связующие хозяйственные, культурные и управленческие функции, сохраняя традиционное земледелие как ведущее занятие.

Список источников

1. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. Томск : Изд-во Том. ун-та. Томск, 2004. 232 с.
2. Карих Е.В. Экономические связи эвенков и русских на севере Иркутской губернии во второй четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 113–114.
3. Карих Е.В. Этническая структура населения Якутской области в конце XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92–95.
4. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Енисейской губернии по данным переписи 1897 г // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 137–141. doi: 10.17223/19988613/76/16
5. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Иркутской губернии по данным переписи 1897 г. // Известия Иркутского государственного университета. История. 2022. Т. 40. С. 40–48. doi: 10.26516/2222- 9124.2022.40.40
6. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Забайкальской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 149–154. doi: 10.17223/19988613/78/19

7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Центральная типо-лит. М.Я. Минкова 1904. Т. LXXXI: Акмолинская область. 135 с.
8. Зиновьев В.П. Национальный состав купечества и мещанства Северной Азии по переписи населения Российской империи 1897 г. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XX вв. : тезисы докладов Пятой междунар. науч. конф. (Новосибирск, 27–29 сентября 2022 г.) / Ин-т истории Сиб. отд-ния и др.; сост. А. И. Раздорский. СПб. ; Новосибирск, 2022. 311 с. С. 109–111.
9. Андреев С.М. Мордва в этническом составе сибирского казачества (по материалам Г.Е. Катанаева 1890–1891 гг.) // Архивный вестник : ежегодник архивного управления администрации Омской области. Омск, 1994. № 5. С. 26–29.

References

1. Karikh, E.V. (2004) *Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya* [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Karikh, E.V. (2009) Ekonomicheskie svyazi evenkov i russkikh na severe Irkutskoy gubernii vo vtoroy chetverti XIX v. [Economic relations of the Evenks and Russians in the north of Irkutsk province in the second quarter of the XIX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 320. pp. 113–114.
3. Karikh, E.V. (2007) Etnicheskaya struktura naseleniya Yakutskoy oblasti v kontse XIX veka [Ethnic structure of the population of the Yakut region in the late 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 296. pp. 92–95.
4. Zinoviev, V.P. (2022a) Interethnic division of labor in the Yenisei province according to the census of 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 137–141. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/76/16
5. Zinoviev, V.P. (2022b) Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Irkutskoy gubernii po dannym perepisi 1897 g. [Interethnic division of labor in the Irkutsk province according to the 1897 census]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoricheskaya*. 40. pp. 40–48. DOI: 10.26516/2222-9124.2022.40.40
6. Zinoviev, V.P. (2022c) Interethnic division of labor in the Trans-Baikal region according to the census of 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 149–154. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/78/19
7. Troynitsky, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897]. Vol. LXXXI. St. Petersburg: M.J. Minkov.
8. Zinoviev, V.P. (2022d) Natsional'nyy sostav kupechestva i meshchanstva Severnoy Azii po perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. [The national composition of the merchants and bourgeoisie of North Asia according to the census of the Russian Empire in 1897]. *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XX vv.* [Trade, Merchants and Customs in Russia in the 16th–20th Centuries]. Proc. of the Fifth International Conference. Novosibirsk, September 27–29, 2022]. St. Petersburg: Novosibirsk: Institute of History RAS. pp. 109–111.
9. Andreev, S.M. (1994) Mordva v etnicheskom sostave sibirskogokazachestva (po materialam G.E. Katanaeva 1890–1891 gg.) [Mordva in the ethnic composition of the Siberian Cossacks (based on the materials of G.E. Katanaev, 1890–1891)]. *Arkhivnyy vestnik. Ezhegodnik arkhivnogo upravleniya administratsii Omskoy oblasti*. 5. pp. 26–29.

Сведения об авторе:

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: vpz@tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zinoviev Vasilii P. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Leading Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Space Research of the University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 01.03.2023; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья
УДК 314.5 (571.1/5)
doi: 10.17223/19988613/83/21

Ищу квартиру, работу, шамана: социальные медиа как механизм структурной адаптации внутренних мигрантов в Сибири

Федор Анатольевич Сметанин^{1, 2}, Дмитрий Олегович Тимошкин²,
Кирилл Андреевич Иванов³, Диана Евгеньевна Брызгина⁴

^{1, 2, 3, 4} *Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия*

^{1, 4} *Томский государственный университет, Томск, Россия*

² *Сибирский федеральный университет, Красноярск, России*

¹ *f-smetanin@mail.ru*

² *dmtrim@gmail.com*

³ *ivanov-ka@word.isu.ru*

⁴ *br.diana21@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются практики использования цифровых коммуникационных площадок внутренними мигрантами для поиска работы и жилья, накопления социального и финансового капитала. По результатам анализа более 2,5 тыс. текстов, размещенных в «мигрантских» социальных медиа, делается вывод о сходстве проблем и механизмов их преодоления, обсуждаемых на площадках внутренних и трансграничных мигрантов. Ключевая тема рассмотренных текстов – дефицит жизненно необходимых сконцентрированных в городе ресурсов. Восполнить дефицит внутренние и трансграничные мигранты пытаются с помощью неформальных горизонтальных сетей, чьи возможности усиливаются благодаря цифровым технологиям.

Ключевые слова: внутренние мигранты, цифровые коммуникационные площадки, горизонтальные сети, структурная адаптация, трансграничные мигранты

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10075; <https://rscf.ru/project/22-78-10075/>

Для цитирования: Сметанин Ф.А., Тимошкин Д.О., Иванов К.А., Брызгина Д.Е. Ищу квартиру, работу, шамана: социальные медиа как механизм структурной адаптации внутренних мигрантов в Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 157–166. doi: 10.17223/19988613/83/21

Original article

Looking for an apartment, a job, a shaman: social media as the structural adaptation of the internal migrants in Siberia

Fedor A. Smetanin^{1, 2}, Dmitry O. Timoshkin², Kirill A. Ivanov³, Diana E. Bryazgina⁴

^{1, 2, 3, 4} *Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation*

^{1, 4} *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation*

¹ *f-smetanin@mail.ru*

² *dmtrim@gmail.com*

³ *ivanov-ka@word.isu.ru*

⁴ *br.diana21@gmail.com*

Abstract. The article discusses the practices of using digital communication platforms by internal migrants to find work and housing, and to accumulate social and financial capital. The purpose of the study is to consider digital communication platforms of interregional and intraregional migrants in Siberia – the groups in «Vkontakte» and «Odnoklassniki» and thematic branches of forums - as one of the factors influencing the process of their structural adaptation. The empirical base consists of more than 2.5 thousand texts posted in social media platforms of migrants. The issues related to rental housing, seeking employment and other aspects of the functional inclusion of migrants in the socio-economic life of the host city are discussed at these platforms. This interest is due to the fact that we know little about internal micro-level migration to Siberia, the problems people face when crossing regional borders, and how they use digital technologies to solve these problems. Considering the city as a network structure that accumulates, produces and redistributes resources,

we can say that digital platforms are used by marginalized groups, including cross-border migrants, to connect to such resource as "network nodes". It is a kind of interfaces and spaces associated with certain sequences of actions. People can get regular access to city resources performing these ones. It is also known that the digital communication platforms are the mechanisms for supporting "transnational" communities, providing sustainable communication and logistics between the region of origin and the host region. The key problem that appears in most of the reviewed texts is the lack of resources - information, social capital and money. It can be concluded that internal migrants use digital technologies to facilitate the process of structural adaptation to the host city. They do it in a similar way to cross-border migrants. The use of digital technologies allows them not only to accumulate the experience necessary for building mental simulations of the key moments of the migration path, but also to take it out of space and the current moment.

Keywords: internal migrants, digital communication platforms, horizontal networks, structural adaptation, cross-border migrants

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation № 22-78-10075; <https://rscf.ru/project/22-78-10075/>

For citation: Smetanin, F.A., Timoshkin, D.O., Ivanov, K.A., Bryazgina, D.E. (2023) Looking for an apartment, a job, a shaman: social media as the structural adaptation of the internal migrants in Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 157–166. doi: 10.17223/19988613/83/21

Внутренняя миграция, движение между регионами, имеющими культурную, экономическую и социальную специфику, может быть столь же стрессогенным и сложным событием, что и пересечение национальных границ. Для человека, переехавшего из деревни в большой город, это может означать длительный и затратный период адаптации к новым условиям, включения в непривычные экономические и социальные отношения. В такой ситуации одним из самых доступных ресурсов оказываются социальные медиа, которые позволяют искать поддержку и помощь за пределами принимающей среды. В статье мы рассматриваем цифровые коммуникационные площадки межрегиональных мигрантов в Сибири – группы во «ВКонтакте» и «Одноклассниках», тематические ветки форумов, – как один из факторов, влияющих на процесс их структурной адаптации [1. С. 32–33].

Нас интересовала обсуждаемая в «мигрантских» социальных медиа проблематика, связанная с арендой жилья, поиском работы и другими аспектами функционального включения мигрантов в социально-экономическую жизнь принимающего города. Этот интерес обусловлен тем, что мы мало знаем о внутренней миграции в Сибири на микроуровне, о проблемах, с которыми сталкиваются конкретные люди, пересекающие региональные границы, и о том, каким образом они используют цифровые технологии для решения этих проблем.

Авторы работ по внутренней миграции в России, как правило, анализируют ее на макроуровне [2, 3]. Они описывают проблему оттока населения из малых городов в крупные [4], демографические характеристики мигрантов [5], последствия миграции для регионов исхода [6]. Исключение составляют тексты о «видимых меньшинствах», в частности выходцев с Северного Кавказа в Москве и других городах [7], межэтнических отношениях [8], взаимодействии между мигрантами и принимающим сообществом [9], вопросах ценностного соответствия приезжих и местных [10]. Затрагивая тему адаптации / интеграции внутренних мигрантов, авторы чаще обсуждают проблему культурной «инаковости» [11] последних. Некоторые исследователи

утверждают, что общероссийские «метакультурные ценности» [7] позволяют внутренним мигрантам считаться «своими» априори, вне зависимости от региона исхода, что делает проблему адаптации для них неактуальной.

Проблемы структурной адаптации, возникающие при переезде из региона в регион, остаются вне исследовательского фокуса. Межрегиональные мигранты не рассматриваются как маргиналы, оказавшиеся между двумя воображаемыми сообществами [12] и погруженные в типичную для этого состояния [13] проблематику, столь подробно описанную на примере мигрантов трансграничных. В частности, описаны проблемы занятости и экономической активности [14], языковой интеграции [15], преодоления ксенофобии [16], предотвращения криминальной активности [17], этнокультурной адаптации детей мигрантов [18], выработки правовых механизмов интеграции [19] и многие другие. Вслед за В.С. Малаховым [1. С. 21] мы предполагаем, что между внутренними и трансграничными мигрантами отсутствуют существенные различия, что позволяет предположить некоторое сходство в проблематике, с которой сталкиваются обе группы. Несмотря на то, что проблемы преодоления культурного и языкового барьера [20] перед внутренними мигрантами зачастую не стоит, они могут быть исключены из социальных и экономических сетей принимающего города. Это означает дефицит капитала, повышенный уровень неопределенности и большие риски. Если допустить сходство в проблематике, можно предположить, что и решаться эти проблемы будут схожим образом, в частности за счет случайных или поверхностных знакомств [21].

Довольно много сказано о том, как цифровые технологии помогают трансграничным мигрантам решать проблемы путем расширения возможностей «слабых связей», снижая издержки адаптации в принимающих городах [22]. Существует значительный массив работ, в которых анализируется роль цифровых технологий в обслуживании трансграничных миграционных потоков [23], в том числе и в России [24]. Рассматривая город как сетевую структуру, аккумулирующую, про-

изводящую и перераспределяющую ресурсы [25, 26], можно сказать, что цифровые площадки используются трансграничными мигрантами для подключения к ресурсным «сетевым узлам» [27]. Они являются своеобразными интерфейсами [28], пространствами, связанными с определенными последовательностями действий, выполняя которые люди могут получать регулярный доступ к городским ресурсам. Известно также, что цифровые коммуникационные площадки являются одним из механизмов поддержания «транснациональных» сообществ, обеспечивая устойчивую коммуникацию и логистику между регионом исхода и принимающим регионом [29].

Вопросы, поставленные нами, выглядели так: используются ли цифровые коммуникационные площадки внутренними мигрантами для решения типичных для маргинальных сообществ проблем, связанных в первую очередь со структурной адаптацией? Используются ли они для поиска жилья и работы, поддержания постоянных контактов с регионом исхода, расширения возможностей горизонтальных сетей, накопления социального капитала? Наконец, можно ли говорить о том, что пересечение границ между российскими регионами может приводить к тем же последствиям для мигранта, что и пересечение национальных границ?

Поиск материала осуществлялся в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники», на форуме Drom.ru. Выбор обусловлен популярностью этих площадок среди русскоязычных пользователей [30]. Мы искали группы внутренних мигрантов во встроенных поисковых системах социальных медиа, используя названия принимающих сибирских городов – Иркутск, Красноярск и Томск – в сочетании с синонимами слова «мигрант», региональными этнонимами, катаяконимами. Выбор городов обусловлен тем, что исследователи рассматривают их прежде всего как регионы-доноры, активно участвующие в «западном» дрейфе. Исследуются исходящие миграционные потоки, в то время как проблемам межрегиональных и внутрирегиональных мигрантов, въезжающих в эти города, внимания практически не уделяется.

В исследовании использовались материалы 15 сообществ ВКонтакте и 7 веток Drom.ru, релевантных поисковым запросам. Отобранные группы представляли собой доски объявлений, на которых предложения услуг, объявления о вакансиях и сдаче жилья внаем перемежались с просьбами о помощи, рассуждениями о мигрантской доле и взаимоотношениях новоприбывших и принимающего сообщества. В анализе учитывались площадки, на которых сохранялась постоянная пользовательская активность.

Следующим шагом был поиск текстов в пределах обнаруженных площадок. В первую очередь мы сконцентрировались на жилье и заработке [1. С. 23], так как именно обретение источника дохода и крыши над головой являются, по мнению ряда исследователей, одним из наиболее важных элементов «структурной адаптации» [31]. Всего было найдено 1 546 текстов с предложениями и поиском работы и 1 299 текстов с предложением и поиском жилья. Часть найденных текстов касалась других аспектов адаптации: накопле-

ния социального капитала, информации, построения логистических цепочек. Отвечая на поставленные вопросы, мы искали в массиве упоминания проблематики, связанной с «подключением» к экономике принимающих городов. Для того чтобы ответить на вопрос о сходстве в способах использования внутренними и трансграничными мигрантами цифровых площадок, мы сравнивали полученные данные с результатами более ранних исследований «мигрантской» цифровой экономики [32] и «мигрантских» горизонтальных сетей [33].

Цифровые площадки межрегиональных мигрантов как способ устранения дефицита ресурсов

Ключевой проблемой, фигурирующей в большинстве рассмотренных текстов, является дефицит ресурсов – информации, социального капитала и денег. Это характерно и для цифровых площадок трансграничных мигрантов. Дефицит ресурсов означает повышенную чувствительность к ситуациям, влекущим за собой непредвиденные расходы. У многих нет ни времени, ни денег, ни способа их заработать. В каждом десятом сообщении, касающемся поиска жилья или работы, говорится о неотложности этой задачи. Для внутреннего мигранта, как и для трансграничного, любой сбой, ведущий к незапланированным расходам, может оказаться настоящей катастрофой. Следы таких происшествий во множестве встречаются на рассматриваемых площадках (здесь и далее орфография и пунктуация сохранены):

<...> Мы оказались безвыходном положении, кто-нибудь помогите пожалуйста. Мы с подружкой снимали комнату, с нами ещё девушка жила. Оплату за сентябрь дали этой девушке. <...> А сегодня утром позвонил хозяин квартиры и требовал оплату комнаты. Мы сказали ему всё что было. А он нет она не отдавала и вообще не звонил ей. Он сказал либо деньги либо съезжайте. А у нас зарплата только в начале октября. И нам некуда пойти. <...>. Просим земляки, помогите пожалуйста [34].

В первую очередь пользователи пытаются как можно скорее ликвидировать дефицит ресурсов, снизив риск чрезвычайных ситуаций. Одним из способов сделать это становится поиск на цифровых площадках 3d (dirty, dangerous and demeaning) работы [35, 36]. Внутренние мигранты часто ищут «любую» [37] работу, либо указывают специальности, не требующие высокой квалификации: уборщиц, официантов, продавцов, санитарок. Подобный список содержится и в большинстве объявлений о найме. Внутренние мигранты также регулярно ищут и находят поденную работу – ремонт различных объектов, уборку квартир, раздачу листовок [38]. Востребованной являются вакансии с предоставлением жилья – няни, подсобных рабочих, сторожей. Работодатели также учитывают эту потребность [39].

О дефиците ресурсов говорит и предпочтительная форма оплаты труда: пользователи часто требуют ежедневной оплаты. Работодатели проговаривают такую возможность в своих объявлениях [40]. Популяр-

ность низкоквалифицированного труда говорит о том, что многие внутренние мигранты не имеют достаточных времени и денег для поиска более высокооплачиваемых и менее трудозатратных форм занятости. Тот факт, что подобные вакансии составляют абсолютное большинство на рассмотренных площадках, свидетельствует об определенной профессиональной сегрегации межрегиональных мигрантов, а также о готовности работодателей в принимающем регионе этим воспользоваться.

Дефицит ресурсов сказывается и на качестве искомого жилья. В ряде текстов пользователи указывают, что готовы тратить на аренду от 5 до 7 тыс. рублей в месяц, что составляет половину средней цены аренды в рассматриваемых городах. Из-за этого пользователи отдают предпочтение комнатам или стараются снимать квартиры совместно с другими мигрантами, что осознают и арендодатели: большая часть сдает именно комнаты [41, 42]. В части объявлений о поиске жилья упоминается плачевное материальное положение: кто-то пишет, что не может оплачивать повысившуюся аренду и хочет узнать, как сэкономить на коммунальных услугах [43], или о том, что аренда отнимает немалую часть их дохода [44]. Часть объявлений публикуется студентами [45, 46], также не имеющими средств на аренду отдельной квартиры.

Обсуждается и дефицит социального капитала, приводящий к чувству неуверенности в завтрашнем дне [47]. Помимо чувства опасности, преследующего мигранта, не включенного в локальные сети, подобный дефицит выражается в проблемах с доступом к привычным для выходцев из некоторых регионов культурным благам, вроде услуг шамана. Этот тип дефицита также восполняется с помощью цифровых коммуникационных площадок:

– Здравствуйте, посоветуйте ламу, шамана, бабушку, да без разницы. Который может сделать так, чтобы от нашей семьи отстал один человек. <...> Я не хочу что ему сделали плохое, пусть просто отстанет и живёт своей жизнью, ведь это уже пожилой человек, внуки есть [48].

– <...> с 7 по 11 октября в экспоцентре сибирь будут принимать самые сильные шаманы из бурятии, хакасии, туву. Уточните пожста, кто знает, админ анон корем! [49].

Дефицит социального капитала может вести к сложностям в других сферах жизни. Например, пользователи одной из тувинских групп в Красноярске отмечали, что они месяцами не могут найти квартиру [50]. Помимо работы и жилья пользователи ищут сочувствия, компанию для ознакомительных экскурсий, развлечений [51, 52]. Мигранты могут сами описывать свое состояние как маргинальное, видя в этом причину эмоционального кризиса:

Как справиться с переездом и апатии от этого переезда? В другом городе у меня остались друзья, хорошие знакомые, а тут никого. Познакомиться с кем-то не хватает социальных ресурсов, а одиночество к вечеру нагоняет тоску. Обрати переехать не советуйте, обстоятельства такие, что и при всём желании нет возможности.

– На новом месте не обойтись без маргинального чувства ненужности, одиночества, единственный выход это выстраивание новых коммуникаций, ты их по-любому уже строишь на работе, теперь забухай с коллегами [53].

Цифровые площадки открывают доступ к эмоциональной поддержке. Люди рефлексируют над собственным опытом проживания в чужом городе, описывают наиболее острые проблемы, в том числе одиночество и невозможность поделиться мыслями с кем-то, имеющим схожий опыт [54]. Другие пользователи спрашивают у земляков, переехавших в интересующий их город, как принимающее сообщество относится к выходцам из их региона [55, 56].

Можно заключить, что ключевая функция рассмотренных цифровых площадок – использовать то, что М. Грановеттер называл «слабыми связями» [21], для восполнения дефицита ключевых жизненно необходимых ресурсов. Тематика пользовательских сообщений подтверждает предположение о том, что они удалены от институциональных алгоритмов, регламентирующих доступ к жизненно необходимым безопасности, жилью, работе, социальному капиталу. Диалоги на цифровых площадках становятся сетевыми узлами, концентрирующими разнообразные рецепты того, как восполнить дефицит.

Доверие и адаптация в условиях неопределенности: сравнительный анализ площадок внутренних и трансграничных мигрантов

Типы дефицита, которые перечисляются в текстовом массиве «мигрантских» медиа, весьма схожи [32] вне зависимости от того, пересекали ли пользователи границы национальных государств. Значительная часть внутренних и трансграничных мигрантов находится в поисках совместной аренды. Многие ориентированы на аренду комнат в квартирах или же домах в частном секторе либо на городских окраинах. Внутренние и трансграничные мигранты претендуют на схожие вакансии, прежде всего, на рабочие места 3d-формата, такие как строительство и ремонт, курьерские службы, сфера обслуживания. В группах как внутренних, так и трансграничных мигрантов встречаются и предложения нелегального заработка – проституции и торговли наркотиками.

Что характерно, на тип вакансий, фигурирующий в той или иной группе, может влиять сфера деятельности, в которой задействованы администраторы и наиболее активные пользователи. Так, в одной из тувинских земляческих групп регулярно встречаются вакансии младшего медицинского персонала из-за того, что часть постоянных пользователей сделала карьеру в больницах принимающего города [57]. Подобные практики можно без труда отыскать и на площадках трансграничных мигрантов, где пользователь, сделавший карьеру, скажем, в малоэтажном строительстве, регулярно набирает бригады среди земляков.

Ключевым отличием в цифровых практиках внутренних и трансграничных мигрантов становится обилие упоминаний бюрократических процедур и всего,

что с ними связано в большинстве нарративов последних. Бюрократические процедуры, безусловно, играют в повседневности внутренних мигрантов не столь значимую роль, как в жизни трансграничных. Тексты, касающиеся контактов с бюрократией, встречаются на порядок реже и касаются получения разного рода документов, в частности санитарных книжек [58] и медицинских справок [59]. В группах внутренних мигрантов встречаются объявления, в которых «земляки» предлагают помощь с временной пропиской [60], – услуга, весьма востребованная среди трансграничных мигрантов и занимающая значительную часть текстового массива данной группы, так как это необходимый элемент легализации.

Механизмы использования цифровых технологий для восполнения дефицита, также похожи друг на друга. Наиболее значимым, на наш взгляд, является доверие. Многие пользователи, посещающие рассматриваемые нами площадки, предполагают по умолчанию – и пишут об этом – что другие люди, которые здесь встречаются, заслуживают несколько большего доверия, нежели обычные незнакомцы. Это позволяет им экономить ресурсы, пускаясь на риски, которые в иных условиях могли бы показаться неприемлемыми.

Об уровне доверия говорит, например, то, что трансграничные мигранты доверяют новым знакомым из группы во ВКонтакте провоз через национальные границы ценных грузов, внутренние доверяют таким незнакомцам сопровождать детей в поездках из города в город. Поиск сопровождающих для детей, которых нужно перевезти из одного региона в другой, является одной из распространенных практик, встреченных нами в группах внутренних мигрантов [61, 62]. Родители-мигранты упоминают, что им не только проще, но и предпочтительнее найти, например, няню для детей именно среди «своих» [63]. Человек, доверяющий ребенка незнакомцу, делится с ним персональными данными, дает доступ к документам ребенка. В свою очередь, трансграничный мигрант, доверяющий человеку, с которым он познакомился во ВКонтакте, ключи от своей квартиры в другой стране или принимающий от него для перевозки через границу неизвестный груз, также рискует немало.

Некоторые доверяют незнакомым пользователям земляческих групп настолько, что готовы оставить в залог свой паспорт как гарантию своевременной платы за комнату при совместной аренде [64] или впустить их в дом присматривать за детьми [65]. Размещающие объявления об аренде жилья пользователи по умолчанию рассчитывают на то, что обращение к землякам снижает риск обмана, иногда специально это проговаривая [66]. На доверии строят свою рекламу риелторы, предлагающие землякам помощь в поиске жилья со скидкой [67], и люди, которые сами ищут агента по недвижимости. Пользователи тувинских групп именно в «мигрантских» группах ищут «честных риелторов», так как на остальных площадках «одни мошенники» [68]. О доверии свидетельствуют сообщения, в которых люди ищут людей, готовых выполнить в другом регионе разного рода поручения: *«Кто в Иркутске? Подработка. Надо купить и от-*

править запчасти (фильтра) на трактор на самолете до Ленска или Мирного. Оплата на карту» [69, 70].

Человек, осуществляющий «дар», например, выкладывая ценную информацию, может рассчитывать на то, что он к нему вернется, пусть и в иной форме, когда это ему понадобится. Люди, которые просят о «даре», также рассчитывают на то, что просьба будет удовлетворена (и могут высказывать недовольство, если этого не происходит). Более того, они рассчитывают, что солидарность и доверие позволят им избежать рисков, а информация, услуга или товар будут непременно высокого качества.

На этом расчете, подкрепленном взаимным доверием, строится специфическая экономика в пределах «мигрантских» сообществ. К ней можно отнести логистические услуги, предоставление со скидкой дефицитных товаров, критически важной информации и ресурсов, совершение сделок, которые при иных обстоятельствах потребовали бы значительно больших ресурсов на обеспечение гарантии исполнения обязательств. Многие пользователи рассмотренных площадок явно не обладают ресурсами для того, чтобы отстаивать свои права в трудовых спорах с работодателями – представителями принимающего сообщества.

Одним из главных ресурсов, который циркулирует по «мигрантским» социальным медиа благодаря доверию, является информация, большая часть которой представляет, по существу, рецепты адаптации. Информация, полученная на «мигрантских» площадках, используется для организации движения товаров, документов и людей между разными регионами, находящимися в одной стране или по разные стороны национальных границ. Часть сообщений как внутренних, так и трансграничных мигрантов составляют просьбы о подобных услугах. Логистика между регионами действует постоянно, обеспечивая мигрантов в городах прибытия не только возможностью перемещаться либо перемещать грузы, но и осуществлять регулярные поставки товаров для реализации в принимающем городе.

В пример можно привести скоропортящиеся продукты – полуфабрикаты и мясо [71]. В группах внутренних мигрантов часто можно встретить сообщения о желании приобрести продукт именно из региона исхода, маркируемый этнически как «тувинский», «бурятский» и т.д. [72, 73] Спрос на товары из региона-донора также может определяться дороговизной и отсутствием выбора в оценке мигрантов:

<...> 4 года живу в Иркутске. “-” Иркутска: отсутствие выбора или его скудность в товарах; продукты и товары ПЕРВОЙ необходимости дороже на 20–30% <...> [74].

Регулярность подобных сообщений наводит на мысль о том, что цифровые площадки позволяют поддерживать определенные формы «транснационализма» среди не только трансграничных, но и внутренних мигрантов.

Помимо простых рецептов получения ежедневного дохода здесь могут встречаться более сложные конструкции, необходимые для построения ментальных симуляций [75]. Пользователь описывает ситуацию, которую ему предстоит пережить, и запрашивает ин-

формацию от тех, кто уже в ней побывал. Полученные данные используются для принятия тех или иных, порой весьма значимых, решений. Если трансграничные мигранты спрашивают преимущественно о том, как преодолеть тот или иной бюрократический барьер, то внутренние мигранты в большей степени интересуются выбором города или района для постоянного проживания, перспективами трудоустройства, уровнем дохода в выбранном регионе. Такие симуляции позволяют снижать уровень неопределенности, связанный с переездом, а также компенсировать недостаток собственного опыта опытом других пользователей. Использование чужого опыта для построения ментальных симуляций уменьшает для внутреннего, как и для трансграничного, мигранта временные затраты и нивелирует прочие издержки, что во многом повторяет механику использования социальных сетей трансграничными мигрантами.

Заключение

Внутренние мигранты используют цифровые технологии для облегчения процесса структурной адаптации, причем делают это схожим с трансграничными мигрантами образом. Тематические площадки используются как сетевые узлы, концентрирующие и перераспределяющие дефицитные ресурсы, в первую очередь социальный капитал и информацию. Использование цифровых технологий позволяет не только аккумулировать нужный для построения ментальных симуляций ключевых моментов миграционного пути опыт, но и выносить его за пределы пространства и текущего момента. Цифровые площадки упрощают формирование основанных на доверии экономик среди тех, кто в доверии нуждается больше, чем кто бы то ни было.

Обработанные нами текстовые массивы показывают, что трансграничные мигранты, как и внутренние, испытывают дефицит ресурсов – прежде всего времени и денег, – и они схожим образом используют цифровые площадки для нивелирования последствий этого дефицита. В сообществах трансграничных мигрантов циркулирует схожая информация о вакансиях и совместной аренде, причем характер предлагаемой и запрашиваемой работы очень схож – она тяжелая, непрестижная и грязная. В пределах площадок обоих типов возникает выстроенная на солидарности и доверии экономика, ориентированная на снижение издержек структурной адаптации. Доверие пользователей «мигрантских» групп может опираться на общий регион исхода, общую религию или даже, как в случае с трансграничными мигрантами, на общую проблематику, и прежде всего дефицит информации и других ресурсов.

Мы видим, что пересечение границ между российскими регионами может приводить к весьма схожим последствиям для человека, совершившего такое перемещение, и человека, пересекающего границы национальные. В том числе к созданию схожих способов преодоления данных затруднений. Обе категории мигрантов, пусть и в разной степени, удалены от институциональных интерфейсов, позволяющих получить

постоянный и предсказуемый доступ к безопасности, жилью, деньгам и энергии. Это определяет потребность в создании альтернативных неформальных интерфейсов, которыми и становятся рассмотренные в работе цифровые площадки.

И внутренние, и трансграничные мигранты используют цифровые площадки для уплотнения и расширения горизонтальных сетей. Вместе с мигрантами, ищущими жилье и работу, сюда приходят местные, жаждущие заполучить дешевую рабочую силу. Помимо этого, группы в социальных сетях служат и для тех, и для других «мостом» между отдаленным пространством дома и пространством нового города. Расстояние, дефицит ресурсов компенсируются групповой солидарностью. В рассмотренном текстовом массиве можно увидеть развертывание неформальной экономики, строящейся в первую очередь на чувстве взаимного доверия среди пользователей. Она ускоряет и упрощает циркуляцию людей, товаров, услуг, информации через административные границы, способствуя экономии и накоплению дефицитных ресурсов.

И внутренние, и трансграничные мигранты нередко решают одни и те же проблемы. И те и другие вынуждены платить за пространственное перемещение и связанное с ним пересечение административных границ готовностью к не самым приятным условиям жизни, тяжелому труду и более высоким рискам. И те и другие испытывают дефицит социального капитала, который приводит, помимо прочего, к высокому уровню непредсказуемости. Отсутствие доверенных источников информации о региональной экономической и социальной специфике означает высокую вероятность понести более высокие издержки, неприемлемые в ситуации нехватки ресурсов, характерной для обеих групп мигрантов. Востребованность тематических цифровых площадок, тематика текстового массива демонстрируют, что и те и другие в значительной степени опираются на «слабые связи» – случайных знакомых, земляков и дальних родственников, других пользователей, чтобы ликвидировать дефицит ресурсов и снизить риски.

Разница между площадками внутренних и трансграничных мигрантов заключается разве что в соотношениях типов затруднений, с которыми они сталкиваются. Минимум упоминаний бюрократических процедур в текстах, генерируемых внутренними мигрантами, говорит о том, что их статус «переходного существа» и плата, которую они должны отдать за пересечение границ между категориями «свой» и «чужой», в меньшей степени закреплены в формализованном языке законов. Следовательно, легализация как часть структурной адаптации внутренних мигрантов не требует от них дополнительных затрат, в отличие от трансграничных. Это, в свою очередь, означает, что характер маргинализации внутренних мигрантов также отличается – маргинальное положение межрегиональных мигрантов формализовано в меньшей степени по сравнению со статусом трансграничных мигрантов и базируется преимущественно на социально-экономических основаниях.

Список источников

1. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М. : Мысль, 2015. 267 с.
2. Мкртчян Н.В. «Западный дрейф» внутрироссийской миграции // Отечественные записки. 2004. № 4 (19). С. 94–104.
3. Мкртчян Н.В. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 1. С. 83–99.
4. Некрасова Е.В. Оптимизация внутренней миграции как механизм решения проблем моногородов Свердловской области // Экономика региона. 2012. № 2. С. 315–320.
5. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 47–65.
6. Воробьева О.Д., Топилин А.В., Аликова А.С. Социально-демографические последствия внутренней миграции трудовых ресурсов // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 12. С. 1156–1163.
7. Мукомель В.И. Свои «иные»: внутрироссийские иноэтничные мигранты в московском мегаполисе // Федерализм. 2015. № 1 (77). С. 79–92.
8. Мукомель В.И. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 69–79.
9. Галаяпина В.Н. От соотечественника к «чужому»: образ этнического мигранта в восприятии москвичей (по результатам фокус-групповых дискуссий) // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 72–83.
10. Кузнецов И.М. Особенности интеграции мигрантов из республик Северного Кавказа в локальных принимающих средах // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 4 (24). С. 51–63.
11. Brons L. Othering, an Analysis // Transcience, a Journal of Global Studies. 2015. Vol. 6 (1). P. 69–90.
12. Андресон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.
13. Баньковская С.П. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 457–467.
14. Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 69–79.
15. Рязанцев С.В. О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России // Социологические исследования. 2014. № 9 (365). С. 25–29.
16. Замаева Ю.С. Особенности этнической миграции в социально-психологическом восприятии (на материале анализа результатов эксперимента по методике «Серийные тематические ассоциации») // Социодинамика. 2014. № 9. С. 63–82.
17. Корсаков К.В. Эффективные формы и средства предупреждения криминальной активности трудящихся-мигрантов в России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 455–464.
18. Макаров А.Я. Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. 2010. № 8 (316). С. 94–101.
19. Андриченко Л.В. Правовые механизмы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 10 (226). С. 5–18.
20. Rodin L. From Othering to Belonging: Integration Politics, Social Intervention and the Limits of Cultural Ideology // The Journal of Social Policy Studies. 2017. Vol. 15 (4). P. 603–616.
21. Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78 (6). P. 1360–1380.
22. Mitra A., Evansluong Q. Narratives of Integration: Liminality in Migrant Acculturation through Social Media // Technological Forecasting & Social Change. 2019. Vol. 145. P. 474–480.
23. Ponzanesi S. Migration and Mobility in a Digital Age: (Re)Mapping Connectivity and Belonging // Television & New Media. 2019. Vol. 20 (6). P. 547–557.
24. «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей / И.П. Кужелева-Саган, А.П. Глухов, Л.В. Ахметова, М.Н. Бычкова, И.В. Гужова, С.С. Носова, Г.А. Окушева, Ю.М. Стаховская. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2016. 168 с.
25. McKenzie R.D. The Ecological Approach to the Study of Human Community // The City : Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment / eds. R.E. Park, E.W. Burgess, R.D. McKenzie. Chicago : University of Chicago Press, 1925. P. 63–79.
26. Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка / М. Делленбо, М. Кип, М. Бьенек, А.К. Мюллер, М. Швегман; пер. с англ. Д. Безуглов. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 182 с.
27. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тылевич; под ред. А.И. Черных. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
28. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ., под ред. В.А. Ядова. М. : Аспект пресс, 1996. 416 с.
29. Nogueroń-Liu S. Access to Technology in Transnational Social Fields : Simultaneity and Digital Literacy Socialization of Adult Immigrants // International Multilingual Research Journal. 2013. Vol. 7 (1). P. 33–48.
30. Кузьменкова Г. Самые популярные социальные сети в России в 2020 году // vc.ru – бизнес, технологии, идеи, модели роста, стартапы. URL: <https://vc.ru/marketing/106865-samyepopulyarnyeh-socialnye-seti-v-rossii-v-2020-godu> (дата обращения: 22.12.2022).
31. Alba R., Nee V. Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigration // The International Migration Review. 1997. Vol. 31 (4). P. 826–874.
32. Тимошкин Д.О. Доверие vs дезориентация: экономика русскоязычных «мигрантских» групп в социальных сетях // Экономическая социология. 2019. Т. 20, № 5. С. 53–73.
33. Timoshkin D.O. Construction of Horizontal Networkson “Migrant” Russian-Language Digital Platforms // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13 (5). P. 688–699.
34. Подслушано в Иркутске (Тыва) // ВКонтакте. 2017. 18 сент. URL: https://vk.com/wall-59116834_97623 (дата обращения: 20.12.2022).
35. Piore M.J. Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Society. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1979. 229 p.
36. Tian M., Tian Z., Sun W. The Impacts of City-Specific Factors on Social Integration of Chinese Migrant Workers : A Study Using Multilevel Modeling // Journal of Urban Affairs. 2019. Vol. 41 (3). P. 324–337.
37. Тыва Подслушано в Томске (новая версия) // ВКонтакте. 2018. 30 нояб. URL: https://vk.com/wall-67151753_51882 (дата обращения: 20.12.2022).
38. ***Якутяне в Иркутске*** // ВКонтакте. 2019. 26 дек. URL: https://vk.com/wall-10728803_213 (дата обращения: 20.12.2022).
39. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2020. 30 янв. URL: https://vk.com/wall-54016663_280365 (дата обращения: 20.12.2022).
40. Иркутское тывинское землячество // ВКонтакте. 2020. 16 авг. URL: https://vk.com/wall-182806010_4701 (дата обращения: 20.12.2022).
41. Бурятия в Красноярске // ВКонтакте. 2016. 30 авг. URL: https://vk.com/wall-56339907_130 (дата обращения: 22.12.2022).
42. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2022. 9 дек. URL: https://vk.com/wall-54016663_354304 (дата обращения: 20.12.2022).
43. Подслушано в Иркутске (Тыва) // ВКонтакте. 2014. 10 окт. URL: https://vk.com/wall-59116834_23142 (дата обращения: 20.12.2022).
44. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2019. 29 авг. URL: https://vk.com/wall-54016663_260103 (дата обращения: 20.12.2022).
45. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2019. 29 окт. URL: https://vk.com/wall-54016663_268337 (дата обращения: 20.12.2022).
46. Тыва Подслушано в Томске (новая версия) // ВКонтакте. 2018. 27 фев. URL: https://vk.com/wall-67151753_45197 (дата обращения: 20.12.2022).
47. Переезд в Иркутск – поддержите пацана, господу // Дром. URL: <https://forums.drom.ru/irkutsk/t1151533490.html> (дата обращения: 21.12.2022).
48. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2016. 24 авг. URL: https://vk.com/wall-54016663_142666 (дата обращения: 21.12.2022).

49. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2015. 3 окт. URL: https://vk.com/wall-54016663_89469 (дата обращения: 21.12.2022).
50. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2019. 22 сент. URL: https://vk.com/wall-54016663_263835 (дата обращения: 21.12.2022).
51. Буряты в Красноярске // ВКонтакте. 2014. 28 сент. URL: https://vk.com/wall-56339907_92 (дата обращения: 20.12.2022).
52. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2014. 12 сент. URL: https://vk.com/wall-54016663_16567 (дата обращения: 20.12.2022).
53. Подслушано Иркутск // ВКонтакте. 2021. 4 дек. URL: https://vk.com/wall-47220519_4843436 (дата обращения: 21.12.2022).
54. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2014. 11 июля. URL: https://vk.com/wall-54016663_12782 (дата обращения: 22.12.2022).
55. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2016. 20 июля. URL: https://vk.com/wall-54016663_138450 (дата обращения: 22.12.2022).
56. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2018. 1 сент. URL: https://vk.com/wall-54016663_214119 (дата обращения: 22.12.2022).
57. Подслушано в Иркутске (Тыва) // ВКонтакте. 2016. 24 окт. URL: https://vk.com/wall-59116834_81466 (дата обращения: 21.12.2022).
58. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2017. 27 дек. URL: https://vk.com/wall-54016663_193989 (дата обращения: 21.12.2022).
59. Иркутское тывинское землячество // ВКонтакте. 2020. 12 авг. URL: https://vk.com/wall-182806010_4661 (дата обращения: 21.12.2022).
60. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2022. 13 янв. URL: https://vk.com/wall-54016663_330039 (дата обращения: 22.12.2022).
61. Иркутское тывинское землячество // ВКонтакте. 2022. 24 июня. URL: https://vk.com/wall-182806010_9998 (дата обращения: 22.12.2022).
62. Иркутское тывинское землячество // ВКонтакте. 2021. 17 июня. URL: https://vk.com/wall-182806010_7278 (дата обращения: 22.12.2022).
63. Тыва Подслушано в Томске (новая версия) // ВКонтакте. 2019. 8 марта. URL: https://vk.com/wall-67151753_54709 (дата обращения: 22.12.2022).
64. Подслушано в Иркутске (Тыва) // ВКонтакте. 2018. 6 июня. URL: https://vk.com/wall-59116834_109092 (дата обращения: 22.12.2022).
65. Тыва Подслушано в Томске (новая версия) // ВКонтакте. 2018. 7 янв. URL: https://vk.com/wall-67151753_43666 (дата обращения: 22.12.2022).
66. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2016. 11 янв. URL: https://vk.com/wall-54016663_109738 (дата обращения: 22.12.2022).
67. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2022. 12 июля. URL: https://vk.com/wall-54016663_343612 (дата обращения: 22.12.2022).
68. Подслушано в Иркутске (Тыва) // ВКонтакте. 2018. 17 окт. URL: https://vk.com/wall-59116834_113417 (дата обращения: 22.12.2022).
69. ***Якутане в Иркутске*** // ВКонтакте. 2018. 10 июля. URL: https://vk.com/wall-10728803_195 (дата обращения: 22.12.2022).
70. Иркутское тывинское землячество // ВКонтакте. 2021. 13 марта. URL: https://vk.com/wall-182806010_6607 (дата обращения: 22.12.2022).
71. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2018. 31 окт. URL: https://vk.com/wall-54016663_221744 (дата обращения: 22.12.2022).
72. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2022. 18 марта. URL: https://vk.com/wall-54016663_334843 (дата обращения: 22.12.2022).
73. Тыва подслушано в Красноярске) // ВКонтакте. 2022. 17 апр. URL: https://vk.com/wall-54016663_337449 (дата обращения: 22.12.2022).
74. Размышляю о переезде в Иркутск. СтОит? // Дром. URL: <https://forums.drom.ru/irkutsk/t1151177139-p11.html> (дата обращения: 22.12.2022).
75. Клайн Г. Источник силы. Как люди принимают решения / пер. с англ. Д. Кралечкин. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 480 с.

References

1. Malakhov, V.S. (2015) *Integratsiya migrantov: kontseptsii i praktiki* [Integration of Migrants: Concepts and Practices]. Moscow: Mysl'.
2. Mkrtychyan, N.V. (2004) "Zapadnyu dreyf" vnutrirossiyskoy migratsii ["Western drift" of internal Russian migration]. *Otechestvennye zapiski*. 4(19). pp. 94–104.
3. Mkrtychyan, N.V. (2020) Problemy v statistike vnutrirossiyskoy migratsii, porozhdennye izmeneniyem metodiki ucheta v 2011 g. [Problems in the statistics of internal Russian migration, generated by the change in the accounting methodology in 2011]. *Demograficheskoe obozrenie*. 7(1). pp. 83–99.
4. Nekrasova, E.V. (2012) Optimizatsiya vnutrenney migratsii kak mekhanizm resheniya problem monogorodov Sverdlovskoy oblasti [Optimization of internal migration as a mechanism for solving the problems of single-industry towns in Sverdlovsk Region]. *Ekonomika regiona*. 2. pp. 315–320.
5. Karachurina, L.B. & Mkrtychyan, N.V. (2016) Mezhhregional'naya migratsiya v Rossii: vozrastnye osobennosti [Interregional migration in Russia: Age characteristics]. *Demograficheskoe obozrenie*. 3(4). pp. 47–65.
6. Vorobieva, O.D., Topilin, A.V. & Alikova, A.S. (2020) Sotsial'no-demograficheskie posledstviya vnutrenney migratsii trudovykh resursov [Socio-demographic consequences of internal migration of labor resources]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 90(12). pp. 1156–1163.
7. Mukomel, V.I. (2015) Svoi "inye": vnutrirossiyskie inoetnichnye migranty v moskovskom megapolise [Our "others": internal Russian ethnic migrants in the Moscow metropolis]. *Federalizm*. 1(77). pp. 79–92.
8. Mukomel, V.I. (2016) Problemy integratsii vnutrirossiyskikh inoetnichnykh migrantov [Problems of integration of intra-Russian migrants of other ethnicities]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 5. pp. 69–79.
9. Galyapina, V.N. (2015) Ot sootchestvennika k "chuzhomu": obraz etnicheskogo migranta v vospriyatii moskvicey (po rezul'tatam fokus-gruppovykh diskussii) [From compatriot to "alien": The image of an ethnic migrant in the perception of Muscovites (based on the results of focus group discussions)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 72–83.
10. Kuznetsov, I.M. (2018) Osobennosti integratsii migrantov iz respublik Severnogo Kavkaza v lokal'nykh primayushchikh sredakh [Features of the integration of migrants from the republics of the North Caucasus in local receiving environments]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 4(24). pp. 51–63.
11. Brons, L. (2015) Othering, an Analysis. *Transcience, a Journal of Global Studies*. 6(1). pp. 69–90.
12. Andronov, B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Translated from English by V. Nikolaev. Moscow: Kuchkovo pole.
13. Bankovskaya, S.P. (2002) Chuzhaki i granitsy: k ponyatiyu sotsial'noy marginal'nosti [Strangers and Borders: To the Concept of Social Marginality]. *Otechestvennye zapiski*. 6. pp. 457–467.
14. Mukomel, V.I. (2017) Migranty na rossiyskom rynke truda: zanyatost', mobil'nost', intensivnost' i oplata truda [Migrants in the Russian Labor Market: Employment, Mobility, Intensity and Wages]. *Statistika i ekonomika*. 6. pp. 69–79.
15. Ryazantsev, S.V. (2014) O yazykovoy integratsii migrantov kak novom orientire migratsionnoy politiki Rossii [On the linguistic integration of migrants as a new benchmark for Russia's migration policy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 9(365). pp. 25–29.
16. Zamaraeva, Yu.S. (2014) Osobennosti etnicheskoy migratsii v sotsial'no-psikhologicheskoy vospriyatii (na materiale analiza rezul'tatov eksperimenta po metodike "Seriynye tematicheskie assotsiatsii") [Peculiarities of ethnic migration in socio-psychological perception (on the basis of the analysis of the experiment results using the method "Serial Thematic Associations")]. *Sotsiodinamika*. 9. pp. 63–82.
17. Korsakov, K.V. (2019) Effektivnye formy i sredstva preduprezhdeniya kriminal'noy aktivnosti trudyashchikhsya-migrantov v Rossii [Effective forms and means of preventing criminal activity of migrant workers in Russia]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 13(3). pp. 455–464.
18. Makarov, A.Ya. (2010) Osobennosti etnokul'turnoy adaptatsii detey migrantov v moskovskikh shkolakh [Peculiarities of ethnocultural adaptation of migrant children in Moscow schools]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 8(316). pp. 94–101.
19. Andrichenko, L.V. (2015) Pravovye mekhanizmy sotsial'noy i kul'turnoy adaptatsii i integratsii migrantov v Rossiyskoy Federatsii [Legal Mechanisms of Social and Cultural Adaptation and Integration of Migrants in the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 10(226). pp. 5–18.
20. Rodin, L. (2017) From Othering to Belonging: Integration Politics, Social Intervention and the Limits of Cultural Ideology. *The Journal of Social Policy Studies*. 15(4). pp. 603–616.
21. Granovetter, M.S. (1973) The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*. 78(6). pp. 1360–1380.
22. Mitra, A. & Evansluong, Q. (2019) Narratives of Integration: Liminality in Migrant Acculturation through Social Media. *Technological Forecasting & Social Change*. 145. pp. 474–480.
23. Ponzanesi, S. (2019) Migration and Mobility in a Digital Age: (Re)Mapping Connectivity and Belonging. *Television & New Media*. 20(6). pp. 547–557.

24. Kuzheleva-Sagan, I.P., Glukhov, A.P., Akhmetova, L.V., Bychkova, M.N., Guzhova, I.V., Nosova, S.S., Okusheva, G.A., Stakhovskaya, Yu.M. (2016) "Tsifrovoye diaspori" migrantov iz Tsentral'noy Azii: virtual'naya setevaya organizatsiya, diskurs "voobrazhaemogo soobshchestva" i konkurentsaya identichnostey ["Digital diasporas" of migrants from Central Asia: Virtual network organization, discourse of "imaginary community" and competition of identities]. Tomsk: Tomsk State University.
25. McKenzie, R.D. (1925) The Ecological Approach to the Study of Human Community. In: Park, R.E., Burgess, E.W. & McKenzie, R.D. (eds) *The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment*. Chicago: University of Chicago Press. pp. 63–79.
26. Dellenbaugh, M., Kip, M., Bienek, M., Muller, A.K. & Schwegman, M. (2020) *Urban commons. Gorodskie soobshchestva za predelami gosudarstva i rynka* [Urban Commons: Moving Beyond State and Market]. Translated from English by D. Bezuglov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
27. Castells, M. (2016) *Vlast' kommunikatsii* [The Power of Communication]. Translated from English by N.M. Tylevich. Moscow: HSE.
28. Sztompka, P. (1996) *Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy* [Sociology of Social Changes]. Translated from English by V.A. Yadov. Moscow: Aspekt press.
29. Nogueroń-Liu, S. (2013) Access to Technology in Transnational Social Fields: Simultaneity and Digital Literacy Socialization of Adult Immigrants. *International Multilingual Research Journal*. 7(1). pp. 33–48.
30. Kuzmenkova, G. (2020) *Samye populyarnye sotsial'nye seti v Rossii v 2020 godu* [The most popular social networks in Russia in 2020]. [Online] Available from: <https://vc.ru/marketing/106865-samye-populyarnye-socialnye-seti-v-rossii-v-2020-godu> (Accessed: 22nd December 2022).
31. Alba, R. & Nee, V. (1997) Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigration. *The International Migration Review*. 31(4). pp. 826–874.
32. Timoshkin, D.O. (2019) Doverie vs dezorientatsiya: ekonomika russkoyazychnykh "migrantskikh" grupp v sotsial'nykh setyakh [Trust vs Disorientation: The Economics of Russian-Speaking Migrant Groups in Social Networks]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 20(5). pp. 53–73.
33. Timoshkin, D.O. (2020) Construction of Horizontal Networkson "Migrant" Russian-Language Digital Platforms. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 13(5). pp. 688–699.
34. VKontakte. (2017a) *Podslushano v Irkutske (Tyva)* [Overheard in Irkutsk (Tyva)]. 18th September. [Online] Available from: https://vk.com/wall-59116834_97623 (Accessed: 20th December 2022).
35. Piore, M.J. (1979) *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Society*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
36. Tian, M., Tian, Z. & Sun, W. (2019) The Impacts of City-Specific Factors on Social Integration of Chinese Migrant Workers: A Study Using Multi-level Modeling. *Journal of Urban Affairs*. 41(3). pp. 324–337.
37. VKontakte. (2018a) *Tyva Podslushano v Tomske (novaya versiya)* [Tyva Overheard in Tomsk (new version)]. 30th November. [Online] Available from: https://vk.com/wall-67151753_51882 (Accessed: 20th December 2022).
38. VKontakte. (2019a) ****Yakutyane v Irkutske**** [***Yakutians in Irkutsk***]. 26th December. [Online] Available from: https://vk.com/wall-10728803_213 (Accessed: 20th December 2022).
39. VKontakte. (2020a) *Tyva podslushano v Krasnoyarske* [Tyva overheard in Krasnoyarsk]. 30th January. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_280365 (Accessed: 20th December 2022).
40. VKontakte. (2020b) *Irkutskoe tyvinskoe zemlyachestvo* [Irkutsk Tyvin community]. 16th August. [Online] Available from: https://vk.com/wall-182806010_4701 (Accessed: 20th December 2022).
41. VKontakte. (2016a) *Buryaty v Krasnoyarske* [Buryats in Krasnoyarsk]. 30th August. [Online] Available from: https://vk.com/wall-56339907_130 (Accessed: 22nd December 2022).
42. VKontakte. (2022a) *Tyva podslushano v Krasnoyarske* [Tyva overheard in Krasnoyarsk]. 9th December. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_354304 (Accessed: 20th December 2022).
43. VKontakte. (2014a) *Podslushano v Irkutske (Tyva)* [Overheard in Irkutsk (Tyva)]. 10th October. [Online] Available from: https://vk.com/wall-59116834_23142 (Accessed: 20th December 2022).
44. VKontakte. (2019b) *Tyva podslushano v Krasnoyarske* [Tyva overheard in Krasnoyarsk]. 29th August. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_260103 (Accessed: 20th December 2022).
45. VKontakte. (2019c) *Tyva podslushano v Krasnoyarske* [Tyva overheard in Krasnoyarsk]. 29th October. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_268337 (Accessed: 20th December 2022).
46. VKontakte. (2018b) *Tyva Podslushano v Tomske (novaya versiya)* [Tyva Overheard in Tomsk (new version)]. 27th February. [Online] Available from: https://vk.com/wall-67151753_45197 (Accessed: 20th December 2022).
47. Drom. (n.d.) *Pereezd v Irkutsk – podderzhitie patsana, gospoda* [Moving to Irkutsk – support the chap, gentlemen]. [Online] Available from: <https://forums.drom.ru/irkutsk/t1151533490.html> (Accessed: 21st December 2022).
48. VKontakte. (2016b) *Tyva podslushano v Krasnoyarske* [Tyva overheard in Krasnoyarsk]. 24th August. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_142666 (Accessed: 21st December 2022).
49. VKontakte. (2015) *Tyva podslushano v Krasnoyarske* [Tyva overheard in Krasnoyarsk]. 3rd October. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_89469 (Accessed: 21st December 2022).
50. VKontakte. (2019d) *Tyva podslushano v Krasnoyarske* [Tyva overheard in Krasnoyarsk]. 22nd September. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_263835 (Accessed: 21st December 2022).
51. VKontakte. (2014b) *Buryaty v Krasnoyarske* [Buryats in Krasnoyarsk]. 28th September. [Online] Available from: https://vk.com/wall-56339907_92 (Accessed: 20th December 2022).
52. VKontakte. (2014c) *Tyva podslushano v Krasnoyarske* [Tyva overheard in Krasnoyarsk]. 12th September. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_16567 (Accessed: 20th December 2022).
53. VKontakte. (2021a) *Podslushano Irkutsk* [Overheard Irkutsk]. 4th December. [Online] Available from: https://vk.com/wall-47220519_4843436 (Accessed: 21st December 2022).
54. VKontakte. (2014d) *Tyva podslushano v Krasnoyarske* [Tyva overheard in Krasnoyarsk]. 11th July. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_12782 (Accessed: 22nd December 2022).
55. VKontakte. (2016c) *Tyva podslushano v Krasnoyarske* [Tyva overheard in Krasnoyarsk]. 20 July. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_138450 (Accessed: 22nd December 2022).
56. VKontakte. (2018c) *Tyva podslushano v Krasnoyarske* [Tyva overheard in Krasnoyarsk]. 1st September. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_214119 (Accessed: 22nd December 2022).
57. VKontakte. (2016d) *Podslushano v Irkutske (Tyva)* [Overheard in Irkutsk (Tyva)]. 24th October. [Online] Available from: https://vk.com/wall-59116834_81466 (Accessed: 21st December 2022).
58. VKontakte. (2017b) *Tyva podslushano v Krasnoyarske* [Tyva overheard in Krasnoyarsk]. 27th December. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_193989 (Accessed: 21st December 2022).
59. VKontakte. (2020c) *Irkutskoe tyvinskoe zemlyachestvo* [Irkutsk Tyvin community]. 12th August. [Online] Available from: https://vk.com/wall-182806010_4661 (Accessed: 21st December 2022).
60. VKontakte. (2022b) *Tyva podslushano v Krasnoyarske* [Tyva overheard in Krasnoyarsk]. 13th January. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_330039 (Accessed: 22nd December 2022).
61. VKontakte. (2022c) *Irkutskoe tyvinskoe zemlyachestvo* [Irkutsk Tyvin community]. 24th June. [Online] Available from: https://vk.com/wall-182806010_9998 (Accessed: 22nd December 2022).

62. VKontakte. (2021b) *Irkutskoe tyvinskoe zemlyachestvo* [Irkutsk Tyvin community]. 17th June. [Online] Available from: https://vk.com/wall-182806010_7278 (Accessed: 22nd December 2022).
63. VKontakte. (2019e) *Tyva Podslushano v Tomske (novaya versiya)* [Tyva Overheard in Tomsk (a new version)]. 8th March. [Online] Available from: https://vk.com/wall-67151753_54709 (Accessed: 22nd December 2022).
64. VKontakte. (2018d) *Podslushano v Irkutske (Tyva)* [Overheard in Irkutsk (Tyva)]. 6th June. [Online] Available from: https://vk.com/wall-59116834_109092 (Accessed: 22nd December 2022).
65. VKontakte. (2018e) *Tyva Podslushano v Tomske (novaya versiya)* [Tyva Overheard in Tomsk (a new version)]. 7th January. [Online] Available from: https://vk.com/wall-67151753_43666 (Accessed: 22nd December 2022).
66. VKontakte. (2018f) *Irkutskoe tyvinskoe zemlyachestvo* [Irkutsk Tyvin community]. 11th January. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_109738 (Accessed: 22nd December 2022).
67. VKontakte. (2022d) *Irkutskoe tyvinskoe zemlyachestvo* [Irkutsk Tyvin community]. 12th July. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_343612 (Accessed: 22nd December 2022).
68. VKontakte. (2018f) *Podslushano v Irkutske (Tyva)* [Overheard in Irkutsk (Tyva)]. 17th October. [Online] Available from: https://vk.com/wall-59116834_113417 (Accessed: 22nd December 2022).
69. VKontakte. (2018g) ****Yakutyane v Irkutske**** [***Yakutians in Irkutsk***]. 10th July. [Online] Available from: https://vk.com/wall-10728803_195 (Accessed: 22nd December 2022).
70. VKontakte. (2021c) *Irkutskoe tyvinskoe zemlyachestvo* [Irkutsk Tyvin community]. 13th March. [Online] Available from: https://vk.com/wall-182806010_6607 (Accessed: 22nd December 2022).
71. VKontakte. (2018h) *Tyva podslushano v Krasnoyarske* [Tyva overheard in Krasnoyarsk]. 31st October. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_221744 (Accessed: 22nd December 2022).
72. VKontakte. (2022e) *Tyva podslushano v Krasnoyarske* [Tyva overheard in Krasnoyarsk]. 18th March. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_334843 (Accessed: 22nd December 2022).
73. VKontakte. (2022f) *Tyva podslushano v Krasnoyarske* [Tyva overheard in Krasnoyarsk]. 17th April. [Online] Available from: https://vk.com/wall-54016663_337449 (Accessed: 22nd December 2022).
74. Drom. (n.d.) *Razmyshlyayu o perezde v Irkutsk. StOit?* [Thinking about moving to Irkutsk. Costs?]. [Online] Available from: <https://forums.drom.ru/irkutsk/t1151177139-p11.html> (Accessed: 22nd December 2022).
75. Kline, G. (2020) *Istochnik sily. Kak lyudi prinyayut resheniya* [Sources of Power: How People Make Decisions]. Translated from English by D. Kralechkin. Moscow: Delo; RANKhiGS.

Сведения об авторах:

Сметанин Федор Анатольевич – младший научный сотрудник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия); лаборант кафедры антропологии и этнологии факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: f-smetanin@mail.ru

Тимошкин Дмитрий Олегович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия); доцент кафедры культурологии и искусствоведения Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: dmtrtim@gmail.com

Иванов Кирилл Андреевич – младший научный сотрудник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: ivanov-ka@word.isu.ru

Брызгина Диана Евгеньевна – младший научный сотрудник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия); ассистент кафедры антропологии и этнологии факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: br.diana21@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Smetanin Fedor A. – Junior researcher of the research department of the Irkutsk state university (Irkutsk, Russian Federation); Laboratory assistant at the Department of Anthropology and Ethnology, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: f-smetanin@mail.ru

Timoshkin Dmitry O. – Candidate of Science (Sociol.), Research Fellow at the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation); assistant professor at the Department of Cultural Studies, School for the Humanities, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: dmtrtim@gmail.com

Ivanov Kirill A. – Junior researcher of the research department of the Irkutsk state university (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ivanov-ka@word.isu.ru

Bryazgina Diana E. – Junior researcher of the research department of the Irkutsk state university (Irkutsk, Russian Federation); Assistant of the Department of Anthropology and Ethnology, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: br.diana21@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 29.12.2022; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья

УДК 316:391(=161.1)(045)

doi: 10.17223/19988613/83/22

Социально-исторический анализ одежды древнерусского общества XI–XIII вв.: границы предметного поля исследования

Алексей Андреевич Шамшурин

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, shamshurinudsu@gmail.com

Аннотация. Цель статьи – исследование одежды в социальной истории как предмета определения социальных статусов в древнерусском обществе конца XI – начала XIII в. Привлечены археологические материалы, изображения одежды, а также корпус письменных источников: договор 911 г., свидетельство Ибн Фадлана, древнерусская литература XI–XIII вв., берестяные грамоты, имеющие сведения об одежде, опубликованные А.В. Арциховским. Наряд демонстрирует (запускает механизм узнавания) княжескую власть, меняет социальный статус при переодевании, участвует в погребальных обрядах, с помощью него человек идентифицирует другого человека, а историк распознает социальное устройство.

Ключевые слова: социальная история, древнерусская одежда, исторический факт, узнавание, социальный порядок

Для цитирования: Шамшурин А.А. Социально-исторический анализ одежды древнерусского общества XI–XIII вв.: границы предметного поля исследования // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 167–175. doi: 10.17223/19988613/83/22

Original article

Socio-historical analysis of the clothing of the Ancient Russian society of the 11th–13th centuries: the boundaries of the subject field of research

Alexey A. Shamshurin

Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation, shamshurinudsu@gmail.com

Abstract. The main problem of studying public order in early medieval society is the lack of sufficient sources. It is possible to overcome this problem by using an interdisciplinary integrated approach (A.V. Artsikhovskiy, M.A. Saburova, V.V. Puzanov, V.V. Dolgov). P.S. Stefanovich notes that Russian historical science is increasingly focusing on interdisciplinary research in the field of social history. This is confirmed by the success of scientific conferences «Walls and bridges» (2012-2019), «Integrated approach to the study of Ancient Russia» (2003-2019) and others.

The object of the article is to study clothing in social history as a subject of determining social statuses in ancient Russian society of the late 11th-13th centuries. Clothing is considered as one of these historical facts, through which it is possible to reconstruct social order. From the totality of material, visual and written sources mentioning clothing, ideas about the social hierarchy are built, which is specified in statuses and actions.

The sources used are archaeological materials from the works of V. Prokhorov, A.V. Artsikhovskiy; images of clothing described by V. Prokhorov; and written monuments such as the Treaty of 911, the certificate of Ibn Fadlan, the corpus of ancient Russian literature of the 11th-13th centuries, birch-bark letters with information about clothing published by A.V. Artsikhovskiy.

Attire demonstrates princely power, changes social status when changing clothes, participates in funeral rites, and with the help of it a person identifies another person. The historian recognizes the social structure of the period of Kievan Rus in the 11th-13th centuries through clothing. Demonstrating a particular outfit in society starts a recognition mechanism. A person puts on clothes, which in society turns into «dressing» of social status. It takes on a symbolic nature.

The process of recognition through clothing and its elements, such as the cloak, belt, and headdress, turns out social distribution. Each element of the outfit is a social status label. The marking of the social order occurs in the social acts of dressing and undressing.

Since clothing is a social act (dressing, changing clothes, undressing), so it itself indicates a certain place in the social hierarchy of Ancient Russia. Clothing is hypostatic. It is attributed to such functions when its presence or absence itself points to the social order, even without human participation. An example is the evidence that princely clothes were hung on the walls in case of capture of the city. This was the case when the Polovtsians took Kiev. Therefore, clothing is a self-sufficient subject of socio-historical research, which sets the field of social interaction.

Keywords: social history, ancient Russian clothing, historical fact, recognition, social order

For citation: Shamshurin, A.A. (2023) Socio-historical analysis of the clothing of the Ancient Russian society of the 11th–13th centuries: the boundaries of the subject field of research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 167–175. doi: 10.17223/19988613/83/22

Введение

В поле исторических исследований, посвященных древнерусскому обществу, одежда имеет определенный научный интерес. Как предмет изучения она, во-первых, исходя из ее материала и способа изготовления, оказывается частью материальной культуры, являясь историческим источником для изучения быта и развития промышленности, во-вторых, принадлежащая одному обществу в одном культурном пространстве, вместе с украшениями имеет определенное символическое значение, в-третьих, рассматриваемая как костюм, дает возможность проследить культурные связи между различными народами. Древнерусская одежда является ценным историческим источником для различных исторических дисциплин, поэтому в многообразных способах исторического анализа возможно обнаружить социальную логику ее существования.

Цель статьи – исследование одежды в социальной истории как предмета определения социальных статусов в древнерусском обществе конца XI – начала XIII в. В своих характеристиках данный период однороден, а именно как письменный христианский киевский и домонгольский, – на что указывают исторические источники, в том числе и древнерусская литература этого времени [1, 2].

Начиная со второй половины XIX в. историческая наука продвинулась в изучении древнерусской одежды. Появляются первые крупные труды [3, 4]. Благодаря успехам отечественной археологии и этнографии [5. С. 94–98], и прежде всего расширению раскопок в 1960–1970-е гг. [6], с середины XX в. происходит увеличение источниковой базы, что указывает на возрастание научного интереса к данному предмету.

Корпус источников по древнерусской одежде может быть задан тремя группами: археологические, изобразительные и письменные материалы. Данная классификация позволяет обнаружить исследование одежды в рамках трех взаимосвязанных дисциплин: археологии, этнографии и истории. Как по научным методам, так и по объяснительной части «одежда говорит на разных языках». Историческая наука как таковая основывается на письменных источниках, подтверждая и дополняя их археологическими и этнографическими исследованиями.

Нахождение «одежды» в рядах наименований определяет ее отнесенность к той или иной научной дисциплине. Поэтому в исторических исследованиях, преимущественно этнографических, характерных для второй половины XIX в., наряду с головным убором, верхней и нижней одеждой, обувью встречаются также украшения, броня, вооружение, утварь, жилище, а иногда и украшенная лошадиная сбруя [4. С. 52.]. Одежда помещена в перечень вещей материальной культуры, описание предметов быта и местоположена среди курганного инвентаря.

К вопросу историографии

Одной из первых работ в XIX в., посвященных древнерусской одежде, является исследование Г. Вейса. В первом томе «История одежды, вооружения, построек и утвари народов древнего мира» [3] одежда вписывается в один ряд с внешним бытом. Охватывая древний дописьменный период, автор рассматривает одежду европейско-сарматских и иллиро-фракийских народов, сохранившуюся в изображениях на римских памятниках. Г. Вейс отмечает материал и способы изготовления одежды. Анализируя быт скифов, он указывает на то, что они знали шерсть, выделанную кожу, шитье, шило, овчинные тулупы, валяную овечью шерсть [3. С. 5–6]. Причем возможно обнаружить взаимосвязь одежды и жилища на основании используемых материалов: скифские кибитки были обтянуты шкурами или войлоком [3. С. 15].

Если Г. Вейс ограничивается перечислением результатов, лишь косвенно относящихся к описанию домонгольского киевского существования Руси, то В. Прохоров в «Материалах по истории русских одежд и обстановки жизни народной» [4] исследует киевский период, используя все три группы источников. Его работа носит как описательный, так и источниковедческий характер. Автор четко различает и фиксирует по главам мужскую и женскую одежду, браслеты, серьги, гривны, бляхи и пояса. Ряд наименований, в который помещается одежда, связан с тем, что В. Прохоров использует материал с курганных могильников [4. С. 27, 34, 39], но расширяет предмет одежды до «обстановки жизни», разделяя ее на мирную и военную. Подробно описаны элементы одежды, во-первых, мирной обстановки: рубашки, штаны, сапоги, лапти (поступы), кафтаны, шапки, колпаки, плащи, епанчи. Во-вторых – военной: шлемы, кольчуги, кинжалы, ножи, секиры (топоры), кельты, копья, рогатины, стрелы, луки и колчаны, щиты, молотки и другое оружие [4. С. 52].

Поскольку одежда помещена в один ряд с терминами «обстановки жизни», от автора не ускользает и социальная функция одежды. Так, В. Прохоров обращает внимание на свидетельство Ибн Фадлана, который упоминает погребальный обряд сожжения умершего у славян. В комплекс действий этого обряда входило сожжение одежды, а также жен и рабов. Жена, согласившаяся на самосожжение, должна была выбрать двух девушек, которые бы стерегли ее и готовили обряд. В подготовку обряда включалась кройка одежды. Потрясает сложность одежды для обряда сожжения: «...ему надели шаровары, носки, сапоги, куртку и кафтан из дибаджа с золотыми пуговицами, надели ему на голову калансуву из дибаджа с сободем...» Перечисление элементов одежды указывает на стремление выразить через нее социальный статус обладателя. Сожжение дорогих по стоимости предметов не может быть

продиктовано рациональными целями. Одежда символизирует иерархичность древнерусского общества, тем самым подтверждая существование социального порядка в киевский период.

Задействованные в работе В. Прохорова источники по одежде лишь подтверждают, что ее значение символически связано с широким горизонтом предметов, составляющих социальный уклад бытования человека в Древней Руси. Их широта имеет метку от изображения одежды на монетах и вазах, в сборнике Святослава XI в., на окладе Мстиславова Евангелия XII в. до содержащих элементы одежды фресок на лестнице Киево-Софийского собора XI в., а также метку в виде упоминаний одежды в письменных источниках и в виде вещественных находок.

Результаты исследований В. Прохорова перекликаются с работой И.Е. Забелина «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях» [7]. Хотя в ней рассматривается более поздний период, но при нехватке источников данные за XVI и XVII вв. так же могут быть правомерно использованы как подтверждающие некоторые более ранние уникальные источники.

Особенное место в историографии занимает монография Б.Ф. Адлера «Возникновение одежды» [8]. Исследование этнографично, однако выходит за границы дисциплины, поскольку автор задается вопросом об истоках одежды и в качестве ответа строит достаточно последовательную теорию, опирающуюся на эмпирические данные, собранные по одежде к началу XX в.

Таким образом, обобщая немногочисленный материал по исследованию одежды второй половины XIX – начала XX в., следует выделить работы Г. Вейса, В. Прохорова и Б.Ф. Адлера, демонстрирующие значимость одежды в описании социального порядка древнерусского общества XI–XIII вв. В проанализированных трудах прослеживается изменение методов описания социальной роли одежды: от включения ее в ряд наименований до теоретических построений, позволяющих концептуально вписать одежду в социальную историю.

Методология исследования

Знания, которые уже приобрела историческая наука, продолжают накапливаться. Междисциплинарный и комплексный подходы способствуют актуализации исторических проблем через обнаружение новых неисследованных аспектов исторических объектов, о чем свидетельствуют такие научные мероприятия, как международные научные конференции «Стены и мосты» (2012–2019) и «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (2003–2019).

С расширением источниковой базы во второй половине XX в. оказывается возможной интерпретация исторического источника. Это приводит к тому, что в последние два десятилетия в исторических дисциплинах все чаще используется метод исторической реконструкции [9]. Реконструкция невозможна без комплексного подхода, который основывается на многофакторности исторического процесса, поэтому она

предполагает воссоздание исторического факта (образа) как результата исследования, при этом привлекая максимально полно все исторические источники, включая письменные.

Подобная тенденция прослеживается в изучении такого исторического источника, как одежда средневекового общества, которая обозначается в истории повседневности [5, 10] и социальной антропологии [11], социологии и истории институтов (институционализм [12]) и т.д., уходя в такие специализированные исследования, как история костюма, история моды и др.

В качестве предмета одежда рассматривается в современных археологических, этнографических, антропологических исследованиях, а также в филологии [1], истории искусства [13], семиотике [14], эстетике [15] и др. Каждая дисциплина определяет свой круг проблем, в рамках данного исследования выделяется социологический анализ одежды древнерусского общества XI–XIII вв.

Комплексное рассмотрение множества узкоспециальных дисциплин, изучающих древнерусскую одежду, приводит к обобщенному ее определению. Дефиниция одежды как предмета в каждом исследовании оказывается итогом синтеза научных знаний. Когда она представляется в рамках археологии, то понимается как вещь; когда анализируется в рамках этнографии, то является частью материальной культуры (костюм); когда исследуется в филологии, то обозначает художественную единицу (термин), которая встречается в памятниках литературы; когда используется в социологических работах, то оказывается общественной функцией человека (социальная роль). Совмещение методов и понятийного аппарата разных дисциплин (междисциплинарность) с комплексным подходом (многофакторность) образует общий корпус научных знаний, где предмет исследования (одежда) становится разноплановым. Вследствие этого можно заключить, что в каждом конкретном случае, когда одежда становится предметом изучения, происходит реконструкция определения, позволяющая открыть новые ракурсы ее рассмотрения.

Таким образом, концептуализация эмпирического (археологического, этнографического, социологического) материала, формирует теоретический каркас исследования «одежды».

Методологическая ретроспекция узкопрофессиональных теорий позволяет обнаружить фрагментарность в рассмотрении одежды. Такую интересную, но несколько одностороннюю закономерность еще в начале XX в. выявил этнограф Б.Ф. Адлер, когда заключил, что одежда вызвана эстетической необходимостью и, следовательно, возникает из генезиса украшений тела [8]. Как если бы браслет на руке со временем стал оплечьем, а затем рукавом. Ожерелье стало бы воротом. И, соединяясь между собой, рукава и ворот плотно ложились бы на тело одеждой – привычным кафтаном. Таким образом, в исследовании одежды используется междисциплинарный подход, обеспечивающий комплексное рассмотрение одежды как предмета социальной истории.

Социальная история: введение в исследовательское поле

Обращение к социальной истории с целью анализа древнерусской одежды может быть понято по-разному. Возникают трудности при использовании социологических понятий, с помощью которых структурируется древнерусское общество. Ситуация осложняется научной дискуссией между исторической социологией и социальной историей относительно вопроса эволюции социальных институтов в исторической ретроспективе.

Социологические методы делают наиболее значимой проблему того, как понимать «социальное» в исторической науке. Немецкий историк Р. Зидер осуществляет теоретическую попытку по разрешению научного спора [16]. Осмысляя «социальное», он обнаруживает различные его определения, неоднозначность которых приводит к дискуссии между двумя родственными дисциплинами. В отечественной историографии выделяется монография Н. Рожкова «Обзор русской истории с социологической точки зрения» [17], где вскрывается взаимосвязь истории и социологии. В этой работе «социальное» представлено как «явление общежития» [17. С. 3–6].

В советской историографии интерес к обозначенному вопросу снижается в связи с тем, что «социальное» в данный период определяется однозначно, только как «классовое». Поэтому до середины 1980-х гг. социальная история не выделялась как относительно самостоятельная дисциплина и находилась в рамках марксистской исторической науки, опирающейся на объективные экономические законы развития общества. Социальная эволюция понималась в виде линейного движения по общественно-экономическим формациям, где движителем являлась борьба антагонистических классов за право собственности на основное средство производство.

В постсоветской исторической науке устойчиво сохраняется представление об общественных отношениях как производственно-экономических. Однако в современной литературе начинает выстраиваться разговор о социальной истории, который вызван потребностью в объяснении социальных потрясений в годы перестройки, а также в первое десятилетие после развала Советского Союза. Как отмечает П.С. Стефанович [18], социальная история получила новое осмысление. Несмотря на появление множества монографий и статей, акцентирующих значимость социальной истории, вопрос о четком и ясном определении ее предмета остается открытым. Возникает спрос на историографические исследования обобщающего характера, которые бы поставили точку в научной дискуссии посредством консенсуса в отношении представлений о «социальном». Поскольку «социальное» многоаспектно, то конвенциональность достижима через обращение к междисциплинарности.

Для определения круга проблем в изучении одежды древнерусского общества в рамках социальной истории необходимо отталкиваться от исторической науки, которая изучает человеческую деятельность в прошлом. Предмет ее является конкретизированным, ведь

каждое историческое явление конкретно и устанавливается как уникальный, неповторимый факт. Таких неповторимых фактов бесконечное множество, что приводит к необходимости отделять существенные от несущественных. Обращение исторической науки к другим социально-гуманитарным дисциплинам позволяет теоретизировать существенные исторические факты, которые сами по себе могут быть описаны только как «голый» факт (дата, место, событие).

В свою очередь, социальные явления по объему понятия входят в исторические явления. Можно рассматривать социальные явления как исторические, но невозможно рассматривать исторические явления только как социальные. В теоретической социологии явления устанавливаются как факты дедуктивным способом, исходя из уже известных концепций и в качестве их подтверждения.

Если рассматривать социальное явление в истории, то оно может пониматься двумя способами: как историческое конкретное явление либо как социологическое понятие. В первом случае мы будем иметь дело с социальной историей, а во втором – с социологией. Возможен ли компромисс между двумя науками?

Если вопрос стоит о компромиссе, то ответ можно считать конструктивным. Как историческая наука, так и социология всегда отталкиваются от настоящего, от проблемы, на которую обращено внимание исследователя. В ходе исторического исследования, исходя из поставленной проблемы, привлекаются исторические источники. Разнообразие привлеченных исторических источников и факторов представляет комплексный подход. Многофакторность уже предполагает некоторую теоретичность, поскольку речь идет как о причинно-следственных связях, так и о выделении одних более существенных факторов из множества других несущественных факторов. Социальная история и есть определенный критерий отбора факторов, имеющий направленность в проблеме, которую поставил исследователь. А социология как теория есть то, что задает направленность социальной истории, поскольку разрабатывает инструменты – понятия и методы.

Можно ли говорить о том, что социология – лишь инструмент истории? Категорически инструментальной ролью социология не ограничивается. Обращаясь к конкретике исторических явлений, социология находит новый эмпирический материал. Поэтому можно заключить, что социальная история открывает для социологии новые социальные факты прошлого, которые сегодня не замечаемы как существующая данность или уже отсутствуют, как, например, потлач или древние формы семьи.

Таким образом, социальная история – это историческая наука, занимающаяся изучением конкретных социальных фактов в масштабе человека, группы, общества, а также общественных институтов (структур) и их генезиса. В данном определении «социальное» не выносится за рамки государства и не противопоставляется ему, а, наоборот, включает его в себя как главный общественный институт. Власть также не выносится за границы общества, а существует как социальное отношение. Так, «социальное» имеет свою историю в еди-

ном историческом процессе, взаимно обуславливая политическую историю и историю государства.

Подводя промежуточный итог, отметим, что только целостный разноаспектный анализ позволяет задать «одежду» как самодостаточный предмет исторического исследования, а не «второстепенный источник» описания и понимания исторической действительности. В данной статье для исследования древнерусской одежды применяется междисциплинарный подход, который позволяет соединить археологические, этнографические, филологические материалы посредством социальной истории.

Аналитика одежды: социально-исторический подход

Историческое существование одежды принадлежит к социальным явлениям. Рассмотрению подлежат не материал одежды, узоры, ее состав или функции, но конкретные социальные факты, встречающиеся в исторических источниках, как, например, пассаж о переодевании и смене социального статуса в Киево-Печерском патерике [19. С. 305–307].

Обратимся к статье Т.И. Устиновой «Одежда как знак социальной роли: читаем “Короля Лира” У. Шекспира» [20], посвященной анализу социального предьявления одежды. Несмотря на то, что работа выполнена филологом и обращена к анализу шекспировского времени, т.е., по сути, разбирается художественное произведение, в ней возможно обнаружить социально-исторический аспект. Филологические изыскания материала пьесы «Король Лир» были сосредоточены на проблеме одежды как «первого признака социального происхождения» [20. С. 341]. Какие именно социальные роли были раскрыты, остается до конца не ясным. Знаком какой социальной роли является одежда, когда она рассматривается как «смена социального статуса» [20. С. 342] или ставится вопрос о ее социальном происхождении, или анализируется сюжет о наготы как социальном акте [20. С. 344]?

Текст указывает на то, что автором выдвигается предположение о роли одежды в качестве признака социального происхождения. Богатая одежда есть знак знатного социального происхождения, бедная – незнатного. Социальная роль одежды есть обозначение социального происхождения, которое создает видимость как некий приписываемый социальный статус. Против этой видимости и восстает шекспировский король Лир. Против той же видимости борется и, например, «Феодосий Печерский» у Нестора, но он преследует божью, а не человеческую истину, выраженную как «человек – “венец живущего”» [21].

В том, что одежда является знаком социального происхождения, нет очевидности, на которую указывает филология в лице Т.И. Устиновой. Любое социальное происхождение само уже определяет наряд. Например, князь оденется князем, а боярин боярином. Социальный статус князя предполагает княжескую одежду – в данном случае социологический аспект. Социальная история будет отталкиваться не от художественного образа одежды и той роли, которую вы-

полняет одежда в обозначенном эпизоде, не от княжеского статуса, который недоступен непосредственно, а будет основываться на действии в прошлом, выраженном в конкретном предмете, дошедшем до нас (конкретный социальный факт). Поэтому социальная история обращается к одеванию / раздеванию как социальному акту, который запечатлен Шекспиром в его персонаже – короле Лир.

В статье В.В. Пузанова «Социокультурные конструкторы и образы повседневности в “Житии Феодосия”» [21] дана характеристика маркеров социального статуса в Древней Руси. Статья примечательна тем, что является примером исторических исследований по отдельному произведению. Автор подходит к анализу «Жития» системно и пошагово [21. С. 3–4]. Каждое отдельное произведение должно рассматриваться в совокупности с другими произведениями, а не изолированно от них. Перенос мировосприятия отдельно автора на все общество в целом ошибочно, поэтому необходимо реконструировать мировоззрение интеллектуальной элиты и ее отношение к различным слоям общества. С точки зрения В.В. Пузанова, «важным маркером социального статуса человека в эпоху, когда писалось житие, являлась одежда» [21. С. 15]. Делается попытка установить отношение переодевания и смены статуса как социальный факт. Автор не уходит далеко от текста источника, следует параллельно ему во избежание излишних допущений, приводя массу примеров из жития, которые дополняются из других источников.

В древнерусском обществе, реконструированном в работах В.В. Пузанова, В.В. Долгова [22], а также ряда других специалистов, таких как А.С. Демин [2], киевский период характеризуется выстроенной социальной иерархией. Внутри общественного порядка одежда используется как предмет узнавания социального статуса и социального действия. При этом одежда приобретает собственный социальный характер, отчего происходит ее гипостазирование, т.е. приписывание ей таких свойств, которыми она не обладает. Одежда ассоциируется с общественными отношениями и обнаруживает свое самодостаточное существование в социальных практиках, таких как переодевание, связанное со сменой социального статуса, погребальный обряд, включающий изготовление одежды покойному, наряжание в другого и т.д. Как если бы «одежда делала человека» (Квинтилиан). Данные социальные практики представлены примерами из письменных источников, подкрепленных археологией, этнографией и филологией.

Узнавание выражается двумя способами использования одежды. Во-первых, надевание формирует процесс узнавания, в котором одежда приобретает смыслы в общественных отношениях, что нередко придает ей мистические черты, непонятные современному человеку. Ряжение, наряд определяют человека, делают его узнаваемым, т.е. придают ему социальный статус. Благодаря узнаванию существуют социальный статус и социальный акт, а поэтому и общественный порядок вообще. С этой точки зрения вызывает интерес известный пассаж о приглашении варягов на княжение:

«Ркоша руси чюдъ, словенѣ, кривичи и вся: “Земля наша велика и обильна, а *наряда* (курсив мой. – А.Ш.) въ ней нѣтъ. Да поидете княжить и володѣть нами”. И избрашася трие брата с роды своими» [23]. Как видно, наряд и порядок имеют этимологическую связь, что подтверждается социально-историческим контекстом. Во-вторых, раздевание указывает на лишение или добровольное отстранение от социального статуса, значение которого несет одежда. Общеизвестны примеры, когда признается бесчестьем скидывание головного убора, срывание одежды при казнях и т.д. Сочетание надевания и раздевания образуют такое социальное явление, как переодевание, т.е. «надевание заново». В этом акте проявляется определяющая роль одежды не только для отдельного человека, но и для его места в социальном порядке.

Приписывание статусной одежде качеств и ролей, которые предполагает статус, наделяло ее сакральной властью, местом в иерархии и заставляла человека поклоняться ей или пренебрегать. Княжеская одежда ассоциировалась с той властью, которую имел князь. Примером этому является свидетельство о том, что княжеские одежды вывешивались на стенах в случае захвата города, как это было при взятии половцами Киева [24. С. 133]. Сакральное воззрение на княжеские одежды носит универсальный характер как для византийцев, так и для варваров. Киевская Русь, скорее всего, испытывала уже довольно сильное влияние Византии. Багряница как символ императорской власти являлась желанным подарком или трофеем для варваров. В.В. Пузанов отмечает, что в трактате Константина Багрянородного запрещалось дарить императорские одежды варварским или каким-либо другим народам [24. С. 132]. Императорская одежда символизировала императорскую власть [9. С. 100]. В словаре И.И. Срезневского термин «багряница» употребляется в таких фразах, как «от носящего багряницу и венец», «изменник царскому багру» [25. С. 30].

В древнерусском обществе XI–XIII вв. исследованы метки князей. Узнавание древнерусского князя происходило через кързно (плащ), княжескую шапку или венки. «Во многих культурах венцы, короны, другими словами, головные украшения правителей служили важнейшими символами монархической власти. Более того, корона часто становилась символом всей страны, выступая олицетворением самой идеи государственности, олицетворением нации, создавшей государство» [22. С. 39]. Головной убор киевских князей представляется спорным. Он является как венок или «шапка золотая», либо как круглая шапка с меховой опушкой [22. С. 41]. Такой княжеский венец встречается на фресках на лестнице Киево-Софийского собора XI в. В. Прохоров установил, что княжеская одежда (в том числе плащ) и уборы на фресках чисто русские, как и в Сборнике Святослава XI в. На одной из фресок князь сидит на византийском престоле и с венцом на голове [4. С. 58]. Обязательным атрибутом князей на изображениях XI–XIII вв. была русская княжеская шапка: мягкая, сферическая, с меховым околышем [26. С. 290].

Золотые пояса – общие для князей и бояр, упоминаемые в духовных грамотах, являлись «знаком фео-

дального достоинства» [26. С. 291]. Интересно свидетельство в донесении Немецкого двора в Новгороде рижскому магистрату от 1331 г. «В тот же вечер принял некто по имени Борис Сильвестрович и сказал: его прислали триста золотых поясов» [26. С. 291], а далее в донесении на месте золотых поясов появляются просто господа, откуда и видно их тождество. При этом триста поясов по количеству могут совпадать с количеством мест в Новгородском Совете господ. Золотой пояс великого князя встречается на свадьбе Василия II в 1433 г., по летописным известиям он явился причиной междоусобицы [27. С. 97]. Так, одежда и отдельные ее атрибуты участвуют в наследовании статусов. Они необходимо связаны с социальным положением.

Одежда и богатство в литературе нередко являются синонимами точно так же, как нагота и нищета [1. С. 10]. И это не случайность: одежда и ее материал были порой очень дорогими. Боярские одежды и одежды вельмож обозначаются в древнерусской литературе как «одежда светлая» [21. С. 15; 24. С. 15]. А.В. Арциховский отмечает одну шапку, упоминаемую на берестяной грамоте № 138 (вторая половина XIII в.) и заложенную у ростовщика. Шапка была оценена в 13 гривен. Для сравнения, в грамоте № 155 девка (невеста, выкупленная из рабства) была оценена в 12 гривен, а фунт серебра стоил примерно 30 гривен [26. С. 290].

Также в договоре между византийцами и славянами 911 г. значится штраф, уплачиваемый одеждой в случае отсутствия денег [28]. При пошиве одежды использовали золотую нить, драгоценные украшения. Имеются свидетельства, что уже в XI в. в монастырях и в княжеской среде существовали специальные мастерские, где оттачивалась техника золотого шитья [5. С. 98-99].

Что касается основной массы свободного населения городов и сел, то она упускается из описания книжников. В литературе изредка в безличной форме имеются опосредованные упоминания об обычных людях. Гораздо больше информации дают археологические и этнографические материалы и особенно материал берестяных грамот. Одежда обычных людей различалась между собой только количественно, например длиной полы или рукава, количеством вышитых узоров, металлических украшений.

Среди народа были и богатые горожане, одним из которых был новгородец Слинько, предполагаемый владелец шапки (см. выше), оцененной в 13 гривен [26. С. 290]. Но, как заметил В.В. Пузанов, «все бояре и вельможи – богатые, но не все богатые – бояре или вельможи» [21. С. 15; 24. С. 10]. Одежда поэтому имеет большее значение в социальном узнавании, чем имущество.

Традиционно люди так же узнают друг друга по одежде, как встречают князя, боярина или вельможу, после чего следует приветствие, соответствующее статусу. Горожане и сельские жители не отличались в этот период одеждой. В истории существуют как минимум два заблуждения по поводу одежды основной массы свободного населения: во-первых, крестьяне XI–XIII вв. – лапотники, поскольку они бедны и

им было доступно лыко; во-вторых, шубы носили только бояре и вельможи либо богатые горожане. М.А. Сабурова, опираясь на исследования А.В. Арциховского, установила, что самые ранние изображения крестьян в лаптях встречаются около XV в., также на плетение лаптей указывают кочедыки (инструмент), найденные в могильниках того же времени. В Новгороде обнаружен лишь один лапоть в слоях того же XV в. Отсюда можно сделать вывод, что крестьяне и горожане в XI–XIII вв., скорее всего, не носили лапти. Археологические раскопки показывают, что в Новгороде чаще встречается кожаная обувь. Возможно, что крестьяне не уступали горожанам в ношении такой обуви.

Отдельную категорию населения составляли монахи. Одежда представляется Феодосию Печерскому, одному из основателей монашества на Руси, мирской роскошью. Он, презирая ее, сознательно одевается в одежду настолько нищенскую, что даже монахи пренебрегали неизвестным для них Феодосием, когда тот еще хотел постричься и бродил по монастырям. Как отмечает в своих работах П.И. Гайденок, монахи ловко сочетали «иноческие обеты с благами земного мира» [29], что обнаруживает категорический характер такой социальной практики, как узнавание по одежде, будучи даже у такой «отстраненной» социальной группы, как монахи. Анализ древнерусской одежды позволил описать общественный порядок Киевской Руси. Социальная иерархия, размечающаяся одеждой, с приходом христианской мысли становится внутренне противоречивой. В лице Феодосия Печерского христианство указывает на видимость мирского порядка и вводит социальное в область духовного, пытаясь изменить общество по христианской традиции.

Выводы

Таким образом, итогом статьи является разметка исследовательского поля древнерусской одежды в рамках социальной истории. Накопленные научные знания в исторических и неисторических дисциплинах делают возможным междисциплинарный и комплексный подходы. Это позволяет поместить одежду как объект исследования в социально-исторический контекст. Благодаря комплексному подходу к рассмотрению древнерусской одежды, реконструируется общественный порядок, внутри которого фиксируются социальные факты в виде социальных статусов и социальных действий.

Социально-исторический анализ структуры общества показал, что одежда может рассматриваться как социальный статус и социальный акт. Тем самым социальная логика приписывает одежде те качества, которыми вне общества она не обладает. Например, в княжеской одежде узнается княжеская власть. Приобретая гипостазированные черты, одежда оказывается самостоятельным историческим явлением. Археологические, этнографические и филологические материалы, в которых упоминается одежда, подтверждают наличие социального статуса в Древней Руси XI–XIII вв. как способа установления социального порядка.

На примере киевского периода показано, что одежда ассоциируется с общественным порядком, являясь меткой социального статуса, который она размечает, становясь самостоятельным предметом, определяющим человека. Итак, одежда человека суть предметы его узнавания в обществе, без которых он не мыслится и не существует в общественной структуре определенной исторической эпохи.

Список источников

1. Былинин В.К., Демин А.С., Елеонская А.С., Калугин В.В., Черная Л.А., Щеголева Л.И. Древнерусская литература: изображение общества. М.: Наука, 1991. 248 с.
2. Демин А.С. Древнерусская литература как литература (о манерах повествования и изображения). М.: Языки славянской культуры, 2015. 486 с.
3. Вейс Г. Внешний быт народов с древнейших до наших времен: в 3 т. / пер. с нем. В. Чаева. М.: Тип. Крачева и Комп., 1874. Т. 1: История одежды, вооружения, построек и утвари народов древнего мира, ч. 2: Западные народы. 504 с.
4. Прохоров В. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной: в 4 т. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1881–1885.
5. Сабурова М.А. Древнерусский костюм // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. 368 с.
6. Макаров Н.А. Об институте // Институт Археологии РАН. URL: <https://www.archaeolog.ru/about> (дата обращения: 08.06.2020).
7. Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях: в 2 т. 3-е изд. с доп. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1895–1901.
8. Адлер Б.Ф. Возникновение одежды. СПб.: Художеств. типо-лит. А.К. Вейерман, 1903. 88 с.
9. Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, конструкты. Ижевск: Удмуртский университет, 2007. 624 с.
10. Степанова Ю.В. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2009. 364 с.
11. Долгов В.В. Древняя Русь: мозаика эпохи: очерки социальной антропологии общественных отношений XI–XVI вв. Ижевск: Удмуртский университет, 2004. 219 с.
12. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 410 с.
13. Пармон Ф.М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М.: Легпромбытиздат, 1994. 272 с.
14. Геращенко В.П. Белый клубок и шапка Мономаха (к вопросу семиотики традиционного костюма Древней Руси) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 6. С. 42–53.
15. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. XI–XVII века. 2-е изд. М.: Мысль, 1995. 637 с.
16. Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // Thesis. 1993. № 1. С. 163–181.
17. Рожков Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения. 2-е изд. М.: Изд. И.К. Шамова, 1905. Ч. 1: Киевская Русь (с IV до конца XII века). 172 с.
18. Стефанович П.С. Социальная история Древней Руси: старые проблемы, новые подходы: к выходу в свет книги «Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI вв.»: доклад на семинаре «Русь Средневековая» // Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 2013. URL: http://www.hist.msu.ru/about/gen_news/48842/ (дата обращения: 08.06.2020).
19. Киево-Печерский патерик // Древнерусская литература / сост., предисл. и коммент. М.П. Одесского. М.: Слово / Slovo, 2001. 736 с.
20. Устинова Т.И. Одежда как знак социальной роли: читаем «Короля Лира» У Шекспира // Дергачевские чтения-2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. И.А. Дергачева, Екатеринбург, 6–7 октября 2011 г.: в 3 т. / сост. А.В. Подчиненов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. Т. 3. С. 341–346.

21. Пузанов В.В. Социокультурные конструкты и образы повседневности в «Житии Феодосия» // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 7. С. 3–28.
22. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII вв. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2017. 592 с.
23. Повесть временных лет / подг. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 08.06.2020).
24. Пузанов В.В. Государство и общество Древней Руси глазами современников (X–XII вв.) : историко-антропологические очерки. Ижевск : Удмуртский университет, 2012. 240 с.
25. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1893. Т. 1. 513 с.
26. Арциховский А.В. Одежда // Очерки русской культуры XIII–XV в. / под ред. А.В. Арциховского. М. : Изд-во МГУ, 1969. Ч. 1: Материальная культура С. 277–296.
27. VIII летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. СПб. : Тип. Министрства внутренних дел, 1885. Т. 10. 256 с. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/f2d/Polnoe%20sobranie%20rus%20letopisey%2010.pdf> (дата обращения: 08.06.2020).
28. Русско-византийский договор // Проект «100 главных документов российской истории». URL: <http://doc.histrf.ru/10-16/rusko-vizantiyskiy-dogovor/> (дата обращения: 08.06.2020).
29. Гайденоко П.И. Можно ли спастись в роскоши? : (о быте и пределах аскетических опытов древнерусского монаха XI–XIII вв.) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 8. С. 7–17.

References

1. Bylinin, V.K., Demin, A.S., Eleonskaya, A.S., Kalugin, V.V., Chernaya, L.A. & Shchegoleva, L.I. (1991) *Drevnerusskaya literatura: izobrazhenie obshchestva* [Old Russian Literature: Image of Society]. Moscow: Nauka.
2. Demin, A.S. (2015) *Drevnerusskaya literatura kak literatura (o manerakh povestvovaniya i izobrazheniya)* [Old Russian literature as literature (on the manners of narration and depiction)]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Weiss, G. (1874) *Vneshniy byt narodov s drevneyshikh do nashikh vremen: v 3 t.* [External Life of Peoples from Ancient Times to Our Times: in 3 vols]. Vol. 1. Translated from German by V. Chaev. Moscow: Tip. Kracheva i Komp.
4. Prokhorov, V. (1881–1885) *Materialy po istorii russkikh odezhd i obstanovki zhizni narodnoy: v 4 t.* [Materials on the history of Russian clothes and the situation of folk life: in 4 vols]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
5. Saburova, M.A. (1997) *Drevnerusskiy kostyum* [Old Russian costume]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura* [Ancient Rus'. Life and Culture]. Moscow: Nauka.
6. Makarov, N.A. (n.d.) *Ob institute. Institut Arheologii RAN* [About the Institute. Institute of Archeology RAS]. [Online] Available from: <https://www.archaeolog.ru/about> (Accessed: 8th June 2020).
7. Zabelin, I.E. (1895–1901) *Domashniy byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh: v 2 t.* [Home life of the Russian people in the 16th and 17th centuries: in 2 vols]. 3rd ed. Moscow: A.I. Mamontov.
8. Adler, B.F. (1903) *Vozniknovenie odezhdy* [The Emergence of Clothing]. St. Petersburg: A.K. Veyerman.
9. Puzanov, V.V. (2007) *Drevnerusskaya gosudarstvennost': genezis, etnokul'turnaya sreda, konstruktivy* [Old Russian statehood: Genesis, ethno-cultural environment, constructs]. Izhevsk: Udmurtskiy universitet.
10. Stepanova, Yu.V. (2009) *Drevnerusskiy pogrebal'nyy kostyum Verkhnevolzh'ya* [Ancient Russian burial costume of the Upper Volga region]. Tver: Tver State University.
11. Dolgov, V.V. (2004) *Drevnyaya Rus': mozaika epokhi: ocherki sotsial'noy antropologii obshchestvennykh otnosheniy XI–XVI vv.* [Ancient Rus': Mosaic of an Epoch: Essays on the Social Anthropology of Social Relations in the 11th–16th Centuries]. Izhevsk: Udmurt University.
12. Veblen, T. (1984) *Teoriya prazdnogo klassa* [Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress.
13. Parmon, F.M. (1994) *Russkiy narodnyy kostyum kak khudozhestvenno-konstruktorskiy istochnik tvorchestva* [Russian folk costume as an artistic and design source of creativity]. Moscow: Legprombytizdat.
14. Gerashchenko, V.P. (2008) *Belyy klobuk i shapka Monomakha (k voprosu semiotiki traditsionnogo kostyuma Drevney Rusi)* [The white hood and Monomakh's hat (on the issue of semiotics of the traditional costume of Ancient Rus')]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* 6. pp. 42–53.
15. Bychkov, V.V. (1995) *Russkaya srednevekovaya estetika. XI–XVII veka* [Russian medieval aesthetics. The 11th – 17th centuries]. 2nd ed. Moscow: Mysl.
16. Zider, R. (1993) *Chto takoe sotsial'naya istoriya? Razryvy i preemstvennost' v osvoenii "sotsial'nogo"* [What is social history? Gaps and continuity in the development of the "social"]. *Thesis.* 1. pp. 163–181.
17. Rozhkov, N. (1905) *Obzor russkoy istorii s sotsiologicheskoy tochki zreniya* [Overview of Russian History from a Sociological Point of View]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: I.K. Shamov.
18. Stefanovich, P.S. (2013) *Sotsial'naya istoriya Drevney Rusi: starye problemy, novye podkhody: k vykhodu v svet knigi "Boyare, otroki, družiny: Voенно-politicheskaya elita Rusi v X–XI vv."* [Social history of Ancient Rus': Old problems, new approaches: On the book "Boyars, youths, squads: The military-political elite of Rus' in the 10th – 11th centuries"]. [Online] Available from: http://www.hist.msu.ru/about/gen_news/48842/ (Accessed: 08.06.2020).
19. Odessky, M.P. (2001) *Drevnerusskaya literatura* [Old Russian Literature]. Moscow: Slovo.
20. Ustinova, T.I. (2012) *Odezhd kak znak sotsial'noy roli: chitaem "Korolya Lira" U. Shekspira* [Clothing as a Sign of Social Role: Reading Shakespeare's "King Lear"]. *Dergachevskie chteniya-2011.* In: Podchinenov, A.V. (ed.) *Russkaya literatura: natsional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti* [Dergachev Readings-2011. Russian Literature: National Development and Regional Features]. Vol. 3. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 341–346.
21. Puzanov, V.V. (2007) *Sotsiokul'turnye konstruktivy i obrazy povsednevnosti v "Zhitii Feodosiya"* [Sociocultural constructs and images of everyday life in "The Life of Theodosius"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta.* 7. pp. 3–28.
22. Dolgov, V.V. (2017) *Byt i нравы Древней Руси. Miry povsednevnosti XI–XIII vv.* [Life and Customs of Ancient Rus'. Worlds of Everyday Life of the 11th – 13th Centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko.
23. Tvorogov, O.V. (ed.) (n.d.) *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years] [Online] Available from: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (Accessed: 8th June 2020).
24. Puzanov, V.V. (2012) *Gosudarstvo i obshchestvo Drevney Rusi glazami sovremennikov (X–XII vv): istoriko-antropologicheskie ocherki* [The state and society of Old Rus through the eyes of contemporaries (the 10th – 12th centuries): Historical and anthropological essays]. Izhevsk: Udmurt University.
25. Sreznevsky, I.I. (1893) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Ancient Russian Language According to Written Monuments]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
26. Artsikhovskiy, A.V. (1969) *Odezhd* [Clothes]. In: Artsikhovskiy, A.V. (ed.) *Ocherki russkoy kul'tury XIII–XV v.* [Essays on Russian culture of the 13th–15th centuries]. Moscow: MSU. pp. 277–296.

27. Bychkov, A.F. (ed.). (1885) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Russian Chronicles]. Vol. 10. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs. [Online] Available from: <https://runivers.ru/upload/iblock/f2d/Polnoe%20sobranie%20rus%20letopisey%2010.pdf> (Accessed: 8th June 2020).
28. Russia. (n.d.) *Russko-vizantiyskiy dogovor* [Russian-Byzantine Treaty]. [Online] Available from: <http://doc.histrf.ru/10-16/russko-vizantiyskiy-dogovor/> (Accessed: 8th June 2020).
29. Gaydenko, P.I. (2017) *Mozhno li spastis' v roskoshi?: (o byte i predelakh asketicheskikh opytov drevnerusskogo monakha XI–XIII vv.)* [Is it possible to escape in luxury?: (about the life and limits of the ascetic experiences of the ancient Russian monk in the 11th – 13th centuries)]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. 8. pp. 7–17.

Сведения об авторе:

Шамшурин Алексей Андреевич – аспирант, старший преподаватель кафедры философии и гуманитарных дисциплин Института истории и социологии Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия). E-mail: shamshurinuds@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Shamshurin Alexey Andreevich – Postgraduate Student, Senior Lecturer of the Department of Philosophy and Humanities of the Institute of History and Sociology of Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: shamshurinuds@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.06.2020; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 19.06.2020; accepted for publication 22.05.2023

Научная статья
УДК 9.93/94
doi: 10.17223/19988613/83/23

Тюркский этнический компонент в составе русских Южной Сибири (XVII–XX вв.)

Людмила Ивановна Шерстова

Томский государственный университет, Томск, Россия, Sherstova58@mail.ru

Аннотация. Исследуется участие тюркоязычных народов в развитии русского этноса в Южной Сибири. Анализируется характер межэтнических отношений под влиянием государственной политики и бытовых контактов русских поселенцев и местного населения. Доказывается, что на ранних этапах русской колонизации преобладали процессы ассимиляции, а с расширением русской колонизации из сменили процессы аккультурации. Следствием этого стала смена идентичности части тюркоязычных народов региона. После ликвидации особых прав инородцев русифицированная часть аборигенного населения вошла в состав русских Сибири.

Ключевые слова: Южная Сибирь, тюркоязычные народы, русские, ассимиляция, аккультурация, этническая идентичность

Благодарности: Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюрко-монгольский мир “Большого Алтая”: единство и многообразие в истории и современности», проект № 748715Ф.99.1.ББ97АА00002.

Для цитирования: Шерстова Л.И. Тюркский этнический компонент в составе русских Южной Сибири (XVII–XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 176–182. doi: 10.17223/19988613/83/23

Original article

Turkic Ethnic Component in South Siberia Russian Population (17th–20th centuries)

Lyudmila I. Sherstova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Sherstova58@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to understand the process of Russian colonization of Siberia. The subject of research is the problem of the ethnocultural development of Russians in Southern Siberia during the 17th - early 20th centuries. The basis of this research includes wide range of literature and sources, such as archive materials, and classical works on the Russian colonization of Siberia.

In the initial period of Russian colonization, there was a shift from the agricultural model of the economy to the commercial one due to the severe natural conditions, and importance of fur trade. The “male” character of the early colonization determined the interethnic relations such as Russian-aboriginal marriages. Their descendants were reckoned to one of the estates in the social structure of the Moscow kingdom. The metisized population did not form any separate socio-cultural or socio-legal group. Its baptized part became part of the Siberian Russians. It enriched their culture through cultural borrowings, and ensured flexibility and further development. Colonization of the steppe spaces from the Urals to the Yenisei in the middle of the 18th century gradually eliminated the imbalance between the male and female Russian population. Permanent economic and cultural contacts between Russian and Turkic-speaking peoples intensified acculturation processes. Long-term acculturation processes formed large population in parts of South Siberia. It was not yet Russian, but no longer aboriginal. The people were settled and baptized, spoke Russian only, remembered little about its pre-Russian history, had weak ethnic identity.

In the first decade of the XX century, only the term of their special estate, “Non-Slavs” somehow separated the Russified part of the Turkic-speaking population of Southern Siberia from the Russian peasantry. It no longer had its own ethnopolitical prospects. Most of it, having acquired the Russian-old-timers economic and cultural complex, organically entered into the Russian Siberian population. The acculturation intensified due to two reasons. The first is the abolition of non-Slav councils during the Stolypin reforms. Many Turkic peoples’ original ethnonyms were forgotten: the Shui, Kumysh, Yachinin, Kamlar, Togul, Tagab, Ashkyshtym, etc. The second reason was the abolition of the class structure after the February Revolution: class boundaries were broken, and the Russified part of the latter became an integral part of the Russians of Southern Siberia.

Keywords: South Siberia, Turkic peoples, Russians, assimilation, acculturation, ethnic identity

Acknowledgements: The article is created within the State Assignment “Turkic-Mongolian World of the Big Altay: Unity and Diversity in the Past and Present Times” (project No. 748715Ф.99.1.ББ97АА00002).

For citation: Sherstova, L.I. (2023) Turkic Ethnic Component in South Siberia Russian Population (17th–20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 176–182. doi: 10.17223/19988613/83/23

Любой этнос в процессе своего развития из-за роста численности населения, а также вследствие действия каких-либо неблагоприятных факторов (войны, эпидемии и т.п.) расширяет свою этническую территорию, что приводит к освоению им или его частью новых природных и социокультурных пространств и, следовательно, изменяет его первоначальную культурно-хозяйственную модель. Поэтому в составе любого этноса формируются специфические, более оптимально приспособленные к изменившимся конкретным условиям сообщества, обозначаемые как субэтносы, особенностью которых являются приобретенные новые адаптационные культурно-хозяйственные навыки, которые демонстрируют жизнеспособность этноса в целом, его гибкость и способность к дальнейшему развитию. Эти особенности русских и их культуры особенно четко проявились при освоении ими Сибири.

Уже на европейской территории развитие древнерусского (русского) этноса происходило в различных природно-климатических зонах, что проявилось в формировании различных хозяйственно-культурных типов. Специфические природно-климатические условия севера Европейской равнины существенно изменили облик культуры северных русских и даже сместили доминанты их хозяйственной деятельности. Развитие ремесел и торговли в Новгородских землях, отход от пашенного земледелия в ряде случаев, переход к морскому зверобойному промыслу, охоте и рыболовству русских на побережье Белого моря, постоянные и тесные контакты со здешними аборигенами стали причиной и условием формирования одной из многих этнографических групп русского этноса – поморов. Можно утверждать, что произошла трансформация первичной земледельческой хозяйственной модели и других связанных с ней культурных характеристик под влиянием природной среды Севера [1. С. 75–78].

Но значение промысла, прежде всего охоты, было изначально велико не только у архангелогородцев или поморов, но и у всего населения Приуралья, а затем и северного Урала – Югры. Русские поселенцы, встретившись с коми-пермяками, коми-зырянами, вогулами (манси), западными остяками (хантами), вынуждены были не только налаживать с ними прямые или косвенные контакты, но и вырабатывать определенные правила и установления для стабильного сосуществования на общей территории. То и другое прямо предполагало неизбежные и очень ранние процессы аккультурации и даже локальной ассимиляции. Исследователи отмечают заметное влияние аборигенов и их этнокультурного комплекса на северорусскую культуру вплоть до XX в. [2. С. 6–25].

Из Поморья и Приуралья двигался через Урал в Сибирь основной поток переселенцев, прежде всего промысловых артелей, задолго до похода Ермака.

Но ранний этап государственной колонизации Сибири охватывал главным образом сибирскую тайгу, богатую пушным зверем. Появление русских городов Тары, Тюмени, Томска, Кузнецка, Красноярска, Иркутска привело к выходу русской колонизации в лесостепные и степные пространства и активизировало контакты русских, уже имевших богатый опыт межэтнических и межкультурных контактов, с тюркоязычными народами сибирских степей.

Следует отметить, что лексика служебных документов XVII в. носила нейтральный характер, не сопровождалась оценочными эпитетами. Она способствовала налаживанию делового взаимодействия различных категорий сибирского населения и не вызывала у него враждебно-негативных ассоциаций. Неслучайно в народном сознании впоследствии утвердилось представление о мирном характере приведения зауральских обитателей к покорности [3. С. 104], а отношения между пришлым и местным населением базировались на паритетных отношениях, что исключало высокомерие русских.

О широких межэтнических контактах свидетельствуют даже те исследователи сибирской истории, которые акцентировали в своих трудах военный характер присоединения Сибири. П.Н. Буцинский констатировал «полнейшее общение между завоевателями и покоренными», отсутствие вражды и полное житейское сближение русских и туземцев [4. С. 329]. С.В. Бахрушин фиксировал заметное влияние аборигенов на культуру русских сибиряков и обыденность «русско-туземных браков» [5. С. 95–97]. В.А. Александров признавал, что «переселенцы в короткие сроки стали органической частью всего сибирского населения» [6. С. 9].

Начальный этап русской колонизации имел «мужской» облик – стрельцы, казаки, промышленники, т.е. русские мужчины, часто оставив свои семьи за Уралом, вступали в брачные отношения с местными женщинами. Ситуация объяснялась тем, что в XVII в. в Сибири было очень мало русских женщин. Поэтому большинство походов в «немирные земли» заканчивались захватом детей и женщин. Так, во время похода 1641 г. Якова Тухачевского в Киргизскую землю «...жен их и детей... взяли 130 человек, да верблюдов 150, да лошадей с 300...». Кыргызы просили не крестить жен и детей и не продавать их [7. С. 103–104] прежде всего потому, что новокрещенные русскими обратно не выдавались, но и своими назад не принимались. Именно поэтому захватившие «ясырь» служилые старались побыстрее совершить над пленными обряд крещения, чтобы пресечь претензии на их выдачу, а затем продать людей «на торгу» в любом из русских городов. Женщины, как правило, становились женами русских мужчин. Как отмечает С.В. Бахрушин, «учесть даже приблизительно количество креще-

ных туземок не представляется возможным» [5. С. 98]. Таким образом, закладывались условия для интенсивных процессов ассимиляции и формирования еще одной этнографической группы русского этноса – сибиряков.

Исследователи отмечают, что в XVII в. недостаток продуктов у русского населения Сибири пополнялся за счет местной фауны и флоры, т.е. возросло значение охоты, рыбной ловли, собирательства в их комплексе жизнеобеспечения. Многие продукты, скот, лошадей русские покупали у местных народов. Вследствие этого питание русского населения ускоряло процесс общей биологической адаптации к местным условиям. Вместе с тем русские старались восстановить весь комплекс своей традиционной диеты, что и было успешно выполнено уже в XVIII в. в зоне старого расселения [8. С. 186–187].

Метаморфозы русско-сибирской кухни объясняются исходя из того соотношения между мужским и женским, пришлым и местным населением, которое постепенно изменялось на протяжении XVII–XVIII вв. В начальный период русской колонизации крещенные местные женщины через свою бытовую деятельность ненавязчиво изменяли пристрастия русских сибиряков, дети от смешанных браков воспроизводили эти видоизмененные традиции в последующих поколениях сибирского населения. Только в XVIII в., в результате открывшейся широкой земледельческой колонизации западносибирских степей и предгорий Алтая, постепенно увеличивается приток русских семей и, соответственно, растет количество русских женщин. Как следствие, начинает восстанавливаться привычная европейско-русская кухня. В это время наибольшие темпы прироста русских отмечены для Томской губернии, южная, не таежная часть которой, заселенная тюркоязычными народами, оказалась наиболее привлекательной для переселенцев из-за Урала [9. С. 139]. Специфическая сибирская кухня там не сложилась, но она сохранила некоторые особенности, уходящие своими истоками в традиционную культуру сибирских народов.

Наряду с русско-аборигенными браками уже в XVII в. обозначились аккультурационные процессы – распространение русской культуры среди сибирских народов, например, в результате добровольного индивидуального принятия православия, прежде всего представителями местной элиты, и бытовых контактов. В XVII в. число таких новокрещенных служилых было невелико: в 1646 г. в Томском уезде насчитывалось лишь 13 «томских и казанских татар и остяков», принесших присягу новому царю Алексею Михайловичу в Томске по христианскому обычаю [10. С. 74].

Сословное устройство российского общества не способствовало выделению потомков от смешанных браков в специальное сословие. Они могли либо оставаться ясачными, либо быть служилыми, казаками, посадскими людьми, позднее – мещанами, крестьянами и купцами, т.е. органично включались в те российские сословия, которые уже существовали и статус которых был обозначен видом и объемом тягла или службы. Подмена этнической принадлежности социаль-

ным статусом – отличительная черта и Московского царства, и Российской империи. Переход из ясачного состояния в какое-либо другое сословие автоматически означал переход в состав русского этноса, тем более если это сопровождалось крещением. Массовое крещение в начале XVIII в. неизбежно расширяло этническую базу дальнейшего развития русских в Сибири и способствовало интенсификации аккультурационных процессов. Отсутствие специального сословия для русифицированных аборигенов и метисов облегчило взаимную аккультурацию пришлого и коренного населения, усиливая постепенную, «мягкую» русификацию последнего. Эта черта существенно отличала Россию от других европейских стран, проводивших колониальную политику при сходных, на первый взгляд, обстоятельствах.

В колонизируемой португальцами Бразилии также очень скоро стало происходить смешение аборигенов с европейцами, и вызвано это было тем же отсутствием достаточного числа «белых» женщин в колонии вплоть до середины XVII в. Колониальная политика метрополии, направленная на утверждение господства незначительной по численности группы португальцев, препятствовала их растворению среди резко преобладавшего индейского населения. Юридическому делению бразильского населения соответствовали и его расовые различия. Так, высшие ступени в расово-социальной иерархии общества занимали белые, низшие – негры и индейцы. Место потомков смешанных браков было неопределенным. Такой порядок приводил к довольно быстрому обособлению метисов. Уже в XVI – середине XVII в. среди португало-индейских метисов, утративших связи и с индейскими родовыми общинами, формируются группы населения, стремившиеся селиться компактно, отмежевываясь как от индейцев, так и от португальцев. Именно они приняли участие в первоначальном формировании нового этноса – бразильцев [11. С. 32–50].

В Сибири складывались принципиально похожие смешанные группы, но они с самого начала оказались весьма неустойчивыми и никак не обособлялись, постоянно размываясь и пополняя собой все тягловые и даже некоторые нетягловые сословия России (служилые татары). В качестве примера приведем дело дворового калмыка Ивана Петрова, которое рассматривалось в 1820 г. Томским уездным судом. Этот крещеный «алтайский калмык служил» (т.е. принадлежал. – *Л.Ш.*) у купца Шумилова. После смерти последнего Петров обратился в суд с прошением о даровании ему «вольной». Судебное разбирательство по этому делу опиралось на Указ от 23 мая 1808 г., согласно которому купленные или выменянные у киргизов (казахов) дети обоего пола по достижении 25-летнего возраста должны стать свободными. Суд даровал Ивану Петрову свободу и дал ему право выбрать по своему желанию «род жизни» и сословие. Калмык Иван Петров с детьми пожелал сделаться мещанином г. Томска.

Тогда же слушалось еще одно дело – «о дворовых калмыцкого рода людях Спиридоне Васильеве, его жене Марфе, брате Иване». Приговор был аналогичным: по выбору своему Спиридон с семьей был записан в кре-

стьяне деревни Любимовки Семилужской крестьянской волости Томского уезда, а брат его Иван – в мещане города Томска [12. Л. 1–13]. Поскольку население страны фиксировалось по сословиям и вероисповеданию, калмыки Иван Петров, Спиридон и Иван Васильевы с их семьями, став крестьянами и мещанами и будучи православными, дополнили ряды русских сибиряков. Подобные случаи не были единичным в XVIII – первой половине XIX в.

Этот процесс – перехода из сословия ясачных и инородцев (с 1822 г.) в другие сословия – усилился в XIX в. в связи с ростом численности русских поселенцев и количества смешанных поселков. В результате замены ясака денежными выплатами все больше инородцев нанимались на разные работы в русских деревнях. В результате тесных контактов усиливались аккультурационные процессы, часть аборигенного населения постепенно переходила на русский язык и русскую культуру, а некоторые меняли и сословную принадлежность, что в тех условиях было равнозначно изменению этнической идентичности. Так, в Кизильской степной думе (Енисейская губерния) с 1837 по 1850-е гг. в крестьяне Ужурской и Балахтинской волостей Ачинского округа перешло 86 тюркоязычных семей. С 1833 по 1860 г. крестьянское сословие только одной Ужурской волости пополнилось 113 домохозяевами-инородцами [13. С. 187–189]

К концу XIX в. кроме русских и тюркоязычных народов Южной Сибири, практиковавших традиционный уклад жизни, в предгорной зоне Алтая, на юге Енисейской губернии, в Верхнем Притомье, в степной и лесостепной зоне Обь-Енисейского междуречья образовалось многочисленное население, явившееся результатом длительных аккультурационных процессов: пока еще не русское, но уже и не аборигенное. Эти люди, как правило, были оседлыми и крещеными, говорили только на русском языке, хотя, вероятно, сохраняли некоторые этнокультурные особенности.

Именно о них писал Н.М. Ядринцев: «При исследовании инородцев в 1880 г. на Алтае» наблюдались «многие инородческие типы, и (я) нашел, что... в некоторых местах... невозможно отличить русских от потомков инородцев, смешанных с русскими» [14. С. 22]. Целые инородные управы – Быстринская, Сарасинская, Уймонская Бийского округа, Кумышская Барнаульского округа, Кумышская, Камларская, Шуйская, Боянская Кузнецкого округа, Кумышская, Шуйская, Темерчинская Томского округа в Томской губернии, Мелеская Ачинского округа в Енисейской губернии – к концу XIX в. почти полностью русифицировались. Их население говорило только по-русски, придерживалось бытовой русской крестьянской культуры, исповедовало русское «народное» православие.

Так, к концу XIX в. в Сарасинской инородной управе Бийского округа население составляло 2 510 д.о.п. Ответственные чиновники констатировали: они «живут смешанно с русским населением и ни по образу жизни, ни по наружности ничем от него не отличаются» [15. Л. 45 об.–46]. Наиболее распространены были звучащие совершенно по-русски фамилии: Коптеловы, Амельяновы, Коровниковы, Жаврины, Никитины, Ро-

мановы, Старковы, Ивановы, Егоровы, Голых и т.д. [16. Л. 12].

Еще интенсивнее процессы аккультурации протекали среди тех изначально тюркоязычных народов, которые не имели своих «земель», а жили чересполосно с русскими в смешанных селениях. Они очень рано стали взаимодействовать с русским населением. Хотя и они были организованы в инородные управы, но не имели своей территории, и их органы самоуправления обладали в основном административно-фискальными функциями. Они не только проживали в смешанных деревнях, но и совместно с крестьянами пользовались общими землями. По среднему течению р. Ини и ее левым притокам обитали члены Шуйской и Кумышской инородных управ Кузнецкого округа. В начале XIX в. самые многочисленные группы шуйцев жили в деревнях Устиновой, Бештаняниной, Старогутовой, Рассолкиной, Абашевой. Коневой. Общее число населенных пунктов, где жили инородцы Шуйской управы, составляло тогда 20 деревень. Кумыши сосредоточивались в деревнях Калтырацкой, Коневой, Вагановой и еще 19 селениях. Именно отсутствие определенной территории компактного проживания всех перечисленных инородных управ и привело их к полному обрусению, что отметил С. Патканов, анализируя материалы переписи 1897 г.: инородцы обрусели на 100% и лишь по сословию принадлежат к таковым [17. С. 173].

Аналогичная ситуация складывалась и у одноименных – Шуйской и Кумышской – инородных управ Томского округа. Одним из центров сосредоточения томских кумышей являлось село Тогучин Кайлинской волости (65 р. д.). В той же крестьянской волости кумыши и шуйцы обитали в деревнях Ачинской, Кусьменской, Шубкиной, Шумиловой, Вассиной, Сурковой, Тутовой, Берцовой, Гляденской, Корниловой. В Тутальской-Обской крестьянской волости они осели в деревнях Поломошниковой, Поперечной, Искитимской, Мунгаловой, в селе Арлюк. В Кривошековской крестьянской волости – в деревне Быковой-Коён, а также в деревнях Голомыскиной, Завьяловой, Колотовкиной и Лебедевой Тарминской крестьянской волости Кузнецкого округа [18. С. 9]. Кумышей и шуйцев из их русского окружения выделяли только их причисление к инородным управам и принадлежность к сословию инородцев. По свидетельству С.П. Швецова, к 1898 г. они не только утратили родной тюркский язык, «но даже и внешний облик, теперь они ничем не отличаются от окружающих их крестьян». В 1897 г. в Томском округе их насчитывалось 1 394 д.о.п. [18. С. 37]. Одним из внешних свидетельств фактически законченных процессов естественной аккультурации явилось увеличение количества фамилий, одинаковых для тюркоязычных народов и русских. Так, у части инородцев и крестьян Кузнецкого и юга Томского уездов широко распространены были одинаковые фамилии: Туралины, Качкины, Шубины, Балагансковы, Некрасовы, Завьяловы, Кукарцевы, Тарадоновы и др. [19. Л. 5].

Подобные примеры фактически законченной аккультурации значительной части тюркоязычных народов степной зоны Южной Сибири могут быть продолжены. В данном случае важно выявление тенденции,

направленной на размывание прежней этнической идентичности, в какой-то степени ее подмену сословной и потенциальную готовность принять новую этническую идентичность.

Проводившиеся на рубеже XIX–XX вв. специальные исследования (работы Н.М. Ядринцева, С.П. Швецова, С. Патканова), сбор материалов губернскими управлениями, отчеты миссионеров подтверждали мнение местных и центральных властей империи о русификации значительной части тюркоязычных народов Южной Сибири, что укладывалось в формулу «самодержавие, православие, народность». Этот вывод повлиял на содержание аграрной реформы П.А. Столыпина, которая для тюркоязычного населения Южной Сибири сопровождалась административными преобразованиями – ликвидацией инородных управ и причислением их населения к крестьянским волостям, что в административно-фискальном плане выравнивало два сословия.

В ходе мощного переселения в начале XX в. резко менялось соотношение местного и пришлого населения. Так, за короткий срок с 1903 по 1913 г. только население Ачинского уезда Енисейской губернии увеличилось за счет переселенцев с 127 249 до 190 359 д.о.п. [20. С. 75]. Еще более изменилось соотношение между русскими и аборигенами в Минусинском уезде той же губернии. Если конце XIX в. доля русских составляла там 40% всего населения [21. С. 117], то в 1913 г. она достигла 86% [22. С. 3], что усилило интенсивность бытовых контактов переселенцев и местных тюркоязычных народов, ускорило процесс проникновения и закрепления элементов русской культуры в их образе жизни и мироощущении, размывало собственную этническую идентичность.

К этому времени существенно изменился этнический состав населения всех уездов юга Томской и Енисейской губерний. Столыпинская аграрная реформа очень быстро изменила соотношение переселенцев и инородцев даже в собственно аборигенных селениях, многие из которых стали переименовываться на русский лад. Так, 18 мая 1914 г. на волостном сходе Верхне-Кумандинской волости, которая под этим названием была известна русским с начала XVII в., принятием приговор о ее переименовании. Основанием послужило то, что «Верхне-Кумандинская волость Бийского уезда состоит из русских православных селений (! – Л.Ш.), а между тем название волости татарское» (тюркское. – Л.Ш.)... Сход решил переименовать ее «в Макарьевскую в честь Святого угодника Макария, во имя которого находится престол при местной церкви. Общее присутствие Томского губернского управления постановило с 1 января 1915 г. Верхне-Кумандинскую волость переименовать в Макарьевскую» [23. Л. 521]. В 1917 г. то же произошло

с Уйской волостью Каинского уезда: она стала Орловской [24. Л. 160]. В большинстве инородческих селений Южной Сибири к 1917 г. среди населения резко преобладали переселенцы.

В первое десятилетие XX в. только сословная принадлежность «инородцы» как-то отделяло русифицированную часть тюркоязычного населения Южной Сибири от русского крестьянства. Но собственных этнополитических перспектив она уже не имела. Большая ее часть, обретшая русско-старожильческий хозяйственно-культурный комплекс, органично перетекала в состав русских сибиряков. Этому процессу способствовали два обстоятельства. Первое – упразднение инородных управ, исконные дорусские этнонимические названия которых в условиях стремительного роста переселенцев забывались, а вместе с ними уходила и память о некоторых тюркоязычных народах Южной Сибири – шуйцах, кумышах, ячинцах, камларах, боянцах, мелессах, тогульцах, тагабцах, ашкыштымах и т.д. Второе обстоятельство было связано с ликвидацией сословного устройства России в ходе Февральской революции, когда были сломаны и сословные границы между крестьянами и инородцами и русифицированная часть последних стала составной частью русских Южной Сибири [25. С. 145–153], а русский этнос расширил свои этнические и культурные границы.

Однако важно отметить, что одновременно с процессами аккультурации среди тюркоязычных народов Южной Сибири не менее интенсивно протекали процессы консолидации, явственно обозначилось формирование новых этнических идентичностей, которые внешне, как этнонимы, закрепились уже в советское время – томские, барабинские и чулымские татары, шорцы, хакасы, телеуты, кумандинцы, челканцы, тубалары, теленгиты, алтайцы. Таким образом, часть тюркоязычных народов региона полностью реализовала свой центростремительный этнокультурный потенциал, что позволило некоторым из них создать собственные национально-территориальные автономии.

Южно-сибирские материалы наглядно демонстрируют механизмы естественных процессов изменения этнической карты Северной Евразии к началу XX в., когда на смену одним народам приходят другие, но не по воле отдельных людей или партий, а в ходе этнических процессов, в результате гибкости и высоких адаптационных возможностей этноса. В век информационных технологий и развитых коммуникаций можно сконструировать любое «воображаемое сообщество» как решение какой-то политической задачи. Однако его жизнеспособность будет эфемерна, что в конце концов приведет его к краху и будет иметь тяжелые последствия для социума.

Список источников

1. Бернштам Т.А. Поморы. Л. : Наука. 1978. 175 с.
2. На путях из Земли Пермской в Сибирь / под ред. В.А. Александрова. М. : Наука. 1989. 352 с.
3. Демин М.А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб. ; Барнаул : Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та. 1995. 197 с.
4. Будинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков : Тип. Губернского правления, 1889. 345 с.
5. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. М. : АН СССР. 1959. Т. 4. 257 с.
6. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М. : Наука. 1964. 320 с.

7. Материалы по истории Хакасии XVII–XVIII вв. / под ред. В.Я. Бутанаева, А. Абдыкалыкова. Абакан : Хакас. гос. ун-т, 1995. 250 с.
8. Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX в. / под ред. В.А. Александрова. М. : Наука. 1981. 269 с.
9. Кабузан В.Т., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII в. // *Сибирь периода феодализма*. Новосибирск : Наука, 1962. Вып. 1. С. 139–157.
10. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // *Труды Томского государственного университета*. Томск, 1950. Т. 112. 210 с.
11. Котовская М.Г. Этнические процессы в Бразилии. М. : Наука, 1985. 132 с.
12. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 880.
13. Ярилов А.А. Кизильцы и их хозяйство. Юрьев : тип. К. Маттисена, 1899. 366 с.
14. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. Современное положение Сибири. Ее интересы и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1882. XII, 471 с.
15. ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 10.
16. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 585.
17. Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири : стат. материалы о вымирании первобытных племен. СПб. : Императорская Академия наук, 1911. 206 с.
18. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Барнаул : типо-лит. при Глав. упр. Алтайского округа, 1898. Т. 2, вып. 1. 138 с.
19. ГАТО. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1.
20. Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности : в 58 т. СПб. : тип. «Нар. польза», 1903. Енисейская губерния. VI, 313 с.
21. Мохова Г.А. Социально-экономический очерк истории Хакасии в эпоху развития капитализма в России. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 1958. 123 с.
22. Сельскохозяйственный обзор Енисейской губернии за 1913 г. Красноярск : Енисейск. губ. электро-тип., 1914. Вып. 4: За 1913 год. 44 с.
23. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4124.
24. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4267.
25. Шерстова Л.И. Аборигенная политика и этнополитические процессы в Сибири: конец XVI – начало XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2017. 252 с.

References

1. Bernstam, T.A. (1978) *Pomoroy* [The Pomors]. Leningrad: Nauka.
2. Aleksandrov, V.A. (ed.) (1989) *Na putyakh iz Zemli Permskoy v Sibir'* [On the ways from the Permian Land to Siberia]. Moscow: Nauka.
3. Demin, M.A. (1995) *Korennyye narody Sibiri v ranney russkoy istoriografii* [Indigenous peoples of Siberia in early Russian historiography]. St. Petersburg; Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
4. Butsin'sky, P.N. (1889) *Zaselenie Sibiri i byt ee pervykh nasel'nikov* [The settlement of Siberia and the life of its first inhabitants]. Kharkov: Tip. Gubernskogo pravleniya.
5. Bakhrushin, S.V. (1959) *Ocherki po istorii Krasnoyarskogo uyezda v XVII v.* [Essays on the history of the Krasnoyarsk district in the 17th century]. *Nauchnye trudy*. 4.
6. Aleksandrov, V.A. (1964) *Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII v. (Eniseyskiy kray)* [Russian population of Siberia in the 17th – early 18th centuries (Yenisei Territory)]. Moscow: Nauka.
7. Butanaev, V.Ya. & Abdykalykov, A. (eds) (1995) *Materialy po istorii Khakasii XVII–XVIII vv.* [Materials on the History of Khakassia in the 17th–18th Centuries]. Abakan: Khakass State University.
8. Aleksandrov, V.A. (ed.) (1981) *Etnoografiya russkogo krest'yanstva Sibiri. XVII – seredina XIX v.* [Ethnography of the Russian peasantry in Siberia. 17th – mid 19th century]. Moscow: Nauka.
9. Kabuzan, V.T. & Troitskiy, S.M. (1962) *Dvizhenie naseleniya Sibiri v XVIII v.* [The movement of the population of Siberia in the 18th century]. In: Shunkov, V.I. (ed.) *Sibir' perioda feodalizma* [Siberia during Feudalism]. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka. pp. 139–157.
10. Boyarshinova, Z.Ya. (1950) *Naselenie Tomskogo uyezda v pervoy polovine XVII v.* [The population of the Tomsk district in the first half of the 17th century]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 112.
11. Kotovskaya, M.G. (1985) *Eticheskie protsessy v Brazii* [Ethnic processes in Brazil]. Moscow: Nauka.
12. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 1. List 2. File 880.
13. Yarilov, A.A. (1899) *Kizil'tsy i ikh khozyaystvo* [Kizil'tsy and their economy]. Yuriev: K. Mattisen.
14. Yadrintsev, N.M. (1882) *Sibir' kak koloniya. Sovremennoe polozhenie Sibiri. Ee interesy i potrebnosti. Ee proshloe i budushchee* [Siberia as a Colony. The Current State of Siberia. Her Interests and Needs. Her Past and Future]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
15. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 8. File 10.
16. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 144. List 1. File 585.
17. Patkanov, S. (1911) *O priroste inorodcheskogo naseleniya Sibiri* [On the growth of the non-native population of Siberia]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
18. Yuhnev, P.M. & Shvetsov, S.P. (eds) (1898) *Materialy po issledovaniyu krest'yanskogo i inorodcheskogo khozyaystva v Tomskom okruge* [Materials on the study of peasant and foreign economy in Tomsk Region]. Vol. 2. Barnaul: Tipo-lit. pri Glav. upr. Altayskogo okruga.
19. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 323. List 1. File 1.
20. Anon. (1903) *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skogo khozyaystva i promyshlennosti: v 58 t.* [Proceedings of local committees on the needs of agriculture and industry: in 58 vols]. St. Petersburg: Nar. pol'za.
21. Mokhova, G.A. (1958) *Sotsial'no-ekonomicheskiy ocherk istorii Khakasii v epokhu razvitiya kapitalizma v Rossii* [Socio-economic essay on the history of Khakassia during the development of capitalism in Russia]. Abakan: Khakas. kn. izd-vo.
22. Anon. (1914) *Sel'skokhozyaystvennyy obzor Eniseyskoy gubernii za 1913 g.* [Agricultural review of the Yenisei province for 1913]. Vol. 4. Krasnoyarsk: Eniseysk. губ. электро-тип.
23. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 44. File 4124.
24. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 44. File 4267.
25. Sherstova, L.I. (2017) *Aborigennaya politika i etnopoliticheskie protsessy v Sibiri: konets XVI – nachalo XX v.* [Aboriginal politics and ethno-political processes in Siberia: The late 16th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.

Сведения об авторе:

Шерстова Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Sherstova58@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sherstova Lyudimila I. – Doctor of Science in History, full professor, Tomsk State University, Faculty of History and Political Science, Department of Russian History (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Sherstova58@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.12.2022; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 05.12.2022; accepted for publication 22.05.2023

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Научная статья

УДК 061.12(47):001+37(09)

doi: 10.17223/19988613/83/24

Роль Академии наук в развитии образования и науки в провинции в первые годы советской власти

Елена Федоровна Синельникова¹, Соболев Владимир Семенович²

^{1,2} Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

¹ sinelnikova-elena@yandex.ru

² vlad_history@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты деятельности Академии наук в деле развития образования и науки в провинции в первые послереволюционные годы. Исследованы наиболее существенные традиционные направления взаимодействия Академии наук с интеллигенцией провинции, такие как распространение научных знаний, организация краеведческого движения, помощь в создании различных научных и образовательных учреждений, естественнонаучное изучение регионов. Представлен интересный материал о результатах деятельности академических ученых в провинции, а также их вклад в развитие образования и науки «на местах».

Ключевые слова: история науки, Академия наук, образование в России, деятельность ученых, взаимодействие центра и провинции

Для цитирования: Синельникова Е.Ф., Соболев В.С. Роль Академии наук в развитии образования и науки в провинции в первые годы советской власти // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 183–190. doi: 10.17223/19988613/83/24

Original article

The role of the Academy of Science to the development of education and science in Russian province in the first years of Soviet power

Elena F. Sinelnikova¹, Vladimir S. Sobolev²

^{1,2} Saint Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ sinelnikova-elena@yandex.ru

² vlad_history@mail.ru

Abstract. The Academy of Sciences was one of the authoritative all-Russian centers, where multifaceted work was systematically carried out to develop science and culture. The aim of the article is to analyze a number of serious aspects of that activity of the Academy of Sciences in the early years of Soviet rule. Solving the pressing problems of the development of enlightenment, education, and culture in Russia was an important component of the revolutionary transformations provided by the Soviet government in the first years after the October Revolution. The new authorities declared at almost all levels the basic principles of their “cultural” policy, the implementation of which was declared one of the primary tasks of the Soviet state. This position of the government received full support and understanding at the Academy of Sciences, which throughout the history of its activities has been and remains an important factor in the development of science and culture in the country. Academy itself was in those years one of the invariable and remarkable carriers and successors of a number of deep traditions in culture and science.

The source base for the study was the documents of a number of funds from the central and regional archives. In particular, a lot of interesting information was extracted from the fund of the Conference of the Academy of Sciences of the St. Petersburg branch of the archive of the Russian Academy of Sciences. The work also used the materials of the Samara and Kostroma Regional State Archives (1918-1921), legislative and regulatory acts of the Soviet government, periodicals, etc.

The authors studied the most significant in the traditional areas of interaction between the Academy of Sciences and the provincial intelligentsia, such as dissemination of scientific knowledge, organization of the local history movement, assistance in the creation of various scientific and educational institutions of various types, and the natural study of regions. The article summarizes the results and presents interesting material about the results of the scientists' activity in the provinces, their contribution to the development of education and science. The authors substantiated their conclusion that the Academy of Sciences, being one of the most authoritative all-Russian centers of science and culture, played a significant role in the development of education and science in the province in the first years of Soviet power. It should be emphasized that academic scholars have always taken a serious and attentive approach to the historical past of their country and all civilized mankind. This principle, in particular, laid the foundation for the activities of the Academy of Sciences in the preservation of historical and cultural monuments in the province; it was used in a large-scale educational work; in academic publishing; in the management of the local history movement, etc.

Keywords: history of science, the Academy of Sciences, education in Russia, the activities of scientists, the interaction of the center and the province

For citation: Sinelnikova, E.F., Sobolev, V.S. (2023) The role of the Academy of Science to the development of education and science in Russian province in the first years of Soviet power. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 183–190. doi: 10.17223/19988613/83/24

В первые годы советской власти учреждениям Академии наук, ее ученым своим трудом, активной гражданской позицией удавалось поддерживать общегосударственный авторитет на достаточно высоком уровне и занимать достойное место в культурной жизни страны. Несмотря на тяжелейшие последствия революционных преобразований и грандиозных по своим масштабам потрясений, Академия наук оставалась одним из признанных общественностью главных научных центров. Наиболее отчетливо данное положение проявилось в процессе тех взаимоотношений, которые Академии наук удалось выстроить с представителями научной интеллигенции российской провинции, особенно в успешном решении ряда задач по оказанию всемерной помощи своим коллегам «на местах».

Одним из важных результатов данного плодотворного взаимодействия стало формирование в России качественно нового научно-образовательного ландшафта. В провинциальных городах были созданы новые государственные и общественные научные структуры, проводилась работа по спасению памятников истории и культуры, комплектованию музейных и архивных фондов как основы будущих исследований. Впервые систематическому всестороннему изучению подверглись значительные территории страны. Необычайно активизировалось взаимодействие научных центров с провинцией.

В первую очередь получили ощутимый импульс традиционные формы таких взаимоотношений. В основе их лежало формировавшееся десятилетиями стремление ученых центров оказывать всемерную поддержку и помощь своим коллегам «на местах». Эта академическая традиция после революции получила действенную «подпитку» со стороны новой государственной власти, которая всемерно и на всех уровнях декларировала главные принципы своей политики в области культуры и просвещения, поставив их развитие в ряд первоочередных задач.

С другой стороны, качественные изменения в сфере взаимодействия «двух ветвей» науки и культуры (в нашем случае «центральной» и «местной») были вызваны резким повышением уровня общественной и профессиональной активности периферийной научной интеллигенции. Это являлось прямым результатом от-

мены революцией всех идеологических и цензурных ограничений, существовавших в царской России. Практически во всех, даже отдаленных, уголках огромной страны на основе неподдельного энтузиазма и самостоятельности представителей различных групп интеллигенции началась работа по организации музеев, библиотек, научных обществ, кружков и клубов, учебных заведений различных типов и др. Органы советской власти и управления часто поддерживали данные благотворные начинания, но в условиях разрухи народного хозяйства и начавшейся Гражданской войны эта помощь была весьма незначительной. В таких условиях поддержка и помощь со стороны научных центров России для местных организаций были крайне полезны и важны.

К сожалению, данная тематика до настоящего времени еще не получила должного отражения в историографии. Долгое время исследователи основное внимание уделяли демонстрации плодотворного сотрудничества ученых с советской властью и привлечению их к социалистическому строительству в раннесоветский период [1, 2]. Тем не менее в последние годы стали появляться исследования, посвященные малоизвестным страницам истории науки и образования в период Гражданской войны. Так, отдельные вопросы миграции ученых в первые послереволюционные годы исследовались А.Н. Еремеевой в ее монографии 2017 г. [3]. В этой работе изучены преимущественно южные и восточные регионы страны, которые долго находились под властью несоветских режимов. В то же время проблемы самоидентификации академического сообщества в годы Гражданской войны рассматривались известным историком науки Э.И. Колчинским [4]. Однако работ, посвященных взаимодействию местного профессионального сообщества и интеллигенции с научными центрами в деле организации высшего образования, привлечения молодежи к научной работе, на данный момент не создано, хотя массив интереснейших источников в целом ряде фондов федеральных и региональных архивов позволяет комплексно исследовать заявленную тематику.

В связи с вышеизложенным при подготовке настоящей статьи авторы ставили перед собой следующие задачи:

1. На основе выявленных архивных источников показать эволюцию традиционных взаимоотношений сотрудников научных центров страны со своими коллегами на периферии в первые годы советской власти. В частности, оценить влияние позиции советской власти, впервые в истории России декларировавшей необходимость проведения культурной революции.

2. Проанализировать качественные изменения в развитии культуры и образования «на местах», возникшие в результате значительного повышения уровня социальной и профессиональной активности периферийной интеллигенции.

3. Рассказать о некоторых наиболее ярких и радикальных формах и методах деятельности и ее результатах, возникших в ходе взаимодействия «двух ветвей» культуры и образования в первые годы советской власти.

4. Отметить повышение активности ученых – представителей центра по оказанию всемерной помощи местным коллегам. Оценить значение миграции отдельных ученых и результаты их научных командировок.

5. Дать оценку результатам совместных усилий научных работников центра и провинции по формированию качественно нового научно-образовательного ландшафта в стране.

Внимания историка науки заслуживает опыт издательской деятельности академических музеев, направленной на пропаганду и популяризацию научных знаний в широких слоях населения. После революции оживилась работа по выпуску специальных музейных изданий, таких как «Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук», «Ежегодник Зоологического музея Академии наук», «Труды Геологического и Минералогического музея Академии наук», сборники «Фауна России», «Флора России» и др.

Особое значение для создававшихся на местах самостоятельных организаций науки, культуры и образования имели академические издания другого типа – путеводители, пособия и инструкции. В то время вышли в свет «Путеводитель по Зоологическому музею» (5 изданий), «План распределения отделов Музея антропологии и этнографии», «Краткий путеводитель по Геологическому музею», «Наставления для собирания зоологических коллекций» (12 различных выпусков), «Инструкции для геологических и минералогических исследований» и др. В 1925 г., к 200-летию Академии наук, все ее музеи издали брошюры с научно-популярным описанием своих экспозиций и коллекций тиражом по 2 тыс. экз.

Следует отметить одну особенность распространения всей этой научно-популярной литературы: академические музеи рассылали ее по заявкам научных учреждений и организаций во все концы страны бесплатно, и это было в духе давних академических традиций.

В архивных документах сохранились многочисленные свидетельства о бесплатной высылке научной литературы самым разным адресатам. Приведем некоторые примеры. В мае 1920 г. Музей антропологии и этнографии направил этнографическую литературу Самарскому губернскому отделу народного образования [5. § 96]. Совет Зоологического музея в январе

1921 г. решил выслать свои издания Станции по борьбе с вредителями растений Киевского губернского земельного отдела [6. Л. 167], а в апреле того же года были предоставлены вновь созданному Орловскому университету все выпуски «Ежегодника Зоологического музея» и сборника «Фауна России» [7. Л. 43]. В январе 1925 г. Совет Геологического музея принял решение отправлять издания своих «Трудов» Харьковскому обществу испытателей природы [8. Л. 10].

В те годы существовала еще одна интересная форма деятельности академических музеев по оказанию конкретной помощи местным музеям, научным обществам и учебным заведениям. Этим провинциальным организациям безвозмездно передавались дублетные экземпляры экспонатов, различные муляжи и копии и др. Так, в сентябре 1920 г. Зоологический и Геологический музеи выделили целый ряд дублетных экземпляров и препараты для оборудования Естественноисторического музея Отдела народного образования Кронштадта [9. Л. 224–224 об.]. Интересные сведения о подобной деятельности нам удалось выявить в отчете Геологического музея за 1920 г. В частности, там указывалось следующее: «Возрождение ученой и учебной жизни России вызвало усиленную работу по снабжению вновь открытых учебных заведений палеонтологическими коллекциями и собраниями по исторической геологии». Похожие коллекции были переданы Иваново-Вознесенскому Политехникуму, Ташкентскому и Пермскому университетам, Горной академии в Екатеринбурге [10. Л. 7]. Совет Зоологического музея в июне 1921 г. решил предоставить «любителям естествознания» в Старой Руссе несколько экземпляров муляжей животных [7. Л. 59]. В 1921–1922 гг. Геологический музей изготовил и выслал дублетные «минералогические собрания» одиннадцати разным адресатам, среди которых Вологодский педагогический институт (360 экз.), Омский ветеринарный институт (235 экз.), Крымский университет (393 экз.), Туркестанский университет (282 экз.), Ставропольский сельскохозяйственный институт (278 экз.) и др. [11. Л. 4]. В соответствующих обращениях этих учебных заведений по данному вопросу говорилось, что собрания были необходимы для «обеспечения учебного процесса».

В первые годы советской власти музеи Академии наук оказывали всемерную помощь и местным музеям, направляя им большое количество дублетных экспонатов и их различных копий. В то время подобные материалы были высланы десяткам музейных учреждений в провинции. Перечислить их в настоящей статье не представляется возможным, назовем только некоторые, чтобы показать географию данного явления: Дагестанский, Кабардино-Балкарский, Кунгурский, Череповецкий, Якутский и др.

Следует вспомнить еще одну форму деятельности музеев Российской академии наук. Они в те годы часто оказывали периферийным научным организациям методическую и практическую помощь по аннотации и описанию коллекций. Так, в сентябре 1921 г. Совет Зоологического музея разрешил Рыбинскому обществу по изучению местного края прислать в музей свою коллекцию фауны «для определения и описания» [7. Л. 79].

Совет Геологического музея в январе 1925 г. решил оказать помощь Чудскому обществу краеведения «в определении окаменелостей и минералов» [8. Л. 42 об.]. В марте 1925 г. Совет Ботанического музея принял решение «производить работы по определению гербариев и коллекций, присылаемых местными музеями» [12. Л. 18].

В первые годы советской власти академическим «музейным центрам» были присущи глубокий демократизм, живые и непосредственные связи с самой «глубинкой» огромной страны, с многочисленной армией периферийных работников науки и просвещения. «Центрами» был сформирован свой «неформальный» актив в самых отдаленных уголках советского государства. Всегда письмо или запрос, полученные академическими музеями от любого корреспондента, вне зависимости от его научного или социального положения, от любого детского кружка из самого глухого села, рассматривались по существу ведущими специалистами, советами музеев со всей научной основательностью, и всегда давался исчерпывающий ответ, а часто оказывалась и практическая помощь посредством высылки научной литературы, методических пособий, копий экспонатов и др. Масштабы этой деятельности объяснялись прежде всего стремлением работников науки и культуры «утолить духовный голод» широких масс, рвущихся к просвещению и знаниям. Кроме того, это обуславливалось и высокой гражданской позицией представителей науки «центра», их подлинной интеллигентностью и этичностью, что стало одним из важных факторов формирования в стране нового научно-образовательного ландшафта.

Процесс изменения научно-образовательного ландшафта России в большой степени зависел от позиции научных работников и центров, и периферии; изменения эти прежде всего обуславливались конкретными результатами их деятельности. Одним из важных факторов осуществления коммуникативных связей центров с периферией страны в первые годы советской власти была миграция ученых, т.е. перемещение их из центров в провинцию, а также системные командировки представителей научных центров «на места» с целями решения конкретных задач ускорения развития науки, образования и культуры и в регионах.

Попытаемся вкратце проиллюстрировать данное положение на конкретных примерах из биографий российских ученых. В августе 1917 г. известный ученый, физиолог растений, с 1932 г. – академик Академии наук СССР, Андрей Андреевич Рихтер в числе других преподавателей Петроградского университета, уехал в Пермь в только что созданный там университет.

В Архиве Российской академии наук в личном фонде академика, президента АН СССР Владимира Леонтьевича Комарова хранятся письма, полученные им из Перми от А.А. Рихтера. В них содержатся конкретные сведения о весомом вкладе ученого в становление высшего образования в Перми и в развитие науки. Прежде всего им в университете была создана новая кафедра анатомии и физиологии растений. Он же возглавил ее работу.

Впрочем, лучше «предоставим слово» самому ученому. В своем письме к В.Л. Комарову, направленном

в марте 1918 г., А.А. Рихтер следующим образом описывал свою бурную деятельность в Перми: «Работы через край; провожу, с своими золотыми сотрудниками, два курса через лабораторию (по анатомии растений), собираю – по возможности из ничего, лабораторию, занят проектами учреждения Сельско-Хозяйственного факультета <...>; приглашен к организации Педагогического института для подготовки учителей <...> кое-что стараюсь делать и в нашем обществе [Ботаническом], налаживаем Ботаническую станцию¹. Как видите, верчусь в колесе. Устаю крепко – стар стал, но времени падать духом нет» (цит. по: [13. С. 20]).

Письма А.А. Рихтера донесли до нас интересные подробности о его деятельности в первые годы советской власти. При его самом активном участии были организованы сельскохозяйственный факультет с лесным отделением, а также фармацевтическое отделение на физико-математическом факультете, создана Камская биологическая станция в Нижней Курье, основано Пермское отделение Общества естествоиспытателей, читались лекционные курсы по общей ботанике для студентов физико-математического, медицинского и технического факультетов.

Следует отметить, что бытовые условия жизни А.А. Рихтера в Перми не были идеальны. В первый период своей работы он жил на съемной квартире на окраине города. В марте 1918 г. ученый был вынужден обратиться по этому вопросу к городским властям. Он писал: «При отсутствии средств сообщения мне приходится весь учебный год совершать почти ежедневно пятиверстные переходы пешком туда и назад, что, помимо траты времени, не может не отражаться на успешности руководства благодаря значительной усталости» (цит. по: [13. С. 21]). Наконец, профессору была предоставлена квартира недалеко от университета.

А.А. Рихтер, несмотря на все трудности, вызванные разрухой и Гражданской войной, своей деятельностью во многом способствовал успешному развитию научно-образовательного ландшафта Пермского Приуралья.

В первые послереволюционные годы (1917–1921) известный филолог, историк литературы, академик Владимир Николаевич Перетц вместе со своей женой, выдающимся литературоведом Варварой Павловной Адриановой-Перетц, жил и трудился в Самаре.

Получив отпуск из Академии наук для организации историко-филологического факультета Педагогического института, решение о создании которого было принято Временным правительством 22 августа 1917 г. [14. С. 3], Перетц прибыл в Самару 27 октября 1917 г., а уже 6 ноября приступил к занятиям со студентами [14. С. 6]. Владимиру Николаевичу удалось в этот период также издать ряд работ: «1) Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе императрицы Анны Ивановны в 1733–1735 гг. (изд[ательство] Рос[сийской] академии наук); 2) сведения об античном мире в древней Руси XI–XIV вв. («Гермес» 1918 г. вып. 13 и след[ующий]); 3) критико-библиографический обзор новых трудов по источниковедению древнерусской литературы и палеографии (Журнал мин[истерства] нар[одного] просв[ещения]); 4) статья «Рукописи Иосифова-Волоколамского монастыря»;

5) повесть XVII в. о потурчившемся иерее и 6) разбор книги акад[емика] В.С. Иконникова «Максим Грек и его время» (в «библиограф[ической] летописи, изд[ание] Общ[ества] Любит[елей] Др[евней] Письмен[ности]») [14. С. 8].

10 августа 1918 г. по решению Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания на базе Педагогического института был создан университет [15]. Декретом Совнаркома от 21 января 1919 г. это преобразование было утверждено, но днем основания университета было предложено считать «день первой годовщины Октябрьской революции – 7 ноября 1918 г.» [16. С. 311–312]. В годы преподавания в университете В.Н. Перетц продолжал свои научные исследования. Он изучал взаимовлияние польской и украинской литератур, работал над реставрацией текста «Слова о полку Игореве», разрабатывал приемы «научной» литературной критики. Кроме того, им была проведена сложная работа по выявлению, изучению и описанию старопечатных книг и рукописей. Результаты этой деятельности В.Н. Перетца были высоко оценены Отделением русского языка и словесности Российской академии наук, они также нашли свое отражение в ряде фундаментальных трудов, опубликованных ученым.

Значительной оказалась деятельность В.Н. Перетца в общественно-научных организациях Самары. Так, по его инициативе 22 ноября 1917 г. было создано Историко-филологическое общество при Педагогическом институте [17. С. 27], которое продолжало функционировать и после преобразования его в университет. В.Н. Перетц являлся председателем этого научного общества и неоднократно выступал с докладами.

Кроме того, Владимир Николаевич стал одним из учредителей Общества археологии, истории, этнографии (СОАИЭ), основанного 2 ноября 1919 г. при Самарском государственном университете [18. Л. 2]. Общество ставило своей целью исследование, изучение, собирание и охранение памятников древности, старины и искусства края с точки зрения археологии, истории и этнографии и смежных с ними наук [18. Л. 2].

По инициативе В.Н. Перетца, «принимая во внимание назревшую нужду в опытных сотрудниках по изучению местного края в археологическом, историческом и этнографическом отношениях и отсутствие музейных и архивных работников», 28 марта 1920 г. при обществе были открыты Археологические курсы [19. Л. 5]. В.Н. Перетц предполагал, что из них впоследствии «разовьется Археологический институт» [20. Л. 6]. Получив одобрение Губкома, Губоно и университета на преобразование курсов в Археологический институт, СОАИЭ обратилось в Российскую академию материальной культуры [18. Л. 6 об.]. Вес 1921 г. длилась переписка. Но, несмотря на поддержку местных властей, Российская академия истории материальной культуры не дала разрешения на создание в провинции специализированного высшего учебного заведения по подготовке археологов. Не помогли даже командировки Перетца в Москву и Петроград [21. Л. 29]. Тем не менее курсы продолжали работу. С 1 октября 1920 г. они были переименованы в Высшие этнолого-археологические с новым учебным планом с расши-

ренной программой [22. С. 18]. Председателем Совета Высших этнолого-археологических курсов до отъезда из Самары был академик В.Н. Перетц, он читал слушателям лекции по курсам «Славяно-русская палеография» и «Археология», а Варвара Павловна Адрианова-Перетц преподавала старославянский язык.

Кроме курсов В.Н. Перетц работал в Исторической комиссии СОАИЭ, занимаясь сохранением и изучением ценнейших архивов и библиотеки, культурных ценностей закрытых церквей и монастырей Самарской губернии. Кроме того, В.Н. Перетц и его жена В.П. Адрианова возглавляли Этнографическую комиссию общества, которая должна была заниматься составлением диалектологической и этнографической карт губернии по материалам последней переписи, организацией экспедиций. В 1921 г. В.Н. Перетц вернулся в Петроград и активно включился в работу Академии наук, Петроградского университета и Государственно-го института истории искусств.

В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук хранится отчет В.Н. Перетца, представленный им руководству Российской академии наук в начале 1924 г., где кратко, но вполне конкретно излагаются, в частности, основные результаты его работы в Самаре. Приведем только небольшой фрагмент этого архивного источника:

«Сведения о работе вне РАН а) в учреждениях и б) по популяризации знаний.

а) В учреждениях: 1) По организации Самарского государственного университета (1918–1920 гг.), заведя учебной частью. 2) В Самарском Губархиве в качестве эксперта (1918–1921). 3) В Самарском Губернском музее по реорганизации его, заведовал отделом памятников письменности; 4) Участвовал в реорганизации Учительского Самарского института в Педагогический институт; <...>

б) по полярзации знаний: 1) Работал в Самаре по организации “Просветительской организации Самарского университета” – предтечи “рабфаков” – и преподавал там (1918–20 гг.). <...> 5) В Самаре в 1919–21 гг. читал лекции на Археологических курсах для подготовки музейных и архивных работников» [23. Л. 16].

Полагаем, что этот документ вполне убедительно свидетельствует о весомом личном вкладе ученого в развитие научно-образовательного ландшафта региона.

Как уже упоминалось выше, системные командировки представителей научных центров «на места» являлись одной из важных форм успешного развития взаимоотношений «двух ветвей» науки. Особое значение они имели для решения сложных вопросов, возникавших при создании новых учреждений и организаций науки и культуры. Попробуем вкратце рассказать об этом.

В сентябре 1918 г. VI Костромской губернский съезд советов принял решение «об открытии университета в Костроме», и декретом Совнаркома от 21 января 1919 г. Костромской университет был утвержден [16]. Для него в центре губернского города выделили прекрасное здание бывшего Дворянского собрания. Для чтения лекции в университет была приглашена из Москвы группа профессоров, некоторые из которых

уже были известными учеными [24. С. 3]. В частности, лекции в университете в те годы читали историки Н.М. Дружинин и М.К. Любавский, литературоведы С.М. Бонди и Ф.А. Петровский, представители естественных наук Б.С. Грезе и А.В. Жадовский и др. Значительной была и группа петроградских ученых, работавших в Костроме: историки В.Н. Кун и Л.С. Цемш, правовед и специалист по истории права А.Л. Саккетти, филолог В.М. Шишмарев, антрополог Е.М. Чепурковский, созданием библиотеки при университете руководил известный филолог А.А. Фомин и др.

Первоначально в университете было два факультета: гуманитарный и естественнонаучный [25], позже появились педагогический, медицинский и «рабочий» факультеты [26]. Костромской университет за время своего существования (1918–1922) многое сделал для скорейшей подготовки кадров отечественных специалистов.

В конце 1918 г. академик Е.Ф. Карский был командирован академической Комиссией по изучению племенного состава (КИПС) в Западный край для проведения этнографических исследований в «районах, пограничных с Литвой и Польшей». Ученый с успехом выполнил основные задачи экспедиции. В частности, им была подготовлена к печати рукопись книги «Очерк литературы на белорусском народном языке». Параллельно со своей «академической» работой Е.В. Карский много энергии и профессиональных знаний отдавал решению насущных задач развития образования и культуры в этом регионе. Так, он был избран председателем Комиссии по организации первого в Белоруссии университета в Минске [27. § 141].

Пребывание ученого в Западном крае не обошлось без серьезных трудностей и испытаний. В апреле 1919 г.,

в связи с начавшейся советско-польской войной, польские войска приблизились к Минску. В этой тревожной обстановке деятельность Е.Ф. Карского почему-то вызвала подозрения местной власти. Он был арестован органами ЧК и мог быть расстрелян «в качестве заложника». Общим собранием Академии наук было немедленно отправлено соответствующее письмо в Наркомпрос, и только после вмешательства наркомата ученому удалось освободиться [27. § 141].

В июле 1920 г. академик В.В. Бартольд был командирован Академией наук в Ташкент для чтения курса лекций по истории Востока в Туркестанском университете. Это было его основной задачей, которая успешно завершилась подготовкой к печати рукописи книги «История Туркестана». Одновременно со своей «академической» работой ученый принял деятельное участие в реорганизации Туркестанских музеев и библиотеки, организации Комитета по изучению памятников старины, искусства и природы, а также в решении других задач развития науки и культуры в регионе [5. § 112, 120].

Таким образом, Академия наук в первые годы советской власти являлась одним из самых авторитетных общероссийских центров науки и культуры, и это нашло свое отражение в многогранной просветительской деятельности Академии наук, в движении за сохранение издательского дела, руководстве краеведческим движением и др. Одним из главных результатов такой работы стало формирование в стране качественно нового научно-образовательного ландшафта. Накопленный в те годы богатый исторический опыт в известной степени не утратил своей важности и актуальности и сегодня; он весьма интересен в историко-научном контексте.

Примечание

¹ Речь идет о создании Камской биологической станции в Нижней Курье близ Перми.

Список источников

1. Чапбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы (1917–1938 гг.). Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1973. 472 с.
2. Интеллигенция и революция. XX век : сб. ст. / отв. ред. К. Гусев. М. : Наука, 1985. 334 с.
3. Еремеева А.Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар : Платонов И., 2017. 208 с.
4. Колчинский Э.И. Российская академия наук и Гражданская война: в поисках путей выживания // Мавродинские чтения 2018 : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. СПб. : Нестор-История, 2018. С. 547–551.
5. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 1. Оп. 1а-1920. Д. 168.
6. СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 163.
7. СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 5.
8. СПбФ АРАН. Ф. 128. Оп. 2. Д. 85.
9. СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 167.
10. СПбФ АРАН. Ф. 128. Оп. 2. Д. 87.
11. СПбФ АРАН. Ф. 78. Оп. 1. Д. 213.
12. СПбФ АРАН. Ф. 72. Оп. 1. Д. 44.
13. Рихтер Я.А., Рихтер Т.Я. «Теперь работа, прежде всего работа особенно нужна для России...» (А.А. Рихтер в 1917–1923 годы в Пермском университете) // Историко-биологические исследования. 2020. Т. 12, № 1. С. 10–39.
14. Перетц В.Н. Отчет о деятельности Самарского Педагогического Института в осеннем полугодии 1917 года // Ученые известия Самарского университета. Самара: Тип. Губернского земства, 1918. С. 3–17.
15. Приказ № 216 Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания // Ученые известия Самарского университета. Самара: Тип. Губернского земства, 1918. С. X.
16. Декрет Совета народных комиссаров об утверждении государственных университетов в гг. Костроме, Смоленске, Астрахани и Тамбове и о преобразовании в государственные университеты быв. Демидовского юридического лицея в г. Ярославле и Педагогического института в г. Самаре // Декреты советской власти : в 13 т. М. : Госполитиздат, 1968. Т. IV : 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. С. 311–312.

17. Историко-филологическое общество в 1917–1918 академическом году // Ученые известия Самарского университета. Самара : Тип. Губернского земства, 1918. С. 26–39.
18. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 558. Оп. 1. Д. 16.
19. ЦГАСО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 25.
20. ЦГАСО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 21.
21. ЦГАСО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 45.
22. Зудина В.Н. Археологические изыскания // Классика самарского краеведения : антология. Самара : Самарский ун-т, 2008. Вып. 5: «Золотое десятилетие» самарского краеведения. С. 12–44.
23. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 25.
24. Соболев В.С. Из истории Костромского государственного университета // Северная правда. 1977. 26 авг.
25. Обзор преподавания наук в Костромском государственном рабоче-крестьянском университете на 1919–1920 учебный год. Кострома, 1919. 15 с.
26. Отчет о деятельности Костромского государственного рабоче-крестьянского университета за 1920 г. Кострома : Гос. изд-во, 1921. 69 с.
27. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1919. Д. 166.

References

1. Chanbarisov, Sh.Kh. (1973) *Formirovanie sovetskoy universitetskoj sistemy (1917–1938 gg.)* [Formation of the Soviet university system (1917–1938)]. Ufa: Bashkirskoe kn. izd-vo.
2. Gusev, K. (1985) *Intelligentsiya i revolyutsiya. XX vek* [Intelligentsia and revolution. The 20th century]. Moscow: Nauka.
3. Eremeeva, A.N. (2017) “*Nakhodyas' po usloviyam vremeni v provintsii...*”: *praktiki vyzhivaniya rossiyskikh uchenykh v gody Grazhdanskoj vojny* [“Being in the provinces according to the conditions of the time...”: The practices of survival of Russian scientists during the Civil War]. Krasnodar: Platonov I.
4. Kolchinskiy, E.I. (2018) Rossiyskaya akademiya nauk i Grazhdanskaya vojna: v poiskakh putey vyzhivaniya [The Russian Academy of Sciences and the Civil War: in search of ways to survive]. *Mavrodinskiye chteniya 2018* [The Mavrodin Readings 2018]. Proc. of the Conference. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 547–551.
5. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 1. List 1a-1920. File 168.
6. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 55. List 1. File 163.
7. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 55. List 1. File 5.
8. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 128. List 2. File 85.
9. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 55. List 1. File 167.
10. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 128. List 2. File 87.
11. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 78. List 1. File 213.
12. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 72. List 1. File 44.
13. Rikhter, Ya.A. & Rikhter, T.Ya. (2020) “*Teper' rabota, prezhde vsego rabota osobenno nuzhna dlya Rossii...*” (A.A. Rikhter v 1917–1923 gody v Permskom universitete) [“Now work, first of all, work is especially needed for Russia...” (A.A. Richter in 1917–1923 at Perm University)]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 12(1). pp. 10–39.
14. Peretts, V.N. (1918) Otchet o deyatelnosti Samarskogo Pedagogicheskogo Instituta v osennem polugodie 1917 goda [Report on the activities of the Samara Pedagogical Institute in the autumn half of 1917]. *Uchenye izvestiya Samarskogo universiteta*. pp. 3–17.
15. The Committee of Members of the All-Russian Constituent Assembly. (1918) Prikaz № 216 Komiteta chlenov Vserossiyskogo Uchreditel'nogo Sobraniya [Order No. 216 of the Committee of Members of the All-Russian Constituent Assembly]. *Uchenye izvestiya Samarskogo universiteta*. p. X.
16. The Council of People's Commissars. (1968) Dekret Soveta narodnykh komissarov ob utverzhenii gosudarstvennykh universitetov v gg. Kostrome, Smolenske, Astrakhani i Tambove i o preobrazovanii v gosudarstvennye universitety byv. Demidovskogo yuridicheskogo litseya v g. Yaroslavle i Pedagogicheskogo instituta v g. Samare [Decree of the Council of People's Commissars on the approval of state universities in Kostroma, Smolensk, Astrakhan and Tambov and on the transformation into state universities of Demidov Lyceum in Yaroslavl and the Pedagogical Institute in Samara]. In: *Dekrety sovetskoy vlasti: v 13 t.* [Decrees of Soviet Power: in 13 vols]. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat. pp. 311–312.
17. Anon. (1918) Istoriko-filologicheskoe obshchestvo v 1917–1918 akademicheskom godu [Historical and Philological Society in the 1917–1918 academic year]. *Uchenye izvestiya Samarskogo universiteta*. pp. 26–39.
18. The Central State Archive of the Samara Region (TsGASO). Fund 558. List 1. File 16.
19. The Central State Archive of the Samara Region (TsGASO). Fund 558. List 1. File 25.
20. The Central State Archive of the Samara Region (TsGASO). Fund 558. List 1. File 21.
21. The Central State Archive of the Samara Region (TsGASO). Fund 558. List 1. File 45.
22. Zudina, V.N. (2008) Arkheologicheskie izyskaniya [Archaeological research]. In: *Klassika samarskogo kraevedeniya* [Classics of Samara Local History]. Vol. 5. Samara: Samara University. pp. 12–44.
23. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 2. List 1-1924. File 25.
24. Sobolev, V.S. (1977) Iz istorii Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [From the history of Kostroma State University]. *Severnaya pravda*. 26th August.
25. Anon. (1919) *Obozrenie prepodavaniya nauk v Kostromskim gosudarstvennym raboche-krest'yanskom universitete na 1919–1920 uchebnyy god* [Review of the teaching of sciences at Kostroma State Workers' and Peasants' University for 1919–1920]. Kostroma: [s.n.].
26. Anon. (1921) *Otchet o deyatelnosti Kostromskogo gosudarstvennogo raboche-krest'yanskogo universiteta za 1920 g.* [Report on the activities of the Kostroma State Workers' and Peasants' University for 1920]. Kostroma: Gos. izd-vo.
27. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 1. List 1a-1919. File 166.

Сведения об авторах:

Синельникова Елена Федоровна – кандидат исторических наук, заместитель директора Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

Соболев Владимир Семенович – доктор исторических наук, заведующий сектором истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vlad_history@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Sinelnikova Elena Fedorovna – Ph.D., Deputy Director, St. Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation) E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru;

Sobolev Vladimir Semenovich – Dr. of Sciences (History), Chief researcher, St. Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation) E-mail: vlad_history@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.02.2020; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 21.02.2020; accepted for publication 22.05.2023

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Научная статья

УДК 378.4; 94

doi: 10.17223/19988613/83/25

Иностранные вузы на рынке высшего образования Узбекистана

Анастасия Михайловна Погорельская¹, Ольга Петровна Кобзева²

¹ Томский государственный университет, Томск, Россия, pogorelskaya@mail.tsu.ru

² Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан, kobzeva1975@internet.ru

Аннотация. Рынок высшего образования Узбекистана расширяется, привлекая множество иностранных вузов. Для российских вузов актуальна оценка ситуации на данном рынке и их основных конкурентов. Цель статьи – определение стратегий ключевых иностранных игроков на рынке высшего образования Узбекистана. Исследование базируется на анализе статистических данных международных организаций, правовой базы Республики Узбекистан и информации о филиалах иностранных вузов в Узбекистане из открытых источников. Сделан вывод, что российским вузам следует уже сейчас закрепить свои позиции на данном рынке.

Ключевые слова: высшее образование, филиалы вузов, интернационализация высшего образования

Для цитирования: Погорельская А.М., Кобзева О.П. Иностранные вузы на рынке высшего образования Узбекистана // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 191–198. doi: 10.17223/19988613/83/25

Original article

Foreign universities at the higher education market of Uzbekistan

Anastasia M. Pogorelskaya¹, Olga P. Kobzeva²

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, pogorelskaya@mail.tsu.ru

² National University of Uzbekistan after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan, kobzeva1975@internet.ru

Abstract. The research urgency is based on the fact that the market of higher educational services in Uzbekistan is growing. The latter attracts foreign universities that are struggling for a share of the market. Therefore, it is necessary for Russian universities to evaluate the volume of the market and its main competitors in order to secure and probably widen their presence in Uzbekistan. The research aim is to evaluate the strategies of foreign universities competing at the market of higher education in Uzbekistan.

The research is based on the analysis of statistics provided by international organizations and Uzbekistan agencies, analysis of the legal bases of Uzbek educational system and the open access data published by the branches of foreign universities in Uzbekistan.

Due to demographic situation and political changes after 2016, the demand for higher education in Uzbekistan is growing faster than the supply by national universities. Thus, it is the Government strategy to attract foreign universities to Uzbekistan to provide massive training of specialists. The main foreign universities working at Uzbekistan market of higher education include those of Russia, the Republic of Korea and India. Most branches in Uzbekistan are established by Asian universities, although the first foreign university branch in the country was the British one. The advantages of foreign universities in Uzbekistan include education in foreign languages, international educational standards and higher employability of graduating students. The disadvantage is relatively higher fees.

As a result, it is recommended for Russian universities to strengthen their positions in the available market niches at the market of higher education in Uzbekistan focusing on education in Physics and Mathematics, Natural Sciences, Engineering, Medicine. Taking into account the competitors' experience, the branches of Russian universities should expand the range of services provided, including the courses for pupils and school-leavers in Russian language, Mathematics, Physics, Chemistry and Biology.

Keywords: higher education, branch campus, higher education internationalization

For citation: Pogorelskaya, A.M., Kobzeva, O.P. (2023) Foreign universities at the higher education market of Uzbekistan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 191–198. doi: 10.17223/19988613/83/25

Введение

Сегодня одним из мировых трендов в области высшего образования стала его интернационализация. Это многосложное явление, которое подразумевает изменение высшего образования в двух измерениях: внешне через развитие академической мобильности и внутренне – путем трансформации учебных планов и внеучебной деятельности с целью привить всем студентам навыки межкультурного общения, понимания сложности и глобальности современного мира и т.п. [1] Интернационализация стала возможностью для многих стран модернизировать свою систему высшего образования в соответствии с запросами современного общества и рынка труда, подготовив высококвалифицированных специалистов. Однако данный процесс требует относительно большого времени и значительных усилий со стороны официальных властей, вузов и их сотрудников. В этой связи для многих государств, обладающих ограниченными ресурсами, одним из доступных способов интернационализации высшего образования стало привлечение в страну иностранных вузов и развитие сотрудничества с ними в виде создания филиалов, совместных факультетов и образовательных программ.

Узбекистан с 2017 г. ставит перед собой цели повышения охвата молодежи высшим образованием и улучшения его качества, заявленные в стратегических документах последних лет: Стратегии действий Республики Узбекистан «Узбекистан на 2017–2021 гг.», Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы» и Концепции развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года. Соответственно, в стране стали создаваться частные вузы, а также активно учреждаться филиалы иностранных вузов.

В этой связи актуальной представляется оценка степени конкуренции на рынке высшего образования Узбекистана как государства Центральной Азии с растущим спросом на высшее образование, который национальная система высшего образования, подвергающаяся реформам с 2016 г., пока удовлетворить не в состоянии. Цель данного исследования – оценить стратегии ключевых иностранных игроков на рынке высшего образования Узбекистана. Цель определяет следующие задачи: выявить особенности рынка высшего образования Узбекистана; оценить основных иностранных игроков на рынке высшего образования Узбекистана; сформулировать рекомендации для российских вузов. Исследование строится на анализе статистических данных международных организаций и профильных ведомств Узбекистана, а также правовой базы, регулирующей развитие системы высшего образования Узбекистана и его международные образовательные связи.

Характеристика рынка высшего образования Узбекистана

Узбекистан с 1995 г. демонстрирует устойчивый экономический рост, стимулирующий повышение покупательной способности населения. В результате граждане страны склонны больше инвестировать в образование своих детей. При этом количество детей и молодежи после некоторого сокращения в 1998–2009 гг. вновь стало расти, превысив в 2021 г. 10 млн. человек [2]. Соответственно, растут спрос и потребности в образовании всех уровней. До 2016–2017 гг. высшее образование в Узбекистане оставалось во многом элитарным и платным, а также устаревшим и не соответствующим задачам развития страны. С приходом в 2016 г. к власти нового президента Ш.М. Мирзиёева началось реформирование системы высшего образования в сторону его модернизации, массовизации, повышения качества и интернационализации, а также расширения возможностей для получения гражданами высшего образования за рубежом [3].

За период с 2016 по 2022 г. количество вузов в стране выросло с 77 до 189 [4]. Число студентов увеличилось за 10 лет в два раза: с 274,5 тыс. в 2010/2011 учебном году до 571,5 тыс. чел. в 2020/2021 учебном году [5]. Количество граждан Узбекистана, обучающихся за рубежом, по оценочным данным ЮНЕСКО, составляло порядка 86 тыс. человек в 2020 г. Ключевыми странами назначения для узбекских студентов остаются Кыргызстан, Таджикистан, Россия, Казахстан, Южная Корея, а также Турция и Белоруссия. Количество иностранных студентов в вузах Узбекистана пока невелико: порядка 4,2 тыс. человек (0,73% студентов в стране). Больше половины из них составляют граждане Туркменистана, оставшийся контингент иностранных студентов представлен гражданами Афганистана, России, Казахстана, Кыргызстана, Южной Кореи и Таджикистана [6]. Тем не менее Узбекистан рассчитывает стать региональным хабом международных образовательных программ в Центральной Азии и увеличить количество иностранных студентов в своих вузах до 15% к 2030 г. [7]

Иностранные игроки на рынке высшего образования Узбекистана

В связи с тем, что спрос на образование в Узбекистане значительно превышает предложение, одной из задач государства стало расширение доступа населения к образованию, чему в том числе должно способствовать увеличение приема на заочную и вечернюю форму обучения. Кроме того, стоимость обучения в вузах Узбекистана держится на относительно невысоком уровне, принимая во внимание уровень жизни в целом

и предоставляемые вузами возможности. Так, например, в 2021/2022 учебном году стоимость обучения за год в вузах Узбекистана варьировала в пределах 600–900 долл. США [8]. С 2018 г. узбекскими университетами стали активно развиваться совместные образовательные программы с иностранными вузами, количество которых выросло до 58 в 2020 г. [4] Тогда же власти стали содействовать открытию большого числа филиалов иностранных вузов в стране как одному из способов расширения доступности высшего образования. Рекордсменами по количеству учрежденных филиалов стали российские университеты, на втором месте расположились университеты Южной Кореи, на третьем – Индии.

Согласно Концепции развития системы высшего образования до 2030 года, стратегической целью страны является создание условий для повышения уровня охвата высшим образованием населения – до 50% выпускников школ к 2030 г., а также расширение сети негосударственных образовательных учреждений до 35 единиц к 2030 г. [9]. На этом фоне представитель-

ство иностранных вузов в Узбекистане будет расти, стимулируя ускоренную интернационализацию высшего образования, а также конкуренцию за лучших абитуриентов. Ниже представлен обзор деятельности основных иностранных игроков на рынке высшего образования Узбекистана.

Россия

Россия долгое время полагалась на экспорт высшего образования в страны Центральной Азии, где ее позиции были особенно сильны с советского времени. Доля студентов из Узбекистана в общем контингенте иностранных студентов российских вузов выросла в 2016–2020 гг. с 7 до 11% [10], в то время как абсолютное их количество достигло в 2021 г. 48,7 тыс. человек [11]. Большинство студентов из Узбекистана обучаются в России на платной основе. Однако квота для граждан Узбекистана, позволяющая обучаться в российских вузах за счет бюджета РФ, тоже растет: в следующем году ее планируется расширить до 800 мест [12] (таблица).

Основа обучения студентов из Узбекистана в вузах России, 2016–2021 гг. [11]

Основа обучения	Годы	2016	2017	2018	2019	2020	2021
За счет бюджета		3 990	5 227	6 213	7 283	8305	10 056
На платной основе		16 965	19 328	19 470	24 454	30 227	36 941
Всего		20 955	24 555	25 683	31 737	38 532	46 997
Кроме того, обучающиеся на основе международных договоров или по квоте		1 271	1 127	1 049	1 176	1 488	1 674

Экспортируя высшее образование в Узбекистан, Россия опирается как на привлечение абитуриентов непосредственно в российские вузы, так и на совместные программы. Так, в 2021/2022 учебном году студентам из Узбекистана было доступно 4 530 мест на совместных программах [13].

Российские вузы также активно создают сеть филиалов в Узбекистане, количество которых стало быстро расти с 2019 г. В результате сегодня в стране действуют филиалы 14 российских вузов, еще 7 планируется открыть [14], а количество обучающихся в них составляет более 6 тыс. человек. Большинство российских филиалов в Узбекистане было открыто московскими вузами. При этом имеющиеся филиалы предлагают относительно широкий выбор образовательных программ. Они включают не только программы по популярным в иностранных филиалах направлениям – экономики, менеджмента и IT, но и по техническим специальностям, например машиностроению (программа «Автоматизация технологических процессов и производств» филиала МИСиСа в Алмалыке), специальностям физико-математического (программа «Прикладная математика и информатика» филиала МГУ) и химико-биологического профиля (программы филиалов Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева и Астраханского государственного технического университета). Российские филиалы также готовят кадры для энергетики (филиалы МИФИ и МЭИ), педагогические кадры (филиал Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена) и специалистов в области культуры (на базе филиала Всероссийского государ-

ственного института кинематографии имени С.А. Герасимова).

Факторами притяжения узбекских абитуриентов в российские вузы долгое время были:

- возможность получить высшее образование на русском языке, который относительно распространен в школах Узбекистана;
- возможность дальнейшего трудоустройства на российском рынке труда с российским дипломом;
- дешевизна российского высшего образования по сравнению с вузами лидеров мирового рынка образовательных услуг, хотя и не по сравнению с узбекскими вузами.

Слабыми сторонами сегодня являются:

- более высокая стоимость обучения в России по сравнению с Узбекистаном;
- неурегулированный статус российских вузов в Европейском пространстве высшего образования с апреля 2022 г. и потому возможные трудности с признанием российских дипломов в странах Запада.

Южная Корея

Страна активно развивает деятельность по экспорту высшего образования. Если в 1998 г. в ее вузах обучалось только 2,5 тыс. иностранных студентов, то к 2020 г. их количество превысило 110 тыс. человек. Выросло в южнокорейских вузах и количество студентов из Узбекистана – с 13 человек (1998) почти до 7,5 тыс. (2020) [15].

Южная Корея достаточно давно зашла на рынок высшего образования Узбекистана: первый филиал,

Университет Инха в Ташкенте, открылся в 2014 г., затем открылось еще 4 филиала. Университет Инха стал первым вузом страны, осуществляющим подготовку IT-специалистов по международным стандартам. Сегодня в университете обучаются информационным технологиям, инжинирингу и логистике свыше тысячи студентов [16], а также ведется подготовка абитуриентов по профильным предметам. Обучение студентов осуществляется на английском языке иностранными преподавателями. Стоимость обучения в год составляет от 2 800 до 3 000 долл. США [17]

В 2018 г. был открыт Пучонский университет в Ташкенте, где ведется подготовка специалистов по семи образовательным программам в очной и заочной форме, включая дошкольное образование, архитектуру, корейский язык и менеджмент, диетологию и нутрициологию, IT, электронный бизнес, мультимедиа и игровой контент. Стоимость обучения в год составляет от 2 200 до 3 300 долл. в год в очной форме и 1 100–1 400 долл. в год – в заочной форме [18].

В 2017 г. был учрежден, а в 2018 г. начал вести набор абитуриентов Технический институт Ёджу в Ташкенте. В 2019 г. он был переименован в Ташкентский Международный университет Кимё (ТМУК) – частный вуз с пятью факультетами: бизнеса и финансов, медицинским, педагогическим, инженерным и художественным. ТМУК готовит студентов по 28 программам бакалавриата и 20 программам магистратуры, а недавно им были открыты собственные филиалы в Намангане и Самарканде.

Почти во всех корейских вузах и филиалах обучение ведется на узбекском, английском и корейском языках, а также в очной, заочной и вечерней формах, поэтому количество студентов, обучающихся в них, очень велико. Корейские вузы также задействуют большое количество иностранных преподавателей. Стоимость обучения варьирует от 1 500 до 5 250 долл. США в год.

Вдобавок для содействия притоку узбекских студентов южнокорейские ведомства распространяют на них действие ряда стипендиальных программ; например, им доступна программа стипендий Правительства Южной Кореи (Korean Government Scholarship Program), программа стажировок Международного агентства по сотрудничеству Республики Корея CIAT и т.п. В рамках подписанной между странами Стратегии партнерства Республики Корея для Республики Узбекистан на 2016–2020 годы корейской стороной были открыты Центры профессионального обучения в Ташкенте, Самарканде, Шахрисабзе, Ургенче и Ферганской долине. В Центрах предлагаются шестимесячные программы переподготовки по специальностям и профессиям, востребованным на рынке труда.

Сильными сторонами корейского высшего образования являются:

- широкий выбор программ подготовки;
- возможность частичного прохождения обучения в Южной Корее;
- престижность диплома и возможность трудоустройства по специальности в корейские компании, в том числе работающие в Центральной Азии.

Слабые стороны – относительно высокая стоимость обучения и необходимость обучения полностью или частично на английском языке.

Индия

Приоритетом сотрудничества Узбекистана с Индией является развитие его IT-сектора. В этой связи Узбекистан наладил сотрудничество с целым рядом индийских вузов и научно-исследовательских центров по направлениям информационных технологий, менеджмента и фармакологии. Первый индийский вуз в Узбекистане – Университет Шарда – был открыт в Андижане в 2019 г., и сегодня в нем обучаются более 400 студентов по направлениям подготовки, связанным с инженерией, менеджментом и гуманитарными науками.

Филиал Университета Амитаи был учрежден в столице Узбекистана в 2019 г. Вуз готовит специалистов сферы информационно-коммуникационных технологий, в том числе разработчиков программного обеспечения и специалистов по управлению информационными системами и компьютерными сетями. В нем обучаются более 750 человек. В 2021 г. был открыт филиал Технологического Института Самбрам в г. Джизаке с четырьмя инженерными направлениями подготовки. Студентов филиала курирует IT-Park Узбекистана, который обеспечивает рабочими местами лучших студентов по востребованным специальностям. Стоимость обучения в филиалах индийских вузов варьирует от 2 000 до 3 200 долл. в год [19, 20].

Благодаря Индийской программе технического и экономического сотрудничества (ИТЕС) в Узбекистане за последние 20 лет было дополнительно подготовлено более 2 400 узбекских специалистов в разных сферах.

Сильными сторонами индийского образования являются:

- подготовка специалистов по самым востребованным направлениям подготовки;
- вручение выпускникам дипломов, признаваемых не только в Узбекистане, но и Индии;
- широкие возможности трудоустройства выпускников;
- обучение в соответствии с международными стандартами.

Слабая сторона – довольно высокая стоимость обучения.

Турция

Гуманитарное сотрудничество Узбекистана с Турцией активно развивается в рамках Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), Тюркского совета, а также Организации Тюркских государств (ОТГ). Количество студентов из Узбекистана, получающих высшее образование в Турции, стабильно растет: с 442 человек в 1998 г. до почти 1 600 человек в 2020 г. [15]

В 2020 г. в Узбекистане был учрежден первый турецкий филиал – Турецкого университета экономики и технологии в Ташкенте (TOBB ETU Tashkent). В нем проводится обучение по направлениям, связанным

с менеджментом, торговлей и экологическим дизайном. У студентов есть возможность пройти в ходе обучения стажировку в Турции. Особенностью обучения в филиале является то, что все студенты получают опыт практической работы в ходе обучения – в целом не менее одного года [21]. В филиале действует система обучения, предполагающая наличие трех семестров в году. Стоимость обучения в филиале достаточно высока – 3 000 долл. США в год [22].

Сегодня рассматриваются вопросы об открытии в Узбекистане Узбекско-турецкого университета при участии ведущих образовательных учреждений Турции, о создании новых филиалов ведущих вузов Турции в регионах Узбекистана в области инженерного дела, искусства, медицины, агрономии и туризма [23].

Сильными сторонами турецкого высшего образования для Узбекистана являются:

- возможность изучения иностранных языков, в том числе английского;
- востребованность диплома в Узбекистане и Турции;
- возможность получения студентами опыта работы во время обучения.

Слабые стороны:

- необходимость обучения на английском языке;
- относительно высокая стоимость обучения.

Страны Восточной Азии

Малайзия. Университет Binaru стал первым малайзийским вузом в г. Ургенче открытым в 2020–2021 гг. Обучение проходит по программам бакалавриата и магистратуры по специальностям менеджмент, бухгалтерия и ИТ. В марте 2019 г. на базе Ташкентского финансового института данным университетом был открыт узбекско-малайзийский факультет. При содействии Посольства Узбекистана в 2021 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между вновь создаваемым университетом Valley Innovative в Фергане и малайзийским Университетом Сити. Создаваемый университет Valley Innovative в Фергане является частным вузом. В 2021–2022 академическом году в нем был осуществлен первый прием студентов. Общее количество обучающихся постепенно будет увеличено до 20 тыс. студентов [24].

Япония. В 2020 г. был учрежден Цифровой Университет Японии в Ташкенте, который дает возможность изучить японский язык, приобрести навыки ИТ-инженерии, а также получить диплом одновременно государственного университета Узбекистана и Японии. Преимуществами обучения в нем являются получение диплома, признаваемого в Узбекистане и Японии, возможности углубленного изучения японского языка, дальнейшего трудоустройства в Японии, а также работы онлайн прямо во время обучения.

Недостатком является высокая стоимость обучения – 3 000 долл. в год.

Сингапур. В 2008 г. в Ташкенте был учрежден филиал Сингапурского института развития менеджмента. В филиале обучается более 2 200 студентов бакалавриата и магистратуры по соответствующему профилю.

Великобритания

Великобритания является одним из мировых лидеров по экспорту образования. Особенностями британского высшего образования является то, что вузы автономны в большинстве вопросов: от учебных планов до финансирования. Доминирование английского как языка международного общения дало им дополнительное преимущество и доступ британских вузов к талантам со всего света. Однако число граждан Узбекистана, обучающихся в британских вузах, ограничено ввиду требований британских вузов к уровню владения английским языком, а также высокой стоимости британского высшего образования. Тем не менее оно выросло с 68 в 1998 г. до 510 человек в 2020 г. [15]

Учитывая несопоставимость платы за обучение в Великобритании с доходами в Узбекистане, приемлемой стратегией экспорта британского образования в Узбекистан стало создание там филиала. Международный Вестминстерский Университет в Ташкенте был учрежден одним из первых иностранных вузов – в 2002 г. Сегодня его студентами являются порядка 3 600 человек [25]. Вуз специализируется на образовательных программах по направлениям, связанным с экономикой и менеджментом. Обучение ведется на английском языке, поэтому абитуриентам необходимо подтвердить свой уровень знаний, сдав международный экзамен IELTS с результатом не менее 6 или 6,5 из 9 баллов [26]. При этом в стране в целом расширяются возможности изучения английского языка, особенно в Ташкенте, где действуют десятки центров подготовки к международным экзаменам по английскому языку.

Учитывая престижность диплома этого вуза и обучение на английском языке, стоимость образования в Международном Вестминстерском Университете достаточно высока: в 2022/2023 учебном году она составляла для граждан Узбекистана почти 3 000 долл. в год [27].

Сильными сторонами британского образования являются:

- престижность диплома и потому относительно высокие требования к абитуриентам и студентам;
- возможность профессионально освоить английский язык;
- хорошие перспективы трудоустройства с британским дипломом, даже полученным в ташкентском филиале.

Слабой стороной можно назвать относительно высокую стоимость обучения, которая, однако, не сравнится со стоимостью обучения непосредственно в Великобритании.

Италия

Италия сегодня в основном экспортирует высшее образование в страны, где наблюдается дефицит возможностей получения высшего образования – Китай, Индию, Иран, Албанию, и в приграничные страны – Германию, Францию, Швейцарию, Сан-Марино, а также в Турцию и Россию. Всего в итальянских вузах

обучается порядка 58,5 тыс. иностранных студентов, составляющих менее 3% всех студентов итальянских вузов [6]. Количество студентов из Узбекистана в итальянских вузах за последние 20 лет увеличилось с 5 в 1999 г. до 248 человек в 2020 г.

Туринский политехнический университет в Узбекистане был учрежден в 2009 г. Сегодня в нем обучаются порядка 2 160 студентов. В университете можно получить высшее образование по специальностям в сфере IT, инженерии, менеджмента, архитектуры и дизайна. Обучение проходит на английском языке. Его стоимость составляет от 2 000 до 4 000 долл. в год [28].

С 2022/2023 учебного года в Ташкенте начал работу филиал Пизанского университета Италии. Предполагается, что студенты бакалавриата будут два первых года обучаться в Ташкенте, а два финальных года – в Пизе. Первый набор на единственную пока образовательную программу по общей геологии составил 55 человек. Стоимость обучения по контракту составляет 2 700 долл. США. Требования к абитуриентам включают необходимость сдачи вступительных экзаменов по английскому языку и математике, а также прохождение собеседования. Обучение ведется приглашенными из Италии преподавателями на английском языке [29].

Сильные стороны итальянского высшего образования, таким образом, – его престижность и соответствие требованиям Европейского пространства высшего образования, а значит – широкие возможности для трудоустройства за рубежом. Кроме того, у студентов из Узбекистана появляется возможность часть обучения провести в Италии.

Слабую сторону итальянского высшего образования пока составляет относительно высокая стоимость обучения в филиалах.

Рекомендации российским вузам по работе на рынке высшего образования Узбекистана

Создание филиалов иностранных вузов в Узбекистане в последние пять лет поощряется узбекскими властями с целью обеспечения качественным высшим образованием как можно большего количества молодежи, число которой растет. В результате такой политики, которая изначально носила многовекторный характер, на сегодня среди филиалов иностранных вузов в Узбекистане преобладают, однако, российские филиалы и филиалы вузов азиатских стран.

Характеризуя конкурентов российских вузов – филиалы иных иностранных университетов в Узбекистане, следует отметить, что стоимость обучения в них ограничивает их доступность для широких масс населения. Однако многие иностранные государства помимо университетских образовательных программ предлагают программы грантовой и стипендиальной поддержки, стажировок и переподготовки, что позволяет им привлекать самых талантливых обучающихся. Вдобавок многие филиалы предоставляют возможность прохождения подготовительных курсов, курсов иностранных языков (в первую очередь английского) и т.п., что позволяет им успешно вести бизнес на рынке образовательных услуг Узбекистана. Учитывая демографиче-

скую ситуацию в стране, резкого увеличения конкуренции среди имеющихся филиалов иностранных вузов пока не предвидится, однако в ближайшие годы число новых вузов, заходящих на данный рынок, может значительно увеличиться, что обострит конкуренцию.

Российским вузам следует занимать на рынке услуг высшего образования в Узбекистане относительно свободные и тем не менее востребованные ниши. Так, согласно упомянутой Концепции развития системы высшего образования Узбекистана, поставлена задача увеличить долю студентов, обучающихся по инженерно-техническим направлениям подготовки до 50% в общем количестве студентов к 2030 году [9]. Хотя некоторые филиалы иностранных вузов предоставляют образование по инженерным специальностям (например, Университет Инха, ТМУК, Университет Шарда, Туринский политехнический университет), они охватывают очень небольшой процент студентов, а стоимость обучения в них высока. В этой связи российским филиалам стоит сделать акцент на запуске образовательных программ по специальностям, готовящим кадры в области машиностроения.

В качестве относительно свободной ниши стоит рассмотреть и образование в области фундаментальных физико-технических и естественнонаучных направлений подготовки. Фактически из иностранных вузов лишь филиал Пизанского университета пока предлагает программу по общей геологии, а филиал РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина – программу по технологии геологической разведки.

Кроме того, в Узбекистане относительно мало медицинских вузов, но ни один филиал иностранного университета пока не предоставляет медицинское образование, кроме планирующегося к открытию в Ташкенте филиала Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова. Поэтому медицинские специальности тоже пока представляются относительно свободной нишей на рынке высшего образования Узбекистана.

Относительно сильна конкуренция за абитуриентов среди филиалов иностранных вузов в таких областях подготовки, как менеджмент, экономика, дизайн, поэтому заходить российским вузам в эти ниши стоит только при наличии очень привлекательного с точки зрения соотношения цены и качества предложения.

Учитывая опыт конкурентов, филиалам российских вузов стоит расширять спектр предоставляемых услуг, в том числе развивая курсы русского языка, курсы подготовки для поступления в вузы, например по физике, математике, химии, биологии, – эти ниши пока остаются относительно свободными.

Вдобавок следует строго следить за тем, чтобы филиалы российских вузов действительно работали и предоставляли высшее образование, сравнимое с российским по качеству, а не выступали ширмами. Им стоит вкладываться и в информационное обеспечение своей деятельности, как минимум иметь постоянно обновляемый сайт с актуальными новостями, общими данными и контактами, а также описанием правил приема.

Список источников

1. Knight J. Concepts, Rationales, and Interpretive Frameworks in the Internationalization of Higher Education // *The SAGE Handbook on International Higher Education* / D.K. Deardorff, H. de Wit, J.D. Heyl, T. Adams (eds). Thousand Oaks, CA : Sage, 2012. P. 27–42.
2. Population ages 0–14, total – Uzbekistan // *The World Bank*. 2021. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.0014.TO?locations=UZ&view=chart> (accessed: 10.02.2023).
3. Троицкий Е.Ф., Юн С.М. Узбекистан: новый этап интернационализации высшего образования // *Высшее образование в России*. 2021. Т. 30, № 10. С. 157–168.
4. Уровень концентрации и динамика развития высшего образования в 2017–2022 гг. // Институт прогнозирования и макроэкономических исследований. 2022. URL: https://www.facebook.com/photo/?fbid=579813997506511&set=pb.100064337485922.-2207520000.&locale=ms_MY (дата обращения: 20.02.2023).
5. Информация о студентах высших образовательных организаций // Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. 2022. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/social-protection> (дата обращения: 12.02.2023).
6. Global Flow of Tertiary-Level Students // UNESCO UIS. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (accessed: 10.02.2023).
7. Об утверждении Концепции развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года : указ Президента Республики Узбекистан от 08.10.2019 № УП-5847 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. 2019. URL: <https://lex.uz/docs/4545887#4548630> (дата обращения: 13.02.2023).
8. 2021/2022 ўқув йили учун республика олий таълим муассасаларида бакалаврият таълим йўналишлари (магистратура мутахассисликлари) бўйича битта талабани тўлов-контракт шаклида бир йиллик ўқитиш қиймати // Министерство высшего образования и среднего специального образования Республики Узбекистан. 2021. 8 сент. URL: <https://t.me/eduuz/5996> (дата обращения: 12.02.2023).
9. Об утверждении Концепции развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года : указ Президента Республики Узбекистан от 08.10.2019 № УП-5847 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. 2019. URL: <https://lex.uz/pdfs/4545887> (дата обращения: 13.02.2023).
10. Share of mobile students by country of origin // OECD. URL: <https://stats.oecd.org/#> (accessed: 10.02.2023).
11. Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры : форма № ВПО-1 // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 2022. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 14.02.2023).
12. Новоселова Е. В выставке-ярмарке в Ташкенте приняли участие 56 российских вузов // *Российская газета*. 2022. 11 окт. URL: <https://rg.ru/2022/10/11/ohota-na-abiturienta.html> (дата обращения: 10.01.2023).
13. Из выступления Министра высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан Абдукодира Тошқулова // Самаркандский филиал РГУФКСМиТ. 2021. 17 нояб. URL: <https://t.me/uzsportedu> (дата обращения: 10.01.2023).
14. В Узбекистане откроют филиалы семи российских вузов // *Sputnik Узбекистан*. 2022. 15 марта. <https://uz.sputniknews.ru/20220330/rossiyskoe-obrazovanie-v-uzbekistane-filialy-kakix-vuzov-deystvuyut-v-strane-23659164.html> (дата обращения: 12.01.2023).
15. Inbound internationally mobile students by country of origin // UNESCO Institute of Statistics. 2022. URL: <http://data.uis.unesco.org/#> (accessed: 15.02.2023).
16. Узбекистан–Южная Корея: новый этап отношений стратегического партнерства // Бюро по обслуживанию дипломатического корпуса при МИД Республики Узбекистан. 2017. 29 нояб. URL: <http://ddsmfa.uz/ru/uzbekistan-yuzhnaya-koreya-novyuy-etap-otnosheniy-strategicheskogo-partnerstva> (дата обращения: 15.02.2023).
17. Стоимость обучения // Университет Инха в Ташкенте. 2022. URL: <https://inha.uz/ru/abiturientam/postupleniya/stoimost-obucheniya/> (дата обращения: 15.02.2023).
18. Стоимость обучения // Университет Пучон в Ташкенте. 2022. URL: <https://bucheon.uz/ru/p/cost-of-education> (дата обращения: 14.03.2022).
19. Course Fee // Sharda University Uzbekistan. 2022. URL: <https://www.shardauniversity.uz/course-fee> (accessed: 16.02.2023).
20. Fees // Amity University Tashkent, 2022. URL: <https://amity.uz/fees/> (дата обращения: 16.02.2023).
21. Турецкий Университет Экономики и технологий в Ташкенте TOBB ETÜ Tashkent // Chamber of Commerce and Industry Of Uzbekistan. URL: <https://chamber.uz/en/page/4901> (дата обращения: 16.02.2023).
22. Контракт // TOBB ETÜ Tashkent. 2022. URL: <https://tobbetu.uz/ru/page/tuition-fee> (дата обращения: 17.02.2023).
23. Какие новые Вузы открылись в Узбекистане в этом году? // KUN.UZ. 2022. 6 июня. URL: <https://kun.uz/ru/news/2022/06/06/kakiye-novyue-vuzy-otkrylis-v-uzbekistane-v-etom-godu> (дата обращения: 17.02.2023).
24. Вузы Узбекистана и Малайзии подписали соглашение о сотрудничестве // *UZ.Daily*. 2021. 2 марта. URL: <https://www.uzdaily.uz/ru/post/59348> (дата обращения: 16.02.2023).
25. Westminster International University in Tashkent // University of Westminster. URL: <https://www.westminster.ac.uk/about-us/our-university/global-westminster/global-partner-network/westminster-international-university-in-tashkent> (accessed: 15.02.2023).
26. Об университете // Международный Вестминстерский Университет. 2022. URL: <https://www.wiut.uz/parents-rus> (дата обращения: 13.02.2023).
27. Tuition Fees // Westminster University in Tashkent. 2022. URL: <https://www.wiut.uz/tuition-fees> (accessed: 16.02.2023).
28. Fees // Turin Polytechnic University in Tashkent. URL: <https://polito.uz/fees-scholarships/> (accessed: 16.02.2023).
29. О нас // Университет Пизы в Ташкенте. 2022. URL: <https://pisa.uz/ru/about> (дата обращения: 16.02.2023).

References

1. Knight, J. (2012) Concepts, Rationales, and Interpretive Frameworks in the Internationalization of Higher Education. In: Deardorff, D.K., Wit, H. de, Heyl, J.D. & Adams, T. (eds) *The SAGE Handbook on International Higher Education*. Thousand Oaks, CA: Sage. pp. 27–42.
2. The World Bank. (2021) *Population ages 0–14, total. Uzbekistan*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.0014.TO?locations=UZ&view=chart> (Accessed: 10th February 2023).
3. Troitskiy, E.F. & Yun, S.M. (2021) Uzbekistan: novyy etap internatsionalizatsii vysshego obrazovaniya [Uzbekistan: a new stage in the internationalization of higher education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 30(10). pp. 157–168.
4. Institute for Forecasting and Macroeconomic Research. (2022) *Uroven' kontsentratsii i dinamika razvitiya vysshego obrazovaniya v 2017–2022 gg.* [Level of concentration and dynamics of development of higher education in 2017–2022]. [Online] Available from: https://www.facebook.com/photo/?fbid=579813997506511&set=pb.100064337485922.-2207520000.&locale=ms_MY (Accessed: 20th February 2023).
5. Agency of Statistics under the President of the Republic of Uzbekistan. (2022) *Informatsiya o studentakh vysshihkh obrazovatel'nykh organizatsiy* [Information about students of higher educational organizations]. [Online] Available from: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/social-protection> (Accessed: 12th February 2023).
6. UNESCO UIS. (n.d) *Global Flow of Tertiary-Level Students*. [Online] Available from: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (Accessed: 10th February 2023).
7. The Republic of Uzbekistan. (2019a) *Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya sistemy vysshego obrazovaniya Respubliki Uzbekistan do 2030 goda: ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 08.10.2019 № UP-5847* [On approval of the Concept for the development of the system of higher education of

- the Republic of Uzbekistan until 2030: Decree No. UP-5847 of the President of the Republic of Uzbekistan dated 08.10.2019]. [Online] Available from: <https://lex.uz/docs/4545887#4548630> (Accessed: 13th February 2023).
8. Ministry of Higher Education and Secondary Special Education of the Republic of Uzbekistan. (2021) *2021/2022 йил uchun respublika oliy ta'lim muassasalarida bakalavriat ta'lim yūnalishlari (magistratura mutakassislikla-ri) bīyicha bitta talabani tʻylov-kontrakti shaklida bir yillik jʻiktish qiyamati*. [Online] Available from: <https://t.me/eduuz/5996> (Accessed: 12th February 2023).
 9. The Republic of Uzbekistan. (2019b) *Ob utverzhenii Kontseptsii razvitiya sistem vysshego obrazovaniya Respubliki Uzbekistan do 2030 goda: ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 08.10.2019 № UP-5847* [On approval of the Concept for the development of the system of higher education of the Republic of Uzbekistan until 2030: Decree No. UP-5847 of the President of the Republic of Uzbekistan dated 08.10.2019]. [Online] Available from: <https://lex.uz/pdfs/4545887> (Accessed: 13th February 2023).
 10. OECD. (n.d.) *Share of mobile students by country of origin*. [Online] Available from: <https://stats.oecd.org/#> (Accessed: 10th February 2023).
 11. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2022) *Svedeniya ob organizatsii, osushchestvlyayushchey obrazovatel'nyu deyatelnost' po obrazovatel'nyim programmam vysshego obrazovaniya – programmam bakalavriata, programmam spetsialiteta, programmam magistratury: forma № VPO-1* [Information about the organization carrying out educational activities in educational programs of higher education – undergraduate programs, specialist programs, master's programs: Form No. VPO-1]. [Online] Available from: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (Accessed: 14th February 2023).
 12. Novoselova, E. (2022) V vystavke-yarmarke v Tashkente prinyali uchastie 56 rossiyskikh vuzov [56 Russian universities took part in the exhibition-fair in Tashkent]. *Rossiyskaya gazeta*. 11th October. [Online] Available from: <https://rg.ru/2022/10/11/ohota-na-abiturienta.html> (Accessed: 10th January 2023).
 13. Toshkulov, A. (2021) *Iz vystupleniya Ministra vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniya Respubliki Uzbekistan Abdukodira Toshkulova* [From the speech of the Minister of Higher and Secondary Specialized Education of the Republic of Uzbekistan Abdukodir Toshkulov]. 17th November. [Online] Available from: <https://t.me/uzsportedu> (Accessed: 10th January 2023).
 14. Sputnik Uzbekistan. (2022) *V Uzbekistane otkroyut filialy semi rossiyskikh vuzov* [Branches of seven Russian universities to open in Uzbekistan]. 15th March. [Online] Available from: <https://uz.sputniknews.ru/20220330/rossiyskoe-obrazovanie-v-uzbekistane-filialy-kakix-vuzov-deystvuyut-v-strane-23659164.html> (Accessed: 12th January 2023).
 15. UNESCO Institute of Statistics. (2022) *Inbound internationally mobile students by country of origin*. [Online] Available from: <http://data.uis.unesco.org/#> (Accessed: 15th February 2023).
 16. Bureau for the Service of the Diplomatic Corps under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan. (2017) *Uzbekistan – Yuzhnaya Koreya: novyy etap otnosheniy strategicheskogo partnerstva* [Uzbekistan-South Korea: a new stage of strategic partnership relations]. 29th November. [Online] Available from: <http://ddsmfa.uz/ru/uzbekistan-yuzhnaya-koreya-novyy-etap-otnosheniy-strategicheskogo-partnerstva> (Accessed: 15th February 2023).
 17. *Inha University in Tashkent*. (2022) *Stoimost' obucheniya* [Tuition fees]. [Online] Available from: <https://inha.uz/ru/abiturientam/postupleniya/stoimost-obucheniya/> (Accessed: 15th February 2023).
 18. *Bucheon University in Tashkent*. (2022) *Stoimost' obucheniya* [Tuition fees]. [Online] Available from: <https://bucheon.uz/ru/p/cost-of-education> (Accessed: 14th March 2023).
 19. *Sharda University Uzbekistan*. (2022) *Course Fee*. [Online] Available from: <https://www.shardauniversity.uz/course-fee> (Accessed: 16th February 2023).
 20. *Amity University Tashkent*. (2022) *Fees*. [Online] Available from: <https://amity.uz/fees/> (Accessed: 16th February 2023).
 21. Chamber of Commerce and Industry of Uzbekistan. (n.d.) *Turetskiy Universitet Ekonomiki i tekhnologiy v Tashkente TOBB ETÜ Tashkent* [Turkish University of Economics and Technology in Tashkent TOBB ETÜ Tashkent]. [Online] Available from: <https://chamber.uz/en/page/4901> (Accessed: 16th February 2023).
 22. *TOBB ETÜ Tashkent*. (2022) *Kontrakt* [Contract]. [Online] Available from: <https://tobbetu.uz/ru/page/tuition-fee> (Accessed: 17th February 2023).
 23. *KUN.UZ*. (2022) *Kakie novye Vuzy otkrylis' v Uzbekistane v etom godu?* [What new Universities have opened in Uzbekistan this year?]. 6th June. [Online] Available from: <https://kun.uz/ru/news/2022/06/06/kakiye-novyie-vuzy-otkrylis-v-uzbekistane-v-etom-godu> (Accessed: 17th February 2023).
 24. *UZ.Daily*. (2021) *Vuzy Uzbekistana i Malayzii podpisali soglashenie o sotrudnichestve* [Universities of Uzbekistan and Malaysia signed a cooperation agreement]. 2nd March. [Online] Available from: <https://www.uzdaily.uz/ru/post/59348> (Accessed: 16th February 2023).
 25. *Westminster International University in Tashkent*. [Online] Available from: <https://www.westminster.ac.uk/about-us/our-university/global-westminster/global-partner-network/westminster-international-university-in-tashkent> (Accessed: 15th February 2023).
 26. *Westminster International University in Tashkent*. (2022a) *Ob universitete* [About the University]. [Online] Available from: <https://www.wiut.uz/parents-rus> (Accessed: 13th February 2023).
 27. *Westminster University in Tashkent*. (2022b) *Tuition Fees*. [Online] Available from: <https://www.wiut.uz/tuition-fees> (Accessed: 16th February 2023).
 28. Turin Polytechnic University in Tashkent. (n.d.) *Fees*. [Online] Available from: <https://polito.uz/fees-scholarships/> (Accessed: 16th February 2023).
 29. University of Pisa in Tashkent. (2022) *O nas* [About us]. [Online] Available from: <https://pisa.uz/ru/about> (Accessed: 16th February 2023).

Сведения об авторах:

Погорельская Анастасия Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: pogorelskaya@mail.tsu.ru

Кобзева Ольга Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Узбекистана Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан). E-mail: kobzeva1975@internet.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Pogorelskaya Anastasia M. – PhD in World History, Associate Professor of the World Politics Department, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pogorelskaya@mail.tsu.ru

Kobzeva Olga P. – DSc in History, Professor of the Department of Uzbekistan History, National University of Uzbekistan after Mirzo Ulugbek (Tashkent, Uzbekistan). E-mail: kobzeva1975@internet.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 22.02.2023; accepted for publication 22.05.2023

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEW

Рецензия

УДК 94(571)+930(091)

doi: 10.17223/19988613/83/26

**Воспоминания известных ученых как исторический источник.
Рецензия: Черемисина М.И. Мои воспоминания / ред.-сост. А.А. Озонова,
Е.В. Шиплюк; Рос акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии.
Новосибирск: СО РАН, 2020. 493 с.**

Галина Михайловна Запорожченко

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, galinakoop@yandex.ru

Аннотация. Публикация посвящена анализу мемуарно-автобиографического произведения выдающегося новосибирского ученого-лингвиста. Монографии присуще сочетание мемуарного начала с аналитическим подведением итогов развития науки. Указывается на значение рецензируемой книги как исторического источника для изучения узловых моментов истории страны, гендерного аспекта служения науке, развития гуманитарных научных школ в Сибирском отделении СО АН СССР / РАН.

Ключевые слова: мемуары, исторический источник, лингвистика, научная школа, М.И. Черемисина

Для цитирования: Запорожченко Г.Н. Воспоминания известных ученых как исторический источник. Рецензия: Черемисина М.И. Мои воспоминания / ред.-сост. А.А. Озонова, Е.В. Шиплюк; Рос акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: СО РАН, 2020. 493 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 199–204. doi: 10.17223/19988613/83/26

Review

**Memoirs of famous scientists as a historical source. Review: Cheremisina M.I.
My memoirs / ed.-comp. A.A. Ozonova, E.V. Shipluk; Russian Academy of Sciences,
Sib. department, Institute of Philology. Novosibirsk: SB RAS, 2020. 493 p.**

Galina M. Zaporozhchenko

*Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, galinakoop@yandex.ru*

Abstract. The publication is devoted to the analysis of M.I. Cheremisina's memoir and autobiographical work «My Memories», published in 2020. Maya Ivanovna Cheremisina (1924-2013, nee Karpova) is an outstanding Soviet and Russian linguist, specialist in the study of indigenous languages of the peoples of Siberia, founder of the Novosibirsk Syntactic School, Doctor of Philology, professor Novosibirsk State University, Chief Researcher of the Institute of Philology SB RAS, Honored Scientist of the Russian Federation.

The monograph is characterized by a combination of a memoir beginning with an analytical summing up of the development of science. The author describes her childhood in Kiev in the second half of the 1920s and early 1930s in a professorial family with Belgian and German roots De Metz and Kraft. The intelligentsia at that time found it difficult to find work and livelihood, there was a suspicious attitude on the part of the Soviet government because of non-proletarian origin and relatives abroad. The move to Moscow coincided with the general improvement of conditions in the mid-1930s in major cities of the country. The Soviet realities of that time are described: attachment to workplaces before the war, the ruralization of cities, the poor life of working families, the difficult situation in the countryside, the widespread celebration in 1937 of the 100th anniversary of the death of A.S. Pushkin, hunger and deprivation during the war, evacuation to Tashkent. Attention is drawn to the sociocultural split of society, skepticism among the people in relation to the intelligentsia, the low level of education in pre-war Moscow. Specialists in the history of science from a gender

perspective will be interested in the fate of M.I. Cheremisina as an example of the realization of intellectual potential by a woman scientist in the conditions of a modern, but at the same time repressive and stingy state, with traditional family way of life. While raising three children, M.I. Cheremisina worked hard at science. She taught at universities of Tomsk and Tula. Since 1965, in Novosibirsk Akademgorodok, she turned to a new direction of mathematical linguistics, organized innovative fruitful work on the study of the languages of the indigenous peoples of Siberia. The monograph is a valuable historical source for detailing the nodal moments of the country's history, studying the evolution of the gender aspect of science in the process of implementing the project of creating the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the development of humanitarian scientific schools in Siberia.

Keywords: memoirs, historical source, linguistics, scientific school, M.I. Cheremisina

For citation: Zaporozhchenko, G.M. (2023) Memoirs of famous scientists as a historical source. Review: Cheremisina M.I. My memoirs / ed.-comp. A.A. Ozonova, E.V. Shiplyuk; Russian Academy of Sciences, Sib. department, Institute of Philology. Novosibirsk: SB RAS, 2020. 493 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 199–204. doi: 10.17223/19988613/83/26

Расцвет мемуаристики в последние десятилетия, справедливо отмеченный исследователями как «мемуарный взрыв» [1. С. 205], происходит одновременно с развертыванием мемориальной парадигмы в общем контексте обновления современного гуманитарного знания на рубеже XX и XXI вв. Парадигма памяти позволяет углублять перспективу понимания прошлого, делать прошлое ближе для современного человека, не лишая его при этом инаковости и сложности, не упуская морально-этическую составляющую историописания [2. С. 9, 14]. Особенно примечательно, что постоянно расширяется корпус воспоминаний видных ученых, поскольку мир научной элиты представляет собой наивысшую интеллектуальную научную деятельность, приносящую человечеству наиболее ценные плоды познания по усовершенствованию действительности [3. С. 178].

В 2020 г. вышла в свет монография М.И. Черемисиной «Мои воспоминания». Майя Ивановна Черемисина (1924–2013) – выдающийся советский и российский лингвист, специалист в области изучения языков коренных народов Сибири, основатель новосибирской синтаксической школы, доктор филологических наук, профессор Новосибирского государственного университета, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Монография опубликована благодаря энтузиазму и кропотливой текстологической работе редакторов-составителей А.А. Озоновой и Е.В. Шиплюк¹, учеников и коллег по выбору наиболее полных вариантов воспоминаний Майи Ивановны, которые они уточнили и дополнили комментариями, опираясь на семейный архив. В результате мемуарные тексты охватили почти весь период жизни ученого до 2003 г. Книга состоит из 12 глав и двух приложений. Составители оправданно включили разделы с основными датами жизни, родословной, фотографиями, рисунками и стихами мемуаристки, что расширяет представления о ее личности. Издание предваряет краткий вступительный очерк доктора филологических наук, профессора Н.Б. Кошкаревой, которая охарактеризовала основные этапы жизни и значимость научного вклада М.И. Черемисиной.

Следует напомнить о том, что монография М.И. Черемисиной издана через 13 лет после публикации книги «Моя жизнь. Воспоминания и размышления» ее родной младшей сестры – академика Т.И. Заславской, выдаю-

щегося советского и российского социолога и экономиста. Татьяна Ивановна посвятила свой труд «дорогой сестре Майе» [4]. В семье М.И. Черемисиной и Т.И. Заславской (в девичестве Карповых) придавалось большое значение сохранению архивов – писем, дневников, заметок, документов. Письма писали подробные, копии оставляли для себя. Все это с годами целенаправленно систематизировалось для того, чтобы «сделать интересным и доступным детям и внукам» [4. С. 95]. В настоящее время архив сестер Карповых размещен в сети Интернет в Открытом архиве СО РАН [5].

Два названных мемуарных текста видных представителей советской и российской науки опаленного войной поколения шестидесятников формируют богатый содержанием нарративный перекресток, где с разных, но в то же время близких точек зрения представлены личная история и история нескольких поколений одной семьи на фоне основных событий жизни общества. Безусловно, эти замечательные публикации интересны не только внукам своих знаменитых бабушек, но и всем читателям, и стали бестселлерами в научной среде. Подчеркивая их библиографическую значимость, нельзя не заметить, что каждая из книг уникальна, как бы близки по духу ни были их авторы – сестры Карповы. Оба произведения отличаются сугубой обстоятельностью, глубоким анализом мемуаристками своего внутреннего мира и сфер своего профессионального интереса, опираются на эго-документы разных периодов жизни в стремлении к максимальной достоверности. Воспоминания Майи Ивановны, кроме того, волнуют читателя некоей трепещущей эмоциональностью, обостренным любопытством к тайнам становления собственной личности и факторам, позволившим ей выжить и состояться, а также яркой художественной выразительностью. Так, при чтении глав о киевском периоде на ум приходит аналогия с набоковской ностальгией по утраченному петербургскому детству. Размышления о любви и счастье, подобно шекспировским строфам, рождают ощущение трагической неправды бытия. Это поистине автобиографическая драма, даже роман.

Первые главы монографии М.И. Черемисиной описывают родных и детство в Киеве во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг., где реликт старого мира оставался естественным образом жизни юных сестер Карповых. В родословной соединились две линии. Отец Иван Васильевич Карпов – впоследствии про-

фессор Московского педагогического института иностранных языков им. М. Тореза, «выдвиженец» из среды старообрядцев-раскольников, очень жесткий: фундамент его личности был «от Аввакума» [6. С. 55]. Мать Татьяна Георгиевна де Метц – дочь крупного ученого-физика, признанного главы киевской «консервативной профессуры» Георгия Георгиевича де Метца (бельгийская фамилия) и Сарры Карловны Крафт из немецких переселенцев екатерининских времен [6. С. 10]. «Мы росли, формировались и очеловечивались в семье деда. Нам исключительно повезло, – писала М.И. Черемисина. – Они, конечно, считали себя русскими, но прежде всего европейцами» [6. С. 69, 73].

В доме разговаривали на трех языках: русском, французском, немецком, и Майя научилась писать по-немецки раньше, чем по-русски. Фундаментом воспитания было чтение – доступное, понятное, гуманное. Майя Ивановна высоко оценивала старые детские журналы конца XIX – начала XX в. «Всходы» и «Игрушечка», ведь хороших книг для детей в 1920-е гг. почти не издавалось [6. С. 10, 139]. Детство протекало счастливо и безмятежно. Дедушка Жорж «был ученым по самой своей природе, руководителем коллектива, но главное – он был *человеком*... пользовался безоговорочным, безусловным уважением окружающих». М.И. Черемисина вспоминала случай уже после его смерти: «Мой собеседник встал и с замиранием в голове сказал: “Как? Вы – внучка Георгия Георгиевича де Метца?!” И мне, девчонке, поцеловал руку» [6. С. 69–70]. Бабушка Сарра являла собой тип профессорской жены, интересующий сегодня исследователей антропологии академической жизни [7]. Она в течение многих лет деятельно и профессионально помогала мужу издавать научный журнал, сама нигде не служа. На ней держался дом, она воспитывала внушек, разумно травила профессорский заработок, поддерживая привычный уклад жизни – белье с монограммой, большой обеденный стол, суп в супнице, котлеты на блюде, семейные концерты у беккеровского рояля [6. С. 49–50].

Поколения дореволюционной интеллигенции в первые десятилетия советской власти с трудом адаптировались к новым обстоятельствам, горячке индустриализации, находясь под подозрением из-за непролетарского происхождения, родственников за границей. Вторая бабушка Нина Карловна Крафт, выпускница Института благородных девиц в Одессе, едва зарабатывала уроками иностранных языков. Таланты матери – красивой и умной, знавшей три языка, с музыкальным образованием, воспитанной в культуре «серебряного века», и отца с философским университетским образованием «не находили применения в этом обществе социализма... В течение всей “до-войны” и отец, и мать мучительно искали работу, которая позволила бы не то, что “жить”, а хотя бы выбраться из нищеты», – пишет М.И. Черемисина [6. С. 67]. Перед войной мама поступила в Институт иностранных языков, но введение в 1940 г. оплаты за обучение обрушило все надежды [6. С. 209].

Из киевского детства Майе запомнилось подробно, как сгорели у бабушки Нины деньги в Торгсине, и какие там покупали зубные щетки, мыло и грелки. А конфе-

ты в магазине у нэпмана были столь разноцветными и яркими в отличие от обычных слипшихся подушечек, что Майя вдруг поняла, что такое цвет и начала рисовать [6. С. 44–45]. Одна из ее прекрасных акварелей вынесена на обложку «Моих воспоминаний». Зарождалось понимание, что не все люди вокруг живут так же хорошо, как в профессорском доме: «...неблагополучие было совсем близко» [6. С. 103]. В связи с этим приводится воспоминание о том, как в трамвае толпа поймала людоеда: «Это было во время дикого голода на Украине. “Сталинского голода”, о котором не говорили» [6. С. 104].

В поисках работы семья Карповых переехала в Москву, где жила на Пятницкой. Уже с зимы 1934 г. «повеяло улучшением жизни». Конечно, улучшение шло от очень низкого уровня – и то, вероятно, в одной Москве [6. С. 145]. В 1936 г. «началась какая-то оттепель». Разрешили празднование Нового года, вместо карточек и распределителей возникло множество магазинчиков. Появились самопишущие ручки! «А в кондитерской и сейчас нет того, что было тогда – какие там были пирожные, мармелад, помадки... А мясной магазин!.. Нам в школу давались бутерброды с маслом и колбасой на белой булочке за 36 копеек... Слава тебе, Микоян!.. Ну конечно, это была Москва. Только одна Москва» [6. С. 165–166].

Жизнь семьи и родни Карповых отражала мозаику советских реалий: закрепление рабочей силы перед войной, рурализацию городов. Многие женщины из подмосковных деревень работали на ткацкой фабрике, в страдную пору уволиться по закону предвоенного времени не могли, «а в деревне семьи, старики да малые, вот бабы и побежали». Кого ловил участковый, сажали в тюрьму, но бабы хвалили тюремную жизнь: работа по силам, кормят сытно [6. С. 57–58]. О более сносной жизни в тюрьме по сравнению с жизнью деревенской вспоминала и другая родственница, пострадавшая за то, что спрятала несколько колхозных морковок за пазуху [4. С. 366]. Рабочие семьи – «народ озорной, ненадежный и какой-то неблагополучный» – ютились в развалах, жили очень бедно [6. С. 202–203]. Образование не являлось ценностью для большинства одноклассников: учились тогда совсем недолго, из десяти начальных классов к девятому классу оставалось всего два [6. С. 157, 203]. Во дворе слово «интеллигенция» считалось презрительным: «Фу-ты, ну-ты, антилигенция!» [6. С. 187]. В школе явно наблюдалось социальное расслоение на простых и «шишек» [6. С. 157, 216]. События и приметы времени способствовали постижению Майей противоречий исторической эпохи: провидчески тяжелая реакция матери на убийство С.М. Кирова; ликование при встрече челюскинцев; широкое празднование в 1937 г. столетия смерти А.С. Пушкина, когда 37-й еще не приобрел своего особого смысла; шепот родни об угрозе ареста отца; «царапавшие полудетское сознание» разговоры в компании ровесников о «не таком уж добром отце народов» [6. С. 143, 171, 181, 206].

1941 год взорвался войной. В первую же бомбежку Москвы убило маму. Ночь, проведенную у гроба матери под грохот взрывов и вой зениток, Майя Иванов-

на назвала «вишневым косточкой своей личности». Весь запас чувства страха изжила в те часы: «В моей душе тогда проходила такая огромная для почти ребенка работа, что страху в душе просто физически не осталось места» [8. Л. 14]. Полные драматизма описания эвакуации в Ташкент, последующих скитаний в Москве, уже без прописки и, следовательно, без хлебных карточек, содержат репрезентативную информацию по истории военного быта. Невзирая на лишения и последствия голода (цинга, бессонница), все военные и послевоенные годы Майя работала, где только могла устроиться, чтобы прокормить себя (на уборке хлопка, в геодезической партии, трактористом, воспитательницей, библиотекарем), и училась. Сначала выбрала горный факультет в Ташкенте: «Он считался трудным и не женским, может, это меня и пленило» [6. С. 235]. Когда в Ташкент в эвакуацию «нагрянула из обеих столиц гуманитарная интеллигенция и в Среднеазиатском государственном университете открылся филологический факультет», поняла, что ее место там [6. С. 180]. После возвращения в Москву перешла на отделение русского языка. В 1950 г. окончила аспирантуру Московского государственного педагогического института им. В.П. Потемкина.

Первым местом работы по специальности был Томск, где муж Майи Ивановны П.Г. Черемисин заведовал кафедрой иностранных языков, – всегда хотела поехать в Сибирь! В 1950 г. в Томском государственном педагогическом институте она вела семинары по лекционному курсу «Введение в языкознание» профессора А.П. Дульзона. В 1951–1965 гг. работала на кафедре русского языка Тульского государственного пединститута. В 1955–1956 гг. являлась советником кафедры лексики Института русского языка Китайской Народной Республики. Совершенно новые перспективы в жизни открыл переезд в 1965 г. в новосибирский Академгородок, полюбившийся с первых дней.

В течение более 40 лет работы в Новосибирском научном центре СО РАН М.И. Черемисина заведовала сектором языков народов Сибири в Институте истории, филологии и философии, преподавала в Новосибирском университете (сначала на отделении математической лингвистики, а после его закрытия – на отделении филологии). В 1994 г. стала первой заведующей созданной по ее инициативе кафедры языков и фольклора народов Сибири, где продолжала работать до смерти. Как «мыслитель общелингвистического масштаба» [9. С. 3] создала новое научное направление – Новосибирскую синтаксическую школу.

Специалистам по истории науки в гендерном аспекте [10] будет интересна судьба М.И. Черемисиной как пример реализации женщиной интеллектуального потенциала в условиях современного, но одновременно репрессивного и скупого государства, доминирования традиционного семейного уклада. Майя Ивановна подчеркивала, что занятие наукой было всегда «отдушиной, радостью и спасением» [6. С. 406]. В самые голодные, страшные военные годы изнуренную голодом и тяжелейшими подработками молодую девушку никогда не посещала «такая до смешного простая мысль» – просто бросить учебу, поступить на работу,

зарабатывать деньги, быть всегда сытой: «Даже в самые критические моменты этой альтернативы для меня просто не существовало... Желание учиться было сильнее всех преходящих желаний» [6. С. 340]. Позднее в Туле, едва справляясь с семейными хлопотами и тремя маленькими детьми в отсутствие надежных помощников, она штудировала свежие публикации, сознавая, что в лингвистической науке наступила новая эра: «Чтобы следить за тем, что происходило тогда в науке, нужно было много сил и упорства. Необходимо было смотреть гораздо шире того, чему нас учили... Нужно было прогрызть, плакать, но грызть новые книги с массой пугающих терминов» [6. С. 397].

Привычная гендерная нормативность была мало совместима с научными занятиями женщин. Одной из причин конфликта с мужем Майя Ивановна считала «слишком разные глубинные ценности» [6. С. 379] и то, что «она, к сожалению, оказалась гораздо сильнее его» [6. С. 407]. Он не интересовался новыми направлениями, не ездил в Ленинку, не читал диссертаций, был хорошим преподавателем, его любили студенты, но исследователем он не был [6. С. 401]. «Муж не захотел или не смог принять равноправия и свободы в отношении со мной... Он любил меня... но не мог понять, что внутренняя свобода мне гораздо острее необходима, чем семья во главе с хозяином-мужем... Постепенно незаметное, почти игрушечное неравенство начало мне сдавливать горло, и тогда я стала это осознавать через поступки, которые были своего рода бунтом» [6. С. 406], – писала Майя Ивановна. Когда, наконец, опоздав из-за бытовых испытаний на 10 лет, она вышла на защиту, то радовалась, что «пойдет большая зарплата и можно будет жить совсем хорошо» [6. С. 391]. Ведь наука была не только любимым делом, но и средством к существованию.

Последние главы посвящены подведению итогов научно-исследовательской и научно-организационной деятельности. В Академгородке Майе Ивановне изначально было тесно в рамках традиционной русистики, и она смело («У меня был врожденный недостаток – я не умела бояться» [6. С. 414]) обратилась к новому направлению – математической лингвистике. В сотрудничестве с самой первой в Сибири Томской сибиреведческой научной школой Майя Ивановна со свойственной ей языковой интуицией организовала новаторскую плодотворную работу по изучению языков коренных народов Сибири [6. С. 418]. Во всех названных областях языкознания она добилась фундаментальных результатов, отраженных в более чем 300 трудах. Под научным руководством М.И. Черемисиной защищено 50 кандидатских и семь докторских диссертаций.

В приложении составители поместили две статьи из научного архива М.И. Черемисиной: «Новосибирская лингвистическая сибиреведческая школа» и «О деятельности кафедры языков и фольклора народов Сибири Новосибирского госуниверситета», имеющие основополагающее историографическое значение для характеристики гуманитарных научных школ в СО РАН. Немало теплых слов посвятила Майя Ивановна своим коллегам А.П. Дульзону, В.А. Белошапковой,

Е.И. Убрятовой, М.В. Неделеяеву, В.А. Аврорину, Е.П. Лебедевой, Н.Н. Широковой и др., отдельные очерки – К.А. Тимофееву и А.Б. Соктоеву.

Рассматриваемая монография убеждает в том, что наследие лидеров академической науки выходит за рамки научного вклада. Не менее важна экзистенциальная часть наследия, которая передается в качестве реализованной модели поведения в историческом контексте. Эта сторона наследия раскрывается в персональных биографиях ученых, научных и личных архивах, воспоминаниях. Изучение названных источников реализует современные методологические парадигмы, выраженные в сочетании экстерналистского и интерналистского подходов [11. С. 8] к изучению истории науки через персональные истории ее акторов, когда объектом научной рефлексии становятся духовный мир ученого, опыт его жизни, личностные ценности, представления о смысле научной деятельности. В этом ракурсе монография является ценным историческим источником для детализации узловых моментов исто-

рии страны, изучения эволюции гендерного аспекта служения науке в процессе реализации проекта создания Сибирского отделения АН СССР / РАН, развития гуманитаристики в Сибири.

М.И. Черемисина оставила яркий след в науке и научном сообществе [12]. Л.М. Горелова отмечала: «Майя Ивановна была человеком увлекающимся и способным увлекать людей, – харизматичность ее была удивительна. Она всех вокруг заряжала творческой энергией, и, хотя никогда ни на кого не давила, сила ее убеждения была потрясающая... Она была центром притяжения сибирской (и не только) научной публики» [13. С. 12, 16].

Нет сомнения, что книга ее воспоминаний станет столь же ярким библиографическим событием в научном мире, будет востребована как исторический источник, послужит утверждению общественно значимого глобального тренда усиления влияния гуманитарного образования и гуманитарных наук, гуманизации социально-политического дискурса в целом.

Примечание

¹ А.А. Озонова – кандидат филологических наук, коллега М.И. Черемисиной в Институте филологии СО РАН; Е.В. Шиплюк – внучка М.И. Черемисиной.

Список источников

1. Матханова Н.П. Новый историографический источник: мемуары сибирских историков послевоенного поколения. Рецензия: Зиновьев В.П. Не подводя итогов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. 164 с., ил.; Бойко В.П. Воспоминания о селе Богородское и моей жизни. Томск: Изд-во Том. гос. арх.-строит. ун-та, 2021. 212 с., ил. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 204–207.
2. Репина Л.П. Память и наследие в «крестовом походе» против истории или рождение «мемориальной парадигмы» // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 6–16.
3. Карабущенко П.Л. Научная элита в контексте ее исторического развития // Вопросы элитологии : философия, культура, политика. Астрахань, 2019. С. 178–188.
4. Заславская Т.И. Избранное. М. : Экономика, 2007. Т. 3: Моя жизнь: воспоминания и размышления. 764 с.
5. Савелова О.А., Крайнева И.А. Электронный архив сестер Карповых: история научной династии // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 1–10. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-02.pdf>
6. Черемисина М.И. Мои воспоминания / ред.-сост. А.А. Озонова, Е.В. Шиплюк. Новосибирск: СО РАН, 2020. 439 с.
7. Сидорякина Т.А. Жена профессора как актер субкультуры научного сообщества начала XX века // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 3. С. 215–223.
8. Открытый архив СО РАН. Фонд Т.И. Заславской-М.И. Черемисиной. Дневники членов семьи. Дневники М.И. Черемисиной. Записки для потомков. 1976.10. http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshml?id=Xu2_pavl_636941295668285395_1308&cid=Z2_0001_0473
9. Прияткина А.Ф. Черемисинское братство // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Филология. 2004. № 4. С. 3–5.
10. Пушкарева Н.Л. Влияние научных занятий на семейную жизнь женщин-ученых // Традиции, культура и трансформация семейных ценностей. М. : Ритм, 2021. С. 74–82.
11. Крайнева И.А., Куперштох Н.А. Основные подходы к изучению научного наследия выдающихся ученых новосибирского научного центра // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3, № 1. С. 7–13.
12. Чугунцова А.Н. Майя Ивановна Черемисина: памяти Учителя // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 3 (27). С. 72–78.
13. Горелова Л.М. Майя Ивановна Черемисина // Предложение как единица языка и речи : материалы Всерос. науч. симпозиума с международным участием, посвящ. 95-летию со дня рождения М.И. Черемисиной. Новосибирск : Академиздат, 2019. С. 12–20.

References

1. Matkhanova, N.P. (2022) The New Historiographical Source: Memoirs of Siberian Historians of the Post-War Generation. Review: Zinoviev V.P. Without Summing Up. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2019. 164 p., ill.; Boyko V.P. Memories of the Bogorodskoye Village and My Life. Tomsk: Tomsk State University. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 204–207. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/78/26
2. Repina, L.P. (2021) Pamyat' i nasledie v "krestovom pokhode" protiv istorii ili rozhdenie "memorial'noy paradigmy" [Memory and heritage in the "crusade" against history, or the birth of the "memorial paradigm"]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2(71). pp. 6–16.
3. Karabushchenko, P.L. (2019) Nauchnaya elita v kontekste ee istoricheskogo razvitiya [Academic elite in the context of its historical development]. In: *Voprosy elitologii: filosofiya, kul'tura, politika* [Issues of Elitology: Philosophy, Culture, Politics]. Astrakhan: [s.n.]. pp. 178–188.
4. Zaslavskaya, T.I. (2007) *Izbrannoe* [Selected Works]. Vol. 3. Moscow: Ekonomika.
5. Savelova, O.A. & Krayneva, I.A. (2021) Elektronnyy arkhiv sester Karpovykh: istoriya nauchnoy dinastii [Electronic Archive of the Karpov Sisters: History of the Scientific Dynasty]. *Istoricheskiy kur'er*. 2(16). pp. 1–10. [Online] Available from: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-02.pdf>
6. Cheremisina, M.I. (2020) *Moi vospominaniya* [My memories]. Novosibirsk: SB RAS.
7. Sidoryakina, T.A. (2011) Zhena professora kak aktor subkul'tury nauchnogo soobshchestva nachala XX veka [Professor's wife as an actor in the subculture of the scientific community at the beginning of the 20th century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 153(3). pp. 215–223.

8. Open Archive of the SB RAS. (n.d.) *Fond T.I. Zaslavskoy-M.I. Cheremisinoy. Dnevnikhi chlenov sem'i. Dnevnikhi M.I. Cheremisinoy. Zapiski dlya potomkov. 1976.10* [The T.I. Zaslavskaya-M.I. Cheremisina Fund. Diaries of family members. Diaries of M.I. Cheremisina. Notes for posterity. 1976.10]. [Online] Available from: http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu2_pavl_636941295668285395_1308&eid=Z2_0001_0473
9. Priyatkina, A.F. (2004) Cheremisinskoe bratstvo [The Cheremisin brotherhood]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Ser. Filologiya*. 4. pp. 3–5.
10. Pushkareva, N.L. (2021) Vliyanie nauchnykh zanyatiy na semeynuyu zhizn' zhenshin-uchenykh [The influence of scientific studies on the family life of women scientists]. In: *Traditsii, kul'tura i transformatsiya semeynykh tsennostey* [Traditions, Culture and Transformation of Family Values]. Moscow: Ritm. pp. 74–82.
11. Krayneva, I.A. & Kupershtokh, N.A. (2019) Osnovnye podkhody k izucheniyu nauchnogo naslediya vydayushchikhsya uchenykh novosibirskogo nauchnogo tsentra [Basic approaches to the study of the scientific heritage of outstanding scientists of the Novosibirsk Scientific Center]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 3(1). pp. 7–13.
12. Chugunekova, A.N. (2020) Maya Ivanovna Cheremisina: pamyati Uchitelya [Maya Ivanovna Cheremisina: In memory of the Teacher]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. 3(27). pp. 72–78.
13. Gorelova, L.M. (2019) Maya Ivanovna Cheremisina. *Predlozhenie kak edinitsa yazyka i rechi* [Proposal as a Unit of Language and Speech]. Proc. of the symposium. Novosibirsk: Akademizdat. pp. 12–20.

Сведения об авторе:

Запорожченко Галина Михайловна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: galinakoop@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zaporozhchenko Galina M. – Doctor of Sciences (History), Senior Researcher of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: galinakoop@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 11.01.2023; accepted for publication 22.05.2023

Рецензия

УДК 94(47+57)“1917/1918”

doi: 10.17223/19988613/83/27

Новая книга о Гражданской войне в России. Рецензия: Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года) / науч. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Владимир Даль, 2021. 813 с.

Николай Семёнович Ларьков

Томский государственный университет, Томск, Россия, larkov@mail.tsu.ru

Аннотация. Анализируется монография доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета А.С. Пученкова, посвященная начальному этапу Гражданской войны на Юге России. Охарактеризованы структура и общее содержание книги, в центре которой – зарождение и становление Добровольческой армии, ее походы и сражения с советскими вооруженными формированиями, политическая и идеологическая составляющие Белого движения. Дана оценка использованной автором методологии, источниковой базы и наиболее значимых результатов исследования.

Ключевые слова: А.С. Пученков, монография, Гражданская война, Юг России, Добровольческая армия

Для цитирования: Ларьков Н.С. Новая книга о Гражданской войне в России. Рецензия: Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года) / Науч. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Владимир Даль, 2021. 813 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 205–209. doi: 10.17223/19988613/83/27

Review

The New Book about the Civil War in Russia. Review: Puchenkov A.S. The First Year of the Volunteer Army: From the Emergence of the Alekseev's Organization to the forming of the Armed Forces of South Russia (November, 1917 – December, 1918) / academic editor N.N. Smirnov. SPb.: Vladimir Dal, 2021. 813 p.

Nikolay S. Larkov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, larkov@mail.tsu.ru

Abstract. This review is dedicated to the monograph of A.S. Puchenkov, the doctor of historical sciences, the professor of St. Petersburg University. The monograph reveals the emergence and development of the Volunteer Army – the main anti-Bolsheviks armed organization in Southern Russia in November, 1917, – December, 1918. The book contains four chapters and 11 paragraphs, structured problematically and chronologically. The author of the review evaluates the comprehensive and wide range of the primary sources that were used by A.S. Puchenkov: published and archival records, periodical press, memoirs. The reviewer agrees with A.S. Puchenkov's characteristic of the Volunteer Army as the complicated historical entity, and believes that it should be viewed within the systems paradigm. Professor Puchenkov gives the holistic analysis to military, political, ideological parts of this phenomenon. The main findings of the monograph are the following: the detailed viewing of various aspects of the force development, military campaigns, and battles of the Army; the in-depth analysis of the political micro-climate in the Volunteer Army, and political appeals of the White movement, its social basis, the relations between Volunteers and Kazaks, the entanglements in the foreign policy of anti-Bolsheviks; the particular attention to the personal factor in the climate of the Civil War. Puchenkov skillfully combines colorful descriptions of lives of the main actors of the “troubles” in Southern Russia and gives thorough characteristic of their ideological and political beliefs, personal features, and the relations with others. A.S. Puchenkov reconsiders the views of the Soviet historians; he also argues that the evaluations of these events in the publications of some modern historians from Russia and other countries are opinionated and one-sided as well. His writing style is scientific but many quotations from the memoirs of the participants of the Civil War make the book understandable for general public. Through his thorough research of the first year of the Volunteer army, A.S. Puchenkov showed the good and the bad in the history of the White Movement in the South of Russia, and he presents the strong grounds for his main assumption that there was a direct connection between the events of 1917–1918 and the forthcoming defeat of anti-Bolsheviks in the Civil War.

Keywords: A.S. Puchenkov, monography, Civil War in Russia, Southern of Russia, Volunteer Army

For citation: Larkov, N.S. (2023) The New Book about the Civil War in Russia. Review: Puchenkov A.S. The First Year of the Volunteer Army: From the Emergence of the Alekseev's Organization to the forming of the Armed Forces of South Russia (November, 1917 – December, 1918) / academic editor N.N. Smirnov. SPb.: Vladimir Dal, 2021. 813 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 205–209. doi: 10.17223/19988613/83/27

В советской историографии тема Гражданской войны в России была одной из приоритетных. В последние три десятилетия она получила второе дыхание, прежде всего за счет углубленного изучения истории антибольшевистского лагеря. В рамках расширившегося проблемного поля исследований активизировалось внимание авторов к периоду возникновения и развития антисоветских военно-политических образований, уже в зародышевом состоянии которых обозначились их сильные и слабые стороны, оказавшие существенное влияние на дальнейший ход и исход Гражданской войны. Подтверждение тому – монография петербургского профессора Александра Сергеевича Пученкова, одного из наиболее плодотворно исследующих историю Гражданской войны отечественных историков. Книга посвящена зарождению и становлению Добровольческой армии – основного антибольшевистского вооруженного формирования на Юге России. Первый вариант книги, по словам самого автора, был подготовлен еще в 2006 г. Однако прежде чем увидеть свет она на протяжении полутора десятков лет продолжала пополняться фактическим материалом и совершенствоваться в теоретическом отношении одновременно с работой автора над докторской диссертацией, защищенной в 2014 г.

Свое повествование, охватившее 14-месячный исторический отрезок, автор логично разделил на 4 главы, состоящие в общей сложности из 11 параграфов. В первой, самой большой по объему, главе «Зарождение Белого движения на Юге России» на 247 страницах А.С. Пученков детально исследовал предпосылки появления в начале ноября 1917 г. зародыша Добровольческой армии в виде «Алексеевской организации», благодаря усилиям бывшего Верховного главнокомандующего Русской армии генерала М.В. Алексева, перебравшегося из Петрограда в Новочеркасск. Показано значение в ее укреплении так называемого «Быховского этапа Белого движения». В четырех параграфах этой главы охарактеризованы организационные и финансовые трудности «Алексеевской организации», получившей с конца декабря 1917 г. наименование Добровольческой армии, проблемы ее комплектования, непростые взаимоотношения с донским казачеством, ее участие в первых боях с большевистскими вооруженными формированиями. Отдельный параграф отведен созданию в декабре 1917 г. и непродолжительной деятельности Донского гражданского совета.

Вторая глава посвящена Первому Кубанскому «Ледяному» походу Добровольческой армии, начавшемуся в ночь на 10 (23) февраля 1918 г. из окруженного большевистскими формированиями Ростова. Этот восьмидесятидневный поход трех с половиной тысяч добровольцев, сопровождавшийся непрерывными боями, и его кульминация – штурм Екатеринодара и гибель командующего армией генерала Корнилова – подробно

охарактеризованы как отчаянная борьба за выживание Белого движения на Юге России. Критически оценивая результаты похода советскими, зарубежными и современными российскими исследователями, А.С. Пученков сделал вывод, что его главным итогом было сохранение армии, превратившейся в этом походе «в политическую силу, своеобразный военно-профессиональный и идеологический монолит» (С. 478).

Третья глава охватывает историю Добровольческой армии от момента гибели генерала Корнилова 31 марта (13 апреля) 1918 г. до создания Вооруженных Сил на Юге России. Здесь автор акцентировал внимание на двух сюжетах, оказавших значительное влияние на существование армии. Во-первых, это «практически неизученный», по словам автора, вопрос об отношениях между Добровольческой армией и центральными державами, захватившими в 1918 г. обширные области Юга России. Во-вторых, вопрос о взаимоотношениях Добровольческой армии и донского казачества, восстание которого наряду с германской оккупацией способствовало спасению армии и успешному продолжению ее борьбы с большевистскими формированиями. Много внимания в этой главе уделено также характеристике сложного, неоднозначного политического микроклимата в рядах Добровольческой армии.

Заканчивается монография главой, посвященной разгрому советских вооруженных сил на Северном Кавказе. Здесь в центре внимания автора Второй Кубанский поход Добровольческой армии, начавшийся 9–10 (22–23) июня 1918 г. и сыгравший исключительную роль в утверждении Белого движения как значимой антибольшевистской силы. После кровопролитных сражений добровольцами были захвачены Екатеринодар, Новороссийск, Ставрополь. Отмечено, что в этот период армия стала переходить от добровольческого принципа комплектования к принудительному пополнению своих рядов вследствие больших потерь и необходимости решения более масштабных военно-политических задач. В завершение главы рассмотрено начало деятельности созданного в августе 1918 г. при Верховном руководителе Добровольческой армии Особого Совещания, охарактеризованного автором как «законосовещательный орган при военном диктаторе», выполнявший «функции, сходные с правительственными» (С. 771, 781).

Из названия монографии неискушенный читатель может вынести первоначальное суждение, что ее содержание сводится лишь к военной составляющей истории Добровольческой армии – военному строительству, снабжению, боям и походам. Разумеется, эти сюжеты в полной мере представлены на страницах книги. Однако в гражданских войнах не менее важную роль играют политическая, идеологическая составляющие. Российская Гражданская война – это вооруженная борьба за власть, которую вели между собой неле-

гитимные военно-политические структуры, государственные образования, располагавшие определенной социальной базой и вооруженными формированиями. Добровольческая армия представляла собой сложное военно-политическое явление, постичь которое возможно только в рамках системной парадигмы, с учетом всех составляющих, всех сторон этого своеобразного феномена. Отсюда – изначально заявленный и профессионально примененный автором комплексный подход, в решающей степени обеспечивший успех проведенной работы.

Свое исследование А.С. Пученков обозначил как «первое приближение в решении сложной исторической проблемы», как «очередную попытку протоптать дорогу в постижении неисчерпаемой темы Гражданской войны... попытку выйти из историографического предполя к каким-то серьезным историческим обобщениям, а главное – как приглашение к диалогу» (С. 63). В качестве приоритетных вопросов наряду с военной проблематикой автор выделил комплексное исследование особенностей функционирования антибольшевистских политических режимов Юга России в первый год существования Добровольческой армии, их политического лица, идеологической составляющей, степени взаимодействия друг с другом, конфликтной составляющей, присутствовавшей между ними, личностного фактора в годы Гражданской войны, а также причин поражения Советской власти на Юге России в 1918 г. (С. 48). В процессе историографического анализа имеющейся литературы по теме, а также в ходе исследования автор расширил и конкретизировал спектр вопросов, нуждающихся, по его мнению, в углубленном изучении.

Значительное внимание А.С. Пученкова привлекли усилия руководителей Добровольческой армии по выработке политических лозунгов Белого движения. По его справедливому утверждению, в условиях Гражданской войны аполитичность армии «не могла не быть химерой. Антибольшевизм, по сути своей, уже представлял собой определенную политику» (С. 197). Однако антибольшевизм на том этапе был в состоянии выступать лишь в качестве «суррогата идеологии белых». «Базовым лозунгом движения» был обозначен патристический лозунг «Единой, Великой и Неделимой России». Полемизируя с В.И. Голдиным относительно значимости выдвинутого белыми лозунга «непредрешенчества», А.С. Пученков пришел к выводу о том, что этот лозунг вкуче с «отказом вождей армии от выдвижения своего политического лица позволяли вплоть до осени 1919 г. расширять социальные рамки Белого движения» (С. 780). В то же время он не переоценивает подобную тактику: «...Гражданской войны как явления белые не понимали, а значение идеологической борьбы, иначе говоря, *борьбы идей*, в противостоянии с большевиками по меньшей мере недооценивали. В этом заключалась одна из главных причин итогового поражения Вооруженных Сил на Юге России в борьбе с большевиками» (С. 784).

В Гражданской войне, как известно, важнейшую роль играла социальная база противоборствующих сил. Руководство Добровольческой армии, состоявшей

на первых порах почти исключительно из офицеров, вполне естественно стремилось к ее расширению. Большие надежды связывались, прежде всего, с казачеством. Отношениям добровольцев и казачества посвящены многие страницы книги с констатацией, что этот «сюжет очень сложный». Соглашаясь с Р.Г. Гагкуевым и А.В. Ганиным относительно роли антисоветских казачьих восстаний в 1918 г. на Тамани и Дону, способствовавших выживанию Добровольческой армии, автор обращает внимание на то, что казачество отнюдь не горело желанием втягиваться в гражданскую войну. Однако в целом ставка М.В. Алексеева «на Дон как на будущий антибольшевистский форпост оказалась верной», и в конце 1918 г. оформился тандем офицерства и казачества в виде Вооруженных Сил на Юге России (С. 779). Тем не менее, по мнению автора, «вожди Добровольческой армии в массе своей казачества и его специфических обычаев не понимали и не принимали, рассматривая казаков в общем-то функционально» (С. 397). В итоге А.С. Пученков приходит к вполне обоснованному выводу, что ни в хронологических границах своего исследования, ни впоследствии, в 1919 г., несмотря на расширение социальных рамок Белого движения, собрать «всенародного ополчения» против большевизма на Юге России так и не удалось (С. 773).

Много внимания в монографии уделено вопросу о внешнеполитической ориентации противников большевизма. При этом попутно А.С. Пученков замечает, что было бы «правильнее разделять понятия, а именно: следует говорить о германской оккупации и об интервенции союзников, а не смешивать эти понятия» (С. 481, примечание). Добровольческая армия, не приемля заключенный большевиками Брестский мир, «продолжала считать себя находящейся в состоянии войны с немцами». Однако, не имея возможностей для вооруженной борьбы с оккупантами, она вынуждена была соблюдать выгодный для нее в тех условиях «вооруженный нейтралитет» (С. 544–549). Совершенно иными были отношения с интервентами. А.С. Пученков утвердительно и доказательно отвечает на изначально поставленный им вопрос: «Оправдана ли была ставка на масштабную помощь со стороны Антанты?» Вместе с тем он отмечает «свокорыстие политики союзников» по отношению к России в годы Гражданской войны (С. 153), присущую им «политическую недалекость», «недостаток мудрости», стремление восстановить убытки за чужой счет (С. 163–164).

К числу достоинств монографии следует отнести повышенное внимание к личностному фактору в условиях Гражданской войны. Причем особенностью авторского подхода является не просто наполнение своего повествования многочисленными именами действующих исторических персонажей, но стремление дать обстоятельную характеристику их идейно-политических взглядов, черт характера, взаимоотношений с окружающими лицами. На страницах книги перед читателями предстает целый ряд органично вписанных в исторический контекст многостраничных биографических зарисовок наиболее значимых деятелей южнорусской «смуты». Главное внимание, вполне естественно, уделено во-

ждям Белого движения на Юге России, руководителям Добровольческой армии Л.Г. Корнилову, М.В. Алексею, А.И. Деникину. Достаточно сказать, что имена Алексея и Корнилова упоминаются в среднем на каждой третьей странице книги, а Деникина – на каждой второй. Удостоились подобных зарисовок также наиболее талантливые и харизматичные белогвардейские командиры – М.Г. Дроздовский (С. 453–467), А.М. Каледин (С. 102–107), С.Л. Марков (С. 385–389), И.П. Романовский (С. 632–638) и некоторые другие. Не обойдены авторским вниманием и такие персонажи, как известный в революционную эпоху социалист-революционер Б.В. Савинков, Главнокомандующий Красных войск Северного Кавказа И.Л. Сорокин. Так, Б.В. Савинкову и его кратковременному пребыванию на Дону, его сложным отношениям с руководителями Добровольческой армии посвящено полтора десятка страниц (С. 235–249), а красному командиру И.Л. Сорокину и того больше (С. 662–671, 686–703). Потерю последнего для красных А.С. Пученков посчитал сопоставимой с потерей для белых Корнилова и Маркова (С. 777).

По мнению автора, вожди Добровольческой армии, будучи «политиками поневоле», в первый год Гражданской войны «не просто не проявили своего пресловутого дилетантизма в политике, а, напротив, выказали в ней исключительное искусство, превосходно ориентируясь в сложнейшем водовороте многочисленных политических течений» (с. 775). Характеризуя этих руководителей как сложных личностей, А.С. Пученков оценивает их деятельность, взаимоотношения между собой далеко не однозначно, используя в том числе современную лексику (например: Корнилов и Алексей были «в какой-то мере запрограммированы на конфликт» (С. 231). Сравнивая лидерские качества руководителей Белого движения периода Гражданской войны с фигурой В.И. Ленина у красных, автор констатирует, что «по-настоящему авторитетных вождей» в своей среде это движение не имело. В результате в ходе противостояния с красными белые выступали в роли «всадника без головы». «Не в этом ли одна из причин их поражения в Гражданской войне?», – задается вопросом автор (С. 586).

Постоянно демонстрируя стремление рассматривать Гражданскую войну как исключительно сложное явление, А.С. Пученков в полемике с некоторыми другими авторами обращает внимание на излишнюю порой категоричность их суждений, односторонность в оценках тех или иных событий. В частности, он не разделяет мнения В.П. Булдакова о том, что «белое офицерство являло собой мстительно-истероидный тип борьбы, в котором высокое самопожертвование (суицидальное по своей глубинной природе) соседствовало с разгулом низменных страстей». «Представляется, – справедливо отмечает А.С. Пученков, – что Белое движение – настолько крупное явление в истории России, что к нему вряд ли можно применять какие-то широкие обобщения или пытаться свести его к единому знаменателю» (С. 346, примечание). Упрощенным он считает и вывод историка В.Б. Лобанова, полагающего, что «вся политика П.Н. Краснова прямо или косвенно была направлена на ослабление сил

А.И. Деникина». В действительности, по мнению А.С. Пученкова, обстановка на Дону была сложнее и запутаннее (С. 565). Не прошли мимо авторского внимания также и некоторые упрощенные суждения зарубежных исследователей, в частности американского историка П. Кенеза. Вполне предсказуемо в монографии критически переосмыслены многие выводы историков советского периода.

Вместе с тем порой и сам автор допускает суждения, уязвимые для критики. В частности, вряд ли можно в полной мере согласиться с его утверждением о том, что российская Гражданская война – «бессмысленная» (С. 298). Сущность и глубинный смысл этой войны как вооруженной борьбы за власть осознавали не только военно-политические руководители, но и достаточно широкие круги участников, прежде всего добровольцы противоборствующих лагерей, в том числе и преимущественно офицерский состав Добровольческой армии. Такого осознания не были лишены даже участники массового партизанского движения периода Гражданской войны. Другое дело, что глубинные смыслы на поверхности военного и идейно-политического противостояния сплошь и рядом маскировались расплывчатыми политическими лозунгами, выступали в суррогатных политических и идеологических формах, утопали в популизме, ускользая от их понимания значительной массой населения, которое настойчиво втягивалось в братоубийственную войну властвующими элитами обоих лагерей. Вдобавок по мере эскалации борьбы за власть эта борьба отягощалась крайне жестокими средствами и методами ее ведения, включая красный и белый террор, многочисленные факты которого приведены на страницах монографии. Анализируя его причины, А.С. Пученков констатирует, что в условиях «жесткой и подлой» (С. 298) Гражданской войны «белые и красные в своей проповеди насилия и террора мало чем отличались друг от друга» (С. 661).

Свое исследование А.С. Пученков назвал «очерком», книгой, «обращенной к массовому читателю» (С. 61). Этим обусловлен выбранный им научный стиль изложения – не строго академический и не научно-популярный, но вполне доступный читателю, интересующемуся историей российской Гражданской войны. Автор, по его признанию, «абсолютно сознательно» прибегнул к такому приему, как использование пространных цитат, прежде всего из мемуаров непосредственных участников Гражданской войны, подчеркнув при этом, что многие из них прекрасно владели не только боевым оружием, но и пером. Это действительно так. Достаточно обратиться к текстам, например, В.В. Шульгина, А.И. Деникина, Б.В. Савинкова. Подобный прием позволил существенно оживить историческое повествование. Большое количество пространных и ярких цитат дает читателю более объемное и красочное представление о происходивших событиях. При этом А.С. Пученков в целом не переходит грань, за которой таится опасность перенасыщения текста цитатами, способного нанести ущерб реализации авторского замысла.

Исследование А.С. Пученкова базируется на обширном и разнообразном комплексе источников, ос-

нову которого составили опубликованные и архивные документы, периодическая печать, воспоминания. Причем основная масса документов, хранящихся в российских и зарубежных архивах (в частности, материалы Бахметевского архива Колумбийского университета), в большинстве своем ранее не использовались историками. Здесь нелишне заметить, что автору, как и многим другим исследователям истории Гражданской войны в России, также пришлось столкнуться с нехваткой источников. В частности, из-за угрозы захвата красными в феврале 1918 г. были сожжены документы архива штаба Добровольческой армии (С. 305), что осложнило реконструкцию начального этапа истории Белого движения в регионе.

Своим скрупулезным исследованием А.С. Пученков показал, что «первый год Добровольческой армии стал для нее в значительной степени определяющим – все лучшее и все худшее, что продемонстрировало истории южнорусское Белое движение, можно увидеть в этот небольшой отрезок времени – от ноября 1917 до декабря 1918 г.» (С. 62). С одной стороны, налицо бы-

ли впечатляющие успехи белых, потребовавшие в следующем 1919 г. от Советской республики огромного напряжения сил для отражения похода на Москву вооруженных формирований под командованием генерала Деникина. С другой стороны, комплекс проблем, обозначившихся с первых дней Белого движения на Юге России, оказал негативное влияние на исход деникинского наступления на столицу. В связи с этим нельзя не согласиться с одним из основных выводов автора о прямой взаимосвязи между событиями 1917–1918 гг. и грядущим поражением белых.

В заключение остается отметить, что рецензия далеко не исчерпывает всего многообразия рассмотренных в монографии сюжетов и решаемых ее автором научных проблем и задач. Качественно проведенное А.С. Пученковым системное исследование истории Добровольческой армии, представляющее собой своеобразную «анатомию» южнорусского Белого движения конца 1917 – 1918 г., является значимым вкладом в постижение непростой темы Гражданской войны в России.

Сведения об авторе:

Ларьков Николай Семёнович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: larkov@mail.tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Larkov Nikolay S. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Documentation of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: larkov@mail.tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.03.2023; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 12.03.2023; accepted for publication 22.05.2023

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2023 № 83

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 30.06.2023 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 26,5. Усл. печ. л. 24,6. Тираж 50 экз. Заказ № 5527. Цена свободная.

Дата выхода в свет 20.07.2023 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)-53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)-52-96-67
Факс 8(382-2)-52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-67
Fax: 8(382-2)-52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru